Андре Моруа

История Англии

АНДРЕ МОРУА

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

МОСКВА

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)
М80

Перевод с французского Леонида Ефимова

Оформление обложки Валерия Гореликова

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-08731-6

От автора

В конце этого труда читатель найдет список книг, к которым я постоянно обращался. Уже достаточно длинный сам по себе, он, разумеется, слишком короток для того, чтобы послужить хотя бы наброском библиографии на подобную тему. Отсутствие же некоторых ссылок объясняется не столько неблагоприятным суждением о книгах, сколько необходимостью строгого отбора.

Было невозможно рассказать в одном-единственном томе вместе с историей Англии ни историю Шотландии, ни историю Ирландии. Отношения между этими тремя странами описывались всякий раз, когда это было необходимо, но самым кратким образом. По тем же причинам история Британской империи излагается здесь лишь применительно к внутренней истории Англии.

Я должен горячо поблагодарить мистера Джаджиза, преподавателя Лондонского университета, пожелавшего прочитать корректуру моего труда и сделать замечания по многим пунктам, которые я учел. И наконец, мой переводчик и друг Хемиш Милз был и по-прежнему остается для меня самым ценным из советчиков.

А. М.

Посвящается Симоне

Содержание

От автора 5

Книга первая. ИСТОКИ

I. Положение Англии 13
II. Первые следы человека 16
III. Кельты 19
IV. Римское завоевание 25
V. Конец римской Англии 31
VI. Англы, юты и саксы 36
VII. Обращение в христианство 42
VIII. Христианство и германизм в Англии 47
IX. Вторжения данов и их последствия 51
X. От короля Альфреда до короля Кнута 57
XI. Нормандское завоевание 63

Книга вторая. ФРАНЦУЗСКИЕ КОРОЛИ

I. Последствия нормандского завоевания. Централизованная власть 75
II. Последствия нормандского завоевания. Феодализм и экономическая жизнь 83
III. Сыновья Завоевателя 91
IV. Анархия. Генрих II. Конфликт с Томасом Бекетом 98
V. Генрих II — администратор. Юстиция и полиция 105
VI. Сыновья Генриха II. Смерть короля. Ричард Львиное Сердце. Крестовый поход и плен. Иоанн Безземельный 110
VII. Великая хартия вольностей 116
VIII. Сообщества: 1) города и корпорации 121
IX. Сообщества: 2) университеты 128
X. Сообщества: 3) нищенствующие монахи 133
XI. Генрих III и Симон де Монфор 137

Книга третья. ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК ФЕОДАЛИЗМА (1272–1485)

I. Эдуард I (1272–1307). Законодательные реформы. Внутренняя администрация . . . 147
II. Происхождение и становление парламента . . . 152
III. Эдуард I и кельты. Завоевание Уэльса. Неудача в Шотландии. Эдуард II . . . 156
IV. Столетняя война (первая половина) . . . 162
V. «Черная смерть» и ее последствия . . . 168
VI. Первые английские капиталисты . . . 173
VII. Неурядицы в Церкви . . . 176
VIII. Крестьянское восстание (1381) . . . 182
IX. Вторая половина Столетней войны. Ричард II, Генрих IV, Генрих V, Генрих VI. Англичане за пределами Франции . . . 189
X. Война Алой и Белой розы . . . 196
XI. Англия в конце Средних веков . . . 202

Книга четвертая. ТЮДОРЫ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО МОНАРХИИ

I. Генрих VII . . . 211
II. Местные органы управления во времена Тюдоров . . . 217
III. Английские реформаторы . . . 222
IV. Генрих VIII (1509–1547) . . . 226
V. Церковный раскол и гонения на несогласных . . . 233
VI. Эдуард VI, или Протестантская реакция . . . 240
VII. Мария Тюдор, или Католическая реакция . . . 245
VIII. Елизавета и англиканский компромисс . . . 251
IX. Елизавета и море . . . 259
X. Елизавета и Мария Стюарт . . . 268
XI. Англия в Елизаветинскую эпоху . . . 276
XII. Заключение . . . 283

Книга пятая. ТОРЖЕСТВО ПАРЛАМЕНТА

I. Яков I Стюарт и религиозная проблема . . . 287
II. Первые конфликты короля и парламента . . . 293
III. Бекингем и Карл I . . . 299
IV. Король без парламента . . . 305
V. Долгий парламент . . . 311
VI. Первая гражданская война . . . 318
VII. Армия против парламента . . . 325
VIII. Кромвель у власти . . . 332
IX. Долговременные последствия пуританства . . . 341

X. Реставрация 347
XI. Яков II и «Славная революция» 1688 г. 358
XII. Нравы и идеи Реставрации. Заключение 363

Книга шестая. МОНАРХИЯ И ОЛИГАРХИЯ
I. Голландец на троне 373
II. Времена королевы Анны (1702–1714) 380
III. Время Уолпола 387
IV. Состояние нравов (1700–1750) 398
V. Время Питта 408
VI. Личное правление Георга III. Потеря американских колоний 415
VII. Революция и Империя 426
VIII. Сельскохозяйственно-промышленная революция 438
IX. Сентиментальная революция 446
X. Заключение 455

Книга седьмая. ОТ АРИСТОКРАТИИ К ДЕМОКРАТИИ
I. Послевоенные трудности 461
II. Избирательная реформа 1832 г. 470
III. Победа свободы торговли 479
IV. Внешняя политика Палмерстона 488
V. Викторианская Англия 494
VI. Дизраэли и Гладстон 503
VII. Империя в XIX в. 513
VIII. Закат либерализма 520
IX. Мир на грани войны 528
X. Великая война 537
XI. Между двумя войнами 544
XII. Вторая мировая война 554
XIII. Заключение 560

Генеалогические таблицы 565
Словарь 570
Источники 574
Именной указатель 577

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСТОКИ

I. Положение Англии

1. «Нам всегда надлежит помнить, что мы соседи, но не часть континента». Эти слова Болингброка определяют своеобразное положение Англии. Она так близка к континенту, что с берега Кале видны белые утесы Дувра — вечное искушение для захватчика. Многие тысячелетия она даже соединялась с Европой, а Темза долго впадала в Рейн. Животные, вновь заселившие Англию после ледникового периода, и первые охотники, которые за ними последовали, пришли из Европы по суше. Но каким бы мелким и узким ни был пролив, который по-прежнему отделяет английский остров от Бельгии и Франции, его хватило, чтобы обеспечить этой стране необычную судьбу.

2. «Островная, но отнюдь не изолированная». Европа была слишком близка, чтобы островной характер нравов и представлений англичан не подвергся никаким влияниям. Можно даже сказать, что этот островной характер — явление скорее человеческое, нежели природное. В начале своей истории Англия, как и другие земли, не раз подвергалась нападениям и защищалась очень плохо. Она жила тогда земледелием и скотоводством. Населявшие ее люди были скорее пастухами и крестьянами, нежели купцами и мореходами. Лишь гораздо позже, построив мощный флот, англичане почувствуют себя в безопасности за поясом надежно защищенных боевыми кораблями морей и познают настоящие выгоды своего островного положения, поскольку оно, избавив их от страха вторжений и освободив на несколько веков от военных тягот, которых требовала политика от других народов, позволит им без особого риска опробовать новые формы правления.

3. Благоприятному случаю было угодно, чтобы наиболее легкодостижимой частью Англии была обращенная к Европе равнина в юго-восточной ее части. Если бы поверхность острова имела наклон в другую сторону, если бы кельтские и скандинавские пираты во время своих первых экспедиций обнаружили одни только неприступные скалы, то, возможно, лишь немногие из них отважились бы на вторжение, и тогда история страны была бы совсем иной. Но приливные волны несли суда вглубь широких,

Замковая скала в Долине камней. Линтон и Линмут, Девоншир.
Фотография конца XIX в.

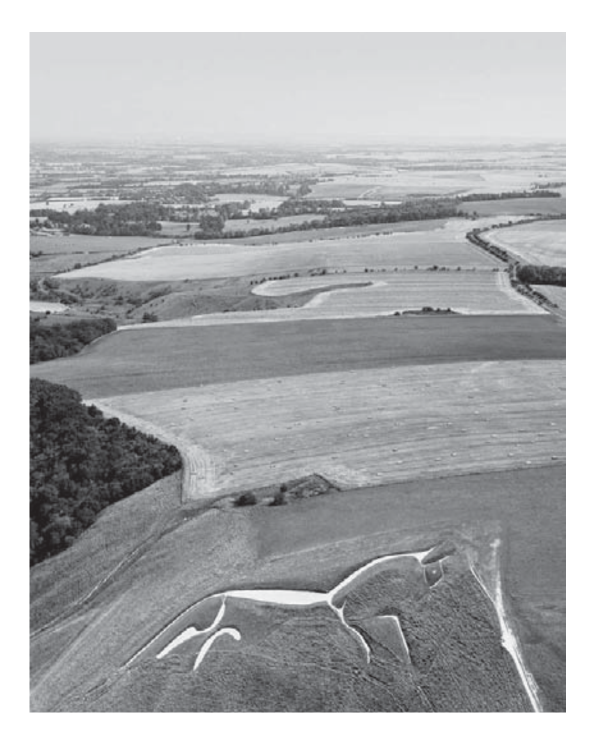
хорошо защищенных от ветра устий; поросшие травой известняковые холмы позволяли обследовать остров, избегая лесов и болот; наконец, климат тут был мягче, чем в других землях тех же широт, поскольку Англию зимой согревают теплые и влажные океанские туманы. Так что все черты этого побережья были просто созданы для того, чтобы поощрить завоевателя, который стал бы заодно и творцом.

4. Эта столь легкодостижимая Англия расположена прямо напротив границы между двумя историческими областями Франции — Артуа и Французской Фландрией, границы, которая отделяет романские языки от германских (сегодня это французский и фламандский). Так что ей было суждено принимать посланцев и от романско-латинской культуры, и от тевтонской. На протяжении веков эта способность сочетать элементы обеих культур, чтобы претворить их в собственный гений, будет еще одной из ее особых черт. И в этом Англия глубоко отличается от Франции или Италии, где, несмотря на привнесение некоторых германских элементов, всегда преоб-

ладала латинская основа, а также от Германии, для которой латинская культура всегда была лишь украшением, которое подчас с отвращением отбрасывалось. Трижды — в результате римской колонизации, христианизации и нормандского завоевания — Англия соприкоснется с латинским миром, и впечатление, которое он произведет на нее, будет глубоким.

5. Каким бы парадоксальным это ни показалось, но надо заметить, что между XV и XVII в. положение Англии на карте мира изменилось. Для народов Античности и Средних веков эти земли, так часто окутанные туманом, были крайней границей мира. Эта далекая Туле (Фула, Θούλη), магическая и почти нечеловеческая, была очень близка к преисподней. За ее утесами, о которые бились громадные волны Океана, на запад простиралось бесконечное море, а на север — вечные льды. Лишь самые дерзкие отваживались заплывать туда ради золота, жемчуга, а позже шерсти, но как они могли вообразить себе чудесное будущее этих островов? В те времена

Ян Виллем Блау. Карта Британии и Ирландии. Гравюра из Atlas Novus. 1634



Уффингтонская белая лошадь.
Гигантский доисторический рисунок на склоне холма в графстве Оксфордшир. Бронзовый век

всякая человеческая деятельность имела своей прямой или косвенной целью Средиземноморский бассейн. Понадобится мусульманская преграда, открытие Америки и особенно эмиграция пуритан, чтобы сдвинуть торговые пути в сторону этого нового мира и превратить Британские острова в самую передовую морскую базу Европы.

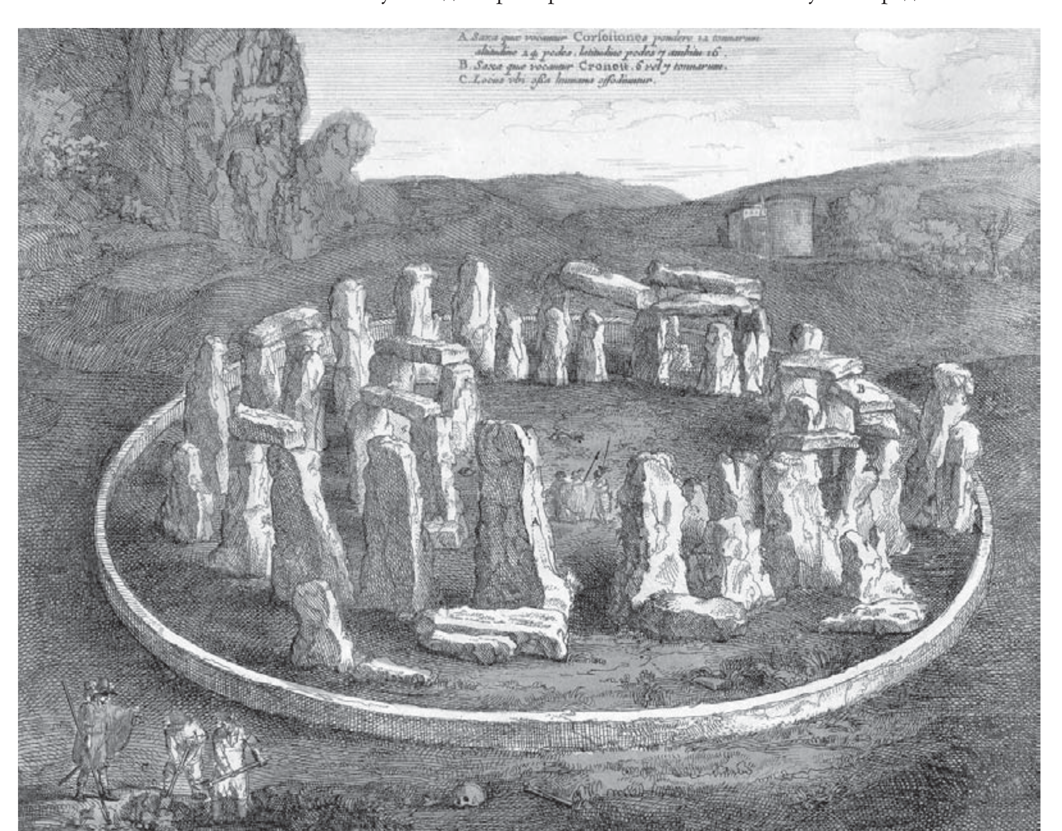
6. Наконец, в XVIII и XIX вв. островное положение позволило Англии, находившейся под защитой своего флота, приобрести больше внутренней свободы, чем имелось тогда у континентальных народов; оно же позволит ей благодаря этому флоту создать мировую империю. Имперская история этой нации частично объясняется ее морским владычеством, решившим проблему национальной обороны, стоявшую перед Англией из-за ее географического положения. А изобретение аэроплана стало для нее самым значительным и самым опасным историческим событием нашего времени.

II. Первые следы человека

1. Первая страница английской истории отнюдь не является белой, как об этом часто писали, скорее она покрыта знаками из многих алфавитов, ключом к которым мы не располагаем. Некоторые части страны, в частности пологие меловые холмы Уилтшира, усеяны монументами, возведенными в доисторические времена. Рядом с деревней Эйвбери можно видеть гигантские следы настоящего мегалитического собора. Более пятисот установленных вертикально камней образуют там круги, к которым ведут огромные подъездные дороги. Вал, окаймленный внутренним, поросшим травой рвом, окружает широкое круглое пространство. С этого вала еще и сегодня виден находящийся

в нескольких сотнях метров огромный курган, который возвышается над равниной. Он наверняка потребовал от безвестного первобытного народа не меньше трудов, веры и силы духа, чем монументы Гизы от древних египтян. На всех окрестных холмах возвышаются покрытые дерном малые курганы неправильной формы, одни овальные, другие круглые, — могилы вождей, в каменных погребальных камерах которых были найдены скелеты, гончарные изделия и украшения. Это поле героев, простые и величественные очертания курганов, вырисовывающиеся на фоне неба, смелые и четкие очертания вала, кругов и подъездных дорог — здесь уже все говорит о выдающейся цивилизации.

2. Похоже, что монументы Эйвбери, святилище Стоунхенджа, курганы Холма Гигантов доказывают существование во втором тысячелетии до Рождества Христова «многочисленного населения, привыкшего объединяться для совместных действий под руководством некоей принятой им



Стоунхендж. Гравюра из атласа Яна Янсониуса. Середина XVII в.

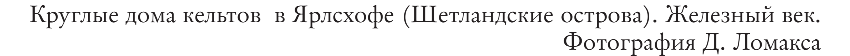
власти». По гребням холмов были проложены грунтовые тропы, служившие дорогами первым обитателям страны. Многие из них сохранили свое значение по сей день, и современный английский автомобилист, как и пастухи, перегонявшие стада в XVIII в., все еще пользуется этими верхними путями, идущими над долинами — ныне плодородными, но когда-то совершенно недоступными для путешественника из-за лесов и болот. Таким образом, в этот окутанный тайной период были намечены некоторые сохранившиеся надолго черты людской географии. Многие капища первобытных народов останутся для их преемников полными очарования достопримечательностями. Уже тогда природа подсказывала местоположение будущих городов. Кентербери был наиболее близкой к побережью остановкой на дороге, откуда было возможно, следуя требованиям приливов и отливов, достичь в удобное время той или иной гавани; Винчестер занимал такое же положение на западе; в Лондоне сохранилось мало следов доисторической жизни, но ему вскоре предстояло стать незаменимым, потому что именно там, в глубине приливного устья Темзы, было самое надежное укрытие, а заодно наиболее близкое к морю место, где через нее можно было перебросить мост.

3. Откуда же пришли эти люди, которые после исчезновения палеолитического человека и окончания ледникового периода заселили Англию, приведя с собой быка, козу и свинью? Скелеты свидетельствуют о двух расах: одной — с удлиненным черепом, другой — с круглым. Раньше утверждалось, что удлиненные черепа находили в овальных могильниках, а круглые — в круглых. Это было удобно, но неточно. К несчастью, длинные черепа были обнаружены и в круглых курганах, так что понадобилось немало интеллектуальной снисходительности, чтобы выделить среди мегалитических памятников Англии две различные цивилизации. Обычно эту первобытную популяцию именуют иберами и полагают, что она прибыла из Испании. Испанская или нет, она несомненно была средиземноморского происхождения. Приехавшего с Мальты путешественника поражают в Стоунхендже общие черты мегалитических памятников этих столь отдаленных друг от друга мест. Без сомнения, в доисторические времена от Средиземноморья до берегов Океана, включая Британские острова, простиралась достаточно однородная цивилизация, подобно тому как позже в средневековой Европе возникнет так называемый христианский мир. Эту цивилизацию принесли в Англию иммигранты, сохранившие связь с континентом благодаря купцам, которые приплывали в Британию за металлами, а в обмен привозили продукты Леванта и янтарь Балтики. Мало-помалу жители островов вслед за жителями материка познакомились с новыми

технологиями: земледелием, строительством длинных судов и плавкой бронзы. Важно представить себе медлительность этого прогресса, занявшего у людей многие века. Тонкая пленка исторических времен покоится на глубоких доисторических пластах, а бесчисленные поколения, от которых не сохранилось других осязаемых или зримых следов, кроме обтесанных и поставленных вертикально камней, дорог и обустроенных источников, оставили человеку в наследство слова, обычаи и приемы, без которых продолжение авантюры было бы немыслимо.

III. Кельты

1. Между VI и IV вв. до Рождества Христова в Англию и Ирландию стали прибывать последовательными волнами воинственные скотоводческие племена, мало-помалу вытеснившие иберов. Эти племена принадлежали к кельтской народности, занимавшей огромные территории в долине Дуная, к северу от Альп и в Галлии. Почему они пустились в путь? Возможно, потому, что пастушеские народы обречены следовать за своими стадами, которых



Круглые дома кельтов в Ярлсхофе (Шетландские острова). Железный век.
Фотография Д. Ломакса

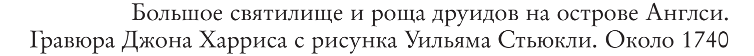
Томас Джеффрис.
Пиктская женщина. Гравюра. 1590

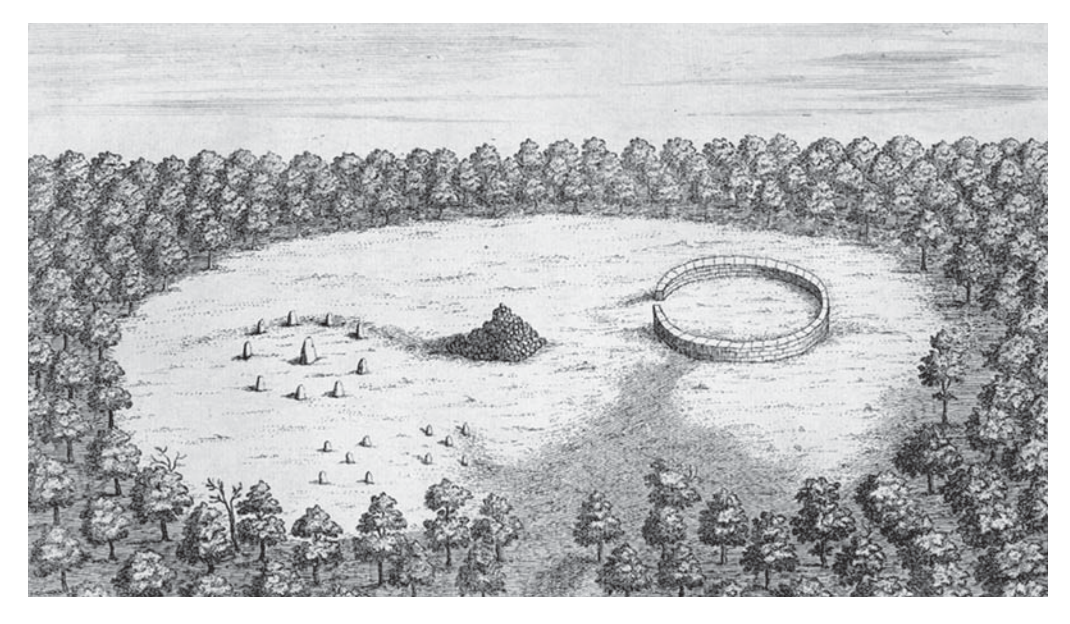
Томас Джеффрис.
Пикт-воин. Гравюра. 1590

голод гонит к новым пастбищам. Без сомнения, к этому примешивались и чисто человеческие причины: авантюрный характер вождя, стремление к завоеваниям, давление более сильного народа. Эти миграции были медленными и продолжительными. Какой-нибудь клан пересекал Ла-Манш и устраивался на берегу моря, затем новый клан изгонял его, и тот отходил немного дальше, в свой черед оттесняя местных жителей. Эти кельтские племена любили войну, даже междоусобную. Их мужчины были высоки и сильны, питались свининой и овсянкой, пили пиво и ловко управляли колесницами. Греческие и латинские писатели описывали кельтов как рослых, белокожих и светловолосых людей с несколько рыхловатым телом. На самом деле среди кельтов было немало темноволосых, так что триумфаторам, чтобы пройти победным маршем по Риму, приходилось отбирать пленников, соответствующих народным представлениям, и даже красить им волосы. Да и сами кельты создали идеальный тип своей расы и старались к нему приблизиться — обесцвечивали себе волосы и красили тело

в пастельные тона, так что римляне позже прозвали шотландских кельтов *Picti*, то есть раскрашенные люди.

2. В этом долгом и медленном кельтском нашествии историки выделяют две основные волны: первую, состоявшую из гойделов, или гэлов, которые дали свой язык, гэльский, Ирландии и шотландскому Хайленду, и вторую, состоявшую из бриттов, или притонов, чей язык стал языком валлийцев и французских бретонцев. В самой Англии из-за германских вторжений кельтские языки позже исчезли. Сохранилось всего несколько слов, относящихся к домашней жизни, уцелевших благодаря кельтским женщинам, которые стали женами завоевателей, например *cradle* (колыбель), да еще топонимы. У названий *avon* (река) и *ox* (вода) — кельтские корни. Похоже, что *Лондон* и латинское *Londinium* тоже восходят к какому-то кельтскому названию, аналогичному названию французской деревни *Лондиньер*. Гораздо позже некоторые кельтские слова были реимпортированы в Англию шотландцами *(klan, plaid, kilt)* и ирландцами *(shamrock, log, gag)*. *Slogan* американской рекламы — это кельтское слово, которое значит «боевой клич». Что касается наименования *Britons* или *Prythons*, то оно означало «Страна татуированных людей». Грек Пифей, приплывший к этим островам в 325 г. до Рождества Христова, дал им название *Бреттания (αι Βρετταναι)*, которое они сохранили почти без изменений.


Большое святилище и роща друидов на острове Англси.
Гравюра Джона Харриса с рисунка Уильяма Стьюкли. Около 1740



Уильям Стьюкли. Британский друид. Гравюра из серии «Стоунхендж». 1724

3. Пифей был греком из Массалии (современный Марсель), математиком и астрономом, которому купеческий синдикат поручил исследовать Атлантику. Именно он первым осветил этот темный регион, где, по мнению людей его времени, проходила граница мира. В этих легендарных краях Пифей нашел относительно цивилизованную страну. Его, уроженца Средиземноморья, удивили приливы и отливы Атлантики; он отметил, что здешний народ возделывал зерновые культуры, но из-за влажности климата был вынужден молотить зерно на закрытом гумне. Бритты, которых он наблюдал, пили забродившую смесь зерен и меда и торговали оловом с галльскими портами на континенте. Через 200 лет другой путешественник, Посидоний, опишет нам сами оловянные рудники и путь, которым слитки доставлялись сначала на спинах ослов или лошадей, а потом на судах до острова Иктис, которым был, вероятно, нынешний Мон-Сен-Мишель. И эта торговля была достаточно значительной, чтобы оправдать хождение золотых монет, которые кельты копировали со *статеров* Филиппа Македонского. Первая отчеканенная в Англии монета изображала голову Аполлона — достаточно хороший символ средиземноморского происхождения этой цивилизации.

4. Лучшим документом, которым мы располагаем об образе жизни кельтов, является свидетельство Цезаря. Каждый город, каждое селение и почти каждый род делился на две части. Влиятельные люди из каждой части оказывали покровительство своим сторонникам. У этих народов не было понятия о государстве, и они не оставили никакого политического наследия. Государство в Англии и Франции — творение латинско-германское. Если бы кельты объединились, они стали бы непобедимы, но вечные распри умаляли значение их отваги и ума. Кельтский клан был не тотемическим, а семейным, что создавало гораздо более крепкие узы, но и являлось препят-

Изделие из серебра с пиктской символикой. До X в.

Бронзовый диск из Дерри. До VII в.

ствием для развития более крупных сообществ. И мы видим, что в кельтских по происхождению странах именно семья осталась ячейкой социальной жизни. У ирландцев, даже у тех из них, кто эмигрировал в Соединенные Штаты, политика остается клановым делом. Со времен Цезаря семейные кланы «имели склонность к эмблемам, гербам, цветам... Так что разноцветные тартаны шотландских кланов тоже, возможно, имеют кельтское происхождение». Согласно Цезарю, жизнь сельскими общинами, которая сыграет столь заметную роль в истории Англии, с полями и пастбищами, находившимися в общем владении, была свойственна скорее германцам. Она совершенно несовместима с кельтской системой противоборствующих группировок, которую он описывает. Впрочем, земледелие для едва оседлых кочевников было гораздо менее важным, нежели охота, рыбная ловля или скотоводство. В Уэльсе вплоть до Средних веков жители переносили свои селения туда, где находили новые территории для выпаса скота, охоты и даже земледелия.

5. Самым почитаемым классом у кельтов были друиды, то есть жрецы. Больше всего похожи на этих друидов индийские брахманы или иранские маги. Многие кельтские верования напоминают Восток. Голодовка, ирландская практика, сравнима с постом индусов *(dharna)*, когда брахман постится у дверей своего противника до тех пор, пока не получит удовлетворения. Во времена Цезаря самых почитаемых друидов можно

Пиктская брошь с острова Св. Ниниана (Шетландские острова). До X в.

Пиктский рельеф с изображением конного воина. X в.

было найти именно в Британии. Каждый год они собирались в некоем месте посреди страны, быть может в Стоунхендже, но их святилищем, их святая святых был остров Мона (Англси). Те из галлов или белгов, кто хотел приобрести углубленные познания, отправлялись на учебу в Британию. Там они запоминали наизусть большое количество стихов со священными наставлениями. Друиды учили, что «смерть является лишь переселением и что жизнь во всем ее многообразии и вместе с ее благами продолжается и в мире мертвых, который представляет собой хранилище незанятых душ... Похоже, что для них запасы душ не ограничиваются родом человеческим и они верят в метампсихоз» — еще одна черта, общая с Востоком.

6. Между кельтами Британии и белгами, жившими по другую сторону Ла-Манша, отношения были тесными и постоянными. Во время римского вторжения британские кельты отправили подмогу своим братьям на континенте. Однако Цезарь заметил, что островные кельты были хуже вооружены, чем кельты в Галлии. Галльские кельты отказались от архаичной боевой колесницы, потому что нашли на южных равнинах достаточно хороших лошадей. Бритты же, не располагавшие лошадьми, способными нести всадника, сражались подобно воинам Гомера и все еще заменяли кавалерию пехотой, которую подвозили к полю боя.

7. После своего поражения как в Британии, так и в Галлии сметливые и ловкие кельты охотно перенимали достижения римской цивилизации. «Именно галльские учителя, получившие образование в друидских школах, дали Галлии ее классическую культуру... Позже, в Средние века, ирландские монахи напомнили Европе о культе греческой и латинской учености». Но кельты были не только хорошими посредниками при передаче чужой культуры. Они и сами имели склонность к искусству и, украшая спиральными орнаментами свое оружие и гончарные изделия, проявляли больше фанта-

зии, чем когда-либо было у римлян. В европейскую литературу они привнесли восточную тягу к таинственности и присущее им драматическое представление о неизбежности. Быть может, именно своими историями о короле Артуре, о Тристане и Изольде кельтский гений оставил особенный след в Европе. В формировании современной Англии кельтские элементы, сохраненные на западе островов, сыграли большую роль; в XX в. мы неоднократно увидим во главе английских правительств и войск шотландцев, валлийцев и ирландцев.

IV. Римское завоевание

1. Слабым народам трудно остаться свободными, если они находятся по соседству с мощной военной державой. После завоевания Галлии следующей естественной целью для военной кампании римлян стала Британия. Цезарь нуждался в победах, чтобы удивлять Рим, и в деньгах, чтобы вознаграждать солдат и своих сторонников. На этих сказочных островах он надеялся найти золото, жемчуг, рабов. Кроме того, он считал полезным устрашить британских кельтов, помогавших континентальным в войне против него. В конце лета 55 г. до Рождества Христова он решил отправиться за море в короткую разведывательную экспедицию и навел справки у галльских купцов, которые по неведению или злонамеренно обманули его. Излюбленным методом Цезаря в политике завоеваний было постепенное продвижение от племени к племени, используя одних против других. Но в этой авантюре, которую он предпринял экспромтом, его подгоняло время. Отправив один корабль на разведку, чтобы подобрать благоприятное место для высадки, он отплыл следом с двумя легионами.

2. Операция прошла не слишком успешно. Предупрежденные бритты со значительными силами ждали римлян на берегу. Легионеры, вынужденные в полном вооружении спрыгивать с транспортных судов в довольно глубокое море и преодолевать натиск волн, с большим трудом находили дно под ногами. Цезарю пришлось отрядить две галеры с лучниками и пращниками, чтобы прикрывать высадку заградительным дождем метательных снарядов. Сила римлян была в дисциплине и военной науке, существенно превосходящей боевые навыки бриттов. Едва высадившись, ветераны легиона сумели разбить лагерь, защитить свои корабли и построить «черепаху» из сомкнутых щитов. У кельтов же были тысячи колесниц. Когда передвигавшаяся на них пехота спешивалась и вступала в бой, возницы удалялись на небольшое расстояние, готовые забрать своих людей в случае поражения или отступления. Несмотря на частичный успех, Цезарь быстро осознал,

что его маленькая армия не будет здесь в безопасности. Бурное море уже уничтожило некоторые из транспортных судов. Приближались приливы равноденствия. Он воспользовался небольшим преимуществом, чтобы добиться обещания заложников, и, сохранив лицо, неожиданно снялся с якоря незадолго до полуночи. Потом отправил в сенат столь блестящее сообщение по поводу этой бесславной экспедиции, что тот проголосовал за двадцатидневное *supplicatio,* чтобы отметить «победу» Цезаря.

3. Но Цезарь был слишком реалистичен, чтобы не сделать выводов из своей неудачи. Он познакомился с природой страны, с ее гаванями и тактикой бриттов; поняв, что их нельзя победить без кавалерии, он решил вернуться в следующем, 54 г. до Рождества Христова. На этот раз бритты объединились перед лицом грозной опасности и выбрали себе единого вождя, Кассивелауна, чьи земли располагались к северу от Темзы. К этой реке и направилось римское войско. Прибыв на ее северный берег, Цезарь ловко начал переговоры. Он извлек выгоду из уже разбуженной зависти прочих кельтских вождей, настроил кое-кого из них против Кассивелауна, склонил к подчинению одни племена, другие победил оружием и, наконец, вступив в переговоры с самим Кассивелауном, назначил дань, которую Британия обязалась ежегодно платить римскому народу. В действительности с 52 г. эта дань перестала выплачиваться, а внимание Рима отвлекла от бриттов гражданская война. Цицерон насмехался над этим «завоеванием», которое не принесло ничего, кроме нескольких рабов, пригодных лишь к самому грубому труду, поскольку среди них не оказалось ни образованных людей, ни музыкантов, так что все это было скорее внутриполитической операцией, нежели имперской победой.

4. После смерти Цезаря Британия была забыта на целый век. Однако Галлия, ставшая совершенно римской по духу, отправляла туда купцов. Там была в ходу имперская монета. Поэт Марциал (43–104) хвастался, что нашел там читателей, и с восторгом говорил об одной британке, вышедшей замуж за римлянина, которой очень понравилось в италийском мире. Во времена императора Клавдия различные группы римлян требовали завоевания: полководцы видели в этом источник славы и выгоды; купцы-экспортеры утверждали, что безопасность торговли требует присутствия легионов; галльские администраторы жаловались, что на Галлию дурно влияют друиды, чей активный центр оставался в Британии; многочисленные чиновники надеялись на должности в новой провинции. Так что в 43 г. от Рождества Христова Клавдий отправил экспедиционный корпус, образованный из четырех легионов (II Augusta, XX Valeria Victoria, XIV Gemina Martia Victoria и знаменитый IX Hispana из Дунайской армии), что составляло, учитывая

Расправа римских солдат над друидами на острове Англси.
Гравюра из книги Томаса Пеннанта «Путешествие в Уэльс» (1778)

вспомогательные войска и кавалерию, около 50 тыс. человек. С такой армией завоевание было довольно легким, и только в горных районах Уэльса и Шотландии римлянам оказали серьезное сопротивление. Остров Мона, религиозный центр друидизма, выставил против врага полчище ужасных воинов, среди которых выделялись женщины с распущенными волосами, размахивающие зажженными факелами, а тем временем сами друиды в белых одеждах, сомкнув ряды и воздев руки к небесам, призывали богов. На юго-востоке, который уже казался усмиренным, из-за несправедливостей первых римских администраторов вспыхнуло яростное восстание под руководством королевы по имени Боудикка (или Боадицея). В какой-то момент завоеватели даже оказались в опасности, но все закончилось избиением бриттов. С начала II в. вся плодородная южная равнина оказалась под властью римлян.

5. Римский метод оккупации совершенно не менялся: прокладка великолепных дорог, которые позволяли легионам стремительно перемещаться по стране, и строительство крепостей, в которых проживали постоянные гарнизоны. Бóльшая часть английских городов, чье название оканчивается на *chester* или *cester,* были во времена завоевания укрепленными римскими лагерями *(castra)*. По окончании срока службы ветераны легионов удалялись на покой в бриттские городки Камулодунум (Колчестер) и Веруланум (Сент-Олбенс). Города севера Линкольн и Йорк изначально были всего лишь гарнизонными поселениями. Лондон (Лондиниум) вырос во времена римлян, потому что они пустили через этот пункт все дороги, соединявшие север с югом, главная из которых (позже превратившаяся в Уэйтлинг-стрит) шла из Лондона в Честер. Великолепная лондонская гавань использовалась для снабжения армии.

6. В маленьких, основанных римлянами городках улицы пересекались под прямым углом; традиционное место занимали бани, храм, форум, базилика. Очень скоро юг Англии оказался усеянным маленькими римскими домиками. Настенная живопись и мозаики на полу изображали классические сцены: истории Орфея или Аполлона. Чиновники и солдаты старались воссоздать в этом туманном климате, хоть и довольно бедно, декорации Италии. В Бате (Aquae Sulis), который был «Симлой римской Британии, в то время как Лондон был ее Калькуттой или Бомбеем», они построили совершенно римский водный курорт. Кельты, по крайней мере часть из них, вполне приспособились к этой новой жизни. Быть может, они проявили бы больше строптивости, если бы почувствовали, что их к этому принуждают, но римская политика уважала местные обычаи. Она позволяла туземцу по собственному побуждению прийти к цивилизации, имевшей огромную

Интерьер терм в поселении Акве-Сулис (современный Бат). I–III вв.

притягательность. Впрочем, римская иммиграция была слишком малочисленной, чтобы притеснять: несколько купцов, несколько ростовщиков, офицеры да чиновники. Солдаты очень быстро ассимилировались с местными уроженцами или были заменены ими. Дети, которых легионерам рожали туземные женщины, воспитывались рядом с военными лагерями и позже сами пополняли армию. Римская цивилизация «была экспансией не расы, но культуры».

7. Этот метод мирного проникновения был особенно удачно применен тестем Тацита Агриколой (79–85). Это был новый тип римского управленца. Он уже не походил на проконсулов-аристократов, которые одновременно закладывали основы империи и разоряли ее. Обладая всеми добродетелями и слабостями своего класса, Агрикола был крупным администратором. Сам провинциал, он поэтому внушал больше симпатии тем провинциалам, которыми управлял, и лучше понимал их, когда те оказывали сопротивление.

Голова Минервы из римских терм в городе Бат. I–IV вв.

Он добился некоторых военных успехов, но, «поняв, что силой оружия достигается мало, если потом дать волю несправедливости, захотел в корне пресечь причины войн». Агрикола сам вникал в дела, назначал на административные должности порядочных людей, противодействовал незаконным поборам со стороны сборщиков податей и старался поощрять кельтов к участию в римской жизни. Приглашая их строить бани и рынки, «восхваляя деятельных и порицая нерадивых, он заменил принуждение соревнованием за почести. Он велел воспитывать сыновей вождей по-римски. И мало-помалу те облачились в тогу... Кто узнал бы прежнего варвара-галла в столь элегантном рыжеволосом римлянине?» Многие из кельтов стали таким образом двуязычными. В Лондиниуме говорили на латыни, а на набережных, разумеется, слышался также греческий и другие языки средиземноморских моряков. Нашли черепицу, на которой какой-то рабочий, чтобы подтрунить над товарищем, написал по-латыни: «Анстилис каждый день отпрашивается на неделю». Такие граффити доказывают, что некоторые ремесленники достаточно знали латынь, хотя для народных масс обиходным языком оставались кельтские диалекты.

8. Для такой романизации Британии религия не могла быть препятствием. Веротерпимые римляне охотно присоединяли к своему пантеону незнакомых прежде богов. Если они преследовали друидизм и почти полностью его уничтожили, то лишь потому, что видели в нем политическую угрозу. Но кельтский бог войны Тутатис (Тевтатис) был отождествлен ими с Марсом. В крупных городах они воздвигли храмы императорам, Юпитеру, Минерве. Множество найденных в Англии надписей и мозаик содержат молитвы к Матерям, *Deae Matres,* — богиням, культ которых был, без сомнения, занесен с континента чужеземными солдатами. Другие легионеры поклонялись Митре, а в Лондоне нашли даже храм богини Изиды. Христианство наверняка было известно в Британии с III в. от Рождества Христова; в начале IV в. в Лондоне был уже свой епископ, Реститутус, о котором известно, что он присутствовал на Арльском синоде вместе с двумя другими британскими епископами. Его диоцез, наверное, был маленьким и бедным, поскольку верующие, не имея возможности оплатить поездку своего епископа, открыли для него подписку в Галлии.

9. В то время как юг и центр Британии становились, таким образом, живой частью империи, на севере римская оккупация совершенно не продвинулась. Там, где начинались пустоши, заросшие вереском и густым кустарником, обитало полудикое племя бригантов, а дальше на север еще один кельтский народ — пикты, сопротивлявшиеся любому мирному проникновению. Эти строптивые, непримиримые племена, привлеченные относительным богатством кельто-римских городов, время от времени отправлялись на юг в грабительские набеги. И тщетно римские полководцы пытались их преследовать. Агрикола, благодаря прекрасному совместному маневру армии и флота, счел их побежденными, но, едва римляне оккупировали Шотландию, слишком растянутые линии их коммуникаций стали уязвимыми, и в результате набега бригантов был истреблен IX легион. Как раз после этой катастрофы, в которой погибло столько солдат, император Адриан в 120 г. лично прибыл в Британию, приведя с собой VI Победоносный легион (Victrix). Отказавшись от завоевания севера, он решил укрепить границу, построив от реки Тайн до залива Солуэй четырнадцать крепостей, которые соединил сначала непрерывным земляным валом, а потом вскоре добавил к ним и каменную стену с постоянным гарнизоном. В итоге Адриан отказался от мысли победить непокорные племена и ограничился их сдерживанием, как в Каледонии, так и в Центральной Европе. Позже это «благоразумие» приведет к падению империи.

Фрагмент рельефа с изображением морского божества. Веруланум (современный Сент-Олбанс). III–IV вв.

V. Конец римской Англии

1. Начиная с III в. Римской империи, несмотря на некоторые прекрасные порывы, угрожал тройной кризис — экономический, религиозный и военный. Римский капитализм основывался на недальновидной эксплуатации богатств провинций; борьба между язычеством и христианством разделила императоров и граждан; военная мощь Рима рухнула. Система непрерывной границы (то есть линия крепостей, соединенных стенами) провалилась. В Британии этот метод оказался чуть более эффективным, нежели в других местах, потому что граница, которую надлежало охранять, была коротка.

На континенте же потребовалось заменить укрепленные линии мобильными войсками. Но и сами легионы показали свою неспособность справиться с варварской конницей. Вскоре меч и дротик уступят место луку и копью, а победы готов, сформировавшихся в русских степях, великом краю всадников, стали предвестием скорой замены легионера рыцарем. «Главное изменение, которое определит военное искусство на 12–13 веков вперед, состоит в том, что преобладающей становится не пехота, а кавалерия». Чтобы обзавестись конницей, в которой империя так настоятельно нуждалась, она нанимает варваров; вначале это всего лишь вспомогательные войска, потом они входят в состав легионов и, наконец, становятся самими легионами. В середине IV в. слово «военный» стало синонимом варвара. «Нет ничего хорошего в войсках, если они уже не римские».

2. В Британии, куда варварская конница не имела доступа за неимением транспортных судов, римский мир сохранился дольше, чем в материковых провинциях, и в первой половине IV в. мы видим здесь апогей римской культуры. Однако, как и в других местах, армия тут перестала быть римской. Гарнизон стены Адриана состоит из местных, никогда не сменяемых подразделений. Первая дакская когорта проводит здесь два века. Прижившийся солдат становится колонистом. Мало-помалу британские легионы забывают свои связи с Римом. И однажды они провозгласят своего собственного императора, который отправится на континент бороться с другими претендентами из других провинций. В этих распрях и погибнет империя. Уход легионов — отправились ли они защищать удачу собственного военачальника или же императора, из последних сил призвавшего их из Рима, — станет для Британии тем более важным событием, что гражданское население за долгие годы римского мира утратило все свои воинские добродетели. Ни богатый владелец *виллы*, то есть римского имения, ни крестьяне из кельтских деревушек, ни рабы не являются солдатами. В том и состоит опасность для процветающих цивилизаций: гражданин тут забывает, что его свобода в конечном счете зависит от его же воинской доблести. Феодальный строй станет новой формой, которую приобретет местная самооборона, когда после суровых испытаний обитатели западного мира вновь откроют для себя ее необходимость.

3. Набеги пиктов и скоттов были на севере римской Британии давним и привычным злом. Ближе к концу III в. впервые появляется новая угроза: вторжение на побережье франкских и саксонских варваров. Однако ведь существовал римский флот, задачей которого как раз и была охрана Северного моря и Ла-Манша *(Classis Britannica)*. Без сомнения, этого оказалось недостаточно, поскольку около 280 г. Римской империи пришлось

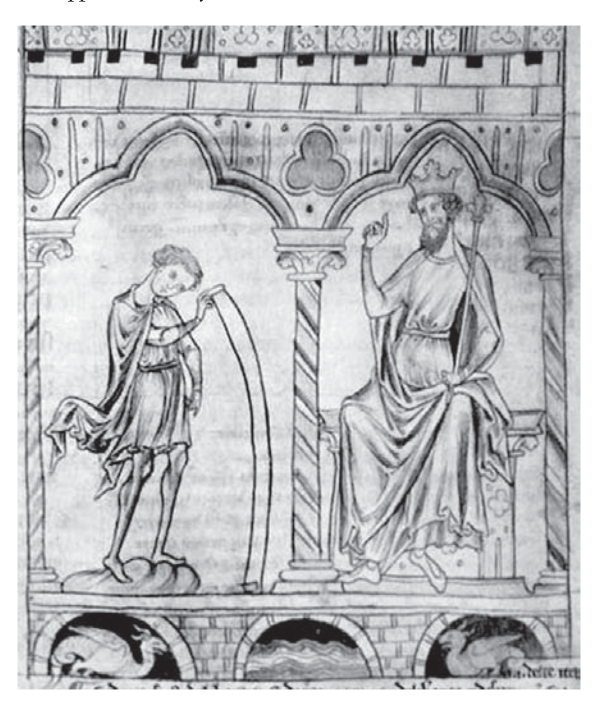
назначить нового флотоводца, Караузия, с особым поручением пресечь саксонские набеги. Но этот Караузий, которому грозило расследование по обвинению в том, что он с гораздо большим пылом грабил грабителей, нежели защищал провинцию, вдруг поднял мятеж, призвал из Галлии франкских наемников и был провозглашен императором в собственных войсках. С 286 по 293 г. узурпатор, защищенный своим флотом, царил над Британией. Прелюбопытной фигурой был этот кельтский император, вплоть до Руана чеканивший монеты в честь *«Roma aeterna»* и другие, на которых фигура Британии говорила ему: *«Expectate veni».* Но успех его дерзкого предприятия доказывал слабость империи. Когда Диоклетиан восстановил наконец порядок, он постарался, во избежание таких *pronunciamientos,* разделить власть в Британии между тремя лицами: гражданским правителем, главнокомандующим *(Dux Britanniarum)* и отвечавшим за саксонское побережье сановником *(Comes littoris saxonici)*, который подчинялся префекту Галлии, а не правителю Британии. Эта организация доказала свою эффективность на протяжении всей первой половины IV в., и вторжения прекратились.

4. «Конец римской власти над Британией совпадает с настоящим разгулом беспорядков и военных мятежей, тем более непростительных, что это был момент крайней опасности для империи». Около 384 г. легионы Британии провозгласили императором своего военачальника Максима, очень популярного среди них и замечательного полководца. Оставив в Британии только охранявший стену Адриана гарнизон, он увел солдат в Галлию сражаться с императором Грацианом. Однако, победив его, он и сам был побежден и обезглавлен императором Восточной Римской империи Феодосием. Его легионы так и не вернулись в Британию. «Одна из самых прекрасных кельтских легенд повествует о приключениях римского императора Максена Вледига (очевидно, Максима), который, заснув на охоте и увидев во сне прекрасную принцессу, отправился на поиски и нашел ее в Британии. Он женился на ней и вознес Британию до высшей славы, но Рим забыл его, и ему пришлось покинуть свое новое королевство, чтобы вновь завоевать империю. Для этой экспедиции Британия предоставила ему легионы, которые так и не вернулись. С тех пор войско Максена населяет страну мертвых». *Notitia Dignitatum,* официальный документ, составленный между 400 и 403 г., определяет Британию как провинцию с многочисленными римскими воинскими подразделениями, но, без сомнения, к тому времени эти списки уже давно не обновлялись. На самом деле в конце IV в. бóльшая часть легионов уже отправилась в страну мертвых. В 410 г., во время большого нашествия варваров на Рим, теснимый вандалами и бургундами правитель Западной Римской империи Стиликон запросил

подкреплений из Британии. Солдаты, которые откликнулись на этот призыв и покинули остров, были не римлянами, а бриттами. Провинция почти лишилась защитников.

5. Что же произошло потом? Похоже, что пикты и скотты слишком осмелели, и, чтобы победить их, один бриттский вождь, Вортигерн, призвал на подмогу Хенгеста и Хорсу, предводителей саксов, и предложил им земли в обмен на силу их мечей. А те, как говорит хронист, проникнув на остров, обратились против своего нанимателя. Германские захватчики, которых привлекала эта богатая и плохо защищенная страна, становились все многочисленнее. Читаем под 408 г. в одной англосаксонской хронике: «В том году римляне собрали все сокровища, которые имелись в Британии. Часть из них они спрятали в земле, а остальное забрали с собой в Галлию». В наши дни найдены многие из этих сокровищ, в том числе предметы из серебра и золота. Все находки археологов свидетельствуют об ужасе, охватившем страну. Виллы и разрушенные дома несут на себе следы пожара. Многие тела остались без погребения. Тайники были поспешно замурованы. Беда Достопочтенный так описывает это нашествие: «Общественные и частные здания разрушены; священники преданы смерти перед алтарями. Среди тех, кто сумел убежать, одни, захваченные в горах, были истреблены; другие, оголодавшие, сдались и стали рабами, если не были убиты на месте. Третьи, с тоскою на сердце, бежали за море. Оставшиеся вели жалкую жизнь среди скал и гор». Бо́льшая часть кельтов укрылась в гористых западных областях, где проживает и по сей день. «Они остановились здесь, у самой кромки моря, цепляясь за береговые утесы. По ту сторону был другой мир. Они остались на своем берегу, ожидая лодку перевозчика». Саксы прозвали этих уцелевших валлийцами, *Welsh,* то есть *чужаками* (по-немецки *Welche*). Остальные кельты эмигрировали на полу-

Чародей Мерлин
перед королем бриттов Вортигерном.
Иллюстрация к «Пророчествам Мерлина»
Гальфрида Монмутского. 1250–1270



остров Арморика, одну из самых пустынных провинций Галлии, и создали там Малую Британию, Бретань. Между обеими Британиями существовала долговременная связь. «Тристан — бретонец; Ланселот прибыл ко двору Артура из Франции; Мерлин сновал туда-сюда между двумя странами».

Монета Этельстана, правителя Мерсии, одного из семи англосаксонских королевств. VII в.

6. Завоевание острова саксами было медленным, а сопротивление захватчикам часто мужественным. В 429 г. святой Германий, епископ Оксера, прибыл в Веруланум, чтобы возглавить борьбу против пелагианской ереси (а это доказывает, что бритты еще находили время для занятий богословием). И вот, пока епископ был там, городу стали угрожать саксы и пикты. Тогда святой Германий возглавил войско, организовал засаду и в подходящий момент бросил христиан в атаку на варваров с криком *«Алилуйя!».* И победил. В VI в. король Артур (или Арториус), мифический государь, который вдохновит стольких поэтов, тоже одержал несколько побед над захватчиками. Однако после этого англы, саксы и юты окончательно стали хозяевами самой богатой части страны. И воистину достойно удивления почти полное исчезновение в Англии следов кельто-римской цивилизации. В Галлии, особенно на нашем юге, римские города и памятники прекрасно сохранились. Простонародная латынь предоставила основные элементы для французского языка. Английские же слова латинского происхождения либо относятся к научной лексике и приобретены гораздо позже, либо они французские времен нормандского завоевания Англии. Среди редких вокабул, которые восходят к первому римскому завоеванию, можно упомянуть лишь универсальное слово *Caesar*, затем *street*, то есть улица *(strata via*, которая обнаруживается в *Stratford), mile,* римская тысяча, *wall*, стена — от *vallum* и в заключение *chester (castra)*... Император, дороги, стена — и это все, что после 400 лет Рим оставил в наследство своей самой отдаленной провинции?

7. «Самый важный факт, который можно наблюдать во Франции и в Англии, состоит не в том, что там находят римские памятники, а в том, что *они сами и есть* римские памятники». В римском наследии Англия, как и вся Европа, обрела христианство и идею государства. Империя и римский мир останутся прекрасной мечтой лучших варварских властителей. Римскую культуру спасут священники и монахи Ирландии и Уэльса. Хронист Гильдас (Gildas) (около 540) цитирует Вергилия, а говоря о латинском языке, называет его *«Nostra lingva»* — «наш язык». Что касается полного

уничтожения романизированных кельтов (теория, которую некогда лелеяли саксонские историки), то с этим трудно согласиться. Редкие кельтские слова, сохранившиеся в английском языке, касаются домашней жизни, и это, похоже, доказывает, что захватчики брали в жены местных женщин. Из мужчин многие были перебиты, а остальные, без сомнения, стали рабами. Но, так же как некогда иберы, кельты отнюдь не были истреблены. Если современный англичанин так глубоко отличается от немца, это отчасти объясняется тем, что нормандское завоевание было для него вторым латинским завоеванием. А еще тем, что к крови германских захватчиков примешалась, и в довольно большой пропорции, кровь народов, которые им предшествовали.

VI. Англы, юты и саксы

1. «Крупные белые тела, дикие голубые глаза и рыжевато-белокурые волосы; они прожорливы и разогревают свои вечно голодные животы крепкими напитками; молодые люди поздно приобщаются к любви; и никто не стыдится пьянствовать день и ночь». Эти саксы и англы отличаются необузданным нравом. И они сохранят его; даже через 15 веков, несмотря на строгие правила церемониального кодекса, порожденного самой этой необузданностью, их нрав останется менее гибким, чем у кельта или римлянина. Во времена завоеваний они придают мало значения человеческой жизни. Их любимое удовольствие — война; их история похожа «на историю воронов и коршунов». Но «под этим врожденным варварством таятся и благородные наклонности», в первую очередь «некоторая серьезность, которая сторонится фривольных чувств». Их женщины стыдливы, а браки целомудренны. Мужчина, выбравший своего вождя, остается верен ему. Жестокий с врагом, он предан сборищу таких же, как он сам. «Человек этого племени может подчиниться высшему, способен на преданность и уважение». Испытав на самом себе ужасную силу природы, он стал более религиозен, чем обитатели стран, где климат терпимее. У него пылкое и меланхоличное воображение. Пустыни, в которых он обитал, отличны от той, где родилась суровая библейская поэзия, но они подготовили его душу к восприятию Священного Писания. Когда ему будет явлена Библия, он проникнется к ней искренней и долговременной страстью.

2. Довольно легко представить себе высадку ватаги саксов. Занесенные волнами в широкое приливное устье, варвары либо поднимаются вверх по реке, либо идут вглубь страны по римской дороге. Натыкаются на усадьбу, окруженную возделанными полями или хижинами кельтского селения. Нигде

не слышно ни голоса, ни крика. Перед дверями — трупы; оставшиеся в живых обитатели сбежали. Отряд голоден; в округе осталось немного домашней птицы, несколько животных; тут они и остановятся. Поскольку земля уже расчищена, саксы будут ее возделывать. Но они весьма остерегутся жить на римской вилле. Во-первых, та наполовину сожжена, да к тому же эти варвары наверняка суеверны и боятся теней убитых хозяев. Еще меньше эти люди, крестьяне, охотники и лесовики, привыкшие к свежему воздуху, захотят селиться в городах. И очень скоро римские городки будут заброшены. Эти германцы и в новой стране следуют своим прежним привычкам. Валят деревья, строят для вождя племени, знатного человека, большое бревенчатое помещение, а для себя хижины первопроходцев. Распределяя землю, община будет следовать германской традиции. Деревня (*town*, *township* от саксонского слова *tun* — ограда) будет коллективной собственностью, но каждому там выделят его определенный надел[1]. До прибытия римлян кельты возделывали землю примитивным способом. Они распахивали поле, сеяли, собирали урожай, а когда земля истощалась, шли немного дальше. Методы саксов были эффективнее. Некоторые племена делили все пригодные для возделывания общинные земли на три поля и одно из них каждый год оставляли под паром, чтобы земля восстановила свою силу. Расчищая землю, сжигали траву, и зола служила удобрением. Потом делили каждое из трех общинных полей на участки, отгораживая их друг от друга узкими полосками дерна. Участки для каждой семьи выделялись на всех трех полях в разных местах, чтобы хорошие и плохие земли достались всем поровну. Луга тоже делились, до времени сенокоса. И наконец, огораживали общинный лес, где свиньи могли найти желуди, а люди — хворост.

3. Деревенская община состоит из семей, от 10 до 30, — это ячейка англосаксонской жизни. С экономической точки зрения она управляется маленьким собранием, *moot*, которое собирается под деревом или на холме и распределяет поля, определяет, сколько животных каждый имеет право отправить на общинные луга. Оно же назначает официального представителя деревни, *рива (reeve)*, который является одновременно мэром и распорядителем общинных владений; *вуд-рива (wood-reeve)*, который занимается лесами, и землепашца, которому доверяют ходить за общинным плугом. Почти всегда в деревне имеется знатный человек, *thegn* или *thane*, военный вождь, имеющий право потребовать некоторых повинностей — натурой или работой. В те стародавние времена общественные классы еще нечетко определены. Ступенью ниже знатного человека стоит свободный человек,

[1] Разумеется, этот набросок схематичен. Захватчики весьма отличались друг от друга. В некоторых областях общие поля никогда не существовали, но дальнейшее дает некоторое представление о самом простом ходе этого процесса. — *Прим. авт.*

Башня в Нортгемптоншире. Саксонский период. X в.

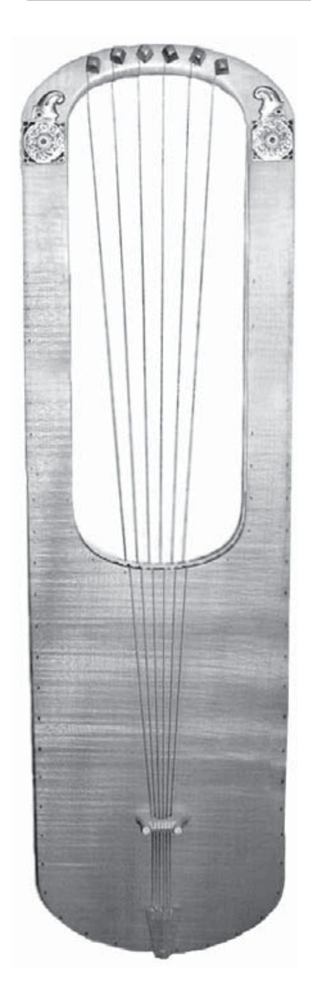
который ничего не должен знатному за свою землю, кроме *trinoda necessitas*, то есть военной службы, починки дорог и мостов. Деление на различные классы и разряды появилось позже, варьируя в зависимости от места и времени, но их общая черта состоит в том, что относящиеся к ним люди за что-либо платят — натурой или трудом. Наконец, многие деревни имеют своих рабов, быть может потомков пощаженных пленников, которые исчезают между VI и XI в.

4. Возможно, что во время англосаксонского вторжения каждое новоприбывшее племя имело своего собственного вождя или короля, которому его *таны (thanes)* были лично преданы. Мало-помалу благодаря завоеваниям, бракам, расчистке новых земель образовались более обширные государства. Центральная власть, находившаяся тогда в зародыше, смогла навязать тот минимум административной организации, без которой невозможен ни набор войска, ни взимание податей. В VII в. в Англии еще существовали семь королевств. В VIII в. их число сократилось до трех: на севере — Нортумбрия, в центре — Мерсия, к югу от Темзы — Уэссекс. К IX в. остался только Уэссекс. В каждом королевстве король происходит из одного и того же священного рода, но в его пределах совет мудрейших *(Witan)* до некоторой степени может выбирать. Совет не является представительным собранием, предвосхищением парламента или палаты лордов. Это даже не собрание наследственных пэров. Король призывает в него главных вождей, а позже, когда германцы будут обращены в христианство, также архиепископов, епископов и настоятелей монастырей. Этот немногочисленный совет мудрейших представляет собой также высший суд. Он может низложить дурного короля или отказаться, особенно во время войны, доверить королевство несовершеннолетнему.

Так что эта монархия наполовину выборная, хотя и в пределах определенного рода. Королевство делится на *ширы (shires)*, отсюда название английских графств (Уилтшир, Оксфордшир, Йоркшир); границы англосаксонских *широв* почти повсеместно совпадают с границами современных графств. Вначале *shire* был главным образом судебной единицей, местопребыванием суда, куда каждая деревня несколько раз в год посылала своих представителей. Вскоре короля там будет представлять *шериф (sheriff)*, а местным правителем, одновременно военным вождем и председателем суда, станет *элдорман (ealdorman)*. *Шир* делится на *сотни (hundreds)*, которые являются либо группами из сотен семей, либо группами, которые выставляют сотню воинов; сами *сотни* подразделяются на *деревни (tuns)*. Но эти административные подразделения, долго остававшиеся расплывчатыми, приобретут четкость и определенность лишь через несколько веков.

5. Правосудие вершится собранием — судом *шира*, а не представляющим центральную власть магистратом, как было у римлян. Каким же образом это собрание выносило свои приговоры? Этого мы не знаем. Наверняка были прения, а потом каким-то способом определялось большинство. Самыми обычными преступлениями были убийство, вооруженный грабеж и ссоры с применением насилия. С увеличением количества виновных увеличивалось и наказание. Законы сакса Инэ («Правда Инэ», конец VII в.) гласят: «Мы называем людей ворами, если в их шайке не более семи человек;

Суровый суд саксонского короля над противниками. Миниатюра. XI в.



Арфа из Саттон-Ху. Реконструкция англосаксонского музыкального инструмента, найденного во время раскопок. VII–VIII вв.

если их количество колеблется между семью и тридцатью пятью, это разбойничья банда; если же их больше тридцати пяти, это войско». Преступления считались более тяжкими, если нарушали *королевский мир*, то есть если были совершены в присутствии короля или по соседству с местом, где он находился. «Если человек сражается в доме короля, он может потерять все свое имущество, а его жизнь отдается на милость государя; если он сражается в церкви, то платит сто двадцать шиллингов; если это случится в доме элдормана, он платит шестьдесят шиллингов элдорману и шестьдесят королю. Если он сражается в доме крестьянина, то платит сто двадцать шиллингов королю и шесть крестьянину». За каждого человека полагается вира — *вергельд (wergeld, wer-gild)*, то есть выкуп, который надо заплатить семье, если его убили, впрочем он и сам должен был заплатить королю, чтобы выкупить свою собственную жизнь. Вира за благородного человека была в шесть раз больше, чем за свободного, а его клятва ценилась в шесть раз выше. *Вергельд* — это признак общества, в котором племя, группа людей, связанных кровными узами, важнее индивидуума. Тут всякая дружба, всякая вражда, всякое возмещение коллективны.

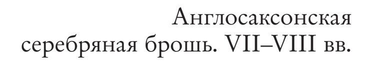
6. На весах правосудия тогда взвешивали не доказательства, а клятвы. Суд не допрашивал свидетелей; истец и ответчик должны были привести людей, готовых поклясться в их пользу. Ценность личной клятвы была пропорциональна размерам собственности свидетеля. Человек, обвиненный в грабеже в составе банды, должен был, чтобы оправдаться, предоставить клятвы общей стоимостью в 120 *хидов* (один *hide* равнялся количеству земли, необходимой для жизни одной семьи). Это сложение клятв может показаться странным, но наверняка среди людей, веривших в чудеса, лжесвидетельство случалось довольно редко, а с другой стороны, в маленькой общине соседи всегда более-менее знали правду. Человек, известный дурными нравами, не находил свидетелей. За отсутствием клятв прибегали к суду водой (обвиняемого, связав по рукам и ногам, бросали в предварительно освященный пруд и признавали невиновным, если он сразу же тонул, — стало быть, вода соглашалась его принять) или к суду раскаленным железом (обвиняемый должен был пронести его на заданное расстояние, а виновность или неви-

новность определялась по виду ожога через некоторое количество дней). После нормандского завоевания в случае конфликта по поводу прав собственности на землю прибегали к Божьему суду посредством поединка (два противника, вооруженные только щитом и палкой, бились, пока один из них, оставшись без сил, не просил пощады).

Церемониальный шлем из кургана Саттон-Ху. VI–VII вв.

7. Все эти черты рисуют нам грубое, но исполненное чести общество, в чьих обычаях содержался зародыш крепкой местной жизни. «Хотя Хенгест и Хорса не принесли с собой (как хотели нас убедить) ни наброска Декларации прав 1683 г., ни наброска Акта 1894 г. об учреждении судов в сельских округах, они все же ввели в Англии несколько полезных обычаев». Мы наблюдаем, изучая их историю, что на протяжении всего своего существования англосаксы сохраняли склонность к всевозможным «комитетам», то есть к людским объединениям, которые пытаются разрешить сложности повседневной жизни посредством общественных обсуждений, что почти всегда приводит к компромиссу. Эта склонность, часто уберегавшая их от гражданской войны, произошла отчасти из того, что с самого начала своего существования как нации они переняли в деревенских сходках, *moots,* и в судах графств превосходную привычку решать на месте, не обращаясь к центральной бюрократии, большое количество административных и юридических вопросов.

Золотая пряжка из курганов Саттон-Ху, элемент костюма высшей англосаксонской знати. VII в.



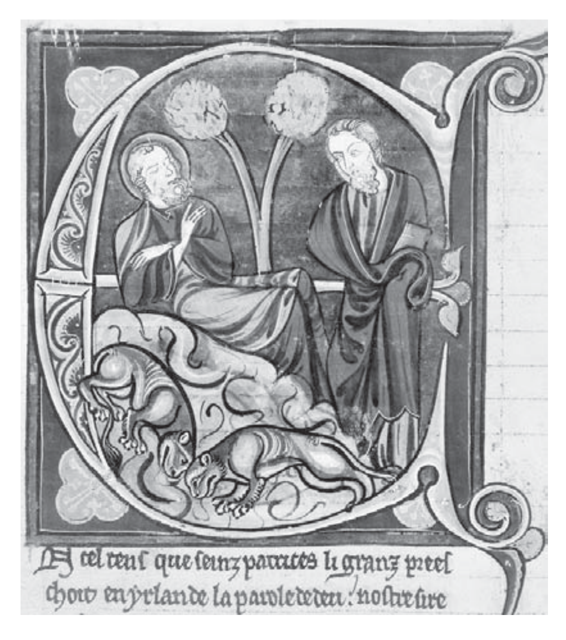
Англосаксонская серебряная брошь. VII–VIII вв.

VII. Обращение в христианство

1. Религия англосаксов была не лишена суровой красоты. Она состояла из легенд, собранных в «Эдде», этой «Библии Севера». Боги — Один, Тор, Фрейя (давшие свои имена дням недели, которые по-английски называются *Wednesday, Thursday, Friday*) обитали в Валгалле — рае, куда валькирии, девы-воительницы, переносили воинов, павших на поле битвы. Таким образом, храбрецы были вознаграждены, трусы и лжецы наказаны, неистовые прощены. Из-за переселения народов эта религия потеряла значительную часть своего обаяния, ведь она была привязана к земле Германии, к ее лесам и рекам. А в Британии Виланд-кузнец стал всего лишь изгнанником. Класс жрецов у саксов был немногочисленным и плохо организованным. Непохоже, чтобы он оказал энергичное сопротивление христианству, когда оно проникло в Англию. Единственная речь главного жреца варваров, которую сохранил для нас историк Беда, выражает скептичное и безнадежное принятие поражения. Впрочем, короли англов и саксов с VI в. знали, что их соплеменники в Галлии и Италии обратились в христианство. Этот пример благоприятно настроил их к новой религии. Римская церковь все еще пользовалась очень большим авторитетом, унаследованным от империи вместе с древней культурой и средиземноморским предприимчивым духом. Христианские миссии при маленьких англосаксонских дворах принимались терпимо, а часто даже почтительно.

2. Англия была христианизирована в результате действий двух миссионерских групп; одна из них прибыла из кельтских стран, главным образом из Ирландии, а другая — из Рима. После ухода римлян Уэльс остался по большей части христианским. Святой Патрик (римлянин Патрициус) крестил кельтские племена Ирландии и основал монастыри, где позже укрылись, спасаясь от варваров, а затем и от сарацин, ученые с континента. Из этих монашеских поселений вышли святые, обратившие в христианство кельтов Шотландии, и самым известным из них стал святой Колумба. Христианство глубоко проникло в кельтскую душу, от природы склонную к мистицизму. В кельтских странах — Ирландии, Уэльсе, Шотландии — была образована национальная, независимая от римской Церковь, старавшаяся походить на раннехристианскую. Ирландские монахи долго были отшельниками и жили, подобно монахам Фиваиды, в уединенных хижинах, и лишь соображения безопасности заставили их согласиться на объединение этих хижин в обитель и принять власть настоятеля. Брак монахам в Ирландии не был запрещен, как, впрочем, и живущим в миру священникам. В церквях не было алтаря, и их убранство отличалось суровой простотой. Священники крестили взрослых людей на берегах рек. Мессу служили не полатыни, а на местном языке. Священники жили бедно и раздавали в виде

милостыни все полученные подношения. Наконец, дата Пасхи определялась согласно древним обычаям, так что ее празднование у кельтов не совпадало с римским.



Сон св. Патрика. Миниатюра из французской рукописи XIII в.

3. Тем временем Римская церковь обрела настоящего вождя. Папа Григорий Великий, римский аристократ, который начал свою деятельность на гражданской службе, сумел сделать папскую власть временной наследницей Западной Римской империи. Ведь кто-то же непременно должен был исполнять прежнюю функцию императора — хоть священник, хоть солдат. После вторжения лангобардов в Италии воцарилась анархия. Рим и Неаполь умирали от голода. «Где народ? — восклицал Григорий. — Где сенат? Сената больше нет, а народ погиб». Осознав угрозу, он отразил ее. Будучи духовным вождем, он взял в свои руки также мирское управление Римом. Получая богатые подношения верующих из Галлии, Африки, Далмации, он воспользовался этими деньгами, чтобы накормить римский народ. Этот великий человек действия был творческой натурой. Именно под его влиянием получил распространение григорианский распев и были упорядочены прекрасные церковные ритуалы, так поразившие воображение варваров. Для проповеди христианства в новых странах он использовал главным образом монахов. В начале века святой Бенедикт основал орден бенедиктинцев, объединивший физический труд с умственным, а также ввел пожизненные обеты, послушничество, избрание настоятеля; все эти реформы привлекли в монастыри элиту поколения. Григорий поручал бенедиктинцам многочисленные миссии; в частности, одному из них, приору Августину, он доверил христианизацию Англии.

4. Известен ставший классическим анекдот (597). Папа, проходя в Риме через невольничий рынок и увидев белокурых юношей с восхитительно белой кожей, спросил, откуда они. Ему ответили, что это англы из Британии. «*Non Angli*, — отозвался Григорий, — *sed Angeli*...[1] У них ангельские

[1] «Не англы, но ангелы...» *(лат.)*

Знаменитый кельтский крест, происхождение которого предания связывают со св. Колумбой. Келлское аббатство, графство Мит, Ирландия. VIII–XI вв.

лица, и они должны стать товарищами ангелов небесных...» Так же как папа опирался на монахов, чтобы обратить в христианство язычников, он опирался и на женщин. В Англии король Кента женился на христианке, дочери властителя Парижа, и позволил жене взять с собой духовника. Именно к ней и обратился сначала приор Августин вместе со своими сорока монахами, напуганными страной, которую считали дикой. Они были тотчас же приняты в столице Кента, Кентербери. Папа дал им самые благоразумные наставления. Для начала надлежало как можно меньше смущать язычников, приверженных своим привычкам: «На вершину горы не поднимаются прыжками, но мало-помалу, шаг за шагом... В первую очередь, надо весьма остерегаться разрушать их храмы с идолами. Надобно уничтожать только идолов, а потом окропить храмы святой водой и поместить туда реликвии... Если эти храмы ладно построены, то будет хорошо и полезно, что они перейдут от культа демонов к служению истинному Богу; ибо, как только люди увидят, что прежние места их молитвы сохранились, они будут склонны приходить туда по привычке, дабы почитать истинного Бога...» Этот примиряющий метод удался, и король Кента крестился. Папа отправил Августину *pallium*[1], символ власти, и, наделив его полномочиями назначать епископов в Англии, посоветовал ему временно устроить свое архиепископство в Кентербери, с тем чтобы перенести его в Лондон, как только тот будет обращен в христианство. Но нет ничего более постоянного, чем временное: Кентербери так и останется религиозной столицей Англии. Беда Достопочтенный сохранил для нас отправленный Августином папе список вопросов, который свидетельствует о том, что же заботило церковного сановника в 600 г.: «Как епископы должны вести себя с клиром и на сколько частей надлежит делить подношения, сделанные верующими? До какой степени родства верующим позволительно вступать в брак с родственниками и законно ли мужчине жениться на своей теще? Можно ли крестить беременную женщину? Сколько времени должна она ждать после родов, чтобы прийти в церковь? Через сколько дней новорожденный

[1] Паллий *(лат.)* — оплечье, нарамник.

может принять крещение? Через какое время после рождения ребенка женщина может иметь плотские отношения со своим мужем? Все, что потребно знать этим грубым англам».

5. Победа христианства в Англии становилась все ближе и ближе, и мы располагаем рассказом об одном из таких обращений — об обращении Эдвина, короля Нортумбрии. Из него видно, с какой серьезностью и часто с какой поэзией эти люди, «обладавшие чувством возвышенного», рассуждали о религиозных делах. Король созвал своих главных друзей и советников, чтобы выслушать христианского миссионера Паулинуса. Тот разъяснил новое вероучение, и король спросил у каждого из вельмож, что они об этом думают. Один из них ответил: «О король, мне кажется, что земная жизнь человека, если сравнить ее с временами, которые нам неведомы, похожа на быстрый пролет воробья через палату, где вы сидите зимой за ужином с вашими приближенными и советниками возле доброго огня, в то время как снаружи ярится буря с дождем и снегом... Так вот, я скажу, что воробей, влетевший в одну дверь и тотчас же вылетевший в другую, пока находился внутри, был укрыт от зимнего ненастья. Но после этого краткого мига, наполненного теплом и светом, он снова исчезает в темной ночи, из которой прилетел. Такой же нам видится жизнь человека в течение краткого времени, но о том, что было до или что будет после, мы совершенно ничего не знаем. Так что если в этом учении есть что-то более надежное, мне кажется, стоит ему последовать». После чего главный языческий жрец воскликнул: «Я давно заметил, что в богах, которым мы поклоняемся, ничего хорошего нет... Я предлагаю королю, чтобы мы все немедленно отреклись от них, и я сам подожгу капища и жертвенники, которые мы так долго почитали без всякой пользы для себя». Обращение королей влекло за собой и обращение народа, так что влияние миссионеров стремительно распространялось.

6. Успех Римской церкви в Англии должен был повлечь за собой конфликт со старыми британскими церквями в Ирландии и Уэльсе. Августин, получив от папы власть над епископами всей Британии, созвал кельтских епископов. Те явились в большом смущении и сразу же почувствовали себя уязвленными, когда Августин, желая сохранить дистанцию, не встал, приветствуя их. Он потребовал от них три уступки: праздновать Пасху в то же время, что и все прочие христиане, проводить крещение по римскому обряду и проповедовать христианство язычникам-англосаксам, что кельты всегда отказывались делать, поскольку ненавидели захватчиков, истребивших их предков, и не желали спасения их варварских душ. Бритты не уступили ни по одному из трех пунктов, объявили, что признают только свой

собственный примат, и порвали с Римом. Отношения между кельтскими христианами и римскими католиками ухудшились до предела. Священники-бритты не давали *поцелуя мира* католическим и отказывались делить с ними трапезу. Кельтские монахи, забывая из ненависти к Риму о своих счетах с варварами, тоже предприняли обращение язычников. Они преуспели среди простого народа, в то время как Римской церкви особенно удавались обращения женщин, властителей и вельмож. А когда обе церкви христианизировали один и тот же двор, различия в вероучениях порождали довольно сложные ситуации. Случалось, что в одной семье Пасху справляли два раза подряд. Например, король, закончив пост, уже приступал к Пасхе, а королева праздновала Вербное воскресенье и еще постилась.

Святой Колумба, один из наиболее почитаемых кельтских святых, покровитель Шотландии и Ирландии. Миниатюра манускрипта Ролинсона. XVI в.

7. Наконец король Нортумбрии Осви, обращенный бриттами, был тронут доводами своего сына Альфреда, воспитанного католическим монахом. Для очистки совести король созвал в монастыре Витби синод, где обе стороны должны были изложить свои учения. Осви открыл прения, заявив с немалым здравым смыслом, что служащие одному Богу должны соблюдать и единые правила, что существует, конечно, только одна истинная христианская традиция и что тем и другим придется сказать, откуда у них эта традиция. На это бритты ответили, что унаследовали свою традицию от святого Иоанна Богослова и от святого Колумбы. Католики же утверждали, что их Пасха досталась им от апостолов Петра и Павла и что такую же они нашли повсюду в мире: в Италии, Африке, Азии, Египте и Греции — везде, кроме этих упрямых бриттов, которые, проживая на двух самых дальних островах вселенной, бросают вызов остальному христианскому

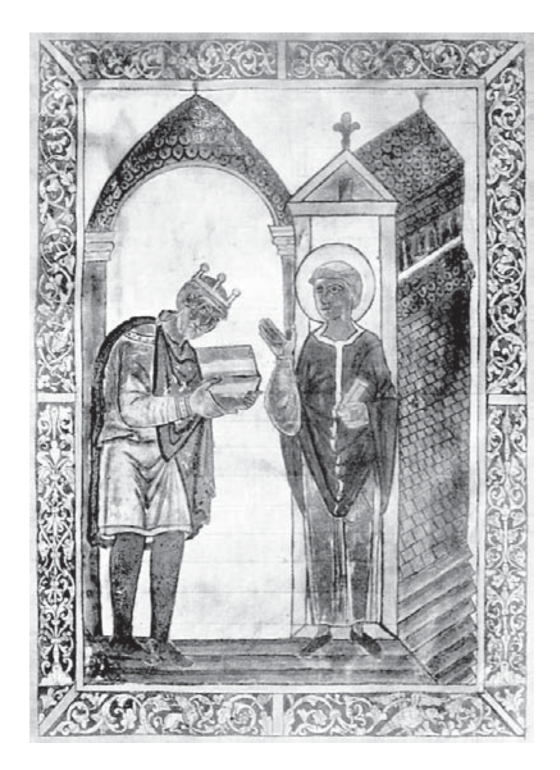
миру. Последовала длинная и весьма ученая дискуссия, которую католик Вилфрид закончил такими словами: «Даже если ваш Колумба был святым мужем, как можно предпочесть его главнейшему из апостолов, которому наш Господь сказал: „...ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного...“?»[1] Когда Вилфрид так сказал, король спросил: «Правда ли, Колман, что эти слова произнес наш Господь?» — «Правда, государь», — честно ответил ирландский епископ. «Можете вы доказать, что такая же власть была дана вашему Колумбе?» Колман признал, что нет. «И вы оба согласны, — добавил король, — что ключи от Царства Небесного были доверены святому Петру?» — «Согласны», — ответили они. «В таком случае, — заключил король, — раз Петр охраняет небесные врата, я буду подчиняться его наказам, а не то, когда я предстану перед этими вратами, никто не захочет мне их открыть, ибо тот, у кого ключи от них, станет мне враждебен». Все присутствовавшие согласились с королем и решили впредь повиноваться папе.

Миниатюра с изображением Богоматери. Страница так называемой «Келлской книги» или «Книги Св. Колумбы». Ирландия. VIII–IX вв.

VIII. Христианство и германизм в Англии

1. С VIII в. вся Англия присоединилась к Римской церкви. Короли опирались на нее главным образом потому, что были верующими, а также потому, что понимали: эта Церковь, наследница имперских традиций, дает им иерархию, организацию и опыт, которых им не хватает. Епископы и архиепископы долго будут естественными советниками королей. Со своей стороны, и Церковь поддерживает монархии; она нуждается в мирской власти, чтобы внушить уважение к своим законам. Папство значительно

[1] Мф. 16: 18–19.



Король бриттов Этельстан, предстоящий перед св. Кутбертом Линдисфарнским, одним из наиболее почитаемых святых в Англии. Миниатюра «Жития Св. Кутберта» Беды Достопочтенного. Около 930 г.

увеличило свою силу, сумев основать в Англии и Германии новые и покорные ему церкви. Церкви Востока оспаривали главенство Рима; церковь Франции была порой слишком независима, но английские епископы сами постоянно просят папу о вмешательстве в свои дела. Так что он отправляет в Англию настоящих проконсулов веры, которые для церковного Рима являются тем же, чем для имперского Рима были выдающиеся устроители провинций. Ничто не дает более величественного представления о всемирности Церкви, чем наблюдение за деятельностью епископа Теодора Тарского, малоазийского грека, и африканца аббата Адриана. Они привезли в Англию обширную латинско-греческую библиотеку и основали в Нортумбрии монастыри, которые своей ученостью будут соперничать с ирландскими. Вследствие любопытного парадокса средиземноморскую культуру сохранят для Галлии англосаксонские монахи. Когда сарацины достигли центра Франции, положив, как казалось, конец классической эпохе в Европе, в далеком, почти варварском королевстве монах Беда Достопочтенный писал по-латыни чарующую церковную историю Англии. Но этот Беда был учителем Эгберта, который стал в Йорке учителем Алькуина, а ведь известно, что именно Алькуин, призванный Карлом Великим, остановил во Франции интеллектуальный упадок.

2. Таким образом, Англия занимает свое место в истории латинской и христианской культуры. Но благодаря своеобразию натуры англосаксов, их вкусов и предшествующих традиций эта культура приобрела у них особые черты. VII и VIII вв. в Англии — эпоха святых и героев. Эти неистовые и сильные души были способны и на великие жертвы, и на великие преступления. Позже сплав христианской морали с моралью северного воина создаст героя рыцарских романов. Но в примитивные и темные времена равновесие между этими двумя силами сложно удерживать. То саксонские короли

становятся монахами или отправляются паломниками в Рим — Себби Эссекский пострижется в 694 г., Этельред, король Мерсии, в 704-м, его преемник Кенред Мерсийский закончит свою жизнь в Риме, как и Оффа Эссекский. То королей убивают, королевства опустошают, города отдают на поток и разграбление, а жителей истребляют. Церкви приходится также бороться против пристрастия к эпическим и воинственным поэмам, которые сказители, *gleemen*, аккомпанируя себе на арфе, исполняют на пиршествах в домах знати, а бродячие менестрели декламируют на деревенских улицах. Да и сами саксонские священники слишком уж увлекаются этими языческими поэмами. В 797 г. Алькуин вынужден написать епископу Линдисфарнскому: «Когда священники вместе трапезничают, пусть велят читать себе Слово Божье. В таких случаях подобает слушать чтеца, а не арфиста, речи Отцов Церкви, а не поэмы язычников. Что общего у Ингельда с Христом? Дом мал и не сможет вместить обоих». Но любовь к нордической поэзии была тогда так сильна, что один саксонский епископ по окончании богослужения переодевался и шел на мост петь о приключениях какого-то морского конунга.

Оффа Эссекский, король Мерсии.
Миниатюра. XIV в.

3. Хотя англосаксонская поэзия была весьма богата, до нас дошло всего одно целиком сохранившееся произведение — эпопея «Беовульф». Она нордическая по своему материалу, но между VIII и IX в. была переписана неким английским монахом с учетом христианских предрассудков того времени. Про нее говорили, что это «Илиада», в которой роль Ахилла исполняет Геракл. Она повторяет Зигфридову тему: уничтожение героем чудовища. Беовульф, шведский вождь[1], переплывает через моря и посещает замок конунга датчан. Там он узнает, что в замок каждую ночь пробирается некое чудовище Грендель и пожирает знатных воинов. Беовульф убивает

[1] Точнее, будущий конунг *гаутов*, которых анонимный автор поэмы отличает от *свеев* (собственно шведов) и даже противопоставляет им.

Гренделя; мать чудовища хочет отомстить ему, но герой преследует ее в ужасных краях, где та обитает, и избавляет мир от этой напасти. Вернувшись в Швецию, он сам становится королем и наконец гибнет, раненный отравленным зубом последнего дракона, которого хотел сразить. Он умирает благородно: «Я пятьдесят зим служил защитой этому народу. Не было конунга среди всех моих соседей, кто дерзнул бы встретиться со мной. Я крепко держал свою землю. Не прибегал к козням труса. Никогда не давал ложных клятв... И радуюсь, что смог, покуда не погиб, добыть такое сокровище для моего народа. Теперь мне незачем задерживаться здесь...»

4. Когда читаешь «Беовульф» или фрагменты других англосаксонских поэм, прежде всего поражает их меланхолическая тональность. Пустынные, скорбные пейзажи: скалы и топи. В «холодных течениях и ужасных пучинах» обитают ужасные чудовища. «Чтобы нарисовать эти мощные картины, с унынием северной природы должно было сотрудничать мрачное воображение». Это произведение народа, жившего во враждебном окружении. Но всякий раз, когда поэт говорит о море, он восхитителен. Есть в «Беовульфе» описания, достойные величайших эпических поэтов: отправление воинов в морской поход, похожие на птиц корабли с покрытыми пеной шеями или сверкающие береговые утесы и гигантские горные отроги в момент их прибытия... Но никогда англосаксонский поэт не достигает безмятежности Гомера. В «Илиаде» на равнине горят многочисленные погребальные костры; в «Беовульфе» на мертвечину набрасываются во́роны и орлы. Можно догадаться, что в этих лишенных солнца душах вместе с благородными порывами уживалось и некоторое потворство чувству ужасного. Однако это общество гораздо утонченнее, чем общество описанной Тацитом Германии. Ничего общего с англосаксонской «демократией», которую вообразили себе некоторые английские историки XIX в. В мире Беовульфа на переднем плане король и его воины. Чертоги властителей полнятся престолами, драпировками, золотыми украшениями. Король всемогущ, правда при условии, что сохранит поддержку своих дружинников. По отношению к ним он щедр: одаривает их землями, осыпает дарами. У каждого человека в поэмах есть свой господин, которому он обязан хранить верность, а тот за это должен отправиться в чужие земли. Более всего достойны презрения предатель и изменник. Жены вождей уважаемы, всегда присутствуют на пирах. Но любовь тут серьезна, лишена веселости; «в этой древней поэзии нет никаких любовных песен; любовь тут не забава и не сладострастие, но обет и преданность».

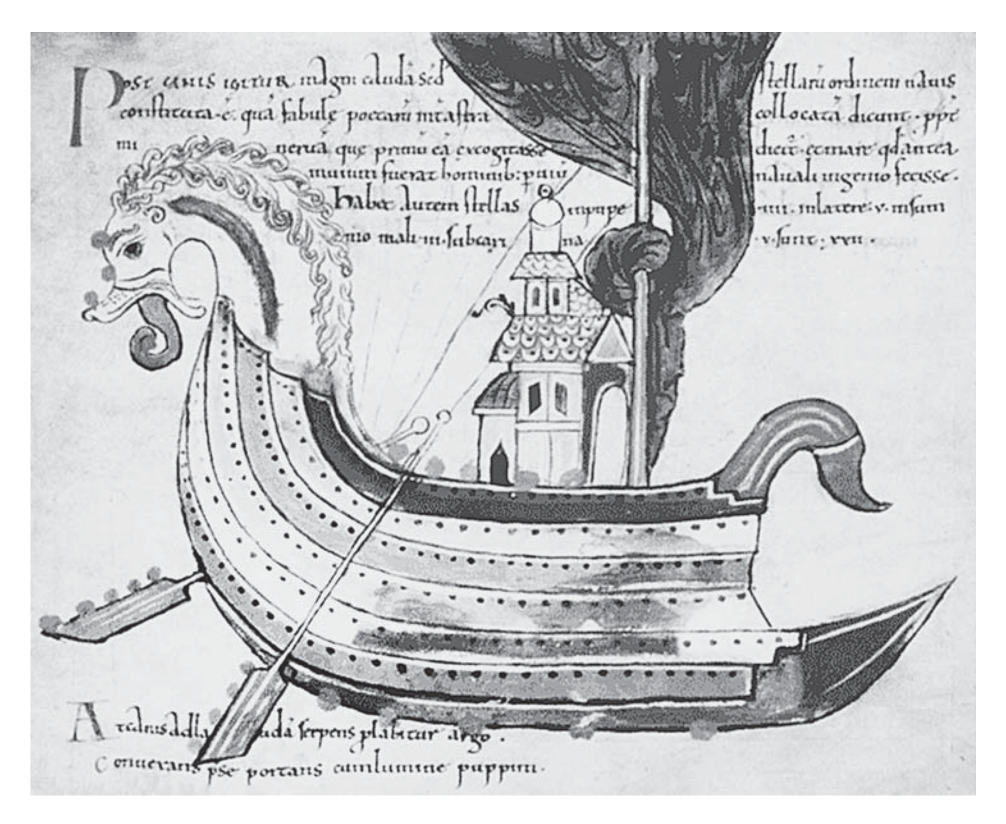
5. Весьма справедливо сближали англосаксонские поэмы с гомеровскими. В самом деле, и те и другие представляют черты того, что можно назвать героическими веками. В совершенно примитивных обществах самыми

сильными связями были родовые и племенные. Именно род каждого человека должен был добиться мщения за него и отвечал за его проступки. В героических обществах родовые связи постепенно ослабевают. Человек освобождается от племени. Избавленный от гнетущего его страха перед силами природы, он перестает сдерживать свое стремление к могуществу. Над политическими соображениями одерживают верх личные страсти. Это время поединков, войн ради чести. Однако, поскольку любое общество стремится приобрести власть над индивидом, формируются новые узы — на сей раз с помощью верности и дружбы. Герою ни в чем не свойственна умеренность, но он отважен и верен. Это придает определенную красоту характерам, в которых христианский моралист найдет элементы настоящего благородства. Вскоре герой станет проявлять свою щедрость по отношению к Церкви. Благочестивый король раздает земли епископам, монастырям. Остается, очевидно, еще смирить необузданность или же направить ее на достижение праведных целей. В XIII в., объединившем с героическими страстями христианское смирение и целомудрие, появится тип, которого древность не знала: *рыцарь*. Беовульф — уже почти христианский рыцарь. Его кончина — это кончина Ланселота. Изучая восхитительную фигуру короля Альфреда, мы увидим лучшее из того, что может произвести сплав римской цивилизации, варварской чести и христианской морали.

Пенни короля Оффы. VIII в.

IX. Вторжения данов и их последствия

1. В 787 г. «Англосаксонская хроника» впервые описывает появление в Англии людей с Севера, приплывших на трех кораблях «из страны воров». *Рив* ближайшей деревни, не зная, кем были эти люди, выехал к ним на лошади, как повелевал ему долг, и был убит. За этим убийством последовали шесть лет молчания, а потом, начиная с 793 г., почти все ежегодные краткие записи хроники содержат рассказ о каком-нибудь неожиданном налете «язычников». То они ограбили монастырь и истребили монахов, то «полчища язычников подвергли опустошению земли нортумбрийцев». Порой хронист с удовольствием отмечает, что некоторые из кораблей язычников оказались разбиты яростью моря, их гребцы утонули, а уцелевшие, что добрались до берега, были умерщвлены. Мало-помалу размеры вражеских флотов возрастают. В 851 г. «язычники впервые перезимовали на острове Танет; в том



Драккар викингов. Миниатюра. XI в.

же году они на трех сотнях кораблей вошли в устье Темзы и попытались взять приступом Кентербери и Лондон». В последующие годы «язычники» названы их настоящим именем — это даны, то есть датчане, и хроники теперь говорят только о действиях «Армии», или даже «Великой армии», то есть войска людей с Севера, порой достигающего 10 тыс. человек.

2. Те же племена, что обитали тогда в Швеции, Норвегии, Дании, и в самом деле были язычниками, поскольку их весьма мало затронула античная Римская империя и совсем не затронула Римская империя, ставшая христианской. Но они вовсе не были варварами. Раскрашенные корабли, фигуры, вырезанные на их носах, литературные достоинства их *саг*, сложность их законов доказывают, что они сумели создать свою собственную, самобытную цивилизацию. Викинги подчинялись вождям отрядов и храбро сражались, но любили битву отнюдь не ради самой битвы. Когда они могли заменить силу хитростью, они охотно это делали. Эти воины и грабители при случае становились и купцами, если видели, что их встречают на

берегу слишком многочисленные жители, и тогда предлагали им обменять на мед или рабов свой китовый жир или сушеную рыбу.

Носовая часть корабля викингов. IX в.

3. Почему же народы Севера, которые, казалось, веками игнорировали Англию, вдруг начали совершать на нее набеги в то же самое время, что и на Нейстрию? Предполагали, что первопричиной их нападений стало давление Карла Великого на саксов, которые, отхлынув к Дании, сообщили людям Севера об опасности, грозящей им от христианских держав. Хотя, быть может, проще допустить, что этому способствовал случай, потребность в приключениях, желание отважных мореходов всегда плыть дальше? У них, как позже у мальтийских рыцарей, стало обычаем, чтобы молодой человек «сходил в поход», то есть отправился в какую-нибудь экспедицию, где можно было показать свою храбрость. Население быстро росло. Младшим сыновьям и бастардам приходилось искать себе состояние в новых странах. Но их узкие и длинные корабли с единственным красным парусом на мачте, который редко поднимали, с воинскими щитами на бортах, попеременно желтыми и черными, с изображением морского чудовища на носу вовсе не были приспособлены к открытому морю. Как и все суда древности, они были гребными, а район плавания такого корабля неизбежно ограничен. Каждый переход требует полдня гребли, следовательно нужны две смены гребцов. Каждой смене приходится везти другую плюс тяжелое оружие, а это оставляет мало места для провизии. Сам корабль должен быть легким, стало быть, он не может противостоять большим океанским волнам. Потребовались века опыта и, без сомнения, бесчисленных кораблекрушений, чтобы викинги научились делить плавание на этапы и совершать его в благоприятное время. Мало-помалу они стали играючи перескакивать с острова на остров, пользуясь хорошей погодой, и строить более вместительные суда. Вот тогда-то они и появляются по всему свету. Шведы направились в сторону России и Азии; норвежцы открыли дорогу в Ирландию через север Шотландии и даже, делая остановку в Гренландии, добрались до Америки в поисках пушнины. Датчане выбрали внутренний путь, самый короткий, который вел из их страны прямиком к берегам Шотландии, Нортумбрии и Нейстрии.

4. Можно лишь удивляться быстрому успеху этих экспедиций, поначалу состоявших из небольшого количества людей, хоть и нападавших на обширные королевства, которые должны были с легкостью защитить себя.

Голова дракона — украшение носовой части драккара. Современная реконструкция

Но не стоит забывать, что: 1) викинги тогда обладали господством на море. Ни саксы, ни франки не сделали ни малейшего усилия, чтобы создать флот. Однако господство на море начинается с захвата маленьких островов, которые можно превратить в военно-морские базы. Сначала нападениям данов подверглись богатые монастыри, основанные первыми жаждавшими одиночества монахами на островах, таких как Иона или Линдисфарн. Верующие щедро одаривали монахов драгоценностями и золотом. Викинги грабили сокровища, истребляли монахов и захватывали остров. И как бы близок тот ни был к побережью, они становились неуязвимы. Так, остров Нуармутье стал их базой у берегов Франции, Танет — у берегов Англии, остров Мэн — в морях Ирландии; 2) господство на море позволяло им также выбирать место для нападения. Они находили, что в каком-то пункте противник слишком силен? Им легко было снова погрузиться на свои суда и попытать удачу где-нибудь еще, тем более что средства сообщения у их жертв были примитивными, а согласие среди них довольно редким. Что мог противопоставить им саксонский король? Он созывал ополчение всех свободных людей — *fyrd*. Это было сборище крестьян, вооруженных рогатинами, а иногда (когда король созывал подданных своих вассалов) даже вилами. Они долго собирались, их было трудно прокормить, и из-за сельскохозяйственных работ они не могли долго оставаться в строю. Одним словом — недостойные противники воинов Севера, которые в отличие от них были очень хорошо вооружены, защищены кольчугой и стальным шлемом и превосходно владели боевым топором. Единственными англами, способными им противостоять, были дружинники короля *(comitati, gesiths)*, но они были немногочисленны, а даны между тем беспрестанно совершенствовали свою тактику. Вскоре они научились сразу же после высадки захватывать местных лошадей и сажать на них пехоту, а потом спешно возводили маленькую крепость. Саксы, люди полей и лесов, никогда не строившие укрепленных городов, уже потерявшие свои мореходные навыки, да к тому же разобщенные, позволили захватчикам завоевать почти всю страну. Ирландия, пребывавшая тогда в полной анархии, была покорена первой, потом пали Нортумбрия и Мерсия. Вскоре был наполовину потерян и сам Уэссекс. Могло показаться, что вся Англия стала провинцией Северной империи.

5. Непосредственным результатом датских вторжений стало ускоренное формирование в саксонской Англии класса профессиональных военных. Проблема обороны страны имела три решения: 1) массовое ополчение

свободных людей, *fyrd*; короли еще долго продолжали прибегать к нему, но мы видели, почему он был недостаточно эффективен; 2) наемники, то есть люди, которые воюют за плату, — *solde*, вот откуда слово *солдаты* (это был метод последних римских императоров, его же будут использовать короли Кнут и Гарольд), но саксонские монархи не имели доходов, которые позволили бы им содержать войско; 3) постоянная армия, состоящая из профессиональных воинов, которым государь вместо платы уступает земли. И вот между концом Римской империи и X в. вся Европа мало-помалу приняла именно это решение, потому что при отсутствии сильных государств никакого другого просто не было. Некогда существовало распространенное мнение, что феодализм в Англию был занесен в XI в. нормандцами. Один историк довольно остроумно возразил на это, что феодализм в Англию был занесен сэром Генри Спелманом, эрудитом XIX в., который первым создал связную систему из набора довольно смутных правовых обычаев. Истина же состоит в том, что феодализм вначале не был сознательно избранной системой, но результатом многих естественных преобразований. Когда в Англию прибыли саксонские племена, один и тот же человек был и воином, и крестьянином. Свободный человек потому и был свободным, что владел оружием. Когда же после датских вторжений экипировка воина стала слишком дорогой для среднего земледельца, военное ремесло непременно должно было превратиться в профессию одного-единственного класса.

6. Почему свободный крестьянин признал превосходство этого класса? Потому что не мог без него обойтись. Связь с тем, кто тебя превосходит, в смутные времена оборачивается большим преимуществом: ведь это не только хорошо вооруженный военный вождь, но и защитник прав собственности своих людей. Когда центральная власть в государстве сильна, как в Римской империи или при будущих королях Тюдорах, люди полагаются на это государство и признают свои обязанности по отношению к нему. Но как только государство слабеет, человек ищет себе более эффективного и близкого защитника и именно по отношению к нему признает свои военные и денежные обязательства. Абстрактные связи заменяются личными. В хаосе мелких английских королевств, беспрестанно враждующих друг с другом и опустошенных нападениями пиратов, несчастный крестьянин, *ceorl*, больше не мог сохранить свою землю и жизнь, иначе как при поддержке хорошо вооруженного солдата, а потому соглашался платить ему за эту защиту натурой, работой или деньгами. Позже этот опыт породит принцип: «Нет земли без сеньора». Но поначалу в феодализме не было ничего утвердительного, он был «полным уничтожением права собственности и дроблением прав государства». Гизо писал, что это было соединением собственности и верховной власти. Точнее, собственность и верхов-

Флот викингов у берегов Британии. Миниатюра. XI в.

ная власть на время переходят к тому, кто только и может защитить одно и осуществить другое. Как и все людские установления, оно родится из необходимости и исчезнет, когда центральная власть, снова став сильной, сделает его бесполезным.

7. Другим результатом датских вторжений будет ослабление соперничества англосаксонских королевств. Внешнее давление дает народам сходного происхождения, но разделенным старыми распрями, чувство единства. Уже некоторые из англосаксонских королей провозглашали себя королями всей Англии. Их даже обозначали особым словом: *бретвальда (bretwalda)*. Эгберт Уэссекский, первый монарх (802–839), от которого происходит нынешний король Англии, был восьмым *бретвальдой*. Эти саксонские государи не так могущественны, какими станут позже нормандские короли. Но они подготовили для них почву и уже смогли (в противоположность происходившему тогда на континенте) превратить свою знать в аристократию скорее по праву службы, нежели по праву рождения. *Таны (thanes)* держат свои земли от короля, потому что как воины, чиновники или церковники являются его слугами. Без короля они ничто, но и король ничего не может без них. Он принимает важные решения только с ними, в своем совете. Саксонский король абсолютен не более, чем абсолютно наследственно само Саксонское королевство. Наконец, со времени обращения в христианство король является сакральным вождем, которого оберегает и наставляет Церковь. Он должен более, чем кто-либо, почитать ее заповеди. Образ праведного государя, который держит совет с мудрыми людьми ради всеобщего блага, крепко запечатлеется в английской душе задолго до нормандского завоевания благодаря таким выдающимся саксонским монархам, как Альфред, и всякий раз, когда на протяжении истории Англии возникнет опасение, что этот образ поблекнет или сотрется, его в нужное время вновь оживят Эдуард I, Генрих VII или Виктория.

X. От короля Альфреда до короля Кнута

1. Альфред — легендарный властитель, чья легенда правдива. Этот простой и мудрый человек, одновременно воин, моряк, писатель и законодатель, спас христианскую Англию. Он обладал всеми добродетелями благочестивых королей, не имея ни их слабостей, ни их безразличия к делам мира. Его приключения похожи на волшебную сказку и рыцарский роман. Подобно многим героям романов, он — младший сын короля Этельвульфа. Он рос во времена вторжений, под грохот битв, и трое его братьев

были убиты врагом. Болезненный и чувствительный мальчик был наделен энергией тех слабых, которые хотят стать сильными. Став превосходным наездником и охотником, он также с самого детства тянулся к знаниям. «Но увы! То, чего он желал более всего — изучать науки и свободные искусства, — было совершенно невозможно, ибо в те времена истинных ученых в королевстве Уэссекс уже не осталось». В старости он признается, что наибольшее огорчение его жизни состояло в том, что, когда он был в подходящем возрасте и имел досуг, чтобы учиться, ему не удалось найти учителей, а когда смог наконец собрать вокруг себя ученых, оказался так занят войнами, хозяйственными заботами и собственными недугами, что не смог читать столько, сколько хотел. Подростком он отправился паломником в Рим, где папа сделал его консулом, а вернувшись в Англию, отличился вместе с братьями в борьбе против датской «Великой армии». Когда последний из его близких был убит, совет мудрейших *(Witan)* избрал Альфреда королем в обход его племянников, слишком юных, чтобы править во время войны.

2. В первый же год своего правления ему пришлось сразиться с данами, но, располагая лишь горсткой людей, он потерпел поражение. Как это часто делали до него франкские и саксонские короли, он купил мир у датской «Армии» выплатой дани. Но успешный шантаж лишь подстегнул датчан вновь начать боевые действия. Они захватили земли на севере и востоке, а потом, когда закончилось это завоевание, новая орда во главе с языческим конунгом Гутрумом опять хлынула в Уэссекс. Паника поначалу была полной. Альфреду пришлось бежать почти одному на остров Этелни (Athelney), и там, посреди болот, он построил с немногими соратниками маленькую крепость. В XVII в. неподалеку от этого места было найдено в земле великолепное украшение из золота, хрусталя и перегородчатой эмали с надписью: «Альфред велел меня сделать». Эта знаменитая «драгоценность Альфреда», которая была потеряна королем во время бегства и хранится теперь в Оксфордском музее, подтверждает правдивость древних хроник. Король скрывался в болотах всю зиму, а даны тем временем считали себя полновластными хозяевами Уэссекса. Но ближе к Пасхе он покинул свое убежище и велел тайно созвать в месте, которое называлось Камень Эгберта, ополчение Сомерсета, Уилтшира и Хэмпшира. Радость саксонских крестьян, обнаруживших своего короля живым, была так велика, что они тотчас же захотели пойти вместе с ним против «Великой армии». Датчан гнали вплоть до их укреплений и осаждали до тех пор, пока те, больше не имея пропитания, не решили сдаться. Альфред согласился сохранить им жизнь, но потребовал, чтобы «Армия» покинула Уэссекс, а Гутрум и главные датские вожди дали себя окрестить. Через три недели Гутрум и двадцать девять других вождей

приняли крещение. Их крестным отцом был сам король. Потом был подписан договор и определена граница между Уэссексом и Страной Датского права (Danelaw). С этого момента датчане остались хозяевами востока и севера Англии, а Альфред смог мирно править на территориях, расположенных к югу от этой границы.

Альфред Великий. Миниатюра «Генеалогических хроник английских королей». Конец XIII в.

3. Пример Альфреда Великого показывает, какую огромную роль может играть личность в истории народа. Если бы не его стойкость, целая страна попала бы под власть язычников. Это не стало бы концом Англии, но ее ожидала бы тогда совсем другая судьба. Ум одновременно самобытный и простой, Альфред одинаково хорошо преобразовал как армию с флотом, так и правосудие с образованием. Он увеличил численность армии, возвысив до ранга *танов* всех свободных людей, владевших пятью *хидами* земли, а также купцов из портовых городов, которые совершили по меньшей мере три плавания на собственные средства, и потребовал от этой мелкой знати «рыцарской» службы. Большой слабостью англосаксонских войск всегда был короткий срок службы. Альфред создал «разряды», или «звенья», которые можно было призывать по очереди. Велел восстановить укрепления старинных римских городов, а еще ему пришла в голову вполне современная идея: создать два эшелона обороны — мобильную армию и территориальную. Рыцари, жившие рядом с укрепленным селением *(бургом, burgh)*, во время войны были обязаны прибыть туда; те же, кто жил в сельской местности, образовывали подвижное войско. Он создал и флот, правда немногочисленный, но корабли, задуманные им самим, были, похоже, устойчивее, чем корабли викингов. Он составил свод законов, где объединил правила жизни, которым следовали тогда люди его страны, от десяти заповедей Моисея до законов англосаксонских королей. «Я ничего не хотел менять, — сказал он почти дословно, — потому что не знал, понравится ли это тем, кто придет после меня». Таким образом, он поддерживал старую систему *вир (wergeld)*, то есть выкупа за преступление, *кроме случаев измены*. Для изменившего своему королю или своему сеньору отныне не будет ни выкупа, ни прощения. Человек уже не мог

защищать даже собственного родственника против своего господина. Это было победой неофеодальных концепций над старинными племенными представлениями.

«Драгоценность Альфреда Великого». Ювелирное изделие из золота и финифти, по преданию принадлежавшее легендарному королю. Конец IX в.

4. Альфреду предстояло много сделать, чтобы оживить тягу к учебе в стране, где войны и невзгоды уничтожили всякую науку. «Когда я взял под свою руку это королевство, не знаю, имелся ли хоть один человек к югу от Темзы, который сумел бы перевести свой молитвенник на английский». Король учредил школы, чтобы обучать в них сыновей знати и богатых свободных людей латыни, английскому, верховой езде и соколиной охоте. И именно он также повелел начать «Англосаксонскую хронику», куда заносились основные события каждого года, которые сегодня так ценны для нас. Быть может, он даже сам диктовал историю своего времени. Он вообще много писал, но скорее не как автор, а как переводчик, впрочем весьма дотошный; в первую очередь он искал дословный смысл — «слово в слово», или, как он говорил, «мысль в мысль», а потом выражал его на хорошем английском. Если тема его интересовала, он добавлял к тексту пассажи, написанные им самим. Целью этих переводов было сделать полезные, по его мнению, тексты доступными для народа, который уже не знал латыни. Так, он перевел «Церковную историю» Беды, «Всеобщую историю» Орозия, «Пастырское правило» Григория Великого (пятьдесят экземпляров которого разослал епископам и монастырям своего королевства) и особенно «Утешение» Боэция, которое наверняка понравилось этому королю-философу.

5. Сколь любопытное и прекрасное зрелище — удрученный заботами государь страны, которой постоянно угрожает опасность, пишущий с трогательной простотой: «И тогда среди многочисленных и разнообразных бедствий этого королевства я начал переводить на английский книгу, которая называется по-латыни *Pastoralis*». Он воодушевлял как художников, так и ученых. Говоря о легендарном кузнеце Виланде, он называет его мудрым и добавляет: «Я называю его мудрым, потому что хороший ремеслен-

ник никогда не сможет утратить свое умение, это его неотъемлемая собственность, подобно тому как солнце не способно сбиться со своего пути». Потом, припомнив слышанные в детстве легенды, он вопрошает, предвосхищая Вийона: «Где теперь кости Виланда?» Наконец, его биограф сообщает нам еще один факт: желая, чтобы во всех монастырях соблюдали часы богослужения, он придумал поместить в роговой фонарь четыре свечи тщательно выверенного веса, каждая из которых должна была гореть четыре часа. Таким образом, когда их зажигали по очереди, устройство более-менее точно указывало время.

6. После кончины Альфреда прошедшие его школу преемники еще больше укрепили престиж англосаксонских монархов. Они отвоевали у датчан сначала Мерсию, потом Нортумбрию. Король Ательстан (924–941) мог без преувеличения именоваться «королем всех частей Британии». Сами датчане, обосновавшиеся в Восточной Англии, смешивались с англосаксонским населением и уже начинали считать его язык своим. Но этот внутренний мир требовал двух условий: сильного короля и прекращения вторжений. Однако если нападения пиратов, казалось, стали реже, то лишь потому, что люди Севера в своих собственных странах боролись друг с другом за создание норвежского и датского королевств. Когда этот период борьбы закончился, вторжения авантюристов возобновились, тем более активные, что из новых монархий бежали многие недовольные. Мы находим в «Англосаксонской хронике» на протяжении всей второй половины X в. ту же зловещую прогрессию, что и во времена первых вторжений. Поначалу это всего лишь шайки грабителей, семь-восемь кораблей, потом настоящие флотилии, потом войско, потом «Великая армия». Это новое вторжение совпадает с правлением бездарного короля Этельреда. Вместо того чтобы обороняться, он вернулся к самому трусливому методу и решил откупиться от «Великой армии» данью в 10 тыс. фунтов. Чтобы заплатить эту огромную сумму, ему пришлось ввести особый поземельный налог, *Danegeld (деньги данов)*, в три-четыре шиллинга с *хида* находившейся в собственности земли. Разумеется, датчане, прельщенные перспективой обогащения, становились все более требовательными, и после смерти сына Этельреда Эдмунда Железнобокого, который пытался бороться, но был убит, совет мудрейших не увидел другого решения, кроме как предложить корону предводителю «Великой армии» Кнуту, брату короля Дании, молодому человеку двадцати трех лет. «Вся страна, — говорит хронист, — выбрала Кнута и покорилась тому, кому еще недавно сопротивлялась».

7. Выбор оказался удачным. Кнут был суровым и даже жестоким врагом, но он отличался умом и умел находить компромисс. Он начал с женитьбы на вдовствующей королеве Эмме Нормандской, женщине старше

Кнут Великий и его первая жена Эльфгифу, предстоящие перед Христом. Миниатюра манускрипта Liber Vitae. IX–XI вв.

его, но которая связывала его с новым королевством. И сразу же показал, что не будет делать никакого различия между англами и данами. Более того, он даже казнил тех представителей английской знати, кто предал его противника Эдмунда Железнобокого. «Как сможешь ты, человек, предавший своего господина, стать верным слугой?..» Он распустил свою большую армию и оставил только сорок кораблей, экипажи которых, примерно три тысячи двести человек, образовали его личную гвардию. Они стали элитным войском, *хускарлами (housecarls* или *Hus-Carles)*, которые, вопреки феодальным обычаям, получали не земли, а плату. Чтобы платить им, Кнут продолжил взимать *Danegeld* (или просто *Geld*) и оставил в наследство Вильгельму Завоевателю этот поземельный налог, принятый населением. В 1018 г. Кнут созвал данов и англов на большой съезд в Оксфорде, где те и другие поклялись соблюдать древние англосаксонские законы. Удивительной личностью был этот царственный пират, в столь молодом возрасте превратившийся в беспристрастного короля-охранителя. Приняв христианство, он проявил такое благочестие, что даже отказался носить корону и подвесил ее над главным алтарем Винчестерского собора, дабы показать, что единственный король — Бог.

8. Кнут, король Англии с 1016 г., король Дании с 1018 г. (после смерти своего брата), в 1030 г. завоевал Норвегию и ценой многочисленных уступок получил вассальную клятву верности от короля Шотландии. Англия опять оказалась связана с судьбой северных народов. Если бы дело Кнута продолжилось и если бы из Нормандии не явился Вильгельм, чтобы закре-

пить римское завоевание, кто знает, какой была бы история Европы? Но англо-скандинавская империя оказалась нежизнеспособной. Собранная наспех из народов, разделенных опасными морями и толком не знавших друг друга, она существовала лишь благодаря одному человеку. И когда Кнут умер в сорокалетнем возрасте, его творение не пережило творца. После некоторой борьбы между его сыновьями Совет мудрейших снова проявил свой эклектизм и, вернувшись к саксонской династии, выбрал королем Эдуарда, второго сына Этельреда. Эти чередования укрепляли авторитет совета, а престиж королевской власти как выборной магистратуры заметно снижался. Многими *ширами* теперь управляли графы, и, если бы их не уничтожило нормандское завоевание, они стали бы настоящими местными царьками и опасными соперниками короля.

Серебряная монета Кнута Великого. XI в.

XI. Нормандское завоевание

1. Роллон, который в 911 г. по устному соглашению в Сен-Клер-сюр-Эпте получил от Карла Простоватого герцогство Нормандия, принадлежал к тому же племени, что и захватчики, обосновавшиеся в Восточной Англии. Но век спустя обе эти ветви одного и того же древа развились столь по-разному, что во времена нормандского завоевания даны из Англии называли данов из Франции французами. Английские даны, встретив еще недостаточно укоренившуюся в стране европейскую цивилизацию, оказали на нее довольно большое влияние, в то время как нормандские даны, познакомившись в лице Франции с Римом, с поразительной быстротой пропитались латинским духом. С конца X в. нормандцы в Руане говорили исключительно по-французски, так что понадобилось отправить наследника герцогства в Байё, чтобы он там выучил язык своих предков. Сплав старого римского порядка и молодой нормандской энергии дал превосходные результаты. «О Франция, — писал хронист, — ты была удручена и повержена на землю... Но вот пришло к тебе из Дании новое племя... Заключен союз, и мир воцарился между ним и тобою. Это племя возвысит до небес твое имя и твое господство».

2. «Мир герцога Нормандского», уважение к закону, которое он очень быстро сумел внушить на своей земле, вызвал восхищение хронистов. Они рассказывали, что, когда герцог Роллон подвесил на дубе в лесу Румар

Крещение Роллона, герцога Нормандского, в Руане в 912 г. Миниатюра. XV в.

(Rollinis mare) золотые кольца, они провисели там три года. В старинных словарях утверждалось, что клич *haro* был изначально призывом к покровительству Роллона: «Ha! Rol!» Разумеется, бароны, былые предводители пиратов, *ярлы,* плохо переносили эту дисциплину и продолжали разрешать свои частные конфликты с неописуемым буйством и жестокостью. Но герцоги умели навязать свою волю. Никаких крупных вассалов в Нормандии не осталось. Ни один сеньор не был тут достаточно силен, чтобы противостоять герцогу. А тот имел в каждом округе своего представителя, виконта, который был не просто управителем его владений, но настоящим губернатором. Герцог Нормандский взимал налоги деньгами и располагал управлением финансов — казначейством. Из всех монархов своего времени он больше всех был похож на главу современного государства.

3. Нормандцы гораздо раньше англосаксов восприняли иерархию и церемониал континентального рыцарства. Феодализм на континенте развился по той же причине, что и в Англии (необходимость местной обороны), но в XI в. он был подчинен здесь более четким правилам. Ступенью ниже герцога Нормандского стояли бароны, сами командовавшие рыцарями. Рыцарем считался всякий собственник земли, владение которой включало в себя рыцарскую службу. По призыву своего барона рыцарь должен был явиться конным, вооруженным и оставаться на войне 40 дней. Это был короткий срок, но годившийся для малых кампаний. Для долгосрочных предприятий, таких как завоевание Англии, требовались особые договоры. Самому барону полагалось ответить на призыв своего герцога и привести зависевших от него рыцарей. Феодальные церемонии в Нормандии, как и в остальной Европе, включали в себя символическую клятву верности: «Вассал на коленях и без оружия подавал сложенные руки своему сюзерену и объявлял себя его вассалом за такой-то лен; сюзерен поднимал его и целовал в губы; потом вассал стоя присягал ему на Евангелии». Чтобы освободиться от присяги, требовалось *diffidatio (недоверие)*, которое позволялось только в определенных случаях.

4. Церковь принимала непосредственное участие в рыцарских церемониях. После обращения былых норманнов в христианство их герцоги приобрели особое расположение папы благодаря своему рвению, с которым они восстанавливали монастыри и церкви, разрушенные их предками. Они были прирожденными архитекторами, которых всегда отличало единство замысла, напоминавшее об их потребности в государственном единстве, и они одними из первых в Европе стали строить прекрасные соборы. Они приглашали сведущих людей даже из самого дальнего далека. Так, ломбардец Ланфранк (Ланфранкини), обучавшийся в Павийской школе, приехал преподавать право в Авранше и стал там знаменит. Однако потом, устыдившись своего невежества в вопросах религии, он пожелал стать монахом беднейшей обители. И вступил в ту, которую Герлуин построил на берегу Риля; она и сегодня еще называется Bec-Hellouin *(Bec,* как и немецкое слово *bach,* означает *ручей).* Ланфранк основал там столь известную школу, что бретонцы, фламандцы и даже немцы приезжали туда, чтобы учиться у него. Но ему пришлось покинуть эту очаровательную долину, чтобы стать сначала настоятелем аббатства Святого Стефана в Кане, а потом и архиепископом Кентерберийским.

5. Надо объяснить, как у герцога Нормандского в XI в. смогла зародиться мысль стать королем Англии. После смерти весьма заурядных потомков Кнута совет мудрейших возвел на престол естественного наследника саксонских королей Эдуарда, прозванного Исповедником из-за его крайней набожности. «Он говорил во время божественной службы, — простодушно сообщает его биограф, — только если хотел задать вопрос». Похоже, Эдуард Исповедник был человеком добродетельным и мягким, но безвольным и почти по-детски наивным. Он дал обет целомудрия, что не помешало самому могущественному из *элдорманов* Годвину, некогда простому местному сеньору, но ставшему всемогущим в Уэссексе, женить его на своей дочери. Хотя брак и был формальным, он все равно тешил тщеславие Годвина, который весьма рассчитывал играть в доме своего зятя роль майордома. Кто знает? Ведь заменили же однажды Капетинги своих прежних господ... Эдуард, воспитанный в Нормандии, был гораздо больше нормандцем, нежели англичанином. Он окружил себя нормандскими советниками и назначил нормандца Робера Шампара, Жюмьежского аббата, архиепископом Кентерберийским. Как-то раз его навестил кузен из Руана Вильгельм Незаконнорожденный (ставший позже Вильгельмом Завоевателем) и впоследствии всю жизнь утверждал, что во время этого визита Эдуард пообещал сделать его своим преемником на престоле. На самом деле Эдуард не мог передать ему корону, это зависело не от него, а от Совета мудрейших. Но возможно, что он и впрямь неосмотрительно пообещал ее Вильгельму,

Эдуард Исповедник. Миниатюра. XIV в.

как обещал Гарольду, сыну Годвина, и Свейну, королю Дании. Доброжелательный и бестолковый, он был похож на тех состоятельных дядюшек, которые обещают сделать наследниками всех своих племянников. Он дал обет совершить паломничество в Рим; папа освободил его от этого обещания при условии, что он построит аббатство. Эдуард построил Вестминстерское и перенес поближе к нему свой дворец, который прежде находился в лондонском Сити. Этот благочестивый поступок Исповедника имел (по замечанию Тревелиана) важные и непредвиденные последствия: убрав из Сити королевский дворец, он допустил рождение в среде лондонских буржуа того независимого духа, который будет постоянно оказывать влияние на историю страны. Эдуард Исповедник умер в июне 1066 г. и остался популярным в народе. После его кончины еще долго каждый новый английский государь клялся соблюдать «законы Эдуарда», хотя тот за всю свою жизнь не издал ни одного закона. Но он был последним англосаксонским королем до нормандского завоевания и по этой причине стал для англичан символом независимой Англии.

6. Вильгельм Незаконнорожденный, герцог Нормандии, был внебрачным сыном герцога Роберта и дочери кожевника из Фалеза Арлетты. Он был признан своим отцом и наследовал ему. Бароны поначалу отчаянно сопротивлялись малолетнему государю, да к тому же еще и бастарду. Вильгельм тогда прошел суровую школу, однако в результате стал не только полновластным хозяином своего герцогства, но и увеличил его, завоевав Мэн. Он сделал свою Нормандию мирной и процветающей. Это был человек упрямой воли, умевший в случае неудачи затаиться и выжидать. Когда он решил жениться на Матильде, дочери графа Бодуэна Фландрского, папа римский запретил этот союз из-за некоторого родства жениха

и невесты, которое делало его с церковной точки зрения незаконным. Вильгельм проявил терпение и потом все-таки заключил этот брак. И ужасно разгневался на Ланфранка, Бекского приора, который осмелился порицать его за неповиновение запрету понтифика. Правда, потом он воспользовался тем же Ланфранком, чтобы выторговать себе папское прощение, которое в конце концов получил при условии, что построит две красивые церкви в Кане: для мужского монастыря Абэй-оз-Ом и для женского монастыря Абэй-о-Дам (соответственно церкви Святого Стефана и Святой Троицы). Как раз во время этих переговоров необычайно ловкий Бекский приор и завязал близкие отношения с самым могущественным человеком Рима — с монахом Гильдебрандом, будущим папой Григорием VII. Два честолюбия поладили друг с другом: Вильгельм мечтал стать королем Англии, и для осуществления этого великого замысла папа мог ему пригодиться, а Гильдебранд мечтал сделать папу сюзереном и судьей всех властителей христианского мира, и один кандидат на трон уже охотно принимал по отношению к Риму обязательства, которые законный король отверг бы.

7. Какие же права были у Вильгельма на корону Англии? Если основываться только на его родословной, то никаких. У герцога Нормандского с добрым королем Эдуардом имелась только общая двоюродная бабка, да к тому же он был бастардом. Впрочем, в XI в. английские короли были выборными, и корону им мог дать только Совет мудрейших, *Витан*. Обещание

Король Гарольд, сын Годвина. Фрагмент гобелена из Байё. XI в.

Драккары Вильгельма Завоевателя направляются к берегам Британии.
Фрагмент гобелена из Байё. XI в.

Эдуарда? Слабоватый довод, поскольку Эдуард сулил корону всем кому не лень, хотя вообще не имел права обещать ее кому-либо. Но Ланфранк и Вильгельм, бывшие людьми хитроумными, которые всегда придавали своим желаниям «нравственные» с виду основания, затеяли против единственного опасного соперника, Гарольда, сына Годвина и шурина Эдуарда, настоящую дипломатическую махинацию. Этот несчастный Гарольд после кораблекрушения у берегов Понтьё попал в плен к графу де Понтьё, затем был освобожден Вильгельмом и доставлен в Руан. Там герцог дал ему понять, что тот совершенно свободен, но при одном условии: ему надо лишь признать Вильгельма своим сюзереном и стать в феодальном смысле «его человеком». Во время этой церемонии Гарольд должен был принести некую клятву, о которой в точности ничего не известно. Поклялся ли он жениться на дочери Вильгельма или подтвердить его права на трон Англии? Во всяком случае, он поклялся в чем-то, что приберегли, дабы потом использовать против него. Хронист рассказывает даже, что нормандцы скрыли под клятвенным столом два ларца с мощами святых. Все, что мы знаем о Вильгельме, делает историю вполне правдоподобной.

8. Чего стоила клятва по принуждению? Оказавшись на свободе, Гарольд не счел себя связанным ею, а впрочем, выбор короля Англии по-прежнему от него не зависел. Когда умер Эдуард, Совет мудрейших ни мгновения не поколебался между крупным вельможей, храбрым и всеми люби-

мым Гарольдом, и единственным отпрыском Эгберта Эдгаром Ателингом. В двадцать четыре часа избранный королем Гарольд был коронован в новом Вестминстерском аббатстве. О Вильгельме речь даже не шла. Но тотчас же заботами Вильгельма и Ланфранка по всей Европе и особенно в Риме разразилась великолепно подготовленная пропагандистская кампания. Герцог Нормандский призывал весь христианский мир в свидетели клятвопреступления, жертвой которого он стал. «Его вассал Гарольд, нарушив одновременно феодальный закон и торжественную клятву, вырвал корону, обещанную усопшим монархом тому, кто хоть и отдаленно, но все-таки является человеком королевской крови, тогда как сам Гарольд не более чем узурпатор». Недобросовестность Вильгельма тут очевидна; он знал лучше, чем кто-либо другой, как была получена эта клятва и чего стоили его права на престол. Но дело, ловко представленное и судимое, следуя феодальным предрассудкам, похоже, оборачивалось для Гарольда довольно плохо. Подобно тому как сегодня существуют принципы международного права, в те времена существовали принципы феодального права, и те, кто их меньше всего соблюдал, упрекали других в том, что те их нарушают. Впрочем, Рим был за герцога Нормандского, потому что тот обязался провести в жизнь идеи Гильдебранда и реформировать Английскую церковь. Папа признал правоту Вильгельма и вручил ему в знак благословения его предприятия освященное знамя и перстень с волосом святого Петра.

9. Для такого трудного предприятия обычного для нормандских рыцарей призыва на сорок дней было недостаточно. *Хускарлы* Гарольда были превосходным и грозным войском. Когда Вильгельм в первый раз поделился своими планами с баронами, собравшимися в Лильбонне, те проявили мало воодушевления. Дело казалось им ненадежным. Но Вильгельм обладал искусством представить разбойничий налет настоящим Крестовым походом, причем сулившим выгоду. Каждому из своих нормандских вассалов он пообещал земли в Англии и деньги. Его брат Одо, епископ Байё и скорее солдат, чем священнослужитель, тоже набрал воинов. Потом Вильгельм разослал приглашения по всей Европе. Жаждущие приключений бароны стали прибывать из Анжу, Бретани, Фландрии, даже из Апулии и Арагона. Это была довольно медленная мобилизация, но это было и не важно, поскольку прежде, чем погрузить войско на корабли, требовалось их построить. На гобелене из Байё можно видеть, как валят лес, чтобы построить 750 судов, необходимых для перевозки 12–15 тыс. человек, в том числе 5–6 тыс. всадников. Флот был готов к началу сентября 1066 г. И еще две недели Вильгельма задерживали встречные ветры. Как часто бывает в людской истории, эта задержка, на которую он так сетовал, на самом деле облегчила ему победу. Ибо тем временем к берегам Нортумбрии на 300 кораблях

прибыл конунг Норвегии Харальд. Призванный предателем братом Гарольда графом Тостигом, он тоже явился требовать корону Англии. Гарольду, поджидавшему Вильгельма возле острова Уайт, внезапно пришлось поспешить на север со своими *хускарлами*. Он одержал над норвежцами полную победу и уничтожил их войско. Но на следующий день после победы он узнал, что 28 сентября Вильгельм высадился без боя на песчаном берегу Певенси. Ветер переменился.

10. Гарольд двинулся форсированным маршем на юг. Дело для него начиналось плохо. Его гвардия поредела в битве против норвежцев. Северные *таны*, только что побывавшие на поле боя, не слишком горели желанием последовать за ним. Епископы были смущены покровительством, которое Святой престол оказывал Вильгельму. Была в стране и «нормандская партия», образованная всеми французами, которых привлек в страну Эдуард Исповедник. Единственное сражение этой войны было дано на дороге между Лондоном и Гастингсом. Тут столкнулись два типа армий. Люди Гарольда, следуя местной традиции, были «конной пехотой», то есть передвигались верхом, но сражались пешими. Нормандцы же, наоборот, атаковали в конном строю при поддержке лучников. Поначалу нормандской кавалерии не удалось с налету овладеть вершиной холма, которую защищали англичане. Тогда Вильгельм, хороший тактик, применил вечную военную уловку: скомандовал мнимое отступление. И пехота Гарольда оставила свои позиции, чтобы преследовать бегущего неприятеля. Когда нормандцы увидели, что войско Гарольда достаточно увлеклось погоней, их кавалерия развернулась и двумя крыльями обхватила английских пехотинцев. Это была настоящая бойня, в которой погиб и сам Гарольд. Превосходство кавалерии, уже солидно установившееся на континенте, было еще раз подтверждено этой битвой.

11. Продолжение военных и дипломатических операций окончательно проясняет характер Вильгельма. Он не стал брать Лондон приступом, а взял город в кольцо, окружил его зоной разоренных земель и стал ждать неизбежной капитуляции. Вместо того чтобы немедленно провозглашать себя королем Англии, он подождал, пока корону ему не предложат, и даже тогда для виду колебался. Следуя своему обычному методу, он пытался «возложить вину на вероятных противников» и хотел предстать в глазах всех как законный король. Наконец на Рождество 1066 г. он был коронован в Вестминстере. И уже заложил на берегу Темзы первые камни крепости, которая станет знаменитым и зловещим лондонским Тауэром.

12. Что же нашли эти нормандцы в Англии? Народ, состоявший из крестьян, саксонских и датских первопоселенцев, чьи деревенские общины, разделенные лесами и пустошами, группировались вокруг деревянной церкви

Битва при Гастингсе. Гибель короля Гарольда. Английская миниатюра. Конец XIII в.

и жилища сеньора. Кельты Уэльса и Шотландии не входили в состав королевства, завоеванного Вильгельмом. Как и римляне, саксы отказались от мысли победить кельтские племена на севере и западе. Это Английское королевство гораздо меньше Французского, сильному королю будет довольно легко управлять им. Оно давно обладает монархией, Церковью, поземельным налогом *(geld)* и народным ополчением *(fyrd)*. Нормандские короли воспользуются этими инструментами, но бо́льшую часть институтов, которые составят самобытность Англии, дадут именно они. Саксонские короли не созывали парламент, не велели судить преступников королевским судьям вместе с присяжными, и они не основали настоящих университетов. Из саксонских институтов сохранятся только те, которые управляли сельской жизнью на местах. Прекрасные саксонские слова, обозначающие орудия труда крестьянина, животных его стада или плоды его урожая, до нашего времени сохранят свои простые и сильные формы. Деревенские собрания превратятся в приходские, а англичане продолжат учиться управлению посредством компромиссов и дальше, теперь уже на уровне графств. Границы этих приходов и графств нисколько не изменятся. Но если деревенские ячейки, которые составят тело Англии, существуют с 1066 г., то придать этому телу его форму и органы предстоит нормандским и анжуйским королям — в течение трех последующих веков.

КНИГА ВТОРАЯ

ФРАНЦУЗСКИЕ КОРОЛИ

Вильгельм I правил по праву завоевания. Но брак его сына Генриха I с Эдитой-Матильдой, происходившей в восьмом колене от Альфреда Великого, объединил Нормандский дом с династией древних саксонских королей.

I. Последствия нормандского завоевания. Централизованная власть

1. Трудно вообразить себе более двусмысленную ситуацию, нежели та, в которой Вильгельм оказался на следующий день после коронации. Он хочет быть признанным по праву законным членом старинного королевского рода, продолжателем традиций, который не желает вводить никаких изменений. На деле же он завоеватель, окруженный пятью-шестью тысячами алчных рыцарей, которым были обещаны земли и которых надо отблагодарить за счет прежних владельцев. Хотя эти нормандцы и говорят про себя, будто принадлежат к тому же племени, что и англо-даны, но за последние 150 лет они так глубоко изменились, что ни один англичанин не понимает их язык. Различаются даже их нравы. Хронист Вильгельм из Мальмсбери, сравнивая две нации, описывает, как английская знать предается пьянству, обжорству и разгулу в довольно бедных с виду домах, в то время как «французы в своих великолепных усадьбах живут весьма умеренно». Зато более щедрые английские сеньоры, говорит он, совершенно не стремятся к обогащению, тогда как нормандцы «завидуют равным себе, грабят своих подданных и даже охотно сменили бы государя, если бы смогли заработать на этом хоть что-нибудь». К великому возмущению саксонского хрониста, сам нормандский король сдает в аренду свои земли так дорого, как только может, и передает их тому, кто предлагает более высокую плату. На его взгляд, так поступает хороший управитель, а не совершенный рыцарь. «Эта битва при Гастингсе стала роковой для Англии и из-за смены хозяев принесла нашей дорогой стране безутешное горе».

2. Как горстка нормандцев, изолированная в чужой стране во времена, когда средства сообщения были затруднены и медлительны, собиралась здесь удержаться и править? У завоевателей было немало преимуществ.

Их возглавлял Вильгельм, который вынес из Нормандии внушительный монарший опыт; конечно, они сталкивались с местным сопротивлением, но это отнюдь не было сопротивлением в общенациональном масштабе, а главное, они обладали превосходством в вооружении. После разгрома *хускарлов* Гарольда уже никакая армия в Англии не могла противостоять феодальной кавалерии нормандцев. Кроме того, они умели возводить либо на холмах, либо на насыпях посреди равнины укрепленные замки, которые в те времена за отсутствием артиллерии были неприступны. Скоро во всех приграничных графствах английские крестьяне начнут отрабатывать «земляную барщину», воздвигая эти искусственные холмы и зубчатые стены, которые затем послужат для того, чтобы держать крестьян в страхе. Первый замок на такой насыпи обязательно был деревянным, потому что рыхлая земля не могла выдержать более тяжелую постройку. Впрочем, Вильгельм, будучи осторожным правителем, разрешает строительство таких крепостей лишь для королевских гарнизонов (лондонский Тауэр, например), либо в северных и западных областях, где доверяет их надежным людям. Сеньорам же внутренних частей страны король запрещает владеть укрепленными замками, а он умеет добиться исполнения своих указов.

3. Такова уж была натура Завоевателя — прикрывать свои самые беззаконные действия видимостью справедливости. Чтобы раздать нормандцам обещанные им поместья, ему требовалось сначала отнять их у побежденных, что он и сделал, ограбив их надлежащим образом. Он начал с того, что отнял земли у изменников, объявив таковыми всех, кто сражался за Гарольда, — узаконенная фикция, которую Вильгельм мог поддерживать, потому что объявил себя законным монархом. Потом воспользовался многочисленными возмущениями, чтобы отобрать в пользу короны новые территории. Он с ужасающей жестокостью подавил восстание на севере, сжег на большой территории все деревни, а потом воздвиг для господства над разоренной территорией великолепный Даремский замок, а рядом с ним собор, достойный церквей Кана. Наконец, когда был побежден последний саксонский повстанец Хереވард Уэйкс, он занялся организацией королевства. Из «законно» освободившихся поместий он оставил себе 1422, что обеспечило ему военную мощь и несравненное богатство. После него самого лучше всего были обеспечены двое вельмож, его сводные братья, Робер де Мортен и Одо, епископ Байё, которые получили соответственно 795 и 438 поместий. Остальные владения были гораздо мельче. Поскольку единицей измерения была «рыцарская земля» *(knight's fee)*, выставлявшая королю во время войны одного рыцаря, Вильгельм создал многочисленные имения, которые должны были выставлять от одного до пяти рыцарей: их собствен-

ники были призваны стать чем-то вроде феодального «плебса», чтобы крупные сеньоры не могли объединить их против короля. Более обширные владения были не сплошными, но состояли из имений, рассеянных по всей стране. Так что с самого начала тут ни у кого не было никакой самостоятельности, подобной той, какой пользовались во Франции граф Анжуйский или герцог Бретонский. После завоевания и раздела страну «держали» примерно 5 тыс. нормандских рыцарей, ставших одновременно земельными собственниками и оккупационным корпусом. В принципе, верные англичане имели те же права, что и французы, на самом же деле все важные посты были заняты нормандцами. Незаменимый Ланфранк, призванный из Кана, стал архиепископом Кентерберийским. Со всякими Сэлфридами, Вилфридами, Ательстанами было покончено; их заменили Жоффруа, Роберы, Гийомы, Симоны. Новую английскую знать образовали сподвижники Завоевателя.

Вильгельм Завоеватель. Скульптура, установленная на фасаде церкви аббатства Сен-Виктор в Верхней Нормандии. XII в.

4. В то время на территории одной страны одновременно пользовались двумя языками, как сегодня в Индии и Марокко. Правящие классы, двор короля, сеньоры, судьи говорят по-французски. Высшее духовенство изъясняется по-французски и на латыни. Правительственные акты составляются на латыни, потом, начиная с XIII в., на французском, а старинные французские формулы нормандских королей будут использоваться в Англии еще и в XX в.: «Le roi s'avisera...», «Le roi remercie ses bons sujets, accepte leur bénévolence ainsi le veult...» («Король доводит до сведения...», «Король благодарит своих добрых подданных, приемлет их волеизъявление, а посему повелевает...», *фр.*). Уполномоченным на местах приходится пользоваться

и французским, и саксонским. Народ продолжает говорить по-саксонски. На протяжении примерно трех веков английский язык будет языком без литературы, без грамматики, языком простонародным и разговорным. Он очень быстро изменится, потому что в области языка консервативны лишь правящие классы. Саксонский, на котором говорили образованные люди, был германским языком со сложными падежами. Но народ упростил его, и очень скоро английский язык, избавленный от опеки элиты, приобретет удивительную гибкость. Слова в устах неграмотных людей или иноземцев сохраняют только свой ударный слог. Отсюда множество односложных слов, которые придают английской поэзии ее насыщенность. Тем не менее, соприкасаясь со своими новыми господами, саксонские и датские крестьяне тоже узнают кое-какие французские слова, и те почти без изменения становятся английскими. Слова церковные: *prieur* — *prior*, настоятель; *chapelle* — *chapel*, капелла, церковь; *messe* — *mass*, месса; *charité* — *charity*, милосердие; *grâces* — *grace,* милость; *tour* — *tower,* башня; *étendard* — *standard,* знамя; *château* — *castle,* замок; *paix* — *peace,* мир; *cour* — *court,* двор; *couronne* — *crown,* корона; *conseil* — *council,* совет; *prison* — *prison,* тюрьма и *justice* — *justice,* правосудие, довершают набросок верной картины административных отношений обоих классов. Любопытная судьба постигла слово *preux,* которое по-французски означало доблестного рыцаря, а по-английски превратилось в *proud* — высокомерный, надменный. Две разные точки зрения, господина и слуги.

5. Последствия человеческих деяний непредсказуемы. Подобно тому как вре́менная неуклюжесть английского языка обеспечит ему впоследствии особую красоту, отправной точкой английских свобод предстоит стать нормандскому завоеванию. Королю Франции, «бедному владениями», окруженному слишком могущественными вассалами, придется с большим трудом отвоевывать свое королевство, а отвоевав, навязывать ему суровую дисциплину; король же Англии самолично распределил земли, позаботился о своих интересах и помешал образованию больших владений, соперничающих с его собственным. Английское королевство родилось из завоевания, а потому оно с самого начала будет сильным. Неоспоримая мощь централизованной власти сделает его относительно терпимым. Королевской бюрократии во Франции придется навязывать себя силой, что будет ей удаваться не всегда и не повсюду; и только Революция в конце концов установит единство законов. В Англии защищенность короны позволит упорядочить местные, унаследованные от саксов свободы и принудить баронов уважать их.

6. Нормандского короля окружает его совет, *Concilium* или *Curia Regis*, который соответствует саксонскому *Витану*. Вильгельм, как некогда Альфред или Эдуард Исповедник, три раза в год «надевает корону» в Вестминстере,

Вестминстер-холл. Старейшая постройка королевского дворца в Вестминстере, относящаяся ко времени правления Вильгельма II Руфуса

Винчестере, Глочестере и ведет «глубокие беседы с мудрейшими людьми». Бароны, епископы, аббаты отправляются на совет, потому что таков их феодальный долг перед своим сюзереном, а не перед нацией. Совет созывается нерегулярно. То из ста пятидесяти прелатов и магнатов формируется Большой совет, то король удовлетворяется консультациями по какому-либо вопросу с теми из своих советников, которые оказываются под рукой, когда этот вопрос возникает. Впрочем, одного присутствия государя довольно, чтобы любое решение приобрело законную силу. В его отсутствие (поскольку Вильгельм, будучи герцогом Нормандским, должен беспрестанно пересекать Ла-Манш) королевством руководит Малый совет *юстициариев*, где преобладающее влияние имеют несколько доверенных людей короля, таких как Ланфранк и Одо, епископ Байё.

7. После нормандского завоевания не последовало резкого разрыва с прошлым. Да этот разрыв был и невозможен. Как 5 тыс. человек, даже лучше вооруженных, могли принудить целый народ отказаться от своих многовековых привычек? Наоборот, Вильгельм, который преподносит себя как наследника саксонских королей, охотно обращается к их законам и решениям. Он сохраняет все институты прежней власти, которые служат его планам. *Фирд,* или народное ополчение, станет полезной силой, как только состоящий из крестьян народ начнет вести себя как союзник короны (а этот союз будет вскоре заключен). Узнав в саксонском *шерифе* своих нормандских виконтов, Вильгельм понимает, что нашел инструмент управления. Поэтому он назначает *шерифов* в каждый *шир* и поручает им собирать налоги, председательствовать в суде *шира* (который отныне станет называться *графством*) и в целом представлять центральную власть. Вильгельм не уничтожает сеньориальные суды, но контролирует их. Что касается *шерифа*, то его должность отнюдь не наследственная, а его самого время от времени инспектируют посланцы короля, подобные *missi dominici* Карла Великого. В те времена, когда сеньоры на континенте имеют право высокого и низкого правосудия, то есть право решать как важнейшие дела с вынесением смертных приговоров, так и мелкие, сеньориальные суды в Англии оказываются под контролем сурового короля. Шериф карает любое злоупотребление властью и отмечает признаки народного недовольства.

8. Изображать королевскую власть вечно занятой обуздыванием крупных строптивых сеньоров было бы грубо и неправильно. Враждебность между Вильгельмом и его сподвижниками не могла бы быть нормальным состоянием, поскольку они нуждались друг в друге. Так что следует избегать этого наивного представления о феодальной Англии: будто бы король опирался на народ, чтобы укрощать баронов. На самом деле средневековое

общество относительно стабильно: бароны сотрудничают с королем; именно из их числа он выбирает своих уполномоченных, и с этого момента аристократия начинает играть в английской жизни огромную административную и местную роль, которую сохранит вплоть до наших дней. Хотя некоторые бароны и отличаются строптивостью, большинство хранят верность королю и помогают ему одолеть мятежников. Когда возмущение становится всеобщим, как это случилось позже во времена Великой хартии вольностей, то именно король превышает свои права, а баронство защищается, иногда при поддержке рыцарей и горожан. Впрочем, смутные периоды кратки, и, хотя они наполняют историю своим лязгом и грохотом, из-за них не стоит забывать про долгие спокойные годы, во время которых король, дворянство и народ действуют подобно членам единого тела и когда без особого шума строится цивилизация.

9. Для того чтобы король мог держать под контролем воинственную знать, должны быть выполнены два условия: ему надо располагать военной силой и надежным доходом. В своих действиях против недовольных Вильгельм может рассчитывать на массу рыцарей, на своих собственных вассалов и вскоре на *фирд*. В 1086 г. в Солсбери он заставит вассалов своих вассалов принести ему прямую присягу, так что их верность по отношению к королю возобладает над любой другой. Что же касается дохода нормандского короля, то он значителен. Для начала его личные владения: 1422 имения плюс фермы. Эти земли приносят Вильгельму 11 тыс. фунтов[1] ежегодной ренты, это в два раза больше, чем все доходы Эдуарда Исповедника. Сюда добавляются доходы от феодальных повинностей (*reliefs*, которые должен был заплатить вассал в случае смены собственника; *aides* — в случае Крестового похода, выкупа, брака дочери сюзерена, посвящения в рыцари его старшего сына; *gardes* — с имущества несовершеннолетних); поземельный налог, *Danegeld*, который оставили ему в наследство саксонские короли; подати, которые платят городские буржуа и евреи, и, наконец, отступные. Из счетов казначейства следует, что при преемниках Вильгельма эти отступные были многочисленными, а порой и странными: так, «Уолтер из Коси дал 15 фунтов за разрешение жениться когда и на ком захочет... Уиверона из Ипсвича дает 4 фунта и марку серебра, чтобы выйти замуж за человека, которого сама выберет... Гийом де Мандевиль дает 20 тыс. марок королю, чтобы жениться на Изабелле, графине Глостерской... Жена Юго де Невиля дает королю 200 фунтов за разрешение спать со своим мужем, Юго де Невилем...» (этот, наверное, был пленником короля). Наконец, король продает вольности: Лондон при короле Стефане дает 100 марок серебра, чтобы

[1] Некоторые исследователи утверждают, что 17 тыс. — *Прим. авт.*

самому выбирать своих *шерифов*; епископ Солсберийский дает парадного коня, чтобы иметь рынок в своем городе; рыбаки платят, чтобы получить право солить рыбу; побочные доходы от правосудия растут вместе с престижем королевских судов.

10. Добившись поддержки со стороны папской власти, Завоеватель взамен обязался реформировать Английскую церковь. И с помощью Ланфранка, выдающегося церковного и еще более выдающегося государственного деятеля, сдержал слово. Английское духовенство, невежественное и беспутное, уже потеряло уважение верующих. Священники одеваются как миряне и пьют как сеньоры. Епископы, которых должны были избирать священники и верующие диоцезов, покупали голоса избирателей. Папа Григорий VII (под этим именем в 1073 г. стал верховным понтификом Гильдебранд) настаивал из Рима, чтобы Ланфранк заставил священников соблюдать обет безбрачия, чтобы право назначать епископов было оставлено папе и чтобы король Англии, обязанный Святому престолу своей короной, принес ему клятву вассальной верности. Ланфранк и Вильгельм следовали осторожной политике. Навязать саксонским священникам строгое безбрачие было опасной мерой; требовалось учитывать привычки и состояние нравов их новой страны. Ланфранк, итальянец, ставший нормандцем, уже писал: «мы, англичане» и «наш остров». Он запретил холостым священникам вступать в брак, запретил епископам и каноникам иметь жен, но позволил уже женатым приходским священникам сохранить свои семьи. Он признал за Римом исключительное право лишать сана епископов, но поддерживал принцип их выборности, а также принцип инвеституры со стороны короны. Зато он отдал на суд Риму свой собственный спор с архиепископом Йоркским и добился, чтобы было подтверждено главенство Кентербери. Наконец, король в «почтительном, но твердом» письме отказался признать себя вассалом папы. Все эти переговоры отмечены большой почтительностью со стороны короля, благожелательностью и учтивостью со стороны папы, но в них уже чувствуется зарождение неизбежных разногласий между папством и мирской властью.

11. Две из церковных реформ Ланфранка важны своими отдаленными последствиями: 1) он ввел обычай созывать «собрания» духовенства одновременно с Большим советом. Многие прелаты заседали и в феодальной ассамблее (в качестве светских сеньоров), и в церковном синоде. Король председательствовал в обоих собраниях, но сам *факт того, что они были различны, позже помешал формированию в британском парламенте «сословия» духовенства*; 2) Ланфранк и король хотели иметь на Английскую церковь те же права, которые герцог имел на Нормандскую церковь, то есть чтобы ни один папа не был признан в Англии без согласия короля, чтобы

никто не вел переписку с Римом без его ведома, чтобы решения английских церковных соборов не могли быть признаны законными без его одобрения и, наконец, чтобы церковные суды не могли судить баронов и королевских чиновников без его разрешения.

Серебряная монета Вильгельма Завоевателя. XI в.

12. Утверждая с первых же лет нормандского завоевания свое влияние на знать и на Церковь, Вильгельм закладывает основание великой монархии. Но он отнюдь не абсолютный монарх. Во время своей коронации он поклялся, что будет поддерживать англосаксонские законы и обычаи; он должен также уважать феодальные права, которые уступил своим соратникам, и он боится и почитает Церковь. У Вильгельма Завоевателя не могла зародиться мысль об абсолютной монархии, к которой позже придут Карл I или Людовик XIV. Люди Средневековья даже не представляли себе, чем может быть государство в современном смысле слова; им казалось, что равновесие в стране обеспечивает не замковый камень свода, но сплетение местных прав, которые дополняют и поддерживают друг друга. Нормандский король очень силен; никакая написанная конституция не ограничивает его волю, но, если он нарушает свою клятву сюзерена, его вассалы считают, что вправе «возмутиться» и объявить себя свободными от феодальной присяги. Восстание остается феодальным правом, и бароны воспользуются им против несправедливых королей. Как раз для того, чтобы заменить восстание ради вразумления несправедливого государя средством более простым и менее опасным, и родятся мало-помалу правила, которые сформируют конституцию.

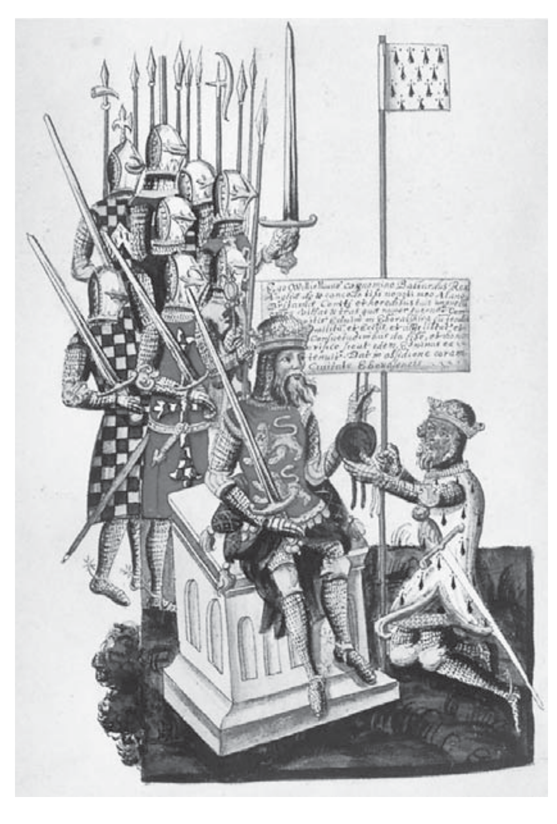
II. Последствия нормандского завоевания. Феодализм и экономическая жизнь

1. Со времен саксонских королей существовали крестьяне и сеньоры, деревенские коттеджи и замки, но саксонский дух охотно позволял одним обычаям присоединяться к другим, образуя запутанную систему экономических связей. Нормандцы, обладавшие конструктивным и ясным умом, ввели более жесткий порядок, основанный на принципе: «Нет земли без сеньора». На вершине экономической и политической иерархии стоит король. Он — собственник всех земель королевства, и, чтобы нормандский ум был совершенно удовлетворен этим логическим

построением, все соглашаются с тем, что сам король получил свое королевство от Бога. Но он оставляет себе лишь часть земель, а остальное отдает в лены главным держателям и отдельным рыцарям в обмен на военную службу и некоторые другие обязательства. Предположим, например, что король жалует 100 поместий какому-нибудь барону за обещание выставить полсотни рыцарей во время войны; сам барон оставит себе 40 из этих имений, чтобы обеспечить свое существование, а 60 остальных раздаст в лены шестидесяти вассалам второй ступени за обещание рыцарской службы. Главный держатель земли, чтобы обеспечить свой личный престиж, а также чтобы избежать штрафов в случае чьей-то неявки, всегда обеспечивает себе немного больше воинов, чем обещает королю. В принципе, все эти лены (кроме отнятых за серьезные преступления) передаются по наследству в порядке первородства, что избавляет их от дробления. И сеньор, и рыцарь, не имея возможности завести, подобно современным собственникам, крупное земельное хозяйство (потому что не нашли бы рынка сбыта для своих продуктов), оставляют себе только одну ферму для надобностей имения, а остальные земли уступают крестьянам за повинности натурой или трудом. В саксонские времена иерархия среди крестьян была такой же сложной, как и среди знати, поскольку приобретенным правам соответствовали разные статусы. Тогда различали свободных людей, *сокманов (socmen*, которых трудно отличить от свободных людей), *коттариев* и *бордариев (cottarii, bordarii)*. Нормандские сеньоры, ничего не понимавшие в этих тонкостях, не слишком с ними считались. Легко представить себе, с каким трудом саксонский *сокман* пытался растолковать свои привилегии нетерпеливому завоевателю, который вдобавок не говорил на его языке. Так что приходится констатировать: через 20 лет после завоевания свободные люди почти полностью исчезли везде, кроме датского северо-востока. Все крестьяне стали либо *вилланами* (которые возделывали *virgate* — примерно 30 акров), либо *коттерами* (располагавшими лишь 4–5 акрами). Это были суровые времена для мелкого свободного или наполовину свободного земледельца. В графстве Кембридж во времена Эдуарда Исповедника насчитывалось 900 *сокманов*, а в 1086 г. осталось только 200.

2. Мы абсолютно точно знаем, каким был классовый состав нации через 20 лет после завоевания, поскольку в 1085 г. Вильгельм Завоеватель «надел свою корону в Глостере и вел глубокие речи с мудрыми людьми». Там он заявил, что поземельный налог *Danegeld*, собранный в предыдущем году, не оправдал ожиданий. Обычно этот налог приносил много денег (в 991 г. — 10 тыс. фунтов, в 1002 г. — 24 тыс. фунтов, в 1018 г., во времена Кнута, — 72 тыс.), но, чтобы его взимание было эффективным, надо было располагать точными данными о состоянии всех земель королевства. Так что на

этом Глостерском совете было решено, что назначенные особыми уполномоченными бароны объедут всю страну. Вот данные им инструкции: «Баронам короля надлежит спрашивать под присягой у *шерифа шира*, у всех баронов и их рыцарей, а в *сотне* у священников, у *ривов* и у шести крестьян каждой деревни, как называется поместье, кто им владел во времена короля Эдуарда, кто сейчас владеет, сколько в нем *хидов* земли, сколько плугов на имение, сколько *вилланов*, сколько свободных людей, сколько *сокманов*, сколько лесов, сколько лугов, сколько мельниц, сколько рыбных угодий, и все это трижды, то есть каким было его состояние во времена короля Эдуарда, каким оно стало, когда его передал король Вильгельм, и его нынешнее состояние, в 1086 г., а также можно ли извлечь из него больше, нежели теперь, и насколько». Комиссары исполнили свою миссию, а из их отчетов была составлена так называемая Книга Судного дня *(Domesday Book)*.



Вильгельм Завоеватель наделяет землями своего племянника Алена Рыжего (ок. 1040–1089), бретонского рыцаря. Миниатюра. XV в.

Наверняка такие же статистические исследования проводились и во времена саксонских королей, иначе такой налог, как *Danegeld*, вообще не мог быть собран, но исследование Нормандца отличается дотошностью и скрупулезной точностью. Отмечено все: «В Лимпсфилде, Суррей, на ферме при вотчине имеется 5 плугов с быками; имеется также 25 *вилланов* и 6 *коттеров* с 14 плугами меж ними; имеется мельница, которая приносит 2 шиллинга в год, рыбная ловля, церковь, 4 акра лугов, лес, который может прокормить 150 свиней, 2 каменных карьера, приносящих каждый 2 шиллинга в год, 2 соколиных гнезда в лесу и 10 рабов. Во времена короля Эдуарда имение приносило 20 фунтов в год, в 1076 г. 15 фунтов, теперь 24 фунта». Внимания опросчиков Завоевателя не избегал ни один, даже самый обособленный, человек: «Здесь, посреди леса и вне всякой *сотни,* живет одинокий фермер. У него 8 быков и свой собственный плуг. Двое крепостных помогают ему возделывать около 100 акров, которые он сам расчистил. Он

Руины замка Ладлоу на границе Англии и Уэльса. XI в. Замок был основан норманнскими дворянами Ласси, получившими земли от Вильгельма Завоевателя за участие в битве при Гастингсе в 1066 г.

не платит никаких податей и никому не приходится вассалом». Довольно патетичным и немного комичным кажется ужас саксонского хрониста при виде этой нормандской въедливости: «Столь ловко была сделана эта опись его посыльными, что не осталось ни одного *ярда* земли, нет, более того (срам даже говорить об этом, а король не постыдился сделать такое), не осталось даже ни быка, ни коровы, ни свиньи, которые не были бы вписаны в эту опись». Если сложить все цифры, приведенные в Книге Судного дня, то мы обнаружим там около 9300 главных держателей ленов и вассалов, представляющих собой знать и церковных сановников; 35 тыс. *сокманов* и свободных людей, которые почти все проживают на северо-востоке; 108 тыс. *вилланов*, 89 тыс. *коттеров*, 25 тыс. рабов (которые в следующем веке превратятся в крепостных), то есть почти 300 тыс. глав семей, что позволяет оценить общее население страны в 1,5, может быть, в 2 миллиона человек, включая женщин и детей.

3. Подобно тому как политической единицей при феодальном строе является *рыцарская земля*, с которой в королевское войско отправляется всего один рыцарь, экономической единицей считается имение. Его размеры

варьируют, но в большинстве случаев оно соответствует нынешней деревне. Часто имения были отделены друг от друга лесами или пустошами, через которые вела грунтовая дорога, зимой становившаяся непроходимой. В центре имения располагался господский дом, *холл (hall)*, позже замок лорда, окруженный службами или своей фермой. Если сеньор владел многими имениями, то переезжал из одного в другое, чтобы на месте потреблять продукты, полученные от натуральных повинностей. В отсутствие сеньора его представлял *сенешаль* или *бальи*. Общинные поля и луга сохранили тот же вид, что и во времена саксонских господ. *Вилланы* были обязаны молоть за высокую плату все свое зерно на мельнице лорда. Многие сами тайком дробили свое зерно, но наказывались штрафом, если попадались на этом. Крестьян возглавлял *рив*, избранный ими представитель, жизнь которого была нелегкой, потому что он стоял между деревенскими жителями и *бальи*. Многие местные конфликты разбирались вотчинными (сеньориальными) судами, которые собирались каждые три недели либо в *холле*, либо под традиционным дубом под председательством лорда либо его представителя. В основном эти суды рассматривали мелкие правонарушения: «Уильяму Джордану за то, что плохо работал, штраф в 6 фунтов... Рагенхильда за то, что вышла замуж без спроса, даст 2 шиллинга... Священнику церкви, чья корова забрела на луг сеньора, даруется прощение... Назначается штраф всей деревне (кроме 7 *вилланов*) за то, что не пришли мыть овец лорда: 6 шиллингов с осьмушкою... Дюжина присяжных подтвердила, что Хью Кросс имеет право на плетень, из-за которого повздорил с Уильямом Уайтом». Некоторым имениям король оставил право судить более серьезные преступления. В принципе, имению полагалось быть самодостаточным. Тут имелся свой башмачник, свой тележник, свои ткачи. Женщины пряли шерсть. За пределами имения покупали только соль, железные и стальные инструменты и камни для мельничных жерновов. Эти камни, весьма редкие, порой привозили аж из окрестностей Парижа, и *бальи* приходилось нарочно ехать в гавань, дабы организовать доставку. Чтобы платить за этот «импорт», имение экспортировало шерсть и кожи. Все остальные продукты потреблялись на месте, если по соседству не было какого-нибудь рынка.

4. Каким было положение *вилланов*? На взгляд человека нашего времени, их участь была незавидной. *Виллан* прикреплен к земле и не может уйти, если недоволен. Его продают вместе с прочей собственностью. Аббат не колеблется покупать и продавать людей за 20 шиллингов. Богатая вдова отдает *вилланов* в дар: «Я, нижеподписавшаяся дама Аундрина из Дриби, даю знать всем настоящим и будущим, что я по своей свободной и законной воле вдовы дала своему возлюбленному и верному Генри Кулу и его

Крепостные крестьяне за уборкой урожая. Миниатюра из английского манускрипта. XIV в.

наследникам за их службу Агнес с ее сыном Симоном и со всем их имуществом и скотом и что я отказываюсь от всех своих крепостных прав на них». *Виллан* не может выдать свою дочь замуж без позволения лорда, который заставляет его платить за это. Если он умирает, лорд имеет право потребовать в качестве *похоронного сбора* лучшую голову скота или самый красивый предмет, оставленный умершим. После сеньора настает черед приходского священника: он тоже имеет право выбрать свою часть наследства. Так, мы видим среди поступлений некоего монастыря коров, коз и свиней, полученных в качестве *похоронного сбора*. *Сокман* участвует только в чрезвычайных работах, например в доставке на рынок зерна лорда, но *виллан* работает на ферме имения два-три дня в неделю плюс еще несколько добавочных дней в году, чтобы мыть и стричь овец, собирать орехи, косить сено. Он платит небольшой оброк натурой: дюжину яиц на Пасху, медовые соты, несколько цыплят в год, вязанку дров. Кроме того, лорд может взимать один раз в год со своих крепостных еще и по́дать *(talliage)* разного размера. Все эти повинности вместе кажутся довольно тяжелыми, но, возможно, на деле они были не обременительнее, чем договор об арендной плате нашего времени. Просто вместо половины продуктов лорд требовал от крестьянина примерно половину его времени. *Ривы* и *бальи* яростно спорили об этой барщине и после долгого торга в конце концов договаривались — более или менее плохо. Летом в полях *виллану* приходилось тяжело, как и сегодня, «но зато зима была вполне спокойной, да и Церковь строго

следила за соблюдением воскресных дней и многочисленных праздников в честь святых». Наконец, каждый лорд должен был уважать *обычай имения*, то есть традиционные права деревни, о которых должны были напоминать судам сами крестьяне. Немного позже все эти права и обязанности были вписаны в вотчинные росписи. Около середины XIII в. установился обычай выдавать держателям земли по их требованию копии тех страниц этого реестра, которые касались их земель и прав. Владельцев такой копии называли *копигольдерами (copyholders)*, в отличие от *фригольдеров (freeholders)*, чья собственность была полной и безоговорочной.

5. Одним из самых серьезных нареканий со стороны населения Англии в адрес Завоевателя и его нормандцев было создание *королевских лесов*. У себя в Нормандии Вильгельм располагал огромными лесами, в которых охотился на оленей и кабанов. Став королем Англии, он захотел и здесь обеспечить себе любимое времяпрепровождение, а потому возле Винчестера, своей столицы, велел насадить Новый лес, уничтожив, по словам хронистов, 60 деревень, плодородные поля и церкви и разорив тысячи их обитателей. Цифры кажутся преувеличенными, но доподлинно известно, что королевские леса стали настоящим бедствием. В следующем веке они покроют треть площади королевства. Эти леса охранялись жестокими законами. Если кто-нибудь во времена Вильгельма убивал косулю или оленя, ему выкалывали глаза. Прикасаться к кабанам и зайцам было запрещено под страхом увечья. Позже за убийство оленя в королевском лесу грозило повешение. Тут увлечение Завоевателя явно возобладало над его политическим умом. Писатели того времени пытались оправдать законы о лесах, говоря, что этот случай выпадает из общих законов королевства: дескать, король отдыхает там от всех своих забот и даже от заботы быть справедливым.

6. Поначалу завоевание мало что изменило в судьбе небольших саксонских городков. Те, что сопротивлялись, были разрушены; то тут, то там люди короля сносили дома, чтобы освободить место для нормандского укрепленного замка. Зато первыми, кому установленный Завоевателем мир позволил обогатиться, стали купцы. Вольности Лондона были осмотрительно подтверждены: «Король Вильгельм дружески приветствует епископа Вильгельма и Годфри, *рива* гавани, а также всех проживающих в Лондоне горожан, и англичан и французов. И я довожу до вашего сведения, что хочу оставить вам привилегию на все законы, которые были у вас во времена короля Эдуарда. И я хочу также, чтобы каждый ребенок становился наследником своего отца после его смерти. И я не потерплю, чтобы какой-либо человек причинил вам вред. Да хранит вас Бог». Вслед за войсками из Нормандии приехали новые ремесленники. Были среди них и еврейские

коммерсанты. Их положение в христианской общине, где все сделки скреплялись религиозными клятвами, было крайне ненадежным. А поскольку дни их отдыха не совпадали с христианскими (Шаббат ведь отмечается в субботу), то им было трудно также заниматься полевыми работами и даже держать лавку. Обычные средства заработка были для них недоступны, потому они и находили спасение в ростовщичестве, которым Церковь не позволяла заниматься католикам. Ведь истолкованные буквально тексты Евангелия не допускают, чтобы деньги, бесплодные по сути, могли приносить приплод. (Так и мусульманам еще и сегодня их религия запрещает взимать или получать проценты.) В XII в. нормандскому барону, нуждавшемуся в некоей сумме денег, чтобы отправиться на войну, приходилось обращаться к евреям, которые требовали с него огромную лихву. Ненавидимые и как враги Христа, и как профессиональные заимодавцы, эти несчастные, обитавшие в особых кварталах, *Jewries*, становились естественными жертвами любого взрыва народной ярости. Их единственным защитником был король, которому они принадлежали телом и имуществом, как крепостной своему хозяину. Винчестер, королевский город, стал единственным, где евреи могли быть горожанами; они называли его английским Иерусалимом. Долговые требования евреев хранились в особом зале Вестминстерского дворца, и эти документы, как и долговые обязательства короля, имели преимущество перед всеми остальными. Один из ростовщиков, Аарон из Линкольна, стал при Генрихе II настоящим банкиром, столь крупным, что, когда он умер, для ликвидации его дел был создан особый отдел казначейств — *Scaccarium Aaronis*. В обмен на свое покровительство король, когда нуждался в деньгах, требовал их у евреев. В обычные годы они приносили казне 3 тыс. фунтов, то есть одну седьмую от всех поступлений Генриха II. «Именно в еврейских сундуках нормандские короли черпали силу, чтобы усмирять своих баронов».

7. Саксонские и датские крестьяне наверняка тоже возмущались, подобно хронисту, видя, как нормандские короли с постыдной мелочностью переписывают их добро, строго взимают налоги и расселяют по всей стране чужеземных баронов. Однако новый порядок по крайней мере обеспечивал им безопасность. Конечно, при феодальном строе и сильном короле человек из народа не был волен переезжать, продавать свое имущество, менять ремесло, но хотя бы место, которое он занимал в структуре общества, не подвергалось сомнению. Его землю можно было продать только вместе с ним; он не знал ни кризисов, ни проблем со сбытом. Никто не мог законно лишить его средств к тому, чтобы самостоятельно производить продукты питания для себя и своей семьи. Он был не так хорошо защищен от судебных ошибок, как человек нашего времени, но нормандские короли

постараются дать ему гарантии, да и самому его сеньору придется уважать обычаи. Разумеется, было бы наивным думать, что люди тогда были довольны своей судьбой. Человечество всегда было разделено почти поровну на оптимистов и пессимистов. Но в XII в. большинство англичан еще совершенно не представляют себе, что могут иметь другое социальное положение, нежели то, в котором пребывают. Они искренне религиозны, хотя и не упускают случая ругнуть нравы священников, и почитают помазанного и коронованного короля священной особой. Личные связи между ними и их сеньором представляются им совершенно естественными. Пока жива память о былых опасностях, о нападениях пиратов и разоренных деревнях, существование военного класса будет казаться им необходимым. Однако в XIII в. феодальная система в обществе, познавшем благодаря ей гораздо большую безопасность, начнет казаться бесполезной и обременительной. А позже, подобно всем сословным режимам, умрет — как раз из-за своего успеха.

III. Сыновья Завоевателя

1. Вильгельм правил Англией двадцать один год — эффективно и сурово, «надевая корону» трижды в году, на Рождество, Троицу и Пасху, борясь со слишком амбициозными баронами, охотясь на оленей и время от времени бывая в Нормандии, чтобы защитить свои владения от притязаний короля Франции. Как раз во время одного из таких походов, когда он вернул себе Мант, этот выдающийся человек был смертельно ранен, пропоров себе живот головкой передней луки седла, когда его конь оступился. Из-за повреждения внутренних органов он умер. Его конец был довольно патетичен. Из всех людей на свете он любил только покойную жену Матильду, да еще, быть может, хмуро и ворчливо, своего министра Ланфранка, которого рядом не оказалось. Из троих сыновей, которых он никогда не привлекал к делам правления, его любимцем был Вильгельм Руфус, или Красный, прозванный так за яркий цвет лица; именно ему он завещал корону Англии. Старшего, Роберта, он не слишком ценил, но в конце концов с сожалением оставил ему Нормандию, объявив, правда, что с таким правителем ее не ждет ничего хорошего. Третьему, Генриху, досталось всего лишь 5 тыс. марок серебра. После чего Завоеватель скончался и был погребен в церкви Святого Стефана в Кане, среди весьма посредственного окружения. Его раздувшееся тело разорвало гроб. «И тот, — говорит хронист, — кто при жизни был усыпан золотом и драгоценными каменьями, стал всего лишь тухлятиной». А три его сына уже отправились в путь, чтобы получить свои части наследства. Руфус отплыл в Англию с письмом

отца к Ланфранку, и тот согласился короновать его в Вестминстере. На этот раз не было выборов, устроенных советом; бароны приняли своего короля от архиепископа. Это был признак растущего могущества Церкви.

2. Вильгельм Руфус отнюдь не был глупцом, но отличался совершенной неотесанностью — тучный, довольно дурно сложенный молодой человек, да к тому же заика. Он был язвителен, груб и ценил в этом мире только воинов. В те времена всеобщей набожности сын Завоевателя щеголял своим отвращением к священникам и с диким удовольствием богохульствовал. Когда монахи жаловались, что не могут заплатить слишком тяжелый налог, он отвечал, показывая на раки со святыми мощами: «А разве у вас нет таких сундуков из золота и серебра, набитых костями трупов?» Наибольшую радость ему доставляли пиры, которые он закатывал своим баронам на Рождество и на Пасху, а чтобы придать им еще больше великолепия, два года подряд использовал лондонских ремесленников для постройки Вестминстер-холла, который тогда сочли самым великолепным зданием королевства. Позже ему предстояло стать местом заседаний суда. Двор Руфуса стал «Меккой авантюристов». Чтобы содержать сотни рыцарей-наемников, приехавших со всего света, он взимал подати, противоречившие обычаям, хотя во время своей коронации клялся соблюдать законы. «Да кто же, — говорил он цинично, — может сдержать обещания?» Он успешно боролся с выступлениями баронов, которые хотели заменить короля его старшим братом Робертом Нормандским. Разумеется, этот план замыслил не сам Роберт, жалкий, безвольный и вечно обремененный долгами, но сеньоры, которые думали, что он будет более податливым, чем Руфус. Примечательный факт: чтобы образумить своих нормандских вассалов, король созвал *фирд,* английское ополчение. И пообещал саксонским крестьянам ослабление поборов, а те оказались настолько наивны, что поверили и сражались за него. Едва почувствовав, что достаточно укрепился в Англии, Вильгельм II решил отнять у своего брата Нормандию. Однако ситуация, порожденная нормандским завоеванием, была непростой. Сеньоры, ставшие вассалами короля Англии, сохранили свои владения на континенте и, следовательно, оставались также вассалами герцога Нормандского. Эта двойная подчиненность вызывала неразбериху. Королю не удалось захватить Нормандию силой, но, когда его брат отправился в Первый крестовый поход, Руфус одолжил ему 10 тыс. марок под залог герцогства. Сам Руфус в Крестовые походы никогда не ходил, да и его подданные проявили не больше воодушевления. Никогда не увидят в Англии крепостных, отправлявшихся в Иерусалим, влача в тележке жену, детей, — зрелище, ставшее привычным во французских деревнях. Тунику крестоносца надели всего несколько набожных и склонных к авантюрам нормандских сеньоров; саксонский же народ продолжал возделывать поля.

Вильгельм Завоеватель и его сын Вильгельм II Руфус. Миниатюра манускрипта Historia Anglorum. Между 1250 и 1259

3. Конфликт между Римской церковью, реорганизованной Григорием VII, и светскими монархиями, становился неизбежным. Цель папы была благородной: «Он желал реформировать Церковь, чтобы сделать ее достойной реформировать мир». Духовенство, полагал он, растеряло свой авторитет, потому что слишком перемешалось с мирянами. Если человек Церкви зависит от сеньоров и короля, он не может проявить в своей борьбе против греха и нечестивости ни ту же храбрость, ни ту же непримиримость, какими был бы наделен, подчиняясь лишь своим духовным вождям. Таков глубинный смысл конфликта, названного «спором об инвеституре», который ввергал в смуту Англию и Европу. Положение какого-нибудь епископа было двойственным: с одной стороны, он был князем Церкви и как таковой зависел только от папы и Бога, с другой — он являлся также светским сеньором, собственником крупных феодальных владений и должен был приносить клятву вассальной верности своему сюзерену — королю. Многие епископы чувствовали себя униженными этой мирской инвеститурой. «Мы занимаем эти земли во имя Бога и неимущих», — говорили они. Но если бы после своего избрания они отказались от присяги, король отказал бы им в епископских владениях.

4. Если бы папство уступило в вопросе инвеститур, оно рисковало увидеть Церковь в руках ставленников светской власти, быть может, даже симонитов и еретиков. Если бы уступил король, то он сам способствовал бы упрочению в своем королевстве соперничающей силы, над которой отныне был бы не властен. Опасность тем бо́льшая, что эта сила, похоже, становилась враждебной монархии. Многие богословы утверждали, что любое мирское правительство — измышление не ведающих Бога и ведомых дьяволом. «Тщетна власть законов, — пишет Иоанн Солсберийский, — если она не хранит образ Божьего закона, столь почитаемого рабами его, и ничтожна воля властителя, если она не согласна повиноваться Церкви». Заявляя такие притязания, папа, казалось, стремился к мировому господству. Короли могли только сопротивляться, но для них было опасно вступать в конфликт

Ансельм, архиепископ Кентерберийский. Фрагмент миниатюры. XII в.

с наместником Божьим, которого так почитали их подданные. Германскому императору, попытавшемуся это сделать, пришлось унижаться в Каноссе (1077). Нельзя сказать, что «спор об инвеституре» был первым конфликтом Церкви и государства, поскольку государства тогда еще не существовало. Но это было конфликтом Церкви и монархии, где обе именовали себя божественным установлением.

5. Пока был жив Ланфранк, он своим авторитетом поддерживал равновесие. Однако после смерти архиепископа в 1089 г. король попытался никем не замещать его. Он сделал своим наперсником некоего Ранульфа Фламбара, человека низкого происхождения и вульгарного ума, но никого не назначил на Кентерберийскую кафедру. Таким образом, он оставлял себе все доходы архиепископства и нашел это столь выгодным, что к моменту его собственной смерти оказались вакантными 11 больших аббатств и 10 епископств. Но по поводу Кентерберийской кафедры на Вильгельма II было оказано сильнейшее давление: и Церковь, и бароны требовали, чтобы он назначил архиепископом Ансельма, Бек-Эллуинского приора, — итальянца, как и Ланфранк, но гораздо менее интересовавшегося мирскими делами. Ансельм был святым, которому земная жизнь виделась кратким и пустым сном, не имеющим иного предназначения, кроме как подготовить душу к жизни вечной. Но королю понадобилось тяжело заболеть, чтобы он в минуту страха согласился назначить Ансельма, чему тот, впрочем, воспротивился. Пришлось «буквально тащить его к ложу короля, который силой надел ему перстень на палец и вложил посох в руку, в то время как епископы затянули *Te Deum*». Но хотя Ансельм и обладал скромностью святого, ей ничуть не уступала его твердость. Он решил заставить уважать в своем лице достоинство Церкви. Между королем и архиепископом началась борьба, то подспудная, то явная. Король ненавидел его и не скрывал этого. Архиепископ смотрел королю прямо в глаза и упрекал его за пороки. Вопреки воле короля Ансельм признал папу Урбана, которому германский император пытался противопоставить антипапу. После такого акта неповиновения архиепископу пришлось бежать из королевства и укрыться в Лионе. Кентерберийская кафедра снова осталась вакантной, и доходами архиепископства завладел король, но ему снились дурные сны, и, несмотря на весь свой сарказм, у него не было уверенности в спасении своей души. Он так и не успел обеспечить

его себе, поскольку в 1100 г., поехав охотиться в Новый лес, был убит стрелой прямо в сердце. Было ли это несчастным случаем или предумышленным убийством? Этого так никогда и не узнали.

6. В те суровые времена претенденту на наследство было не до соблюдения приличий. Третий сын Завоевателя, Генрих, который тоже участвовал в той охоте, оставил тело брата на месте и поспешно устремился в Винчестер, чтобы завладеть ключами от королевской казны. И прибыл как раз вовремя, поскольку едва он завладел ими, как явился казначей Гийом де Бретёй и потребовал их от имени законного наследника — Роберта, герцога Нормандского. Но Генрих спешно велел горстке дружески настроенных баронов провозгласить себя королем и короновался с помощью епископа Лондонского, поскольку Ансельм отсутствовал. Все это было не по правилам, но люди стерпели. Роберт был далеко, его считали чужеземцем и не любили из-за дурной репутации. А Генрих слыл энергичным и образованным, особенно в области права. Впрочем, популярность он приобрел после того, как в день своей коронации даровал хартию. В те времена единственными средствами ограничить исключительные королевские права были такие вот «предвыборные» посулы государя да угроза вооруженного восстания. В своей хартии Генрих I обязался соблюдать «законы Эдуарда Исповедника», отменить «дурные обычаи», введенные его братом, никогда не оставлять вакантными церковные должности и больше не взимать принятые в обход правил феодальные сборы. Его первые поступки внушили доверие: он заключил Ранульфа Фламбара в тюрьму, призвал обратно Ансельма, а главное, женился на женщине королевской крови, Эдите-Матильде, дочери короля Шотландии Малькольма, происходившей от Этельреда. Этот «туземный» брак вызвал иронию нормандской знати, которая, пародируя своеобразие саксонских имен, дала королю и королеве прозвища Годрик и Годгифу, но зато воодушевил англосаксонский народ, который с удовольствием величал первого сына короля *«Ателингом»* — так их предки называли старших сыновей саксонских королей. После заключения этого брака, который благоприятствовал слиянию обоих народов, положение Генриха

Генрих I и Стефан Блуаский, внук Вильгельма Завоевателя. Миниатюра манускрипта Historia Anglorum. Между 1250 и 1259

в Англии укрепилось настолько, что сторонники его брата Роберта напрасно подняли восстание. В 1106 г. победой при Теншебре — английской победой, одержанной на нормандской земле, своеобразным реваншем за поражение при Гастингсе — король Генрих завоевал Нормандию. Затем, после долгих споров об инвеститурах, он заключил при помощи компромисса мир с папской властью. В будущем король откажется от обычая самолично вручать епископу посох и перстень, но зато епископ после своего назначения должен будет приносить государю вассальную клятву за мирские лены. Генрих весьма благоразумно сопротивлялся наущениям архиепископа Йоркского, подстрекавшего его к сопротивлению. «Зачем англичанам нужно узнавать волю Божью от папы римского? — вопрошал прелат. — Разве у нас самих нет Священного Писания, чтобы вразумиться?» Дерзкая шутка, не повлекшая за собой никаких последствий, хотя уже заметно, как в этом английском архиепископе рождался «протестантский» дух.

7. После победы над мятежными баронами Генрих I правил довольно мирно и воспользовался затишьем, чтобы навести порядок в своем королевстве. Он был выдающимся правоведом, и в его правление стали развиваться королевские суды — за счет феодальных. Отныне почти все преступления считались покушением на «королевский мир» и передавались на суд короля. Институт присяжных, тогда еще только зарождавшийся и позаимствованный нормандцами у франков, был очень древним способом устанавливать факты посредством свидетельства тех, кто мог знать правду. Во времена Книги Судного дня Вильгельм I созывал местные суды присяжных, чтобы определить права собственности в каждой деревне. Мало-помалу король сделал обычаем созывать такие суды, чтобы решать фактические вопросы во всех уголовных делах. А потом и частные лица стали просить о праве воспользоваться Королевским судом. Король даровал им это право, но заставил за него платить. И мало-помалу сеньориальные юрисдикции стали заменяться местными судами под председательством *шерифов*, а затем и судей, пришедших из Королевского суда, которым ассистировал суд присяжных. Но не стоит думать, будто это вызвало конфликты на местах, — изменения происходили очень медленно.

8. Центральная администрация королевства усложнялась. Мы видим там великого юстициария (сначала Ранульфа Фламбара, потом Роджера Солсберийского), казначея, канцлера (слово происходит от латинского *cancelli* — решетка, загородка. *Канцеляриусом* — *cancellarius* — у римлян назывался секретарь суда, сидящий *ad cancellos,* то есть *за решеткой*, отделявшей судей от публики). Поначалу канцлер был лишь главой королевской часовни. Но поскольку в обязанности клириков этой часовни входило перепи-

сывание и составление документов (просто потому, что они были грамотны), то и значение их главы быстро возросло. Ему стали доверять королевскую печать. (Лишь во времена короля Иоанна Безземельного наряду с Большой печатью стала использоваться Малая.) Финансами управлял совет казначейства, собиравшийся в Винчестере два раза в год, на Пасху и на праздник святого Михаила. Все *шерифы* королевства должны были представить туда свои счета. Там их ожидали, сидя за большим столом: канцлер, епископ Винчестерский и помощник канцлера, который позже, когда канцлер будет слишком занят другими обязанностями, чтобы присутствовать лично, станет замещать его и превратится в *канцлера казначейства (Chacellor of the Exchequer)*. Сукно, покрывавшее стол, было расчерчено горизонтальными линиями и семью вертикальными: для пенсов, шиллингов, фунтов, десятков фунтов, сотен фунтов, тысяч фунтов и десятков тысяч фунтов. Отсюда и английское название казначейства: «Палата шахматной доски». Каждый шериф входил в свой черед и перечислял расходы, которые были сделаны для короны. Клерк обозначал названные суммы жетонами, помещая их в разные столбцы (ноль, весьма хитроумное арабское изобретение, был тогда неизвестен англичанам). Потом шериф называл собранные суммы, которые тоже обозначались жетонами, но помещались на предыдущие и аннулировали их. Оставшиеся жетоны представляли собой кредитовое сальдо казны, и шерифы должны были внести эту сумму серебряными пенни, а писцы Великого свитка (или списка) отмечали суммы на пергаментных свитках, которые дошли до нас с 1131 г. Квитанция, выдававшаяся шерифу, представляла собой дощечку, называвшуюся *tally*, на которой делали зарубки: для тысячи фунтов — на ширину ладони, для сотни фунтов — на ширину большого пальца и так далее, после чего раскалывали ее вдоль надвое. Одна половина служила квитанцией для шерифа, вторая была контрольной, для казначейства. Если когда-либо нужно было доказать внесение денег, достаточно было сложить обе половинки вместе: зарубки и древесные волокна должны были точно совпасть. Этот метод делал любое мошенничество невозможным и был настолько надежен, что использовался Английским банком вплоть до XIX в. (он еще и сегодня используется во Франции деревенскими булочниками). Именно служащие «Палаты шахматной доски» сформировали солидную финансовую традицию, которую продолжают сегодня чиновники государственного финансового ведомства.

9. Никогда еще королевский мир не был так безмятежен, а положение династии так сильно, как вдруг непредвиденный несчастный случай разрушил всеобщие надежды. Наследник престола Вильгельм Ателинг, возвращаясь из Нормандии с компанией друзей на судне, названном «Белым кораблем», утонул из-за неудачного маневра пьяного кормчего. Когда королю Генриху

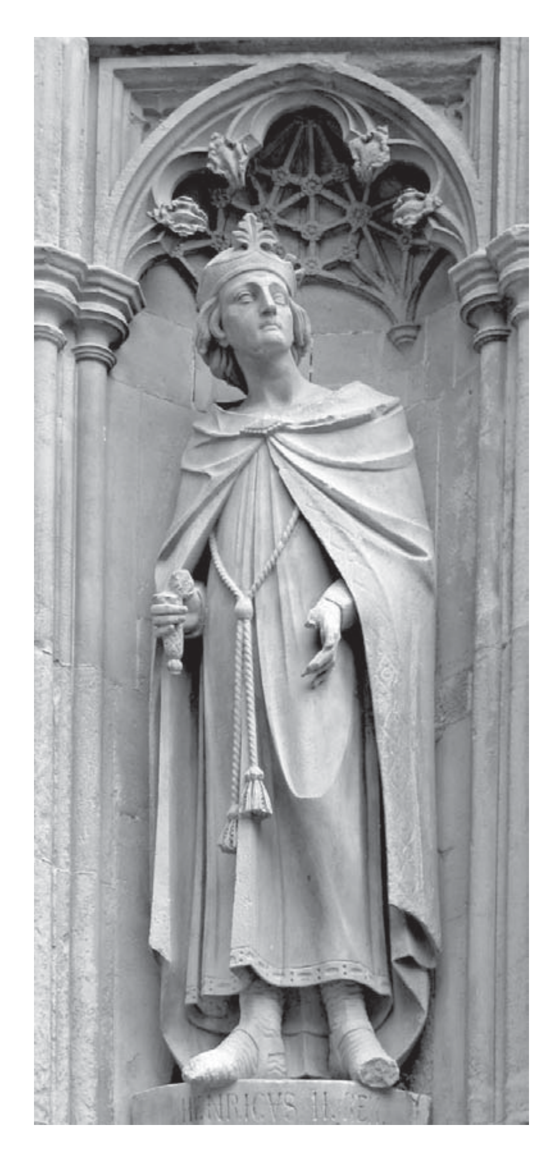
сообщили об этом, он лишился чувств от горя. Поскольку он не хотел ни под каким предлогом оставлять королевство Вильгельму Нормандскому, сыну Роберта, которого ненавидел, он в 1126 г. назвал наследницей свою дочь Матильду, вдову германского императора Генриха V. Желая обеспечить будущей королеве верность баронов, он добился, чтобы Большой совет заранее присягнул ей. После чего выдал Матильду замуж за Жоффруа Анжуйского, самого могущественного соседа Нормандского герцогства, дабы обезопасить его границы. Этот странный брак не понравился англичанам. Многие уже сожалели, что присягнули женщине, и отныне можно было предвидеть, что после смерти Генриха в королевстве начнутся смуты.

10. Три нормандских короля — Завоеватель, Руфус и Генрих I — хорошо послужили своему приемному отечеству: навели в нем порядок, поддержали приемлемое равновесие между правами Церкви и монарха, организовали систему государственных финансов, реформировали правосудие. Англичане им многим обязаны и знают об этом. Англосаксонский хронист, которого нельзя заподозрить в снисходительности к нормандцам, поведав о смерти короля Генриха I, добавляет: «Это был храбрец, внушавший немалый страх. В его время никто не осмеливался причинять зло другому. Он установил мир и для людей, и для животных, и тому, кто следовал через его королевство с грузом золота или серебра, никто не посмел бы сказать ничего, кроме благожелательных слов». Королевский мир — это великая заслуга монархии и того, кто в конце XV в. обеспечит его победу.

IV. Анархия. Генрих II. Конфликт с Томасом Бекетом

1. Девятнадцать лет анархии заставили английский народ оценить счастье жизни при сильном и относительно справедливом правлении. Генрих I назвал наследницей свою дочь Матильду, жену графа Анжуйского. Но после смерти короля появился и другой претендент: Стефан Блуаский, внук Завоевателя от его дочери Аделы. После того как жители Лондона вместе с небольшой баронской кликой провозгласили его королем, королевство разделилось на сторонников Матильды и сторонников Стефана. Его первые шаги были неуклюжи. «Когда изменники поняли, — пишет хронист, — что Стефан был кротким, слабым и добрым человеком, не способным вершить правосудие, они призадумались». Повсюду без королевского соизволения стали расти укрепленные замки. Город Лондон, подражая новой континентальной моде, объявил себя «коммуной». Некоторые сеньоры, вышедшие из-под всякого контроля, стали настоящими разбой-

никами. Они принуждали крестьян к строительной барщине, а когда замок был готов, наполняли его наемниками — «чертями и негодяями». Тем, кто им противился, были уготованы ужасные пытки. Людей подвешивали за ноги и поджаривали, как окорока. Других, как героев волшебных сказок, бросали в башни с жабами и гадюками. Странно, что при этом все эти высокородные бандиты, страшась мысли о вечном проклятии, делали щедрые пожертвования монастырям. За время одного только царствования Стефана были построены сотни церковных зданий.



Генрих II. Фрагмент скульптурного декора Кентерберийского собора

2. Типичный авантюрист того времени — Жоффруа де Мандевиль, которого и Матильда, и Стефан назначили наследственным шерифом нескольких графств, а он последовательно предал их обоих и в 1144 г. погиб от удачного попадания шальной стрелы. Земля уже не возделывалась, города были отданы грабителям; единственным прибежищем оставалась религия. Никогда люди не молились так истово; в чащах устраивались отшельники, цистерцианские аббатства расчищали леса на севере, а Лондон ощетинился церквями. «У Англии создалось впечатление, что Бог и все Его ангелы спят» и что надо их разбудить, удвоив свое рвение. Наконец в 1152 г. молодой Генрих, сын Матильды (после смерти своего отца Жоффруа ставший графом Анжуйским), встретился со Стефаном благодаря стараниям архиепископа Кентерберийского. Церковь, на этот раз с пользой сыгравшая свою роль третейского судьи, составила договор, который был подписан в Веллингфорде и утвержден в Вестминстере. Стефан усыновлял Генриха, приобщал его к управлению королевством и делал своим наследником. Стефан и Генрих, а также «епископы, графы и все богатые люди»

поклялись, что отныне мир и согласие воцарятся по всей Англии. Немного позже Стефан умер, и королем стал Генрих, принятый с большим воодушевлением, «потому что обеспечил хорошее правосудие».

3. Генрих II Плантагенет происходил из могущественного и ужасного рода. Среди его анжуйских предков был Фульк Черный — считалось, что он сжег свою жену и принудил собственного сына вымаливать прощение на четвереньках, взнузданным, как конь. Одна из его бабок, графиня Анжуйская, слыла колдуньей и будто бы однажды выпорхнула в окно церкви. Его сын Ричард (Львиное Сердце) позже скажет, что раздоры в такой семье — неизбежное зло, ибо все в ней происходили от дьявола, к дьяволу и возвращались. Генрих II и сам отличался тяжелым нравом, «вулканической силой», удивительной образованностью и обольстительными манерами. Крепкий юноша с бычьей шеей, рыжими, коротко остриженными волосами, он чудесным образом понравился королеве Франции Альеноре Аквитанской, когда приехал принести вассальную клятву ее мужу, слабому королю Людовику VII, за Мэн и Анжу. Женщина темперамента столь же неистового, как и у Анжуйца, Альенора «вышла замуж за монаха, а не за короля» — как говорила она со вздохом. Между нею и молодым Генрихом сразу же установилось взаимопонимание. Она добилась развода и через два месяца в свои двадцать семь лет вышла замуж за этого девятнадцатилетнего парня, которому принесла огромное приданое — Аквитанское герцогство, то есть Лимузен, Гасконь, Перигор, и права сюзерена на Овернь и графство Тулузское. Генрих II, которому досталось от матери Матильды герцогство Нормандское, а от отца Жоффруа Мэн и Анжу, становился во Франции гораздо могущественнее французского короля. Едва ли его можно назвать королем Англии. Из тридцати пяти лет своего царствования он проведет по ту сторону Ла-Манша всего тринадцать. А с 1158 по 1163 г. вообще не будет покидать Францию. На самом деле это император, в чьих глазах Англия — всего лишь одна из провинций. Впрочем, хотя его язык и вкусы были совершенно французскими, этот француз стал одним из величайших английских королей.

4. Как и его предок Завоеватель, Генрих II оказал Англии услугу своим чужеземным нравом: приехав в страну, погрязшую в анархии, он стал резать ее по живому, но при этом энергично восстанавливал нормандский порядок. Поскольку он был владыкой стольких континентальных провинций и мог призвать оттуда войска, мятежники не осмелились сопротивляться. Генрих вынудил их срыть или снести все возведенные без разрешения укрепления. Снова стали взиматься налоги, а шерифы перестали быть несменяемыми. Феодального призыва на сорок дней анжуйскому императору для его аквитанских или нормандских походов было явно недостаточно. Он

заменил его налогом — *экюажем (écuage)*, который позволил ему платить наемникам. Тогда многие английские дворяне потеряли привычку к войне и вместо настоящих битв тешили себя поединками и турнирами, а от службы уклонялись под разными хитроумными предлогами, как некоторые современные призывники. Воинственный сеньор сохранился только в окраинных областях, в так называемых палатинских графствах *(county palatine)*, на границах Шотландии и Уэльса, где впредь будут начинаться все крупные мятежи. Но если чужеземное происхождение давало Генриху гораздо большую свободу ума и действия в английских делах, то разнородность состава Анжуйской империи стала его слабостью. Связь между Нормандией, Англией и Аквитанией оставалась искусственной. Без сомнения, Генрих II часто мечтал сделаться одновременно королем Франции и Англии. Если бы он преуспел в этом, Англия стала бы французской провинцией, быть может, на века. Но события одержали верх, как это часто бывает, над его желаниями. Страсть короля к порядку втянула его в английские конфликты. Так проходили время и жизнь.

5. По восшествии на престол юного чужеземного короля архиепископ Кентерберийский Теобальд, желая иметь подле государя надежного человека, порекомендовал ему одного из своих секретарей, Томаса Бекета, который понравился Генриху II и был сделан им канцлером. Надо заметить, что значение этой должности тогда постепенно возрастало за счет должности юстициария. Бекет был человеком тридцати восьми лет, чистокровным нормандцем по происхождению, сыном богатого купца из Сити. Он был воспитан «по-благородному» и потом, после разорения своей семьи, стал секретарем архиепископа Теобальда, происходившего из той же нормандской деревни, что и отец Бекета. Поскольку секретарь по своим достоинствам был скорее администратором, нежели священнослужителем, архиепископ отдал своего любимца королю. Государь и новый слуга сразу же стали неразлучны. Король оценил своего молодого советника, хорошего наездника, хорошего сокольничего, способного состязаться с ним в ученых забавах и при этом на диво эффективного в работе. То, что после смерти Стефана порядок в стране был восстановлен так быстро, в немалой степени заслуга Бекета. Успех сделал канцлера человеком гордым и могущественным. Для Вексенской кампании 1160 г. он привел 700 рыцарей из собственной свиты, еще 1200 было нанято им вместе с 4 тыс. солдат — настоящая частная армия. Сам Бекет, даром что священнослужитель, вступил в поединок с французским рыцарем и выбил его из седла.

6. Когда архиепископ Теобальд умер, Генрих II решил отдать Кентерберийскую кафедру Бекету. Монахи и епископы, которым принадлежало право избрания, немного ворчали: Бекет не был монахом и казался скорее воином,

чем священником. Сам канцлер, указывая королю на свою светскую одежду, говорил со смехом: «Ну и облачение же вы выбрали, чтобы возглавить ваших кентерберийских монахов!» А потом, когда принял сан: «Скоро вы возненавидите меня так же сильно, как любите, потому что присваиваете себе в церковных делах власть, которую я не приемлю. Так что архиепископу Кентерберийскому неизбежно придется оскорбить либо Бога, либо короля». Редкий случай, чтобы светский вельможа, став архиепископом, тотчас же стал и аскетом. Но отныне он все свое время отдаст трудам и молитве. После его смерти у него на теле найдут власяницу и шрамы от бича для умерщвления плоти. Кентерберийская кафедра уже превратила кроткого Ансельма в воинствующего архиепископа; теперь она сделала из канцлера Бекета, верного слуги короля, сначала бунтаря, а затем и святого. Когда читаешь его жизнеописание, кажется, что он последовательно старался стать совершенным министром, потом совершенным церковным деятелем — такими, какими их мог бы представить себе самый требовательный наблюдатель. Стремление, в котором смешиваются щепетильность и гордыня.

7. Предметом споров между королем и Церковью теперь стал уже не «вопрос об инвеституре», но проблема церковных судов (аналогичная, впрочем). Когда Завоеватель и Ланфранк разделили суды на мирские и религиозные, они хотели оставить за этими последними единственно «вопросы совести». Но мало-помалу Церковь превратила все подсудные дела в религиозные. Нарушали права собственности? Да это же клятвопреступление, стало быть, *вопрос совести*! Обвиняемые ничего так не желали, как попасть под эту юрисдикцию, более мягкую, чем королевская, и суды которой не приговаривали ни к смерти, ни к увечью, редко даже к тюрьме, а всего лишь к покаянию или штрафу. Все духовенство подлежало только религиозному суду. Таким образом, если убийцей был клирик, он почти всегда дешево отделывался. Ситуация серьезная, потому что «в те времена любой нотариальный *клерк* был *клириком* в религиозном смысле слова». А для негодяя не было ничего проще, чем заделаться низшим служителем церкви (например, привратником, служкой или чтецом) и тем самым ускользнуть от законного наказания. Кроме того, папский трибунал в Риме сохранял за собой право отзывать для собственного разбирательства любое церковное дело, и, таким образом, из королевской казны утекали штрафы. Требовалось прекратить это вмешательство в мирские дела, иначе король Англии вскоре уже не был бы хозяином в своей стране. Генрих II потребовал, чтобы служитель Церкви, признанный виновным церковным судом, лишался сана. Таким образом, снова став мирянином, он мог быть передан светскому правосудию. Бекет отказался, заявив, что осужденный не может

быть наказан дважды за одно преступление. Король в ярости созвал в Кларендоне церковный собор, и там, под угрозой смерти, Бекет подписал *Кларендонские постановления*, которые отдавали победу королю. Но архиепископ не считал себя обязанным соблюдать клятву, данную под принуждением, да и папа Александр освободил его от нее. Осужденный судом баронов, побежденный, но не укрощенный, архиепископ покинул Англию во всем своем великолепии и с посохом в руке. И из Везле, куда он удалился, начал поражать своих врагов отлучениями от Церкви.

Убийство Томаса Бекета
в Кентерберийском соборе в 1170 г.
Миниатюра. Около 1200

8. Каким бы могущественным ни был Генрих II, его могущества все-таки не хватало, чтобы без серьезных последствий подвергнуться отлучению или подставить свое королевство под папский интердикт, который лишит его народ Святых Таинств. Во времена всеобщей религиозности народная реакция могла смести династию. Но примирение было делом трудным. Король не мог отказаться от Кларендонских постановлений, не унизив себя, а архиепископ отказывался их признать. Наконец Генрих II встретился с Бекетом во Фретевале, по всей видимости, примирился с ним и только попросил его поклясться, что он будет отныне соблюдать обычаи королевства. Но едва Бекет высадился в Англии, как ему доставили письма от папы, которыми понтифик по его просьбе отрешал от сана епископов, предавших своего архиепископа, когда тот был в опале. Однако по закону, введенному Завоевателем, ни один подданный не имел права вести переписку с папой без королевского позволения. Король узнал новость, когда праздновал Рождество близ Лизьё, и впал в великий гнев. «Мои подданные, — воскликнул он, — бессовестные трусы! Они не хранят верности своему государю и позволяют безродному попу делать из меня посмешище!» Четыре рыцаря, слышавшие эти слова, вышли, не говоря ни слова, пересекли Ла-Манш на первом же корабле и, прибыв в Кентербери, стали угрозами требовать от

Бекета: «Прости епископов!» Тот, будучи прелатом и воином, мужественно и презрительно отказался. И вскоре мечи разбрызгали по ступеням алтаря его мозг.

9. Узнав об этом преступлении, король был в таком отчаянии, что затворился на пять недель. Он был слишком умен, чтобы не понимать: смерть Бекета стала для Рима огромной моральной победой. Народ, который колебался бы между королем и живым архиепископом, теперь безоговорочно принял сторону мученика. На три века паломничество в Кентербери станет одной из неизменных черт английской жизни. Все враги короля ободрились и подняли голову. Чтобы как можно скорее отвести от себя удар, он успокоил папу, отказавшись от *Кларендонских постановлений*, потом поклялся вернуть Кентерберийскому архиепископству все конфискованное имущество, отправить деньги тамплиерам для защиты Гроба Господня, построить монастыри (таким образом, среди прочих было построено Ньюстедское аббатство, позже ставшее поместьем Байронов) и, наконец, обещал приструнить ирландских раскольников. Но тут против него взбунтовалась собственная жена с детьми, хотя он хорошо обращался со своими сыновьями. При жизни он велел короновать старшего, Генриха, королем Англии и признал за вторым, Ричардом, материнское наследство, Аквитанию и Пуату. Когда же он попросил их уступить несколько своих замков самому младшему, Иоанну, оба отказались и, подстрекаемые Альенорой, возглавили лигу знати, сколоченную против их отца. Не прошло и двух поколений, как возобновились семейные распри Анжуйского дома. У каждого из этих Плантагенетов был какой-нибудь талант, но все они происходили от дьявола, к дьяволу и возвращались. Узнав об этой угрозе, Генрих II проявил всю свою энергию. Чтобы подавить мятеж, он поспешно вернулся с континента в Англию. А едва сойдя с корабля, поскакал в Кентербери, где спешился и отправился пешком к могиле Томаса. Он долго там молился, потом снял с себя одежды и велел 70 монахам хлестать себя бичами, предназначенными для умерщвления плоти. После этого он одержал победу повсюду: знать уступила; сыновья принесли клятву верности. Когда порядок был восстановлен, вопрос о церковных судах уладили полюбовно: клирики, обвиненные в *измене*, представали перед мирским судом; те же, кого обвиняли лишь в *вероломстве* (то есть «фелонии»), под которым понимались убийства без отягчающих обстоятельств и воровство), — перед церковным. Половинчатое решение, поскольку еще довольно долго английские подданные, повинные в убийстве или воровстве, будут прикрываться «льготой духовенства». И ради этого убогого компромисса два самых выдающихся человека своего времени загубили две жизни и дружбу!

V. Генрих II — администратор. Юстиция и полиция

1. Главная черта, характеризующая историю Англии, — единство королевства, достигнутое во времена Генриха II. Усилия трех королей тут оказались успешнее, нежели во Франции. Благодаря Завоевателю ни один крупный английский вельможа не является государем провинции, имеющей собственные традиции, свою историю, свою гордость. Уэльс и Шотландия, которые было бы трудно ассимилировать, еще не присоединены. Поскольку общая территория королевства совсем невелика, до любой мятежной области можно быстро добраться. Похоже, что ближе к концу правления Церковь стала послушной королю, который контролирует всю переписку духовенства с Римом, присматривает за выбором епископов и с бесконечным терпением старается примирить кентерберийских монахов и епископов королевства, оспаривающих друг у друга право выбора архиепископа. Этот последний теперь безгранично предан ему. «Я полагаю, — с досадой пишет один церковный хронист, — что архиепископ ничего не сделает без приказа короля, даже если апостол Петр прибудет в Англию, чтобы попросить его об этом». Наконец через век после завоевания победители и побежденные настолько тесно перемешались друг с другом, «что среди свободных людей почти невозможно различить, кто по происхождению англичанин, а кто нормандец». Оба языка продолжают сосуществовать бок о бок, но они соответствуют классовой принадлежности, а не племенной. Любой образованный сакс кичится тем, что говорит по-французски. Много смешанных браков. «Сильный король, слабые бароны, однородное королевство, обузданная Церковь» — вот что позволило Генриху II сделать свой двор единственным движущим центром страны.

Генрих II и его сын Ричард I Львиное Сердце. Миниатюра манускрипта Historia Anglorum. Между 1250 и 1259

2. Этот двор был одним из самых оживленных мест в мире. Король, любознательный и просвещенный, окружал себя учеными и эрудитами. Там были богословы — Хью из Линкольна, Пьер де Блуа; выдающиеся лингвисты, такие как Ричард Фиц Нил, автор «Диалога о казначействе»; историки — Джеральд Валлийский. Королева Альенора исчезла, став сначала мятежницей,

Английский рыцарь в полном облачении. Миниатюра Вестминстерской Псалтири. Около 1200

а потом и узницей. У короля были многочисленные любовницы, самая известная из них — красавица Розамунда, на могиле которой монахам пришлось начертать: *«Hic jacet in tumba rosa mundi, non rosa munda»* («Здесь покоится в могиле не беспорочная роза, а роза мира», *лат.*). Генрих II интересовался делами всех дворов Европы, всегда хорошо принимал путешественников, доставлявших ему сведения. Тогда-то английский островитянин и научился впервые беспокоиться о том, что происходило в Германии или Испании. Двор продолжал разъезжать от одного королевского владения до другого, то в Англии, то во Франции, съедая поступления натурой. Пьер де Блуа оставил нам описание королевского поезда, кишевшего актерами, прачками, трактирщиками, продавцами вафель, проститутками, шутами «и прочими птицами того же полета». Эти переезды тяжело давались придворным, которые ехали на плохих лошадях, спали в плохих постелях, питались непропеченным хлебом и пили кислое вино, отдававшее бочкой. Но еще больше усугубляла их муки невозможность узнать заранее планы короля. «Им объявляли, что они пробудут тут долго, а на следующий день спозаранку неожиданно сворачивали лагерь. И тогда придворным, велевшим отворить себе кровь или же принявшим слабительное, приходилось поспевать за государем ценою издержек своего тела, и можно было видеть, как они бегут, будто угорелые, среди мулов и повозок, — сущий пандемониум!»

3. Но под прикрытием этого пестрого беспорядка рождался крепкий порядок. Повсюду королевская юстиция вгрызалась в частное правосудие. Цель Генриха II состояла в том, чтобы во всех провинциях королевства держать свой суд, местное подобие Королевского суда, *Curia Regis*. Что было необходимо, поскольку этот последний все время перемещался и несчастным

тяжущимся приходилось постоянно следовать за ним. Приводили даже пример одного из них, который целых пять лет пытался угнаться за своими судьями. Но начиная с 1166 г. ежегодно в определенный день судьи покидают королевский двор и, следуя определенным круговым маршрутом, совершают «объезд» провинции. Эта поездка торжественна, а их особы окружены бесконечным почтением. Им предшествует адресованный шерифу мандат, *writ*, который предписывает ему созвать на такой-то день светских и церковных сеньоров, *рива*, четырех свободных человек от каждой деревни да дюжину обывателей от каждого городка. Судья по своем прибытии возглавляет это собрание и поручает ему назначить суд присяжных, по возможности из рыцарей или, за их отсутствием, из свободных людей.

4. Способ избрания был сложным: сначала знатные люди назначали четырех рыцарей; те выбирали двух рыцарей для каждой *сотни*, а эти два рыцаря выбирали десять других, которые дополняли суд *сотни*. На рассмотрение этих присяжных судьи передавали самые разные вопросы. И требовали от них вынесения *вердикта (vere dictum*, *dict*, то есть *истинное суждение)* по поводу притязаний короны, по делам частных лиц, добившихся разрешения воспользоваться Королевским судом, и по делам евреев. Порой судьи и присяжные вместе посещали тюрьмы или составляли отчет об управлении шерифа. Наконец, суд присяжных сам должен был обвинить всех, кто в том краю был заподозрен в «вероломстве» (то есть в тяжком преступлении, *felony*), и те присяжные, что пренебрегали этой обязанностью, наказывались штрафом. Позже эта роль обвинителя была возложена (и все еще возлагается) на более многочисленную коллегию присяжных, так называемый *большой суд присяжных (grand jury)*, а *малый суд присяжных (petty jury)* потом выносил решение о справедливости обвинения, что увеличивало гарантии обвиняемого.

5. Легко можно представить себе, что вскоре все англичане захотели, чтобы их судил состоящий из соседей суд присяжных на основе свидетельских показаний, — это было лучше, чем подвергаться опасному Божьему суду железом или водой. Генрих II благоразумно повелел, чтобы человек, признанный негодяем, изгонялся из королевства, даже если Божий суд освобождал его от наказания. В 1215 г. папа запретил испытания огнем и железом; ему подчинились. Божий суд посредством поединка просуществовал дольше (и, не будучи отменен, оставался законным в Англии вплоть до XIX в., так что, когда в 1819 г. некий убийца потребовал такого решения для своего дела, судьи затруднились отвергнуть его ходатайство). Король благоприятствовал этим реформам, но им двигало не только желание обеспечить своим народам хорошее правосудие. Он обогащал казну штрафами,

которые отнимал у феодальных судов. Впрочем, сами королевские судьи не всегда были честны и слишком часто их возможно было подкупить, а их разъезды имели целью не только осуществление правосудия, но и взимание с помощью самых суровых мер денег в пользу короля. Но тем не менее медленно, постепенно, порой окольными путями распространялись также здравый смысл и сострадание.

6. Вскоре система «разъездных» судов породила *Common Law* — общее право, то есть такое право, которое одинаково повсюду. Феодальные и обычные суды судили, основываясь на местных обычаях, но судья, переезжавший из графства в графство, стремился навязать всем лучший обычай. Местные обычаи не были уничтожены, но как бы сплавлены в тигле общего права. Центральный суд регистрировал прецеденты, и, таким образом, в Англии очень быстро сложилось национальное законодательство, охватывавшее бóльшую часть судебных случаев. Наряду с общим правом выжила (и существует доныне) дополнительная правовая система, суды справедливости, которые в силу королевской прерогативы судят не согласно обычаю, но, наоборот, исправляют недостатки или несправедливости обычая. Принцип справедливости означает, что король в некоторых случаях может «нарушить закон, дабы обеспечить правосудие». Дело по нормам общего права начиналось с *мандата, writ,* направленного от имени канцлера шерифу либо обвиняемому, а дело по нормам справедливости — с обращения к королю посредством петиции.

7. Надо сказать пару слов о классификации преступлений. Самым ужасным из всех считалась *великая измена (high treason)*, то есть попытка убить или свергнуть короля (поскольку идея измены по отношению к государству еще не могла зародиться в Средние века). Наказание, которому подвергался изменник, кажется нам жестоким, но надо вспомнить, что от особы короля зависели благополучие и мир в стране. Преступника, привязанного к хвосту лошади, волокли до места казни, вешали, разрубали на куски, а куски выставляли в многолюдных местах. Въезд на Лондонский мост долгое время украшали отрубленные головы изменников. *Малой изменой (pretty treason)* считалось убийство господина его слугой или мужа женой; она также наказывалась смертью. Ересь и колдовство, то есть измена по отношению к Богу, теоретически тоже должны были караться смертью, но фактически никогда не карались до XV в., когда преследование ереси из-за вызванного ею смущения в умах породит религиозную жестокость. Среди «вероломств» (так называемых фелоний — тяжких преступлений) надо отметить убийство, вооруженное нападение и воровство. Они карались смертью или увечьем: потерей руки, ушей или глаз. Если человек, раненный

на войне, был осторожен, он старался обзавестись свидетельством о происхождении своего увечья, потому что появившийся в городе однорукий или одноногий без такого свидетельства изгонялся как рецидивист. Небольшие правонарушения наказывались выставлением у позорного столба или в колодках (*stocks* — разновидность канги, имевшаяся в каждом городе), что позволяло отдать преступника на поругание (а частенько и избиение) народу. Болтливых или злоязычных женщин привязывали к стулу, закрепленному на конце жерди, и окунали в пруд.

8. Обязанность поддержания порядка в современных обществах лежит на двух различных ведомствах: на органах юстиции и на полиции. Полиция предупреждает беспорядки и арестовывает преступников. Кто играл эту роль в Средние века? Порядок обеспечивался совместными усилиями. Генрих II возродил ополчение *(фирд)* и потребовал посредством «Ассизы о вооружении» (1181), чтобы всякий свободный человек обзавелся военным снаряжением и поклялся употреблять его для служения королю. Снаряжение было более-менее полным и соответствовало достатку человека: самые бедные имели только копье, железную каску и куртку с нашитыми металлическими пластинками. Система коллективной ответственности делала контроль над злоумышленниками довольно легким. За любого виллана, принадлежавшего какому-либо дому, нес ответственность хозяин; остальные должны были объединяться в группы по 10 человек. При этом каждый из десятки становился на колени и клялся на Евангелии, что будет подчиняться своему предводителю, а также что он сам не является ни вором, ни товарищем вора и никогда не был скупщиком краденого. В случае преступления именно десятка должна была представить преступника правосудию; если же она не могла этого сделать, то ей присуждался штраф. Когда преступник убегал, односельчане преследовали его до границы своей «сотни», трубя в рог и крича, — это называлось *hue and cry* и было в некотором роде кличем загонщиков. Прибыв к границе, преследователи передавали ответственность следующей «сотне». Это была полицейская эстафета. Если преступнику удавалось укрыться в церкви, его защищало право убежища. В таком случае он имел право вызвать в церковь *коронера*, то есть представителя короны, и в его присутствии «отречься от королевства». Во время этой церемонии преступник клялся покинуть Англию и никогда в нее не возвращаться. Коронер называл ему порт отплытия, и тот сразу же уходил, держа в руке деревянный крест, чтобы всем было понятно, кто он такой. Ему надлежало отправиться кратчайшей дорогой в ближайший порт и сесть там на первое же судно. Если попутного судна не было много дней, преступнику полагалось каждое утро заходить в море по колено в знак своей доброй воли. Если же он не соблюдал свою клятву, то

Государственная печать Генриха II. XII в.

объявлялся вне закона и мог быть убит у всех на глазах. Это право убежища порождало многочисленные злоупотребления, и жители Лондона жаловались, что в некоторых церквях и особенно вокруг Вестминстера развелось слишком много неприкосновенных преступников, сбивавшихся в шайки и выходивших по ночам, чтобы грабить честных людей.

9. Учитывая все это, надо признать, что на большей части Англии в XII в. царил «добрый мир». И этот мир в значительной мере был заслугой короля. Судьи были честны, только когда их контролировал суровый король. Одному светскому судье, насмехавшемуся над медлительностью церковных судов, священник ответил: «Если бы король был так же далек от вас, как папа от нас, вы бы тоже не были слишком расторопны», — и тот со смехом признал его правоту. Но если виллан наслаждался этим королевским порядком, многие представители знати и даже духовенства сожалели о добрых старых временах, когда герцог Нормандский еще не был королем Англии. «Ибо ничто так не воодушевляет человеческое сердце, как радость свободы, и ничто так не ослабляет его, как угнетение и рабство», — сказал однажды Джеральд Валлийский юстициарию Гланвилю. Если бы король проявил слабость или действительно позволил себе ослабнуть из-за авантюр в чужих краях, это неизбежно вызвало бы реакцию баронов. Но Генрих II оставил Англии после своей смерти самое сильное правительство в Европе. «Он возродил каролингский опыт, но притом точность отладки механизма, настройка тона и хода — все это напоминало Римское государство или, если угодно, современное государство».

VI. Сыновья Генриха II. Смерть короля. Ричард Львиное Сердце. Крестовый поход и плен. Иоанн Безземельный

1. Конец Генриха II был трагичен. Сыновья, между которыми он желал разделить свою империю, ненавидели друг друга и предали его. «Разве ты не знаешь, — ответил один из них посланнику короля, — что такова уж наша натура, доставшаяся нам от предков и укоренившаяся в нас, — всякий брат у нас будет бороться против брата и всякий сын против отца». Двое старших, Генрих и Джеффри (Годфри, Жоффруа), умерли еще при

жизни короля, но Джеффри оставил сына, Артура Бретонского. Третий, Ричард, строил козни против отца вместе с новым королем Франции Филиппом Августом, хватким и холодным молодым человеком, который, исполнившись решимости отвоевать свое королевство у этих анжуйцев, ловко воспользовался их раздорами. Генрих II, старый, одинокий и печальный король, испытывал привязанность только к четвертому сыну, Иоанну. Поскольку он оставлял Ричарду Англию и Нормандию, то Аквитанию хотел приберечь для Иоанна. Этот план привел в ярость Ричарда, который был скорее похож на мать, Альенору Аквитанскую, чем на отца, а потому держался за эту провинцию больше, чем за все остальное королевство. Неожиданно он принес вассальную клятву королю Франции за все континентальные земли отца от Ла-Манша до Пиренеев. Генрих II, загнанный Филиппом Августом в Ле-Ман, вынужден был бежать из объятого пламенем города. Но Ле-Ман был местом, где он родился и где был погребен его отец, граф Анжуйский. Покидая город, он проклял Бога. И пока он скакал галопом по бездорожью, его преследовал сын Ричард. В Шиноне король так занемог, что был вынужден остановиться. Туда же приехал и канцлер, которого он отправил к Филиппу Августу с письмом, а заодно привез список английских изменников, обнаруженных им при дворе короля Франции. Его возглавлял Иоанн, королевский любимчик. Видя, что отец в опасности, он тоже предал его. «Ты уже довольно сказал! — крикнул король. — Я больше не забочусь ни о себе, ни о мире». После чего начал бредить и вскоре умер от кровоизлияния. Генрих II был великим королем, циничным, реалистичным, суровым, но его правление (1154–1189) в конечном счете было благодетельным для Англии.

2. «Государственного мужа сменил странствующий рыцарь». Ричард, которого одни называли Ричардом Львиное Сердце, а перигорец Бертран де Борн удостоил прозвища Да и Нет, унаследовал некоторые черты своего отца и все неистовство Плантагенетов, их неумеренную любовь к женщинам и отвагу. Но Генрих II всегда преследовал практические и осторожные цели, Ричард же искал приключений и презирал всякую осторожность. «Его жизнь напоминала приступ неистовой силы». Поэт и трубадур, друг всех воинственных сеньоров Перигора, он желал играть в жизни романтическую роль рыцаря. На заре феодального строя рыцарство было всего лишь обязанностью служить в кавалерии в обмен на пожалованные земли. Но Церковь и поэты обогатили этот договор и это слово более красивыми ассоциациями. Торжественное посвящение в рыцари стало христианской церемонией. Юный соискатель рыцарского звания принимал символическое очистительное омовение (как позже рыцари ордена Бани), его меч возлагали на алтарь, а сам он должен был провести ночь в бдении над оружием

Коронация Ричарда Львиное Сердце в 1189 г. Миниатюра «Хроник Сен-Дени». XIV в.

в часовне замка. Этот меч был обоюдоострым, «дабы одним его лезвием рыцарь поражал богатого, притесняющего бедного, другим — сильного, притесняющего слабого». К своему несчастью, английский народ находил поступки реальных рыцарей весьма далекими от столь благородной программы. «Эти закосневшие в лености и погрязшие в постыдной жизни люди лишь соревнуются друг с другом в пьянстве, хотя должны бы использовать свою силу против врагов Креста. Они бесчестят само имя рыцарства». И в самом деле, несмотря на некоторые прекрасные черты, никогда прежде воины не творили больше жестокостей, чем некоторые средневековые рыцари. Порой ими истреблялись целые города — мужчины, женщины, дети. «Некоторая куртуазность по отношению к женщинам своего класса или к другим рыцарям, пленным и безоружным» — вот и все, что сохранилось от похвальных усилий Церкви, старавшейся сделать войну более гуманной. Совершенным образцом этой искусственной куртуазности и исконной жестокости как раз и был Ричард Львиное Сердце.

3. Большим рыцарским событием царствования Ричарда стал Третий крестовый поход, в котором он принял участие вместе с Филиппом Августом. Оба первых Крестовых похода мало коснулись Англии. С крестоносцами уехали люди авантюрного склада, но ни один монарх. В церковных книгах того времени можно найти следы бесчисленных англичан, которые, искупая грех, дали клятву отправиться в Крестовый поход, но в последний момент пожалели о данном обете и откупились с помощью штрафа. Архиепископ Джиффард, освобождая кающегося от обета отправиться в Крестовый поход, добавляет: «Означенный Джон должен потратить из собственных средств сумму в 5 шиллингов стерлингов на помощь Святой земле, когда это будет потребовано от него со стороны папы». За супружескую измену, совершенную с женой другого рыцаря, прелюбодей обязывался послать в Святую землю одного воина за свой счет и заплатить 100 фунтов в случае рецидива. В конце царствования Генриха II победы Саладина и падение Иерусалимского королевства так потрясли христианский мир, что король

собрал огромную контрибуцию, *Саладинову десятину*, замечательную тем, что это был первый прямой налог в Англии, который затронул не только земли, но все имущество, и движимое и недвижимое. Но этот налог был предназначен скорее для того, чтобы заплатить иностранным войскам, нежели отправлять на Восток англичан. Генрих II, конечно, обещал и сам отправиться, и патриарх Иерусалимский даже поднес ему с великой торжественностью ключи от Гроба Господня, но король так никуда и не отплыл, а когда Джеральд Валлийский упрекнул его в этом, ответил: «Духовенство подстрекает нас отважно подставлять себя опасности, поскольку само не получает в битвах ни единого удара и не несет никаких тягот, от которых может уклониться». Генрих по своему характеру не отличался ни восторженностью, ни романтизмом. Но Ричард был совсем другого склада; едва получив отцовское наследство, он сразу же опустошил казну, продал несколько графств и взошел на борт корабля.

Король Англии Генрих II Плантагенет и король Франции Филипп II Август получают благословение папы римского на Третий крестовый поход. Миниатюра «Хроник Сен-Дени». XIV в.

4. Ричард и Филипп Август, по видимости друзья, а на самом деле соперники с тех пор, как Ричард наследовал своему отцу, отправились в Иерусалим вместе, но на Сицилии поссорились. Ричард потерял много времени, ожидая флотилию, которую должны были снарядить для него *Пять портов*. (Эти пять портов: Гастингс, Дувр, Сэндвич, Хит и Ромни — играли для флота ту же роль, что рыцарские лены для армии. Король даровал баронам Пяти портов большие привилегии, а те взамен должны были во время войны поставлять ему корабли.) Экспедиция Ричарда Львиное Сердце предоставила ему случай показать свою храбрость, но Гроб Господень не освободила. А Ричард дал повод возненавидеть себя за свою заносчивость и жестокость: отказав Саладину в выкупе пленных, он велел истребить их. Жуанвиль рассказывает, что еще долго после той войны сарацины пугали своих детей: «Молчи, не то позову короля Ричарда, и он тебя убьет...» Тем временем Филипп Август, вернувшийся во Францию, готовил войну против своего соперника.

Саладин (Салах-ад-Дин), султан Египта и Сирии, мусульманский лидер и военачальник. Миниатюра арабской рукописи. XII в.

5. Несмотря на неудачу Крестовых походов и равнодушие к ним большей части английского рыцарства, их влияние на историю Англии, как и на всю историю Европы, было очень велико. Западный ум осознавал свою собственную самобытную природу почти всегда в соприкосновении с Востоком и в противостоянии ему. Самый прекрасный период греческой мысли совпал с Греко-персидскими войнами. Крестовые походы тоже стали началом европейского возрождения. Они на три века определят коммерческое и морское средоточие мира. Пункты отправления крестоносцев — Марсель, Генуя и Венеция — станут большими городами. Там будет построено множество постоялых дворов для паломников. Охрану порядка в Средиземноморье будут обеспечивать воинские ордена: тамплиеры и рыцари Святого Иоанна Иерусалимского, которые построят первые большие христианские флоты и сформируют первые интернациональные вооруженные силы. Именно во времена Крестовых походов христиане, как в Англии, так и во Франции, начинают носить бороду и рисовать гербы на своих щитах. Новые слова: *барабан, труба, абрикос* и сотня других заняли место в европейском словаре. Наконец, неудача Крестовых походов окажет влияние на морское будущее Англии, поскольку исламский барьер, перекрыв дорогу на Восток, вынудит людей искать другие пути для своей торговли.

6. Искусство ведения войны не слишком продвинулось вперед за время этих сражений. Средневековые рыцари не были тактиками. Заметив врага, они строились тремя большими массами, или *полками,* и, прикрывшись щитами, атаковали *полк* противника с копьем наперевес. Не было никаких резервов, потому что любой рыцарь считал оскорбительным для себя пропустить начало битвы. Так что сражения превращались в простую свалку людей и коней. Пехота не играла никакой роли. Зато Крестовые походы показали европейским рыцарям важность осадной войны. Крепостные укрепления Акры остановили христианские войска и заставили их потерять (по утверждению Мишле) более 100 тыс. человек. Преимущество тогда

было на стороне оборонявшихся, а не осаждавших. Против стен толщиной от 15 до 30 футов катапульты и другие метательные орудия того времени были бессильны. Основательно построенный замок, не имевший расположенных близко к земле отверстий, обладал способностью к сопротивлению, которая ограничивалась только запасом пищи и воды. Однако, если он не был построен на скале, под его стены можно было «подвести мину», то есть сделать подкоп. Землекопы работали под защитой навеса, закрывавшего их от стрел осажденных. Чтобы бороться с этим, были изобретены *бретеши*, длинные деревянные балконы или галереи, которые, нависая над осаждавшими, позволяли осажденным поливать и осыпать их горючими веществами. Но деревянные галереи и сами были огнеопасны; пришедшие им на смену каменные *машикули* (галереи с навесными бойницами) и фланкирующие башни, прикрывавшие мертвые углы, снова сделали крепости неуязвимыми. Только изобретение пушек сведет на нет все военные достоинства крепостных укреплений. Взятие Константинополя Магометом II станет первым удачным примером массированного использования артиллерии.

7. Монархи Европы считали Ричарда опасным человеком. Возвращавшийся из Крестового похода английский король был захвачен австрийским герцогом Леопольдом V и выдан императору Генриху VI, который стал держать его в заключении, пренебрегая привилегиями крестоносца. Вскоре Англия узнала, что ее король в темнице, но что он весело сносит свой плен, спаивая тюремщиков, и что выкуп за него назначен в 100 тыс. фунтов. Чтобы собрать эту непомерную сумму, министры, которые как могли замещали своего по-прежнему отсутствующего короля, постарались распределить нагрузку на все классы общества (1193). Они потребовали *экюаж* в 20 шиллингов с *рыцарской земли*, четверть доходов со всех мирян, четверть мирских доходов с духовенства. Потребовали от церквей их золотую и серебряную посуду и ювелирные сокровища, а у монашеских орденов настриг шерсти за год. Нормандия должна была обеспечить такие же сборы. Несмотря на удручающе тяжелые налоги, собранная сумма все равно оказалась недостаточной. Однако император согласился временно отпустить короля на свободу. А пока Ричард отсутствовал в Англии, властью пытался завладеть его брат Иоанн, однако был побежден энергичными действиями архиепископа Кентерберийского Юбера Готье, который проявил себя столь же хорошим солдатом, как и священнослужителем.

8. Вернувшийся Ричард был встречен жителями Лондона с восторгом и пышностью. Но вместо справедливой благодарности за столь поразительную верность он тотчас же объявил своим подданным о новых налогах.

Ричард Львиное Сердце.
Фрагмент надгробия в аббатстве Фонтевро. XII в.

Положение королевства было опасным. Филипп Август захватил Нормандию, Аквитания восстала, Анжу и Пуату тяготели к Франции. Чтобы защитить Нормандию, Ричард возвел одну из самых прекрасных крепостей своего времени — замок Шато-Гайар, который господствовал над долиной Сены. «Я возьму его, будь его стены хоть из железа!» — воскликнул Филипп Август. «Я удержу его, будь его стены хоть из масла», — возразил Ричард. Он не успел сдержать свою клятву. Когда один из его вассалов, виконт де Лимож, нашел в поле возле своего замка Шалюс золотое украшение, без сомнения древнеримское, Ричард, утверждая, что всякое сокровище принадлежит королю, потребовал его себе. Ссора из-за столь ничтожного повода переросла в войну; осадивший Шалюс Ричард был ранен стрелой; рана воспалилась, стала нарывать, и 6 марта 1199 года король умер в своем шатре. Его тело было погребено в Фонтевро, а сердце — в его добром городе Руане. Так редко бывавший в Англии король навечно остался вдали от своего королевства. «Дурной сын, дурной брат, дурной муж и дурной король», — сказали о нем. Однако судить о Ричарде надо, учитывая его легенду, его популярность и народную верность ему. Наверняка он был сродни некоторым *кондотьерам* Возрождения или вольнодумцам XVIII в. — образчиком до странности законченного человеческого типа, ныне осуждаемого, но который вполне принимало общественное мнение той эпохи.

VII. Великая хартия вольностей

1. В Средние века народы многое прощали королям, поскольку даже худший из них был все же лучше самой недолгой анархии. Иоанн Безземельный стал первым, кому удалось объединить против себя всех своих подданных. По блеску своих способностей это был истинный Плантагенет: превосходный тактик как на дипломатическом, так и на военном поприще, неотразимый

обольститель женщин, прекрасный охотник, но при этом жестокий и с подлой душой. Генрих II и Ричард обладали величием, но Иоанн был всего лишь отвратителен. Он предал отца и братьев. Вся Европа подозревала его в убийстве своего племянника Артура Бретонского, который мог бы оспорить его права на наследство. Филипп Август, который был ему сюзереном, вызвал его на суд, а когда сроки явки истекли, обвинил в нарушении вассальной верности и лишил всех французских ленов. Так, перетянув на свою сторону феодальное право, Филипп начал отбирать у Иоанна одно за другим его владения. В 1204 г. Нормандия вновь была захвачена Францией вопреки хитроумным уловкам Иоанна Безземельного удержать за собой Шато-Гайар; в 1206 г. он потерял Анжу, Мэн, Турень и Пуату. Десять лет спустя после смерти Генриха II с Анжуйской империей было почти покончено. Оставалась Аквитания, но ее было бы трудно удержать, потому что английские бароны, всегда соглашавшиеся драться за Нормандию, где они владели ленами, вряд ли согласились бы ввязаться в Гаскони в бессмысленную для них авантюру на службе у ненавистного короля.

2. Будучи в состоянии войны с королем Франции, поссорившись с английскими баронами, Иоанн Безземельный умудрился разругаться еще и с Церковью. Поскольку архиепископы кентерберийские почти всегда исполняли обязанности первых министров при английских королях, было вполне естественно, что короли требовали себе право избирать их. Но известно, что на то же право претендовали, с одной стороны, епископы королевства, а с другой — кентерберийские монахи. При Иоанне Безземельном все три партии обратились к Риму, и папа Иннокентий III ответил самым неожиданным образом, навязав и королю, и монахам, и епископам своего собственного кандидата, Стефана Лэнгтона, восхитительного по своему характеру и учености прелата, который долго жил в Риме. Иоанн пришел в бешенство и отказался признать архиепископом человека, который «известен ему лишь тем, что всегда жил среди его врагов» (его собственные слова). Папа, как всегда, ответил понтификальными санкциями и наложил на Англию интердикт; колокола умолкли, мертвые оставались без погребения. Растерянность и беспокойство верующих были велики. Однако сила королевских установлений была столь внушительна, что не произошло никаких восстаний. Через год Иннокентий III отлучил Иоанна от церкви, наконец низложил его и разрешил Филиппу Августу устроить против мятежной Англии Крестовый поход. Положение становилось серьезным. Уже засуетились на границах валлийцы и шотландцы. Король уступил. Унизился перед папским легатом, принял Лэнгтона и сказал ему лицемерно: «Добро пожаловать, отец мой». Потом, считая, что снова крепко сидит в седле, попытался вместе с графом Фландрским Ферраном и Оттоном Брауншвейгским

Охота короля Иоанна Безземельного. Миниатюра английского манускрипта. XII–XIII вв.

сколотить против Филиппа Августа континентальную коалицию. Новый факт в истории баронства: его бароны отказались последовать за ним. Сначала они сказали, что не хотят сражаться под началом отлученного короля (поскольку прощение ему все еще не было даровано), потом сослались на бедность. Иоанну пришлось отсрочить свою отправку и поддержать союзников деньгами. Эта коалиция была разгромлена при Бувине в 1214 г. И победа в Бувинской битве стала одновременно триумфом Капетингов (которым благодаря ей удастся объединить Французское королевство) и гарантией английских свобод, потому что, если бы Иоанн вернулся в Англию победителем во главе своих брабантских наемников, он наверняка жестоко отомстил бы английским сеньорам за их отказ служить ему. Теперь же из французских владений у него остались только Гасконь и порт Бордо. Английские историки считают Бувинскую битву одной из счастливых дат в истории Англии, поскольку это поражение, окончательно подорвав престиж Иоанна, стало прелюдией к Великой хартии вольностей.

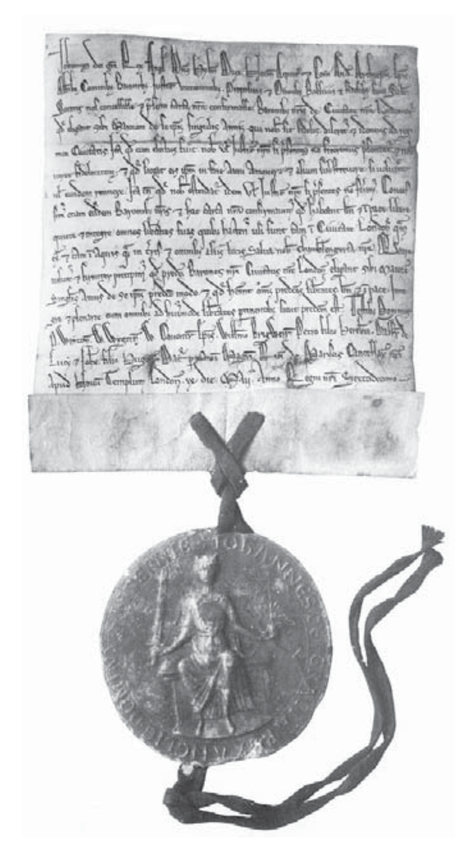
3. Теперь конфликт между Иоанном и баронами становился неизбежным. Они терпели деспотизм Генриха II, короля могущественного, победоносного и слишком почитаемого народом, чтобы кто-нибудь дерзнул противиться ему. Но с какой стати им терпеть несправедливости побежденного и всеми презираемого короля? В 1213 г. архиепископ Лэнгтон, мозг заговора, возбудил большое воодушевление среди тайно собранных им баронов, зачитав старинную грамоту Генриха I, о которой все забыли, но где гарантировалось соблюдение прав и обычаев подданных. Во время другого собрания бароны поклялись на мощах святого Иоанна, что помирятся с королем, только если тот поклянется соблюдать эту хартию. В 1215 г. они обратились к Иоанну с ультиматумом и выразили ему недоверие *(diffidation)*, которое любой вассал должен выразить недостойному государю, прежде чем объявить ему войну. Король попытался перетянуть на свою сторону свободных людей, призвать наемников, но в конце концов был вынужден признать, что против него ополчилась вся страна. Жители Лондона

восторженно встретили маленькую армию баронов. В подобных случаях предки Иоанна созывали ополчение. Но ситуация изменилась. Реформы Генриха II, ослабив знать, сблизили ее с держателями земли. Конфликты между имением и деревней стали реже. А наложение интердикта на королевство сильно взволновало религиозный народ. Так что напоминание о былых свободах понравилось всем классам. И тщетно бесился король. Что он мог сделать? Столица была в руках восставших. Все органы управления перестали функционировать. А без казначейства у Иоанна не было и денежных поступлений. Пришлось уступить. Король согласился встретиться с баронами на Раннимедском лугу, между Стейнсом и Виндзором, и подписал там Великую хартию вольностей.

4. Значение Великой хартии вольностей то преувеличивают, то преуменьшают. Прежде всего надо напомнить, что этот документ составлен в 1215 г., то есть в те времена, когда современные представления о свободе еще даже не сформировались. В XIII в., когда король жалует сеньору привилегию творить суд или городу привилегию самостоятельно избирать своих должностных лиц, эти привилегии на языке того времени именуют «вольностями». И Великая хартия вольностей в общих словах утверждает, что король должен соблюдать приобретенные права. Средний человек нашего времени верит в прогресс и требует реформ; для человека 1215 г. «золотой век остался в прошлом». Бароны отнюдь не считали, что создают новый закон; они лишь требовали уважения к своим былым привилегиям. Но как принудить короля соблюдать феодальные привилегии? Это и было для них единственной проблемой. Однако по счастливой случайности они не выразили ее именно в такой форме, и написанный ими текст позволил будущим поколениям вычитать в Великой хартии более общие принципы: «Есть законы государства, а права принадлежат общине. Король должен их соблюдать. Если же он их нарушает, верность перестает быть долгом и подданные имеют право восстать». Ценность Великой хартии составляет скорее то, что в ней только намечено, нежели то, чем она на самом деле является. Для последующих поколений она станет «хартией английских свобод» в современном смысле, и каждый король вплоть до XV в. должен будет несколько раз за время своего правления клясться в том, что будет уважать заявленное в этом тексте. Потом Великая хартия будет забыта при Тюдорах и вновь появится во времена Якова I как противовес божественному праву.

5. Есть и другой современный принцип, который, как полагали, тоже был вычитан в Великой хартии: «Нет налогообложения без представительства». На самом деле бароны требовали всего лишь, чтобы король, пожелав взимать чрезвычайные «вспоможения» (то есть не предусмотренные обычным

феодальным договором подати), не смог бы этого сделать без одобрения Большого совета, состоявшего из баронов и держателей ленов. Но там ни слова не говорится о том, что и вилланы должны быть сначала представлены, а только потом обложены. Единственный предусмотренный вне баронажа случай касался города Лондона, который, высказавшись за восстание, добился положения коллективного держателя лена. Наконец, утверждается, что Великая хартия содержала в себе элементы будущего закона *habeas corpus*. В ее тексте говорится следующее: «Ни один свободный человек не должен быть заключен в тюрьму, или изгнан, или каким-либо способом уничтожен, кроме как по законному суду равных себе и по законам страны». По мысли собравшихся на Раннимедском лугу баронов, радиус действия этой нормы был весьма ограничен: они подразумевали всего лишь, что сеньор может быть судим только равными себе сеньорами или свободный человек другими свободными. Те, кто составлял этот текст, предназначали его лишь для противодействия королевским судьям, но ему и в самом деле будет суждено защитить английскую нацию, когда сами вилланы станут свободными. Комитету из 25 членов (исключительно бароны, кроме одного — мэра Лондона) было поручено разбирать жалобы против короны. Король должен был повелеть своим подданным, чтобы они поклялись подчиняться этим Двадцати Пяти, а если он откажется следовать их приговору, бароны имели право поднять против него оружие.



Фрагмент Великой хартии вольностей Иоанна Безземельного, составленной в июне 1215 г.

6. Мы видим, что, хотя Великая хартия и не является современным документом, как это полагали некоторые, она тем не менее отмечает конец англо-нормандского периода бесконтрольной монархии. Если бы сыновья Генриха II обладали гением своего отца и если бы бароны не составляли самую мощную вооруженную силу королевства, Англия в XIII в. могла бы оказаться под властью абсолютного и никому не подотчетного монарха. Великая хартия вольностей оживила феодальное представление об ограниченной монархии. Английская конституция — это «дочь феодализма и общего права». Феодализм дал ей идею обычаев, приобретенных прав, ко-

торые должны соблюдаться, а *общее право*, *Common Law*, распространенное судьями Генриха II, объединило нацию в уважении к некоторым охранительным правилам, которые выше самого короля. Но в 1215 г. эти идеи, достаточно ясные для нас, не были близки массам. Великая хартия вольностей в столь малой степени являлась общедоступным документом, что даже не была переведена на английский язык раньше XVI в.

7. Едва подписав хартию, король Иоанн стал думать, как бы от нее избавиться. Его ярость была так велика, что он катался по земле и грыз дерево. «Они мне навязали двадцать пять сверхкоролей!» — кричал он. Потом, вернувшись к своей коварной и гибкой дипломатии, он обратился к папе Иннокентию III, с которым примирился, чтобы тот избавил его от клятвы соблюдать проклятую хартию. Папа, возмущенный вооруженным мятежом, вдохновителем которого стал избранный им архиепископ, отлучил от церкви жителей Лондона. Те же по наущению Лэнгтона продолжали звонить в колокола и проводить богослужения как ни в чем не бывало. Авторитет слишком далекой папской власти уже становился в Англии все более хрупким. Филипп Август, так же страстно, как некогда Вильгельм Завоеватель, стремившийся придать своим притязаниям видимость законности, воспользовался обстоятельствами и провозгласил королем Англии своего сына Людовика, который женился на одной из племянниц Иоанна Безземельного. По его утверждению, Иоанн был приговорен к смерти за убийство Артура Бретонского и поэтому терял права на корону. А поскольку приговор был вынесен до того, как у Иоанна родился сын, то законным наследником Англии становился Людовик Французский (будущий король Людовик VIII Лев). Людовик высадился в Кенте в 1216 г. и при поддержке многих английских баронов устроил охоту на короля. Вскоре судьба позаботилась дать развязку этой драме. Иоанн Безземельный умер 19 октября 1216 г. от расстройства пищеварения, вызванного неумеренным потреблением персиков и молодого сидра.

VIII. Сообщества: 1) города и корпорации

1. Чтобы понять, как после Великой хартии феодальный контроль постепенно превратился в контроль парламентский, нужно сначала изучить зарождение в средневековой Англии новых сил, которыми являются всевозможные сообщества и объединения. Феодальное право защищает воина-землевладельца и, косвенно, его крепостных. Но общество, не боявшееся вторжений и мало-помалу богатевшее, не могло оставаться воинственным и сельскохозяйственным. Горожане,

купцы, студенты, все те, наконец, кто оказался за рамками феодального общества, могли рассчитывать на безопасность, только объединившись. Поэтому жители городов, цеховые ремесленники, университетские студенты, монахи будут образовывать сообщества, которые сумеют заставить остальных считаться с собой. Мы уже видели, как во времена Раннимедского луга город Лондон добился положения главного держателя лена.

2. Во времена саксонских вторжений бо́льшая часть маленьких римских городков лежала в руинах, но некоторые из них уцелели. Например, Лондон, Винчестер, Йорк, Уорчестер никогда не переставали быть городами. К началу XIII в. в Лондоне проживает примерно 30 тыс. жителей; все остальные города или укрепленные селения (их имелось около 200) весьма малы. Каково их происхождение? Одни образовались вокруг монастырей, другие располагались у переправ, как об этом напоминают столько названий, оканчивающихся на *ford* (брод) или *bridge* (мост), третьи были когда-то перекрестками дорог, гаванями, но почти все они укреплены. Слово *bourgeois* (горожанин, мещанин) происходит от слова *burgh,* укрепленное селение, и напоминает, что город долго был убежищем. Он имел земляные валы или каменные стены, подъемный мост, а в нормандские времена здесь же располагалась королевская крепость. Мелкие земельные собственники владели здесь на случай войны или опасности домом, который в мирное время сдавали. Зажатые своими стенами, средневековые города не могли расширяться; дома там тоже были маленькими, а улицы узкими. Из-за соломенных крыш часто случались пожары. Эти города были грязными. Первый общественный источник в Лондоне датируется XIII в., и его вода предназначалась для бедняков, поскольку все остальные, кто мог себе это позволить, пили пиво. Нечистоты выплескивались прямо на улицу, и вонь стояла страшная. Время от времени часть населения косила какая-нибудь заразная болезнь. Каждый город оставался наполовину сельским поселением. Внутри городских стен в Лондоне имелись огороды, и мэру приходилось беспрестанно обновлять свой приказ, запрещающий горожанам выпускать свиней на улицы. Когда в XIV в. король распускает парламент, он отправляет «дворянство к его телесным упражнениям, городские общины к их жатве». И город на самом деле участвует в жатве: обычная деятельность судов и университета с июля по октябрь прерывается, уступая место полевым работам; отсюда и берут начало их ежегодные «большие каникулы».

3. Во времена нормандского завоевания каждый город зависит от сеньора. Налоги здесь собираются шерифом. Горожанина надлежит судить вотчинным судом. Но мало-помалу разбогатевшие жители городов покупают себе «вольности» (то есть привилегии). В одном рассказе XII в. вотчинный

Строители за работой. Английская миниатюра. XI в.

суд приговорил двоих бедолаг решать какой-то имущественный спор поединком. Они бьются с утра, солнце уже высоко; один из них, устав, позволяет загнать себя ко рву и уже готов свалиться туда, но тут соперник из жалости, возобладавшей над корыстью, окриком предупреждает его об опасности. Тогда движимые состраданием горожане выкупают у сеньора за оброк право отныне самим решать такие споры.

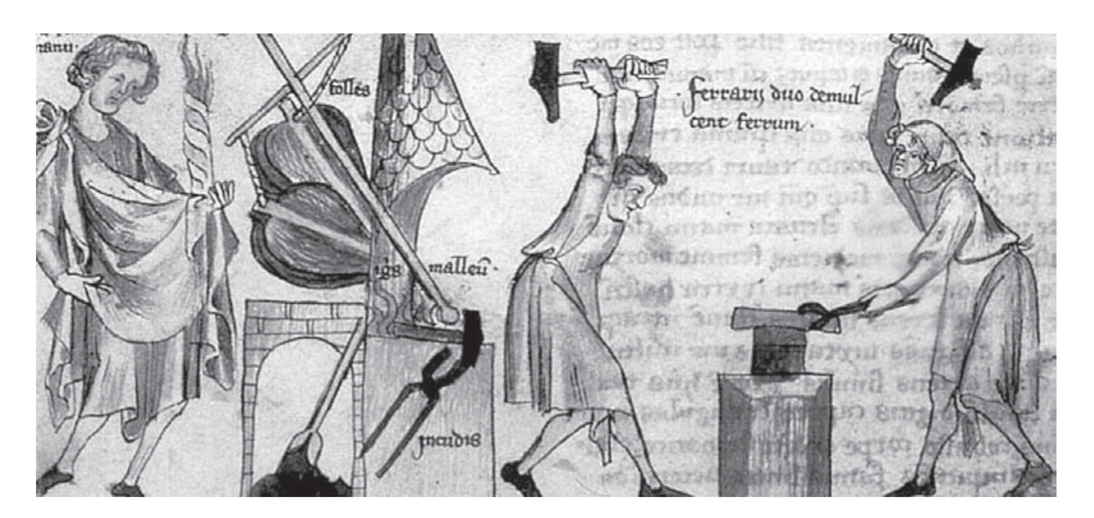
Средневековый рынок. Миниатюра. Конец XIV в.

4. В XIII в., когда горожане континента изобрели «коммуну», что было своего рода сговором городских жителей, которые поклялись защищать друг друга, и это слово, и сама идея тотчас же пересекли Ла-Манш. Это страшило сеньоров. «Коммуна, новое слово и ненавистное измышление, с помощью которого подданные платят только твердо установленные подати и строго определенные штрафы». Когда город получает статус главного держателя лена, он находит и свое место в феодальной системе. У него есть свой суд, где председательствует мэр, своя виселица; он взимает свои собственные налоги, а скоро он будет иметь своего представителя и в парламенте. У городов (как во Франции, так и в Англии) появятся свой герб, девиз, печать, *потому что они — сеньоры*. Отдельный человек в Средние века участвует в управлении страной, только если он знатен, но *общины* являются силой и в качестве таковой признаны законом. *House of Commons*

станет не палатой коммун, но палатой общин — то есть сообществ городов, графств, университетов. От персонально-феодальных связей Англия перейдет отнюдь не к связям национально-патриотическим. Она перейдет к связям между королем и различными *сословиями* или общинами королевства.

5. Ничто так не напоминает город XII–XIII вв., как базары Феса или Марракеша. Все люди одного ремесла собраны в одном квартале. Есть улица Мясников, Оружейников, Портных. Целью гильдии или корпорации является, с одной стороны, защита своих членов от всякой внешней конкуренции, а с другой — навязывание им правил, которые обеспечивали бы права потребителя. Представления Средневековья о коммерции были противоположны представлениям наших либеральных экономистов. Для Средних веков идеи конкуренции и свободного рынка были неприемлемы. Покупать заранее, чтобы перепродать, считалось преступлением; покупать оптом, чтобы продать в розницу, — другим преступлением. Если член гильдии делал покупку, любой другой член мог, если хотел, участвовать в сделке за ту же цену. Никакой чужак не имел права обосноваться в городе, чтобы заниматься своим ремеслом. Членство в гильдии было наследственной привилегией. Поначалу бедные ремесленники еще могли, проработав подмастерьями шесть-семь лет, стать мастерами; позже гильдии становятся закрытыми. Средние века не признают «закон спроса и предложения». Тогда считали, что для всякого товара есть «справедливая цена», которая должна обеспечить купцу достойную жизнь, не принося ему, однако, чрезмерного барыша.

6. Разумеется, торговцы и ремесленники не были святыми и пытались с помощью множества надувательств избегнуть контроля гильдии и муниципалитета. Булочники выпекали буханки хлеба, которые были легче положенного веса, или, когда клиенты сами приносили тесто для выпечки, сажали под прилавок мальчишку, чтобы тот отщипывал горсть теста перед посадкой в печь. Их наказывали, повесив им на шею жульнические буханки и выставив у позорного столба. Торговцу, продавшему плохое вино, выливали остаток жидкости на голову. Под носом продавшего испорченное мясо мясника сжигали его товар, а тот был вынужден терпеть зловоние. Но прибыль прекрасно стимулирует и изобретательность мошенников, и активность работников. Несмотря на суровость правил, купцы богатели. В 1248 г. процветание города Лондона возмутило короля Генриха III, который, не сумев собрать достаточно средств с помощью налогов, был вынужден продать свою золотую и серебряную посуду и драгоценности. Узнав, что все это купили столичные купцы, он воскликнул: «Я знаю, что



Кузнецы за изготовлением воинских доспехов. Миниатюра. XIV в.

даже если бы тут выставили на продажу сокровища императорского Рима, этот город скупил бы их все! Эти лондонские шуты, которые сами себя величают баронами, богаты до тошноты. А этот город — бездонная прорва». Политическое могущество Лондона было велико в течение всего Средневековья. Его вооруженные граждане, ватаги подмастерьев, всегда готовые поучаствовать в бунте, оказывали войскам помощь, и то сдерживали монарха, то поддерживали его.

7. Коммерческие методы Средневековья позже были сурово оценены экономистами XIX в., а корпорации наверняка становились, как это случается со всеми людскими начинаниями, причиной злоупотреблений. Но система имела большие преимущества. Благодаря избавлению от посредников и невозможности какой-либо спекуляции деревенская жизнь до середины XIV в. была в высшей степени стабильной. Средние века не знали искусственных скачков цен, от которых мы страдаем сегодня. Если изучить старинные расценки на строительство, то поражаешься их дешевизне. Торольд Роджерс подсчитал, что башня Мертон-колледжа в Оксфорде обошлась в 142 фунта, то есть примерно в 1,5 тыс. современных английских фунтов. Сегодня она стоила бы гораздо дороже, а ведь каменщикам того времени платили совсем неплохо. Откуда же такая разница? Из малого количества составляющих. Если богатый человек решал построить замок или церковь, он брал в аренду каменный карьер, вытесывал балки из деревьев собственного парка, покупал лебедку — в общем, становился сам себе подрядчиком. Если горожанин хотел серебряный кубок, он покупал металл, договаривался с серебряных дел мастером о чеканке из материала заказчика и,

взвесив законченный кубок, получал обратно оставшийся металл. Гильдия защищала и покупателя, и продавца от чрезмерной конкуренции. Это был регулирующий орган.

8. Чужестранцы не имели права сами заниматься розничной торговлей; они должны были договариваться с английскими купцами. Лига фламандских городов и особенно Ганзейская лига (Гамбург, Бремен, Любек) имели в Лондоне свои товарные склады. Торговый двор Ганзейской лиги, Стильярд, был укреплен не хуже крепости; немецкие купцы, сплошь холостяки, жили там вместе, подчиняясь строгому уставу, подобно тамплиерам или рыцарям Святого Иоанна. Они покупали у англичан металлы и шерсть, а привозили шелковые ткани, драгоценности, пряности, которые получали с Востока через Багдад, Трапезунд, Киев и Новгород. Французские купцы из Амьена и Корби тоже держали в Лондоне свои коллективные представительства. Этим иноземцам — французам, немцам, генуэзцам, венецианцам, однако, разрешалось бывать на больших ярмарках. Держать ярмарку считалось привилегией, которую король жаловал городам или монастырям. Ярмарки имели двойную цель. Они позволяли английским производителям находить более многочисленных покупателей, чем на рынках в мелких городках, и давали возможность жителям графств приобретать товары, которые они не могли достать в своем захолустье. В большинстве деревень до XVIII в. не имелось лавок. На ярмарке бальи покупал соленую рыбу и продавал шерсть из имения; здесь же можно было разжиться дегтем, которым метили своих овец. Для большой ярмарки в Стоурбридже строили настоящий деревянный город. Сюда приезжали даже из Лондона. Здесь сидели ломбардские менялы со своими весами; венецианские купцы раскладывали свои шелка и бархат, стекло и ювелирные украшения. Фламандцы из Брюгге привозили полотно и кружева. Греки и критяне торговали изюмом, миндалем, а порой среди их товара попадались даже редкие и очень ценимые кокосовые орехи, чью скорлупу оправляли чеканным серебром. Купцы из Гамбурга или Любека платили за кипы произведенной в английских имениях шерсти привезенными с Востока пряностями. Знать покупала тут коней и подбитое мехами платье. По рядам расхаживали уполномоченные казначейства, взимая сборы за импорт. Однако вскоре для облегчения их задачи король назначил один-единственный город, через который должен был проходить весь экспорт королевства. Этим городом, который по-английски назвали *the staple*, а по-французски *estaple* (откуда слово «этап» и название города Этапль), был сначала Брюгге, потом Кале. Так в Средние века в Англии начинает развиваться крупная торговля и даже промышленность, но их роль в этой еще целиком феодальной и сельскохозяйственной стране остается пока очень незначительной.

IX. Сообщества: 2) университеты

1. В XI–XIII вв. так называемый *христианский мир* в Европе становится чем-то вроде духовной империи, в пределах которой духовенство любой страны говорит на латыни, Церковь учит одной вере, Крестовые походы становятся коллективными предприятиями христианских королей, а воинствующие ордена (тамплиеры и иоанниты) превращаются в интернациональные войска. Хотя средства сообщения тогда и уступали в скорости сегодняшним, создается впечатление, что интеллектуальные контакты в Средние века были гораздо интенсивнее и теснее, чем в наше время. Знаменитый преподаватель, будь он итальянцем, французом или англичанином, привлекает к себе студентов любой страны и независимо от их родного языка, потому что преподает на понятной им всем латыни. Такой эрудит, как Иоанн Солсберийский (1120–1180), слушает свои первые лекции по логике у Абеляра в Париже, затем продолжит курс у Гийома Коншского в Шартре, десять раз пересечет Альпы, дабы ближе ознакомиться с римской истиной, и, наконец, начнет сам преподавать в Англии. Институты, преуспевшие в какой-либо стране, сразу же копируются по всей Европе.

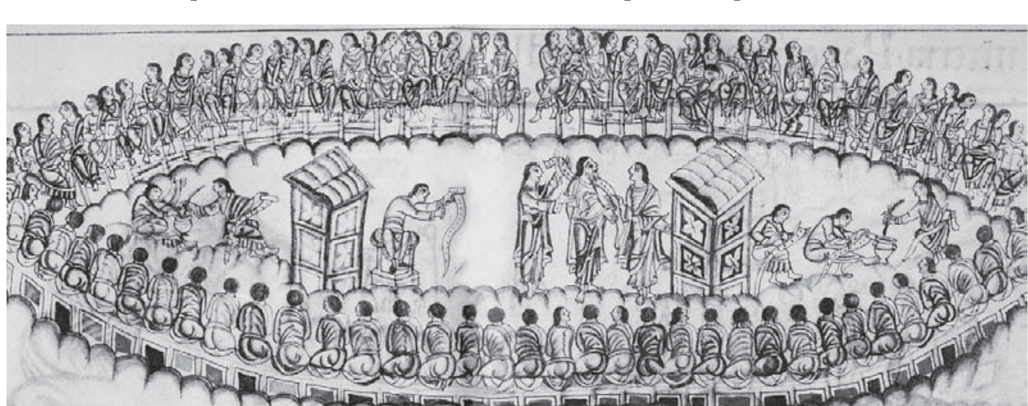
2. Университетов в античном мире не было. Греки основали философские школы, такие как Стоя или Академия, но никогда и не помышляли собрать, как это сделают в Оксфорде, 3 тыс. студентов в одном городе. Причиной этому были, с одной стороны, незначительные размеры их селений, но главное — отсутствие организованной Церкви, которая могла предложить средства существования молодым людям, обученным ее дисциплинам. Слово *universitas* изначально обозначало всякую корпорацию. Поэтому в XIII в. *сообщество* преподавателей и студентов именуют *университетом* именно по аналогии с коммерческими гильдиями. И этот университет буквально является корпорацией, которая защищает своих профессоров и учеников, с одной стороны, от церковных властей, а с другой — от горожан. Официальным наименованием высших школ, которые начиная с 1000 года сформировались в Салерно, потом в Павии, Болонье и Париже, было *studium* или *studium generale*. Там преподавали гражданское и каноническое право, латынь, философию Аристотеля, медицину и математику. В Париже после большого успеха Абеляра восторжествовала диалектика. Студентов там стали обучать (почти как в школах софистов) искусству находить аргументы за и против какой-либо теории, а еще, например, примирять Аристотеля с христианской доктриной.

3. Записки Иоанна Солсберийского показывают нам, что здравомыслящие люди в XII в. уже понимали, что диалектика, полезная для пробуждения и оттачивания ума, а также для обогащения словаря абстракций, увы,

не вела ни к какой позитивной истине. Вернувшись в Париж после своих путешествий, этот англичанин, бывший студент, написал: «Мне было приятно навестить на холме Святой Женевьевы своих прежних, оставленных мною товарищей, которых тут все еще удерживала диалектика, и помянуть с ними былые темы наших дебатов... Но я обнаружил, что они с тех пор не сдвинулись с места. Не похоже было, чтобы они достигли своей цели, распутывая старые вопросы. И не добавили к своим познаниям даже тени собственных суждений... Они преуспели только в одном: разучились быть умеренными и забыли о скромности, а потому не приходится надеяться на их выздоровление. Так опыт научил меня определенной истине: диалектика вполне может помочь в других занятиях, но если она претендует на самодостаточность, то остается бесплодной и мертвой». Однако надо остерегаться слишком строго судить схоластическую логику — ведь это она научила человеческий ум правильно мыслить. Долг Галилея по отношению к Аристотелю гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Идея, что творение Божье рационально и может быть описано с помощью вселенских законов, делает возможными научные исследования.

4. В Англии тяга к классическим знаниям никогда полностью не затухала. Сначала во времена саксонских вторжений факелу не дали угаснуть ирландские монастыри, потом настал черед нортумбрийской культуры, а когда даны уничтожили школу Беды и Алькуина, Альфред Великий спас, что мог, из латинского и греческого наследия. У нормандцев были простейшие школы, где дети учились петь латинские гимны и иногда читать, монастырские школы для тех, кто хотел пополнить ряды белого духовенства, и *grammar schools*, которыми тоже часто руководили монахи и где преподавали, не скупясь на побои, латинскую грамматику. Однако невежест-

Урок в английской школе XII в. Миниатюра Псалтири Св. Эдвина. Около 1150



во в XIII в. было глубоким даже среди духовенства. В 1222 г. архиепископ Лэнгтон поручил епископам проэкзаменовать священников в своих диоцезах и удостовериться, что они понимают священные книги. Отчет солсберийского декана Уильяма рисует жалкую картину. Некий священник, спрошенный о каноне мессы и о молитве *«Te igitur clementissime pater...»* («Тебя, всемилостивый Отче...»), не знал ни падежа *«te»*, ни каким словом это местоимение управляется. «А когда мы попросили его найти слово, которое лучше всего могло им управлять, он ответил: „Это *Pater*, потому что *Pater* управляет всем“. Мы спросили его, что такое *clementissime*, в каком падеже оно стоит и как это прилагательное склоняется, — он не знал. Мы спросили его, что значит *clemens,* он не знал и этого... Он совершеннейший неуч». Поэт Лэнгленд (ок. 1332–1386) вкладывает в уста священника следующие слова:

...Я был священником и пастырем тридцать зим,
Но не умею ни петь, ни читать Жития святых;
И мне легче поднять зайца в поле иль в борозде,
Чем прочесть первый псалом или пастве его втолковать.

Когда Луи де Бомонт в 1316 г. стал епископом Даремским, он не понимал латыни. На церемонии посвящения в сан он не смог прочитать Символ веры. Дойдя до слова *archiepiscopus,* но так и не сумев осилить его после многих попыток, он в конце концов воскликнул по-французски: «Будем считать, что прочитано!» Университеты постарались сформировать более образованных клириков. Первым университетом в Англии стал Оксфордский.

5. Оксфорд долго был одним из важнейших городов королевства. Еще до основания университета там в церквях уже преподавали выдающиеся магистры. Когда Джеральд Валлийский, друг Генриха II, закончил свою «Историю завоевания Ирландии», он «решил прочитать ее публично в Оксфорде, где можно было найти самых знаменитых из английских клириков. Чтение длилось три дня; в первый он принял и кормил у себя городских бедняков, во второй день — докторов и книгочеев, в третий — горожан и ратников... Это был благородный и очень щедрый поступок, и таким образом хотя бы в некоторой мере оказались возрождены древние традиции поэзии». Настоящим университетом Оксфорд стал, когда Генрих II во время своей ссоры с Бекетом вызвал туда из Парижа английских ученых. Что касается Кембриджа, то многочисленные студенты и преподаватели перебрались туда в 1209 г. из Оксфорда, протестуя против несправедливости мэра, который велел повесить за убийство женщины трех неповинных в том студентов. Первым университетом в Шотландии стал Сент-Эндрю, основанный в начале XV в.

Дэвид Логан. Мертон-колледж, один из первых колледжей Оксфордского университета, основанный в 1264 г. сэром Уолтером де Мертоном, канцлером Англии. 1675

6. Студенты Оксфорда и Кембриджа в Средние века отнюдь не были молодыми людьми хорошего происхождения, которые приезжали, чтобы научиться жить по-джентльменски и завести знакомства среди элиты своего поколения, но бедными клириками, готовившими себя к церковной либо административной карьере. Некоторые были так бедны, что имели лишь одно студенческое платье на троих и питались только хлебом и похлебкой. Защищенные «привилегией духовенства», эти студенты вели жизнь, лишенную святости. Их драки были кровавыми, нравы слишком вольными. Учились они посредственно. Роджер Бэкон жаловался, что студенты читают больше «Овидиевы нелепицы», нежели произведения Сенеки. А вскоре и Овидий разонравится молодежи, и интерес к классической латыни умрет. Как и в Париже, модной дисциплиной после воскрешения Аристотеля Эдмундом Ричем станет диалектика и логика.

7. Дух Средневековья был метафизическим, а не рассудочным. Однако чтение древних авторов и Крестовые походы, позволившие соприкоснуться с арабским миром, пробудили в нескольких редких умах мысль о научном методе. И среди этих первых европейских ученых самым знаменитым был Роджер Бэкон, «средневековый властитель дум», как назвал его Ренан. Он приехал из Оксфорда в Париж, где преподавал геометрию, арифметику и искусство наблюдения с помощью инструментов. Он, несомненно,

Колледж Св. Марии в Винчестере. Миниатюра. Около 1461–1465

предчувствовал потребность в критическом методе. «В том, что касается рассуждения, — писал он, — невозможно отличить софизм от доказательства, кроме как проверяя выводы опытом и практикой. Самых надежных выводов из рассуждения недостаточно, если их не проверять... Существует множество укоренившихся ошибок, которые происходят от чистого доказательства, *de nuda demonstratione*». И, порицая людей своего времени, посвящавших себя схоластике, Бэкон полагает, что самые важные секреты мудрости остаются неизвестны толпе ученых из-за отсутствия приемлемого метода. Но кто тогда заботился о научном наблюдении? Даже медицина была тогда теоретической и навязывала учение о «телесных жидкостях». Роджеру Бэкону, побежденному нищетой, пришлось последовать советам своего друга епископа Гроcтеста и, чтобы как-то выжить, сделаться францисканцем. Устав ордена не позволял монаху владеть чернилами, перьями, книгами, и поэтому ему пришлось просить папу об особом разрешении. Клемент IV даровал его. Роджеру Бэкону понадобилась невероятная энергия, чтобы написать без помощи копииста свой труд *Opus Majus*, настоящую энциклопедию XIII в.

8. Университеты сыграли важную роль в политическом пробуждении Англии. В Оксфорде студенты из Шотландии и южных графств, Уэльса и восточных графств встречались, знакомились и лучше узнавали друг друга. Здесь перемешивались и провинции, и разные классы. Дух Оксфорда был независим; когда Симон де Монфор начал свою отважную, но короткую борьбу против абсолютизма, студенты приняли его сторону. Любая политическая или религиозная распря становилась поводом к университетским волнениям. В 1238 г. папского легата, чьи люди оскорбили нескольких студентов, преследовали на улицах города англичане, ирландцы и валлийцы, уже застрелившие его повара стрелой из лука. «Где он? — кричали они. —

Где этот ростовщик, этот симонит, этот ненасытный до денег ворюга, который грабит нас, чтобы набивать сундуки чужестранца?» Королю пришлось отправить вооруженную стражу в Оксфорд, чтобы вызволить римского прелата и утихомирить студентов. Вскоре Церковь осознает опасность, которую представляла для единства веры эта толпа молодых риторов, так легко соблазнявшаяся всяким новым учением, и, чтобы прибрать университеты к рукам, воспользуется новыми религиозными орденами.

X. Сообщества: 3) нищенствующие монахи

1. Хотя Церковь назначила себе земную миссию: смирять и дисциплинировать людские страсти, ей самой беспрестанно угрожали агрессивные возвращения этих страстей. Отсюда и последовательные реформы: устав ордена Святого Бенедикта, уставы клюнийских и цистерцианских монастырей. В XIII в. вера народов все еще остается наивной и сильной, однако сама Церковь часто не оправдывает их ожиданий. Несмотря на суровость Григория VII, еще многие из английского низшего духовенства либо женаты, либо живут с сожительницами. Обеты бедности соблюдаются не лучше, чем обеты целомудрия. Епископ Антоний Бек около 1200 г. держит свиту из 140 рыцарей. Для него ничто не слишком. «Однажды в Лондоне он заплатил 40 шиллингов за 4 свежие селедки только потому, что другие большие вельможи подбивали его купить их. Потом он приобрел из-за бравады самое дорогое сукно, какое только смог найти, и сделал из него попоны для лошадей». Симония повсюду. «Церкви, бенефиции, церковные должности — все покупается и продается». Аббат, приехавший в Рим, но не слишком уверенный в своей латыни, платит 20 тыс. фунтов, только чтобы смягчить своих экзаменаторов: *examinatores suos emollire*. Приходских священников, живущих на десятину, собранную верующими, часто обирает какое-нибудь аббатство, заставляя отдать себе вместе с должностью священника-делегата ее лучшие части (зерно и шерсть), и оставляет несчастному викарию только худшие (овощи и фрукты). Что касается монахов, то хотя и не все они имеют пороки, за которые их упрекают сатирики, но от образцов добродетели тоже далеки. Тщетно святой Бернард запрещал цистерцианцам строить слишком изукрашенные здания; великолепные аббатства, которые они возводили в Англии, свидетельствуют одновременно об их вкусе и неэффективности их устава.

2. Два ордена, созданные в XIII в., гораздо больше отвечают постоянной потребности в религиозном рвении народов, нежели прежние монастырские ордена: францисканцы и доминиканцы. Эти «нищенствующие» ордена

Руины аббатства Линдисфарн, одного из первых оплотов христианства в Северной Англии. XI в.

состоят уже не из монахов, а из «братьев», которые не колеблясь покидают обитель, чтобы жить в миру, среди простых людей, которых почитают своими братьями, в совершенной бедности и полном пренебрежении к земным благам. Устав меньших братьев, созданный святым Франциском в 1209 г., требует, чтобы они жили подаянием. И они размножились с такой скоростью, что в 1264 г. в подчинении главы францисканцев 8 тыс. обителей и 200 тыс. братьев. Орден братьев-проповедников, основанный в 1215 г. святым Домиником, преследовал несколько иную цель. Этот испанский священник, наблюдая на юге Франции альбигойские ереси и кровавые походы против них Симона де Монфора, предложил папе бороться с ересью не мечом, но словом. Иннокентий III разрешил основание ордена, стремительный рост которого был не менее удивительным, чем рост ордена францисканцев. Вскоре его монахи появились во всех странах.

3. Явившись в Англию в 1221 и 1224 гг., францисканцы и доминиканцы сразу же развернули широкую деятельность. Здесь им не пришлось бороться с ересью. Ни альбигойцы, ни вальденсы Римской церкви тут не угрожали. Но невежество и охлаждение веры были не менее опасными симптомами. Авторитет папства пошатнулся из-за неумеренных отлучений от церкви.

Мы помним, что Лондон осмелился потребовать от священников служить мессы, несмотря на папский интердикт. Если Церковь хотела сохранить свое влияние на Англию, она должна была с помощью новых миссионеров затронуть сердца народных масс. Большая роль, которую она сыграла в формировании английского общества, объяснялась тем, что она была единственной связью между крестьянами-полуварварами и внешней культурой. Ей оставалось выполнить ту же миссию. Один из трагических аспектов Средневековья — отчужденность, а стало быть, невежество деревенских жителей. Кто мог обеспечить связь? Приходский священник? Он был так же невежествен, как его прихожане, и не менее отчужден, нежели они. Обычный монах? Но он вел в своей обители жизнь, которая даже при всей допустимой святости оставалась эгоистичной. Эту роль вполне мог сыграть нищенствующий монах, который сновал между городом и деревней: то живя среди своих братьев и обновляя запас идей, то возвращаясь к беднякам. И он в самом деле ее сыграл.

4. Первая группа францисканцев пересекла Ла-Манш в 1254 г. Их было девять, а путешествие в Англию им милостиво обеспечили монахи бенедиктинского аббатства в Фекаме. Они направились прямиком в Лондон, где им предоставили каморку в какой-то школе. Там вечерами их и видели — они сидели у очага и пили пиво, «такое горькое, что кое-кто предпочитал простую воду», — с ужасом и жалостью говорится в одном свидетельстве того времени. Они не ели ничего, кроме самого грубого хлеба, а когда не было хлеба, питались овсянкой. Король выделил им 10 марок, чтобы они

Монахи ордена цистерцианцев за работой. Миниатюра. XIII в.

Монахи-францисканцы ухаживают за больными чумой. Миниатюра. Конец XIV в.

арендовали в Кембридже участок земли, и они построили на нем часовню, «столь бедную, что один плотник почти закончил ее за один день». Правило абсолютной бедности долго соблюдалось францисканцами. Когда братья захотели построить настоящий монастырь, английский провинциал ордена запротестовал: «Я не для того принял обет, чтобы отгораживаться стенами» — и велел снести каменную обитель, которую жители Саутгемптона построили для его ордена. А монахам, которые требовали подушек, он заявил: «Вы не нуждаетесь в этих маленьких горках, чтобы вознести свои головы к небу». Легко представить себе, какое впечатление произвели на народ члены ордена, так искренне пренебрегавшие благами этого мира.

5. Из правил, установленных святым Франциском, презрение к знаниям было первым, которое его последователи неуклонно соблюдали. Одному послушнику, который попросил у него псалтырь, Франциск ответил: «Я ваш требник». Он огорчился, когда ему сообщили, что в его ордене много выдающихся ученых, и наверняка, в отличие от Клемента IV, не разрешил бы Роджеру Бэкону пользоваться перьями и чернилами. Но сам успех проповеди францисканцев и доминиканцев вынудил их изучать по крайней мере богословие. Им же надо было подготовиться к ответам на возражения. И очень скоро в университетах они стали удачливыми соперниками белого духовенства. Монахи и священники косо смотрели на этих нищенствующих братьев, чьи босые ноги и убогая пища были немым осуждением их богатых бенефициев и пышных аббатств. Но бедные студенты оказывали им доверие, которым не удостаивали слишком хорошо обеспеченное духовенство. В Оксфорде францисканская школа приобрела поразительную известность. Именно из ее лона вышли три самых выдающихся ума того времени: Роджер Бэкон, Дунс Скот и Оккам, возвысившие Оксфордский университет до уровня Сорбонны.

6. К первым нищенствующим орденам в течение века присоединились и два других: августинцы и кармелиты. Но потом «четыре ордена», как и другие монахи до них, стали пренебрегать дисциплиной, создавшей их

славу. Было бы несправедливо хулить их за это; они лишь восприняли образ жизни тех, среди кого жили, но в XIV в. слишком упитанный, слишком жирный брат-попрошайка становится одной из излюбленных мишеней для сатириков. Как только братья в свой черед уступают природным наклонностям и, садясь на осла, нарушают устав, запрещающий им владеть верховым животным, живут в уютных обителях, построенных для них богатыми грешниками, тепло одеваются, а порой и ублажают себя роскошью утонченного образования, они теряют свое влияние на бедняков. Тщетной будет проповедь об апостоле Петре, который жил *in famo et frigore* — в голоде и холоде, — из уст человека, чьи жирные розовые щеки свидетельствуют о том, что он давно и слишком хорошо питается. В «Кентерберийских рассказах» Чосера нищенствующий монах уже похож на своих раблезианских собратьев. На самом деле большинство братьев были людьми безобидными, но контраст между уставом ордена и образом их жизни впоследствии даст пуританам повод для возмущения. Кроме того, в стране, которая в конце нормандско-анжуйского владычества начала осознавать свою национальную самобытность, эти братья, представлявшие последнюю волну континентальных апостолов, да к тому же утверждавшие, что подчиняются непосредственно самому папе, раздражали многих верующих. Конфликт между Римской и Английской церковью разразится много позже, но именно тогда в сознании самых требовательных будут посеяны зерна глубокого раскола. И они там прорастут.

XI. Генрих III и Симон де Монфор

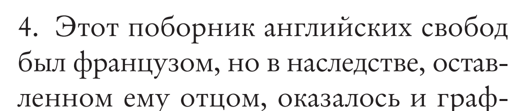
1. Как только смерть Иоанна Безземельного сделала законным королем девятилетнего ребенка, Генриха III (1216), бароны, которых лишь ненависть к его отцу толкнула в лагерь Людовика Французского, тотчас же снова присоединились к короне. В среде этой знати, которая сама была чужеземного происхождения, стало расти чувство национальной общности. Потеря Нормандии, отделившая нормандских баронов от их французских владений, окончательно связала их судьбу с Англией. При малолетнем короле безопасность страны обеспечивали отличные воины Гийом Ле Марешаль и Хьюберт де Бург; наконец в 1227 г. король достиг совершеннолетия. Генрих III не обладал ни жестокостью, ни цинизмом своего отца. Набожностью и простодушием он скорее напоминал Эдуарда Исповедника, которым необычайно восхищался и построил в его честь Вестминстерское аббатство. Но он не слишком подходил для того, чтобы править Англией XIII в. В те времена, когда все реальные силы страны пытались навязать королевской власти

правила, он был абсолютистом; во времена подъема национализма он не был англичанином. Женившись на Элеоноре Прованской, он окружил себя дядюшками королевы, и один из них, Пьер Савойский, построил на берегу реки дворец, который сегодня называется Savoy Court. Вместе с родственниками супруги король поставил у власти родственников своей матери, уроженцев Пуату. Бароны и горожане были крайне раздражены и начали ворчать: «Англия для англичан», и самые недавние англичане среди них отнюдь не были наименее пылкими. Наконец король, очень благочестивый и хранивший живую признательность папе за то, что тот защищал его до совершеннолетия, признал себя вассалом его святейшества и стал благоприятствовать обогащению Рима за счет английского духовенства. Папа взял привычку давать своим итальянским фаворитам самые богатые бенефиции Англии, порой даже еще до того, как они освободятся. Когда эти *провизоры (provisors)*, или временные аббаты, становились титулярными, то есть номинально возглавляли аббатство, но не имели реальной власти над ним, они преспокойно оставались в Риме, назначали викария и получали доходы со своих английских владений. Можно себе представить ярость местного духовенства и растущее чувство враждебности по отношению к папе и королю.

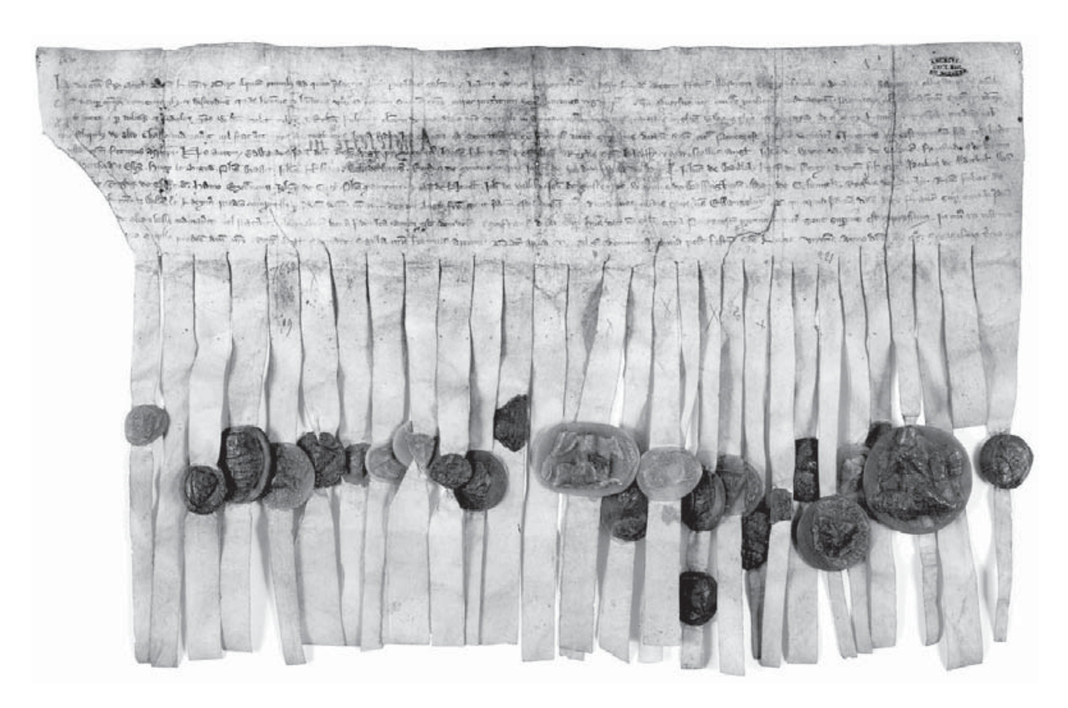
2. Генрих III медленно терял популярность на протяжении тридцати лет. Великая хартия вольностей, хоть и подтвержденная им пять раз, не соблюдалась. Цены тогда росли по всей Европе, потому что вместе с возрождавшимся доверием возвращались в оборот и деньги. Это вздорожание автоматически увеличивало расходы правительства, но бароны не были экономистами, поэтому всякий раз, когда король обращался к ним за новыми субсидиями, эти требования встречали все более и более неохотно. Не сумев отказаться от великих анжуйских мечтаний, Генрих III попытался отвоевать свои бывшие французские владения и дал себя побить при Тайбуре. А пределов английского терпения он достиг, когда принял от папы (который на своей дипломатической шахматной доске играл королем Англии против императора) Сицилийское королевство для своего второго сына Эдмунда. Это был обременительный дар, который еще надо было сперва завоевать, и бароны прямо отказали королю в какой бы то ни было помощи для этой экспедиции, если только он не согласится на реформы. В 1258 г. в Оксфорде собрался Большой совет, и вопреки обычаю сеньоры явились туда вооруженными. «Неужели я ваш пленник?» — робко спросил их король. Они потребовали, чтобы он принял «Оксфордские провизии», которые поручали управление королевством Комитету реформ. Этот комитет должен был получить контроль над казначейством, право назначать юстициария, казначея, канцлера. Если бы его правление затянулось, монархию сменила бы олигархия.

3. Король поклялся, но сразу же воспользовался тактикой своего отца и попросил папу освободить его от этой клятвы. Бароны возмутились, и было решено, что обе стороны попросят рассудить их Людовика Святого, короля Франции, чей престиж в Европе был очень велик. Король и его сын Эдуард отплыли, чтобы самолично защищать свое дело на Амьенской конференции. Людовик Святой признал его правоту, провозгласил отмену «Оксфордских провизий», которые противоречили всем политическим представлениям того времени, и подтвердил право Генриха назначать чужестранцев своими советниками или министрами. Однако довольно путаный приговор Людовика подтверждал и Великую хартию. Самые консервативные из баронов согласились с «Амьенским речением», но более молодая и дерзкая партия сочла приговор беззаконным, ибо нельзя одновременно подтвердить Великую хартию вольностей и отменить «Провизии», которые были ее применением, так что борьба должна продолжиться. Возглавил эту партию самый замечательный человек того времени: Симон де Монфор, граф Лестерский.

Генрих III. Фрагмент скульптурного декора собора в Солсбери. XIII–XV вв.



4. Этот поборник английских свобод был французом, но в наследстве, оставленном ему отцом, оказалось и графство Лестер, некогда конфискованное Иоанном Безземельным. Генрих III вернул его Симону, и это их сблизило. В 1238 г. женитьба Монфора на сестре короля сильно оскорбила англичан. Правда, потом зять и шурин поссорились. Генрих был нетерпеливым и легкомысленным; Симон нетерпеливым и серьезным. Оба шли от размолвки к размолвке. Симон отправился в Крестовый поход и по возвращении стал управлять Гасконью, наводя там порядок столь крутыми мерами, что к английскому двору явились гасконские посланцы, чтобы пожаловаться на него королю. Король



Обращение Генриха III и его баронов к Людовику IX Святому
с просьбой быть посредником в разрешении разногласий. 1263

пригласил своего зятя оправдаться. Симон ответил, что человеку столь благородному, как он, незачем беспокоиться об одобрении «чужестранцев». Спор разгорался все больше, и, когда у Генриха вырвалось слово *изменник*, Монфор ответил: «А вот это ложь, и, не будь вы моим государем, горем обернулось бы для вас, что вы осмелились произнести это слово!» — «Возвращайся в Гасконь, ты, спорщик и любитель ссор, и пусть это будет тебе наказанием, как когда-то твоему отцу до тебя!» — «С радостью поеду и не вернусь, пока не сделаю твоих врагов твоими рабами, несмотря на всю твою неблагодарность». В 1253 г., замененный в Гаскони наследником престола и его племянником лордом Эдуардом, Монфор вернулся в Англию, полный горечи, оскорбленный, и вскоре возглавил реформистскую партию. Близкий друг выдающегося епископа и богослова Роберта Гростеста, сам очень набожный, человек воодушевленный и умеющий заразить своим воодушевлением, уязвленный всеми бедами королевства, граф Лестерский стал душой аристократической оппозиции, которая на Большом совете в Оксфорде попыталась навязать контроль королевской власти. Однако после Амьенского приговора оппозиция разделилась. Многие бароны уступили. Монфор на это отреагировал, как всегда, бурно. «Я побывал во многих странах, — воскликнул он, — и нигде, кроме Англии, не встре-

чал людей настолько лишенных верности. Но даже если все меня покинут, я со своими четырьмя сыновьями все равно буду защищать правое дело». И он продолжил борьбу, несмотря на отступничество соратников.

5. Особенность той эпохи состоит в том, что к политической жизни пробуждаются «новые слои». И из-за роли, которую они вскоре сыграют, нам особенно интересны две группы: сельские рыцари и зажиточные горожане. Рыцарский класс за сто лет значительно расширился. Начиная с 1278 г. рыцарем и подчиненным военным обязанностям рыцарства станет всякий свободный человек, земельный доход которого достигает 20 фунтов. С повышением цен многочисленные мелкие землевладельцы оказываются, желая того или нет, обладателями *рыцарской земли (knight's fee)*. И в XIII в. мелкие сельские дворяне (будущие сквайры, *squires*), заботившиеся лишь о своих землях да местных делах и весьма отличные и от воинственного барона, и придворного вельможи, быстро размножились. Эти рыцари образовали зажиточный и почтенный класс, который привык, особенно с учреждением института разъездных судей, играть большую роль в жизни графства. Вспомним, что для формирования суда присяжных шериф сначала обязывал собрание назначить четырех человек, а те затем выбирали двух рыцарей на *сотню*. Значит, там была группа людей, имеющих вес в своей провинции, к которым было естественно обратиться, когда хотели узнать настроения графства. В 1213 г. Иоанн Безземельный принял в Большой совет по четыре человека от каждого *шира*. В 1254 г. Генрих III нуждался в деньгах и, найдя, что крупное дворянство настроено враждебно, велел через шерифа осведомиться в судах о настроениях графств и доставить ответы в Большой совет двум рыцарям от каждого шира. Наверняка надеялись, что сельские жители, оробев при виде королевского величия, не осмелятся засвидетельствовать отказ от новых поборов.

6. Разумеется, нерегулярного присутствия нескольких сельских рыцарей в совете было недостаточно, чтобы превратить его в современный парламент. Слово *парламент* использовалось в Англии с 1239 г., но вначале оно означало просто процесс говорения. Парламент в то время был прениями в Большом совете, а сам Большой совет напоминал былой суд, состоявший из *старших баронов (barones majores)*, созванных персонально, и *младших баронов (barones minores)*, созванных коллективно шерифом. В 1254 г. сельские рыцари присутствовали там лишь как информаторы; сами они не заседали. Но отважному духу Симона де Монфора предстояло пойти гораздо дальше. После Амьенского приговора великий бунтарь одержал при Льюисе полную победу над королевскими войсками. Против него сражались его племянник, сын короля лорд Эдуард, и часть баронов, но за него

Симон де Монфор. Скульптура Часовой башни в городе Лестер. XIX в.

было молодое дворянство, очень воодушевленные и настолько же плохо вооруженные лондонские горожане, оксфордские студенты и, главное, превосходные валлийские лучники, косвенно защищавшие независимость своего Уэльса. Симон, кроме прочих дарований, обладал и талантом стратега. Он взял в плен короля с наследником и, полный решимости реформировать королевство, созвал от имени короля парламент 1264 г., на который должны были прибыть по четыре «скромных» рыцаря от каждого графства, выбранных для того, чтобы обсуждать с вельможами и прелатами дела королевства.

7. Сочинения того времени показывают, что политическая мысль тогда была, наверное, очень смелой. «Послушны законам те, кто знает их лучше всего, — пишет один поэт, — а поскольку речь идет об их собственных делах, то они лучше всего и позаботятся об этом». Симон де Монфор, реальный глава правительства, отдает власть в руки комитета из девяти членов, назначенных тремя выборщиками. Большому совету он предоставил право сместить этих выборщиков. Это был набросок конституции, почти такой же сложной, как конституция Сийеса. Наверняка Симон де Монфор был далек от того, чтобы вообразить это предтечей будущего британского парламента, и было бы анахронизмом делать его первым из *вигов*. Но этот выдающийся человек понимал, что в стране появились новые силы и будущее будет принадлежать тому, кто сумеет их использовать.

8. Поскольку в следующем году многие бароны испытали отвращение к новшествам, непоколебимый Симон решил сильнее опереться на новые классы и созвал знаменитый парламент 1265 г., на котором должны были присутствовать по два рыцаря от каждого шира и по два горожанина от каждого

города или укрепленного селения, причем эти последние должны были созываться не шерифом, а мандатом *(writ)*, адресованным непосредственно к городу. На этот раз оказались собраны воедино все элементы будущего английского парламента: лорды, депутаты от графств (или *county members*), депутаты от городов (или *borough members*). Однако нельзя сказать, что создание палаты общин буквально берет свое начало из этого эксперимента, потому что депутаты от графств и городов были призваны всего лишь «под предлогом консультаций». Их присутствие кажется нам важным, потому что мы знаем его последствия. Но современникам оно наверняка показалось всего лишь естественным: бунтарь созывал своих сторонников.

9. По крайней мере один человек наблюдал с глубоким интересом и невольным восхищением за популистской политикой графа Лестерского: это был наследник престола лорд Эдуард. Уступая своему дяде в силе характера, лишенный того страстного идеализма, который определял благородство Симона, Эдуард в гораздо большей степени обладал качествами, необходимыми для успеха. Симон де Монфор, одержимый величием своих замыслов, отказывался учитывать людское ничтожество и мелочность. Эдуард, неспособный к изобретательности, показал себя превосходным исполнителем. Бежав из плена с помощью военной хитрости (он притворился, будто хочет испытать коней у всех охранявших его рыцарей, а выбрав самого быстрого, ускакал на нем галопом, и никто не смог его догнать), он созвал баронов западных и северных марок, напал на Монфора, применив уроки тактики, полученные от него же, и одержал победу при Ившеме (Evesham). Монфор, хороший игрок, восхитился как знаток погубившим его маневром. «Клянусь святым Иаковом! — сказал он. — Они идут хорошим порядком... Я сам их этому научил. Вручим же Господу наши души, ибо наши тела уже принадлежат им...» Он героически сражался все утро, а потом почти в полной темноте из-за грозы, которую современники сочли чудом, был убит. Его тело было изувечено врагами, но Эдуард позволил францисканцам похоронить то, что осталось, и еще долго останки Симона де Монфора почитались в народе как святые мощи.

10. Вместе с Симоном де Монфором ушел последний из великих французов, которые способствовали созданию Англии. Вскоре потомки знатных нормандцев будут знать только английский язык. Годрик и Годгифу победят. Но роль нормандских и анжуйских королей была огромной. Высадившись на английский берег, Вильгельм Завоеватель обнаружил страну недавних первопоселенцев, грубое местное правосудие, беспутную и строптивую Церковь. Усилиями Генриха I, потом Генриха II была создана центральная администрация, проявившая себя достаточно сильной, чтобы стер-

петь без угрозы для себя местные свободы. Многие институты, которые ввели или сохранили эти короли, — суды присяжных, судебные заседания, казначейство («Палата шахматной доски»), университеты — существуют и по сей день. Даже Иоанн Безземельный, вероломный король, и Генрих III, слабый король, оказались по-своему полезны. Подписанная Иоанном Великая хартия вольностей предвещает преобразование феодального обычая в общее право, которое королю придется соблюдать. Период между 1066 и 1272 г. — один из самых плодотворных в истории Англии. Нормандская колония, основанная во времена завоевания пятью тысячами авантюристов, развилась оригинальным образом и в последующие века, после последней попытки объединить оба королевства, Францию и Англию, порвет все связи с континентом. Можно представить себе очень приблизительно[1] эту удивительную удачу, если предположить, что Лиоте, завоеватель Марокко, основал бы там династию, принятую местными жителями и саму принявшую их традиции, и что преемники подарили бы этой державе более сильные законы и более солидное процветание, чем те, что существовали в метрополии.

[1] Разница в том, что между саксами и нормандцами существовало племенное и религиозное единство. — *Прим. авт.*

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК ФЕОДАЛИЗМА (1272–1485)

I. Эдуард I (1272–1307). Законодательные реформы. Внутренняя администрация

1. В 1066 г. нормандское завоевание возвело между патрициями и плебеями, между владельцами замков и крестьянами двойной барьер — языка и озлобления, но довольно скоро обе цивилизации, насильно приложенные друг к другу, переплелись между собой. Саксонские крестьяне поняли ценность установленного нормандцами порядка, нормандские же сеньоры соблюдали обычаи английского народа. И к моменту восшествия на престол Эдуарда I слияние было почти полным, а особа короля стала символом. Хотя он по прямой линии и происходит от Завоевателя, но носит старинное саксонское имя в честь Эдуарда Исповедника, и он английский король. Его главная цель — уже не отвоевать Нормандию или восстановить Анжуйскую империю, но обеспечить единство Великобритании, подчинив Уэльс, а потом и Шотландию. Он говорит по-английски так же свободно, как и по-французски, и мы видим, что он отвечает по-английски на *саламы* посланников султана. Во время его царствования английский язык, который после завоевания тек по некоему «подземному» руслу среди ремесленников и вилланов, вновь появится под открытым небом. Со времен Симона де Монфора он используется в официальных документах. Среди новых грамотеев «нет ни одного на сотню, кто мог бы прочитать письмо на каком-либо языке, если это не латинский или английский». Еще до конца XIV в. в английских школах перестанут преподавать французский, и это вызовет жалобы Иоанна Тревизского, потому что даже дворяне уже не обучают ему своих детей. Как и язык, институты Эдуарда I предвосхищают современную Англию. Его законы окажут долговременное влияние на социальную структуру страны. Наконец, несмотря на искреннюю набожность Эдуарда, его позиция по отношению к папе будет уже позицией главы «национального и островного» государства.

2. Эти модернизм и инсуляризм тем более удивительны, что король по своему характеру оставался феодалом, а по своим наклонностям — Плантагенетом. Он был высокомерен, хорошо сложен, обладал длинными ногами и сильными бедрами всадника; его излюбленные забавы — охота

Матвей (Мэтью) Парижский. Первая карта Британии. Около 1250

и турниры. В отношении «лесных законов» он всегда был непреклонен. Его возвращение из Крестового похода больше напоминает подвиги странствующих рыцарей из романов. На своем пути он исправляет несправедливости, атакует разбойника в Бургундии и сражается с графом Шалонским. Завоевывая Уэльс, требует корону короля Артура и устраивает пир Круглого стола. Он кичится тем, что во всей строгости соблюдает кодекс совершенного вассала по отношению к королю Франции, приносит ему вассальную клятву за Гасконь и смиренно принимает решения своего сюзерена. Его девиз: *«Keep troth... Pactum serva...» («Будь верен обету»)*. Без сомнения, ему случается, дав слово, передумать; и тогда он проявляет исключительную ловкость, извращая смысл текстов, чтобы согласовать свои желания и обещания. «Он хочет поступать по закону, — говорит один современник, — но называет законным все, что ему нравится». Когда ему надо избавиться от обременительной клятвы, он без колебаний прибегает к наследственному методу Плантагенетов: обращается к папе, чтобы тот освободил его от нее. В конечном счете, Эдуард скроен по хорошему образцу; его инстинкты благородны, и он проявляет редкую у государей того времени способность: учиться на ошибках. После восстания баронов он понял, что время деспотизма в Англии миновало и единственным средством укрепить монархию будет отныне опора на новые, растущие классы. Раздражительный, надменный, упрямый, иногда жестокий, но трудолюбивый, честный и достаточно рассудительный, этот рыцарь — воистину государственный муж.

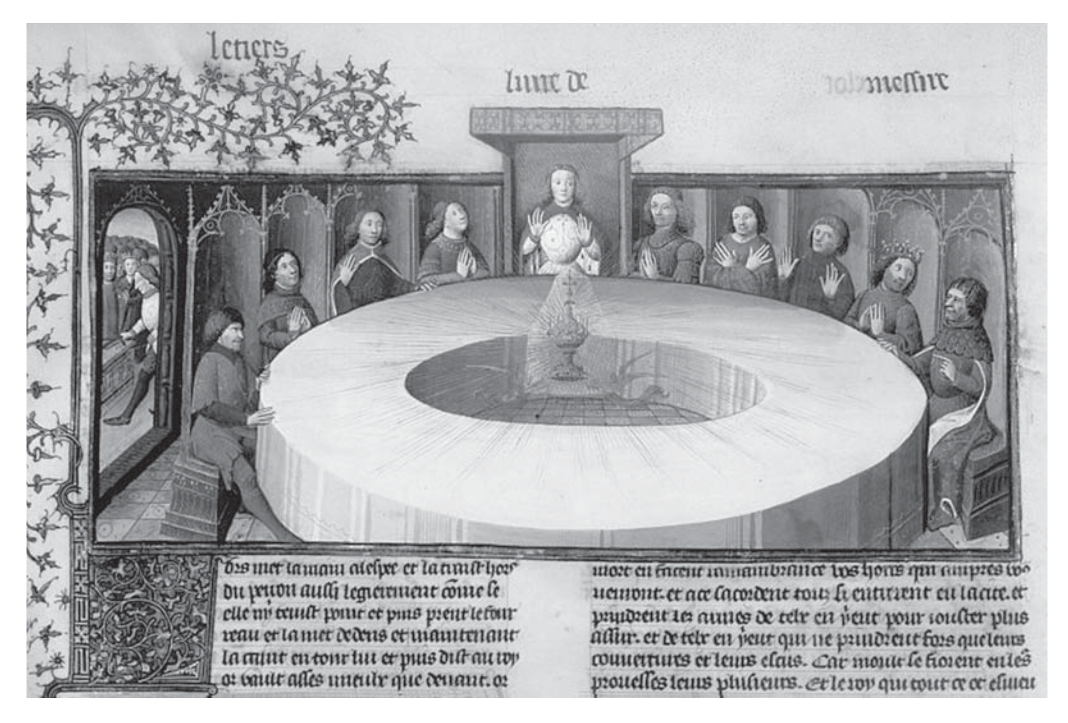
Так называемый «Круглый стол Артура» из Винчестерского собора. XIII–XIV вв.

3. Тогда как у нас во Франции почти вся правовая система датируется эпохой Наполеона, в Англии уложения Эдуарда I, если они не были отменены, все еще имеют силу закона. В начале своего царствования Эдуард, как некогда Вильгельм Завоеватель, велит провести расследование по всему королевству, дабы выяснить, по какому праву *(Quo Warranto)* некоторые сеньоры присвоили себе частицы государственной власти. Это дознание вызвало

среди знати большое недовольство. Когда королевские юристы попросили графа де Варенна показать им свои грамоты, он вытащил из ножен заржавленный меч и заявил: «Вот моя грамота. Мои предки приплыли с Вильгельмом Завоевателем и завоевали все эти земли вот этим мечом. И этим же мечом я защищу их от любых посягательств». Неприятный ответ для короля-рыцаря. Но Эдуард I уже знал, что у написанных грамот в Англии больше будущего, чем у права меча, а впрочем, сопротивление было редким.

4. Благодаря самообладанию короля его царствование обошлось без непоправимых конфликтов с Церковью. Споров между светской и религиозной властью хватало, но они никогда не достигли накала ссор Вильгельма Руфуса с Ансельмом или Генриха II с Бекетом. Самый серьезный спор случился, когда папа Бонифаций VIII в 1296 г. буллой *Clericis laicos* запретил духовенству платить налоги мирским властям. Эдуард I, не без оснований раздраженный, приказал наложить арест на имущество Церкви и на монастырскую шерсть. Черное духовенство приняло сторону Рима; приходское духовенство, скорее английское, нежели римское, оказалось более чувствительным к упрекам короля. В итоге было достигнуто примирение. Такие споры опасно умаляли престиж папской власти в Англии. Авиньонское пленение пап, случившееся в 1303–1378 гг. во Франции, нанесет по этому престижу еще более тяжкий удар, подчинив папу власти врага. С XIV в. свежеиспеченный национализм и традиционный католицизм становятся в глазах англичан трудносовместимыми друг с другом, и уложение *о провизорах (Provisors)* запрещает всякому подданному, и особенно духовенству, платить налоги, подати и бенефисы вне королевства.

5. Это значило перекрыть самый обильный денежный источник, питавший папскую казну. Но королю приходилось довольно жестко защищать собственные доходы. С расширением функций правительства стали расти и его расходы, а старых налогов (феодальных «вспомоществований» и поземельного налога, *geld*) уже не хватало. Дополнительными ресурсами короля стали: *экюаж*, то есть сбор, заменяющий воинскую службу, который взимался не без трудностей и исчез в 1322 г.; налог на движимое имущество и земельную собственность, составлявший в целом до $^{1}/_{15}$ для деревень и до $^{1}/_{10}$ для городов (начиная с 1334 г. *пятнадцатая и десятая* будут зафиксированы на основании общей предполагаемой суммы доходов в 39 тыс. фунтов; и отныне всякий раз, когда парламенту придется голосовать по поводу *пятнадцатой и десятой*, это будет означать 39 тыс. фунтов), и, наконец, пошлины на ввоз и вывоз товаров (*customs,* или таможенные сборы). Вывозными пошлинами облагаются шерсть и шкуры, основные продукты королевства, а ввозными — вина.



Рыцари Круглого стола. Миниатюра. XV в.

6. Эдуард I добровольно лишил себя одного из крупных денежных источников, выслав в 1290 г. из Англии всех евреев. Одним из последствий неудачи Крестовых походов стало возрождение народной ненависти к единственным неверным, которые оказались доступными для мести и неспособными защищаться. Их стали обвинять во всех преступлениях. Задолжавшая им знать желала избавиться одновременно и от неоплаченных долгов, и от кредиторов. Принятая королем мера была все же не так бесчеловечна, как предшествовавшие ей гонения. Он разрешил евреям взять с собой свое движимое имущество и повелел вешать тех моряков, которые во время плавания ограбят или убьют своих пассажиров. После исхода евреев ремеслом ростовщика стали заниматься в Англии христиане из города Кагора, которые нашли хитроумный способ обойти законы Церкви. Они охотно одалживали деньги на довольно короткое время, потом, когда срок истекал, а долг еще не был оплачен, требовали возмещения за время, истекшее с назначенной для уплаты даты. Это и было то, что назвали «интересом» (то есть лихвой, процентами): *id quod interest*. Вскоре и итальянцы занялись ремеслом банкира, а менялы-ломбардцы даже дали свое имя лондонской улице, на которой держали лавки, — *Lombard Street*. А потом и сами англичане стали мастерами в этом денежном промысле. И когда во време-

на Кромвеля евреи вернулись в Англию, они там оказались среди удачливых соперников-христиан, людей снисходительно-терпимых, но при этом грозных конкурентов.

II. Происхождение и становление парламента

1. Именно при Эдуарде I впервые появляется двухпалатный парламент, но создание парламентских институтов отнюдь не было неким осознанным действием. Непредвиденным трудностям здравый смысл королей, сила баронов, сопротивление горожан противопоставляли целую череду временных решений. Из этих случайных мер и родился парламент. Созванный королем как инструмент управления, он очень медленно превратился в инструмент контроля — сначала со стороны баронов, а потом и нации. У истоков его находится Большой совет германских государей, тень которого еще и сегодня витает в Вестминстерском дворце. Если мы войдем в палату лордов, трон напомнит нам, что председатель этого собрания — король. И он действительно возглавляет его в тот день, когда является сюда, чтобы прочесть свою тронную речь. На мешке шерсти сидит канцлер. Почему он здесь? Потому что именно он от имени короля созывает палату. Кого он созывает? До XIV в. право быть призванными в совет оставалось довольно плохо определенным. Буквально пэр королевства — это дворянин, который имеет право быть судимым только равными себе *(pairs, пэрами*, то есть теми, кто ему под *пару)*. Однако в стране несколько тысяч подобных сеньоров, а совет около 1305 г. состоит всего из 70 членов, а именно: из 5 графов и 17 баронов, остальные — церковные или королевские чиновники. На самом деле король созывает тех, с кем ему надо проконсультироваться.

2. Со времени Симона де Монфора и его ученика Эдуарда I устанавливается обычай в важных случаях консультироваться не только с баронами, но и с представителями «общин»: по два рыцаря от каждого *шира*, по двое горожан от крупнейших городов. Цель этого созыва двойная: с одной стороны, король признал, что с налогом легче соглашаются, если тех, кто должен его платить, сначала подготовить к этому, а с другой — не имея из-за сложностей сообщения никакой возможности узнать общественное мнение страны, он счел, что время от времени необходимо знакомить с положением дел в королевстве приехавших из всех английских графств людей, которые затем могли бы своими рассказами и отчетами подготовить благоприятную почву. Поначалу это отнюдь не является какой-то новой привилегией, пожалованной рыцарям и горожанам, наоборот, это удобный способ вытянуть

Заседание парламента при Эдуарде I. Миниатюра. 1280–1290

у них деньги или произвести впечатление. Некоторые рыцари, избранные в парламент своим графством, спасаются бегством, только бы избежать этой хворобы. Впрочем, депутаты от графств и городов не принимают никакого участия в прениях совета. Они внимают в молчании. Это *спикер* (в те времена представитель короны) сообщает совету об их согласии или возражениях. Но у них быстро входит в привычку обсуждать принятые решения, и ближе к концу века местом их собраний был определен капитул Вестминстерского аббатства. Надо заметить, что первые заседания будущей палаты общин проводились тайно; их терпели, но они были незаконны. «Исток палаты лордов — суд; исток палаты общин — нелегальные сборища».

3. Обычай созывать различные «сословия» королевства (военных, духовенство и плебс), чтобы испросить их согласие на налоги, в XIV в. присущ не только Англии. Как и корпорации, как и коммуны, это опять общеевропейская идея. Почти все монархи того времени прибегали к этому методу, чтобы заручиться согласием на налоги, которые становились все тяжелее и тяжелее. Но в самобытной структуре английского общества парламент сразу же становится весьма отличным от французских Генеральных штатов[1]. В Англии, как и во Франции, король начал с того, что просил каждое из трех сословий, чтобы оно само себя обложило налогом, но потом быстро отказался от этого, потому что *такое деление на сословия уже не соответствовало английской реальности:* 1) епископы входили в Большой совет не как епископы, но как держатели ленов и феодальные сеньоры. Так что *остальное духовенство уже не было представлено в парламенте.* Священники предпочитали голосовать за свои налоги на собственных ассамблеях, на Кентерберийском и Йоркском съездах. Напуганные беспрестанными конфликтами между папой и королем, они предпочитали держаться подальше от светской власти. Благодаря их неучастию Англия и оказалась направлена к системе двухпалатного парламента; 2) рыцари могли бы заседать вместе с епископами и баронами, но в ассамблеях графств и в судах, которые возглавляли разъездные судьи, эти рыцари были постоянно связаны с горожанами. А с тех пор, как в рыцари стали производить каждого владельца земли с доходом в 20 фунтов, изменился и сам тип человека, и образ жизни, связанный с этим словом. Класс рыцарей охотно роднился с богатым городским купечеством. Да и сам он был скорее сельскохозяйственно-торговым, нежели военным. *Опыт показал, что рыцари непринужденнее чувствовали себя рядом с буржуа*. Впрочем, как тех, так и других созывал шериф; и те и другие представляли общины. Палату общин создал союз мелкого дворянства и городской буржуазии.

[1] *États généraux (фр.)* — дословно «главные сословия», то есть сословное собрание, сословное представительство.

4. Итак, два особых обстоятельства — добровольный уход духовенства и союз рыцарства с буржуазией — сделали возможным образование парламента, состоящего из верхней и нижней палаты. *Это совместное заседание рыцарей и буржуа и есть ключевой момент*. Он объясняет, почему Англия никогда не была, подобно Франции в XVIII в., разделенной на два враждебных лагеря. Хотя изначально и во Франции, и в Англии (да и во всей Европе) была почти одинаковая феодальная система. «Положение крестьян различается мало; владение землей, ее заселение и обработка тоже, землевладелец везде подлежит одним и тем же повинностям. От пределов Польши до Ирландского моря сеньория, двор сеньора, ленное владение, оброки и барщины, феодальные права, цеховые объединения — все схоже» (Токвиль). Но в XIV в., тогда как в Англии наблюдается взаимопроникновение классов, во Франции между дворянством и остальным населением страны воздвигается преграда. И не потому, как это часто пишут, что дворянство в Англии было открыто, а во Франции закрыто. Ни один класс не был более открыт, чем французское дворянство. Многочисленные должности давали право на дворянский титул всем, кто их покупал. «Но преграда... хоть и легко преодолимая, всегда была твердо закреплена и заметна, всегда узнаваема по ярким признакам, ненавистным для тех, кто оставался снаружи» (Токвиль). Во Франции дворянство было избавлено от налогов. Сын дворянина пользовался этой привилегией по праву дворянина. В Англии же только барон, глава семейства, владеющий *баронией* (то есть поместьем, дававшим право на этот титул), мог требовать персонального вызова в палату лордов[1]. Его сын волен идти в палату общин, чтобы представлять там свое графство, и скоро будет ходатайствовать об этой чести. Право первородства и законы Эдуарда I, направленные против «дробления владений», толкали младших сыновей к военным приключениям. «Если средние классы Англии далеки от того, чтобы воевать с аристократией, и остаются столь крепко связанными с ней, то произошло это вовсе не потому, что эта аристократия была открыта, но скорее уж, как было сказано, из-за неотчетливости ее форм и размытости границ; важнее было даже не то, что в нее можно войти, а то, что никогда не знали наверняка, где она начинается» (Токвиль). В Англии знатность была связана скорее со службой, а не с рождением, отсюда и престиж, которым еще и сегодня сопровождается исполнение государственных должностей.

5. Если бы английские короли сообразили, что, призывая заседать в двух собраниях баронов, рыцарей и буржуа, они создают силу, которая постепенно завладеет всеми королевскими прерогативами, то их политика была

[1] Первая *барония*, предоставляющая такое право, была создана в 1387 г. (Поуик). — *Прим. авт.*

бы, разумеется, совсем иной. Можно было измыслить ухищрения, которые ослабили бы, а возможно, и задушили бы парламент с самого его рождения. Французские короли, играя с тремя сословиями и сталкивая их между собой, созывая провинциальные штаты и, наконец, создав постоянную армию и введя вечную *талью* (неодобренный налог), построят за три века гораздо более независимую от нации монархию, чем в Англии. Но ни французские короли, ни английские парламенты не формировали будущее намеренно. Одна лишь судьба заставила разойтись их пути. Как Эдуард I мог предвидеть грядущее могущество парламента? Чтобы стать соперником короля, ему требовалось добиться: 1) не только принятия налогов голосованием, но и контроля за их использованием; 2) права руководить общей политикой страны — идея, которая показалась бы немыслимой всем членам парламента в 1305 г. Политика тогда была делом короля, и он один за нее отвечал. Однако, поскольку особа короля была неприкосновенна и ему не могло быть предъявлено обвинение, у конфликта между парламентом и короной не имелось другого решения, кроме роспуска парламента или низложения короля, то есть анархии. Чтобы выйти из этого тупика, потребуется придумать фикцию министерской ответственности. Но люди придут к этой сложной идее лишь поэтапно. Ее первоначальная форма будет не политической, а юридической; палата общин станет предъявлять обвинение министрам перед палатой лордов, исполняющей, как в стародавние времена Большого совета, функцию Верховного суда. Эта рудиментарная и грубая форма министерской ответственности будет называться *импичментом* (*impeachment* — порицание, обвинение). *Импичмент* и его отягощение — *attender* (принятый палатами обвинительный акт без предоставления обвиняемому права воспользоваться юридическими формальностями) будут жестокими, часто несправедливыми мерами, но, быть может, тогда гораздо меньше опасались несправедливо покарать министра, нежели справедливо свергнуть короля.

III. Эдуард I и кельты. Завоевание Уэльса. Неудача в Шотландии. Эдуард II

1. Так же как Эдуард был первым из Плантагенетов, носившим английское имя, он первым попытался завершить завоевание Британских островов. К этой миссии его готовили с юных лет. В 1252 г. его отец отдал ему Ирландию, графство Честер (на валлийских рубежах), королевские земли в Уэльсе, Нормандские острова и Гасконь. Дар гораздо менее щедрый, чем кажется. С тех пор как кельты, изгнанные саксами, нашли убежище среди холмов Уэльса и в Шотландии, они поддерживали свою

независимость и продолжали междоусобные распри. В конце концов саксонские короли избрали по отношению к ним ленивый метод императора Адриана — возведение стены, и один из них построил (около 790) вал Оффы, чтобы худо-бедно сдерживать валлийских горцев. Во времена завоевания нормандские авантюристы выкроили себе владения в долинах Уэльса: воздвигли «насыпные холмы», понастроили донжонов, и непокорные племена укрылись в горах. Там они сохранили свой язык и свои нравы. Поэзия, музыка и чужеземная оккупация породили среди валлийцев чувство национального единства. В горном массиве Сноудон (Snowdon) племена объединились под предводительством валлийского сеньора Лливелина ап Йорвета, который стал величать себя принцем Уэльским. Он сумел очень ловко играть двойную роль национального принца и английского феодала. Поддержав баронов во времена Великой хартии вольностей, он обеспечил себе их поддержку. Его внук Лливелин ап Грифид (1246–1282) занял ту же позицию во времена Симона де Монфора и немало способствовал его победе при Льюисе. Тщетно Эдуард в те времена, когда был еще лордом Эдуардом и графом Честерским, пытался навязать валлийцам английские обычаи: они восстали и победили его. В этой войне молодой Эдуард потерпел поражение, но изучил боевые приемы валлийцев и оценил их лучников, вооруженных длинным луком, чья дальнобойность и пробивная способность были гораздо выше, чем у обычного английского, а потому использование против них феодальной конницы, которую стрелы приводили в расстройство, было невозможно. Сколько же уроков ему пришлось усвоить!

2. Одновременно с графством Честер Генрих III отдал Эдуарду Ирландию, но тут всякое военное предприятие казалось напрасным трудом. Ирландия, некогда колыбель святых, была частично отвоевана у христиан данами. Но поскольку те так и не смогли захватить восточные гавани, кельтские племена продолжали свои междоусобицы внутри страны. За тот период, когда Ирландская церковь перестала принадлежать Римской церкви, остров стал совершенно чуждым истории Европы. Он жил за пределами мира. Генрих II, пытаясь получить после убийства Бекета папское прощение, отправил туда Ричарда де Клера, графа Пембрука, по прозванию Тугой Лук (Strongbow). Но там, как и в Уэльсе, нормандцам удалось закрепиться только под защитой своих замков. Вокруг Дублина простиралась небольшая английская зона, которую называли *Pale*. За ее пределами англичанам было не за что зацепиться, и те из нормандских баронов, что владели замками за пределами *Pale,* через несколько поколений переняли и язык, и нравы ирландцев. Эти бароны, которые пользовались тут суверенными правами, желали прибытия английского войска не больше местных племен. Формально они

Руины ирландского замка XII в. Остров Девениш, Лох-Эрн. Фотография. 1890-е

признавали сюзереном английского короля, на деле же поддерживали строй феодальной анархии. «Англия показала себя слишком слабой, чтобы завоевать Ирландию и управлять ею, но достаточно сильной, чтобы помешать ей научиться управлять собой самостоятельно».

3. Когда Эдуард стал королем, валлиец Лливелин ошибся, полагая, что и дальше сможет играть в Англии роль третейского судьи между королем и баронами. Эдуард I не был Генрихом III, и ему быстро надоели плутни валлийцев. В 1277 г. он подготовил экспедицию в Уэльс и лично ее возглавил. Сквозь леса были прорублены широкие дороги; *Пять портов* предоставили флот, который двигался вдоль берега, поддерживая связи с армией и обеспечивая ее снабжение. Лливелину, его брату Давиду и их сторонникам, окруженным в горном массиве Сноудон, с наступлением зимы пришлось покориться. Тогда король Эдуард решил испробовать политику замирения: великодушно обошелся с Лливелином и Давидом и даже оказал им почести. Затем попытался управлять Уэльсом на английский лад. Создал графства, суды и отправил туда разъездных судей, которые должны были

применить *Common Law,* общее право. Валлийцы протестовали, поскольку держались за свои древние обычаи. Эдуард, ум хоть и крепкий, но узкий, не захотел терпеть обычаи, которые считал варварскими. Он настаивал на своих законах; последовало восстание. Лливелин и Давид пренебрегли своей клятвой. Король, беспощадный к тем, кто нарушил договор, добился на этот раз их смерти. Лливелин был убит в бою, а Давид повешен, четвертован и разрублен на куски. В 1301 г. король дал своему сыну Эдуарду, родившемуся в Уэльсе и воспитанному валлийской кормилицей, титул принца Уэльского, который с тех пор станет титулом старшего сына английских королей. Хотя начиная с этого времени там были введены английские законы и обычаи, княжество Уэльс оставалось вне королевства и не посылало депутатов в парламент. Только в XVI в. Генрих VIII сделал Англию и Уэльс единым королевством (Акт об объединении, 1536).

4. Победив кельтов Уэльса, с кельтами Шотландии Эдуард I потерпел неудачу. Там образовалась феодальная монархия и цивилизация, сходная с англо-нормандской. Целая шотландская область Лотиан (Lothian) была населена англичанами; многие бароны владели имениями по обе стороны границы; слияние казалось довольно легким. Когда король Шотландии Александр III умер, оставив наследницей свою внучку, маленькую девочку, жившую в Норвегии (Маргарет Норвежская Дева), Эдуард весьма благоразумно предложил выдать ее за своего сына, что объединило бы оба королевства. Идея, казалось, была принята большинством шотландцев, и Эдуард отправил в Норвегию корабль за ребенком. Чтобы как-то развлечь «дочь Норвегии» во время плавания, на корабль погрузили орехи, имбирь, фиги и пряники, но хрупкий ребенок не перенес тяжелого путешествия. Девочка умерла в море, и тотчас же крупные шотландские феодалы стали оспаривать друг у друга корону. Казалось, что двое из них, Иоанн Баллиоль и Роберт Брюс, оба состоявшие в родстве с королевским домом и оба французского происхождения, имели на нее равные права. Эдуард, выбранный третейским судьей, присудил королевство Иоанну Баллиолю, который и был коронован в Сконе. Но король Англии, опьяненный этим обращением к своему авторитету, потребовал от нового короля и шотландской знати признания себя сюзереном.

5. Шотландцы думали, что такой сюзеренитет останется номинальным. Но когда Эдуард объявил, что истец, которому шотландский суд отказал в иске, может отныне обращаться в английские суды, Иоанн Баллиоль заключил союз с королем Франции, противником Эдуарда в Гаскони, и, отправив королю Англии *diffidation,* «недоверие», отказался подчиняться своему сюзерену. «Неужели глупец совершил это безумие? — воскликнул

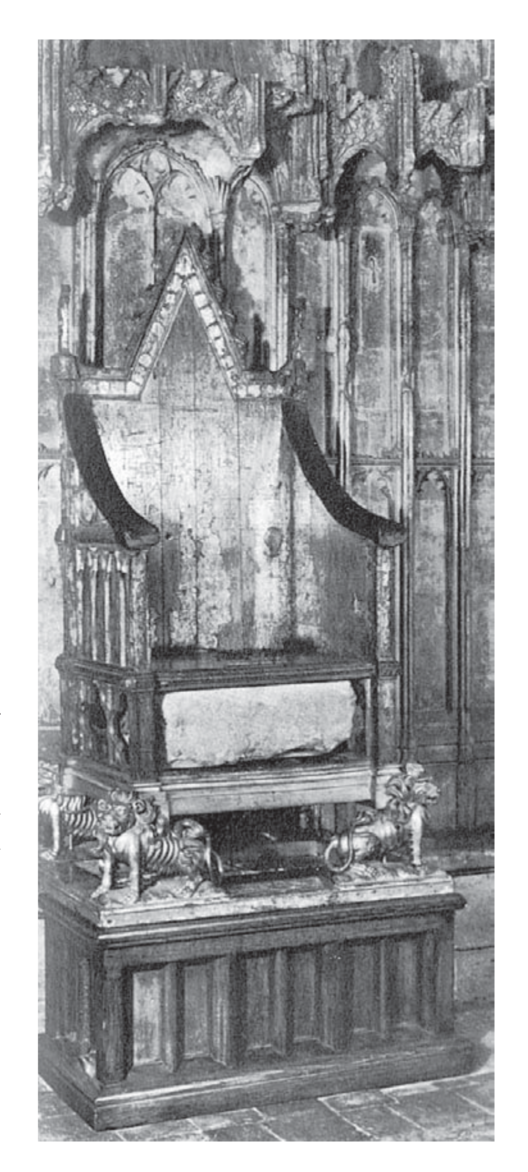
Эдуард. — Если он не придет ко мне, мы сами пойдем к нему». И он на самом деле вторгся в Шотландию, взял в плен Баллиоля, забрал священный Сконский камень, считавшийся частью лестницы, по которой взбирались ангелы Иакова (Быт. 28: 12–16), и установил его под сиденье, которое с тех пор стало служить королям Англии коронационным троном.

6. Став победителем, Эдуард I всегда сначала проявлял милосердие. Затем он захотел ввести в Шотландии, как и в Уэльсе, английские законы, вызывавшие у него любовь и восхищение. Но натолкнулся на непредвиденное сопротивление — не баронов, а шотландского народа, который восстал под предводительством рыцаря Уильяма Уоллеса. И напрасно Эдуард победил при Фолкерке (Falkirk), напрасно велел повесить своих пленников и казнить самого Уоллеса, напрасно разорил приграничную область, превратив ее в пустыню. Еще римляне были вынуждены признать, что победа в Шотландии — лишь прелюдия к поражению. Линии коммуникаций тут были слишком длинными, климат слишком суровым, страна слишком бедной. Мы видим у Фруассара краткие описания этих плачевных скитаний английской армии, «целыми днями среди гор и диких пустошей по бездорожью, не встречая ни города, ни дома, ни хижины», и шотландских бойцов в противоположном лагере, «необычайно диких, отважных и сильных, стойких в лишениях, идущих в поход без всяких повозок и столь неприхотливых, что им хватает для пропитания лишь кошеля овсяной муки». В 1305 г. Эдуард посчитал себя хозяином всей страны, но в 1306 г. Роберт Брюс снова поднял Шотландию и был коронован в Сконе.

7. Король Англии был стар, немощен, но поклялся, странной мистической клятвой «перед Богом и лебедями», подавить шотландский мятеж и, если одержит победу, никогда больше не поднимать оружие против христиан, отправиться в Святую землю и там умереть. Его последняя шотландская кампания закончилась. Умирая, он попрощался со своими сыновьями. Попросил, чтобы его сердце было отправлено в Святую землю вместе с сотней рыцарей, но чтобы его тело не погребали до победы над шотландцами и чтобы в битву с ними были взяты его кости, дабы он и мертвый, как живой, вел свои войска к победе. Он сам сочинил надпись, которую хотел видеть начертанной на своей могиле: *Eduardus Primes Scotorum Malleus hic est. Pactum serva («Здесь покоится Эдуард Первый, бич Шотландии. Будь верен обету»).*

8. *Pactum serva... — Будь верен обету.* Никогда сын не соблюдал хуже отчую клятву. Эдуард II сразу же отказался продолжать завоевание Шотландии, а когда в силу обстоятельств был вынужден возобновить его, дал

разгромить себя при Баннокберне (Bannockburn, 1314). Это был странный человек, одновременно могучий и изнеженный, как женщина. Он окружил себя необычными фаворитами, конюхами, молодыми ремесленниками, но больше всего любил одного гасконца, Пьера Гавестона, чьи шутки выводили из себя двор и веселили короля. Эдуард II нисколько не интересовался делами королевства, имел склонность только к рукоделию и музыке. Женившись, он сразу же оставил молодую жену «ради своего друга Пьера». Был боязлив настолько, что велел спросить у папы, не будет ли грехом натирать себе тело маслом, придающим смелость. Наконец бароны разъярились до того, что убили Гавестона. Епископ Херефордский прочитал проповедь, взяв темой текст: Caput meum doleo («Голова моя болит!» — 4 Цар. 4: 19); епископ Оксфордский взял для проповеди отрывок из Книги Бытия: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову...» (Быт. 3: 15). События подтвердили эти пророчества. Королева завела любовника, Мортимера, возглавила мятеж против своего мужа и сделала его своим пленником. Парламент добился от Эдуарда II, чтобы он отказался от короны в пользу своего сына, и тот был провозглашен королем под именем Эдуарда III. Что касается свергнутого короля, то он умер ужасной смертью — тюремщики проткнули его раскаленной кочергой (1327). Несколько лет страной правила королева-мать вместе с Мортимером. Но юный Эдуард III не был похож на своего отца; вскоре он восстал против тирании Мортимера, велел его арестовать и предать смерти (1330). После чего постарался быть сильным королем, как его дед Эдуард I.



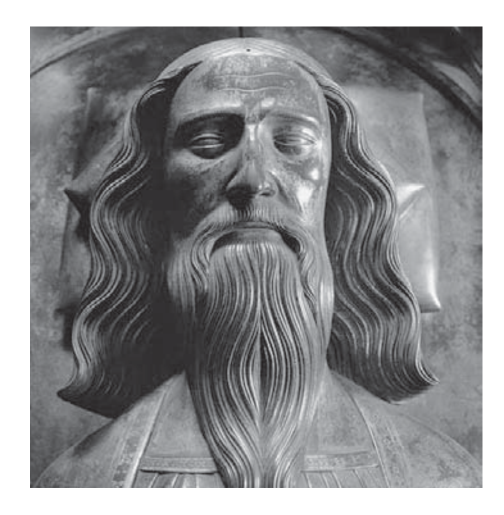
Коронационное кресло Эдуарда I в Вестминстерском аббатстве с установленным под сиденьем Сконским камнем.

IV. Столетняя война (первая половина)

1. Решительная война между Францией и Англией становилась почти неизбежной. Случайности феодального наследования смешали судьбы и провинции. Английский король (впрочем, наполовину француз) законно владел Гиенью и Гасконью, которые были необходимы королю Франции, чтобы достроить свое королевство. Французский король поддерживал Шотландию против короля Англии, а тот должен был завоевать ее, чтобы чувствовать себя в безопасности на своем острове. И ни одна из этих двух ситуаций не могла длиться вечно. Обычно говорят, что непосредственной причиной конфликта стали претензии на французский трон Эдуарда III, сына Эдуарда II и Изабеллы Французской, следовательно внука Филиппа Красивого. Это не совсем точно. Правда, если бы французские правоведы согласились, как это неоднократно делали англичане, с наследованием престола по женской линии, то притязания Эдуарда на корону Франции оказались бы на том же уровне, что и у Карла д'Эврё (известен как король Наварры Карл II Злой), другого внука Филиппа IV через Иоанну (Жанну) II Наваррскую, дочь Людовика X, сына Филиппа Красивого. Но и когда под предлогом применения древнего закона франков, так называемой Салической правды, легисты отстранили обоих претендентов и выбрали ближайшего наследника по мужской линии — Филиппа де Валуа, сына брата Филиппа IV, Эдуард III так мало думал об объявлении войны ради защиты своих прав, что согласился приехать в Амьен и принести вассальную клятву своему сопернику за Гасконь. Он сделал это, нарушив феодальный обычай: в короне и в облачении алого бархата с вышитыми золотом леопардами. Но Филипп удовлетворился тем, что всего лишь пожурил его, после чего Эдуард вернулся в Англию, довольный оказанными ему почестями. В 1331 г. он подтвердил открытой королевской грамотой свою вассальную клятву за лен.

2. Если он присвоил себе титул короля Франции и соединил в своем гербе французские лилии и английских леопардов, то сделал это по просьбе фламандских буржуа: главным товаром из Англии была шерсть, главным промыслом фламандцев было ткачество и выделка сукна. Сельскохозяйственная Англия и промышленная Фландрия жили в симбиозе. Как только им показалось, что король Франции позарился на Фландрию, навязав фламандцам французского графа, английские купцы заволновались. «Это для короля речь шла о французском наследстве, — пишет Мишле, — а для народа — о свободе коммерции. И заседавшая вокруг мешка шерсти палата общин охотно проголосовала за войска. Смесь индустриализма и рыцарства придает всей этой истории странный облик. И надменный Эдуард III,

поклявшийся над цаплей[1] за Круглым столом завоевать Францию, и эти воистину обезумевшие рыцари, после обета повязавшие себе один глаз красным сукном[2], — все они не так уж безумны, чтобы воевать за свой счет. Простота Крестовых походов осталась в прошлом, а эти рыцари по сути — приказчики купцов Лондона и Гента». Но купцы Гента из-за того, что подтолкнули англичан объявить войну королю Франции, своему сюзерену, испытывали угрызения совести, тем более сильные, что обязались заплатить 2 млн флоринов папе, если совершат такое вероломство. Однако их глава Якоб Артевельде нашел способ примирить соблюдение договора с его нарушением. Он посоветовал королю Англии присоединить к гербу Франции свой собственный герб. Так он станет не врагом, а союзником фламандцев и подлинным королем Франции, то есть тем, кому они и принесли клятву.



Эдуард III. Фрагмент надгробия короля в Вестминстерском аббатстве. 1377–1380

3. Так что Столетняя война была войной династической, феодальной, национальной, но главное — «империалистической». Целью английских купцов, когда они поднесли в дар королю 20 тыс. мешков шерсти, чтобы оплатить расходы на кампанию, было сохранение зон влияния, необходимых для их коммерции: Фландрии, покупавшей шерсть, и области Борделе́[3], производившей вино, поскольку деньги, полученные из Брюгге и Гента, тратились на бочки вина из Бордо. Наконец, надо добавить, что эта война была популярна в Англии, потому что войска отправлялись в богатую страну, где их ожидала обильная добыча. Эдуард III и его бароны считались «цветом рыцарства», но их «украшенные гербами щиты были вывесками грабительского предприятия», прискорбное развитие которого можно проследить у Фруассара. «И хозяйничали англичане в городе Кане три дня, и отправили баржами всю свою поживу, сукна, драгоценности, золотую

[1] Эту цаплю подстрекательски преподнес ему Робер д'Артуа как «самому трусливому королю, который не осмеливается отстоять свои права на французский престол».
[2] «Было в свите епископа Линкольнского много рыцарей, каждый из которых прикрыл один глаз алым сукном, отчего не мог им видеть: говорили, будто они поклялись перед дамами своей страны, что будут глядеть лишь одним глазом, пока не совершат какой-нибудь подвиг во Французском королевстве» (Фруассар, ann. 1337, т. I, с. 214).
[3] *Борделе́* — область, прилегающая к городу Бордо.

и серебряную посуду и все прочие богатства к своему большому флоту... Невозможно поверить, какое изобилие сукна англичане нашли в городе Сен-Ло... Лувье — это город в Нормандии, где производили много сукон; он был большим, богатым и торговым, хотя ничуть не закрытым, но его ободрали как липку и разграбили... ⟨...⟩ Вся Англия наполнилась награбленной во Франции добычей, так что не было там ни одной женщины, которая не носила бы украшение или не держала в своей руке прекрасное полотно либо какую-нибудь чарку из добычи, отправленной из Кана или Кале».

4. Любопытно наблюдать, как рано проявляются в истории главные черты английской политики, которых требуют от этой страны ее положение и характер ее народа: 1) *Англия нуждается во владычестве на море, без чего не может ни продолжать свою торговлю, ни отправлять войска на континент, ни поддерживать связь с теми, что уже отправлены*. С первых же дней этой войны английские моряки из Пяти портов имеют преимущество и одерживают победу в Эклюзской битве. И пока поддерживается это военно-морское превосходство, Англия легко побеждает. Позже Эдуард III пренебрежет флотом, французы и испанцы объединятся, и военно-морской упадок Англии отметит начало ее неудач; 2) *Англия, имея возможность послать на континент лишь довольно немногочисленное войско, старается организовать против своих врагов союзы на континенте и предоставляет им субсидии*. Так, в начале Столетней войны Эдуард III пытается объединиться против Франции не только с фламандскими коммунами, но и с германским императором. «Он не жалеет для этого ни золота, ни серебра и раздаривает много сокровищ сеньорам, дамам и благородным девицам».

5. Не сумев собрать эту коалицию, он решил нанести удар в Гиени, но тут сэр Джеффри Харкорт сообщил ему, что Нормандия не защищена. Последовало отплытие в Ла-Уг с 1000 кораблей, 4 тыс. рыцарей и 10 тыс. английских и валлийских лучников (1346). Проход этого войска через богатую провинцию, «на протяжении многих поколений не знавшую войны» и жители которой уже разучились защищаться, был душераздирающим зрелищем. В тот момент единственный план кампании короля Англии состоял в том, чтобы насколько возможно разорить Северную Францию и отступить через Фландрию, прежде чем король Франции соберет свое войско. Но за Руаном Эдуард обнаружил, что все мосты через Сену разрушены, и смог переправиться через нее только в Пуасси. Филипп успел созвать своих вассалов и стал ждать англичан между Соммой и морем. Те уже решили, что пропали. Поэтому победа, одержанная ими в 1346 г. при Креси (как и позже, в 1356 г., при Пуатье), так их удивила и наполнила огромной

гордыней. В 1347 г. они овладели Кале, городом, обеспечившим им господство над проливом Ла-Манш, который они сохранят за собой на протяжении 200 лет, изгнав из него почти всех жителей и заменив их англичанами. Там же произойдет и трогательная история граждан Кале, которую нужно читать у Фруассара, учитывая пропуски в описании Мишле.

Войско англичан под знаменем Св. Георгия. Миниатюра «Хроник Сен-Дени». XIV в.

6. Почему англичане в этих походах постоянно одерживали победы? История войн — это история долгой борьбы между натиском и метательным снарядом. Натиск может принимать форму кавалерийской атаки, пехотного штурма, бронетанкового прорыва. Метательный снаряд был то пущенным из пращи камнем, то стрелой, то ядром, пулей, разрывным снарядом, торпедой... Успех феодального строя стал подтверждением триумфа ударного рода войск — закованной в железо кавалерии. А погубит феодализм королевская артиллерия *(ultima ratio regum — последний довод королей)* и два вида простонародной пехоты: английские лучники и швейцарские алебардщики. Только в конце XIII в. лучники заняли в английской армии важное место. Слишком короткий лук саксонских крестьян имел малую дальнобойность и не обладал достаточной пробивной силой, чтобы остановить кавалерийскую атаку. Арбалет, проникший в Англию, как и во Францию, вместе с иностранными наемниками, показался сначала столь опасным оружием, что в XII в. Церковь требовала, правда безуспешно, его запрета. Но арбалет слишком долго перезаряжать. Между двумя выстрелами рыцарь мог прорвать линию стрелков. И наоборот, длинный лук, который Эдуард I впервые увидел в деле во время своих Валлийских походов, был скорострелен и посылал на 160 метров стрелу, способную пригвоздить к седлу бедро всадника в кольчуге. Эдуард I, превосходный военачальник, сумел объединить в своих битвах действия легкой кавалерии и лучников валлийского типа. Посредством своей «Ассизы о вооружении» он предписал умение пользоваться длинным луком всем мелким английским землевладельцам. Под запрет попали теннис, шары, кегли и прочие игры, и все ради того, чтобы стрельба из лука стала единственной забавой «не хромых и не дряхлых»

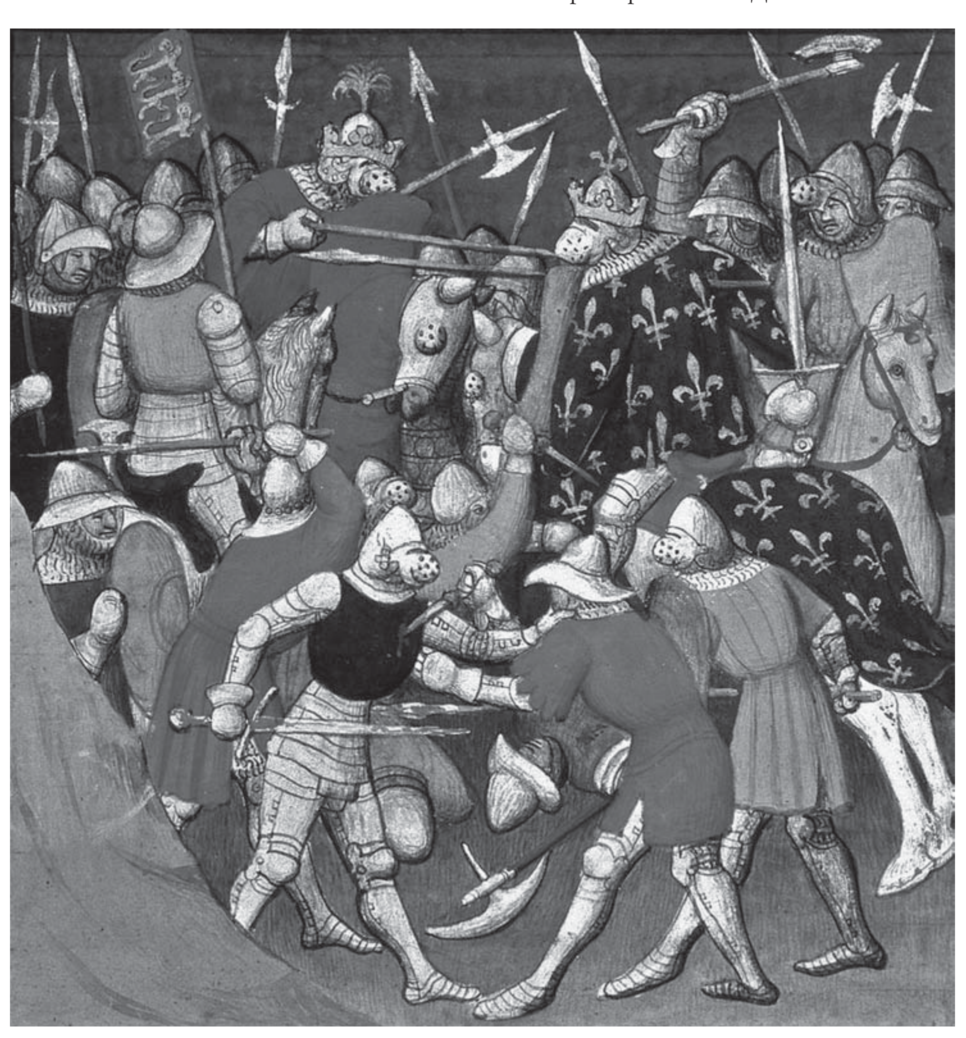
Взятие Кале Эдуардом III в 1347 г. Миниатюра «Хроник Сен-Дени». XIV в.

подданных. Каждый собственник земли с доходом в 40 шиллингов должен был иметь собственный лук и стрелы, и отцы учили стрельбе своих детей. Так что, когда король нуждался в лучниках для своих экспедиций во Францию, было легко набрать достаточное количество человек — или среди добровольцев, или требуя их от графств. Своими победами Эдуард III обязан превосходству вооружения.

7. Ошибочно представлять себе короля Франции в начале этой войны большим феодалом, нежели его противник. Ни один государь не мог сравниться в «феодальности» с Эдуардом III, который любил рыцарские турниры, претендовал на куртуазность, вздыхал по дамам, клялся возродить Круглый стол и построил для этого предмета круглую башню в Виндзоре, основал орден Подвязки, состоящий из двух групп по дюжине рыцарей, одна под началом его самого, другая — его сына, Черного Принца. Но, играя, как и его дед, в эту рыцарскую игру, Эдуард III был реалистичным монархом. Он взял девиз: *«It is as it is...» («Есть так, как есть»)*. И проявил себя хорошим администратором, а впрочем, тут не было большой заслуги

с его стороны, поскольку он получил в наследство хорошо организованную монархию. Налоги взимались с легкостью, особенно когда речь шла о том, чтобы продолжать популярную войну. У него дома даже крестьяне ненавидели французов из-за прадедовских воспоминаний трехвековой давности о нормандском завоевании, о долгом засилье иноземной знати и чужого языка. Во Франции же, наоборот, ненависть к Англии родилась только во время этой войны. Король Франции поначалу не мог рассчитывать на свой народ в борьбе против захватчика. Крестьянин был к ней равнодушен. Король даже не имел возможности занять деньги у богатых купцов

Битва при Пуатье между войсками французов и англичан в 1356 г.
Миниатюра «Хроник Сен-Дени». Около 1415



или обложить налогом шерстяной товар. Многие провинциальные штаты отказывались утверждать подати, а если и утверждали, то проявляли строптивость налогоплательщики. «Это сопротивление налогам отдает королевство англичанам». За неимением денег король Франции не мог набрать солдат. Волей-неволей ему приходилось удовлетвориться уже устаревшей феодальной конницей, которая к тому же презирала пехоту. Даже после Креси французское рыцарство не хотело смириться с мыслью о том, что его побеждает «деревенщина». При Пуатье, где кавалерийский наскок на неприятеля был невозможен, рыцари сами попытаются атаковать в пешем строю, но эта атака, какой бы храброй она ни была, разбилась о позиции лучников.

8. Начиная с битвы при Пуатье (1356), когда король Франции Иоанн Добрый попал в плен к Черному Принцу, старшему сыну Эдуарда III, урок был наконец усвоен. Французская армия отказывается от сражений, затворяется в укрепленных замках и оттуда играет с противником, который не оснащен для осадной войны. Но в деревнях крестьяне начинают уставать от войны. Жак Простак (прозвище французских крестьян) неотступно донимает англичан; он не требует выкупа за сеньоров, как все профессиональные солдаты, но убивает их, едва подворачивается случай. Английская армия скитается по стране, не имея возможности сражаться. Войска жалуются на эту затянувшуюся кампанию. Наконец в 1361 г. король Англии заключил мир в Бретиньи и, сперва потребовав себе все Французское королевство, удовлетворился Аквитанией, графством Понтьё и Кале. Это был плохой мир, поскольку он не решил единственного по-настоящему важного вопроса: власть англичан над провинциями, которые больше не хотели быть английскими. В Перигоре и Арманьяке много и с основанием роптали, что король Франции не имеет права отдавать иноземцам своих вассалов. Именитые люди Ла-Рошели говорили: «Мы покоряемся англичанам нашими устами, но сердцем — никогда». Это сопротивление содержало в себе зародыш будущих войн и предвещало в итоге либерализацию Франции.

V. «Черная смерть» и ее последствия

1. Начало Столетней войны было для Англии временем явного процветания. Поставщики продовольствия, оружейники, кораблестроители сколачивали себе состояния. Ограбление Нормандии обогатило солдат и их семьи. Потребности короля в деньгах позволили городам и отдельным людям покупать себе по дешевке вольности. На протяжении уже целого века положение виллана быстро менялось. Барщина как система была обременительна для крестья-

нина, потому что мешала ему возделывать собственную землю. Но она была также не слишком удобна для бальи сеньора, который вынужден был руководить нерегулярной и безответственной работой. В XIII в. появляются два новых метода: либо виллан сам оплачивает своего «заместителя», который выполняет за него в имении обычную работу, либо же дает сеньору некоторую сумму денег, на которые бальи нанимает сельскохозяйственных рабочих. Это уже почти современный *фермаж* с той лишь разницей, что деньги, которые платит крестьянин, представляют собой не оплату арендованной земли, но откуп от крепостной зависимости.

2. Не замедлит появиться и настоящий фермер. Некоторые сеньоры, вместо того чтобы самим эксплуатировать свои угодья, доверяя управление ими более-менее честному бальи, обогащавшемуся за их счет, решают, что проще поделить имение на части и отдавать земли внаем. Крестьянин, со своей стороны, тоже видит преимущество: лучше возделывать один огороженный участок, у которого всего один держатель, нежели разрозненные клочки земли, которые ему прежде доставались в общинных полях. Арендная плата называется по латыни *firma*, то есть твердо установленная плата, откуда слова *ферма* и *фермер*. Тогда в английской деревне быстро развивались два класса: фермеры — полусобственники, свободные на арендуемой ими земле, промежуточное звено между рыцарем и прежним вилланом; и сельскохозяйственные рабочие, свободные от феодальных повинностей — или откупившись от них самостоятельно, или же укрывшись на один год и один день в городе, защищенном хартией. Сеньоры и парламент еще долго пытались прикрепить рабочую силу к земле, но потерпели неудачу. После победы при Креси Англию опустошит новое бедствие, сделав восстановление крепостного права более невозможным, чем когда-либо.

3. Доподлинно неизвестно, чем были на самом деле моровые поветрия, так долго опустошавшие мир. Быть может, это название скрывало очень разные заболевания, от холеры и бубонной чумы до инфекционного гриппа. Гигиена в те времена была посредственной, заражение быстрым, ужас всеобщим. Эпидемия XIV в. была названа «черной смертью» *(Black Death)*, потому что тело больного покрывалось темными пятнами. Она пришла из Азии и около 1347 г. атаковала остров Кипр. В январе 1348 г. она воцарилась в Авиньоне, а в августе уже ползла по взморью Дорсета в сторону равнин Девона и Сомерсета. Смертность, еще и преувеличенная смятением хронистов, была огромной. Описываются деревни, где уже не осталось живых, чтобы хоронить мертвых; умирающие сами себе рыли могилы, полевые работы были заброшены, по полям бродили лишившиеся пастухов овцы. Возможно, что погибла треть населения Европы, то есть примерно

25 млн человек. В Англии эпидемия была особенно продолжительной. Приостановившись в 1349 г., она на следующий год возобновилась и сократила население королевства с 4 млн человек примерно до 2,5 млн.

4. Экономические последствия такого стремительного обезлюдения наверняка были тяжелыми. Выжившие в деревнях крестьяне неожиданно сделались богаче, поскольку общинные поля теперь были разделены между меньшим количеством поселян. Число рабочих рук сократилось, что сделало поденщиков требовательными и строптивыми. Сеньоры, не имея возможности найти батраков для работы в своих имениях, пытались сдать земли внаем. Количество независимых фермеров возросло, и, учитывая общее замешательство землевладельцев, они добились более выгодных условий в своих арендных договорах. Некоторые бароны соглашались даже на освобождение от арендной платы *(фермажа)*, из опасения, как бы фермеры совсем их не покинули. Некоторые продавали земли крестьянам по бросовой цене. Многие вообще отказались от земледелия и занялись разведением овец. Это изменение, которое кажется незначительным, является, однако, первой и самой отдаленной по времени причиной зарождения Британской империи, поскольку развитие шерстяного промысла, стремление искать ради него новые рынки сбыта и сохранять господство на море повлекут за собой медленное преобразование островной политики в военно-морскую и имперскую.

5. В XIV в. сеньоры и парламент безуспешно пытались бороться при помощи постановлений и законов с естественным ходом экономического процесса. Было принято «Уложение о работниках». Любой человек моложе шестидесяти лет обязывался работать на земле за плату, установленную до 1347 г. (то есть до чумы). Единственными, кто от этого освобождался, были ремесленники и купцы. Лорд имел первоочередное право найма своих бывших крепостных и мог отправить в тюрьму тех, кто отказывался возделывать земли его имения. Любой сеньор, соглашавшийся платить больше, чем в дочумное время, сам подлежал штрафу. Зато продукты питания следовало продавать работникам по разумным ценам. С этим законом произошло то же самое, что и со всеми прочими, пытавшимися зафиксировать жалованье и цену; он применялся лишь с большим трудом. «Уложение о работниках» оставалось в силе вплоть до царствования Елизаветы, и на протяжении двух веков парламенты постоянно жаловались, что оно нарушается. Однако, несмотря на эти жалобы, наниматели и работники упорно обходили закон. Мы видим в учетных книгах имений того времени, что бальи, указав цену, заплаченную за жатву и молотьбу, стирает ее и заменяет

«Черная смерть» (1348–1349), унесшая почти половину населения Англии и приведшая к экономическому и политическому спаду. Миниатюра. XIV в.

другой, более низкой. Первая цена была наверняка настоящей, а вторая предназначалась для того, чтобы полюбовно уладить дело с законом. Один сеньор говорил крестьянину: «Твоя плата будет как до 1347 г., потому что любой иной договор подведет нас под неприятности, зато ты сможешь бесплатно пасти своих овец на пастбищах имения». Другой предоставлял иные преимущества, и эта конкуренция вызывала повышение расценок. По всей стране отмечают, что вскоре после чумы плата за сельскохозяйственные работы подскочила на 50% для мужчин и на 100% для женщин. В 1332 г. земля приносила владельцу 20% от ее капитальной стоимости; в 1350-м его доход падает на 4–5%.

6. Чума, разорившая сеньора, обогатила мелкого фермера. Он не только смог приобрести земли и заключать выгодный для себя арендный договор, но в то время, как сеньор вынужден оплачивать труд своих работников дороже, фермер, работающий со своей семьей, от повышения платы не страдает. А продавая свои овощи или зерно на рынке или ярмарке дешевле, чем продукты из имения, опять получает честный барыш. Даже поденщик теперь счастливее, чем прежде: если строгий сеньор навязывает ему «Уложение о работниках», он убегает в леса и пытается перебраться в другое графство, где из-за возросшей потребности в работниках не будут слишком настойчиво требовать объяснений у человека, предлагающего свои руки. Таким образом, в то же самое время, когда на полях сражений

лучник становится сначала необходимым помощником рыцаря, а потом и его победителем, на возделываемых полях крестьянин становится компаньоном помещика, с которым тому приходится считаться. Многие жалуются на это. «Дела в мире идут все хуже и хуже, — писал Гауэр около 1375 г., — если пастухи и коровники требуют за свою работу больше, чем прежде бальи требовал за свою. В мое время работники не ели хлеба из хорошего зерна. Они питались более грубыми злаками или бобами, пили только воду, молоко и сыр были для них праздником. Тогда мир был таким, каким и должен быть для людей этого сорта. Три вещи безжалостны, когда позволяешь им одержать над собой верх: наводнение, пожар и толпа мелких людишек. О! Наше время, куда ты катишься? Ибо простонародье, которое должно заниматься только своей работой, требует лучшего питания, чем у его господ...» Эти жалобы раздаются во все времена и всегда напрасны. Феодальная система, под которую подкапывались со всех сторон, уже шаталась — к чьей-то радости или печали. Микроб чумы за несколько лет вызвал такое раскрепощение, которое в XII в. даже самые смелые умы не могли предвидеть.

7. Но прежде чем превратиться в безобидных «джентри», феодальное дворянство еще целый век будет воплощаться в ужасных образах. В то время как средний сеньор беднеет, некоторые крупные бароны становятся настоящими царьками. Они женятся внутри своего круга и образуют замкнутую касту, породненную с королевской семьей. Короли Англии тогда заведут обычай создавать для своих сыновей при помощи выделения уделов и заключения выгодных браков необычайно обширные владения. Черный Принц женится на дочери графа Кента; другой сын короля, Лайонел, становится графом Ольстерским; Джон Гонт женится на наследнице Ланкастеров (первый герцогский дом) и владеет 10 укрепленными замками, в том числе знаменитым Кенилвортом (Kenilworth), вырванным у рода Монфор. Граф Марч также располагает дюжиной крепостей; графы Уорик и Стаффорд имеют по 2–3 каждый. Лорд Перси, граф Нортумберлендский, держит северные марки не только для короля, но и для себя самого. Все эти крупные вельможи располагают боевыми дружинами, и уже не вассалов, а наемников, которых они набирают королю для его войн во Франции. В промежутках между кампаниями эта скучающая солдатня грабит фермы, крадет лошадей, насилует женщин, захватывает имения. И тщетно парламент приказывает магистратам разоружить их. Чтобы отнять оружие у этих разбойников, требуется весьма отважный шериф. Впрочем, должность шерифа в упадке. Шериф XIV в. — это уже не вельможа, а чаще всего простой рыцарь, назначенный против своей воли и который ждет не дождется, когда закон-

чится его год, чтобы передать эту обузу другому. Мало-помалу его заменит мировой судья, добровольный администратор-аристократ, магистрат-любитель, который позже сыграет в истории страны огромную и превосходную роль. Но в XIV в. мировой судья еще только родился, шериф бессилен, а благородные бандиты — «кичливые отпрыски Люцифера» — превращают свои дома в разбойничьи вертепы и допекают своих соседей.

VI. Первые английские капиталисты

1. В то время как война и чума ломали феодальные рамки, рамки гильдий, цехов и прочих корпораций становились слишком тесными. До XIV в. шерсть, главный английский товар, экспортировали во Фландрию, и там ее превращали в сукно. Англия и сама производила ткани для простонародья, но хитроумные секреты сукновального ремесла оставались в руках мастеров из Брюгге и Гента. Но потом представился удачный случай перенести эту промышленность в Англию: фламандские буржуа рассорились со своим сеньором, графом Фландрским. Его поддержал король Франции, ремесленники Фландрии были побеждены, и многим из них пришлось оставить родину. Они перебрались в Англию вместе со своими традициями и приемами. Эдуард III захотел защитить эту зарождающуюся индустрию; в 1337 г. он запретил одновременно импорт иностранных сукон и экспорт шерсти. Фландрии это грозило разорением, поскольку нигде, кроме Англии, тогда невозможно было добыть шерсть в больших количествах. Но как только началась война с Францией, Эдуард III уже не мог поддерживать эмбарго во всей его строгости, потому что по политическим причинам нуждался в том, чтобы удовлетворить своих фламандских союзников. Тогда он навязал протекционистские тарифы. Пошлины с шерсти повысили аж до 33%, а с английских экспортных тканей опустили до 2%. Это была хитрая поблажка. Некоторые купцы пытались обойти закон, экспортируя нестриженых овец, но парламент запретил такие спекуляции. Замысел Эдуарда III удался, и производство сукна стало первой английской промышленностью.

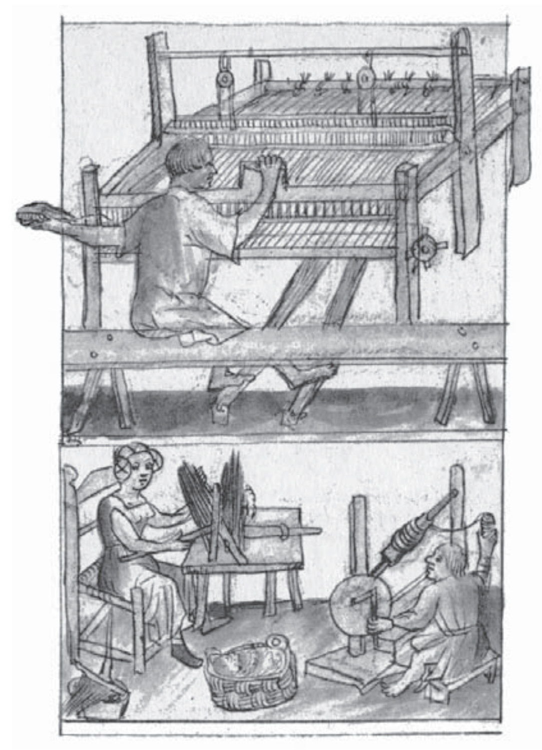
2. Прибытие фламандских суконщиков повлекло за собой создание в Англии, несмотря на гильдии, настоящих капиталистических предприятий. Суконное производство — одно из самых сложных, а количество операций, необходимых для превращения необработанной шерсти в законченный продукт, очень велико. Шерсть надо промыть, обезжирить, перебрать, окрасить, смешать, расчесать, спрясть, соткать, свалять, затем ворсовать, стричь,

выщипывать репейные шишки, наконец, придать глянец и прессовать. Представления Средних веков требовали, чтобы каждая из этих операций выполнялась отдельной корпорацией. Можно вообразить себе запутанность всех продаж и покупок, которые было необходимо провести в процессе этих превращений. Чтобы выполнить заказ, потребовалось бы получить согласие 15 корпораций. Нет ничего более обременительного для сукнодела или торговца сукном, чем купить шерсть, спрясть ее, соткать и проследить за всеми дальнейшими операциями вплоть до продажи. Но сосредоточение всей работы в одних руках противоречило цеховым принципам, поэтому предприимчивые суконщики, желавшие избежать многочисленных препятствий, недолго думая, обосновались в сельской местности. А вскоре эти предприниматели нового типа, которые покупают шерсть оптом и продают конечный продукт, начинают строить мануфактуры. В XIV в. в Барнстапле (Barnstaple) появляются два владельца мануфактур, и каждый из них платит налог за производство тысячи штук сукна в год. При Генрихе VIII некий Джек из Ньюбери будет владеть двумя сотнями станков в одном здании и использовать труд шестисот работников.

3. Близится время, когда крупная коммерция станет искушать молодых, жаждущих приключений англичан больше, чем рыцарские войны. В XIII в. судьба мастера внутри корпорации была обеспечена, но ограничена. Его покупки и продажи контролировались, быстро сколотить состояние он не мог. Крупные купцы конца Средневековья уже не подчинялись слишком строгим правилам. Описания их удивительных жизней поражают народное воображение, заменяя ими в балладах подвиги странствующих рыцарей. Героем легенды становится сэр Ричард Виттингтон, трижды лорд-мэр Лондона. Певцы рассказывают, как бедный сирота был нанят на кухню в дом крупного купца... Тогда было обычаем, чтобы любой фрахтовщик, отправляя корабли в далекие края, разрешал каждому из своих слуг добавить к товарам на борту какой-нибудь предмет, чтобы дать шанс на благословение Божье и самым маленьким людям... У Дика Виттингтона была в этом мире только кошка; ее-то он и отдал на отплывающий корабль. И вот корабль пристал к далекому берегу, где в варварском королевстве дворец короля разоряли полчища мышей. По совету капитана король купил кошку и, в восторге от службы, которую та ему сослужила, дал за животное столько, сколько стоил весь груз корабля. Дик Виттингтон внезапно оказался богачом... Реальность была не столь романтична: настоящий Виттингтон, крупный коммерсант, одолжил денег королю и, будучи назначен мэром Эстапля[1], с лихвой возместил свои издержки на таможенных пошлинах.

[1] *Эстапль* — своего рода торговая палата города Кале, ее глава тоже назывался мэром.

4. Уильям Канингс, торговец сукном из Бристоля, — другой пример этих новых капиталистов, ведущих дела по всему свету. Король Англии самолично писал гроссмейстеру Тевтонского ордена и королю Дании, рекомендуя их покровительству своего верного подданного Уильяма Канингса. В Бристоле он принимал Эдуарда IV в собственном доме. Ему подчинялись 800 моряков, он нанимал за свой счет 100 плотников и каменщиков для строительства церкви, которую подарил своему родному Бристолю. В старости он принял постриг и умер деканом колледжа Вестбери. Мало-помалу эти крупные английские купцы заняли в континентальных делах место Ганзейской лиги. Ломбардские и флорентийские банкиры, заменившие в Англии евреев, позже были вытеснены англичанами. Впрочем, флорентийцы Барди разорились на услугах Эдуарду III. Позаимствовав у них крупные суммы для своей экспедиции во Францию, он наотрез отказался возвращать деньги к назначенному сроку, так что из-за Столетней войны пострадали и многие флорентийские семьи. Даже подданные нейтральных государств обнаружили, как опасно и напрасно ссужать деньгами воюющих.



Производство шерстяных тканей в Англии. Миниатюра. XV в.

5. Под влиянием крупных купцов изменились и гильдии. Тут больше не царит равенство. Роскошь костюмов и празднеств становится такова, что только богачи могут поддерживать ее. Корпорация торговцев винами однажды вечером принимает 5 королей на своем пиру. Для ремесленников, которые когда-то могли претендовать на звание мастера, теперь оно оказалось недоступным. Они пытаются защищаться, создавая «гильдии рабочих», которые бойкотируют «плохих» хозяев. Таким образом, появляется тенденция к формированию двух различных классов. Тогда же начинаются и финансовые скандалы. Купцы XII в. были, конечно, далеко не безупречны, и к позорному столбу можно было смело поставить отнюдь не одного из них, но мошенничества этой публики были мелкими, потому что сделки при их простоте было легко контролировать. С появлением крупного

Мастеровые разных гильдий демонстрируют свое мастерство королю. Миниатюра. XV в.

капитализма начинается неизбежный сговор богатства и политической власти. Когда Эдуард III состарился, его младший сын Джон Гонт, герцог Ланкастерский, окружил себя бессовестными финансистами, и один из них, богатый лондонский купец Ричард Лайон, благодаря своим услугам вошел в Малый совет и организовал настоящую «банду». В то время как вся шерсть королевства должна была проходить через порт-эстапль (которым тогда был Кале), где с нее уплачивались пошлины, Ричард Лайон добился разрешения посылать свою шерсть в другие порты, где с нее не взимали никаких сборов. Так он сколотил колоссальное состояние. Вместе с лордом Латимером, другом и наперсником герцога Ланкастерского, он стал завладевать товарами, которые привозили в Англию, и устанавливать цену на них по своему произволу, создавая искусственный дефицит на некоторые продукты, так что бедному люду едва удавалось сводить концы с концами. Эти махинации совершенно противоположны духу Средневековья, которое верило в твердые цены, в ограничение прибыли и считало преступлением уловки, направленные на вздорожание продовольствия. Но этот дух Средних веков умирает, король теперь во власти купцов, они входят в его парламент, они одни питают его казначейство. И ради них будет вершиться отныне внешняя политика Англии.

VII. Неурядицы в Церкви

1. Англию после вторжений цивилизовала Римская церковь. Она научила сильных некоторой умеренности, а богатых — некоторому состраданию. Но потом сила и богатство в свой черед растлили Церковь. Святым приходилось неоднократно реформировать ее, чтобы вернуть к добродетелям отцов-основателей. За каждой реформой

следовало новое падение. И монахи Сито, и монахи Клюни, и нищенствующие братья — все поддались искушениям века. И в конце этого XIV столетия, когда все, кто некогда были великими, уже обратились в прах, Церковь казалась одним из самых больных членов общественного организма. В Англии она еще породила нескольких выдающихся людей, но они были скорее администраторами, нежели священнослужителями. Епископ, владелец 30–40 имений, прекрасно умел контролировать счета своих бальи, служить королю во главе канцлерского суда или казначейства, но совсем не занимался душами. Выдающийся поэт того времени Лэнгленд тем более желчно критикует Церковь, что сам является ревностным католиком. Он сетует на всех этих епископов *in partibus*[1], кишевших тогда в Англии, на прелатов, достойных Ниневии или Вавилона, которые никогда не бывали в своих епархиях, но обогащаются, освящая алтари или выслушивая исповеди, что следовало бы делать приходскому священнику. Среди лучших клириков есть несколько обеспокоенных умов, полагающих, что Церковь отдаляется от первоначального христианского учения, что долг священника состоит в том, чтобы подражать евангельской бедности, и что, раз уж надо отдавать кесарю кесарево, это все-таки не причина забывать, что Бог превыше кесаря. «В общем, столкнулись две концепции Церкви: концепция Григория VII и святого Франциска Ассизского, церкви евангельской и церкви кесаревой».

Портрет Джеффри Чосера на фронтисписе экземпляра «Кентерберийских рассказов». Конец XV в.

2. Насколько епископы и монахи в Англии богатели, настолько же приходские священники тогда прозябали в бедности. В принципе, священники должны были жить на десятину, изымая из нее лишь средства на милостыню и на содержание церкви. Но среди сеньоров, в чьих владениях находился приход, завелся обычай «присваивать» сборы, то есть передавать их

[1] Точнее, *in partibus infidelis* — «в стране неверных» — так изначально назывались епископы, назначавшиеся в языческие страны; позже выражение стало употребляться в смысле: в чужих краях, за границей, в чужой среде; зд. имеются в виду присланные из Рима чужестранцы.

Монах. Миниатюра иллюминированной рукописи «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. Конец XV в.

епископу или монастырю. Викарию оставались лишь ничтожные суммы. После большого чумного поветрия стало невозможно найти священников для беднейших приходов. Уложение, аналогичное «Уложению о работниках», во избежание конкуренции запрещало платить им больше 6 фунтов в год; эта норма не соблюдалась, и они добились 12 фунтов, но их нищета по-прежнему оставалась вопиющей. Многие из них к тому же были невежественны и больше заняты охотой на зайца в соседних полях, чем наставлением своей паствы. Некоторые отдавали дом священника внаем фермеру и даже не жили в приходе. Их и без того скудный хлеб отбивали нищенствующие ордена, чьи братья ходили по стране и подряжались служить мессы в обителях. У Чосера можно найти беспощадный портрет такого брата, который ходит по деревням, заглядывает в каждый дом и, зная каждую хозяйку и ее угощение, выпрашивает муку, сыр, говядину «или что другое; мы ведь не вправе выбирать», потом тщательно записывает на табличках из слоновой кости имя благодетельницы для благодарственных молитв, но, как только выходит из деревни, весело стирает все имена. И не одни только нищенствующие братья составляют конкуренцию священнику; мы видим, как по английским деревням ходят «прощатели», прибывающие из Рима с письмом за папской печатью, которое предоставляет им право отпускать грехи и давать прощение тем, кто купит у них какую-нибудь реликвию. Чосер, у которого лжерелигия всегда будит остроумие, живописует, как такой «прощатель» произносит проповедь на тему: *«Radix malorum cupiditas...» («Корень всех зол — алчность...»)*, а затем продает поселянам право поцеловать склянку с костями или тряпками.

3. Эта же смесь алчности и религии вновь возмущает Чосера и Лэнгленда, когда они описывают церковные суды. Архидьякон тогда имел право вызвать в суд любого человека из диоцеза, виновного в нравственном проступке, в частности в прелюбодеянии. Можно представить себе злоупотребления такой властью. То церковное судилище было таким продажным, что отъявленным грешникам диоцеза достаточно было всего лишь купить

себе годовой абонемент, чтобы их не беспокоили; то сам архидьякон был честен, но вот его пристав, *summoner*, прекрасно осведомленный о пороках своих сограждан, подвергал их настоящему шантажу, угрожая вызвать в суд, если они не купят его молчание. Еще эти суды на первых порах присуждали провинившихся к покаянию или к паломничеству. «Покаяние было полезно для кающегося, а паломничество обладало большой социальной значимостью». На дороге в Кентербери встречались рыцарь, купец, ткач, монашка и врач, по-братски беседовали друг с другом и через это общение формировали одновременно английский язык и английскую душу. Именно паломничество открыло многим англичанам чужеземные страны. У Чосера матрона из Бата была в Иерусалиме, в Риме, в Сантьяго-де-Компостела и в Кёльне, и она готова рассказать об этих путешествиях множество историй. Но мало-помалу прижилась привычка покупать себе покаяние и паломничество за деньги, в виде штрафа. Скептик Чосер, набожный Лэнгленд и богослов Уиклиф, не сговариваясь, порицали возмутительную торговлю прощением. Даже монархия проявляет враждебность к церковным судам, по-прежнему подозревая их в сговоре с Римом. Эдуард III издает в 1353 г. знаменитый закон *Praemuniere*, который приравнивает к измене попытку английского подданного искать или принять иностранную юрисдикцию (название закона происходит от формы предписания: «*Praemuniere facias...*» — «*Предупреди такого-то...*»).

4. Уиклиф (ок. 1320–1384), отважный ум, реформат задолго до Реформации, учитель богемских гуситов и пуританин еще до того, как появилось это слово, принадлежал в начале своей карьеры к «кесарийской» церкви. Корона использовала его, отправив послом в Брюгге; позже он стал одним из самых известных богословов Оксфордского университета. Пораженный безнравственностью своего времени, он пришел к заключению, что для возвращения Церкви на путь добродетели надо избавить ее от имущества и вернуть к изначальной бедности. Потом его мысль становится еще более дерзкой. В своей книге *De domino divino* («О Божьем владении») он утверждает, что Бог — владыка вселенной и дает власть мирским правителям в лен. Таким образом, он доверяет свое могущество несовершенным существам, папам и королям; всем им христианин обязан повиноваться. «На земле Бог вынужден покоряться дьяволу». Но каждый христианин получает от самого Бога немного «владения», *dominium*. Поэтому он должен обращаться непосредственно к Божьему суду, если представители Бога на земле наносят ему ущерб. Человек может быть спасен не церемониями, индульгенциями и наложенным на него покаянием, но своими заслугами, то есть своими благими делами. Уиклиф намеренно приводит слова святого

Монахиня. Миниатюра иллюминированной рукописи «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера. Конец XV в.

Августина: «Всякий раз, как пение восхищает меня больше, нежели сама песнь, я признаю, что совершаю серьезную ошибку». Проповедь видится ему главной частью богослужения.

Только серьезной, а отнюдь не развлекательной проповедью (чем порой грешили его собратья) можно привести верующих к покаянию и христианской жизни.

5. До этого Уиклиф был всего лишь несколько дерзким профессором, которого Церковь терпела, потому что его поддерживали герцог Ланкастерский и Оксфордский университет. Но, отрицая таинство пресуществления, или догмат о реальном присутствии Христа в евхаристии, он становится несомненным еретиком. Этой доктрине он противопоставил идею консубстанциональности, то есть одновременного существования материального хлеба и тела Христова. А это уже означало посягательство на чудо мессы, и папа не мог стерпеть такое учение, не подвергая опасности все здание Церкви. Осужденный Уиклиф, отвергнув папскую власть, учил в свои последние годы, что единственным источником христианских истин является Библия. Для распространения Священного Писания он и стал переводить его на английский, поскольку прежде имелись переводы только на латынь и французский, непонятные людям из народа. Затем он собрал вокруг себя группу последователей, которым надлежало жить так же бедно, как и первым «братьям» святого Франциска. «Бедными священниками» Уиклифа поначалу были студенты университета, исполненные решимости отдать свою жизнь ради спасения Церкви; однако вскоре столь суровое существование

показалось богатым и образованным молодым людям слишком тяжелым, поскольку Уиклиф не разрешал им владеть никакими деньгами; им даже не полагалось, как братьям-францисканцам, носить мешок и складывать в него подношения; они должны были брать только пищу и только в тот момент, когда нуждались в этом. Босоногие, в длинных рясах из грубой шерсти, *бедные священники* ходили от деревни к деревне, неустанно проповедуя учение Уиклифа. Вскоре их ряды стали пополняться только бедняками. Можно представить себе, какое впечатление производили в деревне эти пылкие молодые люди, проповедовавшие бедность и равенство. Это было время, когда крестьяне в тавернах начинали спорить о священных книгах. В той Библии, которая внезапно была им открыта, они находили образ древнего райского сада, где еще не существовало ни дворян, ни крестьян. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, где был тогда дворянин?» После чумы это семя упало в хорошо подготовленную почву.

6. Ничто не позволяет лучше оценить разницу между суровостью Церкви к еретикам начиная с XV в. и ее относительной снисходительностью к ним же в те времена, когда она еще была уверена в своей силе, нежели вот какой факт: Уиклиф, хотя и осужденный за ересь в 1382 г., до самой своей смерти, последовавшей через два года, оставался ректором Латтерворта (Lutterworth) и лично не испытал никаких неприятностей. Архиепископ Кортни с большим трудом помешал *уиклифитам* и дальше распространять в Оксфорде свое учение. Гордый своими традициями независимости, сильный студенческой поддержкой университет сопротивлялся. Магистры считали себя скорее преподавателями, нежели церковниками. «Он еще не стал (как в следующем веке) инструментом, которым пользовалась Церковь, чтобы навязать свою доктрину национальному уму», или, как при Стюартах, корпусом функционеров на службе у короны. Тут яростно спорили между собой черные и белые клирики, и белые, друзья Уиклифа, брали верх. И чтобы заставить их уступить, понадобилось вмешательство короля: он лично вызвал к себе канцлера и угрожал лишить университет его привилегий. Только тогда уиклифиты подчинились, и Оксфорд надолго перестал быть центром свободной мысли.

7. «Бедные священники», которых католические ортодоксы назвали *лоллардами*, то есть *болтунами*, оказались более верными последователями Уиклифа, нежели оксфордские преподаватели. Не только народ, но и многие рыцари, раздраженные богатствами Церкви, благосклонно принимали их и защищали от епископов. А тем было очень трудно добиться поддержки шерифов и светского правосудия против ереси. Когда король пообещал им эту поддержку, палата общин сначала возражала. И уступила, только

когда правящие классы начали думать, что лолларды становятся общественно опасными и угрожают богатству не меньше, чем ортодоксии. В 1401 г. был принят закон «О сожжении еретиков» *(«De Heretico comburendo»)*, который подтверждал право Церкви отдавать еретиков палачу для сожжения. Тогда и начались гонения; жертвами стали в основном бедняки — портные, кожевники, чьим преступлением было либо отрицание таинства евхаристии, либо ночные сборища для чтения английского перевода Евангелия, либо отказ соблюдать церковные требования, которых не было в Писании. Сохранились свидетельства пылкой духовной жизни того времени, тайных споров по вопросам веры между купцами и их женами и слугами, а иногда приверженцем лоллардизма был и высокомерный дворянин. Под угрозой мучительной казни многие отрекались от нового учения. Другие оставались тверды. В 1410 г. можно было наблюдать необычайную сцену. Несчастный ремесленник, приговоренный к костру, обнаружил на Смитфилдском рынке (который был обычным местом казней), что его ожидают не только вязанки хвороста, но и наследник престола. Юный принц Генри (будущий Генрих V) долго и серьезно спорил с портным Бадби, суля ему жизнь и деньги, если он отречется. Но напрасно. Дважды зажигали вязанки, прежде чем принц предоставил жертву ее судьбе. Это уже состояние умов, свойственное судьям Жанны д'Арк: искреннее желание спасти еретика от него самого и непреклонная твердость по отношению к ереси.

VIII. Крестьянское восстание (1381)

1. Царствование Эдуарда III было долгой чередой морских и военных побед. Личная храбрость короля и его старшего сына, Черного Принца, сделала их обоих национальными героями. Но через пятнадцать лет после договора в Бретиньи Англия была всего лишь униженной и недовольной страной. Старый король приближался к старческому слабоумию в объятиях красивой горничной Элис Перерс, которую одаривал драгоценностями короны. Черный Принц, совершенно больной после множества битв, был вынужден покинуть на носилках Аквитанию, которой управлял, и теперь медленно умирал. Третий сын короля, Джон Гонт, грозный герцог Ланкастерский, объединился с Элис Перерс и правил страной, опираясь на шайку мошенников. Почти все завоевания были утрачены. Франция обрела выдающегося короля Карла V, заново создавшего флот и чьи военачальники — Дюгеклен, Клиссон — поняли, что секрет победы в этой войне состоял в том, чтобы давать сражение только при уверенности в победе. Так что они позволили англичанам расходовать силы, скитаясь по стране, сжигая города и истребляя безоруж-

ных крестьян. «Эта гроза пройдет», — говорил Карл V, и в самом деле, люди уже начали лучше понимать, что успех англичан при Креси и Пуатье не соответствовал истинному соотношению сил обоих королевств. Завоевание и оккупация континентальной империи превышали возможности Англии, которая «не была достаточно богата ни людьми, ни деньгами, чтобы долго занимать первое место в Европе». Наконец, — и это самое главное — Англия уже не обладала господством на море и поэтому перестала быть неуязвимой. Черный Принц был хорошим солдатом, но его неуклюжесть в дипломатии привела к союзу короля Кастилии с королем Франции. Их флоты господствовали в Бискайском заливе и Ла-Манше. При Ла-Рошели был не только уничтожен английский флот, но французские корабли беспрепятственно вошли в Темзу, опустошили прибрежные города и сожгли рыбацкие деревни. Единственной защитой Англии был призыв к оружию прибрежного населения, который подавался с помощью костров, зажженных на холмах. Но этот метод оставлял захватчикам достаточно времени, чтобы пристать к берегу, сделать свое дело и отплыть.

2. Среди всеобщего смятения и отчаяния мужество проявил один-единственный орган — палата общин. Деление парламента на две палаты к тому времени стало устоявшимся обычаем. Караваны сельских дворян, прибывающих в Лондон на сессию, становились для жителей Сити привычным зрелищем. В палате общин регулярно заседали 200 горожан, представлявших *сотни «бургов»*, и 74 рыцаря от 37 графств. Эти последние, хоть и менее многочисленные, господствовали тут и имели решающее влияние, потому что представляли собой реальную силу. Это они в парламенте 1376 г., названном «Добрым парламентом», отважно потребовали счета у герцога и его клики, потребовали также удаления Элис Перерс и призвали старого короля обеспечить защиту страны со стороны моря. Быть может, они не были бы так смелы, если бы не чувствовали поддержку народа Лондона, яростно враждебного герцогу, и если бы для придания себе уверенности не призвали на заседание некоторых лордов, которых считали благоволившими их делу. Они добились обещаний, поскольку нужно же было их задобрить, чтобы наполнить казну. Но едва сессия заканчивалась, член парламента становился просто рыцарем. Герцог бросил спикера в тюрьму; Элис Перерс, обещавшая никогда не видеться с королем, вновь заняла свое место подле него; епископы, поклявшиеся отлучить от церкви эту девицу, не пошевелились. Когда в 1377 г. король умер, все старания Доброго парламента пошли прахом. Об Эдуарде III не сожалели: его жалкая старость заставила забыть подвиги его молодости. Однако король Франции, желая почтить великого врага, велел отслужить в Сен-Дени службу за упокой души короля Англии.

3. Поскольку Черный Принц умер раньше своего отца, законным наследником стал внук Эдуарда III Ричард II, прозванный Ричардом Бордоским. Это был красивый и смышленый ребенок, но самостоятельно править он мог не раньше, чем через несколько лет. Так что его опасным дядюшкам, герцогам Кларенсу и Ланкастеру, предстояло стать его советниками, а может быть, и соперниками. Стоя с большим достоинством перед телом своего деда, он добился, чтобы посланцы лондонского Сити и его дядя Ланкастер обменялись мирным поцелуем. В первый же год своего царствования юный Ричард не упустил случая проявить удивительное мужество и присутствие духа, поскольку в то время случилось восстание, своего рода английская Жакерия, которое могло перерасти в революцию. Уже очень давно в деревне назревало скрытое возмущение. Не то чтобы крестьяне стали несчастнее, скорее даже наоборот, за последнее десятилетие плата за труд выросла, а цены опустились. Но люди перестали верить системе, которая держала их в рабстве. Они познали стыд за старого короля, за поражения своих сеньоров во Франции, за рейды французских флотилий. «Бедные священники» Уиклифа говорили им о вопиющем богатстве аббатов. По всей стране распространилась поэма «Видение о Петре-пахаре», написанная Лэнглендом на простонародном языке. Лэнгленд не был революционером; он был набожен и восхищался монастырской жизнью, но поэт живописал удел народа с таким мрачным реализмом, а роскошь сильных мира сего с таким враждебным презрением, что тысячи Петров-пахарей, слушавших эти стихи, проняло до глубины души. В 1381 г. в деревнях проходили бесчисленные тайные сходки, из графства в графство разносили таинственные послания с приказами некоего «Великого Общества», духовные и светские агитаторы призывали одновременно к реформе Церкви и крестьянскому восстанию. «Уложение о работниках» вызывало сильнейшее ожесточение. Каждый день в каком-нибудь имении крестьяне вступали в конфликт с сеньором или его бальи, который хотел навязать им жатву всего за 2–3 пенса в день. Наказания, предусмотренные этим абсурдным законом для тех, кто отказывался от работы, изгоняли крестьян с их полей, и те, кто до недавнего времени был мирным тружеником, становились бродягами и скитались по лесам, совершенно пав духом, потому что лишились своих корней. «Беглый виллан — столь же обыденное явление в Англии XIV в., как и беглый раб в Америке XIX в.; в обоих случаях эти все более многочисленные отказы от работы становятся знаком стремления к освобождению целого класса».

4. Фруассар сохранил для нас речи самого известного из агитаторов 1381 г., капеллана Джона Болла: «Этот Джон Болл имел обыкновение в воскресный день, когда все выходили из церкви после мессы, отправляться оттуда

Джон Болл, примкнувший к повстанцам священник–лоллард, обращается с проповедью к королевским войскам. Миниатюра «Хроник» Жана Фруассара. 1470

на кладбище. Там он собирал вокруг себя народ и проповедовал ему, говоря:

— Люди добрые, дела не могут хорошо идти в Англии, да и совсем не пойдут, покуда имущество не станет общим, покуда есть крестьяне и дворяне и покуда мы не равны. Почему те, кого мы называем господами, бóльшие господа, чем мы? Ведь все мы происходим от одного отца и одной матери, Адама и Евы. Могут ли они сказать и показать нам, в чем они лучшие господа, чем мы, кроме того, что заставляют нас возделывать и выращивать все то, что сами лишь тратят? Они одеты в бархат, а мы в дерюгу; у них есть вина, пряности и добрый хлеб, а у нас лишь рожь, отруби да солома, и мы пьем одну воду; они живут в хороших усадьбах, а мы в полях, хоть в дождь, хоть в ветер, но именно от нас и нашего труда происходит все, чем они живут... Пойдем к королю. Он молод. Пожалуемся ему на наше рабство. Скажем ему, что мы хотим, чтобы было по-другому, и мы это исправим».

5. Так обычно говорил Джон Болл по воскресеньям, после деревенской мессы, и, расходясь, многие шептались: «Он верно говорит». Однако требования крестьян были не так коммунистичны, как проповеди Джона Болла. Они требовали всего лишь своей личной свободы и замены всех повинностей денежным оброком в 4 пенни с акра. Непосредственным поводом к возмущению стал налог, который советники короны очень неуклюже захотели собрать второй раз, потому что первая поездка сборщиков не принесла достаточно денег. Когда крестьяне снова увидели людей короля, а те захотели арестовать строптивцев, целая деревня разозлилась и обратила их в бегство. Потом, напуганные собственным поступком, крестьяне ушли в лес. Там уже жили бесчисленные люди вне закона, оказавшиеся в этом положении из-за неразумного применения «Уложения о работниках». Так появилась целая армия, вполне готовая для бунта. И вот от колокольни к колокольне побежал столь ожидаемый призыв: «Джон Болл приветствует вас всех и подает вам знак, ударив в колокол». За несколько дней Эссекс и Кент вспыхнули. Повстанцы грабили дома, убивали сторонников герцога и представителей закона. Навязчивой идеей восставших было уничтожение всех письменных свидетельств их кабалы. В захваченных имениях они сжигали учетные книги и грамоты. При появлении повстанцев дворянство, до странности неспособное организовать сопротивление, бежало, а вскоре крестьяне и люди вне закона вошли в города. Настал черед сеньоров прятаться в лесах. Зажиточные обитатели городов приняли восставших довольно хорошо. В Кентербери объединившиеся горожане и деревенские жители свели кое-какие счеты, обезглавив особенно ненавидимых людей. Затем это войско двинулось на Лондон. Ведь там был юный король, про которого вожди восстания говорили, что он «милостив», а простые люди ничего не знали, кроме того, что это ребенок и его надо защитить от его дяди Джона Гонта, самого ненавистного из вельмож. Можно представить, как они шли по тропам, сбившись в толпы, по деревням, вооруженные палками, ржавыми мечами, топорами, старыми луками и стрелами без оперения.

6. Король и верные ему люди укрылись в лондонском Тауэре. Сам город было легко защищать: мост, который отделял его от реки, был подъемным, достаточно было поднять его средний пролет. Но олдермен, благосклонный к восставшим, сдал им ворота, несмотря на мнение мэра, который ратовал за порядок. И сразу же на улицах стали происходить ужасные сцены. Крестьяне открыли тюрьмы, и, как случается при всякой революции, множество подонков вышли из тени, чтобы грабить и убивать. В Чипсайде поставили плаху, и полетели головы. Целый квартал фламандцев был истреблен без всякой причины, только потому, что они были чужестранцами.

Гибель Уота Тайлера. Миниатюра «Хроник» Жана Фруассара. 1470

Дом Джона Гонта сожгли. Лишь юный король находил милость в глазах черни. Уже в первый день он обратился к толпе с лодки, не сходя на берег. Его приветствовали ликующими криками. Неизвестно почему, но он стал кумиром всех этих несчастных, и ему предстояло извлечь из этой популярности большую выгоду. В первый раз он встретился с восставшими в Майлс-Энде (Mile's End), на поле рядом с Лондоном, и сделал вид, будто дает им все, чего они требуют. Тридцать писцов принялись писать дарующие свободу грамоты и скреплять их королевской печатью. Крестьяне поверили этим пергаментам. И, получив свою грамоту, каждая группа покидала поле и триумфально возвращалась в Лондон с королевскими знаменами, которые ей выдали. Наверняка советники Ричарда и не собирались признавать, будто эти уступки, вырванные с помощью грабежей и убийств, имеют хоть какую-то юридическую силу. Они всего лишь пытались выиграть время. Новые злодейства вынудят их стремительно перейти в наступление.

7. Пока король отсутствовал в Тауэре, туда проникли повстанцы, и вскоре у входа на Лондонский мост были выставлены головы архиепископа Кентерберийского и казначея. Надо было любой ценой удалить оттуда эту кровожадную и распоясавшуюся толпу. Многочисленные группы крестьян, удовлетворенных своими грамотами, уже покинули город. Оставалось всего несколько тысяч, без сомнения самых худших, которые хотели продолжить грабеж. Но к королю со всех сторон прибывали рыцари и горожане, желавшие примкнуть к нему. На следующий день восставшим было указано новое место для встречи: Смитфилдский конный рынок. Царственный ребенок прибыл туда на коне, за ним следовали мэр Лондона и целая свита, на другом конце площади толпились «простаки», вооруженные своими луками. Их вожак Уот Тайлер выехал верхом вперед, навстречу королевскому кортежу. Что же случилось? Свидетельства хронистов разнятся между собой. Наверняка Уот Тайлер повел себя дерзко, и мэр Лондона, у которого под платьем было спрятано оружие, вдруг разгневался и поразил наглеца ударом в голову. Как только он упал, люди короля окружили его, чтобы толпа на другом конце площади этого не увидела. Но бунтовщики все же успели заметить его падение и, построившись в боевую линию, уже стали натягивать свои луки, когда юный король неожиданно сделал героический жест, который спас положение. Он покинул своих людей, сказав им: «Оставайтесь здесь, и чтобы никто за мной не следовал». Затем приблизился к мятежникам совершенно один и сказал им: «У вас нет другого предводителя, кроме меня. Я ваш король. Сохраняйте спокойствие». Вид этого красивого ребенка, подъехавшего к ним доверчиво и спокойно, обезоружил восставших, у которых не было ни вожака, ни плана действий. Ричард возглавил их и вывел из Сити. Таков, по крайней мере, рассказ Фруассара.

8. Убийцы и грабители не очень-то заслуживают жалости. Однако среди крестьян 1381 г. было много хороших людей, веривших, что защищают правое дело. И нельзя было видеть без волнения этот патетичный и доверчивый кортеж, следовавший за красивым царственным ребенком, который вел их на муки. Ибо подавление восстания было не менее жестоким, чем оно само. Как только войско этой Жакерии распалось и крестьяне вернулись в свои деревни, король и его судьи поехали из графства в графство, чтобы устраивать кровавые судилища. Восставших вешали сотнями. В Лондоне, на плахе, которую повстанцы сами поставили в Чипсайде, рубили головы повинным в убийствах, но в том числе и множеству невиновных. Чтобы полнее насладиться своей местью, родственники жертв, даже женщины, просили дозволения самим казнить вчерашних палачей. Террор правящих классов был основательным; дошло даже до запрещения сыновьям вилланов поступать в университеты. Либеральные рыцари и буржуа (а такие

находятся всегда) потеряли в парламенте всякий авторитет. Но независимый дух английского народа не погиб и в дальнейшем восторжествовал. В конце века «Уложение о работниках» вышло из употребления, и мировым судьям было рекомендовано решать вопросы оплаты полюбовно. Наконец при Тюдорах крепостное право и вовсе было отменено, а «при Якове I даже стало расхожим мнением, что любой англичанин — свободный человек».

IX. Вторая половина Столетней войны. Ричард II, Генрих IV, Генрих V, Генрих VI. Англичане за пределами Франции

1. Король-ребенок, чьей храбростью на Смитфилдском рынке восхищались дворяне и буржуа и за которым благоговейно последовало войско восставших крестьян, превратился в слабовольного подростка и в конце концов умер в тюрьме, презираемый вельможами и забытый своим народом. Однако у Ричарда II были и достоинства; он был храбр, весьма умен и сумел сказать своим ужасным дядьям: «Благодарю вас за прошлые услуги, *милорды*, но больше я в них не нуждаюсь». Он пытался честно заключить мир с Францией. Он понял, какую опасность для монархии представляют слишком могущественные герцоги с их огромными уделами и попытался быть сильным королем в манере Тюдоров, но народ еще недостаточно настрадался, чтобы поддержать его против вельмож. А впрочем, после репрессий 1381 г. крестьяне ему не доверяли. Обеспокоенная ересью Церковь готова была отдаться тому, кто предоставил бы ей средства справиться с заразой, но тут благоразумие и терпимость Ричарда оказали ему плохую услугу. Его добрые намерения были прерывистыми, вспышки воли — яростными и короткими. К тому же он плохо выбирал своих фаворитов.

2. Ричард был женат на двух принцессах: первой была Анна Богемская, через окружение которой Уиклифова ересь распространилась в Праге и породила там протестантское движение гуситов; второй была француженка Изабелла, дочь Карла VI Безумного, что не понравилось англичанам, которые не одобряли политику Ричарда II и сожалели о временах, когда их лучники возвращались с добычей в свои деревни после сражений при Креси и Пуатье. Ричард, благоразумно процарствовав шесть лет, не устоял перед искушением деспотизма. Ему удалось протащить в парламент своих ставленников и с помощью их угроз «продавить» передачу ему пошлин на шерсть до конца жизни. После этого он уже не созывал палаты. Успех такой политики вскружил ему голову. Он отправил в изгнание сына Джона Гонта, а после смерти старого герцога Ланкастерского конфисковал его наследство.

Коронация Ричарда II. Миниатюра «Хроник Англии» Жана де Ваврена. Вторая половина XV в.

Этим он подтолкнул своего кузена к мятежу. Ланкастер какое-то время жил в Париже, готовя государственный переворот. Как только он высадился в Англии, Ричард увидел, что все его покинули. В конце концов он был брошен в тюрьму. Парламент, наследник Большого совета, избрал на престол Генриха Ланкастерского, которого тотчас же два архиепископа короновали под именем Генриха IV.

3. Генрих IV не был законным королем; он был обязан своей короной парламенту, знати и Церкви. Так что ему приходилось осторожно вести себя с этими тремя силами, даже в большей степени, чем это делали норманд-

ские или анжуйские короли. Именно он в 1401 г. предоставил Церкви право сжигать еретиков (уложением *De Heretico Comburendo*). За шестьдесят лет правления Ланкастерской династии сила парламента, находившегося под большой угрозой при Ричарде II, будет только возрастать. Генрих IV, первый из ланкастерских королей, знает, что является узурпатором, а потому не осмеливается перечить палате общин. Второй король Ланкастерской династии, Генрих V, проведет бóльшую часть своего царствования за пределами Англии и скоропостижно умрет, оставив трон малолетнему ребенку, Генриху VI, который, достигнув отрочества, станет слабым и полубезумным государем. Таким образом, на довольно долгое время слабость короля, его отсутствие или его страхи сделают парламент арбитром сложившихся ситуаций. «Среди мятежных и ненадежных сил палата общин, единственная постоянная и в высшей степени национальная власть, получает от обстоятельств в некотором роде роль третейского судьи. Только у нее эти носители спорных титулов могут испрашивать шаткий кредит доверия. Еще робкая, неуверенная в себе, удивленная тем, что на нее свалилось, притом что сама она ничего такого отнюдь не домогалась, эта власть более полувека пользуется непререкаемым авторитетом. Ее архивы полнятся прецедентами; ее лучшие дни отмечены новыми притязаниями; ее регламент обогащается либеральными практиками, чисто процедурными, конечно, и которые лишь в самих себе заключают суть политической свободы (как станет видно в следующем веке, при Тюдорах), но при этом все-таки сохраняют ее, так сказать, для *пущей важности*, а отсюда следует, что, когда обстоятельства вновь станут благоприятными, обнаружится вдруг, что она уже во всеоружии и хоть сейчас готова к делу».

4. После долгого перемирия Генрих V в 1415 г. вновь начинает войну с Францией. Его настоящая цель состояла в том, чтобы занять буйные головы в собственной стране заморской авантюрой. Религиозная агитация лоллардов вела к гражданской войне. Нужно было чем-то отвлечь народ, и хронисты говорят, что об этом просили епископы. Король и сам был очень честолюбив; он мечтал положить конец авиньонскому расколу и предпринять Крестовый поход, возглавив его как объединитель западного мира. Какой бы ни была его цель, средства, которые он использовал, нельзя оправдать ничем. Зная, что Францию раздирает борьба между кликами арманьяков (орлеанцев) и бургиньонов (бургундцев), что ею правит от имени безумного короля дофин, не имеющий друзей, он вновь цинично предъявил былые претензии Эдуарда III на французский престол. Однако, какими бы ни были уже довольно спорные права Эдуарда III, права Генриха V, который даже не был самым прямым наследником своего прадеда, почти равня-

Неизвестный художник.
Ричард II Бордоский. XVI в.

лись нулю. Он так хорошо знал об этом, что после первого дипломатического демарша попросил вместе с рукой Екатерины, дочери Карла VI, лишь Нормандию, Турень, Анжу, Мэн и Понтьё. Но и эти притязания были слишком абсурдны, чтобы с ними согласилась даже такая несчастная страна, какой была тогда Франция. Война стала неизбежной.

5. Вторая половина Столетней войны необычайно похожа на первую. Можно подумать, что какое-то наваждение толкает Генриха V подражать кампании своего прадеда. Как и тот, он высаживается в Нормандии. У него всего 2500 рыцарей, их сопровождение и 8 тыс. лучников. Всего вместе со слугами и обозными не больше 30 тыс. человек. Несмотря на храбрую оборону Арфлера, большого арсенала Запада, он овладевает им, затем, отправив вызов дофину, решает двигаться в направлении Кале и пересечь Сомму через брод Бланш-Таш возле Креси. Это было дерзкое предприятие, но французское рыцарство оказалось разделено, и оно наверняка предоставило бы англичанам восемь дней, в которых те нуждались, чтобы достичь Кале. «Главное было не поднять против себя население по дороге. Поэтому король велел буквально исполнять указы Ричарда II о дисциплине: было запрещено под страхом виселицы насиловать, грабить церкви; под страхом обезглавливания было запрещено кричать: *„Havoc!“ („Грабь!“)*; та же кара грозила тому, кто обворует купца или маркитанта; следовало строго подчиняться капитану; требовалось становиться на постой лишь в указанном месте, за ослушание грозило тюремное заключение и потеря коня и так далее...» Обнаружив, что брод надежно охраняется, Генрих поднялся выше по течению и встретил французское рыцарское войско при Азенкуре. Произошла ужасная битва, где феодальная конница, очень храбрая, но ничему не научившаяся и совершенно забывшая уроки Дюгеклена, дала себя изрешетить лучникам и изрубить в капусту рыцарям английского короля. В этой битве (1415), одном из самых кровавых столкновений Средневековья, погибли 10 тыс. французов.

Неизвестный художник. Генрих V. Конец XVI в.

6. После этого Генрих стал хозяином Северной Франции благодаря предательству бургиньонов, которые открыли ему ворота Парижа. Он женился на Екатерине в церкви Сен-Жан в Труа и подписал там договор, по которому признавался наследником французского престола после смерти Карла VI и регентом в течение жизни этого короля. Он должен был править вместе с французским советом и сохранить все прежние обычаи. Его титул, пока жив Карл VI, должен быть: Генрих, король Англии и престолонаследник Франции. Но уже через несколько лет он умер в Венсенском лесу, возможно от дизентерии, оставив годовалого сына. Генрих V сохранится в памяти англичан великим королем; он привел их к новым победам и обладал несомненными личными достоинствами. Он был великодушен, куртуазен, искренне религиозен, целомудрен и верен своему слову. Он говорил мало и отвечал лишь: «это невозможно» или «это будет сделано». Его умеренность, замечательная в столь суровые времена, не мешала ему проявлять неумолимую жестокость, если казалось, что этого требуют интересы страны и короны. Как хорошими, так и дурными сторонами своего характера он нравился английскому народу. Но он, несомненно, был бы еще более выдающимся государственным деятелем, если бы отказался от искушения броситься в эту французскую авантюру, которая после большого успеха закончилась катастрофой.

7. Между двумя половинами Столетней войны симметрия полная. После Креси и поражения феодальной косности Франция выдвинула солдата-реалиста: Дюгеклена. После Азенкура она была спасена здравомыслием и верой Жанны д'Арк. Когда маленький Генрих VI в 1422 г., еще лежа в колыбели, стал королем Англии, партия французского дофина казалась проигранной. Его отец Карл VI умер через два месяца после своего врага; дядья маленького Генриха VI, герцог Бедфорд, регент Франции, и герцог Глостер, рассчитывали короновать его королем Франции в Реймсе, как только он будет способен произнести священные обеты; и они не видели, кто мог бы этому помешать. С 1422 по 1429 г. дофин Карл, без королевства, без столицы, без денег, без солдат, будет скитаться по нескольким провинциям, которые у него оставались. Его называли в насмешку «королем Буржа».

Да и был ли он дофином? Многие сомневались в законности его происхождения, в том числе и он сам. Бедфорд, хозяин севера Франции, предпринял завоевание центра страны и осадил Орлеан. Карл предполагал удалиться в Дофине. Казалось, что это конец.

8. И однако, владычество англичан во Франции было хрупким и искусственным. Созданное не реальной силой, а расколом среди французов, оно падет от первого же удара. История Жанны д'Арк — это одновременно удивительнейшее чудо в истории и самое разумное продолжение политических действий. План, который диктовали Жанне ее голоса, был прост и гениален: «Вдохнуть в дофина Карла уверенность в самом себе, освободить Орлеан, короновать его в Реймсе. Жанна за время своей короткой жизни (1412–1431) успеет совершить только эти три деяния, но и их хватит с избытком». После коронации Карла Генриху VI уже никогда не удастся стать

Битва при Азенкуре. Миниатюра «Хроники Св. Альбана» Томаса Уолсингема. XV в.

законным королем Франции. Впрочем, придя в движение, народ уже не сможет остановиться. Воодушевление, которое всколыхнули победы Жанны и Дюнуа, сострадание и ужас, которые вызвал суд над ней, и, наконец, ее мученичество пробуждают во Франции ненависть к захватчикам. Напрасно Бедфорд коронует Генриха в соборе Парижской Богоматери, напрасно бургундская партия и Сорбонна (следуя советам которой смогли осудить и сжечь Жанну) принимают маленького английского короля с пылкими изъявлениями преданности. Дофин расширяет территорию. Бургундский дом ссорится с англичанами. В конце концов и сам Париж изгоняет английский гарнизон. Нормандия освобождена. После смерти Карла VII (1461) у англичан остается во Франции только Кале, который они сохранят еще на 100 лет, как ла-маншский Гибралтар.

Осада замка во времена Столетней войны. Миниатюра «Хроник Англии» Жана де Ваврена. XV в.

9. Приятно отметить, что английские историки, считающие французскую победу в битве при Бувине удачей для Англии, согласны сегодня восхищаться и Жанной д'Арк, полагая, что она спасла Англию от деспотизма. Если бы не она, король Англии жил бы в Париже и, разбогатев на налогах, собранных во Франции, опираясь на французскую армию, отказался бы терпеть контроль со стороны своих подданных. Благодаря ей расстроилась опасная мечта о континентальной империи, которой так долго тешили себя английские монархи. Эти долгие годы борьбы породили и другие долговременные результаты. В обеих странах из столкновения с другим народом родилось национальное чувство — новая и сильная эмоция. Люди Руана и Орлеана, Буржа и Бордо, столь различные и так долго враждебные друг другу, тем не менее почувствовали между собой нечто общее, отличающее их от «годонов»[1]. А те в свой черед, несмотря на финальное поражение, хранили отныне воспоминание о великих делах, совершенных ими сообща. Тем не менее между Францией и Англией возникла нена-

[1] *Годоны* — прозвище, данное в Столетнюю войну англичанам; происходит от английского ругательства *«god damn!»*.

висть, которая просуществует с некоторыми перерывами до конца XIX в. и оставит в народных массах обеих стран неодолимое, передающееся по наследству недоверие.

X. Война Алой и Белой розы

1. Конец боевых действий во Франции заставил отхлынуть в Англию толпы солдат, привыкших к прибыльным грабежам и вполне готовых отдаться какому-нибудь делу, не важно какому — хоть дурному, хоть хорошему. Письма того времени полны убийствами, восстаниями, незаконными казнями, о чем рассказывается самым естественным тоном, как о чем-то неизбежном. Герцог Саффолк по пути в Кале вдруг видит, что его судно захватывают и обыскивают люди с неизвестного корабля, на борт которого переводят и его самого. Там герцога встречают словами: «Добро пожаловать, предатель!» — после чего спускают в лодку, где человек из команды без всякого суда отрубает ему голову 5–6 ударами ржавого меча. В 1450 г. общины Кента поднялись по призыву авантюриста Джека Кэда, который велел звать себя Мортимером и утверждал, что он потомок Эдуарда III. Этот авантюрист дошел до Лондона и был вынужден остановиться только из-за своей распри с горожанами, а напоследок, прежде чем убили его самого, велел обезглавить королевского казначея и шерифа Кента. И дворянство в те времена готово следовать за такими узурпаторами, потому что и сам король — всего лишь сын или внук узурпатора. Ланкастерские короли прекрасно это знают. Когда Генрих V, считая своего отца мертвым, уже положил руку на его корону, Генрих IV вдруг очнулся и прошептал: «Она еще не твоя и никогда не была моей...» Против слабого Генриха поднимается Эдуард, герцог Йоркский, ближайший наследник Эдуарда III, потому что происходит через свою мать от герцога Кларенса, тогда как Ланкастеры происходят всего лишь от младшего сына Эдуарда Джона Гонта. Вокруг Алой розы Ланкастеров и Белой розы Йорков начинают группироваться задиристые сеньоры, не имеющие другой политической цели, кроме как завоевать себе состояние с помощью победы своей партии.

Белая роза.
Эмблема династии Йорков

Алая роза.
Эмблема династии Ланкастеров

Неизвестный художник. Генрих VI. 1540

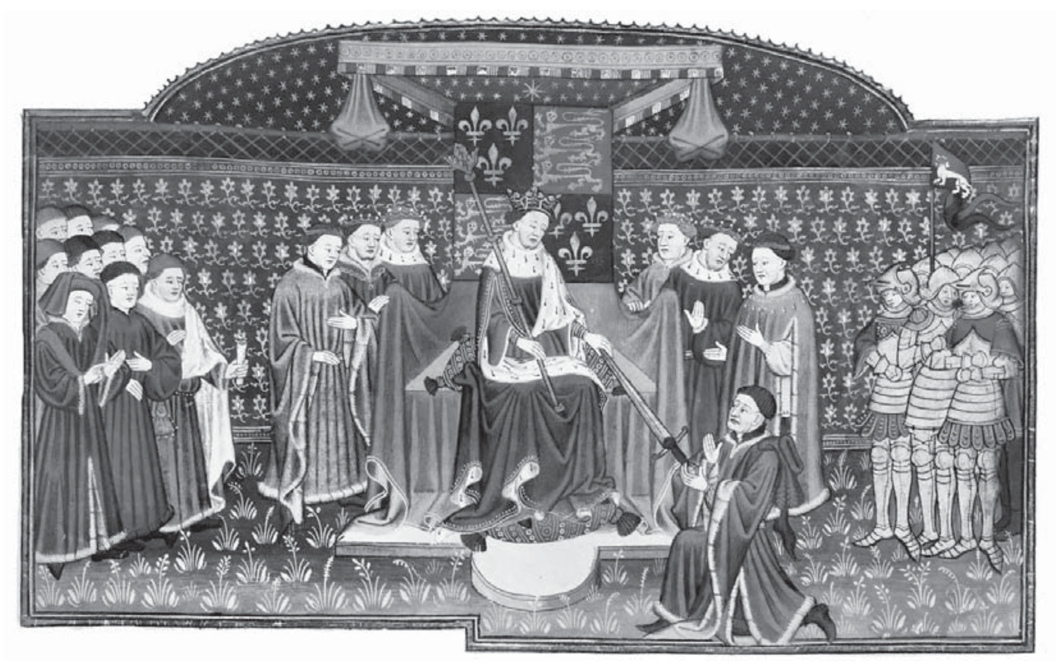
2. Эта грызня между собой амбициозных и алчных дворян пробудила мало интереса в стране. Жизнь продолжалась. Поля возделывались, урожай собирался; лондонская торговля развивалась. Только дюжина крупных баронов, их друзья и вассалы, а главное, шайки наемников принимают участие в сражениях. Им приходится проявлять осторожность и уважать во время своих боевых действий нейтралитет городов и деревень, потому что их население вооружено и многочисленно и наверняка поднялось бы против той или иной Розы, если бы его слишком разозлили. В битвах, где решается судьба престола, участвуют всего несколько тысяч человек. Это лишь подтверждает закат конницы. С обеих сторон в бою преобладают лучники, но мало-помалу человек, храброе животное, привыкает не бояться стрел. Бароны атакуют лучников и стараются завязать рукопашную схватку, где исход сражения решат секира или меч. Заодно эти битвы, несмотря на малое количество бойцов, делают изрядное кровопускание единственному классу, который в них участвует. После войны двух Роз английская знать не досчитается нескольких родов.

3. Несчастный Генрих VI не был создан для столь суровых времен. Совсем не глупый, но и совсем не король, он был скорее святым, а в делах этого мира — ребенком. Трудно вообразить себе более кроткое, более степенное и более слабое создание. В больших войнах своего царствования он был всего лишь сторонним наблюдателем, позволяя действовать Сомерсету и Йорку, а сам выходил на сцену только для того, чтобы занять место в кортеже или коронации. Живя среди людей, которые ненавидели друг друга, он помышлял лишь о том, чтобы примирить их. Женатый на фурии, Маргарите Анжуйской, он проявлял по отношению к ней исключительно терпение и любовь. Его единственными радостями было слушать мессу, изучать историю и богословие. Он испытывал отвращение ко всякой пышности и одевался как простой горожанин. Вместо остроносых башмаков, модных тогда у вельмож, он носил тупоносые, как у крестьян. Когда ему надо было облачиться в королевские одежды, он надевал их поверх власяницы. Перед

каждой трапезой произносил молитву, как монах, и, сидя за столом, всегда держал перед собой картинку с изображением пяти ран Христовых. Честерстон заметил, что эти слабые и благочестивые короли оставили после себя самые долговечные и прекрасные памятники. Эдуард Исповедник построил Вестминстерское аббатство, Генрих VI основал Итонскую школу (1442) и построил в Кембридже восхитительную часовню Королевского колледжа (King’s College Chapel). Расходы на них окончательно его разорили. Во времена, когда все, дворяне и купцы, обогащались, один король был в долгах. В 1451 г. ему пришлось занять деньги, чтобы отпраздновать Рождество, а на Богоявление из-за отсутствия кредита король с королевой не смогли пообедать. Этому наивному и словно не имевшему отношения к действительности государю предстояло стать легкой добычей жестоких и бессовестных рыцарей.

4. В 1453 г. у несчастного Генриха VI (который был внуком безумного Карла VI Французского) появились определенные признаки душевной болезни. Он не только потерял память и рассудок, но уже не мог ни ходить, ни стоять. Он не понял даже, что у него родился сын. Тогда его кузен Йорк при поддержке Уорика, могущественного магната, которого прозвали одно-

Генрих VI вручает меч Великого констебля Британии Джону Толботу, графу Шрусбери. Миниатюра. 1444–1445



временно Последним из Баронов и Делателем Королей, велел короновать себя в Вестминстере под именем Эдуарда IV. Кроткий Генрих был заключен в Тауэр, где, по утверждениям йоркских хронистов, с ним «обходились гуманно»; напротив, хронисты-ланкастерцы пишут, что его оставили в беспомощном состоянии и в невероятной грязи. «Вы не правы, — говорил он ласково своим стражникам, — что так бьете короля-помазанника». Потом размолвка Эдуарда IV с Делателем Королей вновь неожиданно вернула на трон Генриха VI, а вместе с ним и Алую розу. Наконец, Эдуард, победив Уорика, погибшего в битве, убил принца Уэльского и приказал убить самого короля. После столь основательной резни (1471) Эдуард IV процарствовал, не встречая особого сопротивления, до 1483 г. Он был полной противоположностью своего благочестивого кузена — настоящим властителем эпохи Возрождения, блестящим и циничным. Ему было не зазорно обхаживать жен своих купцов из Сити, а из-за его необычайной красоты они не были с ним жестоки. «Право слово, — сказала ему как-то раз одна богатая вдовушка, — ради твоей очаровательной мордашки ты всегда получишь свои двадцать фунтов». Король, не ожидавший получить и половины этой суммы, поблагодарил ее и поцеловал. После чего она дала ему еще 20 фунтов, «потому как считала, что поцелуй короля дороже драгоценностей». Благодаря крупным купцам и их женам Эдуард жил изо дня в день щедротами своих подданных. Но, надо полагать, и дарители ничего не теряли; полученные ими преимущества и монополии вполне позволяли им возместить свои издержки за счет множества покупателей, что было изобретательной формой косвенного налога.

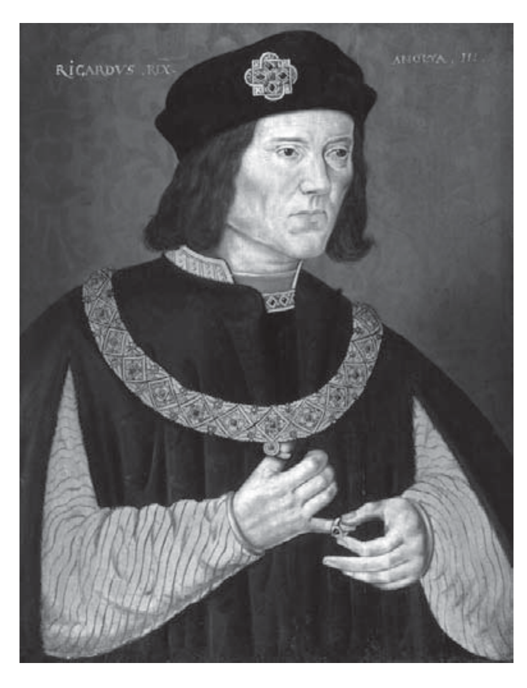
Неизвестный художник англо-фламандской школы. Эдуард IV. XV в.

5. Приход к власти дома Йорков нанес довольно серьезный удар по престижу парламента: ланкастерские короли-узурпаторы заискивали перед ним, а йоркские утверждали, что правят исключительно по праву наследования. Впрочем, палата общин к этому времени перестала реально представлять сообщества Англии. Вначале право голоса имел всякий зажиточный горожанин, плативший налоги. Но, подобно тому как обогащение крупных купцов

Битва при Барнете 14 апреля 1471 г. Гибель графа Уорика — Делателя Королей. XV в.

превратило гильдии в замкнутые сообщества, многие *бурги* купили у короны хартии, исключавшие из их числа новоприбывших. Теперь право выбирать представителей города имели только либо мэр и его советники, либо совет, образованный из самых богатых горожан. Так начался процесс, который на несколько веков превратит множество городков, избирающих

депутатов парламента, в «гнилые местечки», где круг избирателей настолько сузится, что их будет легко подкупить. Также, начиная с 1430 г., рыцари от графств избирались только *фригольдерами*, чья земля приносила по меньшей мере 40 шиллингов (примерно 20 сегодняшних фунтов). Многие прежде голосовавшие люди оказались, таким образом, лишены права голоса. И этому порядку было суждено просуществовать вплоть до избирательной реформы 1832 г. Он обеспечил законодательную власть немногочисленному классу, поскольку во время выборов наиболее влиятельные сеньоры оказывали энергичное давление на своих «ленников» и друзей. Вот что пишет в 1455 г. герцогиня Норфолкская Джону Пастону: «Поскольку по разным причинам Вашему лорду необходимо иметь в этот момент в парламенте своих людей, которые были бы к его услугам, мы желаем и просим Вас, чтобы по прочтении этого письма Вы отдали Ваш голос нашим горячо любимым и преданным кузенам Джону Говарду и сэру Роджеру Чемберлену, чтобы они были избраны рыцарями от шира. И призовите голосовать так же и всех остальных, которые благодаря Вашей мудрости смогут решиться на это». Такие рекомендации даются во все времена.



Неизвестный художник. Ричард III Йорк. Конец XVI в.

6. Эдуард IV оставил двоих малолетних сыновей, из которых старший должен был ему наследовать, но брат Эдуарда Ричард, герцог Глостерский, приказал убить своих племянников, после того как заключил их в лондонский Тауэр, и стал королем под именем Ричард III (1483). Шекспир нарисовал чудовищный портрет этого жестокого, храброго и блистательного горбуна. Хотя некоторые историки и пытались реабилитировать Ричарда III, похоже, верить приходится Шекспиру. Когда народ узнал о двойном убийстве в Тауэре, чувство возмущения, давно бродившее в душах англичан, уставших от гражданских войн и узурпаций, приняло более определенную форму. Казалось, представился шанс примирить обе Розы. Еще оставался один Ланкастер, Генрих Тюдор, герцог Ричмондский, болезненный подросток, из осторожности бежавший в Бретань, который через свою

Серебряный значок с изображением кабана, излюбленного символа Ричарда III, из раскопок на Босуортском поле. XV в.

мать Маргариту происходил непосредственно от Джона Гонта. Если бы этот Генрих смог жениться на Елизавете Йоркской, дочери Эдуарда IV, это объединило бы оба дома. Ричард, поняв опасность, пытался помириться с горожанами, созвав парламент и замыслив самому жениться на своей племяннице. Но вскоре Генрих Тюдор, отплыв из Арфлера, высадился в Милфорд-Хейвене (Milford Haven) с 2 тыс. солдат, английских беженцев и бретонских авантюристов. Уэльс объявил, что тоже встает за него, потому что Тюдоры были валлийцами. Генрих встретился с Ричардом на Босуортском поле (1485). Судьбу битвы решили лорд Стэнли и крупные сеньоры из Ланкашира, поддержавшие Генриха, потому что Стэнли был женат вторым браком на его матери. Ричард храбро бросился в гущу схватки, сразил многих противников, но был убит. Корона, которая была при нем в битве и упала в кусты, была найдена после боя и возложена лордом Стэнли на голову своего пасынка, который стал Генрихом VII. «Так мы примиряем Алую и Белую розы. Пусть небо, которое долго со злостью взирало на их распри, улыбнется этому счастливому союзу. Англия долго безумствовала и калечила сама себя... О! Пусть же сегодня Ричмонд и Елизавета, законные наследники двух королевских домов, соединятся с благословенного согласия Божия». Этот брак был заключен в следующем году. Война Роз завершилась.

XI. Англия в конце Средних веков

1. Каковы же были в XV в. уже сформировавшиеся черты английского национального характера? Хотя Столетняя война закончилась для англичан неудачей, в воспоминаниях она казалась им славной. Все ее сражения были даны на чужой территории. Только несколько городов на побережье видели врага во время коротких налетов. Отныне английский народ считает себя неуязвимым на своем острове и презирает остальные нации. «Англичане спесивы, — пишет Фруассар, — и, разумеется, не могут себя принудить ни к дружбе, ни к союзу с чужестранными нациями, а в самой Англии нет более опасного люда под солнцем, нежели ее ремесленники». Эта гордыня подкреплена богатством страны. А оно поражает в то время всех посетивших ее путешественников. «Это богатство больше, чем у любой другой страны

в Европе», — говорит венецианский посол. Когда мы читаем у Чосера описание кентерберийских паломников, то представляем, каким был, наверное, в Англии XIV в. достаток всех классов. Мужчины и женщины одеты в добротные ткани, часто одежда оторочена мехом. У Чосера *франклин (franclin)* — мелкий сельский собственник, неотесанный эпикуреец, жизнелюб, чей винный погреб не уступит самым лучшим, у кого на столе никогда нет недостатка ни в жирных куропатках, ни в щуках, «и горе его повару, если соусы хорошо не приправлены!». На серебряной посуде ткача и красильщика красуются их гербы. Эти ремесленники — люди, которые однажды будут заседать как советники под сводами Гилдхолла, лондонской ратуши (Guildhall), это буржуа, чьих жен величают *мадам*, и те надевают в церковь наряды, достойные королевы. Сэр Джон Фортескью, проживавший во время Войны Алой и Белой розы во Франции изгнанником, пишет, что был удивлен бедностью французских крестьян: «Они пьют воду, едят яблоки с ржаным хлебом; никакого мяса, разве что изредка немного сала, требухи или голов животных, убитых для дворян и купцов... Таковы, — заключает Фортескью, страстный почитатель парламента, — плоды абсолютной власти».

2. Но еще больше, чем богатством, англичане гордятся своей относительной свободой. Горделивый Фортескью в 1470 г. воздает хвалу английским законам: «А как им не быть хорошими, если все они являются произведением не одного человека и даже не сотни советников, но трехсот с лишним избранных людей? Впрочем, даже если бы по случаю они оказались плохи, их вполне можно улучшить с согласия всех сословий королевства... В Англии воля народа — это первейшее из того, что ее оживляет, посылая свою кровь в голову и во все члены ее политического тела». Он торжествующе противопоставляет свободу англичанина, который платит только принятые его представителями налоги и может быть судим только с соблюдением процедуры, и принуждения, которым подвергается французский подданный, вынужденный покупать соль с уплатой *габели*, платить произвольно назначенную *талью* и кого «бросают в мешке в Сену» без всякого суда, если государь сочтет его виновным. На самом деле Фортескью преувеличивает. Насколько известно, жертвы Ричарда III отнюдь не были защищены законными процедурами. Но правда и то, что даже сам Ричард не осмелился бы взимать налог без согласия парламента, тогда как во Франции со времени ордонанса Карла VII, добившегося в 1439 г. от Генеральных штатов принятия прямого налога на содержание армии (той самой *тальи*), удалось сделать этот налог постоянным. Отныне его преемники определяли ее размер, не созывая штаты.

3. Почему же такие различия между этими двумя народами? 1. *Потому что задача французских королей была гораздо сложнее, чем задача королей английских*, которые стали хозяевами всей страны со времен нормандского завоевания и в XII в. смогли навязать местным сеньорам своих разъездных судей и законы общего права. Французский народ, жестоко страдавший от независимости крупных феодалов и иностранных вторжений, был готов открыть королю широкий кредит власти, лишь бы он поддержал порядок и защитил границы. Во Франции, континентальной стране, враг был близок, а потому требовалась постоянная армия. В Англии свобода народа ослабляет короля, но зато море покрывает его ошибки и слабости. 2. *Потому что каждый человек в Англии является сам по себе солдатом и полисменом*. *Йомен*, лучник или боевой слуга во время войны, в мирное время — не кто иной, как мелкий английский землевладелец. И король, чтобы навязать свою волю таким людям, уже не располагает войсками. «Королю, их государю, приходится, — говорит весьма шокированный Фруассар, — приказывать по их слову и подчиняться их воле, ибо если он начнет им перечить и от этого случится зло, то зло одержит верх». Со времени Карла VII король Франции располагает маленькой армией (15 рот латников, так называемых *жандармов*[1], и легкой кавалерии — *шеволежеров*[2]), а также сильнейшей артиллерией того времени. Во французских деревнях нет никакого ополчения. Со времен созданного Карлом VII ополчения «вольных лучников» и вплоть до Национальной гвардии солдат-гражданин у нас всегда был неудачным опытом. Так что во Франции постоянная талья обеспечивала жалованье армии, а постоянная армия — взимание тальи. Король Франции не так часто нуждался в Генеральных штатах, а потому созывал их как можно реже. Впрочем, если бы он созывал их чаще, то дворянство, духовенство и третье сословие передрались бы между собой и уничтожили друг друга. Смешение богатых купцов и мелкого дворянства, составляющее в Англии силу палаты общин, было немыслимо во Франции XV в. Впрочем, даже в самой Англии понадобится более сильная монархия, чтобы покончить с насилием и неравенством. Английский народ, страдавший от анархии во время Войны Алой и Белой розы, ближе к концу века тоже призывает относительный деспотизм, но его король будет по-прежнему соблюдать формальности. Идея об ограниченной монархии крепко укореняется в английских умах.

4. Необузданность в Англии отнюдь не является привилегией феодалов. Эти англы и саксы всегда отличались грубыми нравами. Некоторая привычка к хорошим манерам позже будет сдерживать эту грубость, но, скрываясь

[1] *Gens d'armes (фр.)* — досл. «вооруженные люди, вооруженная свита».
[2] *Chevaux légers (фр.)* — досл. «легкие кони».

Обед при дворе Джона Гонта, герцога Ланкастерского.
Миниатюра «Хроник Англии» Жана де Ваврена. XV в.

под церемонностью, она доживет до наших дней. Сэр Джон Фортескью считает ее похвальной, даже когда она ведет к преступлению. «В Англии, — говорит он гордо, — за вооруженные грабежи и убийства в один год повешено больше людей, чем во Франции за те же преступления за шесть. Если англичанин беден и видит другого человека, имеющего богатства, которые можно отнять у него силой, он не упускает случая это сделать, разве что сам не совершенно честен». Чосер рисует нам ужасный портрет такого *йомена*: «...ражий и рыжий детина, плечистый мужлан с мечом на боку, не слишком покладистый с виду». Насилие в Средние века смягчалось двумя силами: рыцарской куртуазностью и религиозной любовью к ближнему. Но в XV в. даже те, кто читает рыцарские романы и основывает благотворительные учреждения, не стесняются ни грабить слабых, ни бить своих жен. Семейные нравы суровы, и к браку относятся как к сделке; отец продает свою дочь, пока та не повзрослеет настолько, чтобы протестовать. Зато после свадьбы женщины берут реванш. У Чосера матрона из Бата сообщает нам, как они обходятся со своими мужьями: с вечной смесью кокетства, безнравственности и жестокости. В некотором отношении удел женщин того времени, особенно вдов, был даже лучше, чем сегодня в некоторых

странах. Они могли заниматься любой коммерцией, состоять в гильдии, становиться, как мужчины, шерифами или главными констеблями *(High Constables)*. Они путешествовали одни, присоединялись к паломникам и жили, как и те. Маргарет Пастон руководила самыми важными делами своего мужа, и он нахваливал ее осторожность.

5. Переписка семейства Пастон показывает нам, что образование тогда было довольно распространено среди обоих полов. Стоит только мужу и жене разлучиться, как они начинают писать друг другу. Долгое время мальчики и девочки воспитывались вместе. Потом короли основали отдельные школы для мальчиков. Это время первых *Public Schools*: Винчестера и Итона. Разговоры паломников Чосера дают благоприятное представление о среднем уровне культуры мужчин и женщин XIV в. Даже те, кто не знает латыни, упоминают к месту имена Цицерона и Сенеки, а порой и Вергилия с Данте. Они свободны от многих суеверий и насмехаются над теми, кто боится сновидений: «Все знают, что сны порождены дурными выделениями тела и избытком желчи». Вместе с Чосером (1340–1400) англосаксонская литература с первых же своих шагов достигла совершенства, с которым сравняются, но никогда не превзойдут. Одним из последствий Столетней войны было укоренившееся предубеждение против французской литературы, которая стала литературой вражеской страны. Высшие слои общества желали появления великого англосаксонского писателя и нашли его в Чосере. А тот, как и позже Шекспир, познал все стороны жизни: жил при дворе Эдуарда III, был послом во Флоренции, в Риме и даже депутатом в Вестминстере. Так что он был превосходно подготовлен к тому, чтобы нарисовать полную и живую картину Англии своего времени. В глазах историка самым важным из его произведений являются знаменитые «Кентерберийские рассказы». Паломники, которые направляются к раке с мощами святого Томаса Бекета в Кентербери, собираются в пресловутой харчевне «Табард Инн» (Tabard Inn) в Саутворке, чтобы не идти в одиночку по ненадежным дорогам. Описание группы паломников, истории, которые они рассказывают друг другу, чтобы скоротать время путешествия, и образуют поэму Чосера, которая, как и произведения Шекспира, наполнена очень близкой нам человечностью. Великие художники помогают нам понять, что, даже если меняются декорации и нравы, человеческие страсти остаются почти неизменными.

6. Примерно в то же время условия самой жизни начинают приближаться к привычным для нас. В течение всего Средневековья жилища богатых классов были укреплены, построены так, чтобы выдержать осаду и разместить солдат. Начиная с XIV в. рыцари и крупные купцы желают владеть

Поэт Томас Хокклив преподносит книгу королю Генриху V. Миниатюра. Около 1410

домами за городом, устроенными скорее для удовольствия, а не для защиты. Количество покоев в них растет. Хозяева и слуги перестают есть в одном и том же зале. Новое помещение, своего рода гостиная, позволяет принимать посетителей не в спальне. Там имеется камин, который можно топить углем, застекленные маленькими квадратиками стекол окна в глубоких нишах, под которыми в камне вырублены скамьи, покрытые подушками. На стенах — драпировки, картины; на полу испанский ковер. Постель с периной импортирована из Франции, и этот предмет настолько ценен, что его оставляют по завещанию любимому ребенку или тому из супругов, кто пережил другого. Каждый из этих домов располагает садом с регулярной планировкой, который огражден стенами или подстриженными живыми изгородями и засажен цветами, лекарственными или пряными травами, разными видами салатов. По узким дорожкам, посыпанным песком и уставленным скамьями с густым и мягким, словно бархат, травяным покрытием, прогуливаются дамы в невероятных головных уборах. Пышность нарядов была тогда настолько велика, что вызвала появление законов против роскоши. Еще один признак богатства: страна покрывается церквями, и каждая деревня стремится перещеголять другую, украшая свою церковь драпировками и статуями. Однако дома бедняков и даже средних классов остаются примитивными. Мельник у Чосера удовлетворяется всего одной комнатой для себя, своей жены, дочери, младенца и двух завернувших к нему кембриджских студентов.

7. К концу XV в. в домах появляются первые напечатанные книги. Книгопечатание скорее удовлетворяет потребность, нежели создает ее. Эта эпоха немного напоминает нашу, потому что доступ к культуре получил целый новый класс читателей. В такие периоды возникает постоянный спрос на книги, популяризирующие знания. Наше время требует научных изданий, энциклопедий, биографий. Читатель XV в. хотел благочестивых книг, грамматик, стихотворных хроник, переводов великих латинских писателей.

Каждый *сквайр* имел тогда свою библиотеку манускриптов. Мы располагаем описью библиотеки Джона Пастона (времена Эдуарда IV); там указана всего одна печатная книга. Книгопечатание было завезено в Англию Кэкстоном (1422–1491), который познакомился с его принципами в Кёльне. Он основал близ Вестминстера настоящее издательское предприятие, выпускавшее прекрасные книги, которые легко находили сбыт. Эдуард IV был человеком образованным и покровительствовал ему. Изобретение книгопечатания, популяризируя богословие, подготовило Религиозные войны, подобно тому как изобретение радио способствует в наши дни распространению политических страстей.

8. Было бы искусственным проводить слишком четкую границу между Средневековьем и Возрождением. Как и некогда Римская империя, средневековая цивилизация умирает медленно. Однако конец XV в., когда печатный пресс Кэкстона заменяет монастырских переписчиков, когда английский язык соперничает с латинским, когда буржуа богатеет, а рыцарь уступает ему, когда пушка пробивает брешь в крепостной стене, когда купец освобождается от опеки гильдии, верующий — от опеки духовенства, а крепостной — от помещика, и в самом деле является переходной эпохой. Общество, на протяжении многих веков сохранявшее свое величие, движется к упадку; на смену ему идет другое, и еще никто не знает, каким оно будет. Англия в 1485 г. готова к благополучию; богатство ее фермеров и ремесленников, зрелость ее умов поражают всех тех, кто ее тогда наблюдает. Ей не хватает только сильного правительства. И вопреки всем ожиданиям, его даст ей молодой Генрих Тюдор и его потомки.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ТЮДОРЫ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО МОНАРХИИ

Генрих VII происходил от Эдуарда III через ветвь от третьего брака Джона Гонта, герцога Ланкастерского. В 1485 г. он оказался единственным наследником дома Ланкастеров и объединил его с домом Йорков, женившись на Елизавете, дочери Эдуарда IV.

I. Генрих VII

1. Важность событий почти всегда ускользает от тех, кто был их свидетелями. Солдатам, видевшим вечером после битвы, как лорд Стэнли возложил корону на голову своего пасынка Генриха Тюдора, этот жест наверняка показался лишь одним из ярких эпизодов той нескончаемой войны. Однако они присутствовали при окончании целой эпохи и олицетворявшего ее общества. Еще в течение пятнадцати лет будут появляться претенденты, но они ни разу не пошатнут престол Генриха VII. Стабильность тем более удивительная, что новый король вовсе не был воином. Об этом грустном, серьезном и задумчивом человеке сложились две легенды. Первая, созданная при жизни самим Генрихом, представляла короля отстраненным и таинственным созданием, он уже не был, подобно другим средневековым государям, первым рыцарем среди равных, но существом особенным — монархом. Вторая, легенда историков, будет описывать короля алчным и недоверчивым, этаким английским Людовиком XI, который накопил, обобрав дворянство, огромные богатства. Был ли Генрих VII на самом деле так жаден до денег? То, что он оставил после себя огромное состояние, около двух млн фунтов, несомненный факт. Он скрупулезно, как буржуа, вел учетные книги: «За проигрыш короля в карты: девять фунтов... За потерю мячей в теннисе: три шиллинга... Моему шуту за сочиненную песню...» Хоть это и точные подсчеты, но отнюдь не счета скряги. Роскошь двора, красота драгоценностей, фиолетовых бархатных нарядов, отороченных золотым атласом, поражали миланских и испанских послов. Похоже, истина в том, что первый из Тюдоров любил деньги потому, что деньги после падения феодального общества стали новым знаком силы. В XVI в. бедный король был слабым королем, покорным своему дворянству и парламенту. Генрих VII и его дети

не зависели ни от того, ни от другого. Не имея другой постоянной армии, кроме 150 телохранителей, они будут более чем уважаемыми — почитаемыми государями. Надо объяснить механизм этой необычайной прочности.

2. Из-за Войны Алой и Белой розы крупные вельможи если и не были уничтожены, то изрядно сократились в количестве. В парламент Генриха VII созвано всего лишь 29 светских лордов, и их влияние в стране, похоже, ослабело. Общественные институты рождаются, когда в них возникает необходимость, и умирают, когда становятся бесполезными или опасными. После падения Римской империи и хаоса вторжений защиту территории и осуществление правосудия в отсутствие сильной центральной власти худо-бедно обеспечивали феодальные сеньоры. Потом успех нормандских и анжуйских королей лишил эту воинственную аристократию ее главных функций. Она долго находила для себя занятие в завоевательных экспедициях, то в Уэльсе или в Шотландии, то в Нормандии, Аквитании или во Фландрии. В конце XV в. образование в Испании, а потом во Франции больших государств, более сильных, чем маленькая Англия того времени, не давало воинственным дворянам никакого шанса на континентальную авантюру. Им не осталось другого применения, кроме как сражаться друг с другом. Война Алой и Белой розы произвела двойной эффект: отвратила горожан и крестьян от всякой феодальной вольницы и ослабила остатки англо-нормандской знати. Кто же мог унаследовать ее власть? Парламент? После первых блестящих шагов он тоже растерял за время смуты весь свой престиж. Палата общин могла быть свободно избрана, только если центральная власть защищала избирателей от вмешательства местных сеньоров. Одна лишь фигура короля могла соединить феодальное и парламентское правление. Несостоятельность дворянства и общин уступала место монархии.

3. Чтобы разоружить остатки высокородных вояк и их банд, короли династии Тюдоров опирались на три новых класса: *джентри*, *йоменов* и купцов. Джентри — это совокупность сельских *джентльменов*. Слово *jentleman*, которое начинает употребляться в царствование Елизаветы, отнюдь не имеет смысла французского слова *jentilhomme* (дворянин). Можно быть джентльменом, не имея дворянского звания и даже не владея феодальной землей. Класс *джентри* включает в себя как потомка рыцаря, так и богатого купца, бывшего мэра своего города, который покупает землю, чтобы удалиться туда на покой, или известного адвоката, ставшего землевладельцем; его рамки определяются количеством земли — теми самыми 20 фунтами поземельного дохода, которые некогда делали собственника земли рыцарем,

Объединение Алой и Белой розы: Елизавета Йоркская и Генрих VII.
Акварельная копия портретов XVI в. была выполнена в конце XVIII в.
Сарой Молден, графиней Эссекс

а в XVI в. позволят ему стать мировым судьей. Мелкую аристократию по праву рождения сменяет мелкая аристократия по праву богатства, чья роль в государстве сравнима с той, что играли во Франции средние классы во времена Луи Филиппа, но которая при этом остается сельской аристократией. Между *сквайрами*, которые ее формируют, и пэрами королевства нет никакой непроницаемой преграды. Наследники пэров входят в палату общин и оказываются там на равной ноге с сельскими *джентльменами*.

4. *Йомены* тоже землевладельческий класс, который стоит ниже джентри, но выше бывшего виллана. Он включает в себя людей, располагающих по меньшей мере 40 шиллингами дохода, которые требуются, чтобы войти в суд присяжных или принять участие в выборах на территории своего графства, но не дотягивающих до 20 фунтов, которые сделали бы из них джентльменов. Однако, чтобы стать йоменом, не обязательно владеть собственной землей. Йоменами могут быть и копигольдеры, и даже фермеры. Бэкон определяет *yeomanry* как промежуточный класс между джентльменами

Неизвестный художник. Генрих VII и его семья
под покровительством св. Георгия. Около 1505–1509

и крестьянами; Блэкстоун — как класс деревенских избирателей (в отличие от джентри, класса избираемых). Эта прослойка, *йоменри*, которая в XVI в. будет состоять примерно из 160 тыс. англичан, образует костяк страны и ее войск. Уже по этому видно, что структура Англии и тут отличается от структуры континентальных государств, где, кроме дворян, лишь очень немногие владеют землей. Эти йомены были лучниками в Столетнюю войну. Они не боятся ни работать своими руками, ни сражаться. «Они образуют в составе нации очень весомый экономический, политический и социальный элемент».

5. В начале XVI в. английские купцы еще не занимают в мире то место, которое займут позже. Некоторые из них, *merchant adventurers*, полупираты-полуфрахтовщики, будут продавать свои ткани вплоть до России и составят на Средиземном море конкуренцию Венеции и Генуе, однако в завоевании новых миров Англия не играет никакой роли. Когда военные успехи ислама, перекрыв средиземноморский путь в Индию, вынудили европейцев XV в. пуститься в великие морские авантюры, чтобы найти новый путь к богатствам Востока, одни лишь португальцы и испанцы разделили между собой открытые земли. Кто тогда мог подумать, что Англии, маленькой сельскохозяйственной и пасторальной стране, суждено создать колониальную империю? Однако один человек предвидел, что «будущее его народа — на воде», и это был Генрих VII. Он, насколько мог, поощрял мореплавание. На свои собственные средства построил большие корабли, *Marie-Fortune* и *Sweepstake,* и сдал их в аренду купцам. Около 1500 г. основным военным кораблем на Средиземном море оставалась галера, хотя торговым судном был парусник; в Англии же, наоборот, торговые и военные суда долго не различались между собой. Это происходило отчасти из-за того, что в океане галера никогда не была слишком надежна, а отчасти потому, что англичане, народ практичный, хотели во времена мира располагать для торговли всем своим флотом. Когда же начиналась война, плотники по королевской реквизиции возводили на носу и корме кораблей надстройки («замки») для войск. В XV в. эти надстройки становятся постоянными. Генрих VII был одним из первых, кто расположил пушки на борту своих кораблей; он создал арсенал в Портсмуте, финансировал такие предприятия, как экспедиция Кабота, который в поисках восточных пряностей обнаружил треску у острова Ньюфаундленд. Своим «Навигационным актом» он запретил перевозить вина из Бордо на иностранных судах, и если сегодня вместимость английских судов определяется в *тоннах*, то это в память о множестве бордоских бочек — *tonneaux*. Короче говоря, Генрих VII, судя по всему, понял, что борьба за внешние рынки станет одной из форм большой политики; и поддержка, которую он оказал военно-морскому и торговому флоту, привязала к нему городских купцов, особенно лондонских.

6. Опираясь на три сильных класса: джентри, йоменов и купцов, король смог смирить последних крупных баронов. Зная, что провинциальные суды присяжных робеют в присутствии своих бывших господ, он стал отзывать опасные дела в *прерогативный* суд, выделив его из своего совета. Его называли еще судом Звездной палаты, из-за украшений на потолке в зале, где проходили заседания. При Генрихе VII смертные приговоры были

довольно редки. «Он проливал больше золота, чем крови», но заставлял уважать законы. Однажды, посетив графа Оксфордского, он был встречен множеством ливрейных лакеев, хотя новый закон запрещал знати держать такие полчища слуг, которые легко превращались в солдат. Уходя, Генрих VII сказал своему гостеприимцу: «Милорд, благодарю вас за отличное угощение, но я не потерплю, чтобы в моем присутствии нарушались мои же законы. Теперь с вами побеседует мой судебный обвинитель». Граф Оксфордский был рад отделаться штрафом в 10 тыс. фунтов. Эти антирыцарские методы были суровы, но здравы, а Звездная палата часто выполняла полезную работу. Однако сам принцип прерогативных судов, лишавших обвиняемого преимуществ суда присяжных, был порочен и противен свободам королевства; это отчетливо видно при Стюартах, когда они становятся инструментами тирании.

7. В политике, как и в правосудии, Генрих VII отправил законность на каникулы. За время его царствования парламент созывался всего 7 раз. И кто бы тогда вздумал жаловаться? Из-за хаоса недавней гражданской войны любой конституционный конфликт решался в пользу короны. Правда, король правил только при помощи своего совета, но этот совет не был (подобно советам нормандских королей) представительным собранием магнатов и прелатов. Новые советники были обученными в университетах сыновьями буржуа. Многие семьи, которые будут потом веками участвовать в управлении Англией, — Кавендиши, Сесилы, Сеймуры, Расселы — сделали свои первые шаги в канцеляриях Тюдоров. Теперь уже не воин основывает знатный род, но высокопоставленный чиновник. Личному служителю короля наследует государственный секретарь.

Мы располагаем протоколами заседаний этого Малого совета. По ним видно, какой скрупулезной была работа этой администрации, так похожей на семейное дело. Например, 6 июня 1592 г. совет занимается неким Томасом Принсом, школьным учителем, который высказывался против государственной религии. Было решено написать судье его графства и спросить, стоит ли возбуждать обвинение... Совет приказывает джентльмену, владельцу луга, по которому проходит бечевая тропа, починить ее... Разрешает мяснику забивать животных во время поста для кухонь посольства Франции... Предусматривается все. Если в Портсмут прибывают войска, совет пишет мэру с просьбой озаботиться их продовольствием. Потому что государственной бюрократии не существует. Двор и король могут править, только используя в графствах и городках плотную сеть местных органов управления.

II. Местные органы управления во времена Тюдоров

1. Одно из важнейших различий между французской и английской историей — это развитие во Франции иерархии чиновников, которые зависят от центрального правительства и оплачиваются им; в Англии же местными органами управления руководят добровольцы. Естественным побуждением короля Тюдора было воспользоваться тем, что уже существует, и разрешать новые проблемы, обратившись к прежним органам. Что же остается в деревнях от старинного народного собрания саксов, *folkmoot,* после нескольких веков феодализма? Больше всего напоминает эту древнюю ассамблею приходское собрание. В XIII в. священникам удалось добиться от верующих, чтобы те платили за починку церкви, за книги и священническое облачение, на что прежде приходилось брать деньги из десятины. Чтобы распоряжаться этим маленьким бюджетом, прихожане назначали нескольких представителей. Церковный староста (ктитор, или *churchwarden*), законный хранитель имущества прихода, покупал культовые сосуды, вино для мессы, священнические ризы и ливрею для *церковного сторожа*, который с жезлом или кнутом в руке отгонял от церкви собак и пьяниц; ризничий *(sexton)* копал могилы, убирался в церкви, зажигал свечи; приходский клерк (причетник) вел счета, делал прочие записи и звонил в колокола. Приходские поступления складывались из доходов с принадлежавших приходу земель или стад и церковного сбора *(church-rate)*, установленного церковным советом и пропорционального земельным владениям каждого.

Генрих VII издает указ о создании богаделен в Вестминстере. Миниатюра. 1504

2. Когда в XVI в. (по причинам, которые мы укажем) остро встала проблема бедняков, короли Тюдоры приняли за основу организации помощи неимущим именно приход. Каждый год на Пасху он назначал четырех «надзирателей за бедняками», которые вместе с церковными старостами собирали пожертвования. Спрашивали у всех прихожан, что они из милосердия готовы давать для бедняков каждую неделю. Вначале суммы пожертвований определялись

совестью каждого; тех же, кто отказывался давать, вызывали к епископу, а иногда препровождали в тюрьму. Потом, когда количество бедняков выросло, пришлось отдавать обязательную сумму. В принципе, единственным ответственным за бедняков стал каждый приход. Не имевшим средств к существованию было также строжайше запрещено ходить от деревни к деревне. Подавать милостыню бродяге считалось правонарушением. Если того хватали, то пороли, а в случае рецидива ставили на плечо клеймо раскаленным железом в виде буквы «V», чтобы его можно было опознать. Второй рецидив карался смертью. Опасный бродяга, *rogue*, клеймился буквой «R», кроме тех случаев, когда он мог, доказав, что умеет читать, сослаться на «привилегию духовенства», и тогда ему ставили клеймо на большой палец. После чего этих несчастных, должным образом выпоротых и заклейменных, отсылали назад в их родной приход, назначив им максимальный срок на обратную дорогу. Таковы были обычаи. Приход не мог потерпеть, чтобы на его территории обосновались неимущие семьи, чьи дети однажды могли бы оказаться на его попечении. Ребенок, взятый на прокорм за пределами деревни родителей, часто, во избежание дальнейших неприятностей, отправлялся властями «кормящего» прихода обратно. «Так родная деревня становилась для каждого человека тюрьмой».

3. Однако люди XVI в. признавали, что общество обязано предоставить какие-никакие условия для жизни своим увечным и немощным, старикам, слепцам и безумцам. Закон 1597 г. гласит, что на необработанных землях в каждом приходе должны быть построены приюты для увечных и немощных, что «надзиратели за бедняками» должны обеспечить их запасом материалов (железо, дерево, шерсть, пенька), дабы дать работу безработным, и, наконец, чтобы детей бедняков брали туда учениками. Многие богачи строили тогда для бедняков бесплатные дома *(Alms houses)*, которые сегодня кажутся нам очаровательными, поскольку та эпоха знала толк в красоте. Закон требовал, чтобы каждый такой коттедж окружало по меньшей мере 4,5 акра земли, что позволяло обитателям возделывать свой сад, выращивать собственную пищу. Неимущим старикам приходы должны были платить пенсию, размер которой варьировал от 4 пенни до 1 шиллинга в неделю. Если из-за количества увечных и немощных нагрузка на приход становилась невыносимой, случалось, что более богатый приход получал приказ помочь соседнему. Но принцип *местного* призрения прижился, и центральное правительство в оказании помощи никогда не участвовало.

4. Человек, которому в каждом приходе было поручено арестовывать и пороть бродяг, следить, чтобы ссоры не перерастали в драки, препятствовать незаконным играм и вообще принуждать к соблюдению королевского мира,

Здание богадельни в Честере. Середина XVII в.

был полицейским-любителем, избираемым на один год, которого называли *petty constable* (буквально «малый коннетабль»). Должность *констебля* была учреждена в XIII в. Эдуардом I для инспектирования оружия, обеспечения охраны деревень и преследования преступников. Этот несчастный гражданин проводил тяжелый год, поскольку отвечал за спокойствие в своем приходе. Если бродягу задерживал не констебль, а кто-то другой, констебля подвергали штрафу за пренебрежение своими обязанностями. Если же он сам арестовывал преступника, ему часто приходилось держать его у себя дома, потому что во многих деревнях не было тюрьмы, а потом доставить его в суд графства. Опять же именно он должен был сажать в колодки *(stocks)* деревенских жителей, виновных в мелких правонарушениях. Когда бродягу отправляли в приход, откуда тот был родом, констебли всех приходов на его пути должны были следить за этим путешествием. Человек нашего времени, привыкший к тому, что подобные миссии поручают профессиональной полиции, плохо представляет себе, как в те времена их

могли выполнять из года в год выборные поселяне, но надо думать, что это старая английская традиция: ведь в каждой деревне всегда проживало довольно много бывших констеблей, а те всегда были готовы направлять новичка и при необходимости оказать ему помощь. Наконец, во время ежеквартальных судов графства констебль учился на живых примерах и набирался опыта в беседах со своими коллегами. Конечно, случались и злоупотребления, и тиранство на местах; нечто подобное описал Шекспир. Но можно представить себе, какую стабильность давала стране эта вековая привычка населения поддерживать порядок своими собственными силами.

5. Как *йомен* (мелкий землевладелец) призывался исполнять роль констебля или заседать в суде присяжных, так и *сквайр* (или *джентльмен*) должен был исполнять роль мирового судьи. Мировой судья не избирался, его назначали и сменяли по воле короля. Он был связующим звеном между приходом и графством. В приходе, где он был также собственником имения или замка, его уважали как самого влиятельного человека в деревне. Четыре раза в год он заседал в главном городе графства вместе со своими коллегами (это называлось *quarter sessions*) и судил там самые разнообразные дела, в том числе и административные. Про мирового судью говорили, что «у Тюдоров он прислуга за все», и в самом деле его роль была так велика, что становится понятно, почему английской деревне даже в смутные времена начиная с XVI в. удалось избежать анархии. Ослабление «головного мозга» имело не такое уж большое значение, если периферические нервные узлы обеспечивали правильные рефлексы. Мировой судья — великолепный и сложный персонаж; он был уполномоченным центральной власти и при этом представителем местной власти, независимой от правительства; он играл сразу несколько ролей, которые сегодня исполняли бы разные функционеры, но имел такой практический опыт управления областью, каким не мог обладать ни один чиновник. Между умирающим феодализмом и нарождавшейся бюрократией он представлял собой неистощимые силы Англии. Вначале было только 6 судей на графство; позже их число увеличилось (38 в 1635 г. в Северном Ридинге). Во время пребывания мировых судьей в главном городе графства они получали 4 шиллинга в день; когда дело требовало расследования на месте, суд поручал это двум мировым судьям, и один контролировал другого. Выше их стоял главный шериф графства *(High Sheriff)*, назначаемый на год. Мелкие правонарушения разбирались на малых сессиях *(Petty Sessions)*, на которые собирались только соседние мировые судьи. Таким образом, каждый приход жил под присмотром мирового судьи, к которому констебль доставлял правонарушителей. Несмотря на значительные заботы, с которыми была сопря-

жена должность мирового судьи, ее весьма добивались. Стать мировым судьей было почетно, и это считалось самым очевидным признаком влиятельности человека в своей провинции. Как и в любой человеческой деятельности, эффективность тут зависела от достоинств занимающего эту должность человека, но похоже, что в своем большинстве мировые судьи были достаточно разумными администраторами.

6. Можно представить себе жизнь деревни во времена Тюдоров. В центре изящная постройка из серого камня, окруженная садом за кирпичной оградой. Это жилище сквайра, который является также мировым судьей. Церковь часто построена в его парке. Общинные поля еще существуют и дают много работы констеблю, потому что там множатся конфликты и кражи. На неделе все работают, потому что не работать — правонарушение. По воскресеньям люди должны упражняться в стрельбе из лука и учить этому своих детей, но это уже всего лишь докучливый пережиток. Поселяне предпочитают другие забавы, которые констеблю приходится запрещать. Так что они укрываются в пивных *(ale houses)*, где во внецерковные часы пьют и играют. Ходить по воскресеньям в церковь обязательно, и тех, кто пренебрегает богослужением, наказывают штрафом в пользу бедняков. Все поступки под надзором. Обозвать женщину колдуньей — серьезное правонарушение, поскольку для нее последствия могут быть ужасными. Нескольких старух заподозрили в том, что те сглазили животных и людей. К счастью, мировые судьи пожимают плечами и воздерживаются сжигать всех колдуний, которых к ним посылают.

7. Горизонт деревни очень узок. Ни один человек не осмеливается покидать приход без уважительной и законной причины. Странствующие актеры могут передвигаться, только имея разрешение, подписанное двумя мировыми судьями. Из-за чего к ним относятся как к бродягам, то есть секут и клеймят. Студенты университетов, пускаясь в дорогу, должны запастись подорожной грамотой, подписанной в их колледже. Житель деревни так занят полевыми работами и многочисленными общественными обязанностями, что у него нет времени думать о чем-нибудь другом. Однако теперь ему заметна роль центральной власти. Ведь это от имени короля с церковной кафедры или у креста на рынке провозглашают новые указы. Йомены отправляются в город на ежеквартальные сессии; мировые судьи получают поручения от самого короля; лорд-лейтенант, наместник графства, часто ездит в Лондон и знаком с министрами. В каждой деревне исподволь формируется живая ячейка большого организма, который станет государством.

III. Английские реформаторы

1. Вместе со средневековым политическим строем при Тюдорах меняется и его интеллектуально-духовный аппарат. Нет ничего любопытнее, чем влияние на Англию итальянского Возрождения и немецкой Реформации. Уже определились национальные черты. Чувственность великих итальянцев, их страстная любовь к статуям и картинам, пробуждение интереса к языческой Античности, проповеди, где христианские добродетели защищаются исключительно цитатами из Сенеки и Горация, слишком человечные папы-гуманисты — все это поражает молодых англичан, которые с восхищением приезжают послушать Савонаролу или Марсилио Фичино. В Англии, как и в остальной Европе, Платон во времена Генриха VII побеждает Аристотеля; в XVI в. схоластические тонкости Средних веков вызывают такое презрение, что прозвище Дунса Скота — Тонкий Доктор (Doctor Subtilis), некогда синонима мудрости, порождает слово *dunce* — невежда. Но в английских университетах эрудиты пользуются своим знанием греческого не столько для подражания поэтам, сколько для толкования Евангелия. Италия для них — «объект восхищения и отвращения». На всем протяжении своей истории англичане, хоть и тянущиеся к средиземноморской цивилизации, распознают в этой тяге дьявольское искушение. Италия примет бунтарей и творцов, вдохновит Чосера, но шокирует среднего англичанина. «Итальянизированный англичанин — воплощенный дьявол», — гласит расхожее высказывание XVI в. Впрочем, этот средний англичанин далек как от итальянской чувственности, так и от немецкой свирепости. Грубый и прямолинейный гений Лютера страшит эрудитов Оксфорда и прельщает только молодых людей из Кембриджа или «бедных священников», лоллардов. Первым оксфордским реформаторам хотелось бы исправить ошибки Римской церкви, но они даже не помышляют о том, что христианин может ее покинуть. Некоторые из тех, кто будет распространять новую мудрость, такие как Томас Мор, позже умрут за католическую церковь.

2. Джон Колет, одновременно выдающийся латинист и богатый буржуа, лучше любого другого представляет это поколение. Он был сыном лорд-мэра Лондона сэра Генри Колета, который в день рукоположения своего сына даровал ему большие бенефиции. Джон Колет продолжил учебу в Оксфорде, читал Платона и Плотина и около 1493 г. совершил поездку по Франции и Италии. Там он лучше стал понимать писания Отцов Церкви, чью философию предпочитал схоластике, которую все еще преподавали в Оксфорде. Вернувшись в свой университет, этот молодой тридцатилетний человек начал читать курс лекций о Посланиях святого Павла, привлекший толпы восторженных студентов. Джон Колет толковал оригинальный

Неизвестный художник.
Портрет Джона Колета. Копия XVII в.
с оригинала XVI в.

текст Посланий к коринфянам и римлянам «так, словно разъяснял письма ныне живущего человека к его друзьям». Он говорил о характере апостола Павла, сравнивал описанное им римское общество с тем, которое показывают тексты Светония, прибегал к греческим текстам, современным святому. Можно вообразить себе удивление аудитории, не знавшей всех этих исторических аспектов религии и полагавшей по большей части, «что Новый Завет был написан на латинском языке Вульгаты». Молодой профессор сразу же обрел огромную известность. Священники приходили к нему за консультациями; он их ободрял, комментировал для них свои лекции. Наверняка церковное начальство не считало его опасным, поскольку он был назначен деканом собора Святого Павла. Когда умер его отец, оставив ему большое состояние, он потратил его на то, чтобы создать в Лондоне школу Святого Павла, где латинскую и греческую филологию изучали 153 молодых человека. (Почему 153? Это количество рыб в «Чуде о рыбной ловле»[1]; студенты этого учебного заведения еще и сегодня носят брелок в виде серебряной рыбки.) Любопытный факт, который прекрасно характеризует человека и его время: Колет доверил распоряжаться завещанным имуществом не декану собора Святого Павла и его капитулу, не Оксфордскому университету, но почтенной компании лондонских галантерейщиков. Как и королевская администрация, церковная ученость любила опираться на английских купцов. Программа школы была тщательно составлена основателем. Там должны были преподавать не только средневековый *тривиум*: диалектику, грамматику и риторику, но также греческий, латынь и английский. «Неудивительно, — писал Колету его друг Томас Мор, — что ваша школа поднимает такие бури, поскольку она подобна деревянному коню, в котором вооруженные греки спрятались для разрушения варварской Трои». Странно было то, что строители *этого* деревянного коня падения Трои не желали.

[1] Ин. 21: 11.

Ганс Гольбейн-младший.
Портрет Томаса Мора. 1527

3. Самый замечательный из друзей и приверженцев Колета, Томас Мор был одновременно крупным сановником и выдающимся писателем. Его «Утопия» — лучшая книга того времени. Мор придумал слово *Утопия* (место, которого нет), как позже Шарль Ренувье придумает свою *Укронию*. Нет ничего интереснее, чем познакомиться с мечтой о будущем этого Уэллса XV в. Мор был враждебен к военной славе, желал смерти рыцарскому духу, предвещал коммунизм, презрение к золоту, обязательный для всех, но ограниченный 9 часами в день труд, хулил монашеский аскетизм и верил в превосходство человеческой природы, — в общем, в его Утопии были разрешены все религии, а само христианство не пользовалось никакими привилегиями. Часто сравнивали теоретические идеи Мора с его практической жизнью и удивлялись, как этот пророк терпимости мог стать нетерпимым канцлером, а потом мучеником. Но создать воображаемую страну и руководить страной реальной — два занятия, не имеющие между собой ничего общего. У свободной мысли иные потребности, нежели у действия.

4. Реформировать Церковь не насилием или гонениями, но разумом и знанием, дабы превратить во вселенскую, — вот цель Джона Колета, Томаса Мора и их друга Эразма. Фигура Эразма — лучший символ этого движения. Хотя Эразм родился в Голландии, он гораздо более европеец, нежели голландец. Он едва знает нидерландский язык, говорит и пишет на латыни; его книги переведены на все языки. Его интеллектуальный авторитет признан и Карлом V, и Франциском I, и Генрихом VIII, которые оспаривают его друг у друга. Его престиж в Европе гораздо выше, чем позже будет у Вольтера, и выше, чем у любого человека нашего времени. Его «Беседы», *Colloques,* разошлись 24 тыс. экземпляров — небывалый тираж для латинской книги в столь малонаселенной и малообразованной Европе. В ту эпоху дружеские связи между гуманистами всех стран легко устанавливались благодаря общему языку — латыни. Свою «Похвалу Глупости» Эразм на-

писал у Томаса Мора в Кембридже, где готовил большое издание Нового Завета с латинским и греческим текстами. Нигде, кроме Англии, у Эразма не было такого круга единомышленников, в котором он бы так легко себя чувствовал: «Когда я слушаю своего друга Колета, мне кажется, будто я слышу самого Платона... И у кого более человечная, более пленительная натура, чем у Томаса Мора?» Тем не менее он считал, что во всех этих англичанах, на его вкус, многовато святости. Томас Мор, изгонявший из своей Утопии всякую суровость, в этом мире носил власяницу, а посетив епископа Джона Фишера, Эразм восхитился его библиотекой, но проклинал ее сквозняки.

Лукас Кранах-старший.
Портрет Эразма Роттердамского. 1530–1536

5. Самой большой ошибкой, которую можно совершить в отношении первых английских реформаторов, — это счесть их провозвестниками движения, враждебного католицизму. Они просто предлагали реформировать нравы и дух духовенства. Но им предстояло встретиться с таким мощным напором мнений, что он увлек их последователей гораздо дальше, чем они сами желали. Англия XVI в. отнюдь не была антирелигиозной; она была антиклерикальной. Один епископ говорил тогда, что, если бы Авель был священником, любой суд присяжных в Лондоне оправдал бы Каина. Былые упреки — в отношении церковных судов, богатства монахов, роскоши епископов — оставались в силе. Слишком далекая папская власть жертвовала английскими интересами ради тех континентальных монархов, которые в силу большей близости к Святому престолу оказывали на него более непосредственное влияние. Английским королям и государственным деятелям было больно видеть, что некоторая часть их суверенитета оказывалась делегированной иноземной державе, которая почти ничего о них не знает. Наконец, со времен Уиклифа по стране распространялся ползучий лоллардизм. На складах купцов, в тавернах университетских городов со страстью читали и комментировали английскую версию Библии. Под влиянием Уиклифа в средних английских классах возникали кружки аскетической и индивидуалистической морали,

Ганс Гольбейн-младший. «Утопия» Томаса Мора. Гравюра к изданию 1518 г.

чье пламя позже вспыхнет и взметнется очень высоко. Учение Лютера найдет тут аудиторию, уже готовую его воспринять, более того, и аскетизм Кальвина тоже.

6. Царствование Генриха VII (1485–1509) благоприятствовало развитию знаний и идей реформаторов, потому что оно было мирным царствованием. За эти двадцать четыре года произошло мало значительных событий. Но выдающиеся монархи, как и крупные государственные деятели, часто умеют, подобно первым из Тюдоров, окружать свои имена зоной молчания. Так что не только благодаря счастливому стечению обстоятельств в правление таких людей не случается ни одного серьезного инцидента. При первых шагах новой династии или нового общественного строя благоразумие требует спокойствия. Если Тюдоры смогли так прочно утвердиться в стране, если местные органы власти стали столь сильны, что смогли заменить собой прежние, феодальные, благодарить за это следует ту четверть века внутреннего и внешнего спокойствия, которую подарил стране еще до драматичных царствований своего сына и внуков их осторожный и таинственный предшественник.

IV. Генрих VIII (1509–1547)

1. Мода формирует государей так же, как она вводит в обиход костюмы и руководит нравами. Великому королю Средних веков надлежало быть куртуазным, рыцарственным, суровым и набожным; выдающийся государь эпохи Возрождения распутен, образован, великолепен и часто жесток. Генрих VIII обладал всеми этими качествами, но на английский лад, то есть его распутство оставалось в рамках брака, образованность ограничивалась скорее теологией и спортом, великолепие

Неизвестный художник английской школы. Портрет Генриха VIII в юные годы. Около 1509

не нарушало требований хорошего вкуса, а жестокость была легально оправдана. Так что, несмотря на свои преступления, он остался в глазах подданных популярным королем. Еще и сегодня английские историки защищают его. Серьезный епископ Стаббс говорит, что портреты его жен, быть может, если не оправдывают, то объясняют поспешность, с которой он хотел от них избавиться. Профессор Поллард вопрошает, почему же было особенно серьезным грехом иметь шесть жен: «Является ли число шесть запретным? У последней супруги Генриха VIII, Екатерины Парр, было четверо мужей, а у ее родственника, герцога Саффолка, четыре жены, и никто их этим не попрекал. А впрочем, что ставят в упрек Генриху VIII, если не то, что он женился на женщинах, которых любил? Он мог бы, никого не шокируя, иметь и больше шести любовниц. У Генриха Наваррского их было сорок, и его репутация ничуть от этого не пострадала, даже наоборот». Это правда, но Генрих IV никогда не отправлял на плаху ни Прекрасную Коризанду, ни Габриэль д’Эстре.

2. Когда в 1509 г. Генрих VIII наследовал своему отцу, ему было восемнадцать лет. Это был красивый атлет, весьма довольный собой (он был очень горд, когда венецианский посол сказал ему, что его икры лучше вылеплены, чем у Франциска I), превосходный лучник, чемпион по теннису, искусный наездник, загонявший 10 лошадей за день охоты. У него был вкус к литературе, одновременно богословской и романтической; он сочинял стихи, перелагал на музыку свои собственные гимны и «божественно» играл на лютне. Эразм, знавший Генриха еще ребенком, был поражен его рано созревшим умом. Новые гуманисты находили в нем друга. Он призвал Колета в Лондон и назначил его проповедником двора, сделал Томаса Мора сначала придворным вопреки его воле, потом канцлером и просил Эразма

принять кафедру в Кембридже. Необходимо добавить, что он был весьма набожен и что именно его оксфордские друзья, при всем своем реформаторстве, утвердили его в уважении к католической религии. Как бы удивительно это ни казалось, он всю свою жизнь пытался успокоить угрызения и страхи «своей совершенно средневековой совести».

3. Вскоре после своего восшествия на престол король женился на Екатерине Арагонской, вдове своего брата Артура и дочери короля Испании Фердинанда V[1]. Он ее не выбирал и не любил; это был политический брак. Для Англии того времени, второразрядной державы, союз с Испанией был честью и гарантией. Так что когда преждевременная смерть Артура разрушила этот союз, совет, желая сохранить Екатерину королевой, упросил Генриха принять ее в качестве жены. Однако каноническое право воспрещало браки между деверем и невесткой; пришлось добиваться папской буллы (1503) и доказывать, что первый брак Екатерины фактически не состоялся. Нашли свидетелей, готовых в этом поклясться, и в день своего бракосочетания с Генрихом Екатерина носила косы распущенными. Все эти факты будут иметь значение позже, когда король захочет с ней развестись. В начале своего царствования Генрих лично совсем не правил, оставив всю власть министру, которого сам себе назначил, «Томасу Уолси, сыну богатого мясника из Ипсвича, которого папа по просьбе короля сделал кардиналом». Главными чертами «этого малого из Ипсвича» были властолюбие и тщеславие. *«Ego et rex meus» («Я и мой король»)*, — писал он часто иностранным монархам. «Правильная грамматика, неправильный протокол». Его дом был достоин короля; в нем было более 400 слуг, 16 капелланов, свои собственные певчие. Чтобы основать в Оксфорде Кардинальский колледж (который после этого стал называться колледжем Церкви Христовой (Christ Church college) и заставить всех восхищаться его щедростью, этот архиепископ не постеснялся ограбить монастыри. Когда папа Лев X сделал его не только кардиналом, но и папским легатом в Англии, Уолси объединил в своих руках всю гражданскую и церковную власть. Даже монахам и нищенствующим братьям, хотя они и не были подчинены светской власти, пришлось повиноваться этому римскому легату. Он также приучил англичан к новой и удивительной идее: объединению в одном человеке духовной и мирской власти. Упиваясь собственным могуществом, Уолси стал относиться к Риму надменно и даже пренебрежительно, утверждал, что купил Священную коллегию и благодаря этому подкупу станет папой, и угрожал Церкви расколом, если его не изберут. Такие угрозы подгото-

[1] Фердинандом V он был только как король Кастилии; как король Арагона — Фердинандом II и как король Сицилии и Неаполя — Фердинандом III.

вили английских католиков к разрыву с Римом, хотя ни Уолси, ни его господин не могли и представить себе, что этот разрыв на самом деле возможен. Когда появились «пропозиции» Лютера, король сам написал опровержение, за которое удостоился от папы титула «защитник веры» (1521).

Неизвестный художник.
Портрет Екатерины Арагонской.
Копия XVIII в. с оригинала 30-х гг. XVI в.

4. Внешняя политика была любимой игрой Уолси. В то время на континенте, как и в Англии, из феодальной борьбы рождались сильные монархии. Если бы одна из них, Франция или Испания, одержала верх над всеми прочими и стала господствовать в Европе, как бы это сказалось на положении Англии? Ее естественной ролью должно было стать поддержание равновесия сил, «баланса могущества». Эта мобильная, а по сути своей непостоянная политика, которая могла показаться вероломной, поначалу удалась: Франциск I и Карл V соперничали друг с другом за союз с Генрихом VIII. В «Златопарчовом лагере» короли Франции и Англии устроили такую демонстрацию пышности, с которой уже ничто и никогда не могло сравниться. На следующий день после этой встречи Уолси приготовил другую, между своим государем и императором. Кардинал довел свое двуличие до того, что велел перехватить собственные депеши, чтобы получить контрприказ от имени короля. Отправил на международную конференцию посла, снабженного взаимоисключающими инструкциями, одну часть которых тот должен был тайно показать испанцам, другую — французам. Долго притворяясь, будто благоволит союзу с французами, Уолси в конце концов выбрал императора, потому что этого требовали английские купцы. Прекращение торговли с Испанией и Нидерландами разорило бы торговцев шерстью и суконщиков. Но коммерция — плохой дипломатический советник. Пожертвовав Франциском I, Англия нарушила баланс сил в пользу Карла V. После битвы при Павии (1525) император, властитель Испании, Италии, Германии и Нидерландов, стал хозяином Европы. В частности, папа оказался от него в полной зависимости, что косвенным образом повлечет за собой падение Уолси.

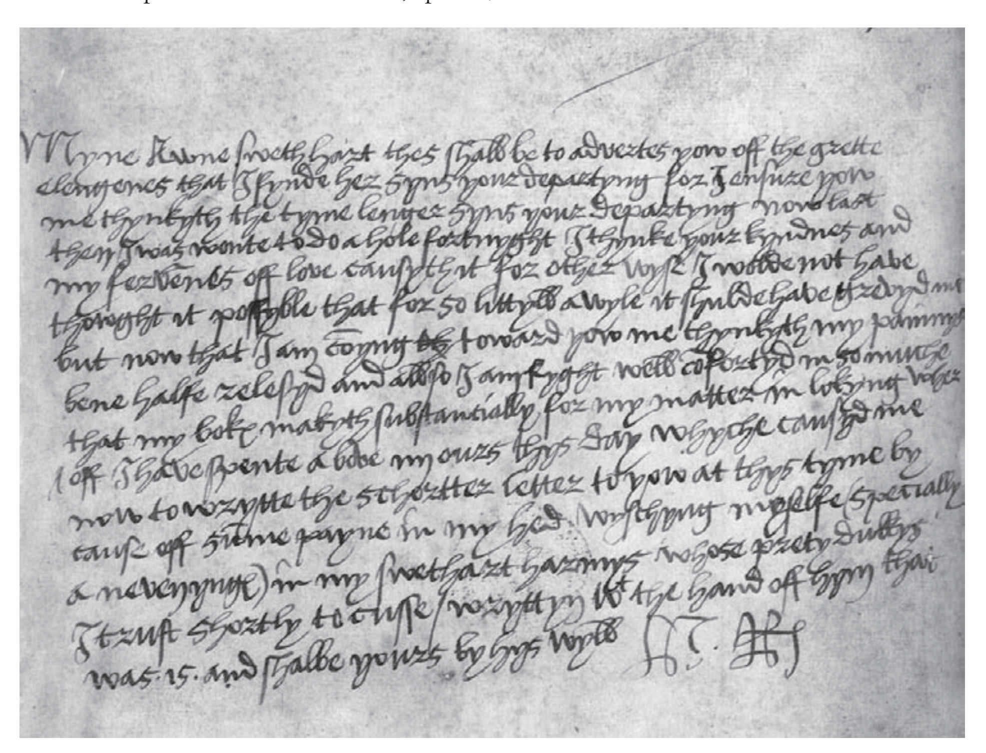
Неизвестный художник.
Портрет Анны Болейн. 1533–1536

5. Было бы несправедливостью по отношению к Генриху VIII объяснять его развод и разрыв с Римом одной лишь любовью к темно-синим глазам Анны Болейн. Король мог легко заполучить Анну Болейн и не обещая ей брака, но требовавшая разрешения проблема была сложнее. Похоже, чтобы избежать повторения в стране Войны Алой и Белой розы (а ужасные воспоминания об этой анархии были еще совсем свежи), королевской чете был необходим сын. Однако Екатерина после многих выкидышей произвела на свет только дочь Марию (родилась в 1516), и состояние ее здоровья уже не позволяло надеяться, что она сможет иметь других детей. Возможно ли было рассматривать Марию Тюдор в качестве наследницы? Престол в Англии *передавался* и через женщин — сам Генрих VIII получил его благодаря своей матери. Но единственная женщина, которая со времени нормандского завоевания действительно *царствовала*, была Матильда (дочь и наследница короля Генриха I), а девятнадцать лет последовавшей за этим смуты представляли собой не слишком ободряющий пример. Интересы династии и страны требовали сына. Король, пылко желавший этого сына, начал задумываться, не проклят ли его брак. Было ли законным разрешение на него, полученное от папы? Крайне суеверный Генрих VIII склонялся к тому, чтобы усомниться в этом. Однако он все еще колебался по поводу развода. Екатерина была теткой императора, а Генрих VIII надеялся, что Карл V женится на Марии, и это было бы блестящим союзом. Но когда король Испании вопреки своим обещаниям выбрал себе женой португальскую инфанту, король Англии счел, что ему больше незачем с ним миндальничать.

6. Так что Генрих, влюбленный в Анну Болейн, совсем молодую, кокетливую и очаровательную женщину, пожелал жениться на ней, чтобы получить законного наследника, а заодно стал искать средство избавиться от Екатерины Арагонской, своей первой жены. Гражданского развода тогда не существовало, а впрочем, он был и ни к чему набожному королю; ему надо было выпросить в Риме отмену своего брака. Казалось, что этого легко

добиться, поскольку прежде в подобных делах, когда речь шла о монархах, папа проявлял безграничную снисходительность. Впрочем, на крайний случай существовал еще один пригодный повод для аннулирования, тот, из-за которого поначалу не соглашались на брак Генриха с Екатериной, ведь она была женой его брата. Правда, папская булла объявила их брак законным, но не может ли другая булла вернуть свободу тем, кого предыдущая булла соединила? И нельзя ли утверждать после нового расследования, что брак Екатерины и Артура отнюдь *не был* таким уж «белым»? Распространился слух, что у короля возникли сомнения насчет законности его брака и серьезные угрызения совести из-за того, что он все еще остается незаконно женатым. Уолси было поручено договориться с папским двором, но он сразу же встретил противодействие того, в ком религиозности не было ни на грош, — Карла V, который, будучи хозяином Рима, не позволял, чтобы жертвовали интересами его тетки Екатерины и его кузины Марии. Однако папа хотел удовлетворить Генриха и послал в Англию легатом кардинала Кампеджо, который должен был вместе с Уолси разобрать случай. Король уже посчитал, что проблема разрешена, но тут Екатерина, воззвав к Риму, добилась, чтобы папа отозвал это дело на рассмотрение собственного суда. На сей

Письмо Генриха VIII к Анне Болейн, хранящееся в библиотеке Ватикана. Около 1527–1529


Myne awne swethart thes shalbe to advertes yow off the grette
elengenes that I fynde her syns your departyng for I ensure yow
me thynkyth the tyme lenger syns your departyng now last
then I was wonte to do a hole fortnyght I thynke your kyndnes and
my fervents off love causyth it for other wyse I wolde not have
thowght it possyble that for so lyttyl a whyle it shulde have grevyd me
but now that I am comyng ~~to~~ toward yow me thynkyth my paynes
bene half relesyd and allso I am ryght well comfortyd in so muche
that my boke makyth substantially for my matter in lokyng wher
off I have spente above iiii owrs thys day whyche causyd me
now to wrytte the shortter letter to yow at thys tyme by
cause off some payne in my hed wyshyng myselfe (specially
an evenyng) in my swethart's armes whose prety dukkys
I trust shortly to kysse / wrytten with the hand off hym that
was, is, and shalbe yours by hys wyll H. R.

Письменный прибор, принадлежавший Генриху VIII. Около 1525

раз король был так раздражен, что положение Уолси стало опасным. Как и все амбициозные люди, кардинал имел врагов. На него пало обвинение в *praemunire* (а стало быть, в измене), потому что он, хоть и будучи англичанином, согласился стать папским легатом и разбирать в иностранных судах дела, находящиеся в ведении королевского правосудия. Абсурдное обвинение, поскольку сам король разрешил и даже приветствовал это назначение. Но кардинал не нашел защитников; ему пришлось лишиться всего своего имущества, и он избежал казни только благодаря болезни. Люди не перестают нас удивлять: после смерти этого амбициозного человека на его теле под одеждой обнаружили власяницу.

7. Сэр Томас Мор не без тревоги заменил Уолси на посту лорд-канцлера, но он был вторым из двух человек, которые тогда оказывали наибольшее влияние на ум короля; их выбрали потому, что они привносили в это дело о разводе немного надежды. А первым был Томас Кранмер, тот самый прелат, который однажды сказал королевскому секретарю Гардинеру: «Королю совершенно незачем продолжать дело в Риме, ему достаточно добиться от нескольких почтенных богословов заверений в недействительности своего первого брака, и тогда он сможет, без всякого зазрения совести и ничего не опасаясь, взять на себя моральную ответственность за то, что снова женится». Обрадованный король велел пригласить этого хитроумного человека к отцу Анны Болейн и начал, следуя его совету, консультироваться с университетами. Богословы, как и судьи, умеют подгонять тексты под обстоятельства. В случае с богословами Оксфорда и Кембриджа для желаемого результата хватило их немного «припугнуть и улестить»; Парижский университет был благосклонно настроен к Генриху, потому что ненавидел Карла V, а университеты севера Италии последовали за Сорбонной. Вскоре король смог представить парламенту мнения восьми ученых сообществ, единодушно утверждавших, что брак с вдовой покойного брата был недействителен и что сам папа не был правомочен допускать это исключение. Членов парламента попросили сообщить эти факты в своих избирательных округах и описать всем угрызения совести короля. А король и в самом деле чувствовал враждебность страны к его разводу. Когда он проходил по улицам, народ кричал ему, чтобы он не трогал Екатерину,

а женщины еще более дерзко высказывались об Анне Болейн. Но время шло. Анна ждала ребенка; требовалось, чтобы это был желанный наследник и, следовательно, чтобы он родился в браке. Кранмер, человек покладистый и гибкий, был назначен архиепископом Кентерберийским и тайно обвенчал короля в январе 1533 г. На Пасху о бракосочетании было объявлено, Анна коронована, а Генрих отлучен от церкви. Это был разрыв с Римом.

V. Церковный раскол и гонения на несогласных

1. Этот разрыв не был бы таким грубым, если бы Генрих VIII не слушал других советников, кроме Томаса Мора и Кранмера. Мор, человек высоких убеждений, согласился бы с благоразумной и умеренной реформой; Кранмер, слишком слабый, чтобы быть по-настоящему скверным, затеял бы переговоры и выгадывал время. Но Томас Кромвель был Нарциссом при этом Нероне, Яго при Отелло. Приземистый, квадратный, некрасивый, жесткий человек со свиной физиономией, полузакрытыми глазками и злобным ртом, он начинал жизнь в Патни (Putney) как торговец шерстью и суконщик; потом пребывание во Фландрии и Италии научило его крупной коммерции, новой политике и сделало пылким читателем итальянских политиков. По возвращении он стал одним из любимых слуг кардинала Уолси. Кромвель не был ни щепетилен, ни религиозен. Соперничающие теологии были ему также безразличны, но его покорило учение о государственной необходимости. Как только он встретил короля, он посоветовал ему последовать примеру немецких князей, которые порвали с Римом. В Англии больше не должно быть двух государей, двух судебных и двух налоговых систем. Раз папа отказывается подтвердить развод с Екатериной, надо не смиряться, а подчинить Церковь себе. Генрих VIII презирал Кромвеля; он никогда не звал его иначе как «чесальщиком шерсти» и грубо с ним обращался, однако он пользовался его ловкостью, угодливостью и силой. За несколько лет *чесальщик шерсти* стал главой Государственного архива *(Master of the Rolls)*, лордом-хранителем Малой печати *(Lord Privy Seal)*, генеральным викарием Церкви, лордом — великим камергером, рыцарем, бароном и графом Эссекским.

2. Ограбление Церкви было вполне легальным. Генрих VIII постарался соблюсти парламентские процедуры, а парламент Реформации, заседавший семь лет (1529–1536), одобрил все чрезвычайные меры, которые ему предложила корона. Сначала духовенство было извещено о том, что оно, как и Уолси,

нарушило статут *praemunire*, согласившись признать этого кардинала в качестве легата. Во искупление сего преступления духовенство должно было заплатить штраф в 2 млн фунтов, предоставить королю титул защитника и верховного главы Церкви, отменить *аннаты (annatæ)*, или «первые плоды» церковных бенефициев, которые до этого платились папе. Потом парламент принял последовательно статут «Об обращениях», который запрещал обращения к Риму, «Акт о супрематии», который делал короля «единственным и высшим главой Церкви в Англии», отдавал в его руки как духовную, так и светскую юрисдикцию и предоставлял ему право реформировать, исправлять ошибки и подавлять ереси, и, наконец, «Акт о наследовании», который отменял первый брак, лишал родившихся в нем детей всех прав на корону в пользу отпрысков Анны Болейн и обязывал всех подданных короля поклясться, что они верят в религиозную обоснованность развода. Можно, правда, задаться вопросом, как католический парламент мог принять эти законы, совершавшие раскол и где папа именовался всего лишь «епископом Римским». Надо думать, что особа и воля короля были необычайно почитаемы, что давно нарождавшийся английский национализм плохо уживался с иноземной юрисдикцией, что папство представало то союзником Испании, то Франции, что даже, помимо национального чувства, сильное антиклерикальное предубеждение требовало хоть и не уничтожения Церкви, но отмены церковных судов и конфискации монастырских богатств, наконец, что новые классы, которые становились живыми силами нации и не знали латыни, с изобретением книгопечатания научились читать, что белое духовенство стало столь же многочисленными, как и черное, и что многие из них хотели иметь молитвенник и Библию на английском языке, подобно тому как они заменили «Роман о Розе» «Кентерберийскими рассказами». Английская Реформация вовсе не была капризом короля, но религиозной формой островного и языкового национализма.

3. У Церкви возрастом 10–12 веков крепкие корни, и самый могущественный король не может вырвать их без некоторого сопротивления. Однако епископы и прочие священнослужители, за отдельными исключениями, проявили странную податливость. Они и сами уже давно были заражены царившим вокруг них национализмом. Английские прелаты были скорее политическими, а не церковными деятелями. Палата лордов, в которой они заседали, безропотно приняла все реформы. «Все это высшее духовенство было проникнуто своего рода преангликанством». Что касается низшего духовенства, очень бедного, то ему казалось безопаснее приобщиться к чиновническому сословию; оно уже было обработано лоллардами и всегда лишь с сожалениями принимало безбрачие священников. Когда же

их всех привели к присяге, когда не признавать «целомудренный и святой брак Анны и Генриха» стало изменой, равно как и не отречься от «епископа Римского, присвоившего себе имя папы», почти все священники присягнули. Но канцлер сэр Томас Мор и выдающийся епископ Фишер отказались отречься от своей католической веры. Оба были обезглавлены: епископ — читая перед смертью Евангелие от Иоанна: «Сия же есть жизнь вечная...» (Ин. 17: 3), Мор — заявив у подножия эшафота, что умирает «верным служителем короля, но в первую очередь Бога». Головы этих двух великих людей гнили на остриях при входе на Лондонский мост. Комедия с разводом обернулась чудовищной трагедией. Монахов в большом числе вешали, потрошили, рубили на куски. В нескольких графствах католики, придя в ужас от рассказов об этой резне, восстали, но были побеждены. Рим отлучил от церкви Генриха VIII, но какое значение имел этот приговор для короля, который сам порвал с Церковью? Требовались санкции; папа попытался добиться, чтобы их применили католические монархи Франциск I или Карл V, но оба отказались из опасения поссориться с Англией, страной, в которой они нуждались для своих дипломатических комбинаций. Так что, огражденный от гнева папы раздорами католических королей, почитаемый своим парламентом, осыпаемый похвалами своей национальной Церкви, Генрих VIII мог и дальше безнаказанно оскорблять человечество.

4. Отказ монахов принести присягу преисполнил радостью Кромвеля, который давно замышлял разорить их. В Англии

Герлах Флике.
Портрет Томаса Кранмера,
архиепископа Кентерберийского. 1545

Ганс Гольбейн-младший.
Портрет сэра Томаса Кромвеля,
графа Эссекс. 1532–1533

Неизвестный художник. Генрих VIII с супругой Джейн Сеймур и принцем Эдуардом. Около 1545

было 1200 монастырей, располагавших огромными владениями. Конфисковав их имущество, ликвидаторы и государь могли обогатиться. Народная нелюбовь к монахам, распространенные легенды об их пороках были таковы, что никто не стал бы их защищать. Эти легенды были преувеличениями, а по большей части и откровенной ложью, что стало особенно

заметно после роспуска монастырей, поскольку фермеры, прежде арендовавшие землю у монахов и так часто проклинавшие их, крепко пожалели о своих бывших хозяевах. Но Кромвель, назначенный генеральным викарием и наделенный правом инспекции, завел на преступления монахов обширное досье. Изобличив в парламенте их «злодеяния», он добился упразднения сначала мелких монастырей, а потом и всех прочих обителей. Церковные магистраты начали свои инспекции. Закон, который всегда уважали в этой стране, требовал от монахов «добровольного отречения». Доктор Лондон прославился своей ловкостью быстро склонять строптивцев к «добровольности». Как только акт был подписан, король вступал во владение аббатством, продавал содержавшееся в нем движимое имущество и отдавал владение недвижимостью какому-нибудь вельможе, обеспечивая таким образом его верность новой Церкви. Продажа, разорявшая монахов, нисколько не обогащала короля. Монастырские рукописи покупались лавочниками на кульки. «Старинные книги, в хоре церкви: 6 пенсов» — такой была опись одной из библиотек. Что касается ограбленных клириков, то некоторые из них получали грамоту «о пригодности», то есть о праве выполнять мирскую службу, остальные — пенсию в несколько шиллингов; почти все покинули страну и перебрались в Ирландию, Шотландию или в Нидерланды. «Так Церковь стала добычей стервятников, этих хищных птиц, что любят рядиться в прекрасные перья». За пять лет ликвидация монастырского имущества была закончена; она мало принесла королевской казне, но обогатила тех, кому король отдал аббатства, и тех, кто приобрел их за бесценок. Политические последствия этих мер были аналогичны продаже национального достояния во Франции после революции 1789 г. Приобретатели становились сообщниками. Страх увидеть возвращение прежних владельцев обеспечил новому религиозному режиму поддержку богатого и могущественного класса. Отныне против агрессивного возврата католицизма вступили в сговор выгода и новое вероучение.

5. *Кредо* Англиканской церкви было довольно туманным. Если бы у Кромвеля, Кранмера, Латимера были развязаны руки, они примкнули бы к лютеранству. После своей войны с монастырями Кромвель взялся за священные изображения. Латимер сжигал статуи Пресвятой Девы, а Кранмер отдавал на экспертизу мощи святых, в частности кровь святого Томаса Бекета, подозревая что это красная охра. Святой Томас, изобличенный как изменник, предавший короля, был вычеркнут из списка святых после процесса по всей форме, и «инспекторы» Кромвеля уничтожили его раку в Кентербери. Но Генрих VIII знал, что, хотя англичане всегда были враждебны

Ганс Гольбейн-младший.
Портрет Анны Клевской. Около 1539

к монахам и церковным судам, в массе своей они были не слишком благосклонны к протестантским новшествам. Ведь и сам Генрих претендовал на то, что остается защитником веры и главой «католической» Церкви, — правда, он хотел, чтобы она была национально-католической (что казалось противоречием). Таким образом, после гонений на приверженцев прежней веры он стал не менее энергично преследовать протестантов. Тиндейл, первым напечатавший английскую Библию, был сожжен; остальные подверглись той же участи за то, что отрицали пресуществление. После многих попыток определить, что же такое Англиканская церковь, Генрих VIII велел палате лордов поставить на голосование статут из 6 пунктов, прозванный «Кровавым биллем» или «шестихвостым бичом», — этот закон утверждал пресуществление, бесполезность двух видов причастия, обоснованность обетов целомудрия, превосходство безбрачия для духовенства, а также одобрял исповедь и проведение частных богослужений. Любое явное нарушение этого статута должно было караться костром, даже отречение не могло спасти виновного. Епископам-протестантам, таким как Латимер, пришлось уйти. Кранмер, который до Реформации был тайно женат и всегда перевозил жену в сундуке с дырками, был вынужден отправить ее в Германию. Может показаться удивительным, что английский народ так легко согласился с идеей наделить выборный парламент религиозной непогрешимостью. Но это странное попустительство объясняется потребностью в стабильности, безразличием и террором.

6. Понадобился церковный раскол, чтобы разорвать первый брак Генриха VIII; чтобы разрубить второй, хватило топора. Несчастная Анна Болейн совершила две ошибки: вместо ожидаемого наследника родила дочь Елизавету, затем мертворожденного сына и еще обманула своего короля, быть может, потому, что бедняжке казалось, что он не способен подарить ей здорового ребенка, а разочаровывать его она не хотела. За эти преступления ее прелестная шейка была перерублена мечом палача. Через несколько дней

Генрих, в белом наряде, женился на Джейн Сеймур. Поскольку угодливый Кранмер, основываясь на доверии к некоторым откровениям казненной, аннулировал предыдущий брак, Елизавета, как раньше Мария, становилась незаконнорожденной. У Джейн Сеймур родился сын, которому было суждено царствовать под именем Эдуарда VI, но сама она умерла родами. Кромвель, по-прежнему желавший сблизить короля с протестантами, предложил ему новый брак, с немецкой принцессой Анной Клевской. Маклер захотел стать брачным консультантом, а поскольку выбранная им жена не понравилась, он заплатил за этот опыт своей жизнью. Пятую жену короля Екатерину Говард, обвиненную в супружеской измене, ожидала участь Анны Болейн. Шестая, Екатерина Парр, пережила Генриха VIII, правда натерпелась страху, когда король, найдя ее немного еретичкой, «пригрозил ей шестью статьями». Царствование завершилось в крови. Неограниченная власть высвобождает в человеке его худшие наклонности. Генрих VIII велел своим судьям посылать на смерть протестантов, католиков, старую графиню Солсбери; да и сам Кранмер не мог считать себя в безопасности. Хотя к этому человеку, почти наивно верившему в своего ужасного короля, Генрих VIII, казалось, испытывал настоящую привязанность. Именно Кранмер преклонил колена у ложа умиравшего Генриха и в последний момент сказал ему, чтобы он верил в Бога и Иисуса Христа. На этом король пожал архиепископу руку и отдал душу.

Неизвестный художник.
Портрет Екатерины Парр. Около 1545

7. Когда изучаешь царствование Генриха VIII, трудно уберечься от чувства ужаса. Напрасно нам сообщают, что он реорганизовал флот, построил арсеналы, основал штурманскую школу, присоединил Уэльс, усмирил Ирландию. Никакой преходящий успех не может оправдать ни эшафоты Тауэра, ни костры Смитфилда. Говорили, желая найти ему извинение, что ужасные казни постигли лишь весьма скромное меньшинство. Какая разница? Такое количество жестокости не могло быть необходимым. Истинным кажется лишь то, что разрыв островного государства и Вселенской церкви

Ганс Гольбейн-младший.
Портрет Екатерины Говард.
Около 1540

стал почти неизбежным. Папство могло в течение шести веков осуществлять в Европе политическую и судебную власть лишь потому, что Римская империя оставила в разных странах очень слабую гражданскую власть и неполную самостоятельность. И когда сложились государства, столкновение стало неизбежным. Франция познала эту борьбу гораздо позже, когда нравы уже смягчились и отделение церквей от государств могло произойти без пролития крови и религиозного разрыва с Римом. Преждевременной потерей исключительных прав, которые континентальные церкви сохранят еще на три-четыре века, Церковь Англии была обязана своему преимуществу, а именно почти полному отсутствию в этой стране с XVI в. любого антиклерикального движения. Английские церкви будут бороться между собой, но ни одна политическая партия не осмелится быть враждебной христианству.

VI. Эдуард VI, или Протестантская реакция

1. Странное трио — дети Генриха VIII. Наследник престола Эдуард VI, сын Джейн Сеймур, был серьезным и не по годам развитым мальчиком, который каждый день читал главы из Библии. Реформаты называли его «новым Иосией». Марии, дочери Екатерины Арагонской, был уже тридцать один год. Она начала увядать; бледность ее круглого лица подчеркивали рыжие волосы; она выглядела больной и печальной. Воспитанная испанским эрудитом и гораздо больше гордившаяся тем, что происходит от королей Испании, нежели тем, что она дочь короля Англии, Мария оставалась ревностной католичкой, окружала себя священниками и проводила жизнь в домовой церкви. Что касается дочери Анны Болейн Елизаветы, то это была девочка четырнадцати лет, довольно миловидная, хорошо сложенная, очень живая и проявлявшая традиционную склонность Тюдоров к классической литературе. Она писала на латыни так же хорошо, как и по-английски, говорила по-итальянски, по-французски и читала, как утверждал один из ее учителей, «больше по-гречески за день, чем какой-нибудь каноник по-латыни за неделю». Будучи, как и ее брат Эдуард,

протестанткой (хотя не слишком ревностной), она превосходно ладила с королем-ребенком, и оба держались заодно против Марии, которой Эдуард вскоре запретил служить мессу. Мария ответила, что скорее положит голову на плаху, чем подчинится такому приказу. Совет вспомнил, что она кузина Карла V, и решил, что благоразумнее будет не настаивать.

2. Раскол не разрешил вопрос веры. В то время как некоторые графства сожалели о католицизме, Лондон, воспламененный такими протестантскими проповедниками, как Латимер, желал более полной реформы. Большинство англичан были готовы принять компромисс, который, поддерживая основные, привычные для них ритуалы, избавил бы их от Рима. Архиепископ Кентерберийский Кранмер, робкий и нерешительный, продолжал колебаться между лютеранством и догматами Римско-католической церкви. Однако это он, дав Английской церкви молитвенник, написанный восхитительной прозой, для которого он сам сочинил литании и сборные молитвы, позволил этой Церкви приобрести, после Римской, то эстетическое очарование, без которого религия не способна тронуть души. Преследования католиков продолжались. Стены в церквях были побелены известью, витражи разбиты, распятия заменены королевскими гербами. Все символические церемонии были упразднены: никакого благословения хлеба, никакой святой воды, никакого почитания святой пятницы. Однако пост продолжал соблюдаться, «дабы поощрить покупку рыбы». В 1547 г. священникам было разрешено вступать в брак, и Кранмер смог вызвать обратно свою жену. «Акт о единообразии», который одобрил парламент, обязал все церкви пользоваться Общим молитвенником, *Common Prayer Book,* и соблюдать общий ритуал. Но само это единообразие оставалось многообразным... Мирской совет был гораздо более протестантским, чем архиепископ, а потому навязывал свои поправки в молитвенник. Коленопреклонение, предписанное Кранмером в первом издании, подверглось нападкам особо ревностных членов и было вычеркнуто из второго как суеверный обычай. Но как приноровиться к столь строгой и при этом столь изменчивой ортодоксии?

3. Такие глубокие изменения раздражали немало простых душ, дороживших ритуалами, которые за десять веков успели слиться с жизнью их предков и их собственной. Крестьяне Корнуолла, говорившие на своем собственном наречии, взбунтовались, потому что Лондон навязывал им книгу, написанную по-английски, то есть на языке, который они не понимали. Кранмер ответил им, что они и латынь не понимают. Но он, профессор богословия, не знал крестьян. Эти корнуолльцы все-таки понимали, если не буквально, то по крайней мере по духу, смысл своих традиционных молитв.

Джон Валентайн Хэйдт. Эдуард VI выдает патент на создание Конгрегации европейских протестантов в Лондоне в 1550 г. 1750-е

Впрочем, возмущение тогда было не только религиозным, но и аграрным. Это вообще было временем большого народного недовольства. Безработица, почти неизвестная в средневековой экономике, становилась опасным недугом. В начале века сеньоры, вынужденные распустить свои вооруженные банды, выбросили на дороги тысячи солдат, которые не знали никакого другого ремесла. Во времена «черной смерти» некоторые крупные землевладельцы уже начали заменять хлебопашество разведением овец, для которого требовалось меньше людей. В XVI в. многие сквайры захотели огородить для нужд своего овцеводства часть общинных лугов и пустошей. Эта политика «огораживаний» лишала крестьян их земель, работников — их работы.

Овцы съели наши луга и наши холмы,
Наш хлеб, наши леса, наши дома, наши общины.

«Овца, — писал Томас Мор, — была когда-то таким кротким животным; и вот теперь она разрушает все и даже пожирает людей». Это была новая мода, *the new gyse*. Естественно, она соблазнила крупных землевладельцев. Со времени обнаружения испанцами серебряных месторождений в Южной Америке, цены в Европе выросли. Сквайр, который платит дороже за все, что покупает, продолжает взимать со своих фермеров твердо установленную плату; таким образом, он становится более стеснен в средствах, беднеет. Однако спрос на шерсть безграничен, а цены по-прежнему высоки. Искушение слишком велико. И около середины века землевладельцы уступают ему тем легче, что при Генрихе VIII упразднение монастырей и продажа их имущества создали целую прослойку свежеиспеченных сельских джентльменов. Но умонастроения этих новых землевладельцев весьма отличны от умонастроений сеньора XIII в. Тот требовал от земли лишь содержания определенного количества рыцарей, а новый капиталист требует прибыли. Он стремится сделать сельское хозяйство доходным предприятием, «и овечья поступь превращает песок в золото». Какое ему дело до крестьян, с которыми он едва знаком? Когда-нибудь его сын и особенно внук осозна́ют свои обязанности, станут ответственными сквайрами, но самое первое поколение хозяев жестоко.

Так что после смерти Генриха VIII крестьяне начинают роптать.

4. Напрасно Королевский совет, который видит опасность, пытается вмешаться. Издаются законы, приказывающие восстанавливать разрушенные фермы, возобновлять обработку земель; другие законы запрещают одному человеку владеть более чем 2 тыс. овец (некоторые землевладельцы имели стада в 24 тыс. голов). Но по следам закона идет мошенничество. Хозяева записывают своих овец на имя жены, детей и прочих домочадцев; вместо того чтобы отстраивать разрушенную ферму, кое-как подмазывают в ней штукатуркой одну-единственную комнату, проводят по земле символическую борозду и убеждают комиссара, что поле обработано. Впрочем, эти комиссары заодно являются мировыми судьями, так что они закрывают на это глаза, поскольку сами — землевладельцы и порой правонарушители. В некоторых графствах поселяне, вконец осерчав, сносят изгороди джентри. В графстве Норфолк мелкий землевладелец и одновременно кожевенник Роберт Кетт, человек с передовыми идеями, подстрекает крестьян к тому, чтобы разрушить изгороди соседа, которого ненавидит. В этой сельской местности полно недовольных, и сразу же назревает бунт. Кетт во главе 16 тыс. человек захватывает город Норвич. Бунт оказывается напрасным, поскольку ни крестьяне, ни их вожаки не знают ясно, чего хотят. И он заканчивается, как все восстания того времени, кровавой баней и казнью зачинщика, в данном

Неизвестный художник. Портрет Джона Дадли, герцога Нортумберленда. 1605–1608

случае Кетта. Но вместе со многими другими выступлениями это было симптомом народного недовольства.

5. Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет, брат матери короля Джейн Сеймур, исполнял обязанности регента во время малолетства своего племянника. У него были реальные достоинства, из которых самым замечательным была терпимость. Но он нес ответственность за эти аграрные беспорядки. Его гордыня оскорбляла придворных, его демагогия тревожила землевладельцев, его обогащение шокировало буржуа, а его относительная снисходительность не нравилась фанатикам. Земельная аристократия, которую возглавил Уорик, добилась его головы. Странный маленький король, столь же бесчувственный, сколь и набожный, отметил в своем дневнике, когда его дядя был обезглавлен в Тауэре: «Сегодня отсекли голову герцогу Сомерсету, между 8 и 9 часами утра... Властолюбие, тщеславие, алчность; вольно ж ему было корчить из себя господина». Уорик (затем герцог Нортумберленд) стал председателем регентского совета и продолжил гораздо активнее, нежели Сомерсет, преследования католиков. Когда маленький Эдуард заболел и стало понятно, что его смерть неизбежна, Нортумберленд, не без ужаса ожидавший восшествия на престол Марии, испанки и католички, решил попытать удачу с кандидатурой леди Джейн Грей, правнучкой Генриха VII, и выдал ее замуж за собственного сына. А умирающему Эдуарду VI подсунул на подпись завещание в ее пользу.

6. Провозгласив королевой Джейн Грей, Нортумберленд двинулся на Лондон. Так что несчастная узурпировала трон против своей воли. Но Мария была не такая женщина, чтобы уступить без борьбы. «Она такая пламенная и решительная, — писал посол Испании Карлу V, — что, если бы я сказал ей пересечь Ла-Манш в корыте для стирки, она отважилась бы и на это». Настоящая испанка, она обладала храбростью солдата и набожностью, доходившей до фанатизма. Ей достаточно было только показаться, чтобы победить. Марию оберегал необычайный авторитет ее отца. Католики, еще

сильные, приняли ее как избавление; протестантам же она пообещала непредвзятость, а бесчисленные безразличные уже устали от режима, который под предлогом реформирования ритуалов Церкви конфисковал богатства в пользу дельцов. Как только Мария появилась в Лондоне, зажглись «огни радости», графства предложили ей войска; совет, в ужасе от содеянного, отправил герольда с четырьмя трубачами в Сити, чтобы провозгласить ее королевой. Она триумфально въехала в столицу, и рядом с ней ехала верхом ее сестра Елизавета. Сам Нортумберленд, узнав об этом событии, махал шляпой и кричал: «Да здравствует королева Мария!» — но было слишком поздно: следовало сделать это несколькими днями раньше. Его заключили в Тауэр и обезглавили. А та, что была игрушкой в его руках, несчастная Джейн Грей, ждала смерти еще полгода.

Неизвестный художник. Портрет юной Джейн Грей, претендентки на английский престол. 1590-е

VII. Мария Тюдор, или Католическая реакция

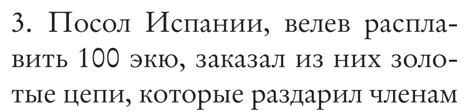
1. Мария Тюдор — прискорбный пример губительных разрушений, к которым может привести сочетание в душе женщины влюбленности, фанатизма и неограниченной власти. «Я охотнее потеряю десять корон, — говорила она, — чем подвергну мою душу опасности». Она была католичкой в стране, где повзрослело поколение, родившееся уже после разрыва с Римом, и где, особенно во всемогущей столице, население сильно склонялось к протестантизму. Было сказано, что Париж стоит мессы; Лондон вполне стоил проповеди. Но Генрих Наваррский был политическим деятелем, а Мария Тюдор — в первую очередь верующей. Однако большинство нации и в самом деле испытывали ностальгию по былым ритуалам и желали возвращения к национал-католицизму Генриха VIII, но то же самое большинство хранило ненависть к Риму. Особенно опасались переподчинения папе, которое будет сделано за их счет, приобретатели церковного имущества, богатый и могущественный класс, а еще возврат к прежней вере страшил женатых священников, которым пришлось бы

выбирать между своими приходами и женами. Ловкому государю все это позволило бы поторговаться. Англичане уже получили от трех Тюдоров столько догм, что легко приняли бы еще несколько добавочных пунктов в договоре, лишь бы угодить дочери Генриха VIII, но Мария в своем непримиримом рвении хотела повелевать, а не вести переговоры. За долгие годы безрадостной молодости религия стала для нее единственным утешением. Она была готова претерпеть мученичество, только бы вернуть свой народ Риму. С первого же созыва парламента в свое царствование она восстановила мессу на латыни и изгнала из Церкви женатых священников. Даже ее сестра, принцесса Елизавета, последняя надежда протестантов, почувствовав, что над ее головой сгущаются тучи, пришла к королеве в слезах и просила наставить ее в истинной религии. Это обращение тронуло и восхитило Марию, но не обмануло весьма скептичного посла Испании, который с большей проницательностью судил о хитроумной и скрытной принцессе.

2. Внезапное возвращение папизма было первой неосторожностью королевы; ее брак довершил остальное: народ отшатнулся от нее. Парламент, вполне оправданно опасаясь влияния на Марию чужеземного короля, почтительно попросил ее выйти замуж за англичанина. Совет и нация выбрали для нее Эдуарда Кортни (Courtenay), правнука Эдуарда IV. Она резко ответила, что не хочет замуж. В чем была искренна или верила в это. В юности она была немного влюблена в английского эрудита-католика Реджинальда Поула, в чьих жилах, как и в ее собственных, текла королевская кровь. Но Поул, поссорившись с Генрихом VIII по поводу его развода, уехал в Рим и стал там кардиналом. Так что единственный англичанин, за которого Мария охотно вышла бы замуж, оказался вне игры. Вскоре испанский посол Ренар, имевший на нее большое влияние, поделился с ней планом Карла V: тот предлагал Марии руку своего сына Филиппа. «Когда я открыл ей предложение брака, — пишет Ренар, — она засмеялась, и не раз, а несколько, глядя на меня взглядом, означавшим, что предложение ей весьма приятно». И далее: «Она поклялась, что ее никогда не задевали стрелы того, что именуют любовью, и что мысли о сладострастии также ее не посещали. О браке она тоже никогда не помышляла, разве что с тех пор, как Богу было угодно увенчать ее короной, и что она сделает это не по любви, а из уважения к государственным интересам». Но она просила Ренара уверить императора Карла в своем желании подчиниться ему во всем, как если бы он был ее собственным отцом. Хотя эти переговоры держались в секрете, министры королевы догадались о них и были обеспокоены. В союзе между Англией, раскольнической и слабой страной, и Испанией, все-

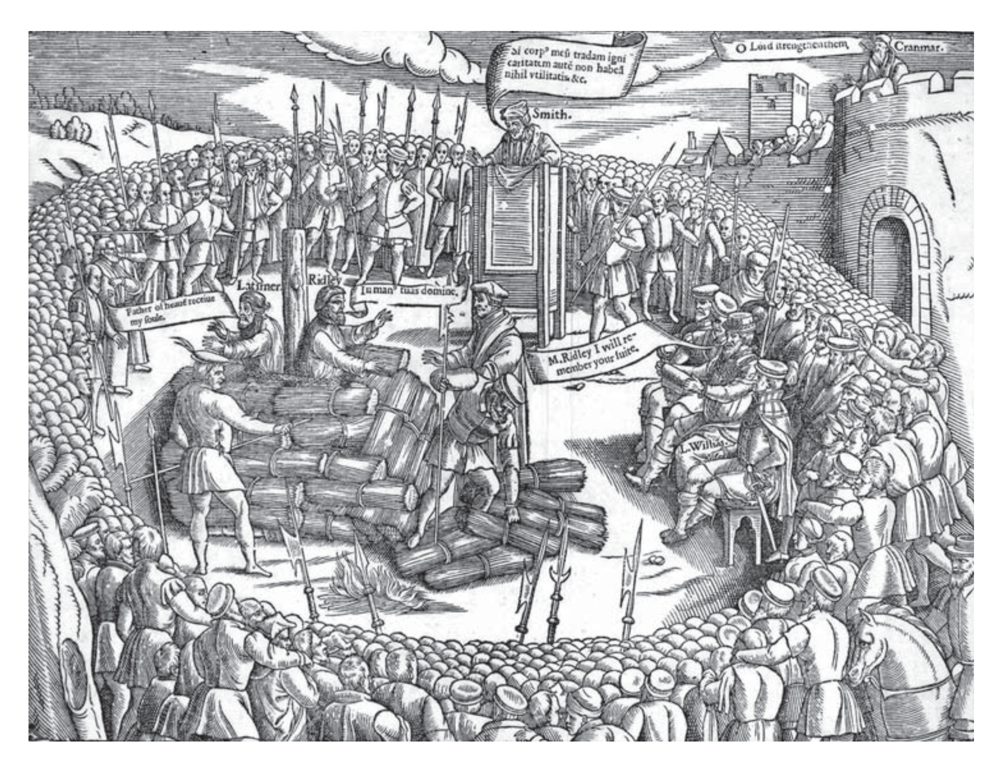
могущей ортодоксальной державой, какая участь достанется Англии? Она наверняка окажется подчиненной грозному властителю. Английские еретики уже стали опасаться судилищ инквизиции и аутодафе, столь же частых в Мадриде, как бои быков. Увы! Как только эта тридцатишестилетняя девственница увидела портрет прекрасного испанского принца, она вдруг страстно влюбилась. Все способствовало тому, чтобы она была без ума от Филиппа, потому что, выйдя за него, она удовлетворяла свою гордость испанской принцессы, свою римско-католическую веру и свои желания пылкой старой девы. Однажды в полночь в своей молельне она повторила многократно *«Veni Creator»*[1] — и дала клятву выйти замуж за Филиппа.

Неизвестный художник.
Мария Тюдор и ее супруг Филипп II,
король Испании. 1558



3. Посол Испании, велев расплавить 100 экю, заказал из них золотые цепи, которые раздарил членам совета. Было ли это символом? Хоть и став благосклоннее к идее этого брака благодаря дарам, доводам и обещаниям, те все же посоветовали действовать осторожнее. Филипп должен поклясться соблюдать законы Англии; в случае смерти Марии он не будет иметь никаких прав на престол; если от этого брака родится сын, то этот отпрыск унаследует одновременно трон Англии, Бургундии и Нидерландов; наконец, Филипп обязуется никогда не втягивать Англию в свои войны против Франции. Договор был хорошо составлен, но какие реальные гарантии он давал против влюбленной женщины? Английский народ, очень враждебный к чужестранцам, и особенно к испанцам, сразу же проявил недовольство. Послов, отправленных Карлом V, чтобы обговорить подробности бракосочетания, лондонские мальчишки обстреляли снежками. Они играли на улицах Сити в «свадьбу королевы», и ребенок, изображавший испанского принца, был повешен. Многие графства восстали. Сэр Томас Уайетт (Wyatt) двинулся

[1] *«Veni Creator Spiritus» (лат.)* — «Приди, Дух животворящий».



Смерть Хью Латимера и Николаса Ридли.
Гравюра из «Книги мучеников» Джона Фокса. 1563

на Лондон. Но Мария, которую поддерживала вера и любовь, казалась неодолимой. Ее министры хотели, чтобы она укрылась в Тауэре, но она, улыбаясь, осталась в Уайтхолле и благодаря авторитету Тюдоров одержала столь полную победу, что отныне уже никто не осмелится выступить против испанского брака. Повстанцев казнили дюжинами. После чего прибыл принц Испании. Отец описал ему английскую заносчивость и приказал оставить дома всю свою кастильскую спесь. Филипп старался понравиться и весьма в этом преуспел. Проезд через Сити огромного каравана с золотом из американских рудников произвел сильное впечатление на лондонских купцов. Видя все эти бочки, доставленные в Тауэр, они говорили: «По крайней мере этот приехал не затем, чтобы нас обокрасть». Филипп проявил неуступчивость в одном-единственном пункте: примирение с Римом. «Лучше уж совсем не царствовать, чем царствовать над еретиками». Предупрежденный папа объявил, что пошлет кардинала Поула в качестве легата, чтобы принять знаки покорности англичан. Слитки золота, помещенные в Тауэр испанцами, помогли подготовить души знатных семейств к этому большому событию.

4. Прибыл папский легат. Филипп и Мария сказали ему, что он создан для этой миссии самим Провидением, и он в самом деле исполнил ее с превосходным тактом. В кардинале Поуле соединялись проницательность прелата и надменная застенчивость большого английского вельможи. В Риме, несмотря на свой огромный авторитет, он всегда из-за скромности держался в тени, откуда вышел впервые. В Кале, когда охрана спросила у него, каким будет пароль, он ответил: «Бог потерянный и обретенный». В Дувре его приняли с восторгом. Было уже известно, что папа своей буллой обещал приобретателям церковного имущества, что те останутся его владельцами. «То, что не могло быть *продано*, — говорилось там, — может быть *даровано* ради спасения стольких душ». Парламент собрался в Уайтхолле, чтобы встретить легата. Там в своей большой речи кардинал напомнил историю раскола и пообещал полное отпущение грехов за прошлое. Обе палаты получили это отпущение на коленях. Англия была прощена.

5. Королева решила, что беременна. Когда настало время родов и уже звонили колокола, врачи признали, что беременность оказалась ложной. Для Марии это было мучительным разочарованием. Филипп уехал в Испанию, сказав, что его отсутствие будет недолгим, но она почувствовала, что он очень раздражен этим фарсом с родами, а также позицией парламента, который не позволял ему участвовать в управлении страной. Эта королева, когда была девственницей, удивляла своим мужеством, но с тех пор, как влюбилась, показала себя слабой и павшей духом. Жестокость гонений Марии на протестантов, из-за которой ее прозвали Кровавой, наверняка частично объясняется этим смятением на грани безумия. Филипп не советовал ей проявлять такую суровость. Он полагал, что сжигать еретиков хорошо в Испании и Нидерландах, в Англии же осторожность требовала некоторого терпения. Но у Марии его совсем не было. 20 января 1555 г. был восстановлен закон против ереси, 22-го начали заседать комиссии, 3 февраля был сожжен в Смитфилде первый женатый священник. Около 300 протестантских мучеников погибли в огне. Эта казнь была столь ужасной, что помощники палача приносили пакетики с порохом и привязывали их к шее жертв, чтобы сократить их мучения. Сами палачи, испытывая отвращение к тому, что были вынуждены делать, не мешали им.

6. Некоторые из этих смертей были возвышенными. Старый Латимер, великий протестантский проповедник, был сожжен в Оксфорде вместе с доктором Николасом Ридли. Они легко могли бы сохранить себе жизнь, если бы отреклись, но, когда началась дискуссия с учеными-богословами, которая всегда предшествовала казни, Латимер заявил, что читал Евангелия,

Сожжение Джона Роджерса, предводителя протестантов, в 1555 г.
Гравюра из «Книги мучеников» Джона Фокса. 1563

однако не нашел там упоминаний о мессе. «Крепитесь, мастер Ридли, — сказал он своему товарищу по казни, когда палач привязывал их цепями к столбу, — крепитесь, ибо сегодня милостью Божией мы зажжем в Англии такую свечу, которая не погаснет вовек». Кранмер, проявивший в течение своей жизни столько колебаний и слабости и отрекшийся в тюрьме от своей веры, вновь обрел мужество во время казни и отрекся от своего отречения.

7. Рассказы об этих казнях были собраны протестантским писателем Фоксом в «Книге мучеников», которая наряду с Библией появится во всех английских домах. Гонения Марии дали протестантам то, чего им прежде не хватало: героико-сентиментальную традицию. Католические жертвы Генриха VIII мало тронули массу английского народа, потому что многие из мучеников были монахами или нищенствующими братьями, стало быть существами привилегированными, но жертвы Марии, кроме нескольких церковников, были мужчинами и женщинами из народа. В стране, где развелось такое многообразие религиозных верований, каждый чувствовал

себя под угрозой. Ненависть к Марии и испанцам росла. Несмотря на данные обещания, Филипп вовлек свою жену в войну против Франции, и эта кампания стоила Англии города Кале. «Боже, спаси госпожу Елизавету», — шептали подданные Марии Тюдор. Впрочем, королева умирала, оставленная всеми. Сам папа Павел IV встал на сторону противников Марии и Испании. Она еще раз сочла себя беременной, но это оказалась всего лишь водянка. 17 ноября 1558 г. с интервалом в несколько часов покинули этот мир королева Мария и ее кузен кардинал Поул. Она уже больше месяца оставалась почти одна, поскольку весь двор сплотился вокруг Елизаветы.

Якопо да Треццо. Бронзовая медаль с изображением Марии I Тюдор. 1554

VIII. Елизавета и англиканский компромисс

1. Восшествие Елизаветы на английский престол народ воспринял с почти единодушной радостью. Каким облегчением было после долгого страха перед испанской тиранией приветствовать королеву, свободную от каких-либо чужестранных связей. Со времени нормандского завоевания ни один государь не был столь чистокровно английским. Через своего отца Елизавета происходила от традиционных королей, через свою мать — от джентльменов страны. На протяжении всего своего царствования она кокетничала со своим народом. Писали, что монархия Тюдоров была столь же абсолютной, как и монархия Людовика XIV или империя цезарей; напоминали, что Елизавета держала парламент в ежовых рукавицах, что *warrants* были «запечатанными письмами»[1], что ее судьи подвергали обвиняемых пыткам, совершенно пренебрегая английскими законами. Но Людовик XIV имел под своим началом армии, а у Елизаветы, как у ее отца и деда, была только личная гвардия, столь слабая, что малейшее ополчение Сити могло бы разгромить ее. Она была сильна лишь потому, что была любима или, по крайней мере, ее предпочитали другим. Увидев, что ей угрожает испанское вторжение, она обратилась «не к коннетаблю, не к командующему своей армией (которой не располагала), а к лорд-мэру Лондона». И попросила у него 15 кораблей и 5 тыс. человек. Тот ответил, что Сити будет счастлив

[1] Зд. имеются в виду т. н. *lettres de cachet (фр.)* — королевские указы об изгнании или заточении без суда и следствия.

предложить ее величеству 10 тыс. человек и 30 кораблей. И почти все королевство доказало ту же преданность. Редкие восстания легко подавлялись, и народ считал их преступлениями. В то время, когда почти все королевства Европы раздирали религиозные распри, которые приходилось укрощать с помощью террора, она любила показывать послам, что может вполне довериться своим подданным. Направив свою карету в самую гущу толпы, она стоя говорила с теми, кто ее окружал. «Храни Бог вашу милость!» — кричали ей. Она отвечала: «Храни Бог мой народ!» Будь то в Лондоне или во время ежегодных поездок по городам королевства, она беспрестанно выставляла себя напоказ: живая, остроумная, эрудированная, она то хвалила мэра за его латынь, то поздравляла матрон с удавшейся стряпней. «Она ругалась, плевалась, стучала кулаком, когда ее сердили, заливисто смеялась, когда ее забавляли, а ее было легко позабавить... Она отзывалась на все, и ее отклик всегда был непосредственным и неподдельным; и под острыми уколами удовольствия, и под ужасный гром тяжелых обстоятельств ее душа двигалась с такой легкостью, непринужденностью и присутствием духа, что наблюдать за ней было чарующим наслаждением».

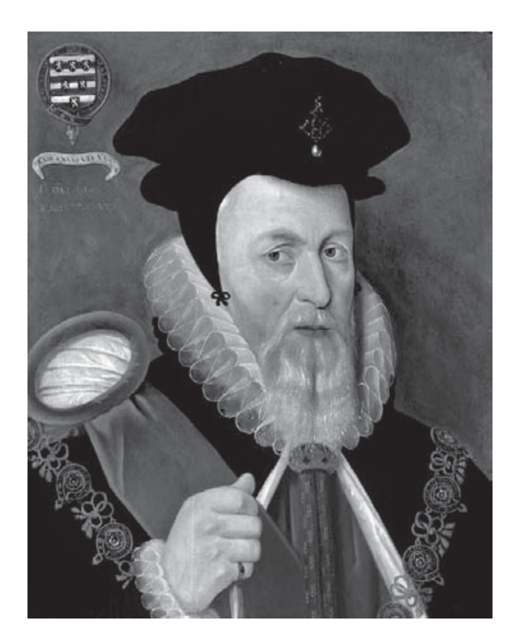
2. Среди многочисленных секретов силы Елизаветы самым действенным была ее мгновенная интуиция ко всему, что могло понравиться ее народу, и бережливость, достойная Генриха VII. Скупость, которая является пороком у подданных, у властителей становится добродетелью. Народ требовал у Елизаветы мало свобод, потому что она требовала у него мало денег. Ее годовой бюджет не достигал и полумиллиона фунтов. Она не любила войну — потому что была небогата, а также потому, что была женщиной, да к тому же лишенной жестокости. Иногда она воевала, и успешно, но никогда не бросалась навстречу опасности. Чтобы избежать войны, она была готова лгать, клясться послу, будто ничего не знает о деле, которому только что посвятила все свои заботы, или прибегала к крайнему средству: переносила спор в область чувства, где одержать победу ей помогал ее пол. «Эта страна, — писал испанский посол, — попала в руки к женщине — сущему отродью дьявола». У нее было мало склонности к обширным замыслам, она, как и ее подданные, полагала, что надо жить сегодняшним днем. Англичанам, даже в Средние века, никогда не нравились Крестовые походы, разве что они ссужали деньги другим, чтобы те в них ходили. Многим из советников Елизаветы хотелось, чтобы она присоединилась к Лиге протестантских наций. Королева же долго лавировала и в конце концов выпуталась, ссудив деньги на несколько полков. «Она оказалась здравомыслящей женщиной в мире буйных маньяков, между противоборствующими силами ужасной напряженности — соперничавшими национализмами Франции и Испании, соперничавшими религиями Рима и Кальвина.

Долгие годы казалось неизбежным, что ее раздавит та или иная из этих угроз; и она была обязана спасением лишь своему умению противопоставлять окружавшим ее крайностям то, что в ней самой тоже было чрезмерным: хитрость и искусство уверток». Если речь шла об экспедиции или завоевании, она предпочитала, раз уж приходилось проливать кровь, переложить ответственность на других, а в сомнении — воздержаться. Ее правление отнюдь не было избавлено от несправедливости, но сама она в эти трудные времена, быть может, совершила так мало зла, как только было возможно.

Неизвестный художник. Елизавета I, королева Англии, в коронационном облачении. Около 1559

3. Лишь в одном пункте она сопротивлялась пожеланиям своего народа. Палата общин настойчиво побуждала ее выйти замуж. Ничто не казалось более необходимым, нежели упрочить престолонаследие. Пока у королевы не было наследника, ее жизнь и религия находились в опасности. Разве не достаточно было убить Елизавету, чтобы посадить на престол королеву Шотландии Марию Стюарт, правнучку Генриха VII, католичку и жену дофина Франции? Большое искушение для фанатиков. Но Елизавета отказывалась от замужества. Напрасно ее обхаживали короли и принцы. Она со всеми вела одну и ту же игру: кокетство, любезные послания, поэтический, а порой и дерзкий флирт, чтобы всякий раз закончить уверткой нескончаемую партию. Так, она истомила испанца Филиппа II, шведского принца[1], австрийского эрцгерцога, герцога Алансонского, не считая красивых англичан, которые ей так нравились: Лестера, Эссекса, Рэли, царедворцев, солдат и поэтов; она всем позволяла много вольностей и неполных ласк вплоть до того дня, когда женщина вновь становилась королевой, и отправляла их в Тауэр. Чего она желала? Умереть девственницей? Да и была ли она ею? Со времен юности, когда ее отчим, адмирал Сеймур, заходил в ее опочивальню, садился на ее

[1] Кронпринц Эрик, впоследствии король Швеции Эрик XIV.

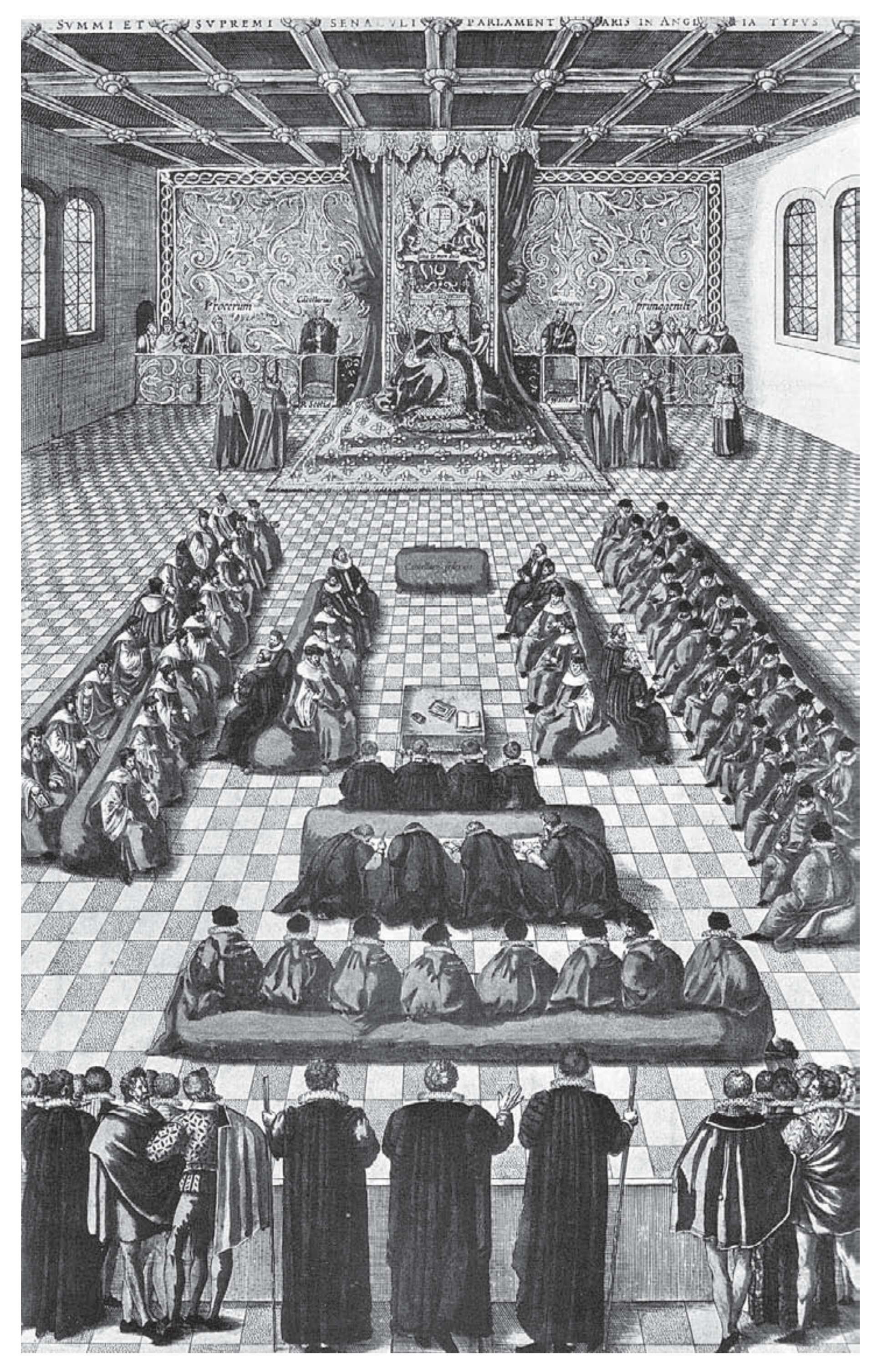


Маркус Герартс-младший.
Портрет Уильяма Сесила, лорда Бёрли.
После 1580

постель и довольно пылко играл с ней, она скомпрометировала себя со многими мужчинами. Ей нравилась их лесть, ей нравилось, когда ее называли королевой фей или Глорианой. Но люди, осведомленные лучше других, склонялись к мысли, что в полной мере она не была любовницей ни одного из них и испытывала к браку физическое отвращение. Окончательно определила ее решение уверенность в том, что она не будет матерью: брак без наследника лишь напрасно отдал бы ее во власть мужа и лишил необычайного обаяния «государыни-девственницы».

4. Хотя некоторым из красивых юношей, которые ухаживали за ней, и удалось взволновать ее, она всегда умела держать свой ум подальше от помутнения чувств. Советники, которых она себе выбрала, были совсем другого образца. Она взяла их, как и ее дед, из новых людей, сыновей йоменов или купцов, замечательных не своей высокородностью, а умом. В Средние века министрами делали рыцарские достоинства или церковный сан; Елизавета требовала, чтобы ее ставленники были наделены качествами администраторов и двумя новыми чувствами: патриотизмом и пониманием государственного интереса. Ее главный советник Уильям Сесил, ставший затем лордом Бёрли, разбогател на разграблении монастырского имущества и основал род, который, подобно родам Расселов и Кавендишей, будет вплоть до наших дней тесно связан с руководством страной. Если по поводу ума Сесила согласны все современники, то Маколей упрекает его в том, что тот по своей природе скорее был ивой, чем дубом. «Он очень пекся о государственных интересах, но также уделял большое внимание интересам своей семьи. Никогда не бросал своих друзей, пока не становилось опасным поддерживать их, был превосходным протестантом, когда не было выгодным оставаться папистом, никогда не велел пытать тех, у кого, как ему казалось, пытка не может вырвать полезных сведений, и был столь умеренным в своих желаниях, что оставил после своей смерти лишь 300 имений».

5. Суждение суровое и, похоже, несправедливое. Верно, Сесил не выбрал смерть на костре при Марии, здраво рассудив, что жизнь вполне стоит мессы, а позже отправлял на казнь людей, которые не совершили другого



Заседание парламента при Елизавете I. Гравюра. Конец XVI в.

преступления, кроме соблюдения по убеждению и вере ритуалов, которые он сам соблюдал некогда из осторожности. Но когда речь шла о государственных делах, Сесил, несомненно, доказывал свое мужество. Он часто перечил Елизавете и в некоторой мере навязывал ей свои взгляды. Он был выходцем из средних классов и превосходно знал их, и знал также, что этим классам нравятся его собственные представления. «Если Великобритания сегодня является нацией, если Англия сегодня протестантская и коммерческая страна, если она может похвастаться определенной преемственностью, не столько даже институтов, сколько их названий, то этими характерными чертами она обязана Уильяму Сесилу, причем больше, чем кому-либо еще». При воцарении Елизаветы он отнесся к ней с крайней недоверчивостью, поскольку не слишком уважал женщин вообще. Осмеливался хулить послов, которые к ней обращались. Но постепенно он научился понимать странное и глубокое благоразумие королевы. В конце концов они образовали превосходную и на диво единую команду, к которой присоединились такие люди, как государственный секретарь Уолсингем, еще более суровый протестант, нежели сам Сесил, желавший, «во-первых, славы Божией, а во-вторых — спасения королевы». Именно Сесилу Елизавета сказала: «Я думаю, что вы преданы государству». А она умела разбираться в мужчинах (в чем и состоит роль женщины). Союз королевы и ее министра стал столь тесным, что о Елизавете можно сказать: она была одновременно мужчиной и женщиной — она сама и Сесил.

6. Была ли она в душе католичкой или протестанткой? Некоторые полагают, что она была язычницей или, на худой конец, скептиком. Воспитанная протестанткой, она в царствование своей сестры Марии колебалась не больше Сесила, чтобы спасти свою жизнь комедией обращения. Без сомнения, она была религиозна в философском смысле, подобно Эразму. В момент своего восшествия на престол молила Бога, чтобы Он даровал ей милость править, не проливая крови. Это ей не удалось, но она сделала что смогла. Она всегда гордилась преданностью своих католических подданных. Заметив однажды в толпе старика, кричавшего: «*Viva Regina! (Да здравствует королева!)*» — она, очень довольная, показала на него послу Испании со словами: «Этот славный человек — священник прежней религии». Елизавета была осторожна и отгоняла от себя монахов, спешивших ей навстречу со свечами: «Уберите эти факелы, нам тут и без них хорошо видно», но всегда держала распятие в своей домашней церкви и довольно резко одергивала протестантского проповедника, который осмеливался ее за это порицать. В религии, как и в политике, она выжидала, искала золотую середину и всегда стремилась к компромиссу. В начале ее правления Сесил навязал ей возврат к национал-католицизму Генриха VIII. В 1559 г.

парламент во второй раз принял «Акт о супрематии», который отменял власть папы, и «Акт о единообразии», который предписывал всем английским приходам пользоваться единым молитвенником и проводить богослужение на английском языке. Согласно этим законам все, кто принимал духовную власть папы, подлежали конфискации имущества. Неподчинившихся объявляли виновными в *великой измене*. Это законодательство ввело в английский язык два новых слова: *отказники* — так называли тех, кто отказывался поклясться, и *гонители* — эти были сборищем шпионов и информаторов, собранных Ричардом Топклифом, главой ведомства, которому было поручено арестовывать папистов и пуритан. Самым известным *гонителем* из Уорикшира был сэр Томас Люси, злой гений семьи Шекспира.

Джон Декритз-старший.
Портрет сэра Фрэнсиса Уолсингема.
Около 1585

7. В 1563 г. были приняты «Тридцать девять статей», которым предстояло остаться *кредо* Англиканской церкви. Их умеренный протестантизм почти соответствовал желаниям нации. Кардинал Бентивольо, описавший состояние религий в Англии в царствование Елизаветы, прикидывал, что ревностных католиков тут примерно одна тридцатая, однако четыре пятых нации вновь без сожалений стали бы католиками, если бы католицизм был легально восстановлен, хотя и не способны восстать, если этого не произойдет. На самом деле, когда корона и парламент установили англиканство, из восьми тысяч священников семь приняли изменение, хотя две тысячи самых протестантских были изгнаны при Марии. Это подчинение доказывает вовсе не то, что англичане были нерелигиозны, а то, что многие из них желали сохранения католических ритуалов, правда отменив использование латыни и отказавшись подчиняться папе. За исключением немногочисленных семейств особенно ревностных католиков, преданность монарху повсеместно одержала верх над религиозным чувством. В начале царствования Елизаветы криптокатоликов вообще не беспокоили. От них требовалось всего лишь присутствовать на англиканском богослужении; если же они этим пренебрегали, им полагалось заплатить штраф в 12 пенсов. Во многих замках прятали священника; он жил в какой-нибудь комнате,

вырубленной в толще стен, и тайно служил мессу для всех окрестных католиков. Крестьяне и слуги были сообщниками. Они сожалели также о временах нищенствующих братьев, «когда 40 яиц продавали за 1 пенни, а буасо лучшего зерна за 14». Если бы Елизавета была всемогущей, в стране установилась бы относительная веротерпимость. При ее дворе тоже были криптокатолики, и она требовала от них только видимости подчинения правилам. Она не хотела ни протестантской инквизиции, ни пыток, чтобы контролировать веру подданных. Но ее министры, более фанатичные, чем она, приговаривали непокорных к тюрьме. Тем не менее за первые десять лет ее правления смертных приговоров не было. В некоторых церквях священники продолжали надевать стихарь, играть на органе, венчать с кольцами. Почти повсюду во избежание лишних расходов сохранили католические витражи, и только когда те разбивались, их заменяли простым стеклом. Ради того, чтобы прийти к таким компромиссам, пришлось объединиться бережливости и безразличию.

8. Три события позволили Сесилу и особенно Уолсингему проявить больше суровости и «утяжелить» руку Елизаветы. Первым стала Варфоломеевская ночь во Франции; вторым — булла папы Пия V об отлучении от церкви, направленная против королевы в очень неподходящий момент; третьим — создание за границей семинарий (таких как в Дуэ), предназначенных для подготовки возврата католицизма в Англию. Отлучить от церкви королеву значило освободить католических подданных от верности ей. Утверждали даже, что папа охотно отпустил бы и грех убийства Елизаветы, поскольку в декабре 1580 г. Государственный секретарь Ватикана ответил в довольно двусмысленной и подозрительной манере на вопрос, заданный от имени некоторых английских иезуитов: «Поскольку эта виновная женщина является причиной потери истинной веры столькими миллионами душ, то нет никакого сомнения, что тот, кто удалит ее из этого мира с благочестивым намерением послужить Богу, не только совсем не согрешит, но и удостоится всяческих похвал». И начиная с 1570 г. католических священников и мирян стали казнить в Англии не за ересь, а за измену. Последовали чудовищные церемонии, когда окровавленные тела повешенных, четвертованных, потом нарубленных на куски людей бросались в котлы с кипящей смолой. Многие из тех, кто по этому обвинению подвергся мучительной казни, оказались невиновными или даже святыми. Таков был случай иезуита Кэмпиона, по поводу которого сам Сесил был вынужден признать, что тот был «одним из сокровищ Англии», а его единственное преступление состояло в том, что он ходил по домам, проповедуя и служа мессу. Он умер, говоря, что молился за королеву. «За какую королеву?» — кричали ему из толпы. «За Елизавету, за вашу и мою королеву, которой я желаю долгого и спокойного царствования и всяческого процветания». Так что,

хотя сама Елизавета и была склонна к милосердию, количество жертв фанатизма в ее правление было не меньше, чем при Марии. Ее совет повелел казнить 147 священников, 47 дворян, большое количество людей из народа и даже женщин. Те, кто не погиб, подверглись преследованиям. Одним из пострадавших оказался отец Уильяма Шекспира Джон: будучи католиком, он написал завещание по образцу, который рекомендовал отцам-иезуитам кардинал-архиепископ Миланский, а привез из Рима в Англию Кэмпион.

9. С Женевой обходились не лучше, чем с Римом, поскольку кальвинизм, распространившийся тогда в Англии и породивший пуританство, считался не менее подозрительным, чем католицизм. Пуритане хотели стереть последние остатки римских ритуалов и уничтожить всякую иерархию, напоминавшую им о «Вавилоне». Они не признавали англиканских священников, выставляли напоказ свое великое отвращение к пороку и необычайное рвение к религии. Они желали реорганизовать государство, вдохновляясь только Библией, и чтобы Англия управлялась старейшинами Церкви. Если бы это было в их силах, они восстановили бы все законы Моисея, включая закон возмездия «око за око, зуб за зуб» и смертную казнь за богохульство, клятвопреступление, несоблюдение субботы, прелюбодеяние и блуд. Это фанатичное пуританство тревожило королеву, епископов и самых разумных из верующих, но умеренное пуританство приобретало последователей. Однако напрасно епископы предлагали суровые меры против пуритан в парламенте 1593 г. — закон не был принят. «Они ведь в самом деле Божьи люди, — говорили ораторы. — Они искренни и воистину пророки». И хотя престиж Елизаветы был таков, что эти пророки в борьбе против нее не могли одержать верх, их благочестивая демагогия станет гораздо опаснее для ее преемников.

IX. Елизавета и море

1. Когда европейские мореплаватели, пытаясь добраться, несмотря на исламскую преграду, до пряностей, благовоний и драгоценностей Востока, открыли земли, расположенные за Атлантикой, казалось, что лишь немногие народы способны участвовать в этих завоеваниях. Италии приходилось защищать Средиземное море от турок; Францию раздирали Религиозные войны; Англии корабли были нужны возле ее собственных берегов. Только Испания и Португалия оспаривали друг у друга новые континенты. Эти две католические державы выбрали третейским судьей папу Александра VI. Какой могла быть справедливая граница между неизведанными землями? Папа попросту прочертил на карте мира линию от одного полюса до другого. Прямую линию, если Земля плоская,

Неизвестный художник. Портрет королевы Елизаветы на фоне морского пейзажа. Около 1588

большую окружность, если Земля круглая. Как бы то ни было, всем землям, открытым к западу от этой линии, предстояло стать испанскими, а к востоку — португальскими. Это значило отдать Португалии Африку и Индию; Испании — всю Южную Америку, кроме Бразилии. Так что Португалия стала строить империю от Персидского залива до Малайзии, и груженные благовониями каракки наполнили их ароматом гавань Лисабона. А испанцы обнаружили между Европой и Индией континент без мечетей, без базаров, без арабов и индусов, но где некогда расцвела изумительная цивилизация, где из золотых, серебряных и рубиновых копей текли потоки богатств и где империи — Монтесумы в Мексике, инков в Перу — накопили множество сокровищ, плохо охраняемых плохо вооруженными народами. А вскоре через Океан устремились груженные золотом галионы, и богатство королей Испании стало баснословным.

2. Разумеется, правительство Марии Тюдор могло только уважать владения Филиппа II. Но они покрывали весь мир. Благодаря своим итальянским провинциям король Испании был хозяином Средиземного моря, благодаря бургундским провинциям контролировал фламандскую торговлю и устье Рейна, благодаря своим американским колониям владел богатейшими в мире месторождениями золота и серебра. Его финансовое и торговое могущество казалось необоримым. Английским купцам, обреченным лишь принюхиваться на расстоянии к изумительному пиршеству католических королей, оставалась только надежда. Поскольку Испания открыла юго-западный проход, а Португалия — юго-восточный, ведущий в Индию, то, быть может, существовал и северо-восточный или северо-западный проход? Английские мореходы долго его искали. Ченселор отправился на северо-восток, но обнаружил только путь в Московию; Фробишер — на северо-запад и был остановлен полярными льдами.

3. Хотя английские монархи не осмеливались порвать с грозной Испанией, хотя сама Елизавета требовала, чтобы против испанских колоний официально не было предпринято никаких враждебных военных действий, английским купцам не было никакого резона соблюдать соглашения, которые закрывали для них богатейшие регионы мира. «Английское пиратство было известно с XV в.; в XVI в. оно достигло патриотических пропорций». Граница между коммерцией и пиратством плохо определена. Некоторые формы пиратства были легальны. Капитан, ограбленный чужеземным судном, получал «каперское свидетельство», позволявшее ему возместить убытки на любом другом судне под флагом обидчика. Даже иностранные суды признавали эти «каперские свидетельства» и, вместо того чтобы повесить запасшихся ими пиратов, относились к ним как к коммерсантам. Английские моряки, владевшие кораблями с несколькими пушками на борту, открыто занимались разбоем, грабя возвращавшиеся из Индии португальские корабли. Другие организовывали приносившие им барыши рейды в испанские колонии и оказывались там конкурентами французских корсаров, у которых в подобных предприятиях имелся большой опыт.

4. Джон Хоукинс, сын фрахтовщика из Плимута, был первым, кто попытался заменить пиратство упорядоченной торговлей с испанскими колониями. Будучи купцом и настолько же моряком, он с отрочества участвовал в экспедициях к берегам Гвинеи, где и научился искусству захватывать негров и затем перепродавать их по хорошей цене на Канарских островах. В 1562 г., действуя уже на свой счет, он захватил много рабов и обменял их в испанских колониях на имбирь и сахар. «Это первое плавание сделало его богатейшим человеком в Плимуте, второе — богатейшим человеком

Корнелис Кетель.
Английский путешественник
Мартин Фробишер. Около 1577

в Англии». Совершая третье, он зашел, чтобы пополнить запасы, в испанский порт Сан-Хуан-де-Улоа. Пока он там был, прибыл испанский флот. Хоукинс был не в силах с ним драться, поэтому попытался заключить полюбовное соглашение, но испанский вице-король повел себя с ним как с врагом. По возвращении Хоукинс пожаловался королеве. Елизавета и ее совет торжественно объявили, что он был не прав, что к испанским владениям должно относиться с уважением и что если моряки нарушают договоры, то пусть делают это на свой страх и риск. После чего она приняла виновного к себе на службу с большими похвалами и сделала его казначеем флота, которому он передал свой опыт. Но нет никаких сомнений, что Испания еще долго сохраняла бы владычество на море, если бы ей не бросил вызов сэр Фрэнсис Дрейк.

5. Фрэнсис Дрейк был легендарным моряком, отважным до безрассудства, способным приговорить к смерти одного из своих помощников, если того требовала дисциплина на борту, и дружески провести с осужденным последние часы, прежде чем повесить его; несмотря на суровость, моряки обожали его, а вскоре он стал кумиром и всей Англии. Хоукинс безуспешно пытался наладить с испанскими колониями легальную торговлю; Дрейк сразу же сделал ставку на незаконность и бросился в это дело очертя голову. С двумя кораблями и полусотней людей он атаковал мощнейшие крепости испанцев и в воскресенье, в час проповеди, привел в Плимут свой маленький корабль с грузом золота. Моряки Плимута не могли удержаться и вывалили из церкви, чтобы узнать новости. Оказалось что Дрейк высадился на Дарьенском перешейке, атаковал караван, перевозивший на ста мулах золото из Перу, рассеял военный эскорт и захватил сокровище. Это приключение втайне очаровало Елизавету. В 1577 г. Дрейк отправился на «Золо-

той лани»[1] в большое плавание, предполагая совершить кругосветное путешествие через Магелланов пролив и Индию. Экспедиция была предпринята за счет многих компаньонов, в числе которых была и сама Елизавета, продолжавшая официально порицать нападения в мирное время на дружественную державу, но тем не менее собиралась твердо потребовать по его возвращении свою часть добычи.

6. На сей раз флотилия Дрейка была вооружена пушками и насчитывала несколько сотен человек. Он считал, что этого достаточно, чтобы атаковать те острова и порты, где Испания располагала всего одной крепостью. Прибытие флотилии Дрейка удивило испанских губернаторов. А англичане требовали выкуп и грозили сжечь города. Но это была лишь второстепенная выгода; настоящей целью Дрейка было обнаружить флот, который каждый год доставлял из этого Эльдорадо груз золота и серебра. И вот где-то между Лимой и Панамой некий индеец, плывший через бухту на пироге и неспособный отличить англичанина от испанца, принял Дрейка за одного из своих господ и указал ему место, где стояла на якоре флагманская галера, доверху груженная золотом. Дрейку оставалось только перегрузить сундуки к себе на борт. Потом, переплыв через Индийский океан и обогнув мыс Доброй Надежды, он в 1580 г. вернулся в Англию с добычей в 326 580 фунтов (примерно 400 млн франков в наших деньгах[2]). Елизавета получила прекрасную долю из этой добычи, остальные компаньоны, по слухам, до 4700% с капиталов, которые доверили Дрейку. А он, проходя мимо Картахены с грузом награбленного у испанцев золота, поднял флаг Святого Георгия.

7. Когда в Испании узнали о подвиге Дрейка, это всколыхнуло волну ярости против моряков Северной Иезавели. Послу Испании в Лондоне было поручено заявить протест. Елизавета ответила, что ничего не знала об этом деле, но что она, конечно, будет последней, кто потерпит неосмотрительные нападения на владения своего возлюбленного брата. Тем временем Хоукинс приводил флот в боевую готовность, и королева поручила своему лучшему финансисту сэру Томасу Грешему (Gresham) купить для нее оружие в Антверпене и пушки в Мехельне. Она, без сомнения, чувствовала себя уже готовой к военным действиям, когда взяла с собой испанского посла на борт корабля Дрейка, сурово сказала тому, что испанцы считают его пиратом, потом, приказав виновнику преклонить колени на

[1] В начале плавания корабль Дрейка назывался «Пеликан», он переименовал его в «Золотую лань», лишь пройдя через Магелланов пролив в Тихий океан.

[2] Некоторые дают несколько иную цифру, но нас интересует только порядок этой величины. — *Прим. авт.*

палубе, со спокойным величием произвела его в рыцари и заключила: «Встаньте, сэр Фрэнсис». Война между Испанией и Англией становилась неизбежной. Инквизиции было поручено судить содержавшихся в испанских тюрьмах английских моряков как еретиков. Сэр Фрэнсис Дрейк, опустошив испанские колонии во главе Королевского флота, утвердил право английских моряков на свободу морей и вероисповедания. Филипп приказал, чтобы в Кадисе для нападения на Англию снарядили Непобедимую армаду. Дрейк с неслыханной отвагой обогнул Испанию, вошел в этот укрепленный порт и выстрелами из пушек уничтожил самые прекрасные боевые галеры. За несколько минут галера (или весельный крейсер), тысячелетиями царившая на Средиземном море, оказалась обречена, проиграв паруснику.

8. Филипп был достаточно упрям; несмотря на ущерб, причиненный Дрейком в Кадисе, в 1588 г. восстановленная Армада была готова. Испанцы подготовили грандиозный и изобретательный план. Александр Фарнезе, герцог Пармский, командовавший испанскими войсками в Нидерландах, должен был подготовить тридцатитысячный десантный корпус и баржи для его доставки в Англию. Но поскольку погруженная на борт пехота была беззащитна, требовалось оградить место переправы прибывшими из Испании боевыми кораблями, готовыми остановить любое неприятельское судно. Во главе Армады, которая привезла из Испании 30 тыс. других солдат, был поставлен большой вельможа герцог Медина-Сидония, выдающийся солдат, но не разбиравшийся в морских делах. Английским флотом командовал лорд Чарльз Говард (Howard), у которого под началом были Хоукинс, Дрейк и Фробишер; флот состоял из 34 боевых кораблей, построенных для Елизаветы Хоукинсом, достаточно мощно вооруженных, но более вытянутых и низких, нежели корабли Генриха VIII, и 150 торговых судов, снабженных пушечными портами. Большой испанский флот прибыл к Плимуту строем, который напоминал построение сухопутной армии. Герцог Медина-Сидония рассчитывал, по тогдашнему обыкновению, превратить морскую битву в пехотное сражение. Уже были приготовлены абордажные крючья, и непобедимая испанская пехота сгрудилась на палубных надстройках, когда увидела, что английский флот совершает неожиданные маневры. Корабли Дрейка и Хоукинса шли гуськом на таком расстоянии, чтобы никакое оружие не могло их достать. Тут-то и началась трагедия. Англичане открыли огонь, и до отчаявшегося, но совершенно бессильного Медины-Сидонии дошло, что дальнобойность английских пушек позволяет им преспокойно обстреливать его, а сам он не имеет никакой возможности ответить. Ему оставалось только прервать битву, что он и сделал, как смог, приблизившись к Нидерландам и войскам герцога

Пармского. Ему удалось уйти без слишком серьезных потерь. Сражение не было решающим, потому что английскому флоту не хватало боеприпасов. Вторжение испанцев в Англию из Нидерландов все еще было возможно.

Неизвестный художник. Английский мореплаватель сэр Фрэнсис Дрейк. После 1580

9. Однако герцог Пармский был пока к этому не готов и попросил у Медины-Сидонии две недели. Как только английские адмиралы увидели, что испанский флот встал на якорь возле Кале, они атаковали его брандерами, начиненными порохом и смолой. Испанцы, спасаясь от этой новой напасти, перерубили якорные тросы и ушли в Северное море. Там английские пушки лишили способности к маневрам множество кораблей. Вмешалась буря. Куда плыть? В Швецию? Шотландию? Ирландию? Герцог выбрал Ирландию, католическую страну, где он, по крайней мере, мог надеяться пристать, и попытался обогнуть север Шотландии. Если бы он был моряком, то понял бы, что его корабли были не в состоянии предпринять такой сложный переход. На борту многих судов уже не было питьевой воды. А вскоре хаос обернулся катастрофой. Рассеянный ветром, ограбленный прибрежными жителями флот, который еще неделю назад был Непобедимой армадой, оказался во власти волн и скал. Из 150 кораблей в Испанию вернулись едва полсотни. Из 30 тыс. солдат 10 тыс. погибли в кораблекрушениях, не считая сраженных ядрами и болезнями. Испания утратила свое морское могущество.

10. Эта военно-морская победа, которая сегодня видится нам первым признаком английской мощи, в глазах современников была далека от окончательной. Несмотря на поражение Армады, Испания оставалась самой сильной страной Европы, а Англия — небольшим островом без армии. Полем сражений этой неравной борьбы стала Франция, раздираемая Религиозными войнами; Елизавета защищала французских гугенотов, Филипп объединился с Католической лигой. Протестантские войска были побеждены.

На море англичане попытались совершить новую экспедицию в Кадис и продолжили подрывать испанскую торговлю от Азорских островов до Антильских. Но Филипп построил новую Армаду и успешно вторгся в Ирландию. Англия в 1588 г. пылала чувством патриотического триумфа, который легко заметен в исторических пьесах Шекспира, но в последние годы царствования Елизаветы, когда английская армия потерпела поражение от ирландских повстанцев, а Испания заняла порты Ла-Манша, в стране распространился пессимизм. Драмы Шекспира вполне отражают умонастроения зрителей: гамлетовская меланхолия в конце XVI в. была самым распространенным чувством среди англичан, хотя этому обычно не верят.

11. Говорить, что первоосновы Британской империи заложены во времена Елизаветы, было бы не совсем точным. Ньюфаундлендом, куда английские рыбаки плавали уже давно, Англия завладела в 1583 г., хотя и не слишком надежно. Один из фаворитов королевы, а также один из самых образован-

Неизвестный художник. Сражение между английским флотом и Непобедимой армадой в августе 1588 г. XVII в.

ных людей королевства сэр Уолтер Рэли растратил бóльшую часть своего состояния, пытаясь основать на берегах Северной Америки колонию, название которой дала сама королева — Виргиния. Но группа колонистов, которых он там оставил во время экспедиции 1587 г. (89 мужчин, 17 женщин), не была обнаружена, когда через два года туда прибыла вторая экспедиция с припасами для первой. Считается, что картофель и табак завез в Англию один из слуг Рэли. Сам Рэли был среди первых закуривших европейцев. Он ввел эту новую моду, предлагая своим друзьям маленькие трубки с серебряной головкой. В последующие царствования налог на табак дал 5000 фунтов в 1619 г., 8340 фунтов в 1623 г., из расчета 6 шиллингов 8 пенсов с фунта ввезенного табака. Большие компании, акционерные общества, которые добивались монополии в определенных странах, в XVI в. разрослись. Мы уже упоминали о компании *Merchant Adventurers*, которая контролировала в основном речную немецкую торговлю по Рейну и Эльбе. Другая компания занималась коммерцией на Балтике. Московская компания имела монополию на торговлю с Россией, Арменией, Персией и Каспийским регионом. Левантийская компания использовала Турцию. В самом конце царствования Елизаветы, в 1600 г. была основана Ост-Индская компания *(East India Company)*, которая имела исключительное право торговли с островами и портами Азии, Африки и Америки, от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива. Этой компании предстояло вступить в военный конфликт с португальцами и голландцами. «Из-за гвоздики, — писал Торольд Роджерс, — было пролито больше крови, чем из-за династических споров». Система *больших компаний*, возбуждавшая одновременно страсть к завоеваниям и коммерческую алчность, была во всех своих проявлениях самым опасным для туземцев видом колонизации, которую к тому же было труднее всего контролировать общенациональному правительству.

Титульный лист «Всемирной истории» Уолтера Рэли. XVII в.

X. Елизавета и Мария Стюарт

1. После неудачи Эдуарда I Шотландии удалось остаться независимой от английских королей. Грубая и недисциплинированная шотландская знать оставалась совершенно феодальной. У власти была династия Стюартов, которая через Роберта Стюарта (Robert the Stewart) происходила от рода Брюсов. Эта династия опиралась на Католическую церковь и на союз с Францией, что не могло не беспокоить Англию. Стюарты, столь же образованные, как и Тюдоры, и проявлявшие интерес к богословию, поэзии, архитектуре и даже фармакологии, не скрывали, однако, под этой блестящей поверхностью, как их английские кузены, реалистичный здравый смысл. Якову IV Стюарту Генрих VII Английский отдал в жены свою дочь Маргариту. «А вы не боитесь, — спросили его советники, — что из-за этого брака корона Англии попадет в руки какого-нибудь шотландца?» — «В таком случае сама Шотландия окажется присоединенной к Англии». Маргарита Тюдор произвела на свет Якова V Стюарта, а от брака этого Якова с француженкой Марией де Гиз родилась Мария Стюарт. Она появилась на свет незадолго до смерти своего отца и еще в колыбели стала королевой дикого и сурового народа. Ее мать Мария де Гиз, регентша Шотландии, отправила ее воспитываться во Францию, где она превратилась в бледную девушку с продолговатым лицом, чьи красивые глаза понравились дофину Франциску. Едва она вышла за него замуж, как ее свекор Генрих II умер, так что Мария Стюарт, королева Шотландии, оказалась еще и королевой Франции. Однако по своей тюдоровской крови она была ближайшей наследницей английского трона — и, быть может, могла бы даже стать королевой Англии, если бы Елизавету признали незаконнорожденной. Можно представить себе, какую важность вся Европа придавала поступкам и чувствам этой совсем молодой женщины, но уже государыни трех королевств. В 1560 г. ее муж, страдавший туберкулезом, умер от свища в ухе; клика Гизов потеряла во Франции всю свою власть, а Мария Стюарт была вынуждена уехать в Шотландию.

2. Она собиралась править страной, весьма мало расположенной к тому, чтобы ее принять. Новая реформатская религия стала притягательной силой и для народа Шотландии, бедного и серьезного, которому никогда не нравился феодальный образ жизни католических епископов, и для шотландской знати, которая, прельстившись английским примером, зарилась на монастырское имущество как на свою законную добычу. Серия религиозных революций и контрреволюций закончилась, благодаря поддержке Елизаветы, победой протестантской партии, *Конгрегации Христа*, полуполитического-полурелигиозного сборища, где были представлены народ, Церковь и дворяне, — эти последние и были вожаками с титулом лордов Конгрега-

ции. Кардинал Дэвид Битон был изувечен и выброшен из окна своего замка Сент-Эндрюс. Торжественная клятва, или ковенант (*covenant*), которую давали с серьезностью, свойственной этому племени, связала протестантов Шотландии между собой и с Богом. Настоящим хозяином Шотландии ко времени возвращения Марии Стюарт (1561) был пастор Джон Нокс, человек опасный из-за силы и узости своей веры, чье тяжеловесное библейское красноречие нравилось его соплеменникам. Нокс был сначала католическим священником, потом англиканским. Это он вынудил Кранмера отменить коленопреклонение во втором издании общего молитвенника, *Prayer Book*. После убийства кардинала он был захвачен французскими войсками, отправленными на помощь прелату, и стал узником в замке Сент-Эндрюс, затем провел девятнадцать месяцев на галерах короля Франции. Во времена Марии Тюдор он жил в Женеве, и там его совершенно покорило учение кальвинизма. Как и Кальвин, Нокс верил в предопределение свыше; он полагал, что религиозную истину надо искать только в Священном Писании, не примешивая сюда никакую догму, введенную людьми; что культ должен быть суровым, без всякой пышности и изображений; что епископов и архиепископов должно заменить кальвинистское установление «старейшин Церкви». Наконец, Джон Нокс верил, что является одним из избранных и непосредственно вдохновлен Богом. Убедив шотландцев во всем этом, он превратил Шотландскую *Hirk* в Пресвитерианскую церковь — лишенную иерархии и совершенно демократичную. В каждом приходе верующие сами назначали своих пасторов, и на общем собрании Церкви эти пасторы и светские *лэрды (lairds)* заседали вместе. Союз сквайров и буржуа для надзора за короной, союз, который в Англии воплощал парламент, принял в Шотландии форму церковной ассамблеи. Государством тут стала Церковь.

3. У Джона Нокса было много веских причин ненавидеть Марию Стюарт. Она была католичкой, а Нокс обличал в своем праведном негодовании «Алую Женщину»; она была женщиной, а он написал во времена Марии Тюдор и Марии де Гиз памфлет, направленный против королев и регентш *(The First Blast againts the monstruous Regiment of Women)*; наконец, она была королевой Франции, а Нокс знал во Франции только свою каторгу. «Бог, — сказал он, узнав о смерти Франциска II, — послал нам радостное избавление, ибо муж нашей королевы умер от болезни, поразившей его ухо, — это глухое ухо, никогда не желавшее слышать Истину». Когда Мария Стюарт, вернувшись в Шотландию, сошла на землю, порт накрыло густым туманом. «Сам лик неба, — заявил Нокс, — достаточно ясно показывает нам, что эта женщина принесла в страну». Она принесла молодость, грацию, поэзию, а нашла здесь насилие, фанатизм и ненависть. Сначала подданные встретили ее бурными изъявлениями своих чувств, но сами эти изъявления

Неизвестный художник.
Портрет Марии Стюарт. 1585

были способны скорее напугать молодую женщину. Под ее окнами всю ночь распевали псалмы. На пути ее кортежа были устроены подмостки, где радостные картины изображали идолопоклонников, сжигаемых за свои грехи. В первое воскресенье, когда королева велела отслужить для себя мессу, окружавшие ее *праведники* чуть не убили священника. Мария с терпением, удивительным для молодой женщины двадцати восьми лет, постепенно добивалась успеха. Она мало говорила, присутствовала на заседаниях совета, занимаясь рукоделием, и своим обаянием завоевала некоторых из дворян-протестантов. Она благожелательно приняла и самого Джона Нокса. Взамен тот поведал ей о долге подданного восстать против нечестивого порядка, как то явствует из Библии, которая приводит истории Исаии и Езекии, Даниила и Навуходоносора и еще много других исключительно полезных примеров. Раньше королеве никогда не доводилось встречать пророка: она была ошеломлена и, без сомнения, сражена. «Я вижу, — сказала она ему печально, — что мои подданные повинуются не мне, а вам». Он ответил, что ограничивается требованием и к властителю, и к народу, чтобы и тот и другой повиновались Богу. Потом разразился проповедью — о мессе, церемонии, которая, по его утверждению, не предписана Библией. Мария не была сильна в богословии, но дала очаровательный ответ: «Если бы те, кого я некогда слышала, сейчас были здесь, они знали бы, что вам ответить». Нокс ее покинул, пожелав ей преуспеть в Шотландии, подобно Деворе среди народа Израиля.

4. Отношения между Марией и Елизаветой были непростыми. К политическим конфликтам примешивалась женская ревность. Когда Мелвилл, посол Марии, прибыл в Лондон, Елизавета сделала все, чтобы его очаровать. Она говорила на всех языках, которые знала; играла на лютне и спрашивала, играет ли на ней Мария так же хорошо; танцевала перед шотландцами и сказала, что наверняка Мария не танцует так же ловко; она хотела знать, красивее ли ее белокуро-рыжие волосы, чем каштановые Марии.

Неизвестный художник. Портрет Елизаветы I, королевы Англии. Между 1580–1585

Мелвилл удалился, сказав, что Елизавета — красивейшая из королев Англии, а Мария — красивейшая из королев Шотландии. Елизавета еще спросила, кто из них двоих выше ростом. Это точно была Мария Стюарт. «Тогда, — сказала Елизавета, — она чересчур высока». Джон Нокс нашел в этих речах главы государства доводы против «чудовищного и противоестественного женского правления». Но легкомыслие Елизаветы было всего лишь удобной маской. Ее позиция по вопросу престолонаследия оставалась неизменной. Она не могла согласиться ни с тем, чтобы королева Шотландии именовала себя королевой Англии, ни с тем, чтобы в ее гербе соединились гербы обоих королевств, даже если сама Мария не принимала никаких мер к тому, чтобы заявить свои права. Такие притязания могли бы серьезно подорвать лояльность английских католиков, живших в основном на севере, на границе с Шотландией. Если бы Мария вышла замуж за католического принца, французского или испанского, Англия могла бы опасаться новой Марии Тюдор. Зато если бы она согласилась выйти замуж за какого-нибудь английского протестанта, выбранного Елизаветой, она (Елизавета) была вполне готова объявить, что после ее собственной кончины корона отойдет Марии, и направлять наследницу своими советами.

5. Между двумя королевами установилась дружеская переписка, где Елизавета, играя роль старшей сестры, одаривала свою кузину энергичными изречениями: «Удалите колючий кустарник, а не то шип может вонзиться в вашу пятку... Камень часто падает на голову тому, кто его бросил». Советы довольно плоские, но, быть может, полезные, поскольку Мария, проявив в начале своего царствования столько терпения, теперь уступила своей раздражительности. Когда Джон Нокс, который продолжал отчитывать ее «с такой суровой властностью, будто состоит в Тайном совете самого Господа Бога», предостерег королеву от возможного брака с папистом, она вызвала его к себе и долго говорила в гневе: «Я терпела ваши суровые

Стевен ван дер Мейлен.
Портрет Роберта Дадли, графа Лестера.
Около 1564

выпады против меня и моих дядюшек. Я старалась понравиться вам всеми возможными средствами. Я принимала вас столько раз, сколько вам было угодно поучать меня. И однако, вы не оставляете меня в покое! Клянусь перед Богом, однажды я буду отомщена». В этот момент ее речь прервали рыдания, и маленький паж с трудом нашел достаточно салфеток, чтобы осушить ее глаза.

6. Мало найдется женщин, которые заслуживают большего снисхождения, нежели Мария Стюарт, брошенная в романтическое и жестокое время такой молодой, без верных советников в самую гущу неразборчивой в средствах знати и бесчеловечных проповедников. Мужество позволило ей выиграть первую партию. Но как только она позволила женщине возобладать над королевой, ошибки стали следовать одна за другой. То, что она отказалась от красавца Лестера, которого прочила ей в качестве мужа Елизавета, вполне естественно; у нее не было ни малейшего желания принимать бывших ухажеров своей кузины, а впрочем, Лестер был бы плохим королем. Правда, Дарнли, которого она сама выбрала, был еще хуже; конечно, он, как и она, происходил из Тюдоров, а его молодое тело было не лишено грации, но у него была низкая душа, трусливое сердце и внезапные приступы бешенства. Мария устала от него так же быстро, как и увлеклась им. И тогда она совершила глупость, взяв советником ничтожного итальянского музыканта Давида Риццо, приехавшего в Шотландию в свите Эммануила-Филиберта, герцога Савойского. Оскорбленные вельможи двора, видя, что им предпочли выскочку, поклялись отомстить. Вместе с Дарнли они сговорились избавиться от Риццо и убили его буквально у юбок Марии, когда тот с ней ужинал. Через три месяца она родила сына, которому предстояло стать Яковом VI Шотландским и Яковом I Английским и про которого тогда поговаривали, что он сын Риццо. Положение Марии становилось нестерпимым. Она ненавидела своего мужа Дарнли и безумно любила самого ужасного из шотландских вельмож графа Босуэлла, который сначала

изнасиловал ее, а потом покорил и кого вся Шотландия презирала. Босуэлл подготовил убийство короля. Была ли в этом замешана и Мария Стюарт? Несомненно лишь то, что королева устроила заболевшего Дарнли в стоявшем на отшибе сельском доме в Кирк-о-Филде, неподалеку от Эдинбурга; она покинула его вечером; ночью дом взорвался, а мертвого Дарнли нашли в саду. Никто не сомневался в виновности Босуэлла. Однако через три месяца после убийства своего мужа королева вышла замуж за убийцу. Это было больше, чем могло стерпеть общественное мнение, даже в XVI в. Папа, Испания, Франция, все друзья отвернулись от Марии. Шотландцы восстали. Босуэлл после короткой борьбы довольно трусливо бежал, а Марию доставили пленницей в Эдинбург солдаты, кричавшие: «Сжечь потаскуху!» Она была низложена в пользу своего сына Якова VI. Как сказал венецианский посол, ее история показала, что «государственные дела — не женское ремесло».

7. Она была бы тогда наверняка казнена, если бы ее не защитила Елизавета, к большому сокрушению Сесила и Уолсингема, которые могли объяснить политику своей государыни только ее отвращением к шотландским мятежникам и нежеланием, чтобы ее собственным подданным запомнился в качестве примера вид обезглавленной королевы. Наконец, после 10,5 месяца заключения в Лох-Левене Мария в мае 1568 г. бежала оттуда верхом и добралась до Англии. Что собиралась делать Елизавета? Надо ли ей было терпеть в своем королевстве столь опасную претендентку на ее собственный трон? Никогда еще эта великая лицедейка не колебалась так долго. Ее советники обошлись бы с Марией без всякого снисхождения. Этого требовали интересы государства. Джон Нокс писал: «Если Вы не подрубите корень, на ветвях, которые кажутся мертвыми, снова распустятся почки». Мария попросила, чтобы Елизавета начала расследование действий шотландских мятежников; Елизавета согласилась, но приказала своим уполномоченным включить в это расследование и смерть Дарнли, чтобы, как она сама выразилась, очистить «ее сестру» от любого подозрения. Королеве Шотландии были предъявлены письма, которые доказывали ее виновность, пресловутые «Письма из шкатулки». Та в ответ утверждала, что они поддельные. Наконец уполномоченные осмотрительно заявили, что расследование не выявило ничего ни против повстанцев, ни против Марии. Елизавета держала ее пленницей, и нельзя ее за это упрекать, поскольку, увы, несчастная королева Шотландии продолжала участвовать во всевозможных интригах. Количество заговоров, центром которых была Мария, заставляет восхищаться снисходительностью Елизаветы. Именно из-за Марии Стюарт восстал католический Север, из-за нее погиб герцог Норфолк. Она поощряла как Испанию, так и Францию, и герцога Алансонского, и дона Хуана

Австрийского. Вместе с папой и при посредничестве флорентийских банков строила козни против Елизаветы. Палата общин требовала ее голову; Уолсингем называл ее не иначе как *the bosom serpent* («подколодной змеей»). Без сомнения, у Елизаветы было много веских причин, чтобы казнить свою кузину. Но она отказывалась.

8. 1568–1587 гг. Прекрасная бледноликая амазонка стала перезрелой и больной женщиной; ее каштановые волосы поседели. Мария-пленница вышивала кое-что для Елизаветы и, поскольку была неисправима, продолжала плести интриги. Елизавета старела; теперь уже стало ясно, что у нее никогда не будет детей; вопрос престолонаследия становился все острее. После столь долгого заключения папа и Церковь, забыв, что Мария повинна в супружеской измене, а быть может, и в убийстве, снова возлагали на нее большие надежды. Добропорядочные протестанты беспокоились о приближавшейся развязке. Уолсингем, следивший за Марией, регулярно перехватывал ее переписку. После двадцати лет плена она все еще была привязана к «предприятию», целью которого было падение Елизаветы. Однако в 1587 г. война с Испанией казалась близкой. По мысли Уолсингема, прежде чем ввязаться в нее, требовалось устранить источники внутренней опасности. Агент-провокатор взялся завлечь Марию в ловушку. И она отдалась этому всей душой. Группа молодых людей замыслила убить Елизавету; их предводитель написал Марии письмо, в котором объявлял ей о готовившемся убийстве и спрашивал ее мнения. Естественно, оно было перехвачено. Враги Марии с беспокойством ждали ее ответа. И они не были разочарованы. Она не только одобрила убийство, но даже дала убийцам кое-какие советы. Уолсингем торжествовал. Марию судили в замке Фотерингей (Fotheringay) и единогласно признали виновной. Палата общин потребовала немедленной казни. Даже сын королевы Яков не забыл, что смерть матери обеспечит ему трон Англии. «Моя религия всегда заставляла меня осуждать ее поведение, хотя честь принуждает меня защищать ее жизнь...» Елизавета все еще колебалась. Какому чувству она подчинялась? Истинному милосердию? Отвращению перед этим поступком? Страху за спасение своей души? Наконец она подписала приказ о казни. Палачу понадобилось три удара, чтобы отрубить эту голову (8 февраля 1587). Трагедии молодых лет Марии Стюарт были забыты, и в глазах католиков она стала святой.

9. Елизавета дожила до семидесяти лет — возраст весьма преклонный для того времени — и почти до последнего дня блистала, танцевала, флиртовала. Сесил, лорд Бёрли, умер раньше ее; она заменила его вторым сыном министра Робертом Сесилом. Лестеру наследовал в фаворе у старухи его пасынок, граф Эссекс. Он был привлекателен и обворожителен, но высоко-

Казнь Марии Стюарт. Гравюра из книги «Театр жестокости» Ричарда Верстегана. 1588

мерен, нахален и обидчив. Опьяненный неопределенным чувством, которое королева питала к нему и в котором были смешаны материнское покровительство, нежность и чувственность, расхрабрившийся после славной экспедиции в Кадис, сделавшей его кумиром английского простонародья, он стал несносен. Хотя он вел себя по отношению к королеве с неслыханной наглостью и резкостью, она всегда прощала его. Он разыграл свою последнюю карту, потребовав себе командование армией, которую Елизавета послала для подавления ирландского мятежа, спровоцированного испанцами в 1594 г. Став военачальником, он повел себя как избалованный ребенок и предатель, мечтал повернуть войска на Лондон, чтобы свергнуть свою королеву, и в то же время писал ей раздраженные и страстные письма. Теперь Елизавета судила о нем здраво: «Вы получили то, что просили: выбор момента... к тому же власть и авторитет, которых никто прежде не имел». Когда же он вернулся, бросив свою армию, и попытался организовать заговор, чтобы схватить королеву и при надобности убить, она наконец предоставила его собственной участи. По ее словам, «те, кто посягает на скипетр властителей, не заслуживают снисхождения». Красавец Эссекс был обезглавлен в Тауэре, и его конец был смиренным и набожным.

10. Смерть фаворита оттенила меланхолией последние годы королевы. Она все еще красила волосы в «цвет, которого никогда не бывало в природе»; еще украшала себя жемчугами и алмазами, рядилась в серебряные и золотые ткани; еще принимала почести от парламента, обещала ему отменить монополии, которые обогатили слишком многих придворных, и протягивала руку для поцелуя всем этим джентльменам из палаты общин, потому что думала распрощаться со своим последним парламентом. Иногда даже танцевала куранту. Но после этого вскоре опять падала на подушки — конец был близок, и она это предчувствовала. Однако отказывалась назначить своего преемника. Она знала, что им будет Яков VI Шотландский, сын Марии Стюарт, и что ее министры уже переписывались с Эдинбургом. Она никогда об этом не говорила. Ее девизом всегда было «*Video et taceo*» («Видеть и хранить молчание»). В январе 1603 г. она почувствовала себя хуже, легла, отказалась видеть врача, наконец назвала Якова своим преемником, отвернулась к стене и впала в глубокое забытье, из которого уже не вышла.

XI. Англия в Елизаветинскую эпоху

1. Тела елизаветинцев — людей Елизаветинской эпохи — были устроены точно так же, как и наши. У них были такие же мозги, такие же сердца, внутренности, и они, конечно же, испытывали почти те же страсти, что и их потомки. Но они так хорошо скрывали очертания своих тел за изгибами и углами своих одеяний, а естественность своих страстей за блеском метафор, что многие историки стали считать их какими-то монстрами. В частности, они удивлялись контрасту между изысканностью их поэзии и жестокостью их зрелищ, между пышностью их костюмов и грязью их жизни. Однако подобные сюрпризы подсовывает нам любая эпоха, и историки будущего встретят не меньше трудностей, пытаясь примирить интеллект наших ученых и прозорливость наших романистов с глупостью нашей экономики и дикостью наших войн. Те же самые подмастерья и моряки, пересекавшие Темзу, чтобы посмотреть в театре «Глобус» комедию Шекспира, находили удовольствие в дикой травле несчастных медведей сворой собак или в кровавой казни изменника. Быть бесчувственными их приучила привычка, так же как она помогала утонченным Эссексу и Карлейлю принимать вонь лондонских улиц, как она заставляет нынешних эстетов принимать жесточайшую политическую философию нашего времени и ее кровавые последствия.

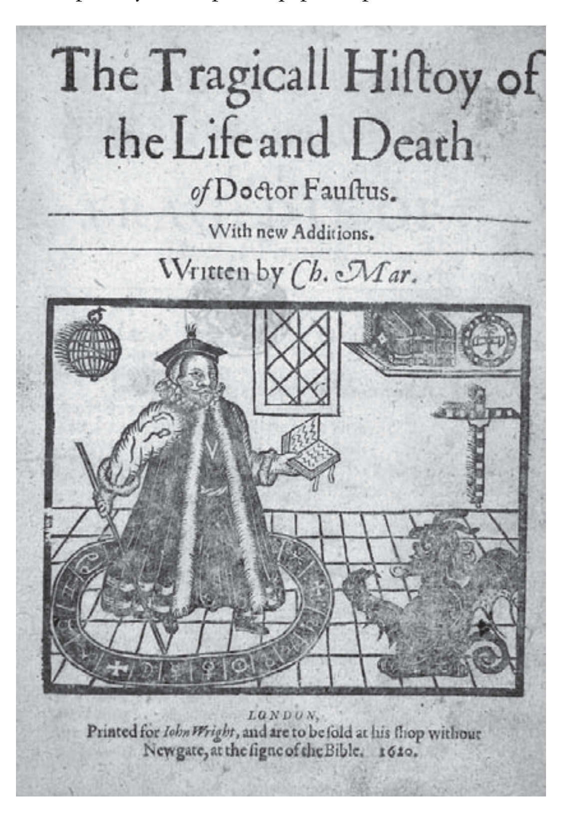
Роберт Пик-старший. Процессия королевы Елизаветы. Около 1600

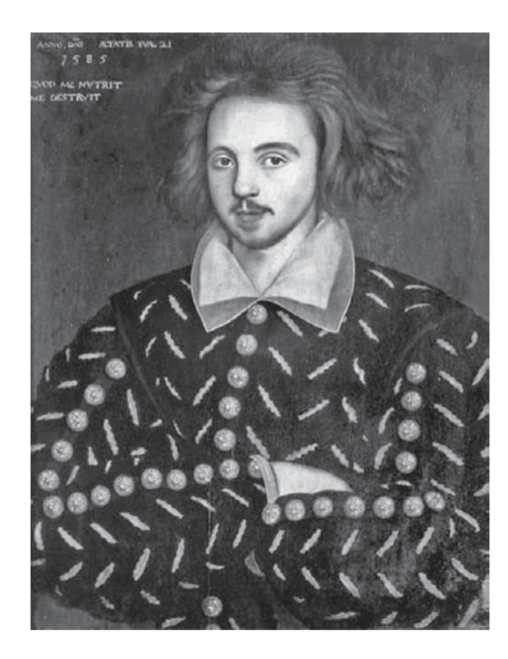
2. Поскольку королева любила роскошь (а впрочем, страна богатела), мода стала для англичан того времени требовательным и капризным тираном. Изобретенные во Франции фижмы были так широки, что превратились в настоящий стол, на котором покоились руки женщин. Над этим объемистым колоколом корсет из китового уса или стали так сжимал талию, что уподоблял ее осиной. Брыжи — огромные кружевные воротники, завезенные из Испании, — были жесткими из-за железной проволоки или крахмала, дьявольского изобретения, которое ввела в Англии жена голландского кучера королевы. Для дамских платьев и мужских камзолов использовались самые богатые ткани: бархат, дамаст, золотая и серебряная парча. Важные вельможи во время своих мифологических увеселений упражняли воображение и состязались с поэтами, которые, впрочем, и сами часто были важными вельможами. В жилища джентри и буржуазии проникали роскошь и комфорт. Дама из общества, прежде чем встать поутру, просила своего пажа разжечь камин, а прежде чем лечь, велела горничной нагреть постель пузырем с горячей водой. Повсюду в сельской местности поднимались новые замки, где итальянская архитектура переплеталась с традиционной готикой. И в садах, и в домах ценили симметрию планов и разнообразие украшений. Тис и самшит подстригали в виде сфер, спиралей.

Язык кавалеров и дам был не менее вычурным, чем деревья в их садах. Роман «Эвфуес» *(Euphues)* Джона Лили был опубликован в 1580 г., и каждая образованная женщина изъяснялась *эвфуизмами*. Удовольствие изобретать слова и обороты, упоение, доставлявшее умам обновление языка, порождали некую вычурность и в стихах, и в речах, доходившую от восхитительного до смешного, притом что не всегда можно было различить границу между тем и этим.

3. Хотя двор и некоторые образованные люди читали сэра Филипа Сидни и сэра Томаса Уайетта, Спенсера, Марло и «Сонеты» Шекспира, под этой радужной поверхностью продолжало струиться мощное пуританское течение. Библиотека леди Хоби (Hoby), каталогом которой мы располагаем, состояла в основном из благочестивых книг: почетное место в ней занимали Библия и «Книга мучеников» Фокса. «Самым читаемым автором шекспировского времени был преподобный Генри Смит». Кроме проповедей, издатели выпускали большое количество рифмованных баллад на злобу дня или религиозных памфлетов наподобие пуританских брошюрок, публиковавшихся под псевдонимом Мартин Марпрелейт (Marprelate). У стихов было не слишком много читателей, но писатели-елизаветинцы жили скорее не продажей своих книг, а дарами покровителей, которым посвящали свои произведения. За театральную пьесу автору платили от 6 до 10 фунтов, а мало-мальски активный драматург писал их от 10 до 12 в год. Наконец, в Лондоне продавали много произведений, переведенных с итальянского и французского, таких как «Декамерон» Боккаччо, «Опыты» Монтеня. У этих иностранных авторов Спенсер и Шекспир находили темы и примешивали к ним, придавая им собственно английское обаяние, окрашенную меланхолией серьезность своей нации, ее деревенскую поэтичность, ее глубокую и серьезную философию.

Титульный лист «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло. 1620





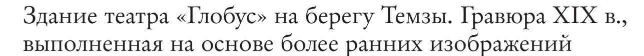
Неизвестный художник.
Предполагаемый портрет
сэра Кристофера Марло. 1585

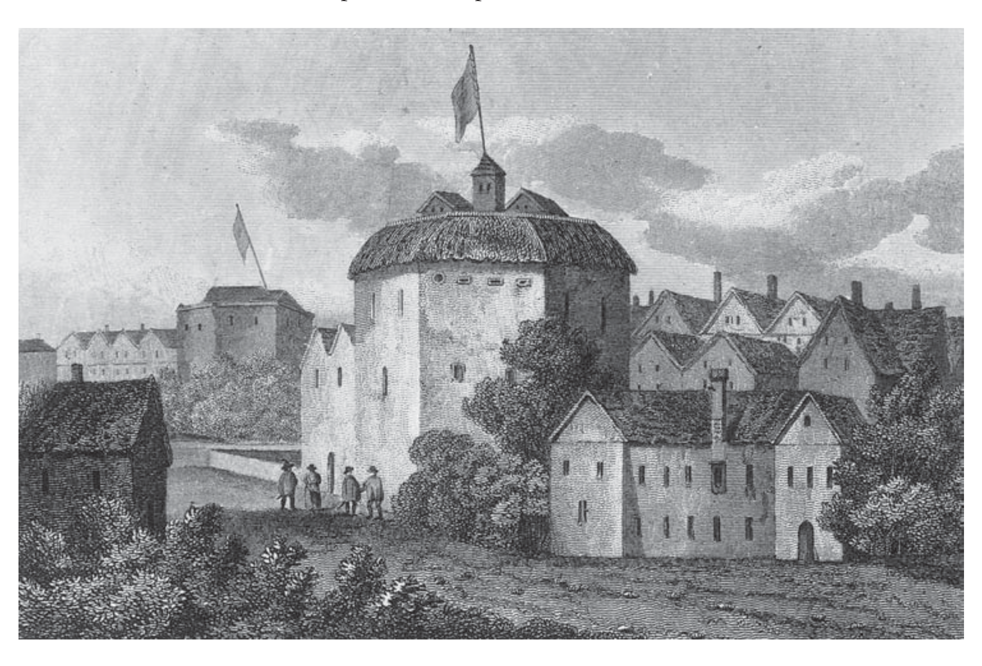
4. Именно в правление Елизаветы театр занял в Англии, и особенно в жизни Лондона, большое место. Со времен Генриха VII тут были комедийные труппы, но мало постоянных театров. Эти труппы играли на постоялых дворах или в парадных залах замков. Когда власти Сити, ставшие пуританскими, изгнали комедиантов, те перебрались на южный берег Темзы, находившийся вне юрисдикции лорд-мэра. Тогда-то и были построены несколько театров, а самым известным из них стал «Глобус», одной десятой долей которого владел Шекспир. Люди легко принимают случайную деталь за нечто постоянное и продуманное. Почти все первые строители театров пытались воспроизвести постоялый двор гостиницы с ее галереей вдоль номеров. Эта галерея была удобна, чтобы изображать собой то балкон покоев дамы, то вершину башни. Зрители платили 1 пенни за вход, от 6 пенсов до 1 шиллинга за сидячее место либо на сцене, либо в галереях, которые в память об изначальной гостинице были разделены на отдельные номера (вот откуда, возможно, и родились наши ложи). Как и сегодня перед ярмарочными балаганами, звук трубы объявлял о начале представления. Публика, состоявшая из подмастерьев, студентов, изучавших право, солдат, дворян, была понятливой и серьезной. Она любила довольно кровавую мелодраму, но была способна понять и наиболее поэтичные пьесы Марло, Бена Джонсона или Шекспира.

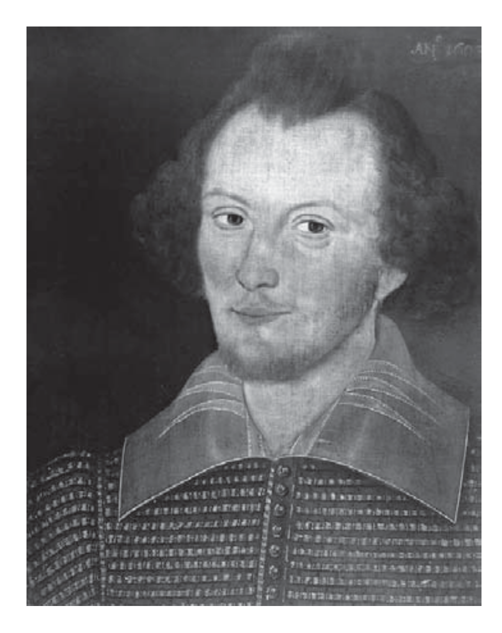
5. Как в нескольких строчках рассказать о Шекспире, который один сотворил целый мир? Превосходил ли он всех прочих драматургов своего времени? И это притом, что они были замечательны, в чем нет никакого сомнения. Но ни у одного из них не было столь широкой гаммы тонов, жанров и сюжетов; никто не умел так соединять самую безудержную поэзию с самым надежно выстроенным сюжетом; никто не высказал о природе человека и его страстях столь глубокие мысли столь сильным языком. Было ли признано современниками его превосходство? Не так единодушно, как оно признано среди нас. Когда около 1590 г. этот драматург и актер начал предлагать свои сочинения разным актерским труппам, конкурируя

с университетскими поэтами-эрудитами, он возбудил их ревность. Но публике полюбились его пьесы. В небольшом обзоре литературы *Palladis Tamia*, опубликованном в 1598 г., его автор, переходя к трагедии и комедии, говорит о Шекспире как о «самом замечательном в этих двух жанрах» и как об «одном из самых пылких из нас, кто живописует печали и недоумения любви». «Если бы Музы могли изъясняться по-английски, — продолжает автор, — они заговорили бы на прекрасном языке Шекспира». Друг придворных, приобщенный к их жизни в конце царствования Елизаветы, Шекспир умел описывать не только любовные страсти, но и страсти честолюбия, и пытку властью. Мудрость народа создана из простых истин, которым великие писатели умели придать неповторимую форму. Мудрость английского народа, инстинктивная, поэтичная, а порой и непоследовательная, обязана Шекспиру тем же, чем мудрость французского народа обязана своим моралистам.

6. Шекспировская Англия предстает перед нами, вся звеня стихами и песнями, и мы охотно представляем себе, как ничтожнейший из подмастерьев или простодушнейший из поселян того времени играет на виоле или сочиняет мадригалы. Разумеется, не стоит преувеличивать поэтичность и веселость елизаветинской Англии. Для масс жизнь была сурова так же, как и сегодня,


Здание театра «Глобус» на берегу Темзы. Гравюра XIX в., выполненная на основе более ранних изображений





Джон Сандерс. Портрет Уильяма Шекспира. XVI в.

и даже больше. Мы видим у Шекспира бодрых крестьянок с покрасневшим носом, которые несут в мороз ведра с молоком, видим их руки, растрескавшиеся от стирки грубого белья. Хотя цена зерна поднялась из-за снижения стоимости золота, безработица в деревнях все еще остро ощущается, так что ближе к концу царствования, в 1597 и 1601 гг., пришлось издать два больших закона о бедняках. Сквайры, чье могущество росло, часто проявляли суровость, а религиозные преследования были опасны для тех, кто хотел независимо мыслить. Но попадались и такие христолюбивые землевладельцы, что проявляли гостеприимство и учтивость. Имения, как и деревни, все еще были самодостаточными. Хорошая хозяйка дома, леди или фермерша, все делала сама, от варенья до свечей. Сельские праздники были прелестны; тут оживали древние языческие традиции, например танцы вокруг Майского шеста *(Maypole)* — мачты, украшенной цветами и зелеными ветвями, которые напоминали о весеннем возрождении, о некоей первобытной Пасхе. Поселяне ставили и весьма мудреные комедии, как это показал нам Шекспир в «Сне в летнюю ночь», и чужестранцы замечали, что англичане были тогда самым музыкальным народом в мире. Этот народ не только порождал таких композиторов, как восхитительный Бёрд (Byrd), но почти во всех домах можно было увидеть лютню, виолу, вёрджинел и книги по музыке. Все гости и многие слуги были способны исполнить песню, заняв место в трех-четырехголосом хоре.

7. Склонность к поэзии и музыке предполагает довольно прогрессивное образование. У людей Елизаветинской эпохи недостатка в нем не было. После Винчестера и Итона богатые покровители основали новые *Public Schools*: Регби (Rugby) в 1567 г., Харроу в 1590-м. В принципе, школы были бесплатными и предназначались для окрестных детей, а основатель оплачивал услуги учителей и детское питание. Только приезжие из других мест должны были платить за пансион, но они почти всегда были детьми крупных помещиков или богатых буржуа. Мало-помалу чужаков становилось все больше, и именно на них стала ориентироваться школа. В Харроу, например, оставалось всего 40 бесплатных учеников *(free scholars)*. Начальное образование давалось в мелких школах *(petty schools)*, часто дамами, которые

THE
WITS,
OR,
SPORT upon SPORT.
IN
Select Pieces of DROLLERY,
Digested into SCENES by way of
DIALOGUE.
Together with Variety of Humors of
several Nations, fitted for the plea-
sure and content of all Persons, either
in Court, City, Countrey, or Camp.
The like never before Published.

PART I.

LONDON,
Printed for Henry Marsh, at the Sign of the Princes
Arms in Chancery-Lane, 1662.

Фрэнсис Киркмен. Фронтиспис книги, посвященной актерскому мастерству. 1662

учили детей алфавиту, начаткам письма; часто они и сами знали не больше. Затем ребенок поступал в *Grammar School*, которую иногда держал прямо в деревне какой-нибудь эрудит. Тогда даже в самом маленьком провинциальном городке встречались люди высокой культуры. Среди друзей семейства Шекспиров в Стратфорд-он-Эйвоне был один лиценциат филологии *(Master of Arts)* из Оксфордского университета; другой читал на латыни для собственного удовольствия. Литературоведы некогда удивлялись познаниям Шекспира, скромного актера. Но знания тогда были доступны и широкой публике, особенно в Лондоне. Если полистать книги, принадлежавшие мужчинам или женщинам того времени, мы найдем там на полях заметки по-латыни, столь же замечательные изяществом формы, как и глубиной мысли, и признаем, что если сегодня научные методы и эффективнее, чем во времена елизаветинцев, то их интеллект и вкус были гораздо выше, чем в наше время у людей того же класса.

XII. Заключение

1. Итак, Англия в XVI в. создала собственные искусство и литературу. Она взяла от европейского Возрождения то, что подходило ее гению, а потом отдалилась от континента. Все во времена Тюдоров способствовало тому, чтобы сделать ее еще более «островной» и обособленной, — создание мощного флота, разрыв с Римской церковью. Стоит прочитать в мемуарах Сюлли рассказ о французском посольстве в Лондоне в начале следующего века, чтобы оценить, каким был тогда размах английской ксенофобии. «Англичане, несомненно, нас ненавидят, — пишет Сюлли, — и ненавистью столь сильной и столь всеобщей, что мы попытались определить естественные склонности этого народа. На самом деле эта ненависть — скорее следствие его гордыни и самодовольства, поскольку не найдется в Европе народа более высокомерного, более заносчивого, более опьяненного идеей собственного превосходства. Если им верить, ум и рассудок имеются только у них; они превозносят свои мнения и презирают мнения всех прочих наций, и им никогда не приходит в голову мысль послушать других или усомниться в самих себе. Впрочем, они по своему нраву более ошибаются насчет самих себя, чем насчет нас. Они всецело зависят от своих прихотей. Будучи опьянены морем, они, можно сказать, заразились его непостоянством». Один из секретов популярности Тюдоров — это искусство, с которым они льстили островным предрассудкам и гордыне своих подданных.

2. Правление королей династии Тюдоров было сильным, но эта сила происходила не от армии и не от полиции. Опираясь на общественное мнение, на йоменов, фермеров и купцов, оно завладело духовной властью. Короли Франции и Испании заключили союз с Римской церковью, чтобы создать абсолютные монархии; короли же Англии заключили союз с парламентом, чтобы изгнать Римскую церковь и возглавить свою собственную национальную Церковь. Если бы две католические державы договорились между собой, чтобы раздавить это маленькое королевство, приверженность Реформации привела бы к падению Англии. Тюдоров спасло соперничество Габсбургов и Валуа. Благодаря разобщенности Европы Англия смогла осуществить политику «баланса сил», обусловленную ее островным положением и состоявшую в том, чтобы собирать против наиболее сильной державы континента коалиции и оказывать им поддержку своим богатством и своим флотом. Во времена Елизаветы Англия еще не проводит имперскую политику, и в XVI в. еще никто и представить не может, что территории по ту сторону океана, столь вожделенные из-за своих богатств, могут однажды стать колониями для ее переселенцев.

3. В начале XVII в. умы монархов уже не посещает римская и христианская мечта о Европейской империи. Сила национального государства становится единственной целью их усилий. Эта сила порой принимает различные формы. Во Франции и Испании центральная власть управляет через чиновников, которые опираются на солдат; в Англии местные органы власти Средних веков сохранили весь свой престиж. Тюдоры уважали парламент — связующее звено между королем и общественным мнением графств, городов и деревень. Генрих VIII воспользовался им, чтобы навязать стране религиозную реформу. Елизавета так усердно флиртовала со своим парламентом, что это позволило ему поверить в свою силу. В 1583 г., то есть на пике могущества королевы, сэр Томас Смит написал: «Самая высокая и самая абсолютная власть королевства Английского установлена парламентом, поскольку предполагается, что там представлен каждый англичанин, либо лично, либо по доверенности, от принца и вплоть до самого ничтожного человека Англии, так что одобрение парламента считается всеобщим одобрением». В конце правления Елизаветы парламент осознал свою силу, и критика действий короны, хоть и оставаясь почтительной, ясно показывала независимость и властность палаты общин.

4. Подобно тому как феодализм умер из-за собственных успехов, английская монархия вскоре будет ослаблена из-за тех самых благодеяний, которые окажет. Необычайное уважение, окружавшее Тюдоров, объясняется как собственными заслугами этой династии, так и воспоминаниями о несчастьях, которые предшествовали их воцарению. Но «когда опасность миновала, святого проклинают». Вскоре, ободренные внутренним порядком, который восстановила монархия, и внешней безопасностью, которую гарантировали одновременно новая морская мощь Англии и разобщенность Европы, сквайры и буржуазия попытаются навязать королям свою волю, выраженную парламентом. Корона и палата общин сыграют в Англии большую партию, ставкой в которой будет верховная власть; неосторожность новой династии отдаст победу парламенту.

Книга пятая

ТОРЖЕСТВО ПАРЛАМЕНТА

Потомки Генриетты, дочери Карла I, были отстранены от трона законом 1701 г. в пользу ветви от Елизаветы, дочери Якова I.

I. Яков I Стюарт и религиозная проблема

1. Трое Тюдоров стали национальными божествами. Им в угоду сменил религию их народ, духовенство и даже епископы. По одному их слову головы вельмож и министров покорно ложились на плаху. Их воле парламент порой противопоставлял смиренную укоризну, изредка ропот, но отказ — никогда. Мы уже показали, чем была движущая сила этого удивительного могущества: острой потребностью их подданных в крепкой власти после долгого периода анархии. Как у Генриха VII, так и у Елизаветы талант сидеть на троне и такт позволяли им предвидеть в большей части обстоятельств реакцию общественного мнения. И одно это согласие парадоксально наделило силой невооруженную монархию. «Если для охраны лодки, в которой мятежный вельможа или павший министр доставлялся в Тауэр, хватало одних только дворцовых *бифитеров (beefeaters)*, то лишь потому, что лондонские подмастерья не пытались отбить у них этих узников». Ни государь, ни Тайный совет не могли принудить к повиновению пятимиллионное население, веками привыкшее хранить в своих домах оружие и имевшее опыт в обращении с мечом и луком. Со времени восшествия на престол Генриха VII власть Тюдоров была не военной, но психологической и сентиментальной. Этому долговременному успеху и добровольному подчинению английского народа предстояло породить у преемников Елизаветы опасные иллюзии.

2. В день смерти королевы (24 марта 1603) страной овладело великое беспокойство. По улицам Лондона ходили патрули. Моряки-протестанты покинули порты, чтобы остановить, если таковое случится, вторжение папистов из Фландрии. Но как только узнали, что кальвинист Яков VI собирается отбыть из своего Шотландского королевства, чтобы стать Яковом I

Английским и объединить обе короны[1], спокойствие восстановилось. Вся поездка нового короля от границы до Лондона стала сплошным триумфом. Во всех деревнях звонили колокола; в городах восторженная толпа ожидала государя на рыночной площади; в замках Яков I, привыкший к шотландской бедности, восхищался великолепием празднеств. Правда, один из его поступков не понравился англичанам и насторожил их: игнорируя английские законы, он велел повесить без суда вора, схваченного его эскортом во время проезда. Но пока новый король не встретил настоящего сопротивления, он не мог исчерпать кредит доверия, оставленный ему в наследство предшественниками.

3. Ему было тридцать семь лет. Он отличался довольно нелепой наружностью и манерами, казался лишенным всякого достоинства и много говорил, хотя и с трудом, потому что язык заплетался у него во рту. Буффонство его речей часто заслоняло их суть, а они никогда не были ее лишены. Говорят, что, сделав Якова Стюарта преемником Елизаветы, англичане заменили мужскую натуру женской; и в самом деле, детство Якова I Стюарта прошло среди убийств и заговоров, и он ужасно боялся вооруженных людей. Его девизом было «*Beati pacifici*» (*«Блаженны миротворцы»*). Он носил одежду со вшитыми стальными пластинами, чтобы уберечься от ударов кинжала, и от одного только вида шпаги становился больным. Он получил неплохое образование, но при этом был скорее интеллектуалом, чем по-настоящему умным. В своем скороспелом отрочестве он сочинял стихи, богословские трактаты и написал даже две книги, в которых изложил свои взгляды на политику: *Basilikon Doron* и *True Law of Free Monarchies*, где доказывал, что короли предназначены Богом править, а подданные — повиноваться. Так что король выше закона, хотя и должен подчиняться ему, дабы подать пример, кроме исключительных случаев, определять которые должен он сам.

4. Довольно высокомерная доктрина, но для Шотландии она годилась, чтобы держать в повиновении дерзкое и опасное духовенство. Яков I прибыл в Англию, опасно убежденный в своем превосходстве. Он искренне считал себя гениальным богословом, который принес заблудшим англичанам истину. О характере своих новых подданных он почти ничего не знал и не пытался их понять. Поэтому сразу же стал разглагольствовать в их собраниях, мямля, запинаясь, брызгая слюной и невольно забавляя аудиторию своим шотландским акцентом. Он-то ожидал, что его будут «превозносить

[1] Название Великобритания, обозначающее союз Англии, Шотландии и Уэльса, было в первый раз официально использовано в 1707 г., но писатели уже пользовались им задолго до этой даты. — *Прим. авт.*

до небес» за красноречие и эрудицию. Но он имел дело с народом, который не был расположен почтительно выслушивать резонера-чужестранца.

Адриан Вансон. Портрет Якова VI Шотландского, в будущем Якова I Английского. 1595

5. Хотя новый король и был воспитан кальвинистом, он вполне поладил с Англиканской церковью. У себя в Шотландии он страдал от демократической свободы пресвитериан, поэтому не без удовольствия обнаружил в Англии Церковь, признававшую иерархию, вершиной которой был король. Елизавета предписала своим подданным столь же неукоснительный конформизм, как некогда Римская церковь. Все должны были публично признавать Тридцать девять статей; духовенство могло пользоваться только официальным молитвенником, церковные комиссии проявили себя столь же суровыми, как некогда католические трибуналы. В глазах настоящего англиканца реформа не была разрывом с прошлым; его Церковь оставалась для него «католической», то есть вселенской. «Средний протестант, — пишет леди Хатчинсон, — отказался от папизма потому, что тот уже вышел из моды, но в глубине души склонялся на его сторону». Англиканское, то есть государственное, вероучение было атаковано с двух сторон: и католиками, и пуританами.

6. Всю вторую половину царствования Елизаветы католики страдали от гонений, которые война с Испанией и происки иезуитов сделали еще более суровыми. Они были исключены из какой бы то ни было местной или национальной службы; не должны были удаляться от своих земель без подписанного мировым судьей разрешения. Если они не присутствовали на англиканском богослужении, им грозили очень тяжелые штрафы (которые на самом деле не взимались). Священника, служившего католическую мессу, и тех, кто его укрывал, могли приговорить к ужасной казни, уготованной изменникам, но угроза редко исполнялась, и во многих замках еще можно было найти где-нибудь на чердаке католического капеллана. В начале правления Якова I приверженцы Римской церкви уже составляли не больше одной двадцатой от всего населения. Восхождение на трон сына Марии Стюарт внушило им большие надежды. Было известно, что он пере-

писывался с папой и являлся сторонником веротерпимости. Он и в самом деле предложил отменить штрафы за религиозные проступки, но поставил два условия: 1) пусть католики объявят себя верными королю, а не папе; 2) пусть они откажутся от прозелитизма. Эти условия были несовместимы с искренней верой, и вскоре католиков постигло такое разочарование, что многие из них стали злоумышлять против короля.

7. Самым опасным стал знаменитый Пороховой заговор (1605). Его целью было одновременное убийство короля, лордов и присутствующих членов палаты общин; для этого предполагалось взорвать палату лордов в тот момент, когда они все там соберутся. В случае успеха протестанты внезапно лишились бы всех своих вождей, и тогда, по мысли заговорщиков, католическое восстание получило бы шансы на успех, поскольку они рассчитывали на безразличие масс. Личные качества участников заговора и используемые ими средства напоминали действия русских террористов XIX в. Заговорщики были джентльменами. Самый известный из них, Гай Фокс, солдат-католик, овладел, воюя во Фландрии, искусством подведения подкопов и закладывания в них пороховых зарядов. Для начала он и его друзья сняли подвал напротив парламента, однако вскоре случайно обнаружили помещение, расположенное прямо под палатой лордов, что избавляло их от необходимости самим рыть подкоп. Сняв это помещение, они набили его бочками с порохом, которые скрыли под вязанками хвороста, и их покушение наверняка удалось бы, если бы конспираторы не сочли необходимым предупредить некоторых из своих сторонников, чтобы те организовали восстание, которое должно было последовать за взрывом. Один из тех, кому они доверились, решил, что его долг — донести об этом правительству. Гай Фокс мужественно остался один, чтобы в нужный момент зажечь фитиль, и был арестован 5 ноября 1605 г., судим и казнен. Вместе с ним погибли и его сообщники, а также провинциал иезуитов Гарнет, которого обвинили в том, что это он подстрекал их к преступлению. Похоже, что обвинение было неточным; Генри Гарнет согрешил лишь своим молчанием, но возмущение, которое всколыхнуло раскрытие столь серьезного покушения, чуть было не удавшегося, сделало всех католиков еще более подозрительными, чем когда-либо. Их не только поразили в гражданских правах, но также объявили неспособными исполнять профессии адвоката и врача и даже распоряжаться имуществом своих несовершеннолетних детей. Пороховой заговор надолго определил упадок католицизма в Англии. Папизм оказался тесно связан в умах с мрачными образами заговора против безопасности государства; в течение целого века всякий политический деятель, всякий государь, заподозренный в союзе с Римом, сразу же осуждался общественным мнением.

Пороховой заговор. Казнь Гая Фокса и его сообщников перед парламентом 31 января 1606 г. Гравюра. Начало XVII в.

8. Если на одном своем фланге Англиканской церкви приходилось обороняться от католиков, то на другом она сдерживала натиск пуритан. Пуританство было не столько вероучением, сколько умонастроением тех людей, которые хотели «очистить» Церковь не только от всякого соприкосновения с Римом, но и от римских привычек. По прибытии Якова I пуританские пасторы представили ему петицию. Они требовали права для каждого священника *(clergyman)* самому решать, будет ли он надевать стихарь, а также отмены крестного знамения при крещении, склонения головы при произнесении имени Иисуса, коленопреклонения перед алтарем, обмена кольцами при церемонии бракосочетания и, наконец, строгого соблюдения воскресенья. Другие, еще более радикальные, желали отменить сан епископа и создать Пресвитерианскую церковь по образцу Шотландской. Третья группа состояла из индепендентов, то есть *независимых*, которые требовали права для каждого человека самому выбирать свою веру. Всех их объединяло глубокое «отвращение ко всякой веселости», «страстная любовь к гражданским свободам», склонность к простой жизни и религиозному культу, лишенному пышности. Пуритане испытывали отвращение к итальянской и всякой другой чувственной поэзии, к елизаветинскому

Возрождению. Сказалась ли в этом саксонская кровь? Климат? Средиземноморская жизнерадостность была для них поводом для удивления и возмущения. Не то чтобы они были совсем нечувствительны к поэзии, но это была скорее поэзия Екклесиаста и псалмов, нежели Спенсера и Шекспира. Своим детям они давали имена патриархов и древнееврейских воителей, обращались друг к другу «брат такой-то», «сестра такая-то» и верили, что являются новым народом Божиим, которому поручено истребить придворных-амаликитян. Постоянное чтение Библии заставляло их жить в мрачной коллективной грезе, подчас благородной. Они осуждали театр, боялись греха, особенно плотского, одевались с намеренной старомодной простотой и коротко стригли волосы, чтобы показать, как презирают придворных в завитых париках. Наконец, они были угрюмы, честны, невыносимы и сильны.

9. В начале правления Якова I пуритане были частью национальной Церкви и надеялись навязать ему свои доктрины. В Хемптон-корте под председательством короля была созвана конференция, чтобы изучить их петицию. Яков I даже нашел удовольствие в этой богословской дискуссии, пока не были произнесены слова *пресвитерианство* и *синод*. Они вызвали у него тягостные воспоминания. «Если вы хотите Пресвитерианскую церковь, — сказал он, — то она так же согласуется с монархией, как Бог с дьяволом... Джек, Уилл и Том могут критиковать мои поступки; Джек скажет: „Это должно быть так“, а Уилл возразит: „Нет, это должно быть не так, а эдак“. — И, схватив свою шляпу, чтобы покинуть заседание, он воскликнул: — Известно, как они обходились с этой несчастной дамой, моей матерью, и со мной самим во время моего несовершеннолетия... Так что я подведу итог: никаких епископов, никакого короля... Если это все, что ваша партия имеет сказать, я заставлю вас считаться с принятыми нормами, а не то изгоню из страны». Этой речью он превратил религиозную распрю в политическую. Пуритане вычитали в Библии, что вера должна быть воинствующей и что долг всякого человека, знающего истину, состоит в том, чтобы добиться ее торжества. И они вознамерились попытаться, раз уж их к этому вынудили, добиться ее торжества над самим королем.

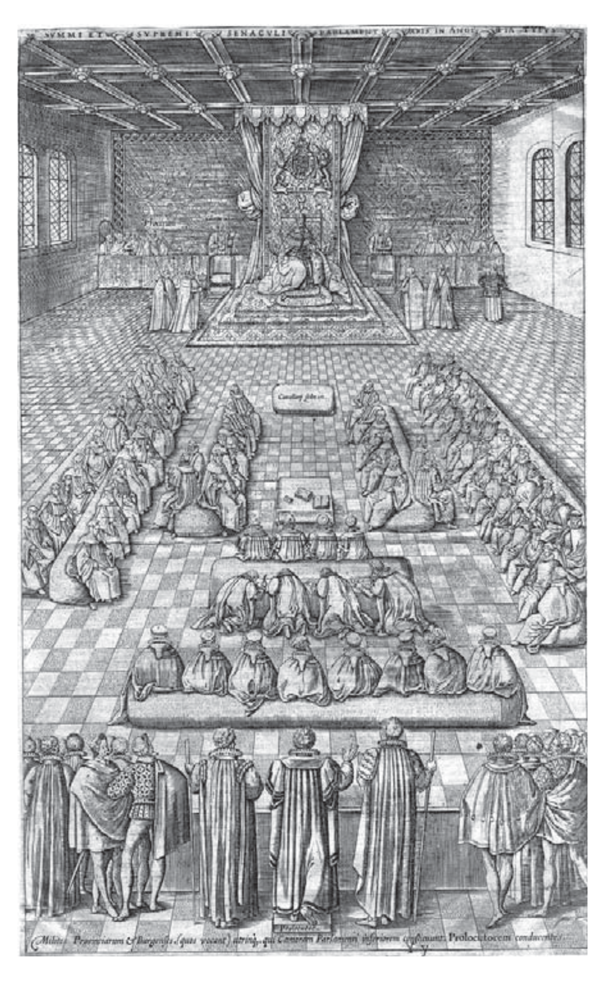
10. Начиная с этого момента надо различать в английском духовенстве три партии: партию Высокой церкви, наименее отдаленной от Римской, которая приняла ритуал, предписанный Тюдорами; пресвитерианскую — нонконформистскую партию, которая остается в Церкви, но желает ее реформировать; и независимую, или «конгрегационалистскую», партию, которая осуждает одновременно англиканский епископат и пресвитерианский синод. Независимые (индепенденты) отказывались признавать государст-

венную Церковь, хоть английского, хоть шотландского типа. Церковь для них была группой христиан, объединенных только своей волей. Некоторые из них в своем уважении к индивидуальной свободе доходили даже до отмены крещения детей и крестили только взрослых, которые уже могли верить, — это были баптисты.

11. Важно понимать, что для независимых протестантов в то время не было никакой надежды мирно практиковать свою религию, если они оставались в Англии. Многие решили уйти в изгнание и с 1608 г. эмигрировали в Голландию, но там наиболее требовательных из них тоже обеспокоила окружающая ересь. В 1620 г. они приехали в Саутгемптон и сразу же сели на «Мейфлауэр», который должен был доставить их в Америку. Этих первых пилигримов было 102 человека. Они надеялись обосноваться у северной границы территории Виргинской компании, но из-за ветров и течений высадились севернее, в области, которая сегодня называется Новая Англия. В последующие годы, которые в Англии были не слишком благоприятны для пуритан, к ним присоединились тысячи эмигрантов, и в этой новой стране люди, которые предпочли изгнание ереси, установили, как это можно было предвидеть, теократию.

II. Первые конфликты короля и парламента

1. Между двором Якова I и его парламентом не было ничего общего. Двор, фривольный и распутный, кишел скандалами, в которых супружеские измены были наименьшим злом. Король, человек слабый, мягкотелый и привязчивый, не мог обойтись без фаворитов, выбранных скорее благодаря привлекательности их лица, нежели качествам государственных мужей. Он обсуждал с ними наиболее серьезные дела не за столом совета, но в конце ужина или после охоты. В начале своего царствования ему хватило благоразумия сохранить рядом с собой Роберта Сесила (которого он сделал графом Солсбери) и некоторых из лучших советников Елизаветы, но постепенно власть перешла к фавориту Роберту Карру (ставшему графом Сомерсетом), а потом к Джорджу Вильерсу, молодому человеку двадцати двух лет, очаровательному, бедному, хорошего происхождения; он был весьма цинично выбран архиепископом Кентерберийским и его союзниками для того, чтобы выжить Сомерсета. Королевский кравчий, постельничий, рыцарь ордена Подвязки, барон, виконт, маркиз, главный адмирал, надзиратель Пяти портов, герцог Бекингем, любимый министр Якова I, а потом и его сына Карла, «никогда, — пишет Кларендон, — не видывали, чтобы



Ренольд Эльстрек. Яков I на заседании парламента. Гравюра. 1608

человек проделал путь быстрее и вознесся к первым должностям государства единственно с помощью своей красоты». Переписка Бекингема и Якова I свидетельствует о поразительной фамильярности, с какой подданный обходится со своим государем. Можно вообразить, какое отвращение должен был внушать этот жизнерадостный и насквозь прогнивший двор серьезным джентльменам, которые, как и во времена Елизаветы, представляли тогда в парламенте английских йоменов и буржуа. Эти депутаты от провинций были далеки от лондонских соблазнов. Они, по словам Тревелиана, являлись наследниками многих поколений «сельской здоровой жизни, воспитанными на елизаветинской культуре и вдохновленными пуританской религией». Двор на них не оказывал влияния. Они не зарились на выгодные места, но знали, что у короля не было другой вооруженной силы, кроме «натасканных банд» или ополчения графств, которые думали так же, как парламент. Не искавшие благосклонности и недоступные для страха, они гордо пользовались своей привилегией порицать королевскую администрацию, а после заседания, где совершенно свободно говорили то, что думали о герцоге и даже о короле, совершенно безбоязненно возвращались пешком из Вестминстера в Сити, потому что чувствовали себя защищенными от злопамятства двора молчаливой, но действенной поддержкой лондонских буржуа и подмастерьев.

2. И этому парламенту, сознающему как свои обязанности, так и свою силу, Яков I хотел наивно навязать свои представления о божественном и наследственном праве королей. Это было новой теорией для Англии, где

выбор совета, а потом парламента всякий раз преобладал над правом наследования, когда того требовало благо страны. Яков I, логический ум, хотел превратить монархию в связную систему, а на благословенной земле непоследовательности, каковой являлась Англия, это было вернейшим средством сделать ее непопулярной. Если верить королю-богослову, не только сам помазанный и коронованный монарх становился священной особой, но, поскольку Бог заранее выбрал и освятил всех будущих королей, и парламенту оставалось лишь принимать к исполнению божественные повеления. Король ответствен перед Богом, а не перед своими подданными. Он не подчинен закону, потому что сам является законом. *«Rex est Lex» («Король есть закон»)*. Эта доктрина, которую Яков I некогда противопоставил притязаниям Шотландской церкви, оскорбила палату общин.

3. Абстрактной системе короля она противопоставила английский обычай. Она еще не требовала контроля за действиями исполнительной власти. Кроме случаев измены, министры еще никогда не были ответственны перед парламентом; их административные действия от него не зависели. Но *общие* принципы, согласно которым управлялась нация (то есть законы), надлежало формулировать только «короне вкупе с парламентом», и эти законы были обязательны для самого короля, его министров и его совета. С точки зрения исключительно теоретического права оба тезиса, абсолютной монархии и монархии ограниченной, были вполне допустимы. И парламенту, и короне их полномочия делегировал носитель высшей власти — народ, но при Тюдорах монарх подчас гораздо лучше выражал народные настроения, нежели палата общин. На практике же этот конфликт было необходимо разрешить. Политический строй жизнеспособен только в том случае, если, сохраняя за реальными силами страны возможность их выражения, освящает высшую власть в государстве, которая может в момент принятия решения иметь последнее слово. «Высшая власть, — скажет позже Гоббс, — может быть только разделенной».

4. Правительство уважает свободу граждан в той мере, в какой нуждается в их согласии для сбора денежных средств. Король Франции стал абсолютным монархом, потому что мог устанавливать постоянную *талью*. Елизавета была могущественна, потому что проявляла бережливость, а своими исключительными ресурсами была обязана подвигам Дрейка и грабежу испанских сокровищ. Яков I, содержавший слишком блестящий и переполненный фаворитами двор, мог быть только расточительным государем, то есть уязвимым. «Все короли, — пишет современник, — бросают деньги на ветер в день своей коронации; он первым стал делать это постоянно». Его совершенно женское пристрастие к драгоценностям обходится ему

Английский джентльмен начала XVII в. Гравюра. 1630

иногда до 35 тыс. фунтов в год, а армии он уделяет всего 25 тыс. В 1614 г. ему потребовалось 150 тыс. фунтов на домашнее хозяйство; Елизавета в 1601 г. удовлетворилась 27 тыс. Будь он даже экономен, одного повышения цен хватило бы, чтобы поставить его в затруднительное положение (ужин Звездной палаты стоил казне на одно и то же число гостей 2 фунта в 1500 г., 20 фунтов в 1600-м). Яков I тратит без всякой войны 600 тыс. фунтов в год, а его доход достигает примерно только 400 тыс. фунтов, из которых 150 тыс. составляют *Tunnage and Poundage* — твердые пошлины на шерсть и кожи, которые парламент по установившемуся обычаю выделял королю пожизненно. Как пополнить свои доходы? Король пытается прибегнуть к крайним средствам: ходатайствует о добровольных дарах; вынуждает землевладельцев, которые отказываются от рыцарского звания из-за налагаемых им обязательств, откупиться от него за крупную сумму; продает луга; продает древесину из государственных лесов. Наконец, он предлагает парламенту Великий договор *(the Great Compact)*, по которому король готов отказаться от всех старинных феодальных прав в обмен на выделение ему 200 тыс. фунтов пожизненно. Парламент отказывается от этого компромисса; король распускает его. И в течение десяти лет, с 1611 по 1621 г., парламент не будет созываться (кроме нескольких недель в 1614 г.). Сможет ли корона жить без закона? От ответа на этот вопрос зависит решение проблемы высшей власти.

5. Чтобы прожить без денег, королю необходимо жить в мире. Таким и было самое сильное желание миролюбивого Якова I. В 1604 г. он заключил мир с Испанией, бесславный мир, но все же не постыдный. Испания полностью признавала за англичанами свободу плавания в европейских

морях; англичане не отказывались от свободного плавания в океане. Ничто не было решено, но ничто и не было опорочено. Когда в 1612 г. умер Сесил, вместе с ним из Королевского совета исчезла и елизаветинская осторожность. Никто, казалось, уже не понимал, что можно следовать срединной политике, которая не была бы ни вызовом Испании, ни подчинением Испании. В течение нескольких лет антииспанская партия считала, что победила. Наведались в лондонский Тауэр, куда Яков заточил за воображаемый заговор одного из ветеранов елизаветинских войн, сэра Уолтера Рэли. После тринадцати лет заключения Рэли, который всегда желал, чтобы его страна стала империей, внезапно вышел из темницы на палубу корабля, поднял паруса и по приказу короля поплыл в сторону Гвианы, откуда должен был, как когда-то Дрейк, привезти сказочные богатства. Но Рэли, плохо снаряженный, получивший плохую поддержку, был побежден испанцами и, «глотнув морского воздуха между застенком и смертью», был обезглавлен своим королем, чтобы утихомирить тех же испанцев. Джордж Вильерс, герцог Бекингем, ставший преемником Сомерсета в милостях короля, в свой черед позволил соблазнить себя послу Эскориала. Принц Генрих (старший сын Якова, принц Уэльский) умер, а новый наследник престола Карл казался не столь твердым протестантом.

6. В то время Религиозные войны на континенте пробудили у английских пуритан яростные страсти, которые всегда возбуждают в стране внешние события, если партии считают, что нашли в них подобие своих внутренних распрей. В Центральной Европе в 1618 г. началась большая война, позже названная Тридцатилетней, посредством которой Австрийский дом, опираясь на Испанию, старался восстановить единство империи и гегемонию Римской церкви. Угнетенные богемские гуситы отдались под руку молодого курфюрста Пфальцского, который женился на очаровательной дочери Якова I, принцессе Елизавете. Атакованный в обоих своих государствах католическими монархами, курфюрст попросил помощи у своего тестя. Английское общественное мнение поддержало его и потребовало солдат для Пфальца. Сами пуритане колебались, стоит ли втягивать Англию в эту кампанию в Богемии — стране, которая казалась им восточной, далекой, неведомой. Но они были готовы защищать Рейн. Для этого требовалось сначала помешать испанцам высадиться в Нидерландах, значит надо было обладать достаточно сильным флотом, каким располагал некогда Дрейк. Однако Яков I пренебрегал необходимостью быть сильным. Без парламента, без денег, он оставался и без кораблей. Слишком бездеятельная любовь к миру привела его, хотел он этого или нет, к тому, что ему пришлось вступить в игру с не столь миролюбивыми государями. Чтобы подготовить войну против Испании или, скорее, чтобы создать

Криспин ван де Пассе. Портрет Якова I и его старшего сына Генриха, принца Уэльского. Гравюра. 1627

у испанцев впечатление, что он ее готовит, Яков I был вынужден наконец созвать в 1621 г. парламент.

7. Между парламентом, которому было известно, что его созывают нехотя, и королем, который не верил в права парламента, конфликты стали неизбежны. Были совершены многочисленные злоупотребления: продажа монополий, должностей, пряностей судьям. В козла отпущения превратили канцлера Бэкона, человека большого таланта, но слабого характера; он признал себя виновным в коррупции, был приговорен к конфискации своего имущества и впал в немилость. Это первый *импичмент* крупного государственного деятеля с 1459 г. и ясный знак независимости палаты общин. Она захотела вмешиваться также во внешние дела. Будучи очень протестантской, палата из религиозной страсти желала войны с Испанией и кампании в Курпфальце. Король хотел лишь пригрозить Испании и был бы в ужасе, если бы пришлось перейти от угроз к их исполнению. Вместе со своим фаворитом Бекингемом он готовил новый план испанского брака, на сей раз желая женить своего сына Карла, и надеялся, что возврат Пфальца зятю будет одной из статей договора. Поскольку парламент выразил свое отвращение к этой политике компромисса, король дал ему понять, что важнейшие государственные дела не в его, парламента, компетенции. На что парламент возразил, «что свободы, вольности и привилегии парламента — древнее и неоспоримое наследие английских подданных и что сложные и чрезвычайные дела, касающиеся короля, государства, защиты королевства и Английской церкви, являются для парламента надлежащими темами и предметом дебатов». Эти претензии шокировали короля так сильно, что он вырвал из книги протоколов страницу с этим текстом, разогнал парламент и велел арестовать семь из его членов, в том числе и Джона Пима, автора вырванной страницы и одного из тех, кто обладал в палате наибольшим авторитетом. После чего отправил Карла и Бекингема в Испанию, завоевывать инфанту (1621).

8. Не перестаешь удивляться, читая совместные письма Карла и Бекингема Якову I, написанные во время этой поездки. Тут представлен во всей красе эгоистичный и инфантильный характер всей политики его фаворита. Эти два романтических юнца отправились в дорогу инкогнито. Они обращались к королю: *Dear Dad and Gossip...* и подписывались: *«Your baby and your dog...» Деткой* был Карл, а Бекингем псом. Яков I в то время переписывался также с папой, которому обещал, что если Святой престол разрешит испанский брак, не навязывая слишком суровых религиозных условий, то он будет обходиться с английскими католиками умеренно. Похвальное обещание, однако не в его власти было сдержать его. Папа отвечал, требуя, чтобы у детей, которым предстояло родиться от этого брака, были кормилицы-католички. Тем не менее английская миссия вывела из себя испанцев своей гордыней и манерами. Сэр Эдмунд Верней, сопровождавший принца в Испанию, отвесил оплеуху тамошнему священнику, и король Испании сурово призвал Бекингема отослать в Англию всю протестантскую свиту. Переговоры, которые велись в таком тоне, могли закончиться только провалом. Яков страдал в разлуке со своим фаворитом и жил «унылой жизнью вдовы». В октябре 1621 г. он позвал обратно «своего пса и детку». Лондонские жители так ликовали из-за этого разрыва и были так рады видеть вернувшегося принца «все еще холостым и все еще протестантом», что устроили Карлу и его наставнику восторженную встречу. Их шумных приветствий хватило, чтобы перебросить легковесный и тщеславный ум Бекингема в антииспанский лагерь. Внезапно этот ненавидимый фаворит стал популярным вождем для войны, которой жаждали англичане. Сам парламент объявил, что «никогда человек не имел бóльших заслуг перед своим королем и своей страной». Королю, несмотря на свою привязанность к миру, пришлось уступить. С этого времени до смерти Якова в 1625 г. и даже в первые годы правления Карла Бекингем располагал могуществом короля, не имея его осторожности.

III. Бекингем и Карл I

1. Изучая на портретах Ван Дейка печальное и красивое лицо Карла I, меньше удивляешься его несчастьям. Есть в его чертах благородство, честность, робость, но также и мрачноватое упрямство. Король Карл был человеком целомудренным и набожным. Он краснел, слыша безнравственные речи, и умолкал, когда чья-то позиция ему не нравилась. Он никогда не умел предвидеть реакции своих подданных, потому что был лишен воображения. Когда их реакции были враждебными, это становилось для него неожиданностью, пробуждавшей в нем слепую ярость робких

Антонис Ван Дейк.
Портрет Карла I Английского. 1635

людей. Он искреннее желал действовать, но создал себе такую систему представлений, которую ни споры, ни опыт так и не смогли изменить. «Он умер, продолжая твердить то, в чем был убежден всю свою жизнь». Для него было несчастьем, что в общественном сознании он с самого начала своего царствования ассоциировался с Бекингемом, тщеславие и легкомыслие которого раздражали лучших из англичан, сравнивавших их с нездоровыми туманами, что скрывают как восходящее, так и заходящее солнце. Несмотря на различие их натур, а быть может, как раз из-за него, Карл простодушно любил этого «Стини» (Steenie), с которым провел свою юность и кто привносил в его жизнь оживление и фантазию, на которые он сам был не способен.

2. Именно Бекингем после испанского сватовства предложил и провел переговоры о французском браке с Генриеттой-Марией, младшей дочерью короля Генриха IV. Большая ошибка — привезти в страну, еще содрогавшуюся от ужаса после Порохового заговора, католическую королеву, которую сопровождала чужестранная свита. «Уже давно замечено, что королевы-француженки никогда не приносили большого счастья Англии», — писали протестанты. Разумеется, Карл позаботился объявить, что религиозная свобода предоставляется только будущей королеве с ее слугами и что в положении английских «отказников» ничто не изменится, однако тайным параграфом брачного соглашения обязался оказывать покровительство католикам. Первые шаги этой супружеской жизни были неудачными. Маленькая пятнадцатилетняя королева сразу же приняла сторону своей свиты против англичан. И даже собиралась молиться у подножия Тайбернской виселицы за католических мучеников. Карл писал Бекингему, что надо срочно избавить его жену от опасных влияний, удалить от нее *«этих месье»*, которых вскоре приказал отослать обратно в их страну — по-хорошему, если возможно, и силой, если потребуется. По преодолении этого кризиса королевскому супружеству было суждено стать одним из самых нежных и самых согласных в истории, но его неудачное начало отдалило

друг от друга дворы Англии и Франции — опасное отдаление для Бекингема, который хотел обеспечить союз с Францией против Испании.

Антонис Ван Дейк.
Портрет королевы Генриетты-Марии. 1636–1638

3. Внешняя политика Бекингема, который не был ни дипломатом, ни полководцем, была так же непоследовательна, как и неосторожна. Рассорившись с Испанией, он некоторое время тешил себя ролью защитника протестантских наций, которая обеспечила ему овации в Лондоне. Но чтобы сыграть эту роль в Европе по-настоящему, требовалась мощная армия. Однако Англия была небольшой страной и становиться военной нацией не хотела. Все экспедиции, которые Бекингем попытался предпринять в Голландию, в Кадис, закончились, за отсутствием надлежащей организации, полным провалом. Союз с католической Францией был вполне достижим, потому что ненависть Австрийского дома могла склонить Ришелье искать союзников даже в стане реформатов. Но обещать Ришелье, как это имел дерзость сделать Бекингем, поддержку английских протестантских моряков против мятежных гугенотов Ла-Рошели было безумием. Когда же Бекингем наконец понял, что ему не удастся создать прочный союз между Карлом I и Людовиком XIII, он отомстил французскому королю, хотя и совсем неповинному в английских страстях, открыто ухаживая за его женой Анной Австрийской. Потом, обеспечив себе враждебность обеих великих западных держав, Испании и Франции, испытывая нехватку средств, чтобы поддерживать такую борьбу, был вынужден обратиться к парламенту.

4. Парламенты Карла I более независимы, чем предыдущие. Составляющие их люди, почти сплошь сквайры и священнослужители, знают и почитают общее право. Среди них заседает и выдающийся легист сэр Эдвард Кук, бывший судья, человек ужасного характера, но сумевший победоносно отстоять в борьбе против Якова I принцип главенства закона над королем. Эти парламентарии уважают традиционные процедуры, почтительно

Михиль ван Миревельт. Джордж Вильерс, герцог Бекингем. 1625–1626

преклоняют колена перед государем, но понимают, что воля парламента в конечном счете одерживает верх. В их головах вырисовывается новая теория: идея о министерской ответственности. Король не может творить зло, но, если он ошибается, единственный, кто повинен в этом, — министр, который должен был его предупредить; и этот министр, даже если его действия одобрил король, заслуживает *импичмента*, прежде применявшегося к изменникам. Самый выдающийся из парламентариев того времени сэр Джон Элиот защищал этот тезис в связи с опрометчивой попыткой Бекингема прорвать блокаду Ла-Рошели. «Милорды, — сказал он (обвиняя министра от имени палаты общин перед палатой лордов), — я скажу, что даже если его величество сам согласился или потребовал предпринять эту попытку прорыва, во что я не могу поверить, это никоим образом не оправдало бы герцога и даже не умалило бы его преступление, поскольку его долгом было воспротивиться подобным просьбам и растолковать его величеству, к каким опасностям и прискорбным последствиям мог привести такой замысел». Карл I, восхищавшийся дворами Франции и Испании и веривший, как и его отец, в божественное право, не принимал эту доктрину и отстаивал свою ответственность государя: «Я не позволю палате оспаривать действия моих слуг, тем более ближайшего ко мне». Но как заставить повиноваться себе? Когда он отправил Элиота в тюрьму, парламент добился его освобождения. Мог ли король править без парламента, благодаря одним лишь добровольным пожертвованиям, принудительному займу? Все эти крайние меры давали очень мало, а расходы все росли. После унизительных поражений в войне против Франции, и в частности на острове Ре, приходилось снова созывать депутатов палаты общин.

5. Парламент 1628 г., избранный в гневе, решил призвать короля к соблюдению законов королевства. Он составил знаменитую «Петицию о правах», сочиненную по большей части сэром Эдвардом Куком и которая стала вторым, более ясным утверждением принципов Великой хартии вольностей. Оригинальность «Петиции о правах» основывалась на том, что она пыталась зафиксировать четкую границу между королевской властью и властью

закона. Король долго колебался. Ему были отвратительны идеи, изложенные в этом документе, но его представили ему сами лорды вместе с палатой общин. В конце концов он ответил так, как хотел парламент: *«Да будет сделано прямо по желаемому» («Soit droit fait comme il désiré»)*[1], и «Петиция» стала одним из основополагающих законов королевства. Она значительно сужала прерогативы короля. В частности, не позволяла ему (не в праве, но фактически) содержать постоянную армию, поскольку отказывала ему в средствах размещать ее и поддерживать в ней дисциплину.

6. Даже если парламент был прав, требуя соблюдения законов, во внешних делах он сам проявлял непоследовательность. Парламентарии требовали от короля поддержки протестантов Пфальца, но при этом отказывали ему в необходимых субсидиях. Сельские дворяне и легисты, составлявшие палату, не знали Европу и ничего не смыслили во всеобщем повышении цен. Из-за отсутствия опыта в подобных делах они делали конфликт с монархом неизбежным. Так что было бы несправедливым приписывать разрыв с парламентом одному только королю и его несговорчивости. Маколей сказал о Карле I, что он, влюбленный в собственное величие, полагал, что долг перед своей честью обязывает его оставлять за собой право на тиранический тон, требуя у свободы поддержки. Когда переходишь к оригинальным текстам, становится видно, что Карл I воздерживался тогда от тиранического тона, но свобода все равно отказала ему в поддержке. Уступив на «Петиции», король имел право надеяться, что за ним, как и за его предшественниками, будут сохранены пошлины на шерсть и шкуры *(Tunnage and Poundage)*. Ничего подобного. Смерть Бекингема, убитого лейтенантом Фелтоном в августе 1628 г., не принесла никакой разрядки. Король из окон своего дворца видел, как радовались лондонские толпы и как люди пили за здоровье убийцы. Пришлось, чтобы чернь не надругалась над телом герцога, похоронить его тайно. У Карла было слишком много достоинства, чтобы он позволил себе проявить свои чувства, но он никогда не забывал эти проявления ненависти. На следующей сессии конфликт с парламентом возобновился. На сей раз он приобрел по большей части религиозный аспект.

7. Пуритане и ритуалисты продолжали оспаривать друг у друга главенство в Английской церкви. Карл благоволил к Высокой церкви (наименее отдалившейся от римских ритуалов), поскольку находился под влиянием

[1] Древняя формула на французском языке, сохраненная еще с нормандских времен и означавшая, что подписанный документ не может быть впоследствии изменен или сокращен.

своей жены, а также потому, что духовенство Высокой церкви принимало и даже приветствовало вмешательство короля в церковные дела. В умах тогда царил большой разброд. Пастор-кальвинист помещал стол для причастия в центре хора; затем приходил сакраменталист и возвращал его на прежнее место. Один отвергал стихарь, другой надевал его. Уильям Лод, епископ Лондонский, затем архиепископ Кентерберийский, взял привычку консультировать короля по всем церковным вопросам, даже по поводу наказаний, которые подобало налагать на грешников. Он составил для короля список священников, помечая их имена буквами «О» или «П» (ортодокс или пуританин), и с этого момента только ортодоксы стали получать высшие церковные должности. Однако в большинстве своем народ и парламент были кальвинистами. Лод и двор принимали доктрины голландского епископа Арминия и верили в свободу воли, Лондон и парламент верили в предопределение свыше. Подмастерья-кальвинисты и придворные-арминианцы оскорбляли друг друга на улицах. Свобода воли смешивалась с деспотичным правлением, пишет Тревелиан, а предопределение — с защитой привилегий парламента. «Кто хочет, чтобы им управляли только законы, — говорил один депутат, — тот считается пуританином; кто отказывается делать все, что его хотят заставить, — тот и есть пуританин». Богословие, политика и фискальная система оказались безнадежно перепутаны между собой. Раз король не должен иметь возможности навязывать своему народу алтарь на востоке, стихарь и таинства, требовалось отказать ему в пошлинах *Tunnage and Poundage*, без которых он зависел от пуританского парламента.

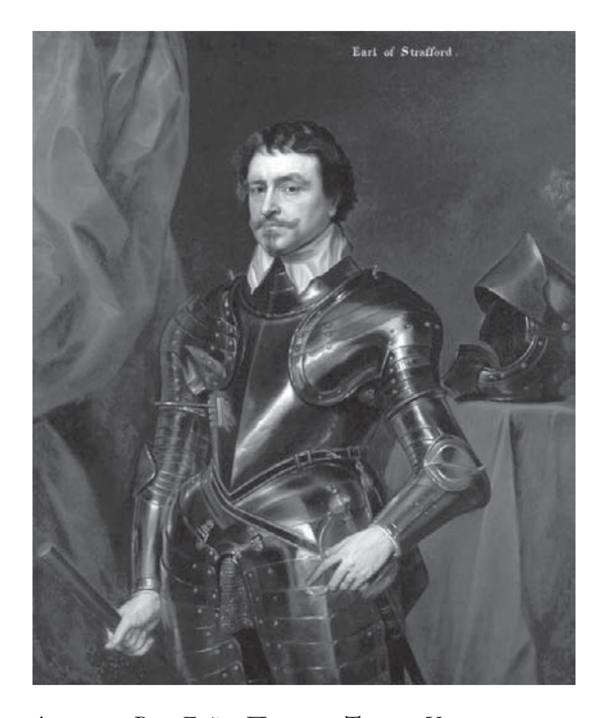
8. Отсюда эти странные и знаменитые «три резолюции», за которые парламент проголосовал в 1629 г. В них утверждалось, что: 1) тот, кто попытается ввести в Англии папизм или арминианство, будет рассматриваться как враг общества; 2) тот, кто посоветует взимать налоги, не одобренные парламентом, тоже будет врагом общества; 3) любой купец или любой другой человек, заплативший такие не одобренные парламентом налоги, будет изменником и врагом общества. Спикер, напуганный этими резолюциями, объявил, что получил от короля приказ закрыть заседание, прежде чем они будут поставлены на голосование. Два члена парламента, схватив спикера за руки, удерживали его в кресле. «Богом клянемся, — сказали они ему, — вы останетесь тут столько времени, сколько будет угодно палате». Другой запер дверь и положил ключ в карман. Когда пристав постучал в дверь именем короля, никто не открыл. Резолюции были приняты. Это была революционная сцена. Карл ответил на нее революционным действием, заключив в тюрьму после заседания, вопреки «Петиции о правах», 9 членов палаты общин. Самый знаменитый из них, Элиот, умер в Тауэре

три года спустя. Как и все мученики, этот выдающийся парламентарий придал святости пуританскому делу. Карл решил впредь обходиться без парламента. Ведь делали же это Тюдоры, и довольно долго. Но оставался вечный вопрос: сможет ли король добыть деньги? Поскольку именно от ответа на него зависит в конечном счете стабильность любого правления.

IV. Король без парламента

1. И вот Карл остался один в Уайтхолле со своей маленькой женой-француженкой, которая поддерживала эту робкую душу чувственной и нежной любовью и оказывала на него гораздо большее влияние, чем при жизни Бекингема. Лишившись контакта с общественным мнением, которое могли бы ему обеспечить ежегодные заседания парламента, на кого же он будет опираться, чтобы править? Он нашел двух человек, разделявших его властные наклонности и полагавших, как и он, что счастье народа может составить только твердое соблюдение всех прерогатив короля: один из них — это Лод, ставший архиепископом Кентерберийским в 1633 г.; он руководит церковными делами, а затем добавляет к ним и финансовые; а другой — бывший член опасного парламента 1628 г. Томас Уэнтворт, которого король в 1640 г. сделает графом Страффордом.

2. Нет человека более оклеветанного, чем Страффорд. Поскольку он был другом мятежных парламентариев Пима, Джона Элиота, Хемпдена, те сочли предательством его присоединение к сторонникам короля. «Я от вас не отстану, пока у вас голова на плечах», — сказал ему Пим. Жестокая и пророческая фраза, если вспомнить о том, что за этим последовало. Но в чем же состояло предательство? С самого начала своей карьеры Уэнтворт проводил в жизнь свои идеи. «Моим правилом, — сказал он, — будет не бороться с прерогативами короля *вне парламента*». Он расценивал народное доверие и королевскую власть как два элемента, необходимые для всякой здравой политики, где король был камнем, венчающим свод, и которого никто не может касаться, не поколебав все здание. Карл сразу же понял, какая пропасть разделяла профессиональных оппозиционеров и этого человека действия, просто созданного для правления. «Уэнтворт, — заметил он, — порядочный джентльмен». А заполучив его на свою службу, доверял ему самые сложные миссии: сделал его председателем Совета севера, потом послал усмирять Ирландию. Если бы он сразу же использовал его в Англии, быть может, Страффорд сумел бы сформировать постоянную армию, за отсутствием которой было невозможно осуществлять прерогативы короны,



Антонис Ван Дейк. Портрет Томаса Уэнтворта, графа Страффорда. Около 1633

и тогда судьба Англии больше походила бы на судьбу Франции при Людовике XIV. Но Карл следовал доктринам Страффорда, не имея ни силы его характера, ни его организационного гения. Когда он решился наконец поставить его на передовой, партия для обоих уже была проиграна.

3. Уильям Лод, как и Страффорд, был человеком жестким, но добропорядочным. Этот властный архиепископ, не слишком приспособленный к тому, чтобы управлять англичанами, полагал, что в Церкви твердость вероучения лучше свободы мнений. Он желал навязать единообразие веры и церковных ритуалов. «Если он мог принудить, то не тратил время на убеждения». И всю свою жизнь следовал этой линии жесткого поведения. В Оксфорде оскорбил богословов-кальвинистов, сказав им, что пресвитериане так же опасны, как паписты. Поскольку он кланялся перед алтарем и склонял голову всякий раз, когда во время богослужения произносил имя Иисуса Христа, папа, ободренный столь утешительными симптомами, предложил ему сан кардинала. «Нет, — ответил Лод, — не сто́ит, пока Рим является тем, что он есть». Он был последователем Аристотеля и полагал, что привычка — вторая натура, и ему казалось, что единообразие церковных ритуалов неизбежно приведет к единству веры. И старался навязать и то и другое. Будучи лишен жестокости, он не сжигал и не пытал, но осуществлял над Церковью административную тиранию.

4. Опираясь на церковные суды и, в частности, на суд Высокой комиссии, он очищал университеты и духовенство. Надзирал за слишком протестантскими проповедями и приказывал сократить их. Запрещал недовольным общинам призывать «лекторов», чтобы дополнить англиканскую проповедь. Закрывал домовые церкви пуритан и запрещал их молитвенные собрания. Яков I в 1618 г. опубликовал «Книгу о спорте», в которой поощрял подданных продлевать свои воскресные забавы, пренебрегая пуританской

субботой. И подкрепил это предложение превосходным доводом: слишком большая суровость и негибкость рискуют отвратить души от религии; спорт полезен для телесного здоровья и готовит людей к войне. Это заявление привело пуритан в ужас, и они отказались читать книгу в своих церквях. Яков не настаивал; Лод захотел принудить их. Настоящие протестанты с грустью видели, что благодаря влиянию королевы отношение к католикам отличается некоторой терпимостью, в то время как они сами подвергаются преследованиям. Войны на континенте заканчивались победой католических держав. Многие пуритане в отчаянии решили тогда покинуть родину и отправиться в Америку, подальше от Лода и Рима. Более 20 тыс. из них присоединились к пилигримам с «Мейфлауэра» и образовали ядро Новой Англии, где ввели наиболее характерные для Англии того времени установления. Возможно, что без давления Лода североамериканская цивилизация никогда бы не стала англосаксонской. Но тогда никто не мог предвидеть столь отдаленного последствия гонений, и жизнь тысяч пуританских семей в Англии, каждый вечер собиравшихся у очага, чтобы чтением Библии поддержать свою веру, полнилась горькими воспоминаниями и постоянной тревогой.

Антонис Ван Дейк. Уильям Лод, епископ Кентерберийский. 1636

5. Какие сборы мог взимать монарх, если соблюдал законы? *Tunnage and Poundage?* Взимание этой пошлины зависело от объема торговых сделок, но в течение полугода купцы Лондона, протестуя против заключения в тюрьму сэра Джона Элиота, которое сочли произволом, воздерживались от покупок и продаж. Коммерсанты отказывались от коммерции! Это было важным знаком, который не был понят. С помощью своих легистов, которые отыскивали в древних текстах архаичные права, король взимал уже вышедшие из употребления налоги, в том числе и «добровольные»: например, тех, кто обосновался в королевских лесах несколько веков назад, обязывали выкупать свои земли у короля; продавали дворянские титулы; вспомнили об обязательном рыцарстве, о подати на содержание ополчения *(coat and conduct money)*, о налоге на извозчиков (*hackney coaches*) — новшестве

того времени; потом стали продавать монополии придворным, что обогащало за счет населения и казну, и концессионеров. Карл хотел навязать своим подданным использование некоего мыла, плохо сваренного корпорацией таких «монополистов». Это мыло, разъедавшее и белье, и руки прачек, прозвали *popish soap — папистским мылом*. Хозяйки Лондона думали, что ожоги от него символичны, что таким же образом оно сжигает их души.

6. Между королевской четой, уединившейся в Уайтхолле среди прекрасных голландских и итальянских картин (которые король покупал на континенте), окруженной придворными, в кружевных воротниках, с длинными завитыми волосами, в широкополых фетровых шляпах с пером, и лондонскими купцами с их серьезными супругами-пуританками, в серых платьях, и коротко остриженными подмастерьями выросла тогда стена предрассудков, злобы и молчания. Враждебное общественное мнение уже не находило никакого предохранительного клапана. Никакого парламента больше не было, а стало быть, не было и общественных обсуждений; все сочинения подвергались цензуре; проповеди придирчиво разбирались Лодом; собрания были запрещены. Но, несмотря на непопулярность стольких мер, никакого серьезного возмущения долго не случалось. Для этого народа, пекшегося о соблюдении закона и привыкшего за век правления Тюдоров почитать государя священной особой, мятеж против короля все еще казался чудовищным поступком.

7. Среди старинных налогов, которые восстановили люди короля, был и *ship money*, то есть корабельный налог. Во все времена он был в ходу только в приморских городах, призванных участвовать в обороне побережья, предоставляя корабли и экипажи. Карл I распространил эту обязанность на всю страну и потребовал не кораблей, а денег на их постройку. Требование отнюдь не было абсурдным. Со времени Якова I из-за отсутствия мощного военного флота английская морская торговля была отдана на милость пиратов. Берберы осмеливались атаковать суда даже в английских водах и захватывали рабов даже на ирландском побережье. Когда Страффорд принял командование в Ирландии, его личные вещи были похищены пиратами. Карл I в своем письме городу Лондону описывает «эти грабежи со стороны турок и прочих пиратов, которые насильно отнимают суда, имущество и товары наших подданных», и просит город Лондон предоставить ему военный корабль водоизмещением в 900 тонн, а также четыре других, пятисоттонных, и один трехсоттонный, «все вместе с артиллерией, порохом и экипажами». Но чтобы англичане согласились с этим налогом, одной его полезности было недостаточно; требовалось, кроме того, чтобы он был одобрен парламентом. Такова была хартия анг-

лийских свобод; таков был тезис, который защищали несколько граждан, в том числе известный Джон Хемпден. Шериф графства потребовал у него с одного из его владений 31 шиллинг 6 пенсов и с другого 20 шиллингов корабельного налога *(ship money)* (1637). Он отказался, но не из-за суммы, конечно, поскольку его состояние было велико, а из принципа. «Разорили бы 20 шиллингов Хемпдена? Нет, но выплата даже половины этой суммы в тех условиях, когда она была потребована, сделала бы из него раба». Он позволил таскать себя по всем юрисдикциям, и, хотя суд казначейства в конечном счете осудил его (семью голосами против пяти), общественным мнением он был оправдан. Англичане начали обнаруживать, что само соблюдение закона может привести выдающиеся души к мятежу.

Годфри Неллер. Портрет Джона Хемпдена. XVII в.

8. Несмотря на суровость цензуры, по рукам ходили памфлеты против двора. Уильям Принн, пуританский памфлетист, хотел реформировать нравы своего времени. Он выступал против длинных волос придворных, «противных законам Христа». А в 1632 г. опубликовал памфлет о театре. К несчастью для него, сама королева и ее фрейлины приходили репетировать пастораль. Звездная палата сочла, что памфлет направлен против королевы, и приговорил Принна к 5 тыс. фунтов штрафа и потере ушей. Он был выставлен у позорного столба, и палач отрезал ему уши. Это жестокое наказание не помешало ему продолжать писать, на сей раз против Лода, и в 1637 г. он вновь оказался у позорного столба в компании с каким-то священником и доктором; ему отрезали то, что оставалось от его ушей, а на щеке каленым железом выжгли две буквы: «S. L.» *(Seditious Libeller — пасквилянт-подстрекатель)*. Жители Лондона с нескрываемым ужасом смотрели на варварское наказание, которому были подвергнуты эти трое джентльменов. В момент, когда палач их коснулся, по толпе прокатился яростный вопль. Это закипал гнев английского народа — серьезное явление для государства, где единственной силой государя была любовь подданных.

Полкроны Карла I. 1643–1644

9. Высшим безумием была попытка навязать шотландцам, столь пламенным защитникам своей *Hirk*, Пресвитерианской церкви, англиканские молитвы и ритуал. Карл, король Англии и Шотландии, знал Шотландию еще хуже, чем Англию. Хотя его отец, король Яков, и дал шотландцам епископов, *Hirk* оставалась по сути пресвитерианской. Осознав это, Лод возмутился. «Шотландская церковь, — сказал он, — не реформирована, а деформирована». Но когда по его приказу епископы ввели в Шотландии новый ритуал, верующие не позволяли закончить службу. И знать, и буржуа, и крестьяне стали подписывать (иногда в романтических обстоятельствах: на могильных плитах и в церквях) *covenant solennel*, клятвенный договор, которым обещали хранить верность своей Церкви. Карл решил разбить этот религиозный союз силой оружия. Но опасно прибегать к драгонадам, когда не располагаешь драгунами. Какой армии мог король доверить эту задачу? «Натасканным бандам» ополчения? Они *не были* натасканы до такой степени. Сельским дворянам? Они были далеки от того, чтобы одобрять это. Когда превосходной шотландской армии (насчитывавшей 20 тыс. человек, многие из которых служили на континенте в войсках протестантских князей под командой офицеров Густава Адольфа) король противопоставил кое-каких англичан, которых смог собрать, обе армии начали договариваться. И если эта первая «епископская война» не закончилась полным разгромом, то лишь потому, что шотландцев остановили эти переговоры.

10. Королю оставалась последняя надежда: Страффорд, единственный сильный человек его режима. В Ирландии он применил свой девиз: *«Thorough...» («До конца...»)*. Его упрекали за жесткость. Но он, по крайней мере, усмирил страну, собрал призрак парламента, добился войск, денег. Даже смог послать королю для его шотландской войны 20 тыс. фунтов. Когда Карл обратился к нему, он посоветовал действовать с позиции силы. Надо было созвать парламент, добиться субсидий, изобличив интриги шотландцев с Ришелье, а потом продолжить войну «до конца». Сам Страффорд поспешил в Ирландию, собрал там 8 тыс. человек и вернулся — больным, но полным решимости. Парламент, созванный Карлом в 1640 г., впервые за двенадцать лет, оказался злопамятен и ничего не забыл из прежних обид. Палата общин была далека от того, чтобы предоставить королю свою поддержку для войны, и потребовала «возмещения ущерба». Пим припомнил Карлу все его грехи, и парламентарии вступили в переговоры с шотландцами. После всего восемнадцати дней заседания этот «Короткий парламент» (апрель-май

1640) пришлось распустить. Страффорд полагал, что Карл попал в такую ситуацию, спастись из которой может (да и то сомнительно), лишь прибегнув к безжалостному деспотизму, «избавленному от всех обычных правил правления». «Пожалейте меня, — писал он одному из своих друзей, — ибо никогда человек не был призван заняться столь безнадежным делом. Армия в большой нужде и не снабжена ничем... Наша кавалерия лишена мужества. Страна от Берика до Йорка во власти шотландцев; ужас повсюду, всеобщая неприязнь к королю... Одним словом, я здесь один, чтобы бороться против стольких зол, без всякой помощи. Да избавит меня Бог по доброте своей от величайшего несчастья моей жизни!»

V. Долгий парламент

1. Без денег, без верных солдат, побежденный шотландцами, которые захватили северные графства и потребовали, прежде чем уйти оттуда, не только религиозной свободы, в которой никто не мог им отказать, но и возмещения ущерба, Карл вынужден был склониться перед волей самых стойких своих подданных. Лорды призывали его созвать новый парламент; петиция, подписанная десятью тысячами собранных Пимом имен, требовала того же; он уступил. Никогда еще выборы не сопровождались столь сильными страстями. Пим, как настоящий вождь партии (новая должность), объезжал сельскую местность, собирал в городах митинги, формировал местные комитеты. Хемпден, ставший одним из наиболее уважаемых людей королевства, поддерживал Пима своим большим авторитетом. Чего хотели эти люди? Чтобы были избраны настоящие пуритане, готовые к борьбе против абсолютизма. Второй парламент 1640 г. — уже не реформистский, а революционный. Но эта революционная ассамблея отнюдь не демагогическая. Депутаты Долгого парламента — это джентльмены, землевладельцы, серьезные, религиозные, образованные, желавшие как можно скорее вернуться в свои родовые владения. Такие люди не имеют склонности к мятежу и призывают себе на помощь толпу лишь с большим сожалением. Они далеки от враждебности к институту монархии и пока не мыслят себе взамен ничего другого. Но им нужно разрешить с Карлом два конфликта, которые со времени восшествия на трон династии Стюартов отравляют жизнь Англии: один политический, другой религиозный.

2. Как бы они ни опасались короля, гораздо больший страх им внушал Страффорд. Или Пим доведет Страффорда до плахи, или Страффорд однажды велит повесить Пима. Одним из первых действий нового парламента было обвинение Страффорда в великой измене перед лордами посредст-

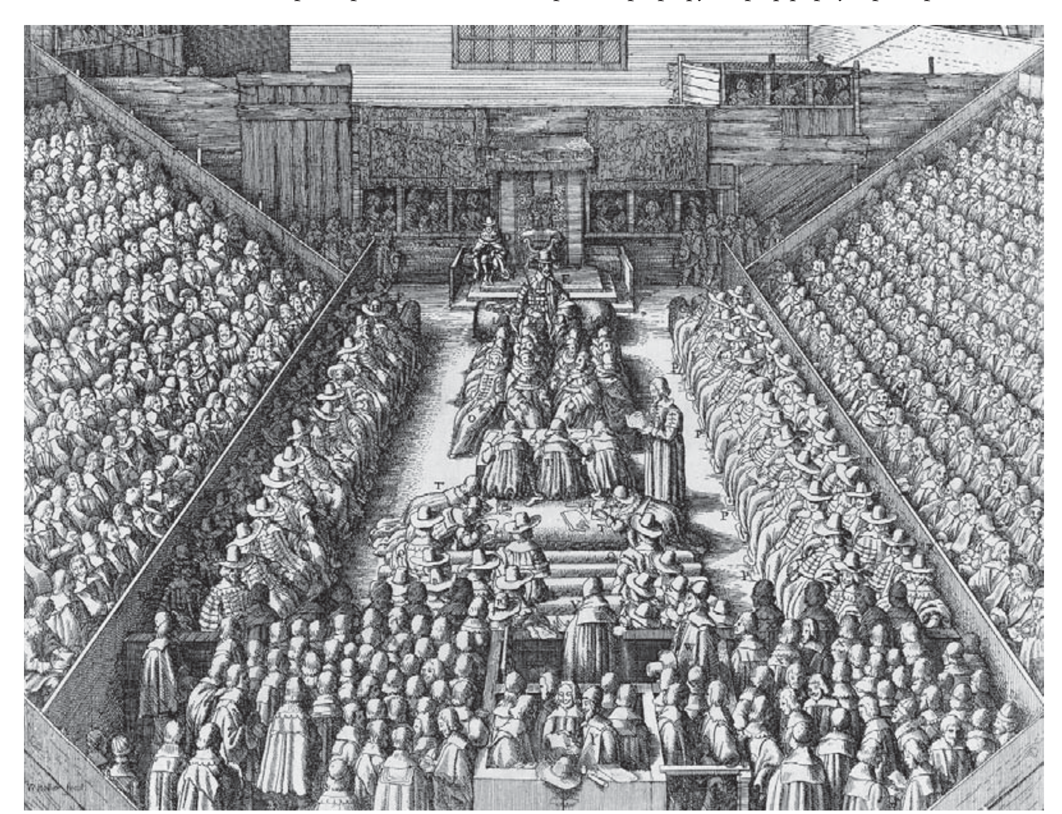
Эдвард Бауэр. Портрет Джона Пима. До 1667

вом *импичмента*. Страффорду уже несколько недель было известно, что если он предстанет перед парламентом, то пропадет. И он сказал об этом Карлу, но тот ответил, что вполне способен, будучи королем Англии, оградить его от любой опасности и что парламент не тронет и волоса на его голове. Страффорд явился в палату лордов как раз в тот момент, когда Пим во главе депутации от палаты общин требовал его ареста. Страффорд вошел с высоко поднятой головой; ему пришлось преклонить колена перед барьером, чтобы выслушать обвинение и выйти оттуда уже узником. По правде говоря, казалось, что он мог быть спасен. Этот импичмент не имел никакой законной силы. Как можно было всерьез обвинить в великой измене — преступлении против короля — самого верного его слугу? Но конституционная практика не предоставляла парламенту никакого другого средства против министра, которого поддерживал монарх. Попытались скомпрометировать Страффорда, приведя его слова, будто бы сказанные перед Тайным советом: он якобы предлагал использовать ирландскую армию против Англии. Но смогли предоставить всего одного свидетеля, да и то весьма ненадежного, — сэра Генри Вейна. Пим и его друзья с яростью поняли, что не находят у лордов большинства, необходимого для осуждения Страффорда. А тот, хоть и подточенный болезнью, прекрасно защищался в том лаконичном и резком стиле, который был ему так свойствен. Конец его защитной речи тронул всех, кто его слышал: «А теперь, *милорды,* со всем смирением и спокойствием духа я ясно и свободно покоряюсь вашему справедливому приговору, к чему бы вы меня ни приговорили, к жизни или к смерти. *Te Deum laudamus, te Dominum confitemur (Тебя, Бога, хвалим, Тебя, Господа, исповедуем)»*.

3. Тогда встревоженные обвинители прибегли к более простой и более грубой процедуре *Билля об опале (bill of attainder)*, принятого парламентом и санкционированного короной. Согласно этой процедуре обвиняемый терял все судебные гарантии. Если рассматривать только законные доказательства, поведению Пима и его друзей нет никаких оправданий. Они

убили Страффорда с помощью юридических уловок. Правда, надо сказать в их защиту, что, если бы Страффорд остался в живых и вновь обрел свободу, он и сам не поколебался бы уничтожить их «до конца». Быть может, Пиму и его друзьям было бы лучше откровенно признаться, что началась гражданская война, и отказаться от лицемерной видимости законности. Лорд Дигби в речи, которая делает ему большую честь, объявил, что не может голосовать за *билль*. «Храни меня Бог, — воскликнул он, — приговаривать человека к смерти согласно закону, состряпанному *a posteriori*... Я знаю, господин спикер, что парламент обладает и судебной, и законодательной властью. Одна устанавливает то, что верно согласно закону, другая — то, что политически годится для блага палаты общин. Но не должно смешивать эти две власти, и мы не имеем права покрывать акт политической осторожности пустой видимостью законного правосудия». Можно оценить неистовство разыгравшихся страстей, если вспомнить, что эта восхитительная речь была сожжена рукой палача, а короля просили больше

Вацлав Холлар. Парламент выносит приговор графу Страффорду. Гравюра. До 1641



не оказывать никакой чести лорду Дигби и не использовать его никоим образом. *Закон об опале* был принят палатой общин 204 голосами против 59, а список с именами оппозиционеров, которые, согласно регламенту того времени, не должны были предаваться огласке, был публично вывешен в Сити, где было объявлено, что это «сторонники Страффорда и враги своей страны». Лавки в Сити закрылись. Хозяева и подмастерья пришли к Вестминстеру угрожать сторонникам Страффорда. Под давлением черни сами лорды проголосовали за его смерть 26 голосами против 19.

4. Подпишет ли этот закон король Карл, поклявшийся Страффорду, что парламент не коснется и волоса на его голове? Епископы, поддавшись всеобщей панике, пришли сказать Карлу, что у него, как у короля, должно быть две совести: одна публичная, другая частная. Вокруг Уайтхолла собирались лондонские толпы и вели себя столь угрожающе, что придворные-католики исповедались, а самые храбрые из капитанов готовились умереть, защищая лестницы и коридоры старого замка. В воскресенье шум усилился; около девяти часов вечера король подписал. «Если ничего, кроме его жизни, не может удовлетворить мой народ, я должен сказать: *Fiat Justitia! (Да свершится правосудие!)»*; Страффорд проявил благородство и, хоть и застигнутый врасплох отступничеством короля, написал ему, что с радостью отдает ради него свою жизнь. Но говорили, что он пробормотал: «Не доверяйтесь ни властителям, ни сынам человеческим, ибо нет в них спасения». На пути к месту казни старый архиепископ Лод, сам узник, подошел к окну, чтобы благословить своего друга, который умер с такой мужественной простотой, что лондонские подмастерья хранили уважительное молчание. Так ушел из жизни этот выдающийся человек, единственное преступление которого состояло в том, что он желал, чтобы парламент помогал монархии, а не подавлял ее. Начиная с этого судилища, можно сказать, что король в Англии перестал быть государством, потому что Страффорда сочли изменником по отношению к стране как раз из-за его верности монарху.

5. Приговорив Страффорда, парламент устранил единственного человека, который был способен превратить английскую монархию в авторитарную систему правления, образец которой дали Европе Испания и Франция. Чтобы сделать победу абсолютизма навсегда невозможной, теперь нужно было запретить королю править, подобно тому как его отец и он сам в течение долгих лет обходились без парламента. Слабость избираемых представительств, когда они вступают в борьбу с постоянной исполнительной властью, состоит в том, что она может их распустить. Поэтому их единственное средство защиты — навязать исполнительной власти твердо закреп-

Джон Хэнкок. «Английский ковчег». В «ковчеге» размещены две палаты парламента и ассамблея богословов, роялисты гибнут в морской пучине. Сатирическая гравюра. 1646

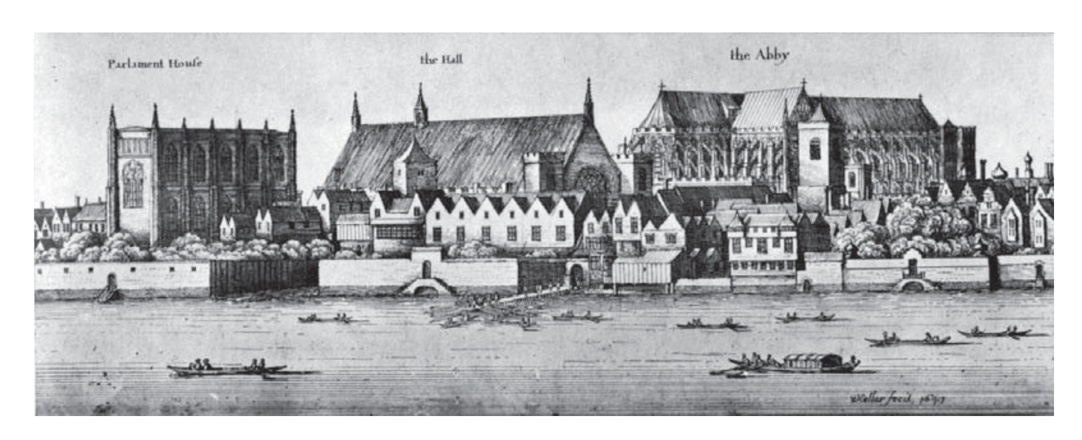
ленные способы и даты созыва. Пим и его друзья вынудили короля подписать: 1) акт, обеспечивающий регулярный созыв парламента, по крайней мере раз в три года; если на третий год король все еще упорствует, созыв может состояться и без его участия; никакой парламент не может быть распущен, не «прожив» пятьдесят дней, или отсрочен более чем на три года; 2) акт, лишающий короля возможности взимать налоги без одобрения парламента. Больше не будет никакого *Tunnage and Pounage*, никакого *ship money* — в общем, никаких не одобренных налогов; 3) власть короля в его же совете была изрядно уменьшена, и прерогативные суды (Звездная палата, Совет севера и т. д.) уступали место судам обычного права. В частности, были упразднены церковные суды Высокой комиссии, которыми Уильям Лод пользовался против пуритан. Закон одержал верх над королем.

6. Религиозная проблема была более сложной, чем политическая. Большинство парламентариев сходились лишь в одном: будучи протестантами, все они боялись папистов. Но многие ненавидели и епископов Лода, которые пытались привести англичан к ритуализму; другие все еще были привязаны к прежней иерархии. Первые хотели вырвать из Церкви епископат

с «корнями и ветвями»; вторые, приверженцы епископов и Епископальной церкви, обладали преимуществом: они были гораздо более сплоченны, чем их противники. Среди противников епископов на самом деле надо выделить *эрастианцев*, последователей немецкого богослова Томаса Эраста (1524–1583), которые в мирских делах подчиняли Церковь государству и заменяли епископов светскими уполномоченными; *пресвитериан*, сторонников религиозной демократии на манер шотландской или женевской вместе с их старейшинами и синодами, и, наконец, сектантов — *конгрегационалистов* или *индепендентов* (независимых), которые утверждали, что Бог пребывает с каждой группой верующих, и таким образом становились, несмотря на свою крайнюю узколобость, невольными предвестниками свободы совести.

7. Сторонники Англиканской церкви были наиболее многочисленны в графствах; пресвитериан поддерживали шотландские солдаты, обосновавшиеся в Лондоне после победы и которых парламент не спешил выдворять, потому что они были его союзниками против короля; независимые считали Епископальную церковь и пресвитерианство всего лишь двумя формами тирании. Надо представить себе эти религиозные и политические дискуссии, которые продолжались с утра до вечера в городе, охваченном теологическими страстями. Парламентарии спорили весь день, а подчас и ночью, при свечах. Можно было видеть Пима, Хемпдена и Хайда, прогуливавшихся вокруг Вестминстерского кладбища или собиравшихся, чтобы поговорить за ужином о своем великом деле. Заслышав шум, купцы и подмастерья закрывали свои лавки и бежали к Вестминстеру или Уайтхоллу. Никакая вооруженная сила не сдерживала эту толпу. Наоборот, это она защищала парламент. Что касается короля, то он держал подле себя нескольких длиннокудрых офицеров, капитанов на половинном жалованье, которых подмастерья в насмешку прозвали «кавалерами». А тем временем королева, увидев в окно пуритан с коротко остриженными головами, спросила, кто эти «круглоголовые». Прозвище тоже прижилось.

8. Почти все историки порицали поведение Карла I во время Долгого парламента. Но как несчастный мог вообразить себе компромисс, который в следующем веке создаст конституционную монархию? Карл I не видел никакого средства избежать дилеммы: или восстановить с помощью силы свою власть, или стать призраком короля. Гражданская война была неизбежна, потому что между королем и парламентом не стоял никакой ответственный министр и две эти власти неизбежно столкнулись между собой. Идея, что в случае конфликта меньшинство должно склониться перед боль-



Лондон. Вид на Парламент и Вестминстерское аббатство. Гравюра. 1647

шинством и позволить ему управлять, была тогда еще не только не принята, но даже никому не пришла в голову. Как только страна оказалась глубоко разделенной, другого решения, кроме гражданской войны, не было. Впрочем, закон о большинстве все равно не позволил бы разрешить главный вопрос того времени, который был религиозным. Интересы еще могут как-то договориться между собой, но не верования.

9. Однако надо признать, что король усугубил хаос, ведя двойную игру. Карл покорно утверждал законы, принятые парламентом, но сам тайно плел интриги и против этих законов, и против парламента. Впрочем, он считал, что находится в состоянии войны, а на войне все дозволено. Он дошел до того, что просил у шотландцев, которые оставались лучшими солдатами острова, поддержки против англичан. Они пообещали ему это, если он со своей стороны примет в Англии пресвитерианский *ковенант*. Этого он не мог сделать, будучи убежденным сторонником Епископальной церкви, и должен был отказаться от союза с шотландцами. В какой-то миг ему показалось, что впереди забрезжило избавление. Парламентарии, объединившиеся против него, яростно разделялись по религиозному вопросу; одни желали уничтожить всякий ритуал и изменить все вплоть до молитвенника, другие были враждебны к епископам, но оставались привязаны к красивым англиканским молитвам. Благодаря этому расколу заново сформировалась монархистско-англиканская партия, руководимая такими людьми, как Хайд, которых король вполне мог бы сделать своими советниками. «Великая ремонстрация», направленная против Карла, была принята с перевесом всего в одиннадцать голосов. «Король Пим» уже терял свой престиж, и только неуклюжесть короля Карла вернула его противнику.

10. 3 января 1642 г. генеральный атторней короля внезапно потребовал у палаты лордов импичмента за великую измену пяти членам парламента, в том числе Пиму и Хемпдену. Демарш был незаконным, поскольку право импичмента принадлежало только палате общин. Лорды колебались. Король лично явился в палату общин, чтобы арестовать пятерых ее членов. Они были предупреждены, и Сити взялся их спрятать. Сцена была тягостная. Король вошел в сопровождении *кавалеров* и занял место спикера. Члены парламента стояли, обнажив головы. Бросив взгляд, король увидел, что «птички упорхнули». И отправился обратно сквозь враждебную толпу, кричавшую на его пути: «Привилегия!» Было созвано ополчение Сити, которое и обеспечило защиту парламента. Столкновение между двумя силами становилось неизбежным. Король счел, что благоразумнее будет покинуть Лондон.

VI. Первая гражданская война

1. Пришло время для каждого англичанина выбрать свой лагерь. Однако бо́льшая часть из них не желала ничего выбирать. Эта революция была отнюдь не из тех гигантских волн, которые поднимают массы. Она скорее разделяла классы, нежели сталкивала их между собой. 30 пэров остались в Вестминстере; 80 последовали за королем; 20 сохраняли нейтралитет. Как и пэры, сквайры и йомены тоже были поделены между двумя лагерями. Лондон, фрондирующий протестантский город, благоволил к парламенту, но кафедральные города стояли за своих епископов, а стало быть, за короля. Что касается крестьян, то многие из них оставались безразличными. «Им было не важно, при каком правительстве жить, лишь бы они могли обрабатывать землю и ездить на рынок». В некоторых графствах пуритане и англиканцы, роялисты и парламентаристы подписывали пакты о нейтралитете. И лишь позже, когда до них дошло, что обе армии обходятся с нейтралами дурно, колеблющиеся нехотя выбрали лагерь. Иногда один-единственный решительный сквайр увлекал за собой всех живущих по соседству джентльменов. Фермеры следовали за своими помещиками. Любители удовольствий были за короля, потому что пуритане олицетворяли собой суровость. Сектанты были за парламент, потому что надеялись (ошибочно) на религиозную свободу. Можно сказать, что католический Север и Запад стояли скорее за короля; Юг и Восток были за парламент, но границы были все время размыты. Ни в какой момент сражающиеся армии не превосходили одну сороковую от населения страны, а в самых важных битвах гражданской войны участвовало не больше 20 тыс. бойцов с каждой стороны.

2. Можно удивляться, видя в ту революционную эпоху почти безучастной страну, которая в других обстоятельствах проявляла столь сильные страсти. Но в 1641 г. доктрины и намерения обеих партий были неясными. В лагере парламентаристов никто в начале войны еще не желал уничтожения Карла Стюарта. Никто и не представлял себе, что можно без него обойтись. Парламент хотел только застраховаться от действий короля и отделить от него дурных советников. Эссекс, полководец парламентских войск, рекомендовал им действовать осторожно, поскольку, говорил он, «побежденный король всегда останется королем, но если мы будем побеждены, то станем всего лишь мятежниками и изменниками». Представление о священном характере королевской власти, отпечатавшееся в мозгах за долгие века почитания, оставалось нетронутым. Когда в начале войны близ Ноттингема король «поднял свое знамя», эта символическая церемония взволновала души многих людей, которые умом отдавали предпочтение парламенту.

3. Однако сцена не удалась. Шел дождь. Карл, педант и маньяк, как и все Стюарты, без конца поправлял герольда, читавшего прокламацию. Ветер сбросил знамя в грязь. Все-таки это было знамя короля. Многие подумали, как сэр Эдмунд Верней, что, какими бы друзьями Библии и парламента они ни были, им негоже бросать в несчастье государя, чей хлеб они ели. Многие лишь из верности защищали дело, которое вовсе не казалось им справедливым. Кое-кто из нейтралов одобрял политические идеи парламентаристов, но им не хотелось, чтобы трогали молитвенник; другие, враждебные к Англиканской церкви, были благосклонны к королю. Такой разброд не мог породить слишком пылкое воодушевление. На самом деле это была не настоящая революция, которая всегда вызывается крупными экономическими неурядицами, а в этой богатой и относительно благополучной стране речь скорее шла о том, что сегодня именуют партийной борьбой. Только из-за сбоя в конституционном механизме парламентские прения приняли форму сражений на поле боя. И понадобятся бедствия гражданской войны, чтобы породить политическую терпимость, как в других странах понадобятся ужасы гонений, чтобы навязать терпимость религиозную.

4. Те, кто принял активное участие в войне по обе стороны, были лучшими людьми нации. Так что борьба останется довольно гуманной. Битвы кровавы лишь потому, что солдаты храбры, однако с пленниками, за исключением ирландцев и католических священников, обращаются хорошо. В обоих лагерях хвастаются, что они — христианская армия. Перед сражением каждый командующий велит устроить богослужение. С той и с другой

стороны противника упрекают в грехах. «Мы в нашей армии, — говорит роялист, — любим вино и женщин, а вы в вашей повинны в дьявольских грехах: в духовной гордыне и строптивости». Хотя отвага и вера бойцов весьма горячи, их военные навыки, по крайней мере в начале, довольно посредственны. Из-за долгого Тюдоровского мира люди разучились воевать. Некоторые из военачальников, такие как племянник Карла Руперт, сын курфюрста Пфальцского, выдающийся кавалерист и плохой тактик, командовали на континенте. Другие, например некий Оливер Кромвель из пуританской армии, читали стратегов. Большинство сражаются как бог на душу положит. Разведка работает так плохо, что армии порой с трудом находят друг друга. Вначале у Карла был план окружить Лондон; у парламента не было никакого, кроме как захватить короля живьем.

5. Кавалерия снова становится тем родом войск, который решает исход битвы; она составляет две трети обеих армий. Пехота состоит из пикинеров и мушкетеров; последние очень уязвимы перед фланговыми атаками кавалерии, потому что не имеют ни штыков, ни многозарядных ружей, которые еще не изобретены; сделав залп, они остаются безоружными. Тактика мушкетеров состоит в том, чтобы после выстрела отойти под защиту каре пикинеров, чтобы перезарядить свои мушкеты; они не всегда успевали сделать это и бывали изрублены саблями. Руперт первый стал широко использовать кавалерийские атаки с саблей наголо. Но он был слишком отважен и пренебрегал остальной армией, поэтому, несмотря на свои победоносные атаки, порой проигрывал битвы. На протяжении всей кампании парламент, который поддерживали лондонские купцы, имел значительное преимущество: он с легкостью взимал налоги. Он располагал также преобладанием на море, поскольку моряки-протестанты сохранили ненависть к Испании, абсолютизму и кавалерам; они позволили повстанцам поддерживать связи с континентом, что спасло лондонскую коммерцию и таможенные сборы.

6. Начало войны было благоприятно для короля, который после неопределенного сражения при Эджхилле смог сосредоточить вокруг Лондона три армии. Когда стало опасно, он отошел к Оксфорду, который сделал своей столицей, и готические колледжи наполнились красивыми дамами и длиннокудрыми кавалерами. Любовные интриги в Королевской армии перемешивались с интригами партий, а в противовес пуританской суровости здесь бахвалились галантными похождениями. Карл мог бы победить, если бы располагал деньгами и если бы его политика была более откровенной. Но он пытался договориться одновременно с шотландцами, с Францией (при посредничестве королевы, которая после мучительных родов

Карл I отдает приказания своему секретарю, сэру Эдварду Уолкеру, во время боевых действий первой гражданской войны. Гравюра. 1705

перебралась на континент) и с парламентом. В конце концов противоречивые предложения короля убедили в его недобросовестности всех, к кому он обращался. Однако противники ставили его в выигрышное положение, поскольку сами были сильно разобщены. Парламент пытался, так же как и король, добиться поддержки шотландцев, но те требовали, чтобы Англия стала пресвитерианской. На такое Карл не мог согласиться, потому что был искренним англиканцем; парламент тоже колебался, потому что лучшие его солдаты были индепендентами, требовавшими свободы вероисповедания. Однако парламент в конце концов подписал *Ковенант* (в 1643), чтобы обеспечить себе победу и соглашаясь на риск увидеть пресвитерианскую армию, стоящую лагерем у стен Лондона. По религиозному вопросу было сделано несколько уступок. Парламент обязался реформировать Церковь Англии «по примеру лучших реформатских церквей» (что было обещанием пресвитерианской демократии), но также «по Слову Божию», что позволяло ему при необходимости разрешить секты. Союз

Чарльз Ландсир. Военный совет перед сражением при Эджхилле в 1642 г. 1845

с шотландцами дал парламенту победу при Марстон-Муре, близ Йорка, в 1644 г. Пим умер до этой битвы и был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

7. Лучшим из солдат Марстон-Мура был новый человек — Оливер Кромвель, мелкий сквайр из Хантингтона, кузен Хемпдена и, как и он, пуританин с отрочества. Но хотя вера Кромвеля была столь же глубокой, как и у Хемпдена, она была не столь безмятежной. Меланхоличный, подверженный кошмарам, он проводил часть своей жизни в состоянии некоего мистического причащения. Он отдавался эмоциям более, чем нормальные англичане, и часто на его глазах выступали слезы. Кромвель был способен на суровость ради защиты своей веры, но также и на бесконечную нежность к бедным христианам, которые не просили ни о чем другом, кроме как жить в чистоте. Много раз накануне крупного сражения или важного решения он, избегая людей, запирался с Библией и долго молился. Язык Святой книги стал его естественным стилем. Он жил в «краю папоротников», на болотистой земле, почти столь же пустынной, как и та, что сформировала Магомета. С мусульманским пророком его роднили монотеизм, простота вероучения и несокрушимая воля. Когда началась гражданская война,

этот страстный пуританин и депутат парламента с 1628 г. набрал из своих соседей небольшой кавалерийский отряд. Будучи солдатом-реалистом, он признавал превосходство Королевской кавалерии и необходимость — если армия парламента хотела побеждать — набрать свою, причем из преданных делу солдат, а не из наемников или безразличных. «Малое количество честных людей, — полагал он, — стоит больше множества». Он хотел создать священный батальон, ударный отряд, «подобный трем сотням Гедеона».

8. Для мятущейся души, которой обладал Оливер Кромвель, годы войны стали счастливыми. Он обрел душевное успокоение в действии. Целиком поглощенный идеей создать образцовую армию, он набрал 14 эскадронов, всего 1100 человек, «судя по сердцу их, и спаял общей дисциплиной в дружину, чуткую к воле своего вождя, как музыкальный инструмент». Кромвель не требовал от них быть пресвитерианами, ни даже пуританами. «Государству, — говорил он, выбирая людей для этой службы, — не важны их мнения. Если они готовы верно служить, этого довольно». При выборе своих офицеров он не смотрел на их происхождение. «Лучше плохо одетый капитан, знающий, за что сражается, чем тот, кого вы зовете джентльменом, но который не годен ни на что иное». От всех он требовал строжайшей дисциплины, и не только на поле боя, но и на отдыхе. Эти «железнобокие» *(Ironsides)* Кромвеля не играли в азартные игры и не пили. Так что в деревнях их прибытие не вызывало страха. Вид этого организованного войска необычайно радовал самого Кромвеля. «У меня прекрасное *(lovely)* войско, — писал он, — вы бы зауважали его, если бы познакомились с ним поближе». Люди Кромвеля были в армии парламента тем, чем являются «партии» в авторитарных режимах нашего времени.

Оливер Кромвель. Гравюра. XVII в.

9. Чем дольше затягивалась война, тем больше страна страдала и теряла терпение. За несколько дней до смерти Пима, некогда столь популярного, женщины Лондона встретили его недовольными криками.

Казнь Лода, легально убитого после Страффорда, разделила Карла и парламент глубже, чем когда-либо. Если бы не быстрая победа, ополчение Сити выгнало бы из Вестминтера тех, кого так долго защищало. Но чтобы добиться этой быстрой победы, парламенту нужна была армия, которая вся целиком имела бы достоинства *железнобоких* Кромвеля. А ему хватило смелости напрямик заявить парламентариям, что армия станет победоносной, только когда они перестанут лезть в командование войсками. Дескать, она нуждается в солдатах, а не в политиках. Меры, которые потребовал Кромвель, были приняты под названием *Self Denying Ordinance* (то есть *Закон о добровольном отказе*), и была создана армия «нового образца» под командованием сэра Томаса Фэрфакса. Фэрфакс был молчаливым и заикавшимся солдатом на отдыхе, но неистовым в бою и всеми уважаемым за свою верность. Отныне жалованье войскам должно было выплачиваться регулярно, вооружение стало единообразным, униформа строго одинаковая — пунцовая. Кромвелю, хотя он и был легально ущемлен в правах своим собственным ордонансом, было разрешено в особом порядке оставаться лейтенантом Фэрфакса.

10. В 1645 г. армия «нового образца» одержала над королевскими войсками решительную победу у Нейзби (Naseby), в которой Кромвель увидел перст Божий. В следующем году Фэрфакс двинулся на Оксфорд, и Карлу пришлось бежать. Это был конец королевского сопротивления. Напрасно королева писала ему, чтобы он купил союз с шотландцами ценой отказа от англиканства, он так и не смог на это решиться. «Я вдвойне удручен тем, что не согласен с тобой, но надеюсь, что ты не будешь хулить меня, если хорошо понимаешь суть вопроса, ибо, уверяю тебя, я не делаю большой разницы между подчинением пресвитерианскому правительству и подчинением Римской церкви». Когда 27 апреля 1646 г. он покинул Оксфорд, его первой мыслью было отправиться в Лондон: «Я еще не потерял надежду привлечь на свою сторону либо пресвитериан, либо индепендентов, чтобы избавиться либо от тех, либо от других, и снова по-настоящему стать королем». Письмо совершенно в духе Карла из-за этой смеси героизма и наивного двоедушия. Но какая ему

Кираса участника
первой гражданской войны в Англии

Чарльз Ландсир. Кромвель после битвы при Нейзби. 1851

была разница, что он обманывает одновременно и пресвитериан, и индепендентов? Он одинаково их презирал. Однако в последний момент король передумал и решил сдаться шотландцам.

VII. Армия против парламента

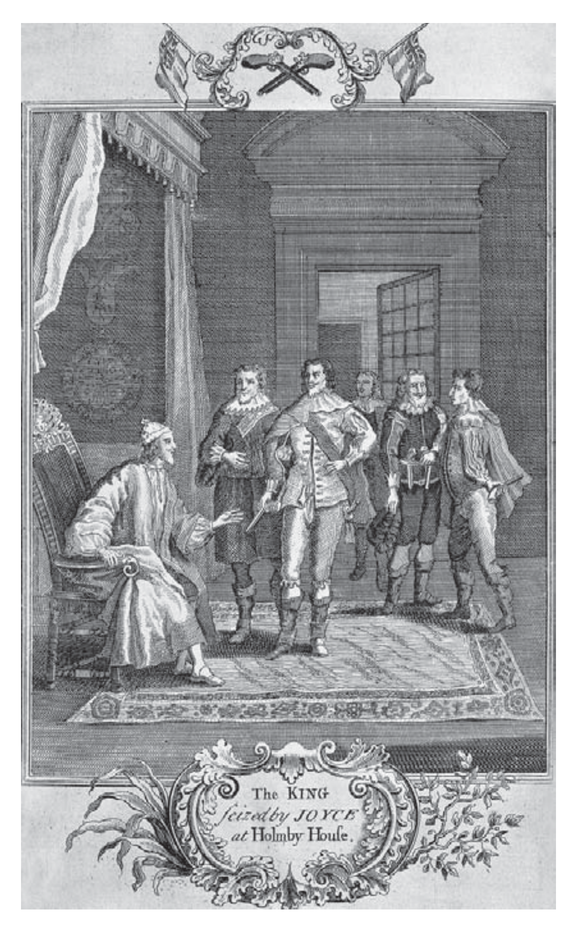
1. После взятия Оксфорда и бегства Карла парламент стал победителем. Но военная победа в гражданской войне далека от решения всех проблем. Поражение короля делало невозможным монархический деспотизм, но не оправдывало деспотизм парламента. Страна оставалась роялистской. Она желала возврата времени, когда деревни не были наводнены солдатами; ей не нравилась суровая религия людей Кромвеля. Несмотря на свое поражение, многие сторонники Карла с надеждой ожидали того момента, когда Англия вновь обретет «свои добрые старые манеры, свой добрый старый нрав, свою добрую старую натуру». Однако даже в глазах «кавалеров» и нейтралов армия нового образца представляла собой порядок. Если бы она проявила некоторую умеренность в своей победе, то встретила бы почти единодушное одобрение. К несчастью, она ожидала от своего триумфа начала новой эры. Тут в большинстве были индепенденты и сектанты, люди страстные,

вдохновенные, каждый из которых мнил себя проповедником и пророком. Все они были демократами, одержавшими верх над кавалерами-роялистами, и уже не уважали иерархию по рождению. «Кем были лорды в глазах офицеров Кромвеля, если не полковниками Вильгельма Завоевателя, бароны — его майорами, а рыцари — его капитанами?» И чем был бы парламент без армии? Какой властью располагал, чтобы навязать новую национальную Церковь солдатам-победителям, которые требовали свободы вероисповедания и были не более расположены принять пресвитерианство Вестминстера, нежели англиканство Уайтхолла?

2. Оказавшись между консервативным народом и радикальной армией, парламент не понимал ни народ, ни армию. Как и всякая ассамблея, которая слишком долго остается у власти, он стремился стать коллективной автократией. В своем надменном безумии он считал себя достаточно сильным, чтобы преследовать одновременно и англиканцев, и индепендентов. Против новой, Пресвитерианской церкви он неуклюже старался поднять и дворян-кавалеров, угрожая их имуществу, и солдат-круглоголовых, угрожая их жалованью. Лишенный Пима и Хемпдена, Долгий парламент потерял качество, без которого никто не может управлять, — чувство возможного. Сначала он пытался договориться с королем, чтобы шотландцы, уставшие от этой английской распри, сдались парламенту. Карлу, пленнику парламента, были представлены в качестве условий мира девятнадцать *пропозиций*: он должен был принять Ковенант, упразднить епископат, на двадцать лет уступить парламенту верховную власть над армией и флотом, позволить парламенту назначать важнейших сановников государства и, наконец, согласиться с преследованием большого числа роялистов. Карл не считал, что должен играть с мятежниками в честную игру. Он продолжал переговоры с Францией, с Шотландией, с пресвитерианами против индепендентов, с индепендентами против пресвитериан.

3. Чтобы парламент мог заключить имеющий юридическую силу договор, ему надо было обладать реальной силой. Однако ею располагала только армия. 30 тыс. человек под началом Фэрфакса и Кромвеля с беспокойством ожидали известий о своей участи. Желанием парламента было: 1) распустить их как можно скорее, сохранив лишь необходимые войска для гарнизонной службы и кампании в Ирландии, которую беспорядки в этой стране делали все более необходимой; 2) оставить офицеров-пресвитериан и уволить индепендентов, которые были ему подозрительны; 3) не платить войскам недополученное ими жалованье. Кромвель, одновременно парламентарий и солдат, но все же больше солдат, нежели парламентарий, был серьезно обеспокоен ненавистью к армии, которая поразила его в Вест-

минстере. Он не понимал, как парламент мог отказать победителям в праве быть христианами на свой лад, если они сражались только ради того, чтобы получить это право. Смущенный, озадаченный, смятенный и несчастный, он сделал своими наперсниками двух более молодых людей: Вейна и своего собственного зятя Айртона, которые оба, как и он, восстали против неблагодарности пресвитерианского парламента. Однако мысль поднять армию против парламента пока не приходила в голову Кромвелю, испытывавшему настоящее отвращение к гражданской войне и всякой военной диктатуре.



Корнет Джойс заключает под стражу короля Карла I 3 июля 1647 г. Гравюра. XVII в.

4. Тем временем недовольство армии усиливалось. В полках создавались солдатские комитеты. Парламент отправил четырех своих членов, в том числе Кромвеля и Айртона, чтобы вести переговоры с недовольными. Быть может, Кромвель и восстановил бы среди них дисциплину, если бы не узнал, что парламентарии, притворяясь, будто выслушивают жалобы армии, готовились ее атаковать. Парламент, вооружив жителей Лондона, создал пресвитерианское ополчение, призвал на подмогу шотландцев и теперь предлагал вернуть королю трон, если тот примет пресвитерианство на три года. Солдаты решили не давать парламенту такого козыря, как обладание королем. Корнет Джойс отправился со своими кавалеристами в Холмби, где находился Карл, и попросил его следовать за ним. Король потребовал показать ему письменное распоряжение. Джойс в ответ показал на всадников у себя за спиной. «Прекрасное распоряжение, — сказал король, — и написанное лучше, чем любое, что я видел в своей жизни: рота достойных и порядочных джентльменов». И король, выглядевший совершенно довольным, отправился с Джойсом в Ньюмаркет. Видя, что его враги уже спорят друг с другом из-за него, он решил, что

Вацлав Холлар. Портрет Джона Лилбёрна, лидера партии левеллеров. До 1677

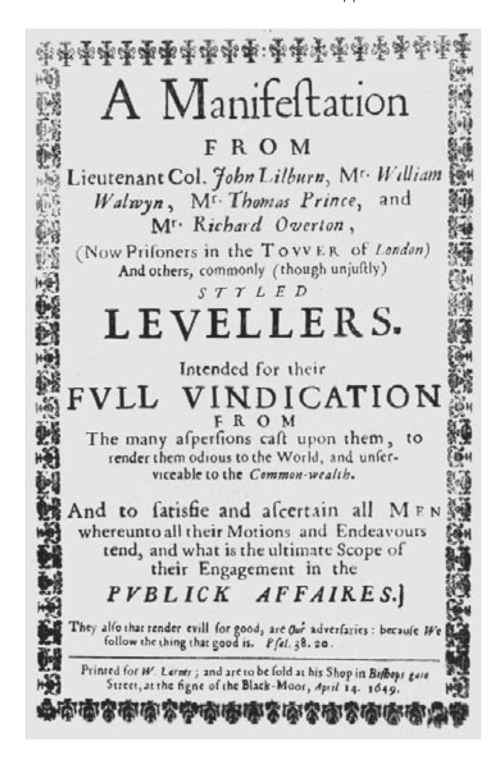
настает момент реванша. Когда парламент предложил армии распустить ее с жалованьем всего за восемь дней, что было откровенной издевкой, Кромвель решил оставить Лондон и присоединиться к солдатам. Теперь он был готов послужить армии, чтобы расстроить интриги парламентариев. Это было противоположно тому, что он часто говорил, но для человека, приверженного порядку, порой бывает благоразумнее самому возглавить движение, которое он считает опасным. Лучше вести, чем быть ведомым. Наверняка Кромвель меньше опасался реакций дисциплинированной и возглавляемой им самим армии, нежели конвульсий анархического мятежа.

5. И 20 тыс. человек под командованием Кромвеля двинулись на город; 20 тыс. человек, которые, прежде чем прийти в движение, долго молились Господу; 20 тыс. человек, полностью согласных со своими офицерами потребовать справедливости. Лорд-мэру Лондона, который мог попытаться оказать сопротивление, было адресовано письмо, написанное самим Кромвелем. Он потребовал для солдат свободы исповедовать свою религию. Это письмо, зачитанное в палате общин, было выслушано со страхом и почтением. Затем последовала Декларация армии, написанная Айртоном. В этом манифесте утверждалось, что источник всякой власти находится в народе, что избранная олигархия может стать столь же опасной, как тираническая монархия, если она претендует на абсолютизм, и по этим причинам армия требует, чтобы парламент был очищен от 11 членов, которых солдаты сочли нежелательными. Парламент отказался; армия приблизилась к Лондону; когда она была достаточно близко, 11 членов бежали. Военные агитаторы хотели идти на Вестминстер, но Кромвель предпочел переговоры. «Так мы избежим, — сказал он, — серьезного упрека, что мы силой добились согласия парламента». Парламент разрешил армии войти в Лондон, и Фэрфакс был назначен комендантом Тауэра. Через несколько дней распря парламентариев и солдат вновь обострилась, как никогда. «Эти люди, — сказал Кромвель, — никогда не уйдут, пока армия не вытащит их оттуда за уши».

6. Кромвель обладал медлительным, но мощным и простым умом. В юности он верил в парламент, однако потерял эту веру; тогда он попытался примкнуть к королю. В конце концов, разве не Карл требовал, как и армия, веротерпимости для всех христиан? Может, чтобы сделать короля неопасным, будет достаточно поставить пределы его власти? Кромвель и Айртон составили предложения, которые, в случае принятия их Карлом, установили бы в Англии конституционную монархию. Но Карл, совершенно игнорируя реальность, был не в том настроении, чтобы заключать сделку. «Он не испытывал ни сожалений, ни беспокойства». Держал двор в Хэмптон-Корте и принимал со своим восхитительным достоинством военачальников армии, их жен и дочерей, обещая Кромвелю ленту ордена Подвязки и приберегая для него, если когда-нибудь представится случай, пеньковую веревку. Он продолжал считать себя необходимым и интриговал со всеми партиями. Эти игры, напоминавшие качание на качелях, были опасными и обескураживали друзей короля. В армии сформировалась новая партия — *левеллеров* (уравнителей). Возбужденные неким Джоном Лилбёрном, пуританским памфлетистом, левеллеры распространяли республиканскую доктрину: «единственная естественная власть исходит от народа; монархия и палата лордов — бесполезные наросты; правление должно осуществляться только одной палатой, избранной посредством всеобщих выборов», и все это было сдобрено бесчисленными цитатами из Библии.

7. Красноречивый, энергичный, легковерный и мстительный, Джон Лилбёрн был из тех людей, которые умеют заставить массы слушать себя и повести их к погибели. В лице Фэрфакса и Кромвеля он наткнулся на вождей, способных силой защищать срединную и разумную позицию. Естественные права человека — эта абстракция не могла затронуть простой и сильный ум Кромвеля. Чтобы верить и понимать, ему нужно было видеть реальные общественные установления, вот откуда его стремление договориться с королем. Но Карлу было суждено обескуражить Кромвеля так

«Манифест» Джона Лилбёрна.
Издание 1649 г.



A Manifestation
FROM
Lieutenant Col. *John Lilburn*, Mr. *William Walwyn*, Mr. *Thomas Prince*, and Mr. *Richard Overton*,
(Now Prisoners in the TOVVER of *London*)
And others, commonly (though unjustly)
STYLED
LEVELLERS.
Intended for their
FVLL VINDICATION
FROM
The many aspersions cast upon them, to render them odious to the World, and unserviceable to the *Common-wealth*.
And to satisfie and ascertain all MEN whereunto all their Motions and Endeavours tend, and what is the ultimate Scope of their Engagement in the
PVBLICK AFFAIRES.]

They also that render evill for good, are *Our* adversaries: because *We* follow the thing that good is. *Psal.* 38. 20.

Printed for *W. Larner*; and are to be sold at his Shop in *Bishops gate* Street, at the signe of the Black-Moor, *April* 14. 1649.

же, как он привел в отчаяние всех, кто был предан его делу. 11 ноября 1647 г. он исчез из Хэмптон-Корта. Охранявшие короля солдаты нашли его плащ в галерее, письма на столе; Карл бежал по реке. Чуть позже узнали, что он на острове Уайт. Этот побег пробудил недоверие левеллеров к Кромвелю. 15 ноября в полках произошел мятеж, люди построились в шеренги, и у всех на шляпах красовался пасквиль Лилбёрна — «Манифест народа». Кромвель обнажил шпагу, пошел на бунтовщиков и приказал арестовать их надежным людям. Масса не осмелилась пошевелиться. Трое зачинщиков предстали перед военно-полевым судом. Одного из них, выбранного по жребию, расстреляли по приказу Кромвеля. Мятеж был подавлен.

8. Карл сбежал от своих тюремщиков только ради того, чтобы сдаться другим. Он надеялся обеспечить себе в замке Кэрисбрук убежище, но нашел там тюрьму. Он еще переписывался с королем Франции, с шотландцами, а также с Оливером Кромвелем, но тот уже научился не доверять ему. Перехваченное письмо Карла королеве изобличило его попытку еще раз призвать в Англию шотландскую армию. Перед опасностью роялистского восстания при поддержке шотландцев парламент и армия объединились. В этой второй гражданской войне (1648) победа Кромвеля была быстрой и полной; и в своем триумфе он увидел перст Божий. Если Господь воспользовался армией Кромвеля, чтобы поразить войска короля, то разве это не знак Бога, что Он избрал Кромвеля и его воинство, дабы низвергнуть некогда священную власть? Тем временем парламент, избавленный этой победой от всяких страхов, вел переговоры с Карлом, считая его отныне неопасным. Король соглашался на бóльшую часть пресвитерианских условий, твердо решив ничего не выполнять.

9. Положение индепендентов и армии становилось опасным. Бóльшая часть нации ожидала только признака слабости, чтобы обратиться против них; Лондон, главный источник доходов государства, и парламент, единственная законная власть, были к ним враждебны; левеллеры были по-прежнему озлоблены. Многие офицеры-пуритане начинали поговаривать, что никакой настоящий мир не будет возможен, пока Карл Стюарт, «этот кровавый человек», не будет устранен. Но Фэрфакс оставался лоялистом, да и сам Кромвель колебался, молился, плакал. Чего от него хочет Господь? В чем его долг? Что делать с этим королем? Доставить его в Лондон как победитель побежденного? Он не пощадил бы своих врагов. Держать его пленником на острове Уайт? Он не перестанет интриговать. Казнить его? Это может спровоцировать французское и шотландское вторжение. Как бы то ни было, следовало действовать или погибнуть. Армия пошла против парламента. 6 декабря 1648 г. полковник Прайд и его мушкетеры встали у входа

Казнь Карла I Стюарта в Лондоне 30 января 1649 г. Гравюра. 1649

в парламент со списком в руке, стали арестовывать подозрительных («Этот тут указан, он не может войти») и отправили сорок наиболее опасных в таверну, прозванную Преисподней, оставив в Вестминстере только полсотни *своих* человек. Отныне они могли быть уверены, что это «охвостье» *(Rump)* Долгого парламента одобрит все, что от него потребуют вожди армии. Оставался король. Кромвель ясно видел, что, если он пожертвует Карлом Стюартом, эта смерть разверзнет глубокую пропасть между армией и нацией. Впрочем, принц Уэльский находился во Франции и был готов стать законным претендентом, так что смерть Карла I не обескуражила бы даже роялистов. Однако Кромвель был уверен, что, пока возмутитель спокойствия жив, «не будет никакого мира для Израиля».

10. Решение Кромвеля было внезапным, и он приписал его, как всегда, божественному вдохновению. 20 января 1649 г. начался суд над королем. Обвинение гласило: «Карл Стюарт, король Англии, получив ограниченную

власть, дабы править в согласии с законами и никак иначе, предательски и коварно начал войну с парламентом и, будучи зачинщиком этой войны, стал повинен во всех изменах, убийствах и грабежах, учиненных за это время». Это обвинение не имело законной силы. «Мне хотелось бы знать, по какому праву, я хочу сказать, по какому *законному* праву меня привели сюда? В мире много незаконных прав, от права воров до права грабителей с большой дороги. Но когда я буду знать, каково ваше законное право, я вам отвечу. Вспомните, что я ваш король, ваш законный король. Подумайте о грехах, которые отягощают ваши головы, и о суде Божием над этой страной. Подумайте об этом хорошенько, говорю я вам. Подумайте об этом, прежде чем вы перейдете от этого греха к еще большему». Нет ничего более английского, нежели это настойчивое повторение слова *законный*; через много лет после смерти Карла именно идея законности вернет трон его сыну. «Я никогда, — сказал он еще, — не поднимал оружие против народа, но только ради законов». Будучи приговорен к смерти, он написал принцу Уэльскому благородное письмо, в котором советовал быть скорее добрым, нежели великим, и проявлять стойкость и верность в религии. «Ибо я наблюдал, — писал он превосходным языком, — что демон бунта охотно превращается в ангела реформации». Вплоть до эшафота и за несколько минут до смерти он повторял с восхитительной ясностью политические идеи, за которые погибал: «Что касается народа, то я желаю его свободы не меньше, чем любой другой, но должен вам сказать, что эта свобода состоит в том, чтобы иметь правительство и законы, благодаря которым жизнь народа и его имущество могут быть названы принадлежащими ему. Для народа свобода состоит не в том, чтобы править самому. Это совершенно ему не принадлежит. Подданный и государь — явно разные существа». На самом деле в этом и состояла суть всего процесса. Тогда казалось, что решение не в пользу короля. В следующем веке Болингброк снова подхватит тезис Карла Стюарта.

VIII. Кромвель у власти

1. Кромвель, парламентское «охвостье» и армия остались одни во главе враждебной, возмущенной Англии, которой, однако, надо было управлять. В этой приверженной законности стране больше не было никакой законной власти. Осуждая Карла I, парламент утверждал, что депутаты английской палаты общин, собранные в парламенте, избранные народом и представляющие его, есть наивысшая власть и что все сделанное ими имеет силу закона, даже без одобрения лордов и короля. Но эта фикция никого не могла обмануть. Каким образом жалкие ошметки

девятилетнего парламента, избранные не народом, а солдатами, могли представлять нацию? Эти люди заседали в Вестминстере, потому что их поддерживала армия; народ же ненавидел армию, а сама армия презирала парламент. Нет ничего печальнее, чем взирать на страну, которая из страха терпит ненавистное правительство. Индепенденты Кромвеля без конца твердили, что «избраны самим Господом»; по их словам, чтобы представлять Англию, никакой другой способ избрания был для них недопустим.

Сэмюэл Купер.
Портрет сэра Оливера Кромвеля. 1656

2. В марте «охвостье» упразднило палату лордов и *должность* короля как «бесполезные, тягостные и опасные для свободы народа». Англии предстояло стать в будущем *Commonwealth*, то есть республикой. Но для того, чтобы это слово имело какой-то смысл, надо было бы провести выборы, а индепенденты не могли этого позволить, потому что роялисты и пресвитериане объединились бы, чтобы их изгнать. Обреченные поддерживать военную диктатуру, совершенно противоречившую их принципам, эти республиканцы оправдывали себя, ссылаясь на Библию. Дескать, дочь фараона, найдя колыбель с Моисеем, ради воспитания ребенка велела отыскать его мать. Новая республика, прежде чем повзрослеть, должна быть воспитана теми, кто произвел ее на свет. Впрочем, они вполне были способны заставить если не любить себя, то по крайней мере повиноваться себе. Кромвель собрал Государственный совет, в котором заседали несколько сквайров, адвокатов, солдат и который эффективно распоряжался финансами, армией и флотом. Посол Мазарини, хоть и враждебно настроенный к этим цареубийцам, признавал в своих депешах их компетентность: «Они бережливы в своих личных делах и расточительны в своей преданности делам государственным, ради которых каждый из них напряженно работает, словно речь идет о его собственной выгоде». В самом Кромвеле сосуществовали (очень английская смесь) осторожный реализм и самые неистовые страсти.

3. Военная диктатура кажется возможной, только если она по меньшей мере пользуется благосклонностью армии. Однако сама армия, считавшая, что совершает демократическую революцию, вскоре стала раздражаться

из-за того, что привела к власти олигархию. Ее вожаки написали республиканскую конституцию *(The Agreement of the People)*: выборы каждые два года, почти всеобщее избирательное право, свобода совести. «Охвостье» приняло этот документ со всей учтивостью, которую было обязано проявлять к вооруженным до зубов гражданам, и совершенно пренебрегло им. Вскоре враждебность по отношению к правительству стала почти единодушной. Роялисты чувствовали себя пока бессильными, но надеялись на скорый реванш. Пресвитериане считали парламент еретическим. Стоявший во главе левеллеров вечно недовольный демагог Лилбёрн затеял войну против нового правительства. Позже, когда он умер, кто-то сочинил для него эпитафию, где говорилось, что если бы на том свете Джон встретил Лилбёрна, то обе половинки подрались бы друг с другом. Но этот несносный памфлетист нравился массам, которые называли его честным Джоном, свободным Джоном. Всякая революция выталкивает на поверхность два типа людей: естественных вожаков и естественных бунтарей. Кромвель принадлежал к первому роду, Лилбёрн — ко второму. Однако правление — это ремесло, имеющее свои непреложные требования; новые хозяева оправдывают эти требования своими оригинальными принципами, но подчиняются им, как прежним. Кромвель, как и некогда Карл I, велел арестовать Джона Лилбёрна. Тот отказался обнажить голову перед Государственным советом, «который, — по его словам, — имел не больше законной власти, чем он сам». Ни один суд присяжных не решился его осудить. Лондон теперь был так же враждебен к «охвостью», как некогда к королю. Когда правительство республики в апреле велело казнить какого-то строптивца перед собором Святого Павла, все обыватели столицы нацепили на себя зеленую ленту левеллеров.

Кабинет министров Оливера Кромвеля под председательством дьявола. Сатирическая гравюра. Около 1649

4. Кромвель терял терпение из-за этой агитации уравнительства. Он верил в необходимость аристократии, которая

Оливер Кромвель распускает Долгий парламент. Гравюра. Конец XVIII – начало XIX в.

для него, впрочем, определялась скорее наличием веры, а не рождением. Он испытывал отвращение к любому беспорядку. «Вам нужно сломить этих людей, или они сами вас сломят», — твердил он в Государственном совете. Но его мучила совесть; во времена Пима и Хемпдена он сам верил в закон и парламент, теперь же мог навязать правление только с помощью меча и утешаться тем, что это меч Господа, но ему не всегда удавалось убедить себя в этом. Его лекарством от таких нравственных метаний всегда было действие. В битве всегда пробуждались его здравый смысл и практические достоинства. А в поводах для действия недостатка не было. Ирландию уже в течение нескольких лет держала католическая партия. Английские протестанты были там истреблены. Кромвель отправился туда во главе армии нового образца с почти королевской пышностью. Он уничтожил местные силы и отомстил за резню резней — будучи солдатом Яхве, со всей жестокостью применил метод войны, описанный в Библии. Насадив своих солдат-протестантов на землях востока Ирландии и обнаружив в себе инстинкты древнего завоевателя, он отбросил ирландцев на запад, к графству Коннахт. Тогда-то и началось долгое мученичество Ирландии, отданной чужеземным землевладельцам, которые там не проживали. Насаженные

Исаак Фуллер. Бегство Карла II и леди Джейн Лейн после поражения в битве при Вустере. До 1672

Кромвелем йомены так и не пустили корней на новых землях. Одни сдавали свои фермы в аренду ирландцам и возвращались в Англию; другие женились на ирландках и становились ирландцами. Важным последствием этой войны стало уничтожение ирландской аристократии, которую заменила теократия. И именно протестант Кромвель вверг Ирландию в католический клерикализм (1650–1652).

5. Шотландия казалась более опасной. Казнь Карла Стюарта, шотландского короля, примирила в ненависти к цареубийцам пресвитерианскую *Kirk* и шотландскую знать. Принц Уэльский был в свои девятнадцать лет провозглашен королем под именем Карла II и подписал Ковенант. Стало возможным вторжение в Англию армии роялистов. Кромвель предложил превентивную войну. Порядочный Фэрфакс отказался в это вмешиваться. «Это

стало бы нарушением образованного некогда торжественного союза». Кромвель ответил: «Вашему превосходительству вскоре придется выбирать между войной в другой стране и войной в нашей». Поскольку Фэрфакс самоустранился, главнокомандующим стал Кромвель. Опыт десяти лет войны превратил этого мелкого сквайра в выдающегося военачальника. Он был мало знаком с теориями военного искусства, но обладал способностями превосходного организатора и отличного руководителя, а в бою проявлял себя тактиком, который умел сохранять ум свободным и в благоприятный момент мог рискнуть всем. Кромвель повел против шотландцев дерзкую игру. Позволил им проникнуть на английскую территорию, затем вклинился между ними и Шотландией и разгромил их при Вустере в 1651 г. Молодой Карл II храбро сражался, но вынужден был бежать. И одним из признаков верности ему английского населения стало количество сторонников, которых этот юноша-беглец нашел по всей стране, готовых защищать его, прятать и, наконец, переправить целым и невредимым на континент. Как и Ирландия, Шотландия казалась усмиренной, но во время Реставрации предстояло возродиться ее прежнему парламенту. Великобританский союз теперь стал полным, и эта победа на несколько недель сделала Кромвеля популярным. Парламент предоставил ему королевскую дотацию и дворец Хэмптон-Корт. Когда Лондон, двумя неделями раньше освистывавший Кромвеля, встретил его мушкетными залпами и криками радости и лейтенанты показали ему эту несметную толпу, он сказал, что она собралась бы в еще большем количестве, чтобы поглазеть, как его повесят.

6. Мрачный ответ, поскольку, несмотря на свои победы, Кромвель оставался мрачен. Он видит, знает, что эту страну, вопреки его желанию, чтобы ею правили святые, грабят спекулянты, разоряет пятидесятитысячная армия, ставшая бесполезной после поражения внешнего врага, что ее тюрьмы переполнены должниками, а дороги — нищими. Он понимает, что настало время перейти от военного закона к закону гражданскому, от силы к правосудию. Но как? Несмотря на размышления и молитвы, он не видит средства исцелить Англию. Что делать? Провести выборы? Но если он позволит голосовать *всем* гражданам, еще неизвестно, не призовут ли они обратно Стюартов. Правда, Эдмунду Кэлэми, сказавшему, что из десяти англичан девять относятся к нему враждебно, он ответил: «А если я обезоружу девятерых и дам шпагу десятому?» Однако еще надо было подружиться с этим десятым. Но Кромвель устал от нетерпимости своих друзей и начинал смутно мечтать о единой имперской и протестантской Англии. Каково другое решение? Распустить армию? Она взбунтуется. Восстановить монархию? Ему случается думать об этом. «А не стать ли самому королем?» Во всяком случае, сейчас важно избавиться от «охвостья», армии

оно надоело. И вот 20 апреля 1653 г. лорд-генерал Кромвель входит в парламент и садится на одну из скамей. Слушает, проявляет нетерпение, потом встает: «Довольно! Довольно! Хватит с нас всего этого. Я положу конец вашему кудахтанью... Вы называете себя парламентом, но вы не парламент... Некоторые из вас пьяницы, другие — зеркала для шлюх... Ради бога, как вы можете быть парламентом? Говорю вам, расходитесь, убирайтесь отсюда... — И, подняв булаву, священную эмблему власти парламента, сказал: — А с этой безделушкой что нам делать? Уберите ее отсюда...» Выгнав всех, он велел запереть двери. Один из солдат унес ключи и булаву. «Долгий парламент скончался, — пишет свидетель, — тихо, как сновидение».

7. Булава вслед за короной, парламент вслед за королем — в стране уже не осталось ни следа свободы с долгим прошлым. Но в который раз вставал вопрос: какую форму правления избрать? Республику, говорили одни; монархию, возражали другие. Первым решением Кромвеля стали *святые*. Не осмелившись прибегнуть к выборам, он попросил у индепендентских церквей набрать ему мудрых людей и таким образом составил парламент из полутора сотен членов, который прозвали *Бербонским,* по имени состоявшего в нем торговца кожами с Флит-стрит Прайсгода Бербонса. Сэр Генри Вейн отказался участвовать в этом фарсе, сказав, что предпочел бы общаться со святыми, дождавшись рая. Да и сам Кромвель вскоре наверняка испытал отвращение к этим людям, которых извлек из небытия, и, без сомнения, разогнал бы, если бы они не самораспустились.

8. Предводителями армии была подготовлена новая конституция. Это «Орудие правления» замечательно смелостью своих идей, столь новых, что в то время они еще не могли быть проведены в жизнь. Этот документ предвосхищает даже не столько современную Англию, сколько Соединенные Штаты. Высшая власть должна была принадлежать лорд-протектору, совету и парламенту, который вскоре дополнили палатой лордов. Всякая мера, принятая парламентом, становилась законной даже после вето протектора, лишь бы она не противоречила основополагающим законам республики. В XX в. британский парламент станет, по крайней мере в теории, всемогущим; в случае надобности он даже может изменить голосованием конституцию королевства. Парламент же протектора, наоборот, был, подобно американскому конгрессу, подчинен этой конституции. Впервые Англия, Шотландия и Ирландия были объединены одним законом. Английские судьи заседали в Шотландии; порядок там поддерживала английская армия под командованием Монка; Вестминстерский парламент принимал законы и для Шотландии. Ирландия тоже была представлена в этом общем парламенте, тут лишенное прав туземное население представляли англосак-

сонские колонисты. Но этот навязанный силой «союз» оставался непрочным, и с началом Реставрации в Шотландии и Ирландии снова появятся их прежние парламенты. Столь же эфемерной из-за своей преждевременности была и бо́льшая часть мер, принятых тогда, хотя многим из них (таким как бесплатное обучение, государственная почтовая служба, свобода прессы, право голоса для женщин, тайность голосования, национальный банк) предстояло вновь появиться и восторжествовать после долгого забвения. Реформаторская активность оживила непрочные парламенты протектора, как горячка оживляет больное тело.

9. Конфликты между Кромвелем и палатой общин были так же серьезны, как между Карлом и его парламентом, но протектор располагал тем, чего всегда не хватало Карлу, — хорошей армией. Только в одном пункте парламент и протектор были согласны: и тот и другой хотели порядка. Всякий умный бунтарь, придя к власти, становится государственным мужем. Кромвель был им по наитию. Эта страна достаточно настрадалась, говорил он, теперь надо перевязать раны и восстановить традиционную Англию. Такими же были и чувства парламентариев. Но они утверждали, что для такого восстановления требовалось, чтобы конституция не была навязана парламенту военным вождем, а Кромвель не позволял им обсуждать основные положения составленного армией «Орудия правления». Парламентарии требовали контроля над армией, а Кромвель полагал, что поставить ее на службу разным группировкам значит оживить гражданскую войну. Наконец, Кромвель хотел некоторой религиозной терпимости (с 1655 г. он молчаливо разрешил вернуться евреям, изгнанным еще при Эдуарде I), парламент же сражался одновременно с религиозной терпимостью и с военным деспотизмом. Победила сабля. Англия была разделена на военные округа, каждый из которых находился под властью генерал-майора. Постепенно всей стране была навязана суровая пуританская дисциплина. Пуритане закрыли лондонские театры, сажали в тюрьму странствующих актеров, запрещали азартные игры в городах, закрывали питейные заведения. Шекспировская Англия стала добродетельной по принуждению и сожалела о мировом судье-кавалере, который, по крайней мере, был жизнерадостным. Этот режим надолго внушил стране отвращение к постоянным армиям.

10. Англия не любила армию, но ее армия и флот внушали уважение к имени Англии за границей. Ее главным противником долго была Голландия. Обе страны соперничали в торговле и перевозке грузов. «Навигационным актом» 1651 г. Кромвель запретил ввозить товары в Англию на иных кораблях, кроме английских. Голландцы отказались приветствовать английский флаг в английских водах. Последовал конфликт, в котором противниками

Памятная серебряная медаль с изображением Оливера Кромвеля. 1658

оказались два выдающихся адмирала: голландец Тромп и англичанин Блейк. Боевые флоты были равными, но более уязвимая торговля Голландии страдала сильнее, чем английская. После Голландского мира, подписанного в 1654 г., главным внешним врагом Кромвеля стала Испания. Против нее он заключил договор с Францией, которая, хоть и была католической державой, из ненависти к Австрийскому дому проводила за границей протестантскую политику. Кромвель отнял у Испании Ямайку и, «насадив» там английских колонистов, создал процветающую колонию. Ему первому пришла в голову идея отправить английский флот в Средиземное море и держать его там, а чтобы обеспечить ему свободный проход, укрепить Гибралтар. Морская, и в частности средиземноморская, мощь позволила Кромвелю эффективно вмешиваться в континентальные дела; он защищал протестантов кантона Во от герцога Савойского Карла Эммануила II, бомбардировал Тунис и смог потребовать возмещения ущерба с Тосканы и с папы. Союза с ним искал Мазарини, его *железнобокие* заняли Дюнкерк. Но эти войны обходились дорого, и, несмотря на многочисленные успехи на суше и на море, иностранная политика Кромвеля была непопулярна.

11. У лорд-протектора, властителя трех королевств, которого боялась вся Европа, врагами, причем непримиримыми, были его бывшие друзья. Придя к власти на плечах республиканской, фанатичной и левеллерской армии, он хотел воспользоваться ею, чтобы восстановить былую английскую иерархию. Он находил эту армию слишком строптивой. Если парламент хотел сделать его королем Англии, то солдаты угрожали ему своей враждебностью. Если бы он, фактический властитель, завел себе настоящий двор, пуритане возроптали бы, что этот двор «греха и тщеславия» тем более гнусен, что там беспрестанно поминают всуе имя Божие. Когда в 1658 г. Кромвель умер (еще не старым — в пятьдесят девять лет, одновременно от тоски и горячки), всё поспешно возведенное здание, которым он пытался заменить традиционную Англию, тотчас же зашаталось. Чувствуя приближение конца, он прошептал: «Мой труд завершен». Труду не было суждено пережить его.

12. Кромвель указал преемником своего сына Ричарда, человека беззлобного, но и бесталанного, который оказался неспособным разрешить скрытый конфликт между армией и гражданской властью, равно как и успокоить

разногласия между соперничавшими вождями армии. Последовали 18 месяцев анархии. Ричард исчез со сцены, и вскоре на ристалище остались лишь два генерала: республиканец Ламберт и тайный роялист Монк. Монк прибыл в Лондон, и поэт Мильтон в числе прочих предложил ему восстановить Долгий парламент, чтобы спасти республику. Но было достаточно понаблюдать за городом, чтобы понять настроения англичан. В «огни радости» буржуа и подмастерья бросали гузки — символ парламентского «охвостья». Более, чем гражданской войны или военной диктатуры, массы желали восстановления монархии. И Монк, человек энергичный и рассудительный, стал действовать с благоразумной медлительностью. Возвращение короля, столь желанное для кавалеров и пресвитериан, то есть для большей части страны, было тем не менее непросто подготовить законно, потому что только парламент мог призвать короля, а созвать парламент мог только король. Монк собрал вокруг себя столько лордов, сколько смог, и пригласил выборщиков выбрать палату общин. Позже король одобрил этот созыв, а юристы поддержали фикцию, будто монархия никогда и не прекращала существовать. На самом деле короля вернула на трон нерегулярно созываемая ассамблея, но, поскольку это был законный король, указанный правом наследования, решение было неоспоримым. Реставрация обошлась без гражданской войны, потому что Монк предусмотрительно гарантировал войскам выплату их жалованья. Солдатам были известны настроения в обществе, и они больше не были согласны со своими офицерами; они были только рады покончить с этим. Не прошло и двух лет после смерти Кромвеля, а все, что он создал, уже обратилось в прах — как и он сам.

IX. Долговременные последствия пуританства

1. Духовная жизнь Англии во времена «святых» представляет собой одно из самых удивительных явлений в истории. Целый западный народ сделал тогда своим единственным чтением, своим основным законом и своей верой восточные сказания и стихи возрастом в несколько тысяч лет. В глазах этого законопослушного народа букву закона всегда следовало соблюдать, а поскольку Законом Божьим была Библия, то и жить надлежало буквально по Библии. Раз израильтяне истребили амаликитян, то и Кромвель не поколебался истреблять ирландцев. Поскольку израильтяне побивали камнями некоторых преступников, в палате общин неоднократно слышались крики: «Побьем его камнями!» Поскольку псалмы — это воинственные песнопения, пуритане всегда были готовы сражать оружием врагов Иеговы. А поскольку Библия превозносила народ

Заседание общества квакеров. Гравюра. 1690-е

Израиля выше всех прочих народов, английский народ, убежденный в том, что он — новый Израиль, чувствовал, как в нем растет гордость, порожденная Столетней войной. Мильтон всерьез полагал, что, когда Богу требовалось исполнить на земле какую-нибудь сложную задачу, Он обращался к англичанам. Это чувство мы вновь обнаружим в XIX в. у Керзона и Сесила Родса.

2. Кроме Библии, пуританин охотнее всего читает Послания апостола Павла и книги Кальвина. Его Бог — это не умерший ради людей Бог Евангелия. Это ужасный и ревнивый Бог Ветхого Завета, спасающий лишь своих избранных. Пуританин, с тревогой следивший за внутренними движениями своей души, пытаясь распознать там знамения благодати, мог испытывать к удовольствиям лишь враждебность. «Как жить в радости, как наслаждаться весельем весны, как терпеть театры и зрелища, если чувствуешь на себе коготь дьявола, если тебя уже настигает адское пламя?» Кромвель всю свою жизнь борется с лукавым. Он повергается в прах. Куда бы ни свернула его жизнь, он ждет божественного вдохновения. Про него говорили, что он «пьян Богом». Но это омрачавшее жизнь вероучение делает тех, кто его исповедует, необычайно сильными. Добровольное жертвование всего того, что человек Возрождения называл наслаждением и счастьем, выковывает людей серьезных и мужественных. Испытывая столь большой страх перед грехом, они проявляют себя дисциплинированными солдатами, честными коммерсантами, трудолюбивыми рабочими. Требовательные к другому, они таковы же и по отношению к самим себе. Когда позже ветераны Кромвеля были уволены из армии, «ни один из них не пополнил ряды бродяг или бандитов». Даже роялисты признавали, что «во всех честных промыслах они процветали больше прочих людей и никого из них никогда не обвиняли ни в воровстве, ни в разбое, и если какой-нибудь пекарь, каменщик или ломовой извозчик обращал на себя внимание своим воздержанием или трудолюбием, то он наверняка был из бывших солдат Оливера Кромвеля».

3. Некоторые секты заходили в толковании Библии даже дальше, чем Кромвель и его люди. Секта людей «Пятой монархии» верила, что Христос скоро вернется и что *Тысячелетнее царство* уже близко. Их Евангелием была седьмая глава Книги пророка Даниила, апокалипсическая глава, потому что один из ее стихов возвещал царствие *святых*, и они хотели, чтобы Англией правил некий Синедрион. Анабаптисты заново крестили мужчин и женщин в сумерках, в текучих водах. В те времена Джордж Фокс основал Общество друзей, которые вскоре получили прозвище квакеров (трясунов; *Quakers*), потому что их вера на некоторых собраниях физически проявлялась в виде сильной дрожи. В глазах квакеров религия должна быть только внутренним духовным опытом. Они считали бессмысленным рукополагать священников или строить церкви. В противоположность пуританам, *Друзья* думали, что каждый человек может одержать в жизни полную победу над грехом. Они проявляли больше доброты и больше спокойствия, нежели большинство прочих сект. Но их отказ от проповеди, от участия в войне, даже справедливой, а также отказ от признания авторитета церковных священнослужителей делали из них невольных бунтарей.

4. За время правления пуритан жизнь, в той мере, в какой они могли руководить ею, была довольно унылой. Они запрещали излюбленные развлечения англичан: театр, скачки, петушиные бои. С игорными и публичными домами было покончено. По воскресеньям улицы обходили патрули, приказывая закрыть питейные заведения. Каждый должен был проводить этот день в кругу своей семьи, читая Писание и распевая псалмы. По воскресеньям в Лондоне слышались «только звуки молитв или песнопений, доносившиеся из церквей». В 1644 г. парламент запретил в субботний день торговлю, путешествия, перевозку грузов, колокольный звон, стрельбу, работу рынков, питейных заведений, танцы и игры. Ослушникам грозил штраф в пять шиллингов с каждого человека старше четырнадцати лет. За детей, повинных в нарушении этих запретов, платили родители или опекуны. Религиозные службы были лишены всего, что могло напомнить торжественность и красоту католических или даже англиканских церемоний. Эвелин рассказывает в своем дневнике, что в 1657 г. он был арестован на Рождество в некоей часовне за то, что «соблюдал суеверное время Рождества Христова». Верующие так боялись показаться папистами, что теряли всякую умеренность и всякую благопристойность. «Они читают и молятся совершенно бестолково, — пишет дальше Эвелин, — без всякого почтения и благоговения. Я видел, как целая конгрегация сидела в шляпах во время чтения псалмов. В некоторых храмах вообще не читают Писание, но произносят пресные молитвы, за которыми следует необычайно длинная проповедь, не понятная ни тем, кто ее слушает, ни тому, кто ее произносит... Многие

церкви теперь заставлены закрытыми скамьями, где верующие сидят изолированными группами по 3–4 человека». Эта *закрытая* скамья станет одним из знаков пуританского индивидуализма и предметом споров между Высокой и Низкой церквями.

5. Несмотря на свое презрение к красоте, пуританство породило двух выдающихся писателей, которые, впрочем, написали свои произведения уже после падения *Commonwealth*. Первый из них — это Мильтон (1608–1674), превосходный в юности и непосредственный наследник великих елизаветинцев. Он отказывается от языческой поэзии во времена политических конфликтов и, бросившись в «ледяную стихию прозы», становится «секретарем Государственного совета для латинской корреспонденции» и одним из верных приверженцев Кромвеля. Потом, уже ослепнув, диктует после Реставрации две большие эпические поэмы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» и еще драму «Самсон-борец» — духовную автобиографию, где побежденный герой, подобно самому ослепшему Мильтону, стенает среди торжествующих филистимлян. Уже в классическую эпоху Мильтон является последним выжившим представителем Возрождения. В нем одном перемешаны языческая грация и возвышенная торжественность пуританства. Второй — это Беньян (1628–1688), автор книги «Путь паломника», опубликованной в 1678 г. и столь же знаменитой среди англичан, как «Илиада» у греков. Это символический рассказ, который от сухости изложения спасает простодушие. Беньяну, бродячему жестянщику, терзаемому то адскими, то небесными видениями, пришла в голову простая, но гениальная мысль: превратить абстракцию движения христианской души по пути к спасению в описание реального путешествия. *Христианин*, центральный персонаж книги (разумеется, не кто иной, как сам Беньян), ищет путь в Вечный град. И достигает его наконец, несмотря на происки своих врагов. Непосредственность самого рассказа, диалогов, преобразование духовных событий в конкретные драмы позволяют простым и искренним читателям лучше понять, нежели в других благочестивых книгах, природу религиозной жизни.

6. Пуританская тирания была подобна всем прочим, претендующим на то, чтобы преобразовать нравы. Меньшинство подчинилось по убеждению, большинство — из страха, и подчинение этого последнего было скорее мнимым, нежели реальным. Достаточно прочитать письма Дороти Осборн сэру Уильяму Темплу, чтобы понять, как в многочисленных имениях мужчины и женщины пытались тогда, без шума и как бы отстранившись от своего времени, вести человечную и мудрую жизнь. Самые отважные роялисты, несмотря на свое отвращение к бунтовщикам, пытались после скитаний

POEMS
OF
Mr. John Milton,
BOTH
ENGLISH and LATIN,
Compos'd at ſeveral times.

Printed by his true Copies.

The SONGS were ſet in Muſick by
Mr. HENRY LAWES Gentleman of
the KINGS Chappel, and one
of His MAIESTIES
Private Muſick.

——Baccare frontem
Cingite, ne vati noceat mala lingua futuro,
Virgil, Eclog. 7.

Printed and publiſh'd according to
ORDER.

LONDON,
Printed by Ruth Raworth for Humphrey Moſeley,
and are to be ſold at the ſigne of the Princes
Arms in Pauls Church-yard. 1645.

Титульный лист издания поэм Джона Мильтона. 1645

на континенте вернуться к себе и снова обосноваться дома. Сам претендент (то есть будущий Карл II) поощрял их к этому. Для него лучше было иметь сторонников на местах. Эвелин рассказывает, как он решился вернуться в свое поместье, «потому что оставалось мало надежд на благоприятные изменения, ибо все было в руках бунтовщиков». При жизни Кромвеля Реставрацию, хоть и такую близкую, не предвидели даже самые прозорливые.

7. После Реставрации пуританский дух, в свой черед, познает гонения. Но ему было суждено выжить. Диссидент, человек, не согласный «приспосабливаться», требующий для своей совести права судить обо всем, привыкший принадлежать к меньшинству и наслаждаться этим положением и который, сделав свой выбор, готов сохранить ему верность даже с опасностью для своего счастья или жизни, станет одним из самых замечательных и наиболее устойчивых английских типов. Он будет неустанно заниматься то рели-

THE
Pilgrim's Progreſs
FROM
THIS WORLD,
TO
That which is to come
Delivered under the Similitude of a
DREAM
Wherein is Diſcovered,
The Manner of his ſetting out,
His Dangerous JOURNEY,
AND
Safe Arrival at the Deſired Countrey.

By *JOHN BUNYAN.*

The Third Edition, with Additions.

I have uſed Similitudes, *Hoſea*, 12. 10.

Licenſed and Entred according to Order.

LONDON,
Printed for *Nath. Ponder*, at the *Peacock*
in the *Poultrey* near *Cornhil*, 1679.

Титульный лист «Путешествия пилигрима» Джона Беньяна с изображением автора на фронтисписе. Издание 1679 г.

гиозными, то политическими вопросами, но, каким бы ни был объект его усердия, он останется сильным, упрямым, неподкупным. Это он поведет борьбу против рабства, против проституции, против войны и будет поддерживать вплоть до наших дней унылость английских воскресений. Английский характер обязан ему как некоторыми самыми лучшими своими чертами, так и теми, которые заставляют его ненавидеть. Среди его непременных свойств — серьезность, верность, неподкупность, но также часто двуличие, поскольку человеческая природа гораздо сложнее, чем хотелось бы кальвинистам. Истина не в том, что в одних живет Бог, а в других Сатана, но в том, что в каждом из нас борются Бог и Сатана. Из-за невозможности принять свои неизбежные дурные мысли пуритане старались прятать их под благочестивыми речами. Свои личные и даже национальные интересы они прикрывали «нравственной» личиной. В этом, как и во многом другом, большому числу англичан было суждено сохранить пуританский образ мышления, и три века спустя Дизраэли придется признать, что никто не может править Англией, не считаясь с ее нонконформистским сознанием.

X. Реставрация

1. В этом новом государе, которого Англия ждала как спасителя, после того как долго подвергала гонениям, не было ничего от того ангельского персонажа, которого рисовали в своем воображении ревностные почитатели его родителя, короля-мученика. Толстыми чувственными губами и крупным носом он напоминал скорее своего деда Генриха Наваррского, нежели отца с его благородным и печальным обликом. От Беарнца же он унаследовал жизнерадостность, остроумие и любовь к женщинам. Долгое изгнание не озлобило его, но подарило ему опыт бедности и твердое намерение «покончить с этими разъездами». Поэтому, несмотря на давление своей матери и сестры Генриетты, которые обе были католичками, он воздержался от обращения в католическую веру. Католицизмом он был очарован, быть может, даже завоеван, но, помня пуританские страсти, не хотел бросать тень на свой престол. Чтобы уберечь молодого Карла от опасностей сен-жерменского папистского двора, верный советник Хайд отвез его в Голландию, к сестре Марии, жене Вильгельма Оранского. Там он полюбил молодую валлийскую беженку Люси Уолтерс, и та родила от него незаконнорожденного сына, которого он впоследствии сделал герцогом Монмутским. Жизнь принца в изгнании была трудна: Карл занимал деньги и у французского, и у испанского двора. Это ненадежное существование сделало его скорее обаятельным, чем величественным, скорее ловким, чем щепетильным. Он твердо решил, что, если однажды жизнь улыбнется ему, он будет наслаждаться этим. И впоследствии, уже став королем, когда министры разыскивали его, чтобы поговорить о государственных делах, довольно часто оказывалось, что он играет с собачками или ласкает своих любовниц. 25 мая 1660 г. он высадился на песчаный берег Дувра, и мэр города преподнес ему Библию; Карл ответил, что «это как раз то, чего ему так недоставало». У преемника Кромвеля было чувство юмора, но не слишком почтительная душа.

2. Лондон устроил ему теплую встречу. «Мостовые были усыпаны цветами, фасады домов затянуты драпировками, звонили колокола, в фонтанах текло вино... — пишет Эвелин. — Я был на Стрэнде и любовался всем этим, славя Бога. Подумать только, ведь все это было совершено без единой капли крови и той самой армией, чей мятеж изгнал его...» Карл II, обратившись к кому-то из своей свиты, сказал с улыбкой, что наверняка сам виноват, что отсутствовал здесь так долго, поскольку не встретил никого, кто не желал бы его возвращения. Непостоянство народов поразительно. Ведь все в Карле должно было шокировать его подданных. Он привез с собой красивую любовницу Барбару Вильерс, которая вскоре станет леди

Каслмейн, и именно с ней цинично провел свою первую ночь в Уайтхолле. Вскоре его уже окружал настоящий сераль, а нравы двора подражали нравам короля. Но после пуританских ограничений немного легкомыслия никому не вредило. «Распутство стало лояльностью, серьезность — бунтом». Король за время своей неприкаянной юности привык к безделью и безответственности. Всю реальную власть он оставил тому, кто был его советником в изгнании, Эдуарду Хайду, которого сделал лордом Кларендоном. Первые шаги этого нового правительства отнюдь не были неуклюжими. «Акт о всеобщем прощении, возмещении и забвении» успокоил тех, кто принимал участие в мятеже. Казнили только цареубийц, устроив им отвратительную бойню. Тела Кромвеля и нескольких других были выкопаны, повешены, потом закопаны в землю у подножия виселицы. Как и при любой Реставрации, друзья несчастливых дней посчитали себя обойденными. Закон об амнистии их разочаровал. «Врагам короля — возмещение, друзьям — забвение», — говорили они с горечью. Но зато эта умеренная политика, так раздражавшая кавалеров-экстремистов, быстро сплотила вокруг монарха *сквайров* из партии Кромвеля. Лишь бы Реставрация уважала приобретенные состояния, и тогда ей вполне можно было уступить несколько голов для мести. Кларендону хватило ума выплатить до последнего пенни жалованье, которое государство задолжало войскам республики. Это позволило ему спокойно распустить грозную армию. 50 тыс. ветеранов Кромвеля были внезапно отпущены в Англии; к их чести надо сказать, что ни один из них не начал попрошайничать и никому не причинил никакого зла. У пуританства были и хорошие стороны.

3. Чтобы «покончить с этими разъездами», Карл был полон решимости править по закону. Он был большим почитателем Людовика XIV и питал тайное желание укрепить «насколько возможно» свои исключительные права и подготовить, опять же «насколько возможно», эмансипацию католиков, но все это не доводя дело до конфликта. В 1661 г. он созвал парламент. В *Конвенте*, который годом раньше призвал его на престол, места были поделены между пресвитерианами и кавалерами. Но на сей раз страна избрала парламент «более роялистский, чем сам король, и более англиканский, чем епископы», всецело преданный интересам земельной собственности и Англиканской церкви. Все депутаты были по большей части молодыми людьми. «Я оставлю их до тех пор, — говорил король, — пока у них не вырастут бороды», и в самом деле, он не переизбирал этот парламент восемнадцать лет, но теперь инстинктивная потребность англичан в свободе была так сильна, что эта палата, пусть даже более роялистская, чем сам король, сама проявила решимость не давать королю ни постоянной армии, ни прерогативных судов, ни достаточных средств, чтобы он мог обойтись

Джон Майкл Райт. Карл II в коронационном одеянии. Около 1661

без парламента. Король, со своей стороны, помнил, что случилось с его отцом, и остерегался переступать эти границы. Ему не навязали никакой конституционной узды, между монархом и палатами не встревало никакое ответственное правительство. Но Карл всегда умел, когда его министры становились непопулярными, своевременно смещать их. Так парламент стал фактическим хозяином, то есть хозяином по праву. Посол Франции считал, что этот строй вовсе не был монархией, и удивлялся, слыша, как лодочники на Темзе толкуют о политике с «милордами». В следующем веке Монтескье будет удивлен, видя, как кровельщик читает газету на крыше. Политическое образование этого народа началось гораздо раньше, чем у континентальных наций.

Вацлав Холлар. План Лондона до пожара 1666 г.

4. Если пуритане ждали от нового короля религиозной терпимости, они были разочарованы. Парламент и Кларендон проявили изрядную жесткость в отношении индепендентских сект и даже пресвитериан. Так называемый Кодекс Кларендона состоял из четырех законов и предписывал суровый конформизм[1]. Первый обязывал всех мэров и муниципальных чиновников отречься от пресвитерианского *Ковенанта* и принять англиканские таинства; второй предписывал, чтобы всех священников рукополагал епископ, чтобы они пользовались принятым молитвенником и служили англиканскую литургию; третий запрещал всякое неангликанское богослужение, на котором присутствует больше четырех верующих; четвертый обязывал священнослужителей нонконформистов[2] удалиться по меньшей мере на 5 миль от любого прихода, где они проповедовали. Эти законы оказали глубокое воздействие на жизнь Англии. Они довершили присоединение *сквайров* к Англиканской церкви, поскольку диссиденты отныне не могли занимать политические или гражданские посты, а стало быть, это вынуждало к подчинению всех, кто стремился к ним из честолюбия или выгоды. Союз сквайра и пастора в каждой деревне, Церкви и поместья, да-

[1] Зд. и далее: приверженность догмам Англиканской церкви.
[2] Зд. и далее: не принимающих догмы Англиканской церкви.

Великий пожар в Лондоне 2–7 сентября 1666 г., уничтоживший Сити и старый собор Святого Павла. Гравюра. Около 1666

тируется как раз этим временем. Но многие из этих примкнувших остались в душе диссидентами, и именно они позже вместе со скептиками и рационалистами поддержат в политике партию вигов. Кодекс Кларендона сделал пресвитерианство в Англии почти невозможным; менее организованные секты выжили. Изолируя класс людей, которым отказано в политических правах, Кодекс окончательно сформирует столь важный для истории Англии тип *диссидента (dissenter)*, который ради того, чтобы остаться верным своим взглядам, вступит в конфликт с властью и уже ни при каких обстоятельствах не побоится смело выступить против общественного мнения. В последующие века мы также найдем этого диссидента в различных обличьях, и он окажет огромное влияние на жизнь Англии, потому что обладает беспредельным интеллектуальным мужеством.

5. Кларендон быстро растерял свой престиж. При молодом циничном дворе он был всего лишь старым, напыщенным и подагрическим слугой, который любит читать нотации. Красивые подружки короля насмехались над канцлером; герцог Бекингем передразнивал его в узком кругу; неблагодарный Карл смеялся. Требовался только предлог, чтобы избавиться от этого обломка прежней эпохи. События предоставили их целую

Якоб Хейсманс.
Портрет Джона Мейтленда,
герцога Лодердейла. Около 1665

Джон Гринхилл.
Портрет Энтони Эшли Купера,
графа Шефтсбери. 1672–1673

охапку: 1) брат короля Яков, наследник престола, влюбился в изгнании в дочь лорда Кларендона Анну Хайд и женился на ней, сначала тайно, потом открыто. От этого союза предстояло родиться двум английским королевам: Марии (которая выйдет замуж за Вильгельма III Оранского) и Анне. Когда общественное мнение узнало об этом браке, он никому не понравился и настроил умы против Кларендона, хотя тот и притворялся, будто противился ему; 2) Кларендон нес ответственность за брак Карла II с португальской принцессой Браганца, католичкой, которая вдобавок оказалась еще и бесплодной. Португальский брак был не столь серьезным преступлением, как испанский, но и этого хватило, чтобы люди стали поговаривать (вопреки всякому правдоподобию), будто канцлер нарочно выбрал бесплодную королеву, чтобы обеспечить трон своим внукам; 3) Кларендон продал Дюнкерк Франции за 500 тыс. пистолей и был обвинен в том, что получил комиссионные; 4) в 1665 г. город Лондон, где 500–600 тыс. жителей кишели в узких грязных улицах, в слишком жарком июне был опустошен эпидемией чумы, столь же ужасной, как и средневековая «черная смерть». В братские могилы пришлось закопать 75 тыс. трупов; 5) а через пару месяцев огромный пожар уничтожил две трети Сити. Церкви, общественные здания и тысячи домов вспыхнули одновременно, поскольку никто не мог остановить огонь. Сэмюэл Пипс[1] и его соседи вынуждены были выкопать ямы

[1] *Сэмюэл Пипс* (1633–1703) — английский чиновник морского ведомства, оставивший знаменитый дневник, в котором рассказывал о повседневной жизни лондонцев во времена Реставрации.

у себя в садах, чтобы спрятать запасы вина и сыра пармезан. С пожаром смогли справиться, только взрывая целые улицы. Большинство людей, искавших для крупных событий столь же крупных, причем таинственных, причин, обвинили в этом бедствии папистов, французов и Кларендона; 6) наконец, в 1667 г. голландский флот поднялся по Темзе и дошел до Чатема, чтобы сжечь английские суда. Паника, скорая на подъем после чумы и пожара, снова все преувеличила. Непостоянные лондонские толпы уже сожалели о временах храброго Оливера Кромвеля, когда берега были защищены, а армия сильна. И хотя Бредский договор, положивший конец англо-голландской войне, подарил Англии Нью-Йорк и изрядный кусок побережья, соединивший Виргинию с Новой Англией, английский народ все равно считал себя преданным, и Кларендон, враг общества, был изгнан.

Питер Лели.
Портрет Генри Беннета,
графа Арлингтона. 1665–1670

6. Его заменили не единственным министром, но целой группой доверенных лиц, которую противники прозвали «министерством интриги» (CABAL Ministry) — из-за курьезного совпадения, поскольку начальные буквы в фамилиях членов группы: Клиффорд, Арлингтон, Бекингем, Эшли, Лодердейл (Clifford, Arlington, Buckingham, Ashley, Lauderdale) — складывались в слово *«cabal»*, которое означает *интриги, происки, козни*. Это не было кабинетом министров в современном понимании, поскольку король оставался единственным, кто отвечал за исполнительную власть, а впрочем, эти пятеро и не проводили общую политику. Клиффорд и Арлингтон были католиками; трое остальных скептиками. Самым замечательным, но и наиболее

Питер Лели.
Портрет Томаса Клиффорда, английского
политического деятеля. Около 1672

ненавидимым из пяти был Эшли, вскоре ставший графом Шефтсбери и которого Драйден выведет в своей знаменитой сатире под именем Ахитофела, советника царя Давида. При поддержке «кабаля» король не только царствовал, но и правил. Создавалась видимость, будто Карл продолжал беззаботно резвиться среди своих любовниц и собак, на самом же деле он по-прежнему с затаенным упрямством следовал своему великому замыслу: добыть через союз с Людовиком XIV деньги и солдат, а затем при поддержке этой чужестранной силы восстановить католичество в Англии.

7. Восхищение Карла Францией и ее правительством было искренним. Там он видел абсолютного монарха — как раз такого, каким сам хотел бы стать, хотя и не осмеливался. Он понимал, что такое всемогущество стало возможным только благодаря договору между королем и Римской церковью, и надеялся, в подражание своему кузену, заключить такой же договор. Новая любовница, француженка Луиза де Керуаль, чье детское личико прекрасно маскировало необычайную ловкость, утвердила короля в этих намерениях, хотя парламент желал союза со Швецией и Голландией, протестантскими государствами, чтобы противостоять Франции, ставшей после упадка Испании самой сильной державой на континенте. Карл в 1670 г. подписал с Людовиком XIV при посредничестве своей сестры Генриетты Английской (она была замужем за братом Людовика XIV Филиппом, герцогом Орлеанским) тайный договор, так называемый «Договор Мадам», и в 1672 г. объединился с французами против Голландии. Британский парламент отказался давать средства на эту непопулярную войну, и голландцы смогли успешно защищаться. В 1674 г. Карлу пришлось договариваться с Голландией, а в 1677 г. его племянница Мария (дочь Якова и Анны Хайд) вышла замуж за Вильгельма III Оранского. «Договор Мадам» стал последней личной инициативой Карла в области внешней политики и завершился провалом.

8. Король все еще надеялся осуществить свой великий религиозный замысел. В начале своего царствования он пытался навязать парламенту некую Декларацию о веротерпимости, считая, что под прикрытием эмансипации диссидентов сможет узаконить и эмансипацию католиков. Но этому воспротивились сами диссиденты, протестанты прежде всего, и палата общин ее отклонила. Позже Карл попытался протащить свою декларацию вопреки парламенту, ссылаясь на свое исключительное право, но неудачно выбрал время: недавние чума и пожар еще больше разожгли ненависть к папизму, к которой примешивался еще и страх перед Францией. Снова наступила одна из тех эпох, когда внешняя политика диктуется внутренней. Некогда Испания олицетворяла в глазах протестантов самый дух гонений;

теперь Франция стала для них воплощением абсолютизма и потери подданными своих свобод. Путешественники опять стали сравнивать богатство английских фермеров с нищетой французских крестьян. «Папизм и деревянные башмаки» — это ненавистное сочетание стало тогда наваждением умов. Парламент проявил твердость и отказался признать за королем право решать такие вопросы своим указом. Карл колебался, вспомнил «мятеж», свои «разъезды» и уступил. Впрочем, часть «кабаля» выступила против него и навязала ему Закон о присяге *(Test Act)* — национально-протестантский ответ союзу с Францией и Декларации о веротерпимости. Этот закон отстранял от любой общественной должности тех, кто не поклялся в верности главенству короля и англиканскому вероисповеданию. Пэры-католики были вынуждены покинуть палату лордов. Даже брату короля пришлось признаться в своем католицизме. Король и веротерпимость были побеждены.

Питер Лели. Портрет Джорджа Вильерса, 2-го герцога Бекингема. 1675

9. Поскольку Карл, признав свое поражение, был сдержан, то какое-то время могло показаться, будто установится спокойствие. Но даже самые мудрые находятся во власти событий. Все изменилось за несколько дней из-за лжи и тайны. Титус Оутс был бывшим англиканским священником и обратился в католицизм скорее ради корысти, нежели по убеждению. Он обладал низким, достойным презрения нравом и внушал ненависть к себе везде, где бы ни появлялся. Пожив у английских иезуитов в Сент-Омере и изгнанный ими, он вернулся в Англию без гроша за душой и в 1678 г. написал донос, в котором обвинил иезуитов в том, что они якобы организовали заговор, чтобы поджечь Сити, убить короля, заменить его братом Яковом, завоевать Англию с помощью голландцев и французов и восстановить католицизм. Этот донос он составил в двух экземплярах, один направил королю, другой — известному мировому судье сэру Эдмунду Берри Годфри. Чтобы представить себе, какой поднялся шум, надо вспомнить

нервозность Лондона, Пороховой заговор, чуму, пожар и безумный ужас, который внушали иезуиты и папизм. У секретаря герцога Йоркского (будущего Якова II) был учинен обыск, в результате которого обнаружилась весьма компрометирующая переписка с отцом Лашезом, духовником Людовика XIV. Клеветнический донос раскрыл настоящую интригу. И тут второй театральный эффект: на дороге в окрестностях Лондона находят тело убитого Годфри. Кто его убил? Это остается тайной, но обывателям уже повсюду мерещатся вооруженные иезуиты. Даже женщины перестали выходить из дому без кинжала. Король, не веривший в заговор («Ну кто будет безумен настолько, чтобы убить меня? — говорил он своему брату. — Ведь это убийство поставит на мое место вас!»), был вынужден притвориться, будто напуган, и приказал удвоить охрану Уайтхолла. Напрасно несколько рассудительных умов ссылались на мерзкий нрав Титуса Оутса, на нелепость и бессмысленность этого преступления. Поскольку Годфри располагал всего лишь копией документа, который уже сполна произвел свое действие, вскоре и они, подвергнувшись настоящему шантажу со стороны общественного мнения, были вынуждены доказывать, что верят Оутсу, испугавшись, как бы их самих не приняли за папистов. Был развязан неслыханный террор.

10. С началом Реставрации в стране стали формироваться зародыши партий. Они родились из страстей гражданской войны. Англичане привыкли интересоваться государственными делами, и уже ничто не могло излечить их от этого. Одни, подобно былым кавалерам, были друзьями короля; противники окрестили их *тори (Tories)*, то бишь ирландскими разбойниками, намекая, что они всего лишь замаскированные паписты. Но те подхватили это имя и отныне стали гордо его носить. Сами *тори* окрестили врагов короля *вигами. Whigs* — было сокращением от *wigamores*, так называли крестьян-пуритан с запада Шотландии. *Виги* считались бунтарями: «первым вигом был сам дьявол, Шефтсбери — вторым», но этот бунт оставался аристократическим. Тори были связаны с земельной собственностью и с Англиканской церковью, виги — с диссидентами и лондонскими купцами. Когда в 1679 г. в первый раз за семнадцать лет король созвал выборщиков, новые партии придали этим выборам тот вид, который сегодня имеют всенародные референдумы с их митингами, шествиями, яростными речами. Эти методы были шумными, но, без сомнения, придавали политической жизни характер спектакля и игры, что было залогом долговременного успеха парламентского правления. «Мы играем, — сказал Галифакс, — бросая друг другу в голову вигов и тори, как дети перебрасываются снежками».

11. На выборах 1679 г. победили виги, взяв себе «платформой» (и при этом весьма кривя душой) ложь Оутса. После своего успеха они в качестве первого опыта попытались сформировать конституционное правительство. Тайный совет из 30 членов должен был служить посредником между королем и парламентом. Этим советом руководили Шефтсбери, сэр Уильям Темпл, лорды Рассел и Галифакс. Его самый известный акт — закон *Habeas corpus* (1679); отныне любой арестованный англичанин (только не за измену) мог жаловаться судье, который должен был дать стражам арестанта приказ доставить его в суд за время, не превышающее двадцати дней. Тюремщику, который отказывался это сделать, грозил огромный штраф; судье тоже. Этот закон делал затруднительными незаконные заключения под стражу. Никакая другая мера не отмечает яснее границу, разделяющую деспотическое правление от режимов, основанных на свободе.

12. Своим успехом виги были обязаны страху перед католицизмом. Однако дело герцога Йоркского тоже было связано с католицизмом. Виги, сторонники радикальных мер, думали, что брата короля следует вообще исключить из числа наследников престола; легитимисты-тори полагали, что будет достаточно ограничить его власть. А если отстранить его, то кем заменить? По этому вопросу сами виги разделились. Одни держались за принца Оранского, супруга принцессы Марии и зятя герцога Йоркского, другие — за герцога Монмутского, незаконнорожденного сына Карла II. Король был за своего брата и против бастарда. Но очень скоро английскому народу, с его поразительным, свойственным толпе непостоянством, надоел террор вигов, и он забыл про Титуса Оутса. В 1681 г. Карл, не нуждавшийся более в палате общин, чтобы получить средства, поскольку получал их от Людовика XIV, смог, не подняв большого волнения, распустить последний парламент своего царствования, собранный в Оксфорде, подальше от лондонских толп. Тори одержали победу.

13. Англичане еще не научились той парламентской игре, при которой принятые всеми правила позволяли политическим соперникам чередоваться у кормила власти, не начиная сразу же после победы истребление побежденных. Вслед за торжеством тори и короля последовали гонения на вигов. Шефтсбери, преследуемый за мятеж (хотя и оправданный присяжными), был вынужден бежать в Голландию, где и умер. Остальные заметные виги: Эссекс, Рассел, Сидни — погибли в тюрьме или на эшафоте. Англичанами овладела настоящая мания мистической преданности королевской власти. Тори проповедовали доктрину непротивления королю, которая защищала их и против агрессивного возврата вигов, и против независимости

кальвинистов. Филмер опубликовал свою книгу «Патриархи» *(Patriarcha)*, где растолковывал, что поскольку король, будучи преемником патриархов, является отцом своих подданных, то любой бунт против него — отцеубийство. В этом припадке угодничества все предубеждения против Якова были забыты. Так что в свои последние годы Карл безнаказанно и бесстыдно жил на субсидии от Людовика XIV и терпел, пренебрегая английскими интересами, расширение его владений во Фландрии и на Рейне. Таким образом, король, с таким обаянием предавший Англию, две церкви, свою жену и всех своих любовниц, смог до самой смерти поддерживать свое сластолюбивое, опасное равновесие. «Когда я умру, — говорил он, — не знаю, что сделает мой брат. Но очень боюсь, как бы он, став королем, снова не *пустился в разъезды*... Хотя я позабочусь оставить ему мое королевство в мире». На своем смертном одре он впервые велел позвать католического священника и был соборован.

XI. Яков II и «Славная революция» 1688 г.

1. Карл II оставил в наследство своему брату деспотическую и почти неоспоримую власть. Официальная Церковь проповедовала божественное право и непротивление тирану. Парламент тори был готов предоставить королю пожизненное право на налоги. Карл, не поднимая лишнего шума, начал набирать постоянную армию в 10 тыс. человек, численный состав которой Яков собирался удвоить. Это было большим новшеством для английского монарха. Но страна спускала ему с рук все, желая, похоже, только спокойствия. Даже католицизм нового короля не вызвал яростной оппозиции. Англикане и диссиденты соглашались с тем, чтобы он исповедовал свою религию, лишь бы не пытался обратить в нее нацию. Если бы он, как и его брат, был сторонником компромисса, то мог бы царствовать в мире. Однако Яков II был упрям, энергичен, верен своим принципам и не слишком умен. Сравнивая двух братьев, люди говорили: «Король Карл мог понимать, если хотел, а герцог Яков хотел бы понимать, если бы мог». Он наивно верил, что раз Англиканская церковь проповедует непротивление, то и сама она не будет сопротивляться, если он решит ее уничтожить. Но в тот день, когда эта доктрина перестала совпадать с ее интересами, Англиканская церковь непременно обнаружила ее слабость. Король считал также, что может опереться на диссидентов, поскольку обещал им веротерпимость вместе с католиками, но это было как раз после отмены Нантского эдикта (1685) и прибытия в Англию бежавших из Франции гугенотов. А их рассказы отнюдь не стали для английских протестантов ободряющим примером.

2. Сразу же стало понятно, что репрессии при новом царствовании будут жестокими. Восстания, поднятые герцогом Аргайлом в Шотландии и Монмутом в Англии, были легко подавлены, а их вожди преданы смерти. Сотни несчастных крестьян, последовавших за Монмутом, постигла та же участь. Верховный судья (*Chief Justice*) Джеффрис сделал кровавой свою выездную сессию. Повсюду вешали, секли кнутом, бросали в тюрьму. Казалось, что вернулись времена Марии Тюдор. Король развернул близ Лондона военный лагерь. Яков решил, что обезопасил себя от любого восстания, и уже не стеснялся нарушать закон. Не сумев добиться от парламента отмены Закона о присяге *(Test Act)*, он освободил от него католиков единственно в силу своего исключительного права и отныне мог ставить офицеров и чиновников католического вероисповедания на гражданские и военные должности. В Англиканской церкви он благоволил к прелатам криптокатоликам. Да и свое дворянство пытался склонять к католичеству. Герцогу Норфолку, который, неся перед ним меч государства, останавливался у дверей домовой церкви, он сказал: «Ваш отец заходил дальше». Герцог ответил: «Зато Ваш отец, который стоил побольше моего, так далеко не заходил». Молодой герцог Сомерсет, получив приказ ввести папского нунция к королю, сказал: «Меня уверяют, что я не могу подчиниться вашему величеству, не нарушив закона». — «А разве вы не знаете, что я выше закона?» — воскликнул взбешенный Яков. «Ваше величество, может быть, и да, но не я», — ответил герцог. Дух сопротивления поднимался

Виллем Виссинг. Портрет Марии Моденской, второй супруги Якова II. Конец XVII в.

Питер Лели. Портрет Якова II. Конец XVII в.

Неизвестный художник. Высадка войск Вильгельма Оранского в Англии в октябре 1688 г. 1710

скорее среди пэров, нежели среди членов палаты общин. Важнейшие католические семьи, зная характер страны и предвидя опасную реакцию, которая наверняка должна была последовать, отказывались принимать высокие должности, предлагаемые им королем. Папа Иннокентий XI советовал умеренность. Но король, энтузиаст и слепец, продолжал двигаться отважной поступью прямиком к пропасти.

3. Чтобы править, была нужна поддержка средних классов. Но в их среде больше не было католиков. Яков считал, что привлечет эти классы к себе Декларацией о веротерпимости, распространявшейся и на диссидентов, поскольку был в плену старой неискоренимой иллюзии, будто католицизм может восторжествовать благодаря конфликтам между протестантами. Он приказал англиканскому духовенству зачитать декларацию с амвона. Вся Церковь отказалась. Семь епископов, в том числе архиепископ Кентерберийский, подали королю петицию. Он отправил их в Тауэр. В лодке, перевозившей епископов, коленопреклоненные солдаты попросили у них благословения. Когда присяжные оправдали их, весь Лондон озарился огнями и в каждом окне был выставлен подсвечник с семью свечами, самая высокая из которых была в честь милорда архиепископа Кентерберийского. В Оксфорде король хотел навязать католика в качестве главы колледжа

Святой Магдалины. Поскольку члены совета колледжа, *fellows*, воспротивились, он сместил 25 из них. Конфликт между Стюартами и их народом возрождался, но уже в раскрепощенном мире, где возмущение против короля, несмотря на все догматические трактаты, уже не казалось неслыханным и чудовищным деянием. Однако, пока у короля не было наследника мужского пола, английский народ запасся терпением. Наследницей престола была принцесса Мария, хорошая протестантка, бывшая замужем за Вильгельмом Оранским. Многие думали, что эта чета однажды восстановит порядок в королевстве. Но когда в 1688-м вторая жена короля, католичка Мария Моденская, родила сына Якова, англичанами овладело отчаяние. Стали ходить слухи, что это еще один заговор иезуитов: дескать, у родов не было законных свидетелей и ребенок подложный. Казалось, что король готов бросить против Англии католическую армию и ирландцев. На всех улицах распевали «Лиллибуллеро», военный марш, который станет знаменитым и прогонит короля из его королевства. Революция воцарилась во всех сердцах — даже больше, чем в 1640 г.

Питер Шенк. Вильгельм Оранский атакует коалицию Людовика XIV и Якова II. (Король Англии изображен падающим с лошади.) Сатирическая гравюра. Около 1689

4. Ввязавшись в безнадежную борьбу с Францией Людовика XIV, зять короля Якова Вильгельм Оранский полагал, что если Англия не сохранит свой протестантизм, то же самое произойдет и со свободами Европы. Они с женой без зазрения совести были готовы выступить против своего тестя и отца, а потому, поддерживая постоянную связь с английскими партиями, ждали только недвусмысленного приглашения, чтобы приступить к действию. И вот, 30 июня 1688 г., в день оправдания семи епископов, это приглашение было подписано в иллюминированном Лондоне несколькими пэрами (графом Данби, мудрым обаятельным Галифаксом и другими), которые рискнули своими жизнями и были поддержаны многими офицерами,

в том числе лордом Черчиллем. Людовик XIV только что вторгся в Пфальц, дав, таким образом, Голландии несколько недель передышки. Вильгельм, высадившись в Торби (Torbay) 5 ноября 1688 г., двинулся на Лондон. У Якова была армия, однако он чувствовал себя неуверенно и, поддавшись панике, пошел на уступки. Но было слишком поздно. Во всех графствах собиралось ополчение. Его лозунгом стало: «Свободный парламент и протестантская религия». Крупные вельможи объявили, что присоединяются к Вильгельму. Против Якова выступили мощные силы: Церковь и университет имели все основания опасаться этого католического короля. Анна, его вторая дочь, тоже примкнула к повстанцам. Король почувствовал, что его все бросили. Но если бы он решился сражаться, положение Вильгельма, быть может, стало бы сложнее, потому что у английского народа не было никакого желания вновь начинать гражданскую войну. Поэтому вместо того, чтобы попытаться пленить Якова II, его противники позаботились о том, чтобы

Джон Майкл Райт. Портрет Барбары Вильерс, леди Каслмейн. До 1694

открыть ему путь к бегству. Его он и избрал, отправившись во Францию и бросив в Темзу Большую печать Англии в надежде помешать ведению дел. Но печать и даже короля вполне можно заменить.

Джон Уилмот, граф Рочестер. Портрет на фронтисписе биографической книги Гилберта Бернета «Несколько эпизодов из жизни Джона Уилмота, 2-го графа Рочестера». Издание 1680 г.

5. Было нелегко обеспечить законную передачу власти. Виги утверждали, что монархия — это договор между народом и государем; народ или его избранники имеют право отстранить Якова II и его сыновей, потому что те не внушают никакого доверия, и призвать Вильгельма по своему свободному выбору. Епископы-тори, верные доктрине о божественном праве, не могли этого принять и держались регентства. Легальный компромисс, предложенный Данби, рассматривал короля как отрекшегося от престола самим фактом своего бегства и объявлял наследницей престола Марию. Этот план натолкнулся на волю новой королевской четы: Мария не хотела царствовать без своего супруга, а тот не хотел становиться принцем-консортом. Наконец соглашение признало их обоих, а царствование стало считаться «царствованием Вильгельма и Марии» (февраль 1689). После такого компромисса уже не могло быть и речи ни о каком божественном праве королей Англии. Но благодаря ему эта консервативная революция обошлась без гражданской войны, без гонений, без казней. Англичане медленно учились трудному искусству жить в обществе.

XII. Нравы и идеи Реставрации. Заключение

1. Наверное, человеческая натура колеблется в кругу довольно устойчивых чувств. За скованностью страстей, которую навязали пуритане, должна была последовать разрядка. Понятно, что *кавалеры*, подвергавшиеся издевательствам в течение двадцати лет, испытывали естественное отвращение к нравам и идеям, от которых столько натерпелись, и в своей реакции

Неизвестный художник.
Портрет Джона Драйдена, английского поэта, драматурга, переводчика. 1693

даже миновали точку равновесия. Ненависть к лицемерию при дворе Карла II доходила до пренебрежения приличиями. Поскольку с постными минами и короткими волосами, царившими в Вестминстере, было покончено, Уайтхолл хотел насладиться своим реваншем. В этом открытом для всех дворце каждый мог стать свидетелем королевского распутства. Каждый вечер солдаты стражи видели, как король идет через сады, отправляясь спать к своей любовнице, всемогущей и бесстыжей леди Каслмейн. Подданные подражали своему государю. Переодетые мужчинами женщины, танцующие голышом компании, циничные вольности с горничными — все это обретало тогда привычные черты эпох распущенности, которые почти всегда следуют за крупными общественными потрясениями. Англия при Реставрации напоминает Францию при Директории или Европу времен «Открыто ночью»[1]. Образ этого дан в «Мемуарах графа де Грамона», но наверняка действительность была еще грубее той, что описывает Гамильтон. Олицетворяет собой этот мир и эту эпоху скорее не француз Грамон, а англичанин Рочестер. Близкий товарищ короля, которого он забавляет своими непристойными речами, непочтительный настолько, что крадет поцелуй его фаворитки, распутник, нанимавший вместе с герцогом Бекингемом таверну и растлевавший там самых порядочных женщин, живших по соседству, он — словно деградировавший образ великих елизаветинцев. Необузданность та же, но гораздо более посредственны предметы, к которым она прилагается.

2. Молодые кавалеры 1660 г. не получили, в отличие от своих отцов, солидного образования, которое может дать своим детям богатая и счастливая семья *сквайров*. Пока их отцы сражались, они жили рядом с конюхами,

[1] Намек на 20-е гг. XX в., запечатленные в одноименном сборнике рассказов Поля Морана.

познали бедность и изгнание, прозябали в подозрительных кварталах Парижа и Амстердама. Пьянство среди них было обычным делом. Рочестер бахвалился тем, что не трезвел пять лет подряд. Превосходный чиновник Пипс снисходительно рассказывает о его пьянках и беспорядочных половых связях. В Лондоне множились таверны и злачные места. Недавно появившиеся в Англии кофейни и чайные салоны стали предлогом для открытия *coffee houses,* где пили больше бренди, чем кофе. Именно в этих *coffee houses* и соперничавших с ними *ale houses* (пивных) велись бунтарские речи и ходили скабрезные анекдоты о «My Lady Castlemaine». Грубых зрелищ — петушиных боев, травли быков собаками — не хватало, чтобы пресытить кровью зрителей, которые валом валили на казни цареубийц. Театр отражает цинизм времени. Пипс еще находит удовольствие в «Буре», но зато «Сон в летнюю ночь» считает самой нелепой пьесой, виденной им в своей жизни. Модные драматурги того времени — это Бомонт и Флетчер; комедиографы — Конгрив и Уичерли, которые перелицовывали мольеровские сюжеты («Мизантроп», «Тартюф»), но в довольно грубой и прямолинейной манере. В XIX в. дерзость комедий Реставрации будет удивлять; Тэн с отвращением недоумевает: и как только публика вообще могла их терпеть?! Они снова позабавят более аморальный XX в., и в 1935 г. Лондон будет рукоплескать «Деревенской жене» Уичерли, которая произвела в 1865 г. грандиозный скандал. Таковы колебания представлений о стыдливости, но Тэн прав, считая комизм Уичерли менее здоровым, чем у Мольера. В этих разнузданных англичанах времен Реставрации все еще живет пуританин, потому-то комедиографы с довольно мрачным ожесточением и стараются изо всех сил шокировать его.

Неизвестный художник.
Портрет Сэмюэла Батлера, английского писателя, художника, переводчика. 1744

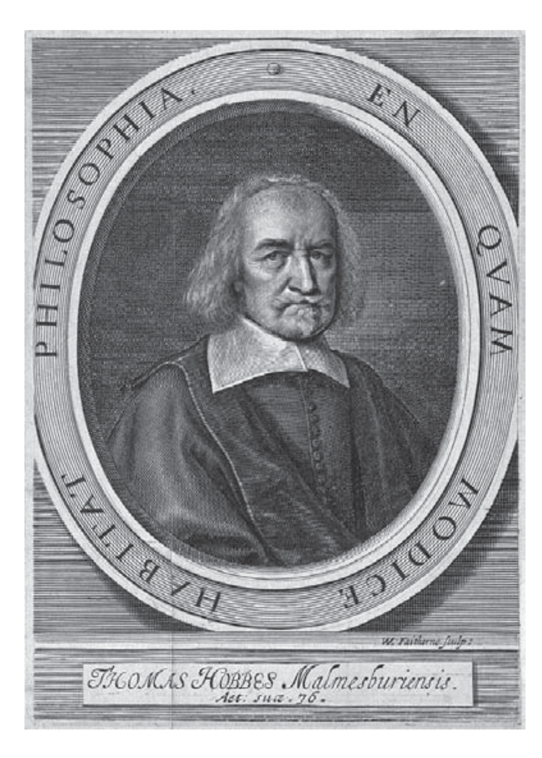
3. Если в XVI в. наибольшее чужеземное влияние на Англию оказывала Италия, то в XVII в. ее сменила Франция. Многие из поэтов-кавалеров

Исаак Барроу, английский математик, физик и богослов. Гравюра. 1676

жили во Франции в пору своего изгнания; там они познакомились с Буало, Мольером, Боссюэ и восхитились ими. Французские стихи и романы стали переводить на английский. Сам король Карл II — француз, и не только по матери, но также по своим привычкам, по своим воспоминаниям. От Людовика XIV он получил «содержание, любовницу и примеры». Англичанин времен Реставрации примешивает ко всем своим высказываниям французские фразы и словечки. Похоже, это еще один способ реагировать на пуритан. Тогда же в английский язык проникают слова, обозначающие все нюансы насмешки: *to burlesque* (от *фр. burlesque* — шутовской, смехотворный), *to droll* (от *фр. drôle* — смешной, забавный), *to ridicule* (от *фр. ridicule* — нелепый, посмешище); существительные *travesty* (от *фр. travesti* — переодетый, ряженый), *badinage* (от *фр. badinage* — шутливость, игривость, легкость, изящество). Религиозную поэму сменяет сатира. Большим успехом в то время пользовалась поэма Батлера «Гудибрас», из которой сделали пуританского «Дон Кихота», но она скорее заставляет вспомнить Скаррона, чем Сервантеса. Драйден смешивает в своих блестящих сатирах библейские аллюзии с французской формой и живописует под именами Авессалом и Ахитофел несчастного Монмута и коварного Шефтсбери. Наряду с сатирой процветает мадригал. Бесчисленные поэты-кавалеры сочиняют любовные песни, часто прелестные. Мистицизм Мильтона или Беньяна не годится для этого двора; он слишком хорошо знает, какие нравы навязал бы ему мистицизм. В 1670-х гг. официальная Англия желает быть легкой и изящной; ей хочется порассуждать.

4. Из философов в моде Декарт. Начинается царство Разума, не слишком британского божества. В XVII в. вся наука — картезианская, и неспроста, потому что рассуждает о математике, астрономии, оптике. Эти дисциплины приводят к появлению в Англии гениального человека — Ньютона,

который, открыв некоторые законы механики, подтверждает права Разума. Сам король и второй герцог Бекингем не чураются науки. В 1662 г. Лондонскому королевскому обществу пожалована хартия, дабы оно улучшило познание Природы. В нем объединились все, кто интересовался научными исследованиями, от короля и до образованных буржуа. Там представляли замечательные труды. Галлей рассказывал о своей комете, Ньютон — о свете, Рей — о ботанической классификации, Бойль — о распространении звука. Принципы научного исследования, уже изложенные Фрэнсисом Бэконом в «Новом Органоне» *(Novum Organum)*, произвели тогда столь огромное впечатление, что люди начали верить в разум человека, а это приведет их в XVIII в. к поиску рациональных решений в политике, морали, экономике. Тем не менее рационализм в Англии до Локка весьма отличается от французского. Великий мыслитель английской Реставрации — это Гоббс, рассматривавший человеческие общества как чисто механические системы, которые приводят в движение наши аппетиты и желания. Эгоизм в его глазах — единственный движитель нравственного закона, но жизнь в обществе сталкивает эгоизмы между собой, и посредством этой борьбы естественное состояние, то есть состояние войны, превращается в законное согласие. Политическую философию Гоббса могло породить лишь время гражданских войн, подобное тому, которому он был свидетелем. Поскольку люди ненавидят друг друга и не способны жить в мире, единственное лекарство от анархии — это сильный властелин. «Левиафан» Гоббса (1651) есть не что иное, как тоталитарное государство современных диктаторов, но его диктатор — монарх.



Уильям Фейторн. Портрет философа Томаса Гоббса. Гравюра. 1668

5. Сама Церковь становится в то время рационалистической. Неистовый закон горячечных видений Кромвеля отвечал потребностям некоторых англичан, чья раса еще не угасла, но большинство желали менее яростной религии. Выдающийся христианский мыслитель Барроу — профессор

Титульный лист «Левиафана» Томаса Гоббса. Издание 1651 г.

математики. Его теология научна, его мораль утилитарна. Он показывает, какое это очевидное преимущество для человека — обеспечить себе ценой нескольких довольно легких жертв вечную награду. Тиллотсон, в восторге оттого, что книгопродавец посулил его будущей вдове 2500 фунтов за права на его неизданные проповеди, популяризирует свою «Мудрость быть верующим» и доказывает эту мудрость практическими доводами, стройными, как геометрическое доказательство. «Никакого воодушевления, никакого воображения, ни одного из тех достоинств стиля, которые составляют эстетическую ценность Боссюэ, Бурдалу, Массийона, но здание весьма недурно построено и весьма завершено».

6. Эта умеренная и рассудительная религия оказывает большое влияние на англичан. Будет неверным полагать, основываясь лишь на комедиях и мемуарах придворных, будто во времена Реставрации вся страна отдалась цинизму и разврату. Это нравы меньшинства, праздных людей, которые тратят время на искусственные любовные увлечения, поскольку не используют его для реальных потребностей. В поместьях, в лавках, на фермах семейная жизнь остается такой же, какой всегда была. Читая многие частные письма, обнаруживаешь прекрасные супружеские пары, объединенные глубокой нежностью. Пипс во время своих прогулок встречает у лондонских ворот старого пастуха, читающего Библию своему внуку. Библиотеки полны богословскими книгами, а проповеди при Карле II продаются лучше, чем стихи.

7. Английская революция 1688 г. ни в чем не похожа на революцию 1789 г. В Великой французской революции классы вступают в конфликт. Буржуа и крестьяне восстают против короля и дворянства. В Англии нет ничего подобного. По всей видимости, два больших конфликта английской революции — это религиозный и политический. Кто будет преобладать: король

или парламент? Кто будет формировать души: Римская церковь, Англиканская или церковь индепендентов? К этим двум конфликтам надо добавить и третий, не столь явный: фискальный. Кто будет оплачивать расходы государства? Богатые — посредством прямых налогов или массы — посредством косвенных? Карл I, по определению Дизраэли, был «человеком прямого налога». Революция — это, конечно, победа парламента, но это также победа имущих классов. На протяжении нескольких лет во времена левеллеров-уравнителей могло показаться, что рождается эгалитарно-пуританская оппозиция. Но в результате этих опасений сблизились друг с другом крупные вельможи из числа сторонников парламента и сторонников короля. Хотя первые стали *вигами*, а вторые — *тори*, между ними существовал молчаливый уговор — отдалить от власти всех, кто заражен опасными умонастроениями. Таким образом, пуританство, не признающее иного авторитета, кроме авторитета совести, будут держать в стороне от всякой политической жизни.

8. Подобно тому как парламент победил корону, авантюра Стюартов стала и победой общего права. После них кончилась Англия административного права и прерогативных судов; закон стал одинаковым для всех, столь же суровым по отношению к государству, как и к отдельному человеку; *Habeas corpus* окончательно закрыл область правосудия для «государственных интересов». Во Франции революционные ассамблеи конца XVIII в. и позже Национальная ассамблея (1871) попытаются, опрокинув монархию и империю, сразу же создать сильное государство. Английская же революция 1688 г., напротив, не имела иной цели, кроме как ограничить силу государства в пользу прав подданного. Парламент, призвав Вильгельма и Марию, навязал им свои условия. А это означало, что у Англии, которую от чужестранных армий охранял пояс морей, а от внутренних беспорядков — законопослушание ее граждан, первоочередной заботой была отнюдь не защита своих рубежей от вторжения, а провинций от анархии, но «ограждение свободы, процветания и религии подданных от правительственного произвола».

9. Бёрк называет события 1688 г. «счастливой и славной революцией», и это действительно было счастьем для Англии, что она смогла осуществить самое большое изменение в своей истории — перешла от деспотии к конституционной монархии и при этом англичане из обоих лагерей не выкопали между собой ров, который потом было бы слишком трудно преодолеть. Если бы Кромвель остался у власти и стал родоначальником новой династии, возможно, что Англия оказалась бы надолго разделена, как

будет разделена Франция после 1789 г.; обобранные потомки *кавалеров* не простили бы так легко свое поражение потомкам *круглоголовых*. Относительная умеренность политической борьбы в XVIII и XIX вв. объясняется умеренностью Реставрации Карла II, потом, после бегства Якова II, согласием обеих партий защищать протестантскую религию и, наконец, начиная с 1807 г., присоединением к ним последних легитимистов из-за угасания линии законных королей. Тогда как во Франции во времена террора между «синими» и «белыми» (или, как скажут позднее, между левыми и правыми) разгорелась вендетта, не забытая даже до сих пор, в Англии после 1688 г. политические страсти, хотя и горячие, никогда не достигали накала религиозных чувств.

Книга шестая

Монархия и олигархия

I. Голландец на троне

1. Худощавый темноволосый голландец с серыми проницательными глазами, который в 1688 г. стал королем Англии, отнюдь не был ей чужим — ни по крови, поскольку являлся внуком Карла I, ни по родству, поскольку был супругом дочери Якова II, но он всегда казался англичанам, и вигам и тори, иностранцем по своему характеру, вкусам и представлениям. В те времена веселого распутства его находили если не чистоплюем, то по крайней мере человеком серьезным и совсем не занимательным, а когда в моду вошла элегантная болтовня, он, как и самый выдающийся из его предков, предпочитал отмалчиваться. В старые английские споры о главенстве парламента или Англиканской церкви он вмешивался только с надменной, почти презрительной терпимостью. Поскольку его владениям в Нидерландах угрожала все возраставшая сила Людовика XIV, он всегда оставался человеком с континента. Для него поддержание «баланса сил» в Европе оставалось главной целью. Этим и объясняется парадокс, что государь, который менее всего верил в парламент и в своей родной стране победил демократию, в Англии стал одним из основоположников парламентской монархии. Стараясь защититься от более серьезных угроз, Вильгельм воспользовался тем инструментом, который оказался под рукой. Он пытался сохранить то, что еще оставалось от личной власти, но после его смерти все партии признали, что реальная власть в парламенте принадлежала только королю. Революция 1640 г. показала, что Англия отказалась становиться абсолютной монархией, революция 1660 г. — что она отказалась становиться республикой. Оставалось только найти способ быть одновременно республикой и монархией.

2. Восходя на престол, Вильгельм и Мария ратифицировали Декларацию прав, которая стала *Биллем о правах (Bill of Rights)* 1689 г. Этот текст, очень английский по духу, не излагал никаких абстрактных принципов. Перечисляя самоуправные действия Якова, он объявлял их незаконными; утверждал, что король ни под каким предлогом не должен посягать на основополагающие законы королевства; наконец, дабы обеспечить уважение к этим законам, парламент напоминал, что за всякую субсидию он будет голосовать ежегодно и что жалованье для армии всегда будет обеспечи-

Вильгельм III, король Англии, в коронационном облачении. Гравюра. Около 1688

ваться им только на год. Закон о мятежах *(Mutiny Act)*, который был принят после Ипсвичского возмущения и разрешавший в исключительном порядке применять к солдатам Кодекс военного правосудия, тоже следовало подтверждать голосованием каждый год. Наконец, в 1694 г. было решено, что парламенты будут созываться по меньшей мере каждые три года и что один и тот же состав парламента не может заседать дольше трех лет. Долгий опыт показал англичанам, что их основные свободы зависели от этих простых мер, так что практический механизм свободы их интересовал гораздо больше, чем его теоретическое восхваление. Когда король принял Декларацию прав, между ним и парламентом было мало поводов для конфликтов. Еще не был найден способ, который обеспечил бы связь между исполнительной и законодательной властью. Никто тогда не воображал себе, что единство управления будет обеспечено формированием однородной группы советников короля (кабинета), которые, занимая высокие государственные посты и принадлежа к большинству палаты общин, разделят судьбу этого большинства. Как только Вильгельм под влиянием «хитроумного Сандерленда» попытался сформировать такие группы министров, напуганный парламент начинал говорить, что это *хунта*, *кабаль*, и потрясал своим старым оружием — *импичментом*. Но импичмент не обеспечивал никакого эффективного контроля за исполнительной властью. Он позволял покарать министров *после* их неудачи, но не предупредить неосторожность. Англия веками кружила вокруг министерской ответственности, так и не находя решения этой сложной проблемы.

3. Хотя Вильгельм III и сохранил за собой (по крайней мере, имел на это право) исполнительную власть, он был далек от того, чтобы обладать личным престижем, который Карл I сохранял вплоть до эшафота. Довольно многочисленная якобитская партия остается верной Якову II. Каждый крупный вельможа, которому Вильгельм отказал в какой-нибудь милости, начинает тайную переписку с двором, обосновавшимся в Сен-Жермене.

Несколько епископов и 400 священников, сторонников божественного права, отказываются присягнуть королю. Они становятся так называемыми *non-jurors, неприсягнувшими*, которые должны покинуть свой пост. Вильгельм заменяет их «епископами более широких взглядов», такими как Барнет и Тиллотсон. Если бы Вильгельм III мог, он предписал бы англичанам религиозный нейтралитет. Однако, встретив сопротивление оппозиции, которую обеспокоила эта слишком новая идея, он был вынужден от нее отступиться. Эдикт о веротерпимости 1689 г. установил относительную свободу культов, но католики и диссиденты по-прежнему не были допущены к официальным должностям. Несколько нонконформистов ради того, чтобы войти в муниципалитеты, согласились причащаться в Англиканской церкви. Это называют «конформизмом по случаю». Он приводит в бешенство тори, которые считают эту комедию нечестивой.

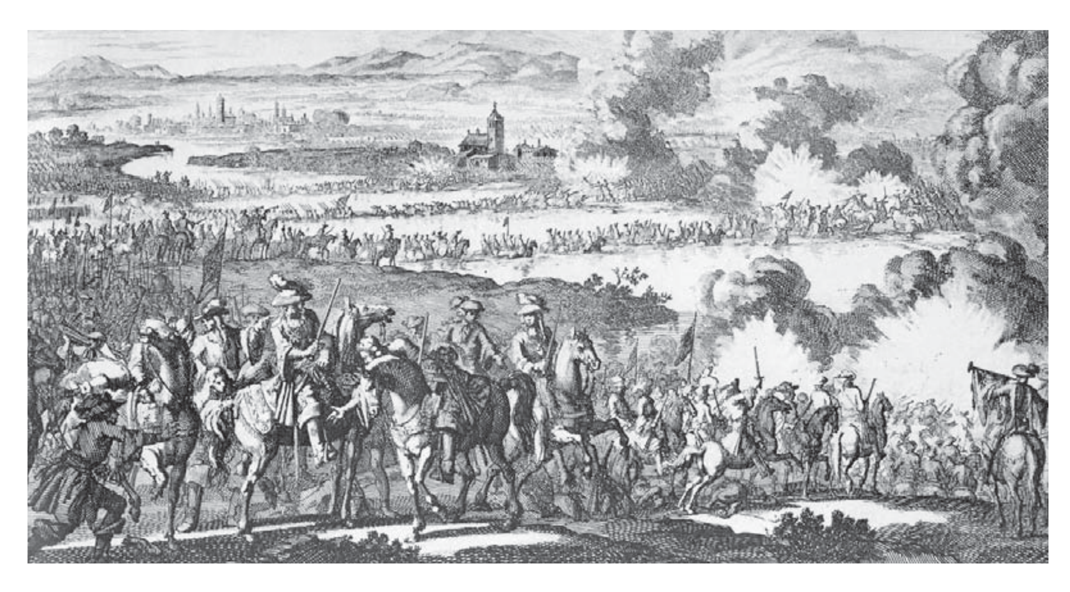
4. Границы партий становятся более четкими. Партия тори — это партия землевладельцев *(landed men)*, сквайров-якобитов и друзей Англиканской церкви. Партию вигов составляют три элемента: аристократические семьи антиякобитской традиции (Кавендиши, Расселы, Пелхемы); лондонские купцы, колониальные набобы, новые финансисты (*moneyed men*), которые в те времена стремительно богатели и покупали себе места в парламенте; и наконец, диссиденты, которых с двумя первыми группами ничто не связывает, кроме религиозной нетерпимости и общего опасения Стюартов. Во времена Якова II тори пришлось от безнадежности выбирать между Англиканской церковью и королем, теперь, чтобы избежать Рима, они терпели Гаагу. Некоторые сожалели об этом и мечтали о невозможной реставрации. И наоборот, при правлении Вильгельма виги из-за любопытной перемены во взглядах стали самой верной опорой монархии. Они беспрестанно поддерживали Вильгельма Оранского в его войнах против Франции: 1) потому

Вильгельм III и королева Мария ратифицируют Билль о правах 1689 г. Гравюра с оригинала Сэмюэла Вейла. 1783

что он предпринимал их как глава протестантских государей; 2) потому что сражаться с Людовиком XIV означало сражаться также с претендентом Стюартом, которого виги имели все основания опасаться; 3) потому что их друзья из Сити познали во время этой войны и благодаря ей невероятное процветание.

5. С 1609 г. в Амстердаме существовал знаменитый банк, где каждый крупный купец Европы имел свой счет, так что мог при случае, если он подчинялся сложной процедуре, платить «трансферами», как в современном банке. Англия же все еще пользовалась услугами частных банков и бесчисленных средневековых менял. Ювелиры, *goldsmiths,* торговали золотом, давали в долг королю, частным лицам и брали на депозит ценные металлы, выдавая в обмен на них квитанции, *goldsmiths notes*, которые и стали первыми банковскими билетами. Само казначейство брало взаймы у ювелиров. Во время войн с Людовиком XIV налогов и займов для покрытия издержек стало недостаточно. Тогда-то виги и изобрели государственный долг, Английский банк и спекуляции с ценными бумагами. «Голландские финансы», — говорили с презрением тори, которым все эти новшества были ненавистны: политически — потому что помогали вигам держаться у власти, экономически — потому что легкость займов увеличивала расходы государства, а заодно и в нравственном плане — потому что увеличивали могущество денежных воротил, *moneyed men,* за счет сельских джентльменов, станового хребта страны.

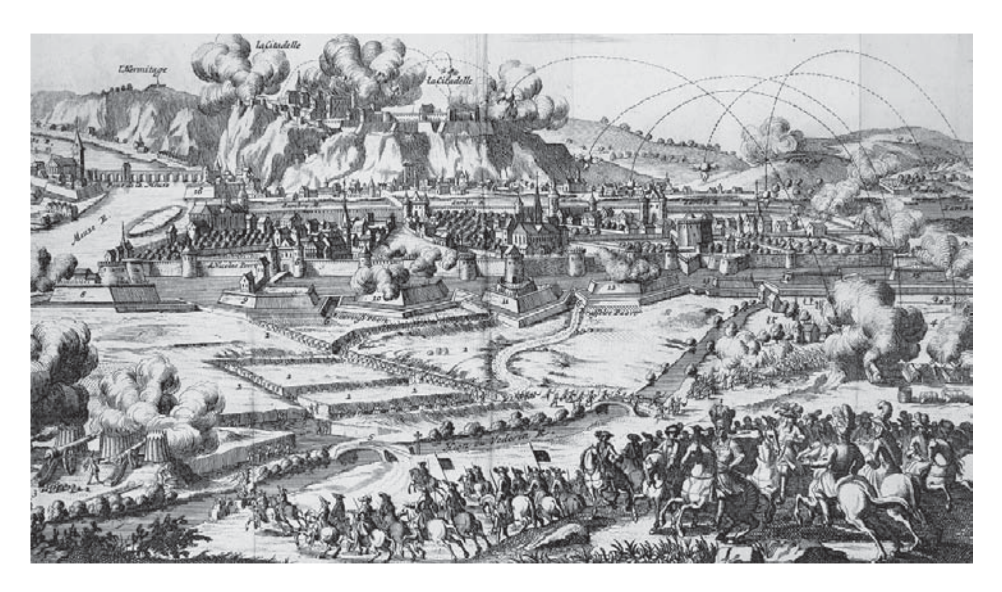
6. Английский банк был основан только для того, чтобы позволить Вильгельму продолжать свои войны. Некоторое количество капиталистов собрали сумму в 1 млн 200 тыс. фунтов, которая была целиком дана взаймы государству под процент в 100 тыс. фунтов в год. Банк, основанный для этой операции, стал также открывать (подобно Амстердамскому банку) кредиты частным лицам. Он не имел резервов, поскольку весь его капитал был одолжен правительству, но получил привилегию выпустить бумажные билеты на сумму, равную его капиталу. Эти билеты подлежали оплате золотом. Банку удалось осуществлять эти выплаты золотом благодаря своим прибылям и процентам в 100 тыс. фунтов, которые он ежегодно получал от правительства. Поначалу эти билеты возбудили большое недоверие. Но потом люди стали охотно ими пользоваться, поскольку были рады не занимать деньги у ювелиров, чьи проценты были высоки. Государственный заем 1694 г. стал началом государственного долга *(National Debt)*. Его результатом стало укрепление связей Вильгельма III с Сити и вигами. Если бы когда-нибудь Людовик XIV и претендент победили, то займы наверняка не были бы возвращены. Так банк Англии стал для Оранского дома тем,



Битва при Бойне в Ирландии 1 июля 1690 г. Гравюра. XVIII в.

чем для дома Тюдоров было ограбление монастырей. Он привлек политические страсти к экономическим интересам. Создание банка, привычка к крупным делам, тесные связи с Амстердамом — все это способствовало тому, чтобы превратить Лондон в мировой финансовый и коммерческий центр. Обладая населением, которое было в 4 раза меньше, чем во Франции, Англия станет богаче ее. И вскоре голландская финансовая олигархия поймет, что создала себе опасного соперника.

7. Вильгельм, который не был полководцем (Массийон говорил о нем, что «ему лучше удавалось возбуждать войны, нежели сражаться, и боялся он скорее в тиши своих кабинетов, нежели во главе армий»), провоевал всю свою жизнь. Став королем Англии, он был вынужден защищаться от свергнутого короля Якова II, который при поддержке французского флота высадился в Ирландии и добился поддержки ирландских католиков. Вместе с католической армией Яков попытался занять протестантские графства Ольстера и жестоко обходился с их жителями. В 1690 г. Вильгельм во главе англо-голландской армии одержал победу при Бойне (Boyne) и изгнал Якова из королевства. Завоевав Ирландию, Вильгельм хотел предоставить ей некоторую свободу, но его стремление к терпимости натолкнулось на древнюю и живучую враждебность. Тогда против религии и даже коммерции ирландцев были приняты очень суровые законы. Английские мануфактурщики и скотоводы опасались их конкуренции, и борьба ирландского скота с английским стала отнюдь не мелким препятствием в примирении



Осада города Намюр во Фландрии войсками Вильгельма III в 1695 г. Гравюра. 1703

двух островов. Север Шотландии из верности шотландскому роду Стюартов принял сторону короля Якова. Юг же, напротив, в 1690 г. принял революцию. Только в 1707 г., уже при следующем царствовании, закон объединил английский парламент с шотландским. И только тогда Шотландия получила право торговать с британскими колониями. Она прекрасно преуспела в этом: Глазго стал соперником Лондона, Клайд — столь же деловитым, как и Темза, а шотландцы — настоящими владыками Сити.

8. В глазах Вильгельма III важнейшими проблемами были проблемы континента. Елизавета в течение всего своего царствования страдала от грозного соседства с испанцами, хозяевами Фландрии. Она тогда поддержала голландцев в их борьбе против Испании, а они в следующем веке ослабили Антверпен с его портом в пользу Амстердама и Роттердама. Но в начале XVIII в. Испания уже не была мощной монархией, которая когда-то господствовала в Европе. Ее непобедимая пехота, от которой осталось всего лишь несколько тысяч человек, растаяла. Ее флот составлял лишь десятую часть от флота Филиппа II, арсеналы были разрушены, казна пуста. Из-за долгой борьбы с маврами феодальный строй на ее территории затянулся и не сформировал никакого среднего класса. Среди мощных государств Европы она все еще пребывала в состоянии политического отрочества. Но вместо поверженной испанской силы появилась другая — Франция, гораздо более опасная для Голландии и Англии, потому что в этом случае между основной массой национальных сил и Нидерландами уже

не было, как в случае с Испанией, никакого крупного буферного государства. Однако Людовик XIV надеялся сделать границей Франции линию Рейна — естественную и надежную преграду. Голландские и английские купцы считали, что если Антверпен останется в руках Франции, которая, впрочем, и так была хозяйкой всех ресурсов континента, это наверняка их разорит. Вильгельм решил этому помешать. Поэтому он продолжил традиционную политику Англии: защита Фландрии, господство на море и сколачивание лиги против самой сильной державы континента. Вначале превосходный французский флот под командой Турвиля побеждает объединенные военно-морские силы англичан и голландцев. Но Франции мешала суровая необходимость держать одновременно Средиземное море и океан, море и континент. А Кольбера, чтобы содержать огромный военно-морской флот, у нее уже не было. В конце концов французские моряки не устояли при Ла-Уге (La Hougue), и Людовик XIV пожелал вступить в переговоры. И проявил на Рисвикском конгрессе самую благоразумную умеренность. Он соглашался отказаться от Нидерландов и признать в Англии Оранский дом. Это было все же лучше, полагал он, чем позволить Испании восстановить при поддержке Англии державу Карла V. Что касается Вильгельма III, то ему удалось установить континентальное равновесие между империей и Францией. После Рисвика (1697) казалось, что европейский мир обеспечен.

9. Судьба позаботилась нарушить его, и над людским благоразумием возобладал «закон подлости». Единственным, что таило в себе опасность, был вопрос об испанском наследстве. Король Испании слабоумный Карл II скоро умрет (1700), не оставив наследника. Кто будет ему наследовать? Сын императора, французский принц или курфюрст Баварский Иосиф Фердинанд? Империя опять окружала Францию в Испании и Италии. Людовик XIV, желая мира, предложил оставить Испанию курфюрсту Баварскому, сам же решил удовлетвориться для Дофина[1] Неаполем, Королевством обеих Сицилий, Тосканой и Гипускоа, а Милан уступить Австрии. Решение разумное, но... «смерть не подписалась под договором». Курфюрст Баварский, пятилетний ребенок, умер; таким образом, дофин и эрцгерцог остались в схватке один на один; компромисс становился недействительным. Начались новые переговоры между Людовиком XIV и Вильгельмом III. Оба государя были готовы расчленить Испанию, лишь бы поддержать мир. Испанские министры не хотели этого, и, рассудив, что поддержка Франции была бы для ослабевшей Испании наиболее ценной, поскольку та к ней

[1] То есть для Людовика, своего единственного законного сына, которого называли Великим Дофином, — он умер за несколько лет до смерти отца и никогда не царствовал.

ближе всех, они добились от своего умиравшего короля завещания, в котором преемниками указывались герцог Анжуйский[1] или же герцог Беррийский[2]. А если они откажутся, то их должен был заменить австрийский принц. Это означало поторопить Людовика XIV. Он не мог больше отказываться от Испанского королевства для своих внуков, не восстановив самолично империю Карла V. А потому принял эту опасную честь: отправил Филиппа V в Испанию и разместил в крепостях «Барьера»[3] французские гарнизоны рядом с голландскими (1701). Ярость Вильгельма III была велика. Он решил, что его провели, и вступил в переговоры с императором; Людовик XIV в отместку и в нарушение Рисвикского мира признал королем Англии Якова III.

10. Смерть остановила Вильгельма III в тот момент, когда он готовил вместе с империей и Пруссией новый план кампании против Франции (1702). Его жена Мария умерла в 1694 г.; наследницей престола стала вторая дочь Якова II Анна. Анна потеряла всех своих детей, которые умерли еще в детском возрасте (последний в 1700), и было вполне возможно, что других детей у нее больше не будет. Так что в последний год своего правления Вильгельм обнародовал очень важный документ: Акт об устроении *(Act of Settlement)*, определивший порядок наследования престола. Все наследники мужского пола, исповедовавшие католицизм, исключались, и было решено, что после Анны корона перейдет к потомкам внучки Якова I курфюрстины Ганноверской Софии, лишь бы те были протестантами. Этот акт еще и сегодня определяет порядок престолонаследия в Англии.

II. Времена королевы Анны (1702–1714)

1. У королевы Анны и у ее зятя Вильгельма III всегда были разные друзья. Он поддерживал вигов, потому что те были свободны от любого якобитства, одобряли его европейскую политику и в религиозных делах проявили себя более терпимыми, чем их противники. Анна же была сугубой островитянкой, узкой англиканкой и отчаянной сторонницей тори. Ее считали глупой, но в своих письмах она предстает скорее упрямой. Писали, что она

[1] Филипп, старший сын Великого Дофина Людовика и внук короля Людовика XIV, стал испанским королем Филиппом V, основателем ветви испанских Бурбонов.
[2] Карл, герцог Беррийский, младший сын Великого Дофина Людовика и внук короля Людовика XIV.
[3] *«Барьер»* — ряд укрепленных пунктов в Испанских Нидерландах, где Голландия имела право держать войска в качестве гарантии от нападения французов.

Годфри Неллер. Портрет Анны, королевы Англии. 1702–1704

поставила себе в жизни три цели: стать королевой, покровительствовать правому крылу Церкви и предоставлять своему мужу, принцу Георгу Датскому, должности, которые он не в состоянии исполнять (Карл II говорил о нем: «Я испытал его пьяным, испытал трезвым, но он ни на что не годен»). К этим трем целям надо добавить и четвертую: нравиться собственным фавориткам. За время своей жизни она питала дружбу, похожую на любовь, к двум женщинам. Первым объектом этой страсти была Сара Дженнингс, ставшая в замужестве леди Черчилль, потом герцогиней Мальборо. «Я умоляю не называть меня „ваше высочество“», — писала Анна Саре и, чтобы отбросить почтительность, стала называть себя в этой переписке миссис Морли, а Сару Черчилль — миссис Фримен. «Ничто не может выразить, дорогая миссис Фримен, до какой степени я страстно ваша». Но м-с Фримен, принимая дождь благодеяний, который изливала на нее и ее мужа эта нездоровая страсть королевы, судила Анну довольно сурово. «По поводу вещей обыкновенных, — писала она, — в ее речах не было ничего ни блестящего, ни остроумного; когда же речь заходила о вещах важных, она говорила поспешно, да еще с этой раздражающей манерой цепляться за то, что ей советовали, не подавая ни малейшего признака ни ума, ни собственного суждения». В последнюю треть жизни королевы Сару Мальборо подле нее заменила Абигайл Хилл, которая стала сначала миссис Мэшем, потом леди Мэшем и разорила семейство Мальборо.

2. Карьера Джона Черчилля (после 1702 г. герцога Мальборо) представляет собой любопытную смесь аморальности, ловкости и гениальности. Сын сквайра Уинстона Черчилля, он начинал пажом у герцога Йоркского благодаря протекции своей сестры Арабеллы, которая была любовницей Якова II. Сам он стал любовником леди Каслмейн, герцогини Кливлендской, и принял от нее в подарок 5 тыс. фунтов. Эти деньги, хоть и дурно приобретенные, были хорошо вложены: молодой Черчилль уступил их лорду Галифаксу в обмен на ежегодную выплату 500 фунтов. Это и стало началом его огромного состояния. Заодно оказалось, что этот хороший любовник,

Годфри Неллер. Портрет герцога Мальборо. Конец XVII — начало XVIII в.

этот осторожный капиталист был еще и выдающимся солдатом. В царствование Якова II Черчилль добрался до высочайших армейских должностей. Во время революции 1688 г. он, как и большинство людей той непростой эпохи, вел двойную игру, поддерживая Вильгельма и одновременно подстраховываясь в Сен-Жермене. Восхождение на престол Анны (которая из любви к жене покровительствовала и мужу) сделало его самым могущественным человеком королевства, а богатство, которым он был обязан милостям королевы, было подкреплено заслугами. Мальборо был не только превосходным полководцем, внимательным к деталям, заботившимся о здоровье солдат, но также благоразумнейшим политиком и наименее приверженным какой-либо одной партии. Тори по рождению и по привычке, он согласился сотрудничать с вигами, потому что те опирались на Вильгельма III и поддерживали его против Людовика XIV. Два выдающихся человека времен королевы Анны, Мальборо и Годольфин (или, как их называли, генерал и казначей), были знатоками своего дела, стоявшими над партиями, — тип людей, необходимых в трудные времена, но которых, как только опасность минует, партийные страсти в конце концов всегда повергают в прах.

3. Первый парламент Анны состоял из тори-экстремистов. Потом требования внешней политики подтолкнули генерала и казначея к вигам. Они пытались управлять страной с помощью объединенного кабинета, но это было все равно что «смешивать масло и уксус». Борьба политических и религиозных мнений становилась столь же яростной, сколь и блестящей. Совсем недавняя свобода прессы позволяла публиковать памфлеты, вышедшие из-под пера самых выдающихся писателей. Как раз в то время виги Стил и Аддисон основали «Татлер» (*Tatler* — «Сплетник») и «Спектейтор» (*Spectator* — «Наблюдатель»); Свифт, друг тори и Высокой церкви, написал «Сказку о бочке», а тем временем Даниель Дефо выражал мысль умеренных. Этот «бумажный снаряд», начиненный взрывной прозой, доносил партийную войну до кругов, которых она никогда прежде не дости-

гала. Страсти накалялись. Смесь масла и уксуса, *вигизма* и *торизма*, которую смогли навязать Карл I, Яков II и Вильгельм III, показалась наконец возмутительной. Страна сама по себе двигалась к чередованию партий, которое превратит гражданскую войну всего лишь в хроническую и часто вполне доброкачественную болезнь.

Годфри Неллер. Портрет Сары Черчилль, герцогини Мальборо. До 1723

4. Война за испанское наследство продлится до 1713 г. Цель англичан оставалась все та же: 1) поддерживать в Европе баланс сил; 2) помешать Людовику XIV объединить силы Испании и Франции; 3) принудить его оставить Фландрию и устье Рейна. У Франции было преимущество: она с самого начала войны заняла спорные территории, но была уже изнурена пятьюдесятью годами борьбы, а главное — не имела преобладания на море. Генералы союзников, Мальборо и принц Евгений Савойский, воспользовавшись тем, что войска Людовика XIV рискнули выйти за укрепленные Вобаном линии, попытались, к большому ужасу ортодоксальных военных, перейти от осадной войны к маневренной. Кремневое ружье и штык (изобретенные Вобаном в 1687) заменили в пехоте обеих армий пику и мушкет. Потери с обеих сторон были ужасающими. Мальборо раздавил баварцев и французов при Бленхейме (Blenheim, 1704), потом отвоевал Фландрию при Рамийи (1706). Но виги, сумевшие выиграть войну, не сумели заключить достойного мира. Англичане в 1709 г. могли добиться договора, который надолго избавил бы их во Фландрии от всяких опасений. Но они захотели большего — чтобы сам Людовик XIV изгнал своего внука из Испании. Это оскорбление сблизило французов со своим королем. Прекрасное письмо Людовика XIV к своему народу оживило мужество нации. Битва при Мальплаке была для союзников отнюдь не такой же удачной, как предыдущая: победители там потеряли более трети личного состава, а маршал Вилар отступил в таком прекрасном порядке, что преследовать его было невозможно.

5. Реакция тори имела много причин, но прежде всего умы уже устали от войны. Свифт опубликовал памфлет «Поведение союзников»: «После десяти лет триумфальной войны сказать нам, что невозможно добиться

Питер ван Блумен. Джон Черчилль, герцог Мальборо,
и граф Уильям Кадоган в битве при Бленхейме. 1714

хорошего мира, кажется удивительным». И он хулил тех, кто хотел навязать Франции слишком суровый мир. «После битвы при Рамийи, — писал он, — французы были так подавлены своими потерями и им так не терпелось достичь мира, что их король был готов подписать какие угодно *разумные* условия. Но когда его подданным сообщили о наших непомерных требованиях, они стали более ревнивы к собственной чести и единодушны в том, чтобы помочь своему королю скорее продолжить войну любой ценой, нежели покориться». Одно непредвиденное событие утвердило англичан в их желании заключить мирный договор с Францией. Неожиданная смерть австрийского императора грозила соединить на голове эрцгерцога корону Испании и корону Австрии, в том случае, если Филипп V отречется. Это стало бы нарушением «баланса сил» и возвращением Испании во Фландрию, то есть всем тем, чего Англия опасалась в течение целого века. И, качнувшись на качелях (а этой игре предстояло стать излюбленным движением ее внешней политики), она бросила своих союзников, которых французы побили при Денене (1712).

6. Подписанный в Утрехте договор подвергся суровым нападкам вигов, но это был неплохой договор. Император терял всякую надежду воссоздать империю Карла V, а Людовик XIV — возможность объединить обе короны. Англия получала в Средиземном море две важные базы — Гибралтар и Порт-Магон (Port-Mahon) на Минорке. Ее владения пополнялись Ньюфаундлендом и Гудзоновым заливом, которые ей уступала Франция. Наконец, не имея возможности вырвать у Испании ее огромное колониальное владение в Америке, на которое английские купцы так давно зарились, она, по крайней мере, добилась там привилегий. Отныне Англия имела право ввозить в Южную Америку некоторое количество рабов. Кроме того, она могла отправлять туда каждый год судно, груженное своими товарами, которое из-за злоупотреблений и мошенничества вскоре превратится в целый флот. Наконец, по Утрехтскому договору Франция обязывалась больше не предоставлять убежище английским претендентам на престол (Якову III и его сыну Карлу Эдуарду). С этого договора и начинается преобладание Англии в Европе. Она ослабила всех своих европейских соперников и приобрела, превзойдя даже Голландию («шлюпку в кильватере английского корабля»), господство на море, по крайней мере временное. Эта маленькая страна становилась мировым арбитром. Утрехтский мир, который виги считали слишком благоприятным для Франции, был типичным примером английского мира, достаточно гибкого, чтобы не довести противника до отчаяния, и достаточно сурового, чтобы обогатить Англию и ее коммерцию. Людовик XIV при этой внезапной перемене фортуны проявил себя политиком скромным и осторожным. Вовремя пожертвовав завоеваниями, которые не мог защитить, он по меньшей мере сохранил границы Франции более надежными по сравнению с теми, что ему достались.

7. Чтобы провести Утрехтский договор через палату лордов, где вигам принадлежало большинство, королеве пришлось совершить настоящий государственный переворот и присвоить звание пэров аж дюжине тори — знаменитый прецедент в конституционной истории Англии. Политические страсти были тогда такими неистовыми, что Мальборо, полководца-победителя, освистали на улицах Лондона. «Держи вора!» — кричали ему, поскольку герцога обвиняли в том, что он якобы получил комиссионные от армейских поставщиков. Ему пришлось искать спасения на континенте. Реакция торжествовала повсюду. Свободомыслящие тори становились защитниками Англиканской церкви и угрожали преследованиями нонконформистам. Над графом Оксфордом, слишком умеренным по мнению своей партии, возобладал Болингброк. Он подготовил избирательный закон,

Годфри Неллер. Портрет лорда-казначея Сидни Годольфина. До 1723

который позволил бы ему, как он надеялся, отдать тори власть навечно. Но он боролся с более сильным врагом, чем виги, — с самим Временем. Королева Анна состарилась, и можно было предвидеть, что долго она не проживет. Благоразумнее было обхаживать будущего короля, Георга Ганноверского, но для министров Анны это было нелегко. В результате двор в Ганновере составили одни виги, и вскоре стало очевидно, что, если королева умрет, власть получат они. Что могли сделать министры? Договориться с претендентом Яковом III? Но сквайры-тори никогда не поддержали бы короля-католика. Для министров-легитимистов, которые знали, что законный король неприемлем, ситуация была очень двусмысленной. Конец пришел с драматической стремительностью. После спора с Оксфордом, когда королева потребовала, чтобы он отдал ей белый жезл, символ власти, с ней случился апоплексический удар. И пока она умирала, обе партии схлестнулись. Мальборо, который был тогда в Амьене, набирал солдат для защиты протестантского дела. Болингброк, стоявший у власти, не будучи официально наделенным ею, готовил легитимистское правительство и говорил, что ему нужно только шесть недель, чтобы быть готовым. Быть готовым к чему? Провозгласить королем Якова III? Этого никто не узнал, поскольку Болингброк так и не вступил на землю обетованную. «Харли[1] был изгнан во вторник, королева умерла в воскресенье, — писал он Свифту, — в каком мире мы живем и как фортуна играет нами!»

8. Из Ганновера прибыл чужестранный монарх. Болингброк, которого этот новый король даже не захотел принять, осмотрительно сбежал во Францию. Отныне он жил вдалеке от дел, то в Шанталу, близ Амбуаза, то в Англии, куда его преемники, сочтя своего бывшего противника неопасным, вскоре позволили ему вернуться. Отдаленный от совета, он стал распространять свою доктрину посредством политических сочинений, одно из которых, «Король-патриот», стало знаменито, потому что вдохновило действия Георга III и доктрину Дизраэли. Болингброк там

[1] Роберт Харли, граф Оксфорд.

защищает обновленный *торизм*. Он пытается освободить свою партию от устарелых идей: от божественного права, от непротивления, но утверждает, что правительство сильного короля, опирающееся на народные массы, может быть более благоприятным для этих масс, нежели правительство парламентской олигархии. Что принесли английскому народу крупные представители вигов? «Голландские финансы, венецианское правительство и враждебность Франции», — позже ответит довольно несправедливо Дизраэли. Примерно то же самое утверждал и Болингброк. Еще больше, чем своими трезвыми сочинениями, он замечателен тем, что сыграл в XVIII в. роль духовного посредника между Францией и Англией. Именно у него молодой Вольтер встретит Поупа, Свифта и познакомится с общественными установлениями Англии, которые благодаря победам Мальборо завоевали тогда в Европе такой престиж.

Шарль Дагар. Портрет Генри Сент-Джона, виконта Болингброка. 1678

III. Время Уолпола

1. Сама посредственность первых ганноверских королей придает им историческую значимость. Она заканчивает превращение британской монархии в парламентскую. Корона на голове этих королей-чужестранцев перестанет более чем на век быть предметом растроганного почитания. Отныне говорить о божественном праве стало просто нелепо. Конечно, Георг I был правнуком Якова I, но в момент его восшествия на престол у некоторых других принцев было бы больше прав, чем у него, на корону Англии, если бы Акт об устроении не предоставил парламенту возможность выбора из членов королевской семьи. Так что царствовал он лишь по свободному согласию нации. От английского происхождения в этом немце не осталось никаких следов. И если бы ему пришлось выбирать между Английским королевством и Ганноверским курфюрстшеством, он предпочел бы второе. Он любил свою маленькую ганноверскую столицу, свой маленький Версаль (который назывался Херренхаузен), свою маленькую армию. Однако воспоминания

Неизвестный художник. Портрет короля Англии Георга I. XVIII в.

о Ганновере наверняка портила ему супружеская трагедия. Он развелся со своей женой Софией-Доротеей из-за ее измены со шведом Кёнигсмарком, который, по слухам, был задушен и погребен под паркетом замка. После этой драмы принцесса стала государственной узницей. Георг I утешился с любовницами, которые восполняли тяжеловесность своего ума мощью прелестей. Ему годилась любая женщина, лишь бы была покладиста и дородна. Так что те, кто надеялся понравиться ему, откармливали себя как можно лучше. Ганноверский народ терпел их, потому что они недорого обходились казне. В Англии гарем, прибывший с новым королем, скорее развлек, чем шокировал. Одна из этих женщин была очень худой, другая просто необъятной. Их так и прозвали: Мачта с Призом и Слониха. В глазах немецкой свиты Георга I Англия была всего лишь страной, где следовало обогащаться. Об одной из фавориток Уолпол сказал, что она продала бы честь короля тому, кто дал бы за нее на шиллинг больше. Никто в этой свите не знал английского, и единственным общим языком между двором и министрами была латынь. «*Mentiris impudentissime!*» («Бесстыжий лжец!», *искаж. лат.)* — слышались крики в галереях дворца. Согласие нации на этот фарс может удивлять. Чудо сделали возможным виги, потому что им был нужен этот ганноверец. Если бы не он, у них было бы лишь королевство без короля, а без них он был бы всего лишь королем без королевства. Георг I представлял собой довольно нелепую условность, но от этой общепринятой условности зависел мир внутри страны.

2. В момент своего восшествия на престол королю Георгу было уже более пятидесяти лет. То есть он уже обзавелся своими привычками и закоснел в своих представлениях. Все, что касалось *не немецких* дел, он был готов оставить на усмотрение английским министрам. Он едва знал конституцию и законы своего нового королевства. Кроме того, не понимал по-англий-

Джон Пайн. Заседание палаты общин. Гравюра. 1749

ски, а потому вскоре перестал присутствовать на заседаниях совета правительства. Из этого случайного обстоятельства родилась форма правления, которую ожидала долгая жизнь, а именно: кабинет министров, ответственный перед палатой общин. До Георга I идея о министерской ответственности не могла сформироваться просто потому, что король присутствовал при обсуждениях, и поэтому решения совета всегда считались его собственными. Впрочем, министры часто выбирались королем в обеих партиях, что делало коллективную ответственность невозможной. С ганноверцев же начинается долгий период исключительно вигских правительств. С самого своего прихода к власти виги сделали партию тори бессильной, изгнав на несколько месяцев Болингброка и отправив графа Оксфорда в Тауэр, где он просидел два года. Потом они упрочили свое положение в палате общин, манипулируя «гнилыми местечками» и подкупая избирателей. Уверенные отныне в поддержке палаты общин, они продлили срок действия парламентского мандата с трех до семи лет (закон был изменен лишь в 1911-м, и срок действия мандата сократился до пяти лет).

3. Что касается кабинета, то есть группы министров, совместно ответственных перед палатами, то он, как и все британские установления, не был задуман заранее, но стал детищем времени, случая, компромисса и здравого смысла. Кабинет — это всего лишь группа частных советников, и у министров нет никакого другого официального звания. Никто не думает создавать должность премьер-министра, парламенту отвратительно и это слово, и сама идея; но король по незнанию языка не мог председательствовать в совете, а ведь надо же было, чтобы кто-нибудь из министров его заменял. И оказалось, что этот министр Уолпол — мастер в искусстве управления. Коллеги привыкли признавать его полномочия. А он признавал, что получил их лишь благодаря согласию большинства палаты общин

Стивен Слотер. Роберт Уолпол и канцлер казначейства Генри Билсон-Легг. Около 1745

и (в противоположность всем предыдущим) уйдет, когда потеряет доверие не монарха, но палаты. В глазах короля эта отставка — нанесение ущерба прерогативам короны, так что остальные министры за Уолполом в отставку не последуют. Король еще долго сможет держать в совете таких министров, которые не входят в команду премьера. Только при втором Питте должность премьер-министра начнет походить на сегодняшнюю, а чтобы его звание и полномочия были официально признаны, придется дожидаться XX в.

4. Начало эпохи Уолпола не совсем точно совпадает с эпохой царствования Георга I. Первое правительство вигов (Стенхоупа — Таунсенда) успешно подавило в 1715 г. якобитское восстание, но допустило ряд ошибок, которые вскоре его погубят: 1) чтобы обеспечить стабильное положение вигов как в палате лордов, так и в палате общин, оно предложило ограничить право короля присваивать звание пэра — опасная мера, которая сделала бы палату лордов полностью независимой от короны и страны (поскольку доступ к пэрству стал бы возможен только «через гроб») и подготовила бы в будущем неразрешимые конфликты между двумя палатами.

Уолпол боролся против этой меры и убедил отказаться от нее; 2) в 1720 г. разразился большой финансовый скандал, афера Компании Южных морей *(South Sea Bubble)*, дискредитировав целое поколение государственных деятелей. В 1711 г. эта компания получила монополию на британскую торговлю с Южной Америкой. Потом ее руководители предложили взять на свою ответственность весь государственный долг в обмен на некоторые концессии и ежегодные выплаты. В чем же могла быть их выгода? Они брали займы по процентной ставке ниже государственной, а расплачиваться с кредиторами предполагали акциями своей компании по текущему курсу. Однако со 121,5 фунта в начале года эти акции к июлю подскочили в цене аж до 1000 фунтов. Но это спекулятивное безумие, аналогичное тому, что в то же время овладело Францией («система Лоу»), рассеялось так же быстро, как распространилось. В августе стоимость акций упала до 135 фунтов. Тысячи англичан оказались разоренными. Следствие доказало, что министры, в том числе канцлер казначейства, были подкуплены. Даже сам Уолпол успешно спекулировал и вовремя продал свои акции с барышом, хотя его речи изобличили опасность. Как случилось позже во Франции после Панамского скандала, власть попала в руки молодых людей из-за краха и неосторожности старших. Таков был случай с Уолполом после *South Sea Bubble*. Все восхваляли осторожность его речей и завидовали осторожности его поведения. Он стал первым лордом казначейства и канцлером «Палаты шахматной доски». Он будет носить эти титулы на протяжении двадцати одного года и на практике осуществлять функции премьер-министра.

5. Сэр Роберт Уолпол был одним из величайших английских министров, хотя сторонился всех атрибутов высокого положения. Он был сыном сквайра из Норфолка и имел вкусы и манеры деревенского землевладельца. Открывал письма от сторожа своих охотничьих угодий раньше, чем письма от своих коллег. Терпеть не мог книги и музыку. Ему нравилась галантность, веселые трапезы, но он мог в течение четырех часов выдерживать общество короля Георга, говоря с ним на кухонной латыни. Будучи циником, он ничего так не страшился, как «благородных речей», и поднимал на смех противников, когда те говорили о своем патриотизме. Он ненавидел доктрины, Крестовые походы и остерегался всех, кто хотел бы, в соответствии с книгами по истории, диктовать ему, как следует поступать. Он вел государственные дела, как хороший коммерсант ведет свои, изо дня в день. Он работал так ловко, что казалось, будто он ничего не делает, в то время как он делал все. Его главным принципом было: *Quieta non movere* (то есть «не тронь лихо, пока оно тихо» или «не будите спящую собаку»). Он не верил в верность сторонников: «Своим молодым людям я советую никогда не говорить *никогда*». Его упрекали за высказывание: «Все люди имеют

свою цену», но на самом деле он сказал: «Все *эти* люди имеют свою цену», имея в виду собственных противников, в отношении которых это было верно. «Он управлял с помощью коррупции, — сказал Маколей, — потому что в его время управлять иначе было невозможно».

6. Уолпол никогда не предлагал нации ни плана, ни программы — лишь «свой здравый смысл, доходивший до гениальности». Все двадцать лет во власти его политическая система была проста: он полагал, что слабое государство должно избегать авантюр, а чтобы укрепить династию, пока не имевшую престижа, его долгом было выиграть время. Так что он пытался поддерживать мир при помощи согласия с Францией, сокращать налоги, избегать союза Англиканской церкви и якобитов и, наконец, отстранить от власти тори. Быть может, эти цели и были лишены величия, но, достигнув их, он дал своей стране несколько лет несравненного процветания. И он же избавил партийную борьбу от былой и столь продолжительной кровожадности. А когда он наконец потеряет власть, то позволит опрокинуть себя «людям, которым ему было легко снять головы». Как раз потому, что он судил о политике скептически, а о роде человеческом смиренно, он и совершил, пока занимался делами, так мало зла, как только было возможно, хотя его недостаток воодушевления и не нравился пылким и юным душам.

7. В международной политике пацифизму Уолпола помогли обстоятельства. По счастью, Утрехтский договор не нанес английскому самолюбию тех ран, которые взывают к напрасному и жестокому реваншу. Время Религиозных войн миновало; время национальных войн еще не пришло. На протяжении двадцати пяти лет из страха перед Испанией, которую недавно возродил странный Альберони, французские министры Дюбуа и Флери домогались союза с Англией. Объединившись, Франция и Англия почти всегда в ходе истории были непобедимы. Они тогда поддерживали относительный мир. Принцип невмешательства на континенте не мог быть безоговорочно применен Уолполом, так как его государи имели в Европе ганноверские интересы, а избиратели — коммерческие интересы в испанских колониях. Но он скажет осмотрительно: «Моя политика состоит в том, чтобы как можно дольше воздерживаться от любых обязательств».

8. Летом 1727 г. Георг I скончался от апоплексического удара. Можно было подумать, что Уолпол впадет в немилость. Принц Уэльский всегда довольно плохо ладил со своим отцом, и поэтому казалось возможным, что, став Георгом II, он пожелает смены министра. Но вскоре придворные с удивлением обнаружили, что сэр Роберт чувствует себя при дворе лучше, чем

Эдвард Уорд. Ажиотаж у здания Компании Южных морей. 1846

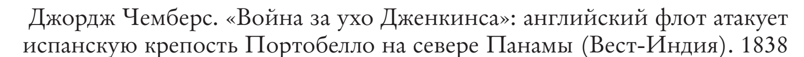
когда-либо. Однако нового короля было не так-то легко очаровать. Скупой, мелочный, методичный до маниакальности, он каждый вечер с часами в руках ожидал высчитанной минуты, чтобы пойти к своей любовнице, потому что хотел явиться к ней ровно в девять. В своей жизни ему случалось проявлять некоторую безотчетную храбрость, но «это был, по словам Уолпола, самый большой политический трус, который когда-либо носил корону». К счастью для министра и для страны, Георг II позволял управлять собой королеве Каролине, «женщине умной, образованной, стоической, а главное, терпеливой». По 7–8 часов в день она неустанно выслушивала словоизвержения бедняги-короля, который разглагольствовал либо о войне, либо о генеалогии. Единственной компенсацией за такую скуку было то, что она правила страной и могла поддерживать своего дорогого сэра Роберта. Благодаря этой поддержке Уолпол и держался. Самой большой грозой для его правительства оказалось чрезвычайное возмущение общественного мнения Законом об акцизном сборе. Речь шла попросту о пошлине внутренней таможни на торговлю табаком и вином. Но страна рассердилась так сильно, «словно Уолпол захотел отменить Великую хартию вольностей». Лондон вопил: «Никакого рабства, никакого акциза, никаких

Годфри Неллер. Портрет Георга II в бытность принцем Уэльским. 1716

деревянных башмаков!» Эти деревянные башмаки стали наваждением английского народа еще со времен сэра Джона Фортескью. Уолпол, который был стократно прав, все же решил, что дело не стоит того, чтобы проливать кровь. «Эта пляска дальше не зайдет», — сказал он. Правление вигов называли «олигархией, ограниченной бунтом». На самом деле хватило и угрозы бунта. В тот вечер, когда Уолпол уступил, Лондон устроил иллюминацию. Но министр удержал власть.

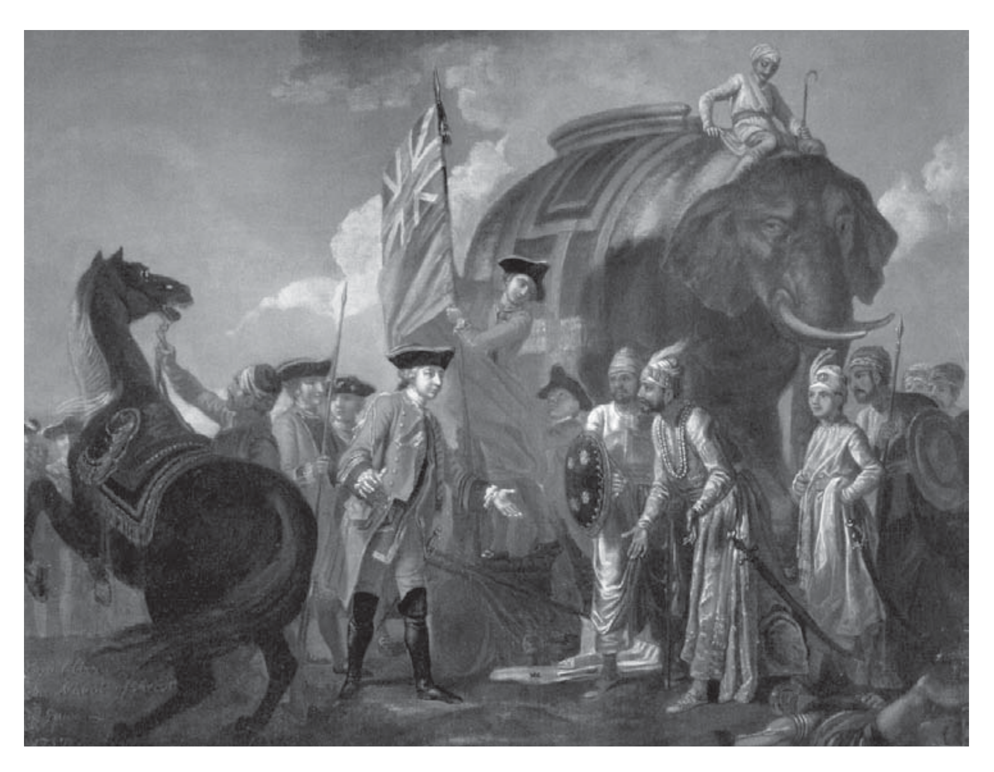
9. После двадцати лет отсрочки Великого Миролюбца все-таки втянули в войну. Меркантильный шовинизм все рос и ширился. Под прикрытием договора, который дал Англии право завозить рабов в испанские колонии и отправлять туда один корабль в год, была организована настоящая контрабанда. За единственным кораблем следовала целая флотилия, которая на каждой остановке под предлогом пополнения запасов продовольствия и воды набивала его новым товаром. Взбешенная береговая охрана испанцев обыскивала все английские корабли. Оппозиция воспользовалась этими «жестокостями», чтобы накинуться на Уолпола, упрекая его за бездействие, а еще за то, что называла его «яростью переговоров». Некий капитан Дженкинс выступил свидетелем в палате общин и рассказал, как его бриг «Ребекка» был досмотрен испанцами, как они отрезали ему ухо и как он «препоручил свою душу Богу, а свое дело стране». Чтобы уладить это дело, Уолпол заключил с испанцами справедливое соглашение. Но против него выступил молодой парламентарий Уильям Питт и изобличил как «позорное». Истина же заключалась в том, что противники министра просто желали войны с Испанией, не без задней мысли отнять у нее колонии. «Это будет ваша война, — сказал Питту Уолпол, когда ему пришлось смириться с этим в 1739 г., — и я вам желаю получить от нее как можно больше удовольствия».

10. Эта «война за ухо Дженкинса» оказалась, как и предвидел Уолпол, отнюдь не легкой. Но оппозиция, которая потребовала ее, теперь отказывала правительству в средствах для победы. «Сэр Роберт хочет иметь армию, но не хочет войны и не может получить мир». Министр, больной мочекаменной болезнью, измученный и побежденный в палате общин благодаря поддержке, которую оказали его противникам депутаты Шотландии и Корнуолла, наконец подал в отставку и перешел в палату лордов под именем графа Орфорда. Его уход вызвал любопытный демарш против самой должности премьер-министра. Пэры в количестве тридцати одного сформулировали протест, в котором говорилось, что этот пост не предусмотрен английскими законами и несовместим с конституцией страны. Позже Питту пришлось признать свою несправедливость по отношению к Уолполу и восхвалять этого мудрого и превосходного министра. Но «мудрый и превосходный министр» уже завершил свой труд. Благодаря долгому миру он укоренил положение династии и обогатил страну. Само это богатство привлекало новых людей. Англия, алчущая завоеваний, зарилась на империю. Она желала уже не мира, не здравого смысла, ни даже счастья, но новостей о победах, списка взятых городов, триумфов и авантюр. Время Уолпола ушло.


Джордж Чемберс. «Война за ухо Дженкинса»: английский флот атакует испанскую крепость Портобелло на севере Панамы (Вест-Индия). 1838

11. Вместе с Уолполом исчезли также две его излюбленные идеи: однородный кабинет министров и союз с Францией. Министры-виги, сменившие Уолпола (Картерет, Пелхемы), взяли в свой кабинет нескольких тори, чтобы покончить «с этим злополучным делением на партии». Что значило вновь открыть прения (которые не закончились и через 200 лет) между тоталитарными и парламентскими государствами. Картерет, очень талантливый человек, быстро пал как раз из-за недостатка заурядности. Презирая коррупцию, которую практиковал Уолпол, он всячески демонстрировал, что его интересует только большая политика и что он не будет тратить свое время на то, чтобы заниматься местами и льготами. И все, кто как раз и жаждал мест и льгот, «стали обращаться к людям, у которых было больше досуга». Вопреки правилам Уолпола, Картерет ввязался-таки в континентальные дела. Император Карл VI оставил в наследство своей дочери Марии-Терезии посредством «Прагматической санкции» все свои государства (Центральная Европа, Бельгия, Италия). Такое наследство неизбежно должно было пробудить вожделения. И вот после смерти Карла Фридрих II Прусский потребовал себе Силезию. Какими были его права? «Постоянно свежие войска, весьма наполненная казна и алчная душа». Англия, невольно связанная с ганноверскими интересами своей династии, приняла сторону Австрии против Пруссии; Франция, антиавстрийская по традиции, тоже ввязалась в эту свару. И вскоре, как в поединках былых времен, «секунданты» в конце концов тоже в нее втянулись и были вынуждены драться. В мае 1744 г. между Францией и Англией была объявлена война; в июне Молодой претендент Карл Эдуард, внук Якова II, прибыв из Франции, высадился в Шотландии.

12. Там он опять обнаружил удивительную преданность горцев-хайлендеров своему роду; опять стало очевидно, что шотландцы — лучшие солдаты острова. С 6 тыс. человек Карл Эдуард смог проникнуть в Англию и дойти до Дерби. Если бы поход подкрепило английское восстание, он мог бы вернуть на престол династию Стюартов в своем лице, что стало бы отправной точкой для большой смуты. Но события показали поразительное безразличие английских масс к этому династическому спору. Нескольких тысяч горцев-хайлендеров хватило, чтобы вторгнуться в Англию; маленькой армии, призванной с континента, хватило, чтобы спасти Лондон и чтобы Карл Эдуард отступил. Война во Фландрии обернулась в пользу французов. Избавленный благодаря победе Фридриха Прусского от австрийской угрозы, маршал Мориц Саксонский одержал с помощью своих артиллеристов блестящую победу над Англией при Фонтенуа (1745). Если бы англичане не были хозяевами морей, если бы их корсары не подорвали французскую торговлю и если бы протестанты не изгнали Карла Эдуарда, Людовик XV мог бы питать большие надежды. Но в апреле 1746 г. Карл



Фрэнсис Хейман. Встреча лорда Клайва с индийским правителем Мир Джафаром после победы англичан в битве при деревне Плесси (Западная Бенгалия). Около 1762

Эдуард, разбитый при Каллодене, бежал во Францию, а хайлендеры были наконец приведены к покорности — не без жестокостей. Но вскоре полкам, набранным в Хайленде (*Black Watch-Gordon Highlanders*), предстояло стать одними из храбрейших и вернейших полков королевства.

13. С 1740 по 1748 г. Англия и Франция вели друг с другом войну не только в Европе, но также в Канаде и Индии. Французы, хозяева Канады, желали занять долины Огайо и Миссисипи, что отрезало бы от внутренних районов страны колонии побережья. В Индии две соперничавшие компании содержали маленькие армии, которые поставляли на службу туземным князьям всякий раз, когда замечали некоторый шанс увеличить свою территорию. Там столкнулись два выдающихся человека, француз Дюплекс и англичанин Клайв. Сначала верх одерживал Дюплекс, овладевший английским городом Мадрасом. Но ему пришлось вернуть его по Аахенскому договору (1748). Однако мир не помешал двум соперничавшим компаниям и дальше продолжать борьбу, прикрываясь поддержкой местных царьков. Клайв, несмотря на свою крайнюю молодость и малое количество солдат,

одержал над войсками туземных князей блестящие победы. Благодаря своей защите Аркота (1751) и, позднее, битве при Плесси (1757), он смог основать в Индии английскую империю. Его личное состояние и территория Ост-Индской компании необычайно возросли. Англичане обнаружили в Индии сокровища, сравнимые с теми, что испанцы некогда добыли в Южной Америке. Индийские государи, желая приобрести милость победителей, не жалели для них золота и драгоценных каменьев. Отныне состояния, сделанные в Индии, стали играть в английских выборах заметную роль.

14. Аахенский мир (1748) никого не удовлетворил. Как уже неоднократно случалось, всякий раз, как заканчивалась одна война между Францией и Англией, каждой из двух стран приходилось возвращать свои завоевания, потому что другая удерживала ценные залоги. Чтобы добиться ухода французских войск из Фландрии, английскому правительству пришлось оставить остров Кап-Бретон, господствовавший над Канадой. Франко-английские конфликты в Индии и в Канаде по-прежнему не были урегулированы. Ни одна из крупных европейских стран не соглашалась с прежней картой мира. Все старые системы союзов умирали. Франция и Австрия задавались вопросом: а так ли уж оправдана их традиционная вражда реальным столкновением интересов, или же, напротив, общей и грозной опасностью для них обеих становятся успехи Пруссии? Франция и Англия начинали понимать, что они не достигнут прочного мира, пока между ними не улажен вопрос морского господства и заморских колоний.

IV. Состояние нравов (1700–1750)

1. Никогда еще Англия не пользовалась в Европе бóльшим авторитетом. Успех ее войск, благоразумие ее революции внушили другим народам уважительное желание изучить ее идеи и общественные установления. Философу вигов Джону Локку предстояло стать учителем всех европейских философов. Его целью было противопоставить божественному праву Стюартов то, что называлось естественным правом. В противоположность Гоббсу, считавшему человека в естественном состоянии опасным зверем и выводившему из злобности этой породы необходимость сильного государства — Левиафана, Локк учил, что человек в естественном состоянии — существо рассудительное и уважает нравственные законы. Для Гоббса договор, объединяющий монарха и подданных, внушен им их собственной слабостью; в глазах Локка этот договор свободно заключен свободными существами, которые имеют право навязывать свои условия. Теолог мог бы сказать, что Гоббс верит в первородный грех, а Локк отвергает эту догму. Из официального

оптимизма Локка выйдут «Об общественном договоре» Руссо, Декларация прав человека и гражданина и американская Декларация независимости. Рационалистический, антиисторический дух XVIII в. обязан в своей основной части эссе и трактатам Джона Локка.

2. Можно задаться вопросом: почему буржуа и английские крестьяне, которых модный философ поучал, что они родились свободными, так легко приняли власть земельной аристократии, которая даже не обладала, подобно феодальным рыцарям, военной силой? В первую очередь потому, что англичанин придает большее значение конкретной реальности, нежели абстрактным правам. Локк оказал гораздо более глубокое влияние на Францию, чем на Англию, потому что во Франции идеи приобретают больше доверия и больше власти. А также потому, что англичане времен Локка не имели серьезных поводов для недовольства. Они успели заметить, что их местные органы власти, несмотря не неизбежные несправедливости, были вполне эффективны и терпимы. Мировой судья, почти всегда *сквайр* из местного имения, придавал гибкость законам, которые принимал парламент; он был вынужден так поступать, ибо как бы он мог применять их без согласия приходов, если его единственной полицией были деревенские *констебли*? Именно его слабость казалась порукой его относительной справедливости. Конечно, уголовные законы отличались архаической суровостью, напрасной и жестокой. К бродягам и браконьерам относились как к опасным преступникам. Но землевладельцы, проживавшие на своих землях, уважали честного фермера. Сведущий в сельском хозяйстве английский сквайр работал в собственных владениях среди своих волопасов и прочих пастухов. Довольно живой интерес пробуждал спорт, как у человека из народа, так и у лорда. «Герцог играл в крикет со своим садовником». Личные отношения заменяли отношения административные. Англия в XVIII в. уже не только «аристократия, смягченная бунтом», это также олигархия, смягченная фамильярностью.

3. Коммерсанты и буржуа, которых так часто унижают на континенте, в Англии сохраняют всю свою гордость. Дворяне и простолюдины занимались одними и теми же делами; между их семьями завязывались браки. Мы уже упоминали об этой революции, самой трудной из всех и которая в Англии растянулась на несколько веков. «Но еще остался ее живой свидетель — язык, — пишет Токвиль. — За многие века слово *gentilhomme (дворянин)* полностью изменило свой смысл в Англии, а слово *простолюдин* там более не существует. Уже тогда невозможно было буквально перевести на английский язык этот стих из „Тартюфа", когда Мольер написал его в 1664 г.:

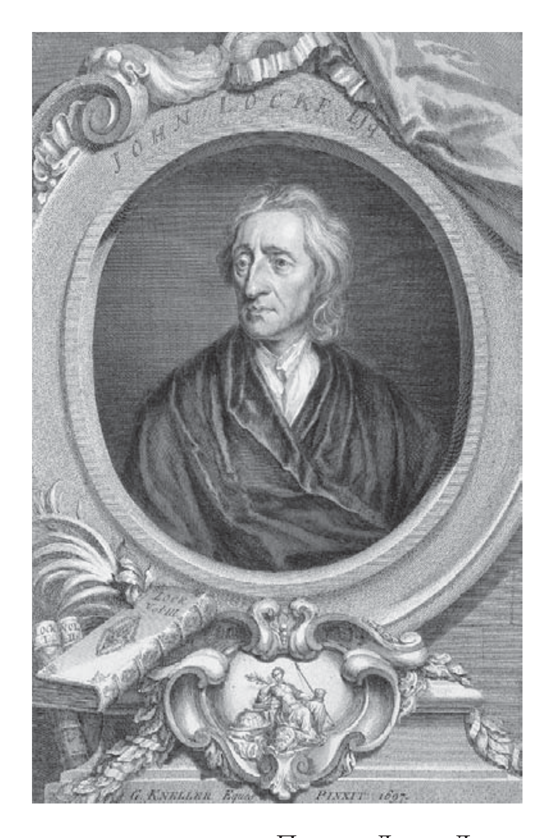
> Каков бы ни был он, он истый дворянин
> (Et, tel que l'on le voit, il est bon gentilhomme).

Михаэль Ван-дер-Гюхт.
Портрет Даниеля Дефо. Гравюра. 1706

Если угодно найти другое применение науки о языках в науке исторической, то проследите сквозь время и пространство судьбу слова *gentleman*, которому наше *gentilhomme* было отцом. Вы увидите, как его значение в Англии расширялось по мере того, как сословия сближались и смешивались. В каждом веке его применяют к людям, стоящим на чуть более низкой социальной ступени. [...] Во Франции же слово *gentilhomme* всегда оставалось тесно зажатым в своем первоначальном значении... То есть сохранили нетронутым слово, служившее для обозначения членов касты, потому что сохранили саму касту, которая всегда была столь оторванной от других».

4. Сквайр в кафтане с серебряными пуговицами, с его париком, с его личной скамьей, на которой он спит в церкви, с его охотничьей командой — все это в глазах самих крестьян составляет необходимую часть окружающей их обстановки да и самой жизни. Только после индустриальной революции, пересадившей массы на другую почву, они перестанут считать парламент *сквайров* естественным явлением. В начале века они удовлетворятся тем, что будут находить между обитателем имения и обитателями коттеджей некоторое сходство нравов. Этот сквайр — крестьянин; он ругается, как крестьяне, при надобности пьет вместе с ними, в дни выборов они сперва поносят и поливают грязью его сына, а потом единодушно избирают. «Выборная борьба — это национальный вид спорта, такой же популярный, как скачки, и даже еще больше». Деревенский люд в то время не слишком несчастен. Он хорошо питается, ведет жизнь, которую вели его предки, и другой не знает; его вселенной остается деревня. Даже в городах многие купцы и ремесленники еще относятся к ученикам и подмастерьям как к членам семьи. «Простой народ, — пишет швейцарский путешественник, — вовсе не нуждается в Англии в особом описании; в большинстве случаев он сливается со всей нацией. У него почти такие же удовольствия, что и у знати, купцов и духовенства, те

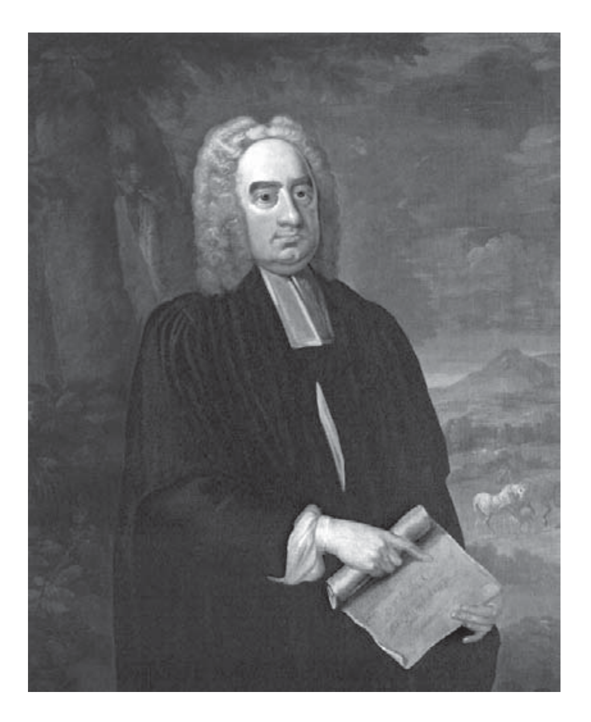
же добродетели и те же пороки». Но во второй половине века это равновесие будет нарушено из-за развития машинного производства и миграции населения в города.



Портрет Джона Локка.
Гравюра Джорджа Вертью по живописному оригиналу Годфри Неллера. 1738

5. Стабильности социальных форм в XVIII в. соответствует и стабильность литературных форм. В то время классицизм — это настоящая церковь, святые отцы которой — Гораций и Буало. Выдающийся поэт того времени Поуп сочиняет свой собственный «Налой»[1], который у него называется «Дунсиада», а также послания в стихах и сатиры — тоже традиционные формы, а впрочем, восхитительные. Чувствуется, что он буквально одержим Буало. Более оригинальные, а стало быть, и более английские Свифт и Дефо подарили нам свои «Путешествия Гулливера» и «Робинзона Крузо» — два наиболее совершенных прозаических повествования, порожденных литературой всех времен. Стил в «Татлере» и Аддисон в «Спектейторе» придают английскому очерку формы, которые он надолго сохранит. Искусство не менее классицистично, чем литература. Изящество, простота линий — это характерные черты фарфора и фаянса веджвуд (Wedgwood), мебели чиппендейл и шератон, домов в силе «Адам». Выдающиеся английские живописцы — Гейнсборо, Ромни, Рейнолдс продолжают в аристократических семействах (таких как Спенсеры) традиции портретных галерей, начатые Гольбейном и Ван Дейком. Гендель, приехавший в 1710 г. из Ганновера, где был капельмейстером, становится в Англии сочинителем библейских ораторий, потому что этот тип произведений был тогда в моде, и в 1742 г. исполнил в Дублине «Мессию». В предыдущем, 1741 г. в шекспировском «Ричарде III» дебютировал Гаррик; афиша описывала его, не называя: «Джентльмен, который еще не появлялся ни на одной сцене». Этот великий актер был также выдающимся («первым в мире», — уточнит доктор

[1] *«Налой»* — героико-комическая поэма Буало.



Фрэнсис Биндон. Портрет Джонатана Свифта. До 1770

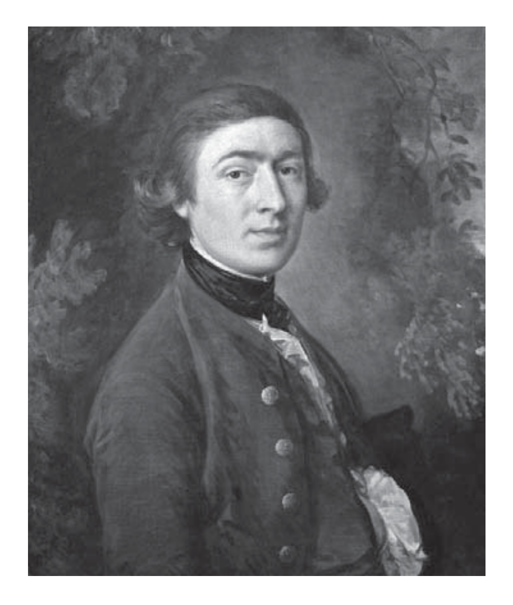
Сэмюэл Джонсон) мастером блестящей беседы. В том настоящем «новом веке Августа» художники, музыканты, актеры, писатели, политические деятели образовали настоящее «общество», которое каждый день собирается в кофейнях, *Coffe Houses*, в «шоколадницах» и в клубах. Тогда же рождаются и самые известные из них: «Кит-Кат», «Бифстек-клуб», «Октобер-клуб». Аддисон описал их с очаровательной чопорностью в номере 9 своего «Спектейтора».

6. Для формирования искусства беседы кофейни и клубы сыграли в Англии ту же роль, которая во Франции была отведена салонам, но их вкус более суров. Если у эпохи имеется грань Гейнсборо — Рейнолдса, у нее имеется и другая — грань Хогарта. «Самые обычные развлечения англичан, — пишет наш швейцарский путешественник, — или, по крайней мере, жителей Лондона — это вино, женщины, игра в кости, одним словом, всякие излишества. Они не ищут утонченности, по крайней мере в отношении вин и женщин, поскольку любят соединять их вместе, а также не слишком разборчивы в этих удовольствиях; можно подумать, что они пьют только для того, чтобы пить. Они хотят, чтобы их куртизанки пили вместе с ними, но злятся, когда оказывается, что те от них не отстают». Со времени Метуэнова договора[1] богатые классы злоупотребляют портвейном. Болингброк, Картерет, Уолпол большие любители выпить; государственных деятелей тогда именно так и классифицируют: *человек одной, двух, трех бутылок*. Министр без всякого стыда предстает перед королевой под хмельком, сквайр напивается на глазах собственной дочери. Народ пьет джин; в 1714 г. его производят 2 млн галлонов, в 1735-м — уже 5 млн.

[1] Договор (*Methuen Treatry*), заключенный в 1703 г. между Англией и Португалией и подписанный с английской стороны лордом Метуэном; согласно ему Англия беспошлинно ввозила в Португалию шерстяные изделия, а Португалия в Англию свои вина на льготных условиях.

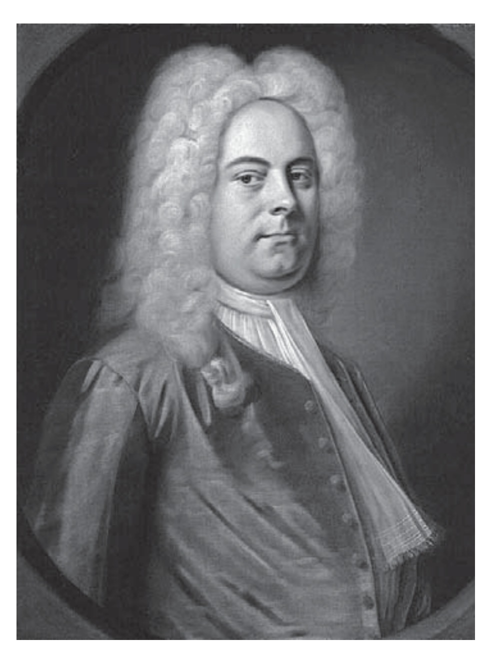
Уильям Хогарт. Полдень. Из серии «Четыре времени суток». Гравюра. 1738

7. Вместе с пьянством распространяется и насилие, тем более опасное, что полиции нет, а армия после Утрехтского договора сокращена до 8 тыс. человек на всю Великобританию. На улицах Лондона прохожих терроризировала ватага молодых хулиганов знатного происхождения, прозванных Мохауками (*Mohocks*) за свою дикарскую жестокость. На дорогах, напоминавших тогда настоящие трясины, пассажиров грабили конные разбойники.



Томас Гейнсборо. Автопортрет. 1758–1759

Бальтазар Деннер. Портрет Георга Генделя. 1726–1728



Около 1725 г. в Лондоне только и разговоров было, что о Джеке Шепарде, своего рода Аль-Капоне XVIII в. Этот грабитель был популярен; он нападал только на богачей — забирал у них деньги, но при этом вел себя как джентльмен, а потом щедро тратил. Когда он в последний раз прошел по улицам Лондона, направляясь из Ньюгейтской тюрьмы на Тайбернскую виселицу, это было словно триумфальное шествие. Поэту Джону Гею пришла в голову идея написать о жизни этого бандита пародирующую итальянские оперы комическую пастораль, действие которой происходило бы в Ньюгейтской тюрьме — удивительном месте, где к ворам, лишь бы у тех были деньги, тюремщики относились как к вельможам. Произведение Джона Гея «Опера нищих» *(Beggar's Opera)* произвело в городе настоящий фурор. Живая, остроумная, грубоватая и циничная, «Трехгрошовая опера» (так ее окрестили по-французски) стала, подобно «Женитьбе Фигаро», одним из тех произведений, которые прославились благодаря своей эстетической и одновременно исторической значимости. Она изображает лишенное морали общество, которое не только не властно над своими бандитами, но даже восхищается ими из-за пережитков собственного варварства.

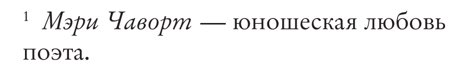
8. Другим большим пороком того времени была игра. Во всех клубах играли, как и в женском обществе. За одну ночь одна женщина могла проиграть все свои драгоценности и собственность. Входит в моду вист, до этого преимущественно игра священников. Его даже преподавали, урок обходился в гинею. Те, кто не играл в карты, занимались спекуляциями. Жажда

наживы была такова, что для мошенников всегда находились жертвы. Сомнительные финансисты создавали компании с самыми нелепыми целями. Один из них дошел до того, что требовал по две гинеи с носа за некую операцию, секрет которой он мог раскрыть только после подписки на нее. За один только день прохвост собрал двести гиней, с которыми и бежал. Именно такая атмосфера и сделала возможной аферу Компании Южных морей.

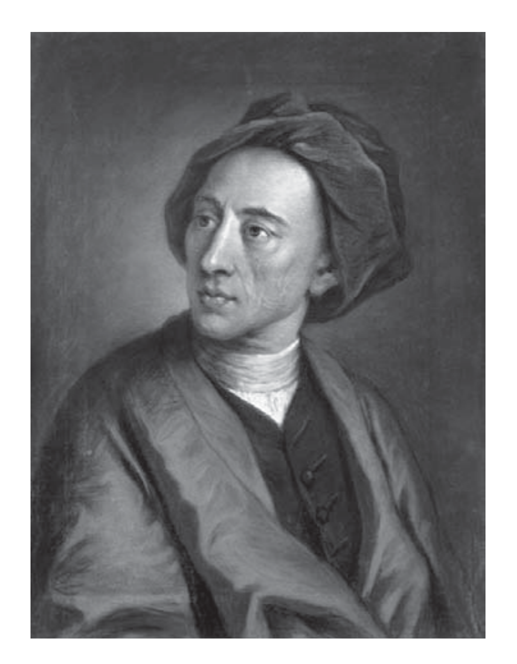
Джошуа Рейнолдс. Фрагмент автопортрета. Около 1748

9. Выпивка, игра и галантные приключения становились причинами стычек, которые часто заканчивались дуэлями. Дрались повсюду, в танцевальных залах, в *Coffee Houses* и даже в кулуарах театров. Привычка убивать человека за слово не исчезла полностью до конца века. В 1755 г. Дурной Лорд Байрон, дед поэта, убил в самом безумном из поединков двоюродного деда Мэри Чаворт[1]. Однако с 1730 г. на дуэлях дрались все реже, и все это благодаря человеку, который оказал на английские нравы прелюбопытное влияние: это был Ричард Нэш, более известный как Красавчик Нэш. В 1705 г. он был назначен церемониймейстером Бата, а этот город на водах еще во времена римлян приобрел широкую популярность. Однако купальщики в нем сильно скучали. И Нэш решил его разбудить. Наделив сам себя безграничной властью, он предписал курортникам самые строгие и самые благоразумные правила. Это он первым приучил англичан из разных классов общаться друг с другом во время

Джордж Ромни. Автопортрет. 1734



[1] *Мэри Чаворт* — юношеская любовь поэта.



Уильям Хоар. Портрет поэта Александра Поупа. 1739

купального сезона, а также запретил в Бате ношение шпаги. Этот обычай, тогда присущий только Бату, вскоре стал повсеместным, что, по крайней мере, устраняло стихийные дуэли. Нэш также предписал мужчинам носить шелковые чулки и открытые туфли. «Он был первым, — пишет Оливер Голдсмит, — кто придал некоторую непринужденность манерам, — и это у народа, который чужестранцы привыкли хулить за его скованность и робость... Приобретенную в Бате непринужденность *джентри* донесли до Лондона, и так благодаря урокам Красавчика Нэша все королевство мало-помалу стало более утонченным». Можно сколько угодно насмехаться над церемониймейстером, над его белой шляпой и каретой, запряженной шестеркой лошадей, но, «притом что церемонность весьма отличается от учтивости, нация никогда не становится учтивой, не побывав сначала церемонной». В этих купальнях Бата, где мужчины и женщины, перед которыми на деревянном подносике, колыхавшемся на воде, лежали их платок, букет или табакерка, скрашивали скуку купального сезона флиртом, и грубость комедий Уичерли сменилась остроумным и фривольным тоном персонажей Шеридана.

10. Во всей Европе у людей первой половины XVIII в. было много общих черт. Легкомыслие, чувственность, скептицизм — все характерные признаки слишком благополучных обществ обнаруживаются как в Лондоне, так и в Париже. Монтескье отмечает в 1729 г.: «В Англии нет никакой религии. Один человек сказал в палате общин: „Я считаю это чем-то вроде догмата веры“ и все засмеялись». Дэвид Хьюм, модный в обеих столицах философ, типичен для этого века как раз «своей ненавистью к воодушевлению и к тому, что его отвращает более всего, — к религиозному воодушевлению. Почему религиозные представления становятся причиной антагонизма, ему так же непонятно, как если бы путники отказались встречаться друг с другом на большой дороге». Его современник Вольтер вынужден признать в конце своей жизни, что человек не может жить без воодушевления, иначе ему приходится беспрестанно переходить «от конвульсий беспокойства к летаргии скуки». В Англии, как и во Франции,

Уильям Хогарт. Сцена в игорном доме. Из серии «Карьера мота». Гравюра. 1735

скука и потребность в эмоциях после полувека скептицизма и эгоизма приведут к сентиментальной революции. В действительности сам скептицизм часто притворялся новым мистицизмом. «Это химера, — писал Бернард Фэй, — воображать себе, будто XVIII веком руководит неумолимая логика, владычица сердец и воображения; как и все другие эпохи, этот век был захвачен грезами и страстями, которые сформировали умы и навязали ему дисциплину». Подобно тому как доктрина Локка, по видимости совершенно логичная и разумная, позволила вигам рационализировать свои бурные политические страсти, так и стремительно развивавшееся тогда во всей Англии франкмасонство после основания Великой лондонской ложи (1715) предлагает духовное убежище деистам, которые сохраняют потребность в ритуале и мистицизме. Но английское франкмасонство остается аристократическим и буржуазным; сентиментальные же потребности народа лучше удовлетворят проповеди Джона Уэсли, как мы увидим в свое время.

V. Время Питта

1. «Дурацкий, как мир», — говорили во Франции после Аахенского договора, и в самом деле, этот мир ничего не уладил. Война в колониях продолжалась. А как правительства могли помешать этому? В плохую погоду требовалось 2 месяца, чтобы добраться до Нью-Йорка, и 6 — до Калькутты. Приказы из Лондона или Парижа прибывали, когда сражения были уже выиграны или проиграны. Французские губернаторы в Америке старались соединить Луизиану с Канадой, бассейн Миссисипи с бассейном реки Святого Лаврентия за спиной британских колоний, которые таким образом оказались бы отрезанными от внутренних областей и зажатыми между Аллеганскими горами и морем. Прямо посреди мира завязалась борьба в долине Огайо, откуда французы прогнали английских колонистов и построили Фор-Дюкен (Fort-Duquesne).

2. Несмотря на эти победы, положение французов в Канаде было отнюдь не надежным. Английские колонии со времен Карла II, который приобрел обе Каролины и штат Нью-Йорк (этот последний был уступлен Голландией по Бредскому договору), образовали вдоль побережья однородный и весьма населенный массив. Там проживало примерно 1 млн 200 тыс. жителей, тогда как количество французских колонистов в Канаде не превосходило 60 тыс. Англия, страна могущественных купцов, страстно держалась за свои колонии и вполне могла ради их сохранения пойти на жертвы, к которым Франция была не готова. Зато англосаксы в Америке были разобщены сильнее, чем французы. Штаты, населенные диссидентами с непростым характером, были не слишком верны существовавшему в Англии режиму и завидовали друг другу. Казалось, они были не способны объединиться ради общего дела, тогда как во французских колониях, хорошо управлявшихся верными солдатами короля, вполне могли не только задумать большие планы, но и осуществить их.

3. Не только колониальные войска обеих стран сражались в нарушение договоров, но и во всех уголках земного шара английские эскадры обыскивали и атаковали французские корабли. Два хороших министра военно-морского ведомства Франции, Руйе и Машо, восстановили ее флот; обеспокоенное английское Адмиралтейство без объявления войны устроило охоту на французские суда. Людовик XV, мирный государь, удовлетворялся посылкой нот — метод, который за семь тысяч лет, что существует человечество и люди алчут добра ближнего, всегда привлекал и поощрял агрессоров. На самом деле с воцарением Вильгельма III вновь началась Столетняя война. А целью была уже не Анжуйская, не англо-французская империя, но мировое господство. И принадлежать оно должно было тому из двух

соперников, кто достигнет владычества на море. Однако, чтобы посвятить все силы воссозданию своего военно-морского флота, Франция нуждалась в мире на континенте; Англии же, наоборот, было довольно, следуя традиции, найти солдата, который сражался бы на континенте вместо нее. Опыт неоднократно доказывал, что ее морские и колониальные победы были напрасны, если Франция могла занять Фландрию, поскольку тогда приходилось во время переговоров возвращать колонии, чтобы добиться вывода французских войск из Антверпена. В общем, оставалось выбрать солдата. До 1748 г. Англия щедро осыпала своими субсидиями Австрию. Фридрих II требовал меньше денег, чем Мария Терезия, и был лучшим стратегом. Англия снова разорвала свои союзы. В то же время, и отчасти из-за этого изменения, Франция разорвала свои. Традиционное соперничество Бурбонов и Габсбургов превратилось в союз, к большому беспокойству французских масс. «Разрыв между монархией и нацией датируется во Франции Австрийским союзом». Этот крутой поворот ничего не изменил в принципах британской политики: собирать континентальную коалицию, снабжать ее деньгами, войсками и переносить войну в колонии. Но во время этой борьбы с Францией появится некий английский государственный деятель, который будет видеть в европейской войне лишь отвлекающий маневр, а все главные силы страны посвятит войне колониальной.

4. Уильям Питт родился в 1708 г. Его дед, губернатор Мадраса, с помощью добытого в Индии состояния приобретал так называемые гнилые местечки, в том числе и знаменитый Олд-Сарум, округ без избирателей. В 1735 г. его внук, кавалерийский корнет, вошел в палату общин как депутат от Олд-Сарума и очень скоро удивил членов парламента своим театральным красноречием, ироническим и страстным. Блеск в глазах этого молодого человека и его крупный угрожающий нос пугали оппонентов. Они могли ненавидеть краснобайство Питта, но были вынуждены признать его авторитет. «Надо укротить этого ужасного корнета», — сказал Уолпол. Но обычные методы Уолпола на неподкупного Уильяма Питта не действовали. В этом уме одна-единственная задача подчиняла себе все остальное: создание Англией заокеанской империи. Ганновер, Пруссия, Австрия — по существу, все эти континентальные игры в глазах Питта были не слишком важны. Он считал эти страны всего лишь полезными пешками, цель которых — спасти большие фигуры: Индию и Америку. Ничего более. И один факт казался ему особенно неприемлемым: захват Испанией всей южноамериканской торговли. Пока Испания допускала английскую контрабанду, зло казалось терпимым. Но как только она захотела применить договоры по всей их строгости, английские купцы возмутились, и мягкотелость Уолпола повлекла за собой его падение. Питт выступил против него. «Когда речь

Генри Пелхем, премьер-министр Англии. Гравюра. 1830

идет о коммерции, — сказал он своим соотечественникам, — это ваша последняя линия обороны, ваш последний редут, вы должны защищать его или погибнуть». Этот язык нравился Сити. Уолпол, опрокинутый Питтом, сразу же посоветовал своим преемникам, Генри Пелхему и его брату герцогу Ньюкаслу, дать место этому молодому человеку в своих комбинациях. «Все, — сказал он им, — считают Питта потрясающе способным. Испытайте его и покажите, каков он есть на самом деле». Тогда-то Питт и получил свой первый значительный пост главного армейского казначея. Его честность удивила. До этого казначеи, через руки которых круглый год проходили значительные суммы, присваивали себе проценты. Питт направил эти проценты государству. Он отказался также от комиссионных, которые его предшественники получали на займах. В течение нескольких лет можно было подумать, что он так и останется на этой второстепенной должности. Король Георг II его ненавидел, потому что этот молодой министр, враждебный всем континентальным обязательствам, противился любым его попыткам проводить ганноверскую политику, впрочем приступы острой подагры удерживали того в Бате, а боли мешали ходить. Приход Питта к власти стал возможным и необходимым только из-за больших английских невзгод.

5. Пелхем, как и Уолпол, желал мира. Его брат, министр иностранных дел герцог Ньюкасл, краса и гордость парламентских коррупционеров и наихудший из географов (он был так удивлен, вдруг обнаружив, что Кап-Бретон — остров, что тотчас же побежал сообщить об этом королю), отправил несколько бочек пива вкупе со своими комплиментами г-же де Помпадур. Но пиратство английских моряков противоречило любезностям министра. Договор с Францией потребовал бы репараций и извинений, а нация этого никогда бы не позволила. Питт описывал ужасы французского вторжения в Лондон, проклиная безволие правительства. «Это не правительство, — гремел он. — Они перекладывают ответственность друг на друга. Один говорит: „Я не генерал“. Казначейство бормочет: „Я не адмирал“.

Адмиралтейство отвечает: „Я не министр“. Один, два, три, четыре, пять лордов объединяются и не могут договориться. „О! — говорят они. — Ладно, тогда увидимся в субботу“. — „Нет, — возражает один из них, — в этот день я быть в городе не смогу“. Без общей доктрины из соединения этих разделенных властей не выходит ничего».

Неизвестный художник.
Портрет Уильяма Питта-старшего,
1-го графа Чатема. 1754

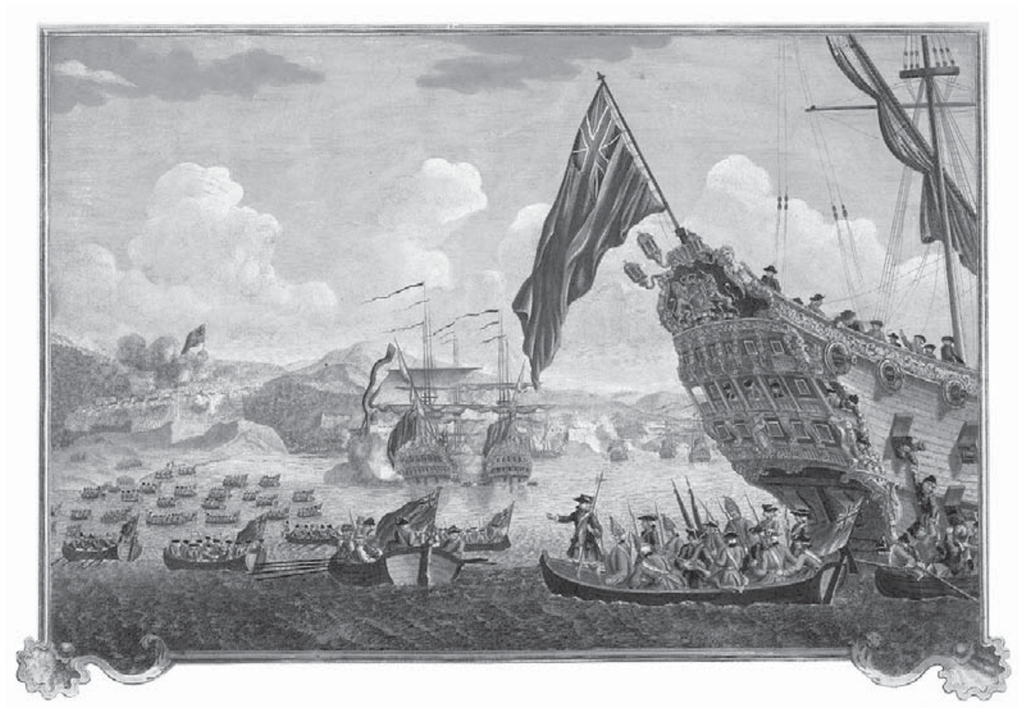
6. Так насмехался Питт, и действительно, в мае 1756 г., когда была объявлена война, она плохо началась для Англии. Минорка, военно-морская база на Средиземном море, была захвачена маршалом Ришелье. Адмирал Бинг, назначенный козлом отпущения, чуть позже был расстрелян за то, что не сделал всего, что было в человеческих силах, чтобы спасти остров. В Индии пала Калькутта. В Европе Франция, Австрия, Россия и Швеция объединились против Пруссии и вынудили англо-ганноверцев к капитуляции в Клостер-Цевене. В Америке индейцы объединились с французами. И во всех этих катастрофах Питт обвинял вигов. Наверняка Ньюкасл умел покупать «гнилые местечки», но французов можно было победить отнюдь не с помощью коррупции. Народ требовал Питта, и тот был готов взять власть. «Я знаю, — говорил он, — что могу спасти эту страну и что никто другой этого не может». И еще: «Когда мы видим ребенка, направляющего к пропасти тележку, в которой сидит старый король и его семья, мы имеем право взять вожжи в свои руки». В течение нескольких недель ребенок еще оспаривал у спасителя вожжи. Наконец руки у Питта были развязаны.

7. Каждая нация во время кризиса призывает национальный миф и традиционный образ спасителя. Клемансо в 1918 г. успокоил французов, потому что действовал и говорил как великие якобинцы. Уильям Питт остается образцом такого государственного деятеля, чьего руководства Англия жаждет во время войны. Напрячь моральный дух нации, использовать без счету людей и деньги ради достижения цели, пресечь, пока длится внешняя борьба, соперничество партий — таков был его метод. Что касается цели, то это было укрепление и рост могущества империи посредством

господства на море. В течение четырех лет Питт мог вести свою войну как деспот, потому что общественное мнение было с ним, «но никто никогда не покидал его, не почувствовав себя более храбрым». Его приказы всегда были ясными, выбор превосходным, воля несгибаемой. Он не поколебался растратить ради победы все английские богатства. «Мы должны собрать кучи и кучи миллионов». В 1758 г. он поставил на голосование сумму в 10 млн фунтов, в 1759-м — 12 млн, в 1760-м — 15 млн. Он оживлял и палату общин, и «солдат, что тащили пушки по холмам Квебека, и моряков, рисковавших своими кораблями на скалах Бретани. Он словно заражал всех своей неудержимостью и волей победить».

8. Питт решил одновременно блокировать французские порты, разрушить колониальную империю Франции и спасти Пруссию. Несмотря на героизм Монкальма, Вулф взял Квебек, и, несмотря на мужественное сопротивление Лалли-Толендаля, Клайв одержал победу в Индии. Фор-Дюкен, взятый полками хайлендеров и американских колонистов, получил имя Питта и стал колыбелью Питсбурга. На континенте Питт поддержал Пруссию, и Фридрих исправил победой при Россбахе поражение англо-ганноверцев. В 1759 г. Гораций Уолпол мог написать, что теперь надо каждое утро спрашивать за завтраком о вчерашних победах. Французскому министру Шуазелю хватило ума признать, что в этой войне главный противник — не на континенте. Заключив с Испанией «Семейный пакт», он стал готовить высадку в Англию, но, как некогда с герцогом Пармским, ему нужно было для этого предприятия господство над Ла-Маншем по меньшей мере на несколько часов; однако французский флот был побежден, и после «дня г-на де Конфлана» сами Бретонские острова были заняты англичанами. Шуазель понял, что ему осталось только договариваться.

9. Если бы Питт остался у власти, он навязал бы Франции очень суровый мир. «Никакой новый Утрехтский договор не запятнает нашу историю», — говорил он. Но в 1760 г. Георг II умер. Поскольку принц Уэльский Фредерик умер еще в 1751-м, усопшего короля сменил на троне его внук, молодой человек двадцати двух лет, ставший Георгом III. И он был враждебен к внешним авантюрам, потому что хотел проводить новую внутреннюю политику и восстановить личную власть короля. Он с самого своего восшествия на престол желал окончания войны и плохо переносил всемогущество Питта. А тот был готов в 1761 г. объявить войну Испании, которая только что заключила с Францией договор о взаимопомощи, и говорил, что надо покончить с домом Бурбонов, что Испания — беззащитный противник, поскольку все ее ресурсы доставлялись из колоний, от которых она будет отрезана английским флотом. «Эта отважная, но необходимая мера научит не только Испанию, но и Европу, что желание диктовать условия



Борьба за колонии в Канаде: высадка английских войск на острове Кейп-Бретон во время осады французской крепости Луисбург в 1745 г. Гравюра. 1747

Великобритании — опасное самомнение». В мире, где не было ничего, что было бы способно потягаться с английским военно-морским флотом в 150 линейных кораблей, Питт чувствовал себя готовым потребовать колониальную монополию. Но совет боялся, король не поддерживал Питта, и страна начинала думать, что если Англия захватит слишком много территорий, то вскоре соберет против себя коалицию на континенте. Коллеги Питта отказались поддержать его новые воинственные планы. Когда же он пригрозил уйти в отставку, один из них ответил, что «они не будут горевать, если джентльмен их покинет, потому что иначе они сами будут вынуждены покинуть его».

10. В октябре Питт подал в отставку. Король заменил его лордом Бьютом, одним из своих фаворитов и, как говорили, бывшим любовником принцессы Уэльской. Парижский мир, подписанный в 1763 г., отдавал Англии Канаду, Сен-Винсент, Доминику, Тобаго и Сенегал; Франция обязалась вывести войска из Ганновера, Пруссии и — тяжелое условие — срыть укрепления в Дюнкерке. Англия возвращала ей Бель-Иль, Гваделупу, Мартинику, Мари-Галант, Сен-Люси, французские фактории в Индии, Сен-Пьер и Микелон, а также возвращала ей право на рыбную ловлю у Ньюфаундленда.

Бенджамин Уэст. Смерть генерала Вулфа в битве при Квебеке 13 сентября 1759 г. 1770

Испании, уступавшей англичанам Флориду, Франция отдавала в качестве компенсации Луизиану. Король Пруссии, перестав быть полезным, увидел, что его бросили. Для Франции это был суровый мир, однако все же лучше того, что желал для нее Питт, хотевший прибрать к рукам все французские и испанские колонии. Он сам явился в парламент протестовать против условий договора, подписанного его преемником. Поддерживаемый слугами, опираясь на костыли руками в теплых перчатках, еле стоя на обернутых фланелью ногах, он проговорил битых три часа, несмотря на сильнейшие страдания, требуя для своей страны монополии на мировую торговлю, проповедуя ненависть к дому Бурбонов и предрекая скорое возвышение Бранденбургского дома[1]. Это была трагическая и грандиозная сцена, но его речь была напрасна, поскольку договор ратифицировали. «Теперь, — сказала принцесса Уэльская, — король Англии — мой сын».

11. Случай Питта — один из тех, когда кажется, что твердость одного-единственного человека повернула ход истории. Что было бы без него? Один английский историк воображает Дюплекса, укрепившего в Индии

[1] То есть династии Гогенцоллернов, курфюрстов Бранденбургских.

Французскую империю, Монкальма, расширившего контроль Франции до долины Миссисипи, и Францию, ставшую матерью-родиной Соединенных Штатов. В 1755 г. эти события казались еще возможными, но после 1761 г. стали уже совершенно немыслимыми, поскольку к ним прикоснулся Питт. Однако труды великого человека долговечны лишь в той мере, в какой они учитывали перспективу. Хотя Питт был прав, полагая, что в XVIII в. у Англии было больше шансов, чем у любой другой страны, достичь морского владычества: 1) потому что, являясь островной державой, избавленной благодаря водным преградам от содержания большой армии, она могла тратить на свой военно-морской флот больше, чем континентальные державы; 2) потому что форма правления, которую она создала у себя, позволяла ей взимать с богатых и влиятельных классов более тяжелые налоги. В то время как английский парламент безропотно голосовал за средства, которых требовал Питт, французский (не избиравшийся) парламент отказывался снимать освобождение от налогов с привилегированных классов; 3) наконец, лондонские купцы, прекрасно знавшие, что сулят им американские колонии и Индия, а потому страстно восхищаясь Вулфом и Клайвом, поддерживали свои голоса собственными деньгами, тогда как в глазах континентальной знати коммерческие выгоды мало что значили. Это главные причины, которые рано или поздно все равно принесли бы свои плоды и обеспечили победы Питта. Европа уже познала период испанского засилья, потом французского. Вместе с Семилетней войной начался период английского преобладания. Но, опьяненные своими победами, англичане стали более надменными, чем когда-либо. Они не боялись отталкивать от себя одновременно Францию, Испанию и Австрию. Тем не менее Франция, хоть и ограбленная, остается великой державой. И быть может, однажды она захочет взять реванш над теми, кого Шуазель называл «тиранами морей».

VI. Личное правление Георга III. Потеря американских колоний

1. *«Born and educated in this country, I glory in name of Britain...» («Рожденный и воспитанный в этой стране, я горжусь тем, что я британец...»)* — слова из коронационной речи Георга III. От этой фразы и от самого этого факта новый король ожидал популярности, которой никогда не имели его предки. Он написал *Britain*, а не *England*, чтобы не задевать своих шотландских друзей, но на самом деле новый государь, конечно же, был англичанином — и внешне, и по манерам, и по языку, и по характеру. Ганновер для него остался лишь семейным воспоминанием. Как рассказывают, он даже не мог отыскать

свое курфюршество на карте. Несмотря на то что два первых Георга, гротескные короли-чужестранцы, не слишком утруждали себя делами правления, третьему, гораздо более достойному уважения, предстояло неоднократно вступать в конфликт со своим народом. Воспитанный отцом Фредериком, потом матерью, принцессой Уэльской, в презрении к своему слабому деду, он вырос на доктринах, изложенных Болингброком: «Королю-патриоту надлежит и царствовать, и править. С какой стати он должен подчиняться распоряжениям правительства, нескольких влиятельных семейств и парламента, которые не представляют страну? Наоборот, он должен стать защитником своих подданных от всех олигархов. К нему обращены глаза целого народа, полные восхищения и сияющие от любви».

2. Из-за этой доктрины, побуждавшей короля установить личную власть, ему грозили серьезные конфликты с парламентом. Но Георг III полагал, что если виги господствуют в палате общин, покупая себе избирательные округа и голоса, то он может играть в эту игру не хуже их. Поэтому Георг постарался создать в стране партию «друзей короля» и надеялся, что ему в этом помогут новые умонастроения тори. После громкого провала Карла Эдуарда провинциальные сквайры и представители англиканского духовенства отказались наконец от своего якобитства. Вместо того чтобы следовать устарелой идеологии (как они делали с 1688) и уступать горстке вельмож-вигов, поддержанных денежными мешками, тори отныне желали стать правительственной партией. В своей борьбе против вигов, разделившихся теперь из-за слишком долгой монополии на власть, король вполне мог успешно опереться на эту новую форму *торизма*. Но все шансы уничтожал его собственный характер. Честный человек, хороший муж, умеренный и целомудренный, «фермер Джордж» был к тому же тщеславен и мстителен. «То, чего я не забываю, я не прощаю». Война, благодаря которой рос авторитет Питта, не нравилась ему с самого его восшествия на престол. Англия *уже имела* своего короля-патриота, но «звался он Уильямом, а не Георгом». И вскоре ненависть Георга к Уильяму стала таковой, что он согласился бы даже на внешнее поражение своей страны, лишь бы оно привело его к победе внутри ее. Со своей первой речи он неустанно твердил об этой «кровопролитной и дорогостоящей» войне, и понадобился весь авторитет Питта, чтобы король согласился назвать ее «справедливой и дорогостоящей».

3. Решив самолично выбирать себе министров, Георг III захотел навязать своей стране, влюбленной в Питта, лорда Бьюта, человека верного, честного, но мало приспособленного для правления и который считался любовником вдовствующей принцессы Уэльской. Освистанный лондонскими толпами, вдвойне раздраженными из-за того, что их кумира подчинили

Джон Мерфи. Георг III, королева Шарлотта и их тринадцать детей. До 1794

другому, этот другой, шотландец Бьют, быстро стал им отвратителен. На своих «кострах радости» обитатели Сити сжигали вещи из тартана, шапочки — в общем, все символы Шотландии. Министр, придя в ужас, подал в отставку. С Гренвилем, который его заменил, публика обошлась не лучше. Когда он, жалуясь на необходимость заимствовать средства на войну, вопрошал в палате, где же ему найти эти деньги, ужасный Питт, передразнивая его плаксивый голос, пробормотал припев модной тогда песенки: «Милый пастушок, скажи мне, где...» Гренвиль после этого всю свою жизнь носил прозвище Милый Пастушок. Член палаты общин Уилкс, блестящий и остроумный памфлетист, хуля в номере 45 своего *North Britain* монаршью тронную речь 1763 г., был по ходатайству короля арестован на основании «белого» мандата[1], «направленного против любой особы, ответственной за эту публикацию». Этот арест был нарушением привилегий парламента. Суды присудили победу Уилксу (который, однако, в следующем году был

[1] То есть подписанного, но незаполненного, без имени обвиняемого.

изгнан из палаты общин и сбежал во Францию) и обвинили в незаконном аресте Государственного секретаря, приговорив его к 800 фунтам возмещения. Лондон устроил иллюминацию; во всех домах горела цифра «45». После Стюартов теперь Георга III, «самого патриотичного из королей», учили необходимости уважать традиционные свободы англичан.

4. А вскоре ради защиты этих свобод в колониях предстояло развернуться гораздо более серьезным событиям. Тринадцать американских «плантаций» теперь стали трехмиллионным народом — процветающим, ревниво оберегавшим свою независимость и мало-помалу принудившим королевских наместников оставить реальную власть местным ассамблеям. Перипетии этой борьбы были почти теми же самыми, что и в Англии. Ассамблеи победили, потому что держали в своих руках завязки кошелька. Но во время Семилетней войны колониям пришлось защищаться от Французской Канады. Метрополия взяла на себя военные расходы и доставку необходимых войск. После войны пришлось держать в Америке постоянный воинский контингент в 10 тыс. человек на случай возможного восстания канадских французов. Гренвиль предложил, чтобы треть всех необходимых сумм на содержание этой маленькой армии взималась в колониях посредством гербового сбора. Эта мера не казалась чудовищно несправедливой, однако американцы, как и все налогооблагаемые, ненавидели поборы и нашли против этого поддержку в самой метрополии. «Никакого налогообложения без представительства» всегда было одним из политических правил Англии, еще со времен Средневековья. Однако в Вестминстерском парламенте колонии представлены не были. Правда, и большинство крупных английских городов тоже не имели депутатов, но тем не менее все английские «интересы» находили там своего выразителя, чего нельзя было сказать об интересах колоний; если это и происходило, то очень косвенным образом.

5. Впрочем, в пользу точки зрения колоний были и другие доводы. Колонии способствовали процветанию английской торговли, но их эксплуатировали согласно принципам меркантилизма, то есть в интересах породившей их нации. Меркантильная доктрина требовала от всякой колонии: 1) чтобы она получала и отправляла товары на кораблях, построенных в Англии или в ее колониях («Навигационный акт»); 2) чтобы колониальная торговля проходила через английские порты, даже если колонисты найдут лучшие цены во Франции или в Голландии; 3) чтобы колониям было запрещено строить заводы, способные конкурировать с заводами Англии. Сам Питт объявил, что, «если Америка произведет хоть одну шерстяную нить, хоть одну подкову, он наводнит ее солдатами». Стало быть, чтобы рас-

считать реальный вклад колоний в доходы королевства, к прямым налогам, принятым их ассамблеями, требовалось добавить также доходы промышленников и уже облагаемые английские товары.

6. Меркантильная система могла быть терпима, в крайнем случае, в южных колониях — они выращивали табак и производили другие продукты, которые Англии приходилось покупать, и таким образом получали золото, которое позволяло им, в свою очередь, приобретать промышленные товары, произведенные в метрополии. И наоборот, этот режим был невыносим для колонистов севера, чьи товары не дополняли товары из Англии, а соперничали с ними. В этом и заключалась непосредственная причина американской Войны за независимость. Англичане рассматривали колонию прежде всего как финансовое вложение с незамедлительной отдачей. Никто не сформировал у них идею империи. Однако завоевание Канады не могло «платить». Питт приобрел эту территорию вопреки мелким умам, которые, «основываясь на идее коммерции, продают все, что могут, вплоть до чести, истины и совести». Меркантилисты, не способные ни принять, ни даже вообразить себе колонию, которая, вместо того чтобы быть источником дохода для Англии, станет для нее причиной расходов, решили навязать издержки новой империи колониям, которые были не менее эгоистичны, чем метрополия, и тоже хотели получить свою долю имперских преимуществ, но, разумеется, не за свой счет. Сначала американских винокуров, продававших свой ром индейцам, возмутил налог на патоку. А потом «Штемпельный акт» *(Stamp Act)*, вводивший гербовый сбор, увел в сундуки налогового ведомства ту малость золота, которая доставалась колониям, и сделал их коммерцию невозможной.

7. В начале 1766 г. вмешался Питт. После отставки он жил в Бате, совершенно обессилев из-за своей подагры. Хотя он уже не мог ни ходить без костылей, ни держать вилку за столом, ни разборчиво писать, он явился ко времени тронной речи рекомендовать «отмену налога». По его мнению, Англия не имела никакого права облагать колонии. «Нам говорят, что Америка — мятежница, — заявил он, — я же радуюсь тому, что Америка воспротивилась... В такой битве я больше боюсь победы, чем поражения. Если Америка падет, то как Самсон: схватившись за колонны храма и потянув за собой всю конституцию... Американцы не всегда действовали осмотрительно, но их подтолкнула к безрассудству несправедливость. Неужели же вы покараете их за то самое безрассудство, в котором *вы сами* повинны?» Акт был аннулирован, и Георгу III пришлось против своей воли предложить Питту возглавить правительство. Представ перед королем,

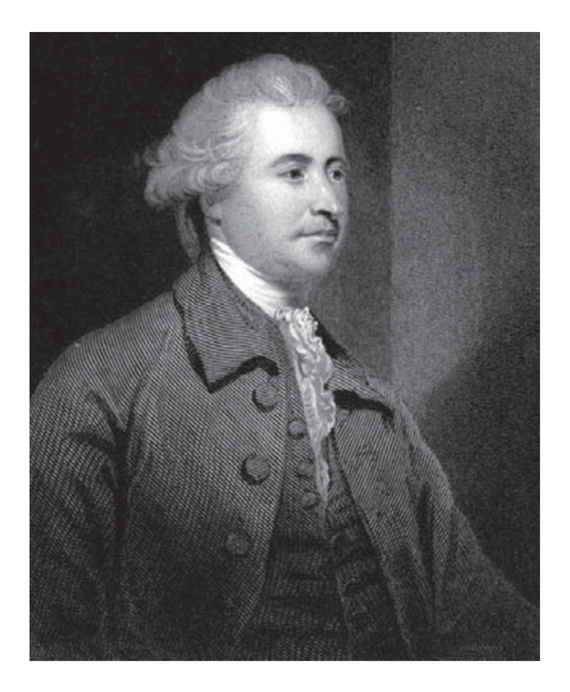
этот калека снова стал самым могущественным человеком и кумиром королевства. Но одной ошибки, поступка, слова довольно, чтобы утратить благосклонность толпы. Питт, наполовину обезумев от физической боли, оставил палату общин и сделался графом Чатемом (Chatham). Когда стало известно, что он возглавил правительство, в Лондоне приготовили иллюминацию; когда узнали, что он перешел в палату лордов, иллюминацию отменили. Было абсурдно называть Питта предателем. Перейти из палаты общин в верхнюю палату отнюдь не было преступлением, но для *Великого Общинника (Great Commoner)* это было ошибкой. Быть может, граф Чатем и смог бы победить оппозицию и снова завоевать былую популярность, если бы не был так измучен, но болезнь привела его нервы в такое состояние, что он стал попросту невменяем. Напрасно король отправлял к нему нарочных; их встречал всего лишь безумец, потрясавший костылем. Упрямый король, обезглавленный кабинет министров и его парализованный глава — таким в течение нескольких месяцев было правительство Англии.

8. Лорд Норт, принявший в 1770 г. в качестве премьер-министра личное правительство Георга III, обладал цинизмом Уолпола, не обладая ни его мудростью, ни мощью. Хотя в деле, касавшемся колоний, король и уступил, отменив закон о гербовом сборе, зато, чтобы спасти свои принципы, настоял на нескольких незначительных налогах, которыми обложили такие второстепенные товары, как стекло и чай. Это значило плохо знать колонистов. Многие из них сохранили неукротимый дух инакомыслия, унаследованный от предков; и «принцип» короля оказался как раз тем, чего они никак не могли принять. Наконец с перевесом всего в один голос кабинет лорда Норта решил сохранить только один налог — на чай. И ради ничтожной суммы в 16 тыс. фунтов Англия потеряла изрядный кусок своей империи. Поскольку американцы отказались покупать обложенный налогом чай, Ост-Индской компании, у которой были огромные запасы этого товара, был отдан приказ отправить груз чая в Бостон. Дело еще можно было уладить, если бы продажу этого чая доверили обычным купцам, но компания захотела продавать товар непосредственно потребителям. Таким образом, она оскорбила коммерсантов и разозлила свободных людей. Предупрежденные своими лондонскими друзьями, американские протестанты, переодевшись в индейцев, захватили корабль и побросали ящики с чаем в море. Этот акт неповиновения повлек за собой ответные меры, а опасение, что репрессии распространятся и на остальных, побудило колонии объединиться ради общего сопротивления. Этот конфликт мог привести только к войне, и через восемнадцать месяцев после «бостонского чаепития» уже начались боевые действия. Колонии, как некогда шотландских пресвитериан, объединил торжественный *Ковенант*. Впрочем, они были

Битва при Йорктауне 19 октября 1781 г.: американские колонисты в союзе с французской армией берут в окружение армию англичан. Гравюра. 1781

далеко не единодушны. Из 700 тыс. человек пригодного для военной службы возраста в армию вступила только одна восьмая. Ни в одном сражении Вашингтон не имел под своим началом больше 20 тыс. человек. Аристократия Виргинии, народ и средние классы высказались за сопротивление, но богатые фермеры и самые серьезные люди либеральных профессий оставались верноподданными Англии.

9. Все эксперты сходились в мнении, что колонисты будут быстро побеждены. «У них не было ни одного укрепленного города, ни одного дисциплинированного полка, ни одного военного корабля, ни кредитов. Ни с военной, ни с финансовой точки зрения они не были силой, способной воевать с Англией, а кроме того, если бы она отказалась их защищать, они подверглись бы нападениям всех морских держав мира... Американцы, — сказали эксперты, — слабый народ, и они будут нуждаться в защите морской державы еще многие века». Быть может, несмотря на гений Вашингтона, они и в самом деле были бы побеждены, если бы их не поддержала Франция, радуясь представившемуся случаю отомстить за договор 1763 г. и увлеченная общественным энтузиазмом. Для французской монархии это вмешательство было безумием; оно истощило ее финансы и вдобавок

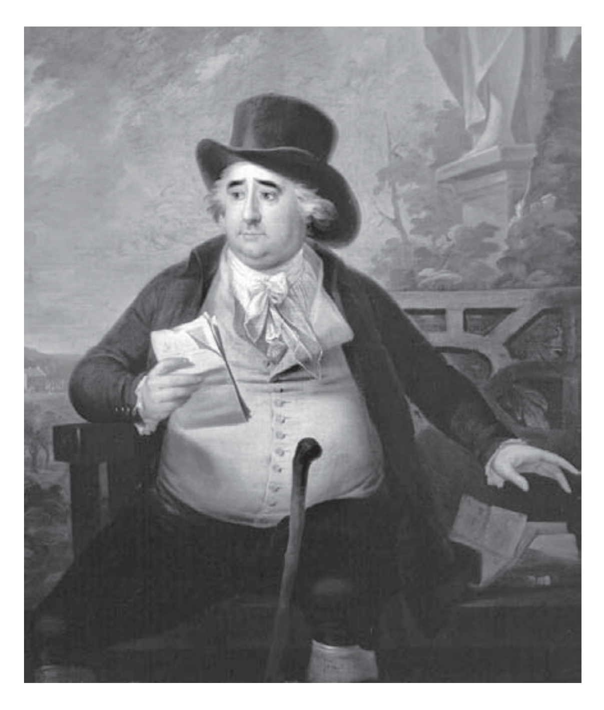


Портрет Эдмунда Бёрка, англо-ирландского политического деятеля и публициста. Гравюра по живописному оригиналу Джошуа Рейнолдса. XVIII в.

явило всем французам образ победившей республики, попутно обучив их демократической фразеологии. Но в Англии вмешательство Франции изменило саму природу конфликта. Умирающий Питт снова почувствовал, как в нем проснулась ненависть к дому Бурбонов, и явился в парламент, чтобы произнести самую драматичную речь в истории. Все было напрасно. Французский флот, воссозданный Шуазелем, уже господствовал на море. Адмиралы де Сюффрен, де Грасс, де Ла Мотт-Пике, д'Эстен одерживали победу за победой. Военный триумф американцев был предрешен морской битвой — Чезапикской.

10. Узнав о капитуляции в Йорктауне английского генерала Корнуоллиса и всей его армии, лорд Норт пошатнулся, как человек, пораженный пулей. «О боже! — сказал он. — Все пропало». Разочарованное общественное мнение Англии желало, чтобы была признана независимость колоний. Даже парламент, хоть и состоявший из ставленников короля, отстранился от него. В 1780 г. Джон Даннинг добился большинства в палате общин для принятия резолюции, в которой объявлялось, что «влияние короны росло, росло, росло и теперь должно быть уменьшено». Попытка личного правления Георга III заканчивалась катастрофой. Ирландию, тоже готовую к возмущению, пришлось успокаивать предоставлением полной законодательной независимости в парламенте Дублина, впрочем этот парламент имел странный состав, поскольку католики были из него исключены, а шестьдесят мест оказались в руках трех семейств. В самой Англии большие города протестовали против архаичного деления на состоящие из «гнилых местечек» избирательные округа, которое лишало их представительства в парламенте. Провал американской политики ослабил правительство. В начале ноября 1782 г. лорд Норт получил перевес всего в один голос. В 1783 г. ему пришлось подать в отставку, хотя король вовсе не желал этого, и он был вынужден обратиться к своим врагам-вигам, которых тогда возглавляли Рокингем, Бёрк, Шелберн и молодой сын лорда Холланда Чарльз Джеймс

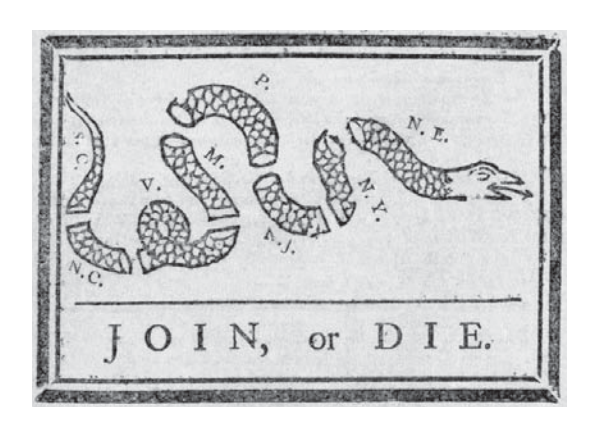
Фокс. Восхитительно одаренный, выдающийся оратор и большой эрудит, прекрасный и щедрый друг, Фокс к своим достоинствам добавлял недостатки и пороки, всегда мешавшие ему управлять Англией. Его отец-циник умышленно сделал из сына игрока и распутника, что отдалило от него добродетельного Георга III. Неистовость его рвения ради американских повстанцев доходила до того, что он желал поражения собственной стране. Вечно в долгах, но вечно богатый друзьями, он переходил от игорного стола в «Брукс-клубе» к Феокриту или Вергилию. Он был обожаем, но неценим. Хотя именно он и Шелберн выторговали мир, закончивший эту злополучную войну.



Карл Антон Хикель.
Портрет Чарльза Джеймса Фокса,
английского парламентария
и политического деятеля. 1794

11. В Европе Испания, Голландия и даже Россия ополчились против Англии, но она нашла в лице Родни выдающегося адмирала и, несмотря на франко-испанскую блокаду, смогла отстоять Гибралтар. Тем не менее Версальский мир (1783) был для Франции прекрасным реваншем за Парижский договор, а для Англии он стал унижением. Она признавала независимость американских колоний, возвращала Минорку Испании, а Сен-Пьер, Микелон, Сент-Люси, Тобаго, остров Горэ и Сенегал Франции. «Солнце английской славы закатилось», — говорил молодой сын Чатама, Уильям Питт-младший, и много хороших умов думали тогда, что с Англией покончено. Она казалась разлагавшейся изнутри; парламентская система свернула к тирании, коррупции, бессилию; личное правление Георга привело к поражению. Никто тогда и вообразить не мог торжество Англии, победившей в 1815 г.

12. Непосредственные последствия американской войны были серьезны: 1) Англия стала глубоко ненавидеть французскую монархию и желала ее погибели; роль английских денег в подготовке Французской революции будет велика. 2) Две большие англосаксонские демократии оказались разде-



«Присоединяйся, или умри!» Листовка с призывом к объединению американских колоний (ее авторство приписывается Бенджамину Франклину). 1754

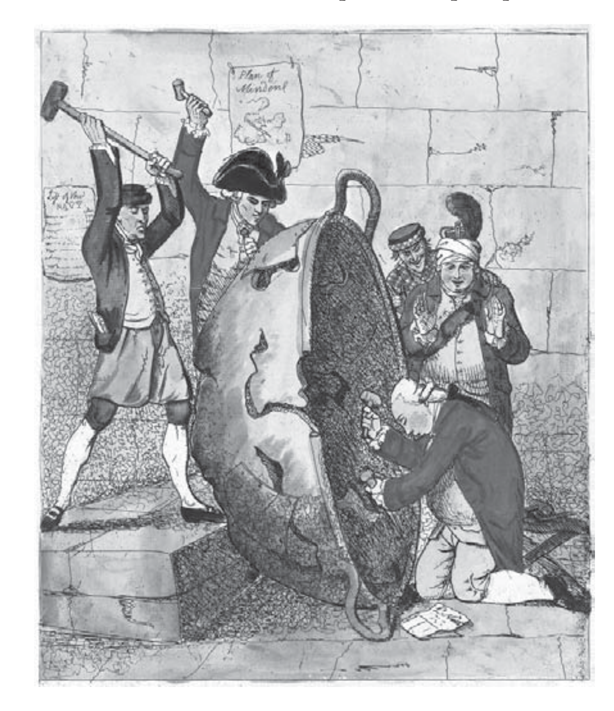
ленными и на какое-то время даже враждебными друг другу. Многие историки полагают, что это было удачным событием и что никакой человеческий ум не сумел бы управлять такими людскими массами на таких огромных расстояниях. Это верно, но можно представить себе Соединенные Штаты в составе некоего британского содружества, *Commonwealth*, где они имели бы преобладающее влияние. Быть может, такое решение было бы более благоприятным для установления мира на старом континенте? 3) Поскольку торговля Англии с Соединенными Штатами не только не уменьшилась, но и увеличилась сразу же после Версальского договора, многие купцы начали задаваться вопросом: а так ли уж желательно обладание колониальной империей? 4) Наконец, потеря Америки сделала Индию (которую во время этой войны храбро защищал Уоррен Гастингс) жизненно необходимым центром английской торговли и одним из важнейших элементов внешней политики страны.

13. Возможно, что поражения, которые англичане потерпели в Америке, спасли в Англии конституционную монархию. Если бы король и его «ручная» палата одержали победу, личное правление удержалось бы, а это привело бы, как во Франции, к революционному конфликту. Но военная неудача довершила падение лорда Норта; после него Англия уже не будет иметь правительств, ответственных только перед королем. Кабинеты будут рождаться и падать по воле большинства в палате общин. Сочетание Фокса и Норта, имморальный союз, продержится недолго. Молодой Питт, второй сын лорда Чатема, который в двадцать один год проявил себя «отнюдь не стружкой от старого блока, но самим старым блоком», намеревался вернуть престиж парламентскому правлению. Подготовленный своим отцом к политике с самого детства, он сделал в палате столь блистательные первые шаги, что его сразу же стали прочить на самые высокие посты. По контрасту с Фоксом он явился как чудо достоинства и осторожности. От великого Питта-старшего Питт-младший унаследовал безупречную честность и непререкаемый авторитет. Хотя перед ним открывались все синекуры, он сумел остаться бедным. Когда, несмотря на сопротивление вигов, король сделал Питта премьер-министром (в возрасте двадцати четырех лет), престиж

главы правительства сразу же возобладал над престижем монарха. Питт-младший будет непрерывно управлять Англией на протяжении двадцати лет и привнесет в ее политическую жизнь новое и драгоценное качество: чистоту.

14. Возможно, что без памяти о его отце, лорде Чатеме, приход к власти этого совсем молодого человека был бы непостижим. Но и личных достоинств Питта-младшего оказалось достаточно, чтобы сделать его возвышение вполне обоснованным. В двадцать четыре года он проявлял мудрость, достойную зрелого человека. Он превратил тори в настоящую партию, независимую от короны, имеющую свои избирательные фонды, свои «гнилые местечки» и свою программу — «Мир, Бережливость, Реформы». Он вернул посту премьер-министра силу и престиж, которые придал ему Уолпол. Он старался отнять у вигов поддержку «денежных людей» *(moneyed men)*. Он сражался с коррупцией, отдавал займы с торгов тем, кто больше предлагал, и препятствовал росту государственного долга посредством создания амортизационного фонда. Его бюджеты еще и сегодня приводятся как образцы изобретательности. Но когда он захотел реформировать избирательную систему, ему не удалось добиться успеха. Было очевидно, что палата общин уже не представляет страну. Питт предложил умеренную реформу. Он хотел отдать 72 места Лондону и самым большим графствам, получив эти кресла путем отмены «гнилых местечек» без избирателей. Но такой проект задевал слишком много интересов и поэтому был отвергнут. До этого Питт правил без большинства. На выборах 1784 г. он (частично благодаря золоту англоиндийских магнатов) победил Фокса и его друзей, терпевших поражение дюжинами и которых называли «мучениками Фокса», в память о «Книге мучеников» Джона Фокса. Когда король Георг III проявил явные признаки безумия, противники Питта решили, что падет и он. Когда монарх начал принимать деревья своего парка за короля Пруссии, понадобилось назначить

Джеймс Гилрей. Георг III, лорд Норт и государственные мужи разбивают котел английского бюджета. Сатирическая гравюра. 1780



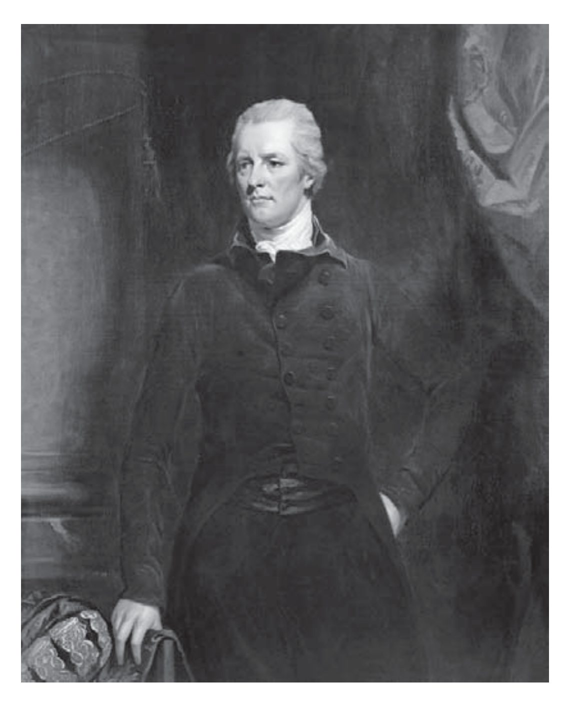
регента. Принц Уэльский предпочитал Питту Фокса. К счастью для Питта, болезнь короля носила цикличный характер, и государь уже поправлялся, когда произошло событие, которое многие назвали самым важным в английской истории XVIII в.: взятие Бастилии.

VII. Революция и Империя

1. Какими бы мудрыми ни были государственные мужи, скорее не они управляют делами, а наоборот. Питт, которому, как и его отцу, было суждено стать великим министром войны, ничего так не желал, как мира. Будучи превосходным финансистом, он больше интересовался своими бюджетами, чем войсками. Начало его деятельности на посту премьер-министра стало для Англии временем коммерческого процветания. С 1784 по 1793 г. он увеличил английский экспорт с 10 млн фунтов до 18 млн. В 1783 г. котировка трехпроцентных ценных бумаг составляла всего 74, а в 1792 г. она поднялась уже выше 96. В тот же период Питт пытался склонить своих друзей-тори к более великодушной политике. Если бы это зависело только от него, католики и нонконформисты были бы освобождены от устарелых положений Закона о присяге *(Test Act)*. Он добился частичных послаблений в их пользу, но стоило ему попытаться пойти дальше, как он натолкнулся на сопротивление англиканских епископов. Когда в 1701 г. Питт объединил Ирландию с Великобританией и образовал Объединенное Королевство Великобритании и Ирландии, он опять захотел предоставить эмансипацию ирландским католикам и позволить им заседать в Вестминстере, но, к несчастью, не смог убедить ни своего государя, ни свою партию, и представлять Ирландию в насмешку над всякой справедливостью и осторожностью продолжило протестантское меньшинство. Но в то время из-за антиякобинской реакции в английском парламенте воцарились умонастроения, враждебные любой реформе.

2. Французская революция с первых же своих шагов была непонятна англичанам. Они не предвидели ее ярости, потому что ее природа и причины были им неизвестны. Между земельной аристократией и фермерами, между двором и купцами Сити в Англии еще не сформировались те мощные потоки ненависти, которые привлекают к себе замкнутые касты. Конечно, неравенство тут было большим, но для таланта открывались карьерные возможности, а законы одинаково применялись ко всем. С 1789 по 1792 г. англичане искренне полагали, что французы собрались без особых потрясений обзавестись такими же установлениями, как в Великобрита-

нии. Узнав о взятии Бастилии, Фокс сказал: «Вот важнейшее и счастливейшее событие мировой истории». Многие философы, ученые и писатели думали так же, как он. Сам Питт сначала отказывался определенно выступить против Французской революции, как это делали монархи континента. Даже наоборот, возможно, он ей благоприятствовал. Он предчувствовал в 1789 г., как предчувствовала вся торийская Англия, что соперничающая держава будет ослаблена внутренними разногласиями, но что она выйдет из этой бури обновленной. Бёрк думал и писал, что военные способности Франции будут надолго подорваны. Это было всего за несколько месяцев до Вальми[1] и за несколько лет до Бонапарта. В 1792 г. Питт сократил английский флот на 2 тыс. моряков и добавил: «Наверняка в истории этой страны никогда не было времени, когда ситуация в Европе позволяла бы больше надеяться на пятнадцать лет мира, нежели настоящий момент». Пророчества опасны для пророков.



Джон Хоппнер. Уильям Питт-младший. После 1806

3. Казнь Людовика XVI и оккупация Бельгии превратили этот благожелательный оптимизм в открытую враждебность. С начала террора все симпатии правящих классов Англии обращены к павшей монархии и к европейским державам, которые воюют с Французской революцией. Симпатизируют Франции только радикальные республиканцы, такие как Пейн, и маленькое ядро вигов-реформистов, которые группируются вокруг Фокса, Шеридана и Грея. Сам Бёрк в то время питает к Французской революции такую ненависть, которая временами доходит чуть не до наваждения. Эту позицию правящих классов еще можно легко объяснить отвращением и страхом. Но позиция народа удивляет. Почему заразительные идеи революции так медленно завоевывают английских рабочих и крестьян?

[1] Сражение при Вальми 20 сентября 1792 г., когда французские революционные войска остановили продвижение прусской армии, ознаменовало собой возрождение военного могущества Франции.

4. Объяснение этому феномену надо искать не в благополучии английского народа, которое в конце XVIII в. было всерьез подорвано сельскохозяйственно-промышленной революцией, но среди следующих причин: 1) как уже было показано, некоторое сходство нравов сближало в Англии помещиков и крестьян. Французский же помещик сохранил привилегии, потеряв свои обязанности. «Он более не управляет, — пишет Токвиль, — но его присутствие и привилегии мешают тому, чтобы в приходе установилось доброе правление взамен его собственного». Английский крестьянин был, возможно, не богаче французского, но наверняка считал себя более свободным; 2) Франция была исконным врагом, всякая исходившая от нее идея казалась подозрительной, всякая гневная речь против нее встречала в сердцах англичан отклик; 3) сама природа принципов 1789 г. претила английскому складу ума. Во французских ассамблеях законники и образованные люди сочиняли абстрактные декларации, перечисляли права человека, пространно толковали «Общественный договор». «Я не вхожу, — писал Бёрк, — в эти метафизические тонкости. Мне ненавистны даже обозначающие их слова». И в другом месте: «Никакой нравственный вопрос никогда не является абстрактным вопросом»; 4) Французская революция разрушила здание, которое монархия возводила веками, и захотела построить вместо него другое, исключительно из материалов, предоставленных разумом. Однако английский ум был и остается по преимуществу историческим. Бёрк повторяет на тысячу ладов, что человек не может жить на маленький капитал своего собственного разума и что ему обязательно придется просить кредит мудрости в банке, который на протяжении веков создавали многие поколения людей; 5) наконец, религиозная (методистская) революция недавно дала умам в Англии другую пищу. Французская же революция была деистской, антихристианской, и как раз эта черта обрекала ее в глазах средних и народных классов, «которые страшились потерять собственную веру», а в глазах аристократов, опасавшихся за собственную жизнь, Французскую революцию обрекала ее необузданность.

5. Начиная с 1793 г. разделившаяся надвое партия вигов утратила свой вес, и вокруг Питта сформировалась национальная коалиция для борьбы с заразными революционными идеями и завоевательным духом Французской революции. В Лондоне французский агент Шовелен плел интриги вместе с недовольными, подстрекал ирландцев, подрывал изнутри армию и пытался подготовить английскую революцию. Реакция была резкой и быстрой. Закон ограничил права иностранцев; действие *Habeas corpus* было приостановлено; публикация пасквилей сурово каралась. В каждом городе организовывались верноподданнические ассоциации. Однако англичане не объявили бы, по примеру континентальных монархий, принципиальную

войну Французской революции, если бы та сама не проявила такую агрессивность. Питт как можно дольше хотел оставаться сторонним наблюдателем и «наслаждаться нейтралитетом». Веское доказательство терпения: он видел взятие Антверпена, но не счел это поводом к войне. Конвент уверил английских революционеров, что близок день, когда Франция сможет помочь Национальной ассамблее Англии, и Питт опять стерпел провокацию. Но когда Франция решила открыть для навигации протекавшую через Антверпен реку Шельду и таким образом разорить голландские порты, ему пришлось действовать. Голландию от такой угрозы гарантировал договор. Питт сам торжественно подтвердил его в 1781 г., а французское правительство — в 1785-м. Поскольку Конвент не отрицал существования договора, но утверждал, что природная необходимость превыше договоров, война с Францией становилась неизбежной. Питт утешался, думая, что по финансовым причинам эта кампания будет короткой. Она продлится двадцать лет.

6. Природа этой войны достаточно проста. Поначалу Англия, следуя своей традиционной политике, защищает союзников-голландцев. Она противится тому, чтобы Антверпен и Бельгия оставались в руках большой европейской державы. Она завоевывает новые колонии и защищает старые. В частности, ведет на Антильских островах суровую кампанию, которая, больше из-за болезни, нежели из-за боев, обходится ей в 40 тыс. человек, а единственное ее оправдание — важность, которую тогда придавали плантациям сахарного тростника, источнику большого богатства. Потом, начиная с того момента, когда главным актером на сцене становится Наполеон, цель Англии уже не победа над той или иной страной, но поражение завоевателя, угрожающего разрушить «баланс сил» в Европе. В третий раз за свою историю она сражается с самой сильной державой континента; борьба против Наполеона становится естественным продолжением ее борьбы против Филиппа II и Людовика XIV.

7. Английские методы ведения войны не меняются, как и ее цели. Прежде всего Англия стремится к господству на море. И она его добивается, потому что обладает мощнейшим военным флотом и превосходным корпусом адмиралов: это Худ, Джарвис, Нельсон, которые благодаря американской войне приобрели опыт морских сражений. В противоположность тому, что происходит тогда в британской армии, во флоте именно компетентность, а не происхождение дает право на высшее командование. Коллингвуд — сын торговца из Ньюкасла, Нельсон — сын деревенского пастора. Их главное преимущество над континентальными моряками состояло в том, что Кемперфельдт недавно дал флоту «книгу сигналов», благодаря

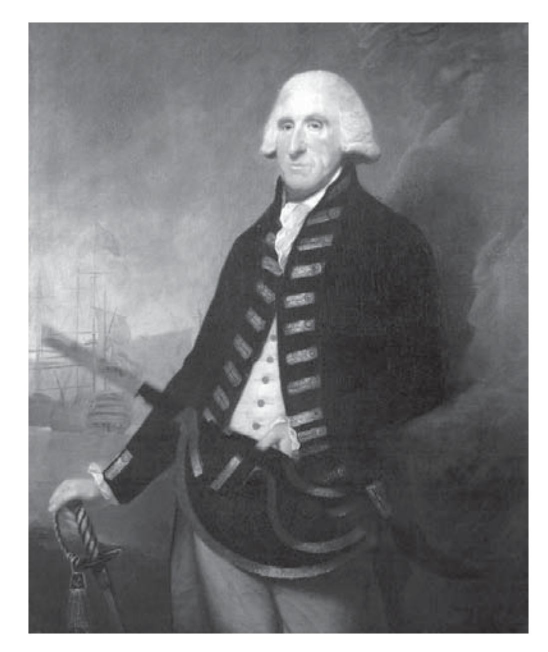
Лемюэль Фрэнсис Эбботт. Портрет вице-адмирала Горацио Нельсона. 1799

которой адмирал мог наконец руководить маневрами своих кораблей прямо во время боя. Господство на море позволит Англии воспрепятствовать любому вторжению на свою территорию, доставлять свои войска, куда ей угодно, и, наконец, помешать снабжению неприятеля через его порты.

8. Одновременно с флотом Англия прибегает к другому своему излюбленному оружию: к субсидиям для континентальных коалиций. Метод кажется обидным, и Бонапарт с презрением говорил о «золоте Питта». Но в Англии проживало всего 10 млн человек, тогда как во Франции — 27 млн. Она была не так богата людьми, а ей требовались солдаты и еще больше — моряки; поэтому было вполне естественно, что для континентальной войны она пыталась найти наемников. Она помогала государствам, вступившим в коалицию, двумя способами: предоставлением займов и безвозвратными выплатами. На самом деле оба метода были практически идентичны, поскольку ни проценты, ни основные суммы военных долгов так никогда и не возвращались. В общей сложности субсидии Питта Европе достигали с 1792 по 1805 г. 10 млн фунтов. Государственный долг Англии с 1793 по 1802 г. увеличился на 334 млн, из которых казначейство получило всего 200 млн, поскольку трехпроцентные ценные бумаги в 1797 г. котировались всего по 47. Питт утроил все налоги, призвал к добровольным пожертвованиям и, наконец, установил подоходный налог с необычайно высокой базовой ставкой, составлявшей примерно 10%. Таким образом, стране ради этой войны пришлось напрячь все силы, и только огромные богатства позволили ей выдержать это усилие, когда она порой противостояла целому континенту.

9. Начало войны было для Англии неудачным. Революция создала новый и сильный тип армии. «Французская система призыва обеспечивала армию средними представителями всех классов, — сказал позже Веллингтон, — в то время как в нашу набирали всякое отребье». На море к французам при-

соединились испанцы, потом голландцы; Англия оказалась исключенной из Средиземноморья, что отнимало у нее бо́льшую часть средств, предназначавшихся для давления на континентальные державы. Возбужденные идеями равенства, которые проповедовались в Европе, моряки английского флота взбунтовались. Им всегда плохо платили, их плохо кормили, с ними плохо обращались. В 1797 г. несколько экипажей прогнали своих офицеров и подняли красный флаг. Это был момент, когда впервые после четырех лет войны континент состоял в мире с Францией. Англия была изолирована, Ирландия восстала, флот взбунтовался. Если бы об этом бунте прознали враги Англии, она бы погибла. Питту, которого оскорбляли на улицах Лондона, пришлось передвигаться с охраной. Но ситуация была разрешена с помощью довольно английской смеси суровости и снисходительности. Бунтовщики стали победителями. Битва у мыса Сент-Винсент (1797) избавила Питта от испанского флота, победа при Кампердауне — от голландского. Сможет ли он отвоевать Средиземное море? После потери Минорки Англия больше не имела баз на этом море, вот почему для нее был так важен порт Тулон, который она сперва захватила, но французы его отбили. По пути в Египет Бонапарт завоевал остров Мальту, лучшую из военноморских баз того времени, и считал, что обеспечил себе власть на Востоке, чтобы воссоздать империю Александра. Но ни одна держава, утратившая



Лемюэль Фрэнсис Эббот.
Портрет адмирала Сэмюэла Худа. 1794–1795

Фрэнсис Котс. Портрет адмирала
Джона Джарвиса. 1770-е

Николас Покок. Битва у мыса Сент-Винсент:
англичане берут на абордаж испанское судно. 1801

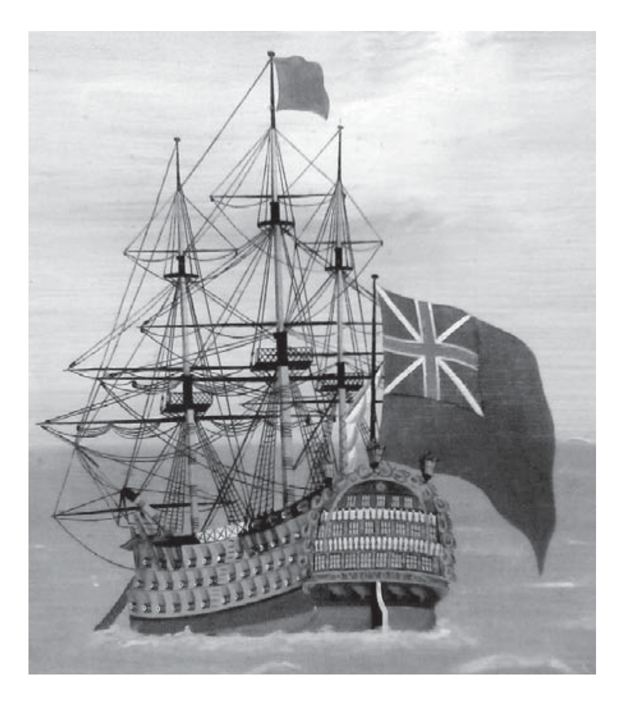
военно-морское преобладание, не может надежно сохранить за собой заморские завоевания. Флот Бонапарта был уничтожен Нельсоном на рейде Абукира, и эта битва отдала Мальту, а заодно и восток Англии. Опираясь на Мальту и своих неаполитанских союзников, Нельсон смог осуществить давление на Австрию, итальянским владениям которой угрожал. И господство на Средиземном море в который раз позволит Англии сколотить континентальную коалицию.

10. Если Англия победила на море, то Бонапарт оставался непобедимым на суше. В 1801 г. он задумал закрыть на континенте все рынки для «коварного Альбиона». Между Скандинавскими странами, Пруссией и Россией была образована лига вооруженного нейтралитета в знак протеста против обысков, которые стали предпринимать англичане. Чтобы развалить эту лигу, которая могла лишить Великобританию материалов, необходимых для флота (леса, парусины, канатов), Нельсон напал на датский флот. Северная лига рассыпалась; проект блокады оказался химерой. Теперь первый

консул и премьер-министр знали границы возможностей друг друга. Обоим становился необходим мир. Но он был труднодостижим из-за критической и доктринерской позиции Англии по отношению к французской системе. Только Фокс понимал величие Бонапарта. В глазах же тори тот был всего лишь корсиканским бандитом, о котором ходили самые нелепые легенды. Гренвиль дерзко писал Талейрану, что правительство его величества не может доверять гарантиям мира со стороны первого консула. Не слишком разумная политика: если Бонапарт не был искренен в своем желании мира, единственным средством доказать его неискренность было принять этот мир. В 1801 г. Питт, не сумев добиться согласия короля по допущению в парламент ирландских католиков, оставил власть. Сменивший его Аддингтон (тогда пели: «Питт в сравнении с Аддингтоном, как Лондон в сравнении с Паддингтоном»[1]) вел переговоры и в 1802 г. подписал Амьенский мир. Это было серьезное дипломатическое поражение для Англии. Она сохранила несколько далеких завоеваний, таких как Цейлон, но в руках Франции оставался левый берег Рейна и Бельгия, чего Англия уже не могла стерпеть, потому что Бонапарт сразу же начал изучать возможности превратить Антверпен в военно-морскую базу. На Средиземном море Англия отказывалась от Минорки и обещала вернуть Мальту рыцарям, что снова лишало ее всякой базы. Ей пришлось договариваться любой ценой, поскольку «она нуждалась в передышке, какой бы короткой она ни была». Однако, хотя в глазах Бонапарта Амьенский мир был «окончательным», в глазах Питта он был всего лишь перемирием. Приобретение Францией Луизианы, экспедиция в Сан-Доминго, союз с Голландией окончательно разозлили англичан.

11. На самом деле Амьенский договор никто не соблюдал. Англия удерживала Мальту; Бонапарт, хотя и обещал уважать европейский *status quo*, стал главой Итальянской республики, аннексировал Пьемонт, навязал свою протекцию Швейцарии и возглавил перекраивание Германии. *Moniteur* опубликовал угрожающий отчет о «коммерческой миссии» полковника Себастьяни на Восток. Англичане узнали оттуда, что первый консул не отказался ни от Египта, ни от Индии; их решение оставить себе Мальту в нарушение договора только укрепилось. После ультиматума Аддингтона в 1803 г. боевые действия возобновились. На этот раз Бонапарт, мечтая победить Англию на ее территории, собрал в Булони армию для высадки в 200 тыс. человек и снарядил флотилию плоскодонных судов, чтобы перевезти ее через Ла-Манш. Но, как когда-то в случае с герцогом Пармским

[1] *Паддингтон* — один из районов Лондона.



Английский военный фрегат «Виктория», принимавший участие в Трафальгарском сражении. Рисунок. 1780–1790

и не так давно с Шуазелем, ему для успеха предприятия требовалось защищать эти транспортные суда по меньшей мере несколько часов с помощью эскадры. Однако французский и испанский флоты были блокированы в гаванях Тулона, Рошфора, Бреста, Кадиса английскими адмиралами Нельсоном, Корнуоллисом и Коллингвудом. И вплоть до лета 1805 г. они там и оставались — бессильные, не способные выполнить приказ о сосредоточении, который им дал император (он стал им в марте 1805). В октябре, в то время как Наполеон, отказавшись от своих планов вторжения в Англию, принуждал австрийца Мака к капитуляции в Ульме, соединенные франко-испанские силы потерпели поражение в морской битве при Трафальгаре, последнем большом парусном сражении, в ходе которого погиб Нельсон. Эта победа на целый век подарила Англии неоспоримое господство над океанами (в 1807 г. англичане, нарушив мир, захватили в Копенгагене датский флот, тем самым уничтожив последние военно-морские силы Европы).

12. Начиная с Трафальгара и на протяжении всего XIX в. сама идея атаковать английский флот казалась абсурдной главам всех государств и самому Наполеону. Но если военно-морское превосходство метрополии является необходимым условием стабильности колониальных империй, то для разрешения вопросов на континенте этого превосходства недостаточно. При Трафальгаре Наполеон потерял свои колонии и всякую надежду завладеть путем в Индию, тем не менее он оставался господином Европы. Напрасно Питт, вернувшийся к власти, сколачивал против него коалицию за коалицией. На следующий день после Аустерлица ему пришлось признать свое бессилие. Именно тогда, показав на карту Европы, он сказал: «Сверните ее, она нам не понадобится десять лет!» Он умер в 1806 г. от переутомления и печали, прошептав: «О моя страна! В каком состоянии я оставляю мою страну!»

13. В этой дуэли Питта с Наполеоном Питт победил на море, Наполеон на суше. Хозяин Австрии и Пруссии, союзник России, император теперь собирался подорвать военно-морское и торговое могущество Англии, перекрыв английским кораблям доступ в континентальные порты. На Берлинский декрет, объявлявший континентальную блокаду, Англия ответила распоряжением совета, которое запретило всю морскую торговлю, проходившую не через ее собственные порты, будь то даже торговля с Соединенными Штатами. Эти меры, как с той, так и с другой стороны, причинили большой вред торговле. И даже повлекли за собой в 1802 г. войну между Англией и Соединенными Штатами. Европа не могла обойтись без английских и колониальных товаров, из-за чего повсеместно расцвела контрабанда, а барыши, которые она приносила, были столь велики, что суровость наказания помешать ей не могла. Даже самому императору пришлось заняться ею, чтобы добыть шинели для Великой армии. Континентальные промышленники, нуждавшиеся в хлопке и другом привозном сырье, разорялись из-за английской конкуренции. Зато Англия пострадала от промышленно-торгового кризиса. Европа, лишенная продуктов, к которым привыкла (табак, сахар), пыталась выращивать их самостоятельно. Сахар с антильских плантаций был заменен свекловичным, к великой досаде английских колоний. В 1810–1811 гг. уровень безработицы в Англии был очень высок, и возмущения стали угрожающими. Если бы русский царь в 1811 г. не сломал континентальную блокаду, Англия, быть может, оказалась бы на обеих лопатках.

14. Но континентальная блокада привела к падению Наполеона, поскольку вынудила его, желавшего мира, продолжать войну. Попытавшись покорить Испанию, он получил страну, охваченную партизанской войной, «где большая армия умирала бы от голода, а маленькая потерпела бы поражение». Английские войска прибыли в Португалию, незаменимую для англичан как пункт высадки в Европе, и сразу вынудили французов сконцентрировать свои силы, что в такой стране было гибельно для любого завоевателя. Командовал ими Уэлсли, ставший после 1805 г. лордом Веллингтоном. Всякий раз, когда Сульт или Сюше вынуждены были, чтобы противостоять Веллингтону, покинуть какую-либо испанскую провинцию, та восставала. Прибыв на место, маршалы императора отбрасывали англичан за линии укреплений Торриш-Ведраша. Но Веллингтон сумел извлечь выгоду из обстоятельств и победоносно сопротивлялся, умело используя огонь своих батарей и создавая весьма обширный сектор обстрела. Тактикой Веллингтона была активная оборона. Основная масса его войск занимала надежную позицию, и только выдвинувшиеся вперед стрелки поджидали неприятельские колонны. Сэр Джон Мур специально обучил в Шорнклифском

лагере некоторые английские полки и подготовил их для такого типа боя в «линиях», и именно эти войска впоследствии одержали победы при Бусако, при Саламанке и позже при Ватерлоо. В 1804 г. Испания была потеряна для Наполеона. Тем не менее ему пришлось напасть на Россию, которая тоже отказывалась поддерживать блокаду. Он оставил там своих лучших солдат. С помощью английских субсидий Россия, Пруссия и Австрия после Лейпцигской битвы (октябрь 1813) вернули его во Францию, где, несмотря на свои поразительные победы во Французской кампании, император в конце концов был вынужден отречься (1814). Но пока союзники на Венском конгрессе спорили об участи Франции, Наполеон, отправленный всего лишь на остров Эльбу, вернулся, без труда прогнал Бурбонов и двинулся на Брюссель. Веллингтон с маленькой англо-немецкой армией победил его при Ватерлоо (1815).

15. Битва при Ватерлоо была поражением вооруженной революции. Хотя Наполеон женился на эрцгерцогине, «его добрые братья императоры и короли» всегда считали его лишь опасным авантюристом. Целью монархов России, Австрии и Пруссии на Венском конгрессе стало окружить барьером буферных государств нацию, которая внушала им столько опасений. Они создали Королевство Нидерландов (Голландия–Бельгия), просуществовавшее до 1830 г.; они доверили оборону левого берега Рейна Пруссии, оборону альпийской границы — Королевству Пьемонт и Сардиния, оборону Северной Италии — Австрии. Талейран, который старался ограничить жертвы Франции, нашел неожиданную поддержку в лице английского полномочного представителя Каслри. В который раз Англия ради поддержания баланса сил приняла после победы коалиции, в которую сама же и вдохнула жизнь, сторону побежденного. Она не хотела ни чтобы слишком ослабела Франция, ни чтобы слишком усилилась Россия; она не была охвачена, подобно остальным центральноевропейским державам, приступом охранительной паники и получила все, что хотела: Мальту, мыс Доброй Надежды, Цейлон, но, главное, свалила человека, который ей сопротивлялся, пытаясь установить французскую гегемонию в Европе. Она была удовлетворена. Однако без всякого великодушия отнеслась к Наполеону, который после второго отречения «сел у очага самого благородного из своих врагов», и до

Пробитая французская кираса, найденная на поле Ватерлоо

Роберт Александр Хилингфорд. Веллингтон в битве при Ватерлоо. XIX в.

самой смерти держала его на острове Святой Елены в достойном жалости убожестве. Это лишенное величия поведение вызвало протесты многих англичан, в том числе и Байрона.

16. Освободившееся от своих страхов английское правительство охотно проявило бы равнодушие к континенту. Но не смогло. Нации-победительницы образовали общество для поддержания Венского мира и принципов законности. Англия была вынуждена нехотя примкнуть к этому Священному союзу. И не замедлила вступить в конфликт со своими партнерами. А что касается самой цели Венского конгресса, достижение которой стало еще более отдаленным, чем это обычно бывает в дипломатических построениях, то в ходе XIX в. ей было суждено обратиться в прах. Венские переговорщики основывались на двух идеях, которые казались им основополагающими: на легитимности и европейском равновесии. Но они пренебрегли национальными чувствами, чья возрастающая сила через сорок лет взорвет установленные ими рамки.

Треуголка Наполеона.
Хранится в одном из музеев Бельгии
в память о сражении при Ватерлоо

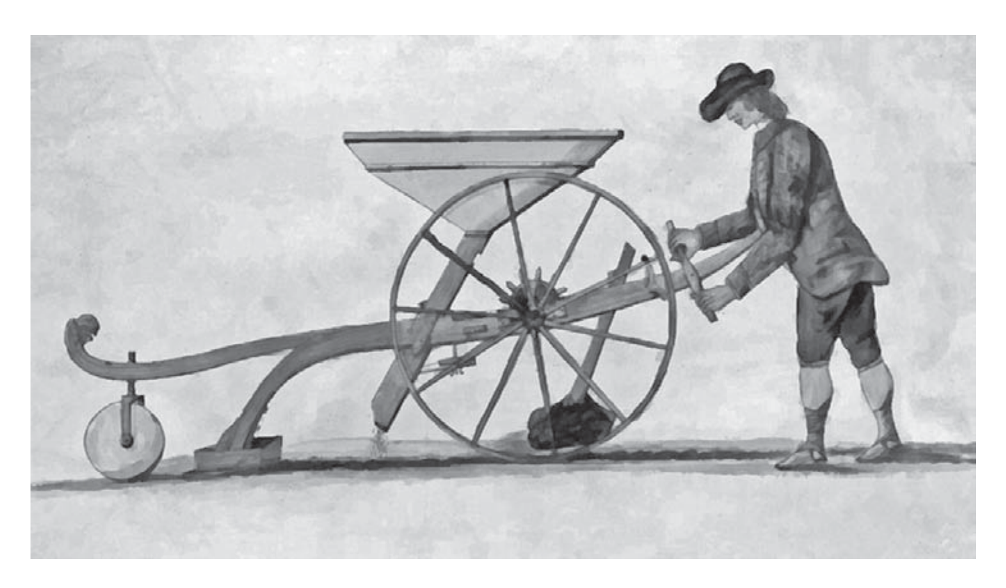
VIII. Сельскохозяйственно-промышленная революция

1. В XIV в. «черная смерть», внезапно сократив население Англии на треть, казалось, благоприятствовала раскрепощению крестьян и дроблению хозяйств; во второй половине XVIII в. внезапный рост населения, напротив, повлек за собой усиление «огораживаний». Около 1700 г. количество жителей Англии оценивалось в 5,5 млн; до 1750 г. эта цифра росла очень медленно, а потом за одно только царствование Георга III вдруг удвоилась, достигнув в 1821 г. 14 млн. Причин для такого увеличения было несколько. Стремительное развитие промышленности, гарантированно использовавшей труд детей, к несчастью даже самых юных, поощряло бедные семьи к размножению. Из-за переселения работников из деревни в город они набивались помногу в слишком тесные, перенаселенные дома, где традиционные чувства стыдливости и сдержанности ослаблялись. В то же время увеличение рождаемости и прогресс медицины уменьшали смертность. Было покончено с большими эпидемиями, одним махом сокращавшими на треть население Лондона. За детьми и матерями лучше ухаживали при родах; в большинстве городов открывались больницы. Увеличившемуся населению требовалось больше пищи. Вот откуда возникла необходимость расширить обрабатываемые площади, а из этого проистекли и определенные выгоды для землевладельцев.

2. Но такое процветание сельского хозяйства шло на пользу только *лендлордам (landlords)*. Любое правительство поощряет некоторые экономические интересы. Тюдоры поддерживали купцов, Карл II обеспечил преобладание сельских джентльменов, которым был обязан своим возвращением. Парламенты XVIII в. состояли из крупных землевладельцев и сквайров, а законы, которые они принимали, были не слишком благоприятны для деревенского люда. Фермеров, имевших долгосрочный арендный договор, вдруг стали заменять арендаторами, которых можно было изгнать, предупредив всего за шесть месяцев. Все поземельные сборы увеличились. Чтобы стать магистратом, получить чин в ополчении графства, добиться права охоты, приходилось становиться богаче, чем прежде. Старинным народным и по преимуществу приходским органам самоуправления пришли на смену органы власти графства — аристократические. За время Французской революции мировые судьи стали суровее. Наконец, крупные землевладельцы часто испытывали искушение воспользоваться своим политическим и административным весом, чтобы округлить собственные владения, и им это удавалось тем легче, что их личные интересы, казалось бы, совпадали с национальными.

Шотландское фермерское хозяйство. Гравюра. Около 1780

3. Общинные поля, еще очень многочисленные в 1750 г., на самом деле были примером довольно примитивного землепользования. Один небрежный земледелец, не выпалывавший сорняки, мог свести на нет всю работу остальных. Крестьянин проводил жизнь, бегая от одного клочка земли к другому. Употребление органических удобрений и мергеля было затруднено, потому что у обрабатывавших эти крохи земли не было денег на покупку новых средств. Тем не менее в Голландии, во Франции зарождалось научное земледелие, которое популяризировали в Англии такие люди, как Джетро Тал и лорд Таунсенд. Этот последний, забросив политическую жизнь, сделался ученым-земледельцем. Вместо того чтобы оставлять каждые три года поля под паром, он стал чередовать посадку корнеплодов (репа, свекла) с посевом злаков и трав (эспарцет, клевер) и таким образом готовил себе запасы на зиму, чтобы кормить скот. Крестьяне пожимали плечами и ворчали: «Вольно́ джентльмену клевер сеять! А нам-то чем за аренду платить?» Но крестьяне ошибались, и более продуктивный метод обязательно должен был одержать верх. Куку из Норфолка, знаменитому земледельцу, чье образцовое хозяйство привлекало путешественников со всей Европы, удалось с помощью осторожного использования органических удобрений выращивать зерновые культуры на прежде бесплодных землях.



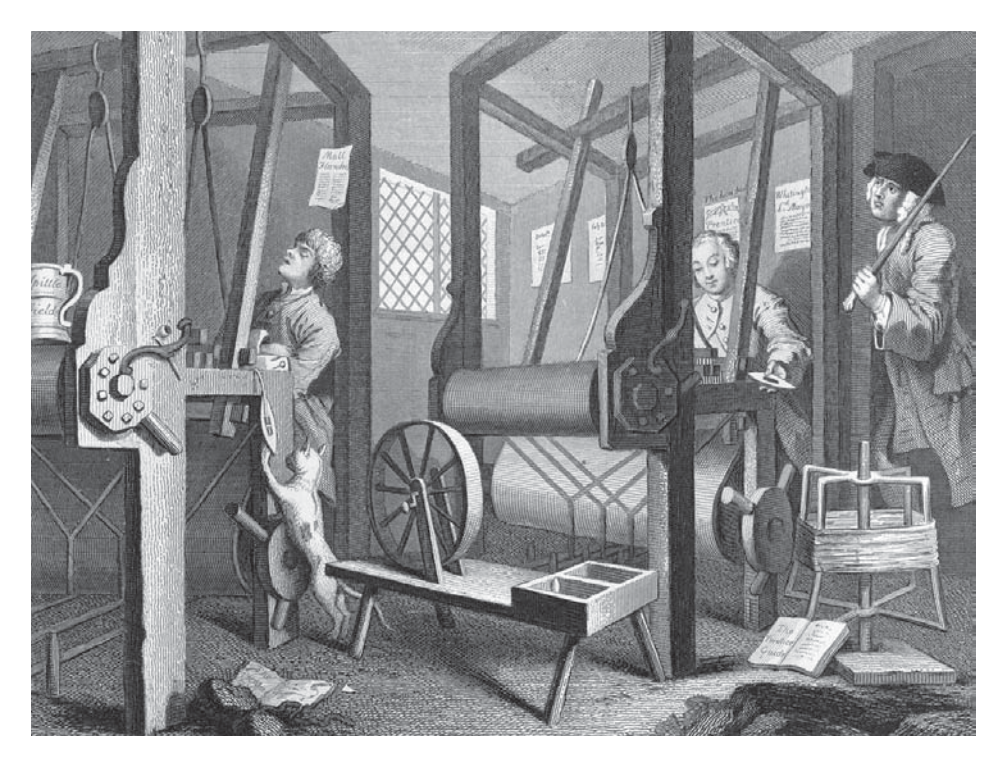
Сеялка. Англия. XVIII в.

Беквелл улучшал породы животных — коз, овец. Поняв, что потребность в мясе будет увеличиваться вместе с ростом населения, он пытался вывести вместо длинноногих животных, уместных, когда Англия была покрыта болотами, оврагами и колючими зарослями, низкорослые мясные породы. Эти опыты забавляли эпоху, проявлявшую любопытство к науке и новшествам. В продолжение всего XVIII в. земледелие и животноводство были в моде. Нувориши вкладывали свои деньги в земли. Как только у врачей, пасторов, судейских появлялся какой-то досуг, они становились фермерами. «Фермерское племя, — писал Юнг, — теперь образовано всеми классами, от герцога до подмастерья».

4. В начале XVIII в. принадлежавшие общинам залежные земли и пустоши все еще занимали огромные площади. При Георге III крупные землевладельцы изо всех сил старались вынудить «держателей», чтобы те обносили свои поля оградой. При этом сами прирезáли к собственным владениям не только обработанные участки, но и некоторую часть общинных земель, *commons*. Это делалось с помощью «частных», закрытых для публики актов парламента. За время царствования Георга III было проведено 3354 таких акта, и для новых методов землепользования стали доступны около 4 млн акров. Чтобы добиться от парламента принятия подобного акта, было достаточно, чтобы ходатайство поддержали три четверти землевладельцев прихода. Но эти три четверти считались не по количеству владельцев, а по площади находившейся в их владении земли, так что в не-

которых приходах сквайр единолично составлял большинство. Для вящего приличия он объединялся с несколькими другими крупными землевладельцами и подавал заявку в парламент. Крестьян при этом даже не ставили в известность, те узнавали об отторжении своих общинных земель уже потом. *Огораживания* позволили создавать крупные фермы с обширными угодьями и применять научные методы, в результате чего необычайно увеличивалось производство продукции. Англия стала одной из житниц Европы. Но мелкие крестьяне жестоко страдали от обезземеливания. Исчезновение общинных земель лишало их клочка луга, позволявшего им иметь корову, или кусочка леса с желудями для свиней, где сами они всегда находили топливо для кухни и обогрева. Они были подавлены, перестали работать от души и позволяли себе скатываться к лени, пьянству или переселялись в города на севере, где новой промышленности требовались рабочие руки. Тогда-то и был отменен этот замечательный закон Елизаветы, запрещавший строить коттеджи, не оставляя при них по меньшей мере 4 акров сада. Именно эта отмена позволила разрастись кварталам трущоб *(slums)*, которым предстояло позорить большие английские города вплоть до XX в.

5. В былые времена *йомен* сопротивлялся бы и цеплялся за свою землю. Но, кроме городов, его манили и колонии. С 1740 по 1763 г. Англия приобрела бóльшую часть французских колониальных владений. Отважным фермерам сулили пристанище и малонаселенная Канада, и процветавшие американские штаты. Те, кто оставался, поступали на службу к *лендлордам*. Коббет замечает в 1821 г., что по всей Англии там, где раньше было три фермы, теперь осталась всего одна. В 1826 г. он отметил, что в некоей деревне 14 прежних ферм заменила одна-единственная. Слово *йомен* стремится к исчезновению. «В XV в. это слово обозначало одновременно независимого землевладельца и фермера; в XVIII в., наоборот, словом „фермер“ обозначают и тех и других, отмечая целый класс знаком зависимости по отношению к *джентри*». Зависимости, которая позже обернется подражанием. В 1820 г. крупный фермер — это уже не первый из своих работников, но богатый человек, который хочет жить как *джентльмен* и участвовать в псовой охоте. «А когда фермеры становятся *джентльменами*, — пишет Коббет, — их работники становятся рабами». Все время, покуда длились Наполеоновские войны, высокие цены на сельскохозяйственные продукты еще позволяли выжить тем из мелких фермеров, кто смог сохранить свою независимость. Ватерлоо их прикончило, и тогда стало видно, как почти поголовно исчезает этот средний деревенский класс, так долго бывший военным и нравственным оплотом Англии.



Уильям Хогарт. Подмастерья у ткацких станков.
Гравюра из серии «Прилежание и леность». 1747

6. Что касается сельскохозяйственного рабочего, то он в начале XIX в. прозябал в нищете. Заработная плата росла не так быстро, как цены. Некогда каждая деревня и почти каждый дом могли жить, обеспечивая себя всем необходимым. С развитием крупной промышленности исчезли деревенские ремесленники. Вскоре мы увидим фермеров, которые отказываются не только давать, но и продавать зерно своим сельскохозяйственным рабочим. Разрыв между продукцией и производителями создаст абстрактную экономику, совершенно неизвестную в Средние века и которая будет способствовать развитию самой ужасающей нищеты. Лучшие из судей пытались найти лекарство от этого недуга, с бóльшим великодушием применяя закон о бедных, но их добрые намерения привели к ужасным результатам. В 1794 г. группа мировых судей, собравшаяся в Спинхемленде (Speenhamland), решила зафиксировать сумму, которую можно было принять за жизненно необходимый минимум для семьи. По их решению эта сумма была эквивалентна 26 фунтам хлеба в неделю для каждого взрослого человека плюс 13 фунтов для жены и каждого из детей. Если заработная плата отца не достигала этого минимума, ее надлежало дополнить предоставлением

пособия, собранного каждым приходом посредством налога на бедных *(rates)*. Непосредственные последствия этих мер были плачевными: землевладельцы и фермеры стали находить рабочих, готовых работать за совершенно ничтожную плату, потому что она все равно дополнялась коммуной. Таким образом, мелкие фермеры, которые использовали только руки своей семьи, оказывались разоренными из-за конкуренции с этой неимущей рабочей силой, которую им же самим, как налогоплательщикам, еще и приходилось содержать. В результате спинхемлендская система превратила деревенское население страны, бывшей когда-то «веселой Англией», в массу несчастных, которых кормила, причем плохо, общественная благотворительность.

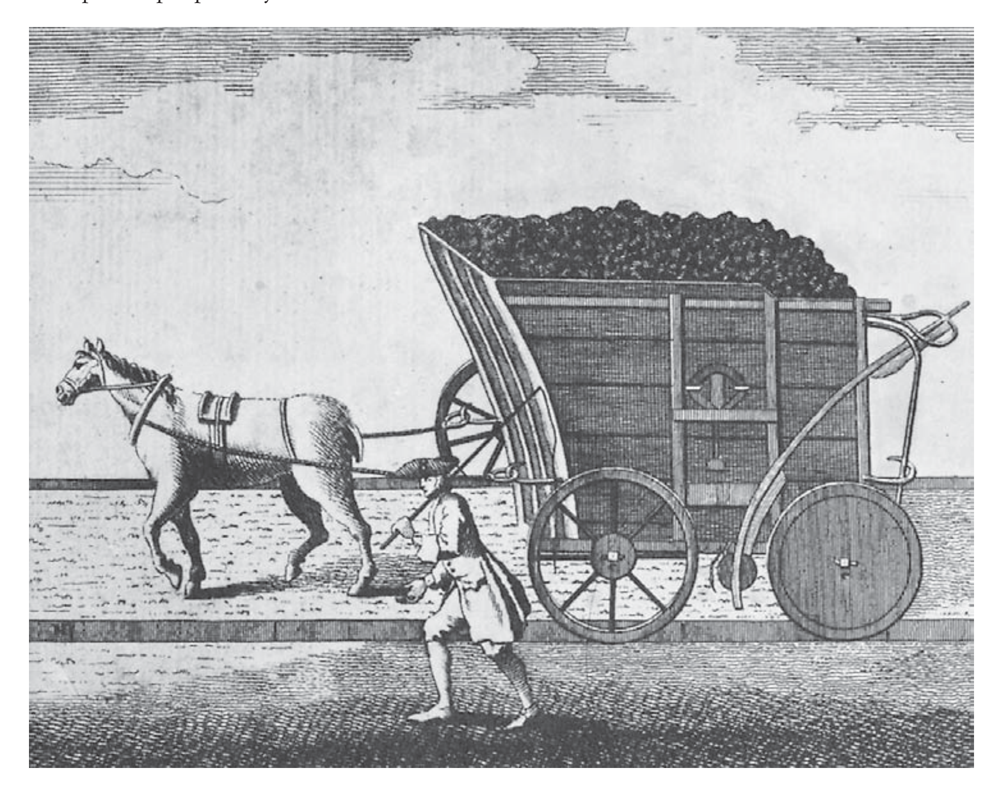
7. Одновременно с крупным сельским хозяйством развивалась и крупная промышленность. Индустриальная революция не была, подобно революции политической, чередой событий, происшедших в довольно короткое время, но сначала медленным, а потом, между 1760 и 1815 г., более стремительным преобразованием экономики. Исчезновение системы гильдий началось с развитием капитализма, то есть с началом эксплуатации предпринимателем коллективного труда. Движение к укрупнению предприятий в Англии XVIII в. ускорилось вследствие увеличения количества потребителей, открытия новых рынков (в частности, рынка американских колоний) и благодаря техническим изобретениям. В текстильной промышленности изобретение *челнока-самолета* (1733) увеличило производительность труда ткачей и их потребность в нитках. До этого шерсть пряли на дому жена и дочери ткача (вот почему старую деву в Англии называют «прядильщицей», *spinster*). Чтобы ответить на возросшие потребности ткачей, Харгривс, Аркрайт, Кромптон сумели привести в движение одновременно сначала 10 веретен, а потом 100, которыми управлял один-единственный рабочий с помощью помощников, связывавших нити. Прядение тогда обогнало ткачество. В ответ на эту новую потребность были изобретены ткацкие станки. Потом силу людей или рек заменила паровая машина, а главным богатством страны стали угольные шахты. Франция, которая могла стать в этом завоевании рынков счастливой соперницей Англии, отстала в критический момент: 1) из-за

Прядильная машина Харгривса, или «прялка Дженни», сконструированная английским изобретателем Джеймсом Харгривсом в 1765 г.

своих внутренних таможен; 2) из-за нехватки угля (Франция 1845 г. добывала только 5 млн тонн против 35 млн тонн в Англии); 3) из-за Наполеоновских войн и блокады, лишившей ее хлопка. Новая хлопчатобумажная промышленность стала полностью английской. В 1744 г. Англия потребляла 4 млн фунтов хлопка, в 1833 г. — 300 млн. Замена в металлургии древесного угля каменным привела к переводу больших английских заводов с юга, богатого лесами, на север, в край шахт.

8. Крупное сельскохозяйственное производство требовало улучшения транспортных средств. В XVIII в. в некоторых частях страны еще можно было передвигаться только верхом. Плохое состояние дорог было вызвано тем, что за каждый участок дороги, как в Средние века, отвечал приход. Местная, когда-то полезная автономия лишала Англию дорожной сети, какой располагала Франция, поскольку там она была задумана и осуществлена центральной администрацией. Однако начиная с 1760 г. дала неплохие результаты система платных дорог *(turnpik roads)*; она была уступлена тре-

Первая в Англии деревянная рельсовая дорога, построенная в середине XVIII в. для транспортировки угля из шахт



стам, которые для возмещения своих расходов имели право (как это делают сегодня на въезде на некоторые автострады) взимать плату с пассажиров. Но только начиная с 1815 г. искусство строить дороги достигло реального прогресса. Мак-Адаму, шотландскому инженеру, пришла идея покрыть дорогу герметичным панцирем. Благодаря ему скорость дилижансов и карет *(coaches)* увеличилась с 4 до 7, а потом и до 10 миль в час. Такие скорости быстро утомляли лошадей, которые тогда использовались необычайно широко. Вдоль дорог выросли красивые гостиницы с раскрашенными вывесками. 1831 г. стал апогеем *coaches*: на трех тысячах маршрутов использовалось 150 тыс. лошадей. Но начиная с этой даты развитие железных дорог приводит к упадку *coaches*. Тогда же, в конце XVIII в., север и срединная часть страны *(Midlands)* покрываются каналами, предназначенными для транспортировки угля. Развиваются и вспомогательные средства коммерции: банки и страховые компании. С 1689 г. несколько человек, готовых страховать фрахтовщиков от морских рисков, завели обычай собираться в кофейне *(coffee hous)* Эдварда Ллойда. Это учреждение станет крупнейшей в мире ассоциацией страховщиков, но с обычным английским консерватизмом оно вплоть до совсем недавнего времени продолжало именоваться *Lloyd's Coffee House*.

Адам Смит, родоначальник европейской экономической теории. Литография. XIX в.

9. Промышленная революция подготовила и сделала необходимой революцию политическую. Деревни умирали, города росли. Ливерпуль, который с 4 тыс. жителей в 1685 г. вырос до 40 тыс. в 1760 г., в 1891 г. достигнет 517 тыс. и 803 тыс. в 1936 г.; Манчестер с 6 тыс. в 1685 г. вырос до 40 тыс. в 1760 г., с 93 тыс. в 1801 г. достигнет 505 тыс. в 1891 г. и 800 600 в 1936 г. Политическая карта страны уже не совпадает с демографической. Некогда малонаселенный якобитский и католический Север теперь кишел радикальными шахтерами и ткачами. Развитие крупной промышленности создавало и новые классы. Класс богатых фабрикантов, чьи состояния, пропорциональные размаху новых рынков, сравнялись с состояниями крупных лендлордов, уже собирался потребовать свою долю влияния. А класс городских рабочих, совершенно непохожих на былых деревенских ремес-

ленников, гораздо более доступный для агитаторов из-за своей сплоченности, тоже был готов потребовать политической власти, потому что сознавал свои силы. И между этими «двумя нациями» модная тогда политическая экономия проложила самую непреодолимую из границ.

10. Любое крупное социальное изменение находит своих теоретиков, которые для объяснения преходящих явлений измышляют постоянные причины. Теоретиком промышленной революции в Англии был Адам Смит. Вдохновленный французскими физиократами, этот профессор из Глазго написал свое «Богатство наций», книгу, ставшую больше чем на век библией экономистов. В ней он проповедовал невмешательство в экономику, доверие к ее спонтанным движениям, к свободной конкуренции. В глазах Смита и его последователей благодетельный Бог упорядочил вселенную таким образом, что свободная игра природных законов обеспечивает наибольшее счастье наибольшему количеству людей. Возможно, что свобода бывает причиной временных страданий, но равновесие автоматически восстанавливается. Эта теория должна была успокоить совесть богачей, поскольку превращала нищету и безработицу в естественные и божественные лекарства. Отнюдь не такими были узкокорпоративная доктрина Средневековья и меркантилистская доктрина XVII в. Меркантилисты считали, что процветание государства измеряется положительным балансом его внешней торговли. Государство в меркантильной системе должно беспрестанно вмешиваться, чтобы защищать коммерческий баланс (именно этой доктрине Англия обязана потерей своих американских колоний). В XIX в. меркантилизм изжил себя; теперь торжествует экономический либерализм, потому что он вполне годится для периода экономической экспансии, когда всякий новый производитель находит свой рынок. Он станет опасным, как только насытятся рынки труда или производства. Тогда свободная конкуренция породит очевидное зло, и в Англии, как и в остальном западном мире, начнется возврат к государственному и автаркическому протекционизму, который необычайно удивил бы Кене и Адама Смита.

IX. Сентиментальная революция

1. «Духом XVIII в. был порядок и единство. Он был законченным; он был простым. Его литература и искусство — это язык маленького общества мужчин и женщин, которые вращаются внутри одной системы идей, понимают друг друга и которых не мучит никакая тревожащая или смущающая про-

Проповедник Джон Уэсли обращает в христианство североамериканских индейцев.
Гравюра. Конец XVIII — начало XIX в.

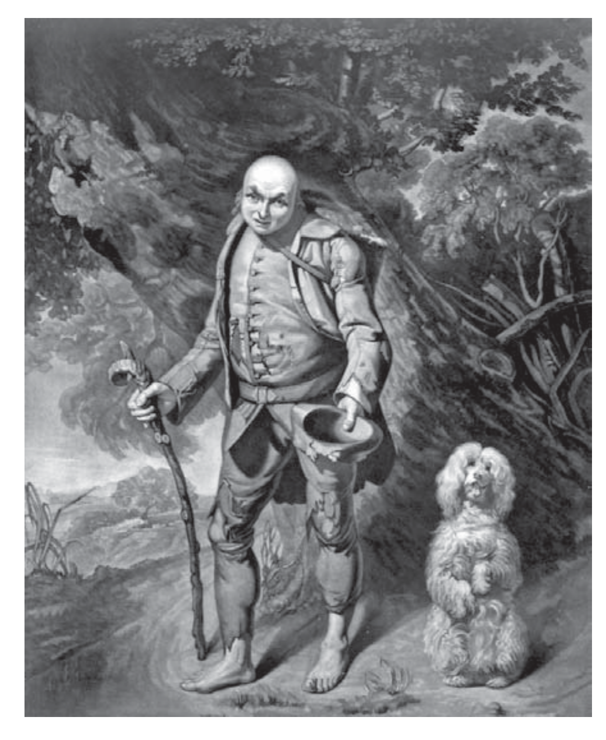
блема... Их франкмасонством стали классические произведения». В свое время было отмечено, что это достаточно общепринятое описание касается только поверхности идей и нравов. Трудно поверить, что человеческие умы не смущала никакая тревожащая идея. Хотя Гиббон и Джонсон были настоящими выразителями духа XVIII в., их глубокие страсти весьма сильны, но правда и то, что они стараются оправдать эти страсти с помощью рациональных объяснений и придать своим идеям классическую форму. Однако интеллектуальное равновесие, которое тогда искали самые благоразумные писатели из аристократов и буржуа, не могло удовлетворить гораздо более многочисленные классы, чье экономическое равновесие уничтожила сельскохозяйственно-промышленная революция и которые, чтобы избежать невыносимой действительности, нуждались в какой-нибудь религиозной или политической вере.

2. Англиканская церковь сама была слишком рационалистична, чтобы удовлетворить эти пылкие и мучительные чувства. Англиканские богословы XVIII в. старались прежде всего доказать, что не существует никакой при-

чины для конфликта между религией и разумом. Дескать, само Провидение захотело, чтобы мораль Христа стала также наивернейшим путем к мирскому спасению. Уильям Пейли (1743–1805), столь любезный отцу Шелли и многим умам, жаждущим успокоительной и простой уверенности, как раз и является одним из типичных философов-оптимистов, которые доказывают существование Бога, словно геометрическую теорему. Англиканская церковь становится тогда «классовой». Почти все епископы принадлежат к аристократическим семействам, все они виги или тори в зависимости от того, какая партия стоит у власти. Что касается младшего духовенства, то оно выбирается либо королем, либо местным сквайром. Из 11 тыс. священников 5700 находятся в распоряжении «покровителей». Естественно, эти покровители назначают людей своего социального круга, а часто и из своей семьи: сыновей, племянников, кузенов. Англиканским священникам не нужно проходить через семинарию, чтобы получить сан. Им довольно и самого скромного диплома Оксфорда или Кембриджа. Их культура (если она у них есть) скорее классическая, нежели христианская. Это *джентльмены*, обладающие всеми вкусами и недостатками, а впрочем, и достоинствами своего класса. Пастор, участвующий в псовой охоте, никого не шокирует. Часто он также мировой судья и оказывается на судейской скамье вместе со своим дядей и кузенами. Так политический остов страны подчеркивается и дублируется ее религиозным остовом. И в том и в другом случае ее основной элемент формируется классом землевладельцев. Таким образом, Англиканская церковь оказывается приобщенной к могуществу местных руководящих классов, но теряет всякий контакт с народными массами. Многие богатые «ректоры» не проживают в приходах, они — «плюралисты», то есть обладают несколькими бенефициями и в каждом приходе заменяют себя бедными викариями. В 1812 г. из 11 тыс. ректоров 6 тыс. проживают в другом месте. Да и сам викарий старается жить как джентльмен и понравиться сквайру, чтобы однажды и самому стать таким же номинальным священнослужителем.

3. Если «мягкая и разумная» англиканская религия XVIII в. в высшей степени годилась для самой благополучной части нации, то рабочим и крестьянам, озлобленным и возмущенным из-за своей нищеты, она не приносила никакой духовной пищи. Сельскохозяйственная и промышленная революции породили чувство несправедливости и нестабильности. Для страждущих и несчастных душ одних рациональных доводов о существовании абстрактного Бога явно не хватало. В свое время массы были завоеваны более эгалитарными сектами — диссидентскими или нонконформистскими. Но в начале XVIII в. три старых течения (пресвитериане,

индепенденты и паписты) тоже «потеплели». Гонения разжигают веру, терпимость ее остужает и усыпляет. Хотя законы против диссидентов еще существовали, они уже совсем не применялись. Быть «конформистами по случаю» — вот и все, чего от них требовали, чтобы позволить им состоять в корпорациях и муниципалитетах. Даже ужасающая религия, кальвинистская догма о предопределении свыше, так глубоко затронувшая души шотландцев, тоже смягчилась в этой стране компромисса. Конечно, в Англии еще оставались убежденные кальвинисты, но они, уверенные в собственной избранности, вовсе не интересовались прозелитизмом.



Нищий и его собака.
Гравюра по живописному оригиналу
Джона Китчингмена. 1775

4. «Возможное — рядом с необходимым». Поскольку в средних и бедных классах существовали многочисленные души, нуждавшиеся в более страстной религии, и поскольку и диссиденты, и англиканцы показали себя одинаково неспособными удовлетворить эту потребность, должен был найтись человек, чтобы дать такую религию народным массам. Этим человеком стал Джон Уэсли. В начале своей жизни он был свободомыслящим англиканцем из Оксфорда, почитавшим веру за рациональное согласие. Но это вероучение не вполне его удовлетворяло. «Перестает ли рассудок когда-нибудь рассуждать? — мыслил он. — Как быть уверенным, что нашел наконец истину и спасение? Можно ли почувствовать благодать? И чтобы достичь ее, не следует ли отдаваться поискам с бóльшим пылом?» Около 1726 г. Оксфорд с удивлением увидел, как несколько молодых людей основали Клуб святости (*Holy Club*), члены которого постились, молились, посещали бедняков, проповедовали под открытым небом и исповедовались в своих грехах друг другу. Над Уэсли и его друзьями много насмехались и прозвали их «методистами». Это прозвище станет названием Церкви, которая насчитывает сегодня миллионы приверженцев.

Напрасно отец Уэсли, англиканский ректор, умолял своего сына отказаться от этих безумств и стать его преемником в приходе. Джон Уэсли чувствовал себя призванным к более обширной миссии: обратить в христианство остывший до теплоты мир.

5. В течение нескольких лет его жизнь была довольно беспокойной. Сначала он уехал со своим братом в американские колонии. В рассказах о его невзгодах сквозит неистовый и чувственный темперамент. Пыл, который Джон Уэсли проявлял, чтобы обратить в свою веру молодых и красивых женщин, происходил не только от самого искреннего религиозного рвения, но и от физического желания, быть может неосознанного. Христианам из колоний не нравилась эта слишком агрессивная религия, эти слишком личные и неистовые проповеди. Отвергнутому ими Уэсли пришлось вернуться в Англию. Он еще не нашел свой путь. «Я был в Америке, чтобы обратить индейцев, но кто обратит меня самого?» На корабле он впервые соприкоснулся с членами немецкой секты Моравских братьев и посчитал, что нашел среди них то, что искал. Он отправился в Германию, чтобы посетить моравские общины, но счел их веру слишком благодушной. Душа Уэсли нуждалась в более жарком огне. И вот 24 мая 1738 г. на него нашло некое озарение, и он увидел, какой должна быть настоящая вера: живой связью с Богом, а не работой рассудка. Отныне он понял, что его собственная миссия — привести людей к этому состоянию духовного транса и полного единения с Богом. Сначала он пытался проповедовать в церквях, но его горячность не понравилась епископам, которые не пускали его на освященные кафедры. Один из друзей, Уитфилд, позвал его в Бристоль, и там он в первый раз и с необычайным успехом проповедовал под открытым небом перед простыми людьми.

6. Тогда-то и началась жизнь, наполненная проповедью. Оба друга, Уэсли и Уитфилд, проповедовали в полях, в ригах, в рабочих кварталах. Джон Уэсли один прочитал 40 тыс. проповедей и проехал 250 тыс. миль. Поначалу его часто плохо принимали враждебные толпы, но очень скоро распространились слухи об удивительных обращениях, совершенных им. Его физическое влияние было удивительным. Мужчины и женщины трепетали, лишались чувств, а очнувшись, чувствовали, что их наполняет Святой Дух. Что касается самого Уэсли, все время разъезжавшего по стране и спавшего вполглаза, то он смирил наконец с помощью такой жизни, которая убила бы любого другого, свой более чем человеческий темперамент. Как он понимал свою миссию? Он хотел остаться в лоне Англиканской церкви, но вдохнуть в нее больше силы. Он считал себя совершенным англи-

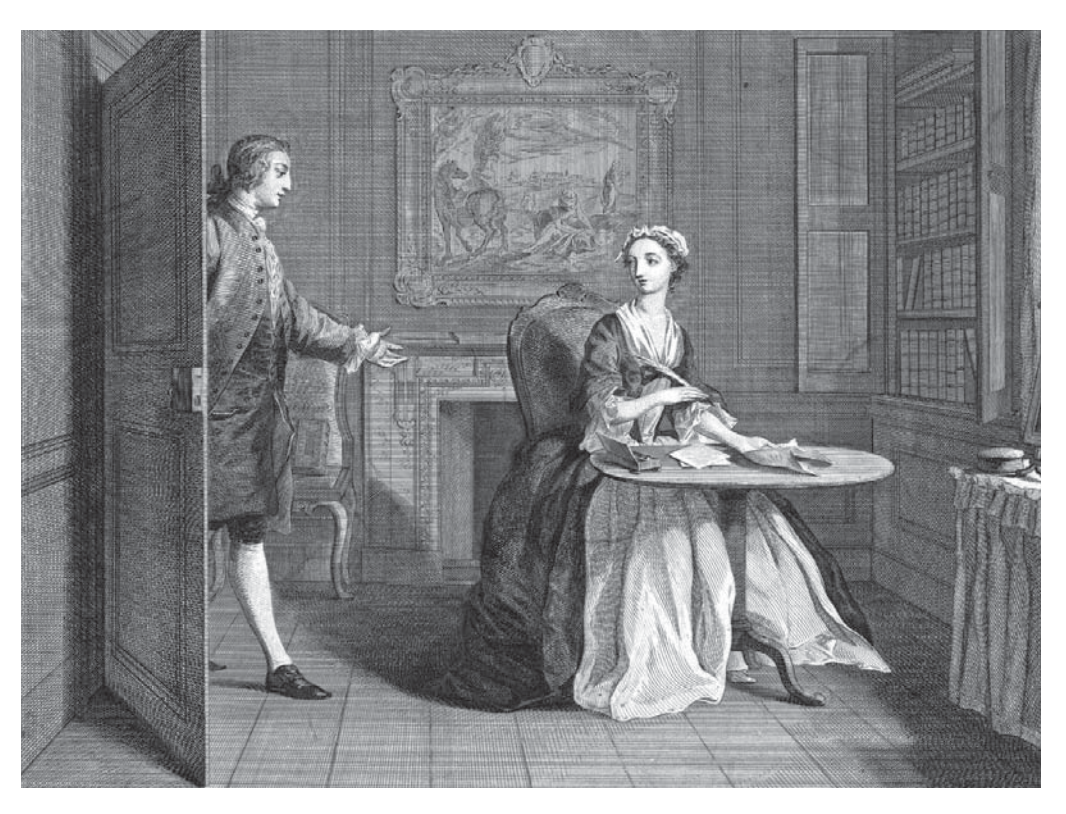
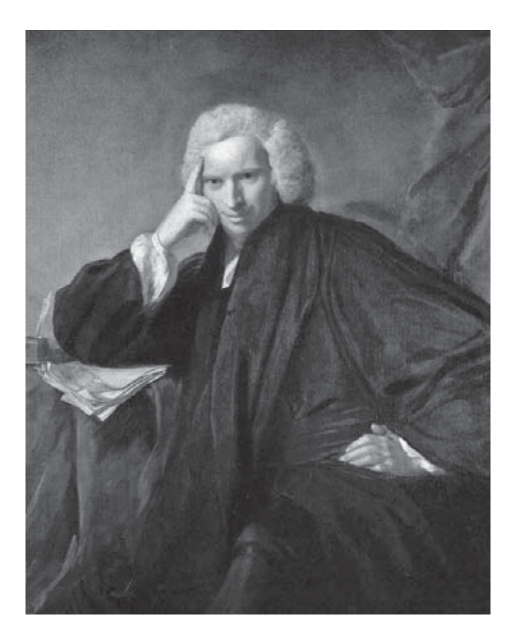


Иллюстрация к «Памеле» Сэмюэла Ричардсона. Издание 1745 г.

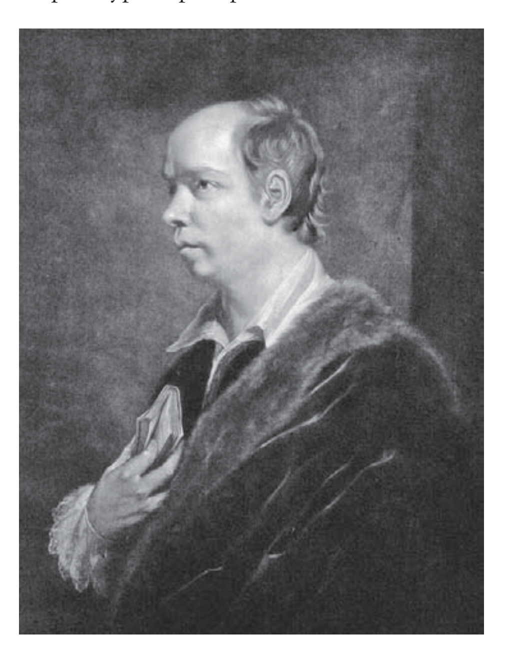
канцем, просто выполнявшим свой долг немного лучше остальных. Однако рассудительные и аристократичные епископы 1750 г. с раздраженным презрением смотрели на эти сборища под открытым небом, на эти возбужденные толпы. Они не только закрыли для Уэсли свои церкви, но и отказывались брать на себя ответственность за его проповеди и рукополагать его проповедников. Только под самый конец своей жизни Уэсли, отчаявшись заключить мир с господствовавшей Церковью, смирился с тем, что сам вынужден возводить в сан священников, и тем самым против своей воли основал диссидентскую секту методистов-уэслианцев, которая в 1810 г. насчитывала уже 230 тыс. членов.

7. Влияние методизма на английский народ было огромным. Для тысяч людей, для тех, кто в этом острее всего нуждался, религия вновь стала живой. Как и первые пуритане, первые уэслианцы обвиняли терпимую, чувственную философию своего времени. Они способствовали поддержанию традиции английских воскресений. И, борясь со страшившей их сенти-



Джошуа Рейнолдс.
Портрет Лоренса Стерна. 1760

Портрет Оливера Голдсмита, английского прозаика, поэта и драматурга. Гравюра. 1700



ментальной конкуренцией, оттягивали эмансипацию католиков. В недрах самого англиканского вероучения это «евангелическое» движение захватило всю Низкую церковь. Пасторы англиканской евангелической партии пошли в народ как проповедники Уэсли. Диссидентские секты, устрашенные успехами уэслианцев, отказались от своей благочестивой анархии и стали объединяться в церкви. Всякая религия становилась более эмоциональной. А поскольку это «пробужденное» христианство поглощало активные силы бедняков, их гораздо менее, чем плебс на континенте, искушали революционные теории. Нищета и неравенство принимались в Англии, по крайней мере на время, как ниспосланные Богом раны, наградой за которые верующему были душевное счастье и спасение. В конце XVIII в. английская аристократия и крупная буржуазия могли быть циничными, безнравственными, а порой и безбожными, но народные массы чтили Библию.

8. Сентиментальная революция произошла не только в области религии. В Англии, как и во Франции, XVIII в. начинается с культа утонченной, но искусственной цивилизации, потом открывает сложность человека, силу чувства и желает возврата к природе. В то время как Филдинг наблюдает людей как выдающийся романист-классик, Ричардсон, подобно Руссо, стремится описывать их тревоги и страсти и одним из первых обнаруживает двусмысленное очарование смеси нравственности

и чувственности. Сначала Голдсмит, потом Стерн вводят в моду нежную чувствительность, спокойное «долгое тремоло», новый *гуманитаризм*. Скотт увлекает своих читателей в прошлое. Светскую поэзию сменяет интимная и мистическая; Каупер, Вордсворт, Блейк, Колридж подготавливают и предвещают романтизм. Они уже романтики, поскольку между двумя гранями века нет четких границ, и в том году, когда Ричардсон публикует свою «Памелу», доктор Сэмюэл Джонсон — еще совсем молодой человек. Разразившаяся Французская революция шокировала таких политических философов, как Бёрк, и при этом сильно взволновала некоторых выдающихся английских поэтов. Шелли даже защищает ее принципы, а Байрон, узнав о победе Веллингтона при Ватерлоо, пишет: *«Well, I am damned sorry for it» («Что ж, чертовски за это извиняюсь»)*. В то время молодежь обеих стран жаждет обновления. Но французская молодежь изменяет общество своими поступками и Европу своими войнами. Эти реальные изменения избавляют ее от литературного бегства. Английская же молодежь, наоборот, чувствует, что ее ущемляет общество, рамки которого сделались более жесткими из страха перед якобинством. И она убегает в вымысел, убегает даже в прямом смысле, и Италия принимает многих бунтарей английского романтизма. Честертон заметил, что конец XVIII в., который в революционной Франции породил классицистическую живопись Буали и Давида, в Англии является временем романтических видений Блейка, и что Колридж с Китсом наверняка шокировали

Питер Вандайк.
Портрет Сэмюэла Колриджа. 1795

Уильям Шатер.
Портрет Уильяма Вордсворта. 1798

Уильям Хилтон. Портрет Джона Китса. Начало XIX в.

Амелия Керран. Портрет Перси Биши Шелли. 1819

бы Дантона, и если бы Комитет общественного спасения не казнил Шелли как аристократа, то наверняка посадил бы под замок как сумасшедшего. Никакая эпоха не позволяет лучше наблюдать «дополняющий» характер всякой артистической деятельности. Одна из двух стран устраивает политическую революцию, другая — эстетическую. Английские писатели «оплакивают узника, но не имеют никакого желания разрушать Бастилию».

9. Различные революции XVIII в. — промышленная, политическая и сентиментальная — отражаются в зеркале языка. Между 1700 и 1750 г. появляются, как сообщает нам Логан Пирсол Смит[1], слова: *bankruptcy* (банкротство), *banking* (банковское дело), *bull and bears* («быки и медведи» — игроки на повышение и понижение); после 1750 г.: *consols* (консолидированные ценные бумаги), *finance, bonus, capitalist.* Слово *minister* датируется царствованием королевы Анны, *budget* — царствованием Георга II. Французской революции Англия обязана словами*: aristocrat, democrat, royalist, terrorism, conscription, guillotine.* Лондонский *сезон (season)*, *клуб (club)*, *magazine* (периодический журнал), *пресса (press)* — это слова XVIII в. Слово *interesting* в его современном смысле впервые появляется в «Сентиментальном путешествии» Стерна (1768), и почти в то же время рождается *boring* (скучный, надоедливый). Словарь показывает также, что человек становится тогда более внимательным к собственным эмоциям. Это

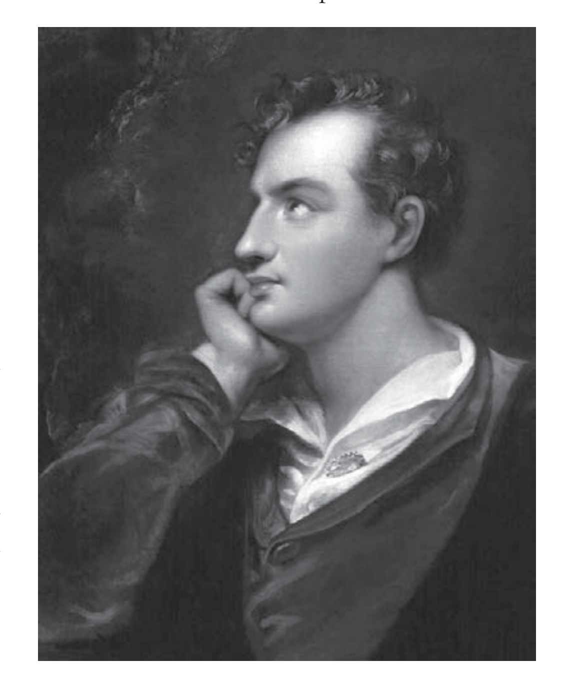
[1] *Логан Пирсол Смит* — английский критик и эссеист американского происхождения.

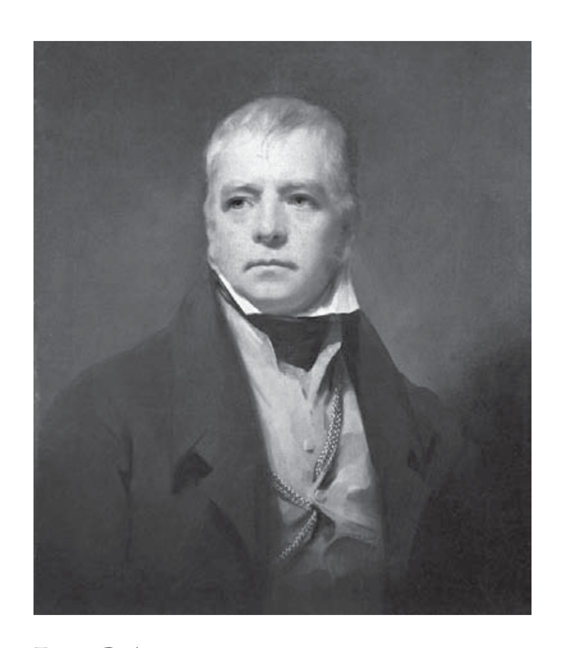
замечание приложимо и к самому слову *sentimental*, которое рождается в Англии в середине XVIII в. Уэсли во время одной из своих пастырских поездок прочел «Сентиментальное путешествие» и все недоумевал: «*Сентиментальное?* Что это такое? Это же не по-английски. С таким же успехом можно было написать: *континентальное*». Тогда было трудно предвидеть, что слово и нечто, выражаемое им («то состояние души, которое превращает печаль в удовольствие, а симпатию делает скорее целью, нежели средством»), станут столь глубоко английскими.

X. Заключение

1. Между английским и французским XVIII веком много сходных черт. В обеих странах к сентиментализму примешивались вольнодумство с распутством и цинизмом. Но характеры обоих народов, сформированные климатом и историей, остаются глубоко различными. Во Франции году этак в 1760-м с трудом представляют себе доктора Сэмюэла Джонсона, необычайно реакционного тори, который заявляет о своей любви к иерархии и ненависти к свободе, «понятиям, годным лишь на то, чтобы забавлять народ», и который при этом дружит с Бёрком и трапезничает с Уилксом, почитателем Фокса. Протестант-пуританин, человек редкий во Франции и не имеющий там никакого влияния, в составе Англии остается одним из наиболее важных элементов. Именно его религия окрашивает религиозные чувства всех классов, даже тех, что в других странах наименее склонны к благочестию. Сравните жизнь Адриены Лекуврёр или Софи Арну с жизнью м-с Сиддонс, трогательной актрисы, добродетельной, почитаемой и всегда немного торжественной. Если во времена Карла II и в угаре Реставрации можно было счесть Англию склонной к цинизму, то во времена Регентства и несмотря на вольности некоторых денди евангелическая Англия восстановила все свое влияние. Любопытно наблюдать в умирающем Байроне

Ричард Уэстолл. Портрет Джорджа Гордона Байрона. Начало XIX в.





Генри Ребёрн.
Портрет Вальтера Скотта. 1822

символический триумф глубоко проросшего в его душе наследственного кальвинизма над вполне «умственным» цинизмом.

2. В период с 1688 по 1815 г. произошли три важнейших явления; это: 1) переход от монархического правления, где парламент играет всего лишь законодательную роль, к правлению олигархическому, где парламент является также (в противоположность тому, что думал Монтескье) источником исполнительной власти. Этот переход происходит благодаря изобретению (или, скорее, спонтанному возникновению) ответственного перед палатами кабинета министров, сделавшему возможным мирное чередование партий; 2) борьба с Францией, главная цель которой — помешать образованию на континенте любой опасной для Англии гегемонии, будь то гегемония Людовика XIV или Наполеона; а вторая цель — обеспечить Англии господство на море; наконец, косвенным и едва желаемым следствием всего этого явилось образование новой колониальной империи; 3) сельскохозяйственно-промышленная революция, которая, разоряя мелких землевладельцев и сосредотачивая в городах пролетариат, делает неизбежной политическую революцию. «Всякой форме экономики соответствует свой политический строй»[1]. *Пасторальная* экономика предполагает родовое или племенное правление; примитивная сельскохозяйственная экономика предполагает некоторую разновидность феодализма, потому что разрозненные земледельцы нуждаются в защите; время купцов — это время плутократии; время промышленности станет, по крайней мере в XIX в., временем демократии.

3. В XVIII в. власть в Англии принадлежала смешанному классу, который образовала аристократия (оставшаяся от скончавшегося феодализма) и совсем недавно возникшая плутократия. Этот единственный класс, разделившись, породил две партии. Около 1800 г. к нему принадлежали 487 из

[1] Профессор Поллард. — *Прим. авт.*

658 членов палаты общин. Мы показали, что этот строй был принят потому, что те, кто его осуществлял, сохранили контакт с крестьянами, потому, что его несправедливости отчасти исправлялись местными органами управления, и, наконец, потому, что эта группа привилегированных была открыта для людей талантливых или, по крайней мере, успешных. Такая система имела преимущество: она заставила правящие классы принять власть парламента. Если в XIX в. он стал более демократичным и никогда не сталкивался в английской элите с неблагоприятными для него предрассудками, то потому, что в XVIII в. эта элита привыкла считать его *своим* домом. Именно в том и состоит одна из причин, быть может самая важная, успеха парламентаризма в Англии, который в другом месте потерпел бы неудачу за неимением таких корней. Но эта аристократическая монополия перестала быть жизнеспособной, когда индустриальная революция, собрав рабочих в городах, сосредоточила в этих ограниченных объемах огромные силы, которым пришлось искать какой-нибудь предохранительный клапан, иначе они взорвали бы режим. С рабочими Бирмингема или Лидса у сквайров палаты общин уже не было ни общей жизни, ни общих мыслей. Да и что такое «приход» в глазах обитателя трущоб? За шестьдесят лет население Англии удвоилось, молодежь, которая в 1815 г. населяет большие города, никогда не знала сельской жизни, породившей и обусловившей устройство страны. Вполне естественно, что эта молодежь становится беспокойной, раздражительной и требует реформ.

4. И это беспокойство и раздражительность становились тем сильнее, что разбуженные Французской революцией страхи сделали тогда английскую аристократию менее гибкой и менее склонной к компромиссу. Эта заразная, агрессивная революция пробудила в Англии стойкие и горькие воспоминания. А вызванные ею войны нарушили нормальное развитие страны. Английские города стали разрастаться как раз в тот момент, когда правительство, поглощенное внешней борьбой, не смогло потребовать от архитекторов, чтобы те в своих проектах соблюдали необходимые правила гигиены. И хотя любое время изменений и изобретений поначалу влечет за собой большие несчастья, такого совершенно невыносимого обнищания бедняков в значительной мере можно было избежать, особенно в сельской местности. А так недовольство обострилось. Сама монархия утратила всякий авторитет. На следующий день после победы 1814 г. регента освистали на улицах Лондона. Верность нации долго поддерживала тори против «корсиканского чудовища», но наступление мира освободит сознание многих, и недовольство, накопившееся за двадцать пять лет, выльется в возмущения.

5. Правительство бессильно перед этим народным давлением. Правда, оно располагает самым большим флотом в мире, но флот не может поддерживать порядок внутри страны. Армию после войны придется частично распустить, а то, что останется, не способно контролировать всю страну. *Йоменри* больше не откликается на призыв, *констебли*-добровольцы отказываются приносить присягу, должностные лица безоружны. Мы увидим, что Англия все-таки избежит двух кровавых и напрасных потрясений — революции и последующей реакции. Этой устойчивостью она будет обязана трем силам: могуществу общественного мнения, которое через прессу, суды присяжных и различные ассоциации навязывает олигархическому парламенту необходимые реформы; существованию партии вигов (благодаря длительному влиянию Чарльза Джеймса Фокса) — либеральному элементу, достаточно гордому полученными при рождении привилегиями, чтобы не слишком дорожить привилегиями политическими, и достаточно благородному, чтобы помнить о народе; и, наконец, евангелическому течению, которое смягчает нравы и направляет страсти в русло религии. Независимость судей, надменный либерализм вигов и человеколюбие христиан позволят стране пройти самый трудный участок ее истории без гражданской войны.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ОТ АРИСТОКРАТИИ К ДЕМОКРАТИИ

MY
AILOR"
QUAKER OATS
ENO'S FRUIT SALT

I. Послевоенные трудности

1. Вполне естественно, что за долгой, даже победоносной войной после краткого мига торжества и разрядки последуют дни недовольства и беспорядков. Народ, недавно принесший большие жертвы, ждет от победы больших улучшений. Однако вместе с нарушением искусственного равновесия, установившегося во время войны, мир неизбежно приносит экономический кризис, который вскоре перерастает в политический. Англия с 1816 по 1826 г. познала пять плохих лет. С наступлением мира все цены снизились. Цена зерна, продававшегося до 120 шиллингов за четверть *(quarter)*[1], упала ниже 60 шиллингов. Это снижение разоряло фермеров, которые, считая высокие цены военного времени вечными, подписали кабальные арендные договоры. Сквайры и фермеры требовали снижения налогов. Канцлеру Ванситтарту пришлось отказаться от подоходного налога и прибегнуть к займу. Но когда из-за плохого урожая цена на зерно внезапно подскочила до 103 шиллингов, запротестовали рабочие. Фабриканты обвинили правительство в том, что оно своей политикой, вызвавшей дороговизну хлеба, вынуждает их поднимать заработную плату. Для завода, как и для имения, процветание кончилось. Больше не было никаких военных заказов. Считалось, что продукцию новых машин мог бы поглотить континент, но тот, обессиленный войной, отвергал английские товары. 250 тыс. демобилизованных солдат напрасно искали работу. Как это часто случается во времена быстрых и многочисленных изобретений, машины лишали человека его работы. Ожесточенные ткачи, ткавшие на ручных станках, разбивали ткацкие машины, а порой и поджигали фабрики. Нищета и безработица были такими, что налог на бедняков вырос с 5 млн до 9 млн фунтов. Это ли было столь желанным благом мира?

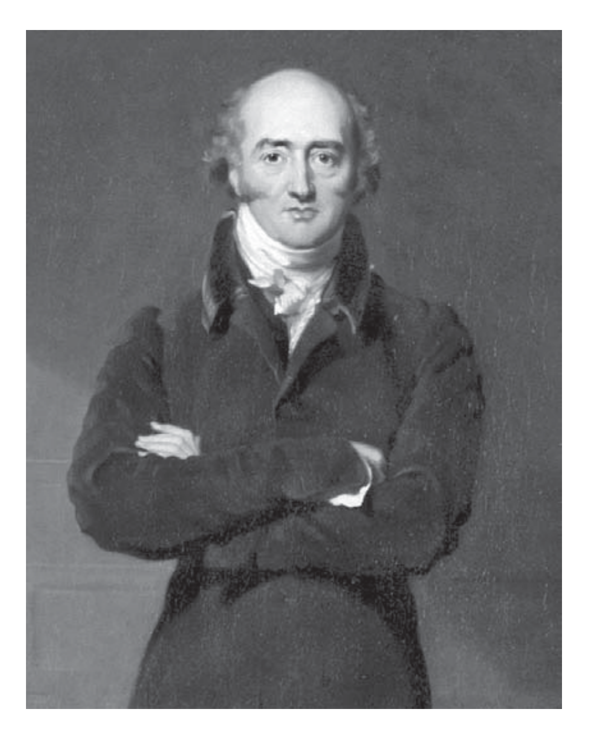
2. Казалось, что интересы Фабрики и Имения были противоположны, но, когда агитация среди народа стала неистовой и вслед за тканями запылали стога, фабрикантов и землевладельцев объединил общий страх. Не будучи избирателями, промышленные и сельскохозяйственные рабочие станови-

[1] Мера сыпучих тел, равная 2,9 гектолитра.

лись бунтовщиками. Ни один из их защитников не имел шанса пройти в парламент. В графствах голосовали только *вольные держатели*, владельцы земли с 40 шиллингами дохода; а что касается «гнилых местечек», то их список не обновлялся со времен Тюдоров, так что большие города, разросшиеся совсем недавно, оставались без депутатов. На кого могло рассчитывать городское население, лишенное законно избранных представителей? На монарха? В 1810 г. старый король Георг III ослеп и повредился в уме. Правда, слабоумие, сделав его наиболее конституционным монархом, обеспечило ему наконец безоговорочную популярность. Но престол на самом деле был занят его сыном, регентом (позже Георгом IV), которого англичане не уважали. Он не был ни дурным, ни глупым, покровительствовал артистам и художникам, ценил мисс Остин, поддерживал Байрона и Скотта, сделал Шеридана своим лучшим другом, позировал для Лоуренса и отправил 200 фунтов Бетховену. Он проложил Риджент-стрит, разбил Риджент-парк, перестроил Бекингемский дворец, отреставрировал Виндзорский замок. Безупречность манер сделала его если не «первым джентльменом Европы», то по крайней мере первым из ее денди. Но он был эгоистичен, мелочен, и эти пороки вкупе с его распутством во времена осторожной добродетели не добавили ему популярности. Тайно взяв в жены Марию Фицхерберт, прежде чем официально жениться на Каролине Брауншвейгской, с которой он, впрочем, развелся после года брака, он изменял одновременно обеим супругам и, даже став двоеженцем, не смог преодолеть свою склонность к разврату. За отсутствием государя-заступника мог ли народ доверять министрам? Стоявший у власти кабинет состоял тогда из тори, враждебных любой реформе, и о них можно было сказать, как о Меттернихе: если бы они присутствовали при Сотворении мира, то попросили бы Бога сохранить хаос. Оппозиция? Магнаты-виги еще не заключили свой союз с реформаторами. Оставалось восстание, древнейшее и самое неоспоримое право англичан, — оружие тем более грозное, что Англия не располагала никакой полицией, а стремительный рост городов не позволял местным властям приобрести опыт общения с толпами. Шатобриану, который говорил о надежности английских учреждений, премьер-министр лорд Ливерпул ответил: «Что надежного в этих огромных городах? Одно серьезное восстание в Лондоне — и все пропало».

3. К этому восстанию подталкивали народ и некоторые группы радикалов. Одни, как Генри Хант, советовали ему добиваться всеобщего избирательного права, другие, как сэр Фрэнсис Бардет и майор Картрайт, — требовать права голоса для любого англичанина, платящего прямой налог; Коббет, сын йомена, ставший радикалом, наблюдая жалкое положение английских крестьян после огораживаний, стал выпускать маленькую реформаторскую

Томас Лоуренс. Коронационный портрет Георга IV. 1821



Ричард Эванс. Портрет Джорджа Каннинга. Первая половина XIX в.

газетку *Political Register*, написанную восхитительным языком. Англия покрывалась *хемпденскими клубами (Hampden Clubs)*, и страну, подражая методу, который так хорошо удался Уэсли, объезжали бесчисленные политические проповедники. Их митинги, ярость ломавших машины рабочих — все эти признаки надвигавшейся Жакерии ужаснули правительство. Память о Французской революции была слишком жива и внушала страх. Когда имущие классы увидели на митингах Генри Ханта, перед которым два человека несли на пиках один — фригийский колпак, другой — трехцветное (зелено-сине-красное) знамя будущей Британской республики, они содрогнулись. Страх всегда жесток: восставших рабочих и крестьян перевешали.

4. Как поддерживать порядок в городах? Во многих графствах мировые судьи призвали солдат, и по стране была распределена гвардейская кавалерия. Неоднократно проливалась кровь. Из этих массовых расправ самая серьезная произошла в Манчестере, где в 1819 г. солдаты стреляли по толпе; итог: 11 погибших и множество раненых. А поскольку все это происходило на площади Святого Петра, то в оппозиции заговорили, что «если герцог Веллингтон победил при Ватерлоо, то лорд Сидмут — при Питерлоо». Словечко осталось. После беспорядков пресловутыми «Шестью актами» лорда Сидмута были запрещены всякие собрания или ассамблеи, имеющие целью упражнения военного характера, мировым судьям было дано право конфисковать оружие, представлявшее угрозу для государственной безопасности, и арестовывать его обладателей, дабы ограничить право собраний и свободу прессы. Вдохновленный агентами-провокаторами «заговор на Като-стрит» с целью убийства министров окончательно ужаснул умы в обоих лагерях. Богатые желали военного правительства и рассчитывали на герцога Веллингтона; бедные открыто готовили революцию. Через пять лет после победы Англия казалась на грани гражданской войны.

5. Ее спасли от этого два непредвиденных обстоятельства: скандал и неожиданный экономический подъем. Экономический подъем случился, как это всегда бывает, как раз в тот момент, когда отчаявшиеся экономисты уже предлагали самые радикальные лекарства, в том числе инфляцию. А скандал разразился, когда старый король Георг III умер и ему наследовал регент под именем Георга IV. Его жена Каролина Брауншвейгская, которая давно вела на континенте не слишком назидательную жизнь, вдруг возымела желание — из тщеславия и ненависти к своему супругу — короноваться вместе с ним. По закону она имела на это право, морально же в этой женщине не было ничего королевского. Король, и сам уязвимый с этой стороны, из осторожности постарался избегать всяких дискуссий на темы морали. Но при этом проявил столь неуклюжее упрямство, стремясь удалить Каролину, что министры порой задавались вопросом: не унаследовал ли он вместе с короной и безумие своего отца? А он дошел до того, что начал в палате лордов бракоразводный процесс, на котором решил поведать все о распутстве королевы. Были вызваны итальянские горничные и восточные шпионы; они рассказали тысячу историй: как королева Каролина была любовницей своего курьера, как ее видели выходящей от него утром с подушкой под мышкой, как она сделала его великим магистром ордена Каролины. Весь Лондон забыл об избирательной реформе и смаковал эти непристойности. Народ принял сторону королевы и шумно ее приветствовал, когда она проезжала по улицам. Свидетельства против нее нисколько не трогали англичан, потому что исходили от чужестранцев. Впрочем, это увлечение длилось недолго, поскольку королева в 1821 г. умерла, к большому облегчению своего мужа.

Джон Линнелл. Портрет Роберта Пила.
Первая половина XIX в.

6. Тем не менее благодаря этому отвлечению умы немного успокоились. Непримиримые тори потеснились и уступили в партии место молодым людям, желавшим вернуть ее к реформаторской традиции Питта. Среди

этих новичков особенно выделялись Роберт Пил, Хаскиссон и Каннинг. Пил, сын фабриканта из Ланкашира, владелец одного из семи самых больших состояний Англии, был воспитан, как некогда Уильям Питт, чтобы стать премьер-министром. В пять лет отец ставил его на стол и заставлял повторять выученные наизусть речи; в двадцать один год он получил место в палате общин, в двадцать три года стал государственным секретарем. Уважительный и уважаемый, он стал посредником между передовыми умами партии, такими как Каннинг, и старыми упрямцами, вроде герцога Веллингтона. Будучи министром внутренних дел, Пил добился превосходных результатов; в частности, именно он отменил смертную казнь за многие преступления и проступки, которые не заслуживали столь сурового наказания. Невероятная суровость законов, которую еще можно было как-то извинить в те времена, когда слабое правительство могло ожидать от анархии всего, становилась бесполезной и шокирующей, когда нравы смягчились, а администрация улучшилась. Особенно страдали дети, к которым правосудие до сих пор относилось с возмутительной и столь же напрасной жестокостью. Пил реформировал все это. Тем временем Хаскиссон, отменив протекционистские пошлины на сырье, шерсть и шелк, успокаивал фабрикантов; он охотно отменил бы и пошлины на зерно, но натолкнулся на сопротивление сельских джентльменов, многочисленных в его партии, которые стойко держали оборону. Наконец Каннинг, взявший на себя после самоубийства Каслри Министерство иностранных дел (*Foreign Office*), проводил в правительстве тори «либеральную» политику. (Слово было новым и введено в обиход испанской революцией, во время которой сторонников монархии называли *сервилями*, то есть *раболепствующими*, а их противников — *либералами*.) Тори не без опасений доверили этот важный пост Каннингу, «таланту, лишенному морали», политическому авантюристу, который часто их предавал и высмеивал, но он был талантлив, а как раз этого их партии не хватало больше всего.

7. Положение Каслри после падения Наполеона было сложным. Континентальные монархи, обеспокоенные появлением в европейских державах мятежной молодежи «из лейтенантов на половинном жалованье, студентов, поклонников Байрона и романтических заговорщиков», сплотились в Священный союз, чтобы помешать наступательному возврату Французской революции. Хотя Англия и входила в группу стран-победительниц, ее интересы были иными, а страхи не столь острыми. Однако ей пришлось вместе с Австрией, Пруссией и Россией обязаться открыть боевые действия против Франции, если та вернет на престол Бонапарта или совершит агрессию против своих соседей. Но Каслри не хотел становиться жандармом европейской контрреволюции. Он пытался воспротивиться деспоти-

Роберт Пил и генерал Веллингтон душат старую добрую Конституцию. Карикатура. Начало XIX в.

ческим тенденциям своих союзников, но это ему не всегда удавалось. Каннинг же, когда Священный союз поручил Франции обуздать испанскую революцию, предпочел не вмешиваться, поскольку не имел армии для новой экспедиции на Пиренейский полуостров. Каслри, как добрый европеец, верил в коллективную ответственность, а Каннинг лишь хотел иметь свободными руки. Но инерция установившихся репутаций такова, что люди совершенно забыли либеральные действия Каслри, который считался реакционером, и так же забыли консервативные уступки Каннинга, считавшегося либералом. Однако если Каннинг ненавидел Священный союз, то не столько из-за его реакционности, а потому, что тот не был британским. «Вместо *Союз* читайте *Англия*, — писал он, — и полу́чите ключ к моей политике».

8. Хотя Каннингу не удалось, за неимением армии, защитить революцию в Мадриде, он взял реванш, когда испанские колонии в Южной Америке объявили о своей независимости. Именно британскому флоту и моральной поддержке президента Монро молодые американские республики обязаны своим спасением. На чем Каннинг заработал себе огромную популярность. Это было одним из тех удачных дел, когда коммерческие интересы Сити совпали с сентиментальными симпатиями английского народа. Со

времени Дрейка и Елизаветы лондонские купцы страдали, видя, что перед ними закрыт один из прекраснейших рынков в мире. Теперь же они начали проникать туда, прикрываясь войной на Пиренейском полуострове и блокадой. Министр, который открывал рынки и при этом защищал свободы, удовлетворял одновременно и доктринеров-вигов, и работников хлопчатобумажных фабрик Ланкашира. Хулили его только старые тори, такие как Веллингтон, которые опасались демагогии — как внешней, так и внутри страны. Когда в 1827 г. Каннинг, несмотря на ярость Священного союза, признал греческих повстанцев, против которых объединились египтяне и турки, этот министр-тори оказался в большом фаворе у либералов всех стран. А когда после вызванной приступом отставки лорда Ливерпула он сформировал правительство, которому Веллингтон и Пил отказали в поддержке, именно виги с несколькими из своих личных друзей поддержали его. Но, придя к власти в 1827 г., Каннинг, чье здоровье всегда было неважным, в августе уже умер от дизентерии, так и не сумев раскрыть себя в полной мере.

9. Смерть Каннинга создала неясную ситуацию. С 1815 г. английский монарх, оказываясь в затруднении, всякий раз вспоминал о герцоге Веллингтоне. Тори испытывали к победителю при Ватерлоо безграничное уважение, но что касается оппозиции, то после ее долгих опасений, как бы Веллингтону не захотелось установить военную диктатуру, она в конце концов признала, что герцог, как и большинство великих солдат, испытывал отвращение к гражданской войне и что в парламенте он был честным противником, неловким и не слишком опасным. Герцог же, как и старый король, опасался всех новомодных реформ: эмансипации католиков, расширения избирательного права, свободы торговли. Его идеалом было никогда ничего не менять. Но его политические кампании состояли из одних отступлений. Поскольку он в конце концов уступал, а не принимал бой, то либеральный дух невольно нашел в нем своего лучшего союзника. Именно при его правительстве адмирал Кодрингтон применил старые инструкции Каннинга и, не спросив новых, уничтожил в Наваринской бухте турецкий флот[1], хотя сам герцог в этом деле благоволил туркам. И опять же именно герцог скрепя сердце согласился с отменой *Test and Corporations Acts*, что избавило диссидентов от причастия по англиканскому ритуалу, без которого они не могли занимать муниципальные или государственные должности. Наконец, именно он, начав с эмансипации диссидентов, оказался лицом к лицу с еще более серьезным вопросом эмансипации католиков.

[1] *Наваринская битва* — разгром соединенной русско-англйиско-французской эскадрой турецко-египетского флота; командовал эскадрой как старший по званию адмирал Кодрингтон.

Джордж Уокер. Йоркширский шахтер. Литография. 1814

10. Право католиков голосовать и заседать в парламенте было обещано ирландцам, когда принимался Акт о Союзе (1800). И только противодействие короля Георга III, сознательно нарушившего свое слово, помешало исполнить это обещание. Ирландские католики тогда основали лигу, собрали средства, выбрали красноречивого вождя — О'Коннела. Правота их дела была неоспорима. Даже в самой Англии вся молодежь обеих партий, уставшая от этих ссор, которые казались ей чем-то допотопным, была благожелательно настроена к эмансипации. Однако у католиков нашлись в правительстве решительные противники, из которых самым влиятельным был Пил, избранный от очень англиканского университета, Оксфорда. Ирландия несколько лет жила в атмосфере гражданской войны; католическая ассоциация и протестанты с северо-востока были готовы перейти к рукопашной. Поскольку О'Коннел был избран членом парламента вопреки закону, шериф не осмелился объявить избранным ни его, ни его противника. Веллингтон счел ситуацию опасной. Сам он не был враждебен католикам, да и гражданская война казалась ему еще менее желательной, нежели эта перемена. Так что он посоветовал королю пойти на уступки и в конце концов не без труда убедил его. Пил пригрозил подать в отставку. Наконец престиж герцога превозмог все укрепления собственного лагеря,

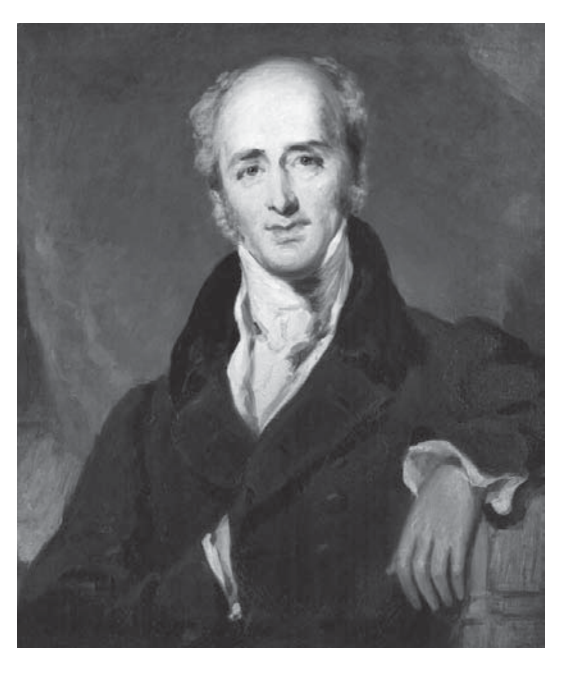
и он в который раз «победоносно отступил». Закон об эмансипации был принят в 1829 г. Через некоторое время О'Коннел смог заседать в Вестминстере, в палате лордов, а герцог Норфолк и прочие пэры-католики вернули себе свои места. Из всех религиозных неравенств в Англии оставались только те, что поражали в правах евреев. Первый закон, касавшийся их, был представлен в парламент в 1830 г.; полноту прав британских граждан они получили в 1860 г. Первым пэром-евреем (не обращенным в христианство) стал лорд Ротшильд (1886). После эмансипации католиков герцога проклинали друзья и восхваляли противники. «Вот человек, — написал „Эдинбургский журнал“, — еще более великий, чем Цезарь. Он не разрушил в мирное время страну, которую спас во время войны!»

II. Избирательная реформа 1832 г.

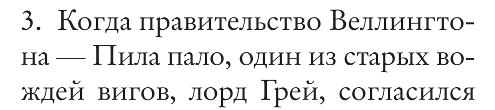
1. Король Георг IV умер в июне 1830 г. Первый джентльмен Европы не оставил сожалений у своего народа. Герцог, организовавший его похороны, обнаружил на шее усопшего государя медальон с миниатюрным портретом м-с Фицхерберт и приказал, чтобы это изображение было погребено вместе с королем. Георга IV сменил на престоле брат, герцог Кларенс, который стал царствовать под именем Вильгельма IV. Это был пожилой, довольно популярный и довольно нелепый человек, который долго и весьма достойно служил во флоте. Он не проявил себя ни слишком решительным, ни слишком умным, но беспристрастным. Этот год, 1830-й, стал для Европы революционным. После Июльских дней во Франции Карла X, короля Франции, сменил Луи Филипп, король французов. Восстала Бельгия, протестуя против союза с Голландией, который был ей навязан договорами 1815 г. Она желала либо всеобъемлющего договора с Францией, либо, по крайней мере, французского короля — герцога Немурского. Но Англия была решительно настроена никогда не позволять большой европейской державе снова обосноваться во Фландрии. Чтобы избежать войны, Луи Филипп согласился с тем, чтобы новое королевство было предоставлено державами Леопольду Саксен-Кобургскому (зятю Георга IV, а потом и самого Луи Филиппа), который стал благоразумным и деятельным королем.

2. В 1830 г. революционная агитация достигла Испании, Италии и даже Англии, где в южных графствах случилось новое возмущение крестьян. Сельскохозяйственные рабочие потребовали минимальную оплату своего труда в 14 шиллингов, что было справедливо, но они требовали этого, сбившись в банды, и *как банды* подпадали под действие Закона о мятежах,

Riot Act. Они ломали молотилки, вымогали несколько фунтов у некоторых особо ненавидимых землевладельцев, требовали от пасторов, чтобы те отказались от некоторой части десятин, разрушали работные дома *(work houses)*, но зла никому не причиняли. Когда они были побеждены, трое из них были казнены и 400 депортированы; среди этих последних многие умерли от безысходности. Репрессии оказались более безжалостными, нежели само восстание, но оно показало реальную слабость олигархического правительства. Даже самым умеренным умам становилось ясно, что избирательная реформа неизбежна.



Томас Лоуренс. Портрет премьер-министра Великобритании Чарльза Грея. Первая половина XIX в.



3. Когда правительство Веллингтона — Пила пало, один из старых вождей вигов, лорд Грей, согласился покинуть свое сельское уединение, где воспитывал 15 детей, и сформировал коалиционное правительство из вигов и друзей Каннинга. Это правительство провело выборы. Виги, верные в этом традициям своих семей, предпочли объединиться с радикальными реформаторами и буржуа-нонконформистами, что делало их популярной партией. Когда ливрейный лакей Холланд-хауса открыл дверь и объявил: «Мистер Маколей», XIX в., по словам Честертона, совершил решительный поворот. В противоположном лагере собственная партия Веллингтона не поддержала его так же мощно, потому что настоящих тори он раздражал своей умеренностью. Герцога любили за его недостатки и сурово корили за присущие ему добродетели. Несмотря на все свои «гнилые местечки», тори потеряли большинство. В графствах, где свобода голосования была большей, вигами оказались 60 депутатов из 82. Тори правили страной пятьдесят лет. Приход к власти новой команды стал большим политическим и светским событием, а также оживлением влияния Девоншир-хауса и Холланд-хауса (штаб-квартир вигов). Наименее проницательным из вигов казалось, что снова вернулись счастливые времена XVIII в. и «венецианского правительства». В их первом кабинете 10 министров из 14 были пэрами и только четверо *общинниками*. Если влиятельные виги и присоединялись к революции, то по

меньшей мере это выглядело так, будто они твердо намереваются провести эту революцию по-семейному. Но средние классы, как заметил Тревелиан, «желали реформы как для того, чтобы успокоить революционный дух, так и для того, чтобы защитить собственные права от аристократии, которой уже не доверяли». Только Французская революция, Наполеоновские войны и их последствия задержали эти реформы на целое поколение.

4. Лорд Грей сразу дал понять, что первой целью его администрации станет избирательная реформа. То, что она была необходима, казалось очевидным, но было также несомненно, что проект натолкнется на яростное сопротивление. Владельцы «гнилых местечек», которым грозила потеря мест в парламенте, были полны решимости защищаться и знали, что их поддержит палата лордов. Зато благоприятствовали реформе буржуа крупных городов: коммерсанты, банкиры, рантье, считавшие нелепым и унизительным быть лишенными права голоса, тогда как в некоторых сельских захолустьях любой собственник маленького домика был полноправным гражданином, а в иных голосовали и сами камни. Движение за реформу было с 1830 по 1832 г. движением средних классов, которые желали одержать победу законными методами. Первый законопроект, представленный лордом Джоном Расселом, был принят в палате общин с перевесом всего в один голос. Этого было недостаточно, чтобы лорды приняли столь важную меру. Лорд Грей с согласия короля решил распустить палату и провести новые выборы.

5. Он вернулся с большинством вигов в 136 голосов. Страна решила, что реформа состоялась, и возрадовалась. Во всех классах населения от нового избирательного закона ожидали чудес. Класс буржуа надеялся посредством него дать народным массам платоническое удовлетворение, поскольку яростная агитация среди них его страшила. Насчет масштаба реформы рабочие и фабриканты, конечно, были не согласны, но насчет ее необходимости поладили легко. Трудно объединить людей ради конструктивного действия, гораздо легче объединить их в союз против меньшинства. Владельцы «гнилых местечек» (70 семейств) в начале XIX в. играли роль, которая в начале XX в. будет отведена воротилам промышленности и международным банкирам. «Все девушки знают, — писал Сидни Смит, — что, как только этот закон будет принят, они найдут себе мужа. Школяры верят, что отменят латинские стихи, а сладкие пирожки подешевеют. Капрал и сержант уверены, что им удвоят жалованье. Плохие поэты ожидают, что люди начнут читать их стихи... а глупцы будут обмануты в своих ожиданиях, как и всегда, впрочем».

Благородные лорды противостоят потоку реформ.
Карикатура из журнала *The Looking glass.* 1831

6. Тори полагали, что виги, люди их класса, представят безобидный проект реформы. И были ошеломлены и возмущены, когда ознакомились с текстом сэра Джона Рассела. Виги, некогда столь исключительные, умышленно играли на руку средних классов. «Гнилые местечки» с населением менее 2 тыс. жителей были упразднены; города от 2 до 4 тыс. жителей теряли одного представителя из двух; 144 освободившихся места были распределены между наиболее значительными городами. Лондон получал 10 мест; города Ливерпуль, Манчестер, Бирмингем, Ньюкасл получали каждый по 2 депутата. В целом распределение мест было благоприятно для промышленного севера за счет сельскохозяйственного юга. Стало очевидно, что такое представительство повлечет за собой в скором времени и отмену протекционистских пошлин на зерно. В городах право голоса предоставлялось каждому, кто занимал дом с годовой платой в 10 фунтов, в графствах — фермерам, чья арендная плата исчислялась 10 фунтами, и держателям без арендной платы, чья земля приносила ежегодно 50 фунтов. В целом закон создавал электорат мелких буржуа в городах и фермеров в деревнях. Заводские, фабричные, равно как и сельскохозяйственные рабочие оставались без представительства. Виги отказались сделать голосование тайным, потому что открытое голосование поддерживало в деревне политическое влияние сквайра на своих фермеров.

7. Лорды были расположены стерпеть умеренную реформу, но эта избирательная революция вывела их из себя. В октябре 1831 г. они отвергли проект. Потом, видя возбуждение страны, которая почти единодушно кричала: «Закон! Весь закон! Ничего, кроме закона!» — они приняли часть этого закона, но отнюдь не «весь закон»; статьи, упразднявшие «гнилые местечки», были изъяты. Лорд Грей, оказавшись в палате лордов в меньшинстве, ушел в отставку. Но как только герцог, оставшийся, несмотря на столько разочарований, последней надеждой тори, попытался сформировать правительство, страна поднялась. В церквях били в набат; на фабриках и заводах останавливалась работа. В Бристоле была сожжена городская ратуша, а дворец епископа разграблен. Лорд Стэнли, самый блестящий из молодых вигов, вскочил на стол и воскликнул: «Если лорды сопротивляются, его величество может надеть пэрские короны на головы целой роте своей гвардии!» Стены покрылись призывами к англичанам забирать деньги из банка: «Чтобы остановить герцога, заберите ваше золото!» Английский банк был единственным учреждением, которое почитали больше, чем герцога. Восстание вкладчиков победило восстание вельмож. Герцог, следуя своему обычаю, избежал гражданской войны. Когда по его совету Вильгельм IV, уже видевший себя на пути в изгнание, а быть может, и на эшафот, снова призвал лорда Грея, тот согласился взять власть только при условии, что король даст ему письменное обещание в случае необходимости создать столько пэров, сколько потребуется для проведения реформы. Этой угрозы оказалось достаточно. Веллингтон и его друзья воздержались показываться на заседаниях, и в более чем наполовину пустой палате билль наконец был принят 106 голосами против 27 (июнь 1832). В действительности новый закон был далек от того, что именуют сегодня «демократической мерой». Без сомнения, давая нескольких депутатов промышленным центрам, он немного уменьшал влияние помещичьей аристократии. Но он делал избирателями множество фермеров, зависевших от этой аристократии. Так что виги послужили своим партийным интересам, не подвергнув слишком большой опасности интересы класса.

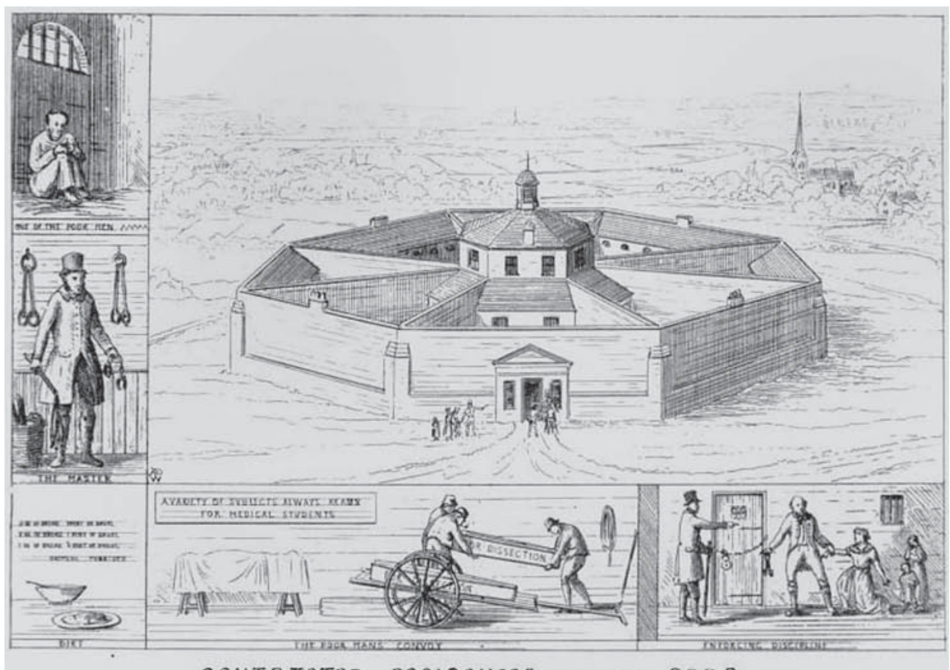
8. Эта избирательная реформа, столь желанная массам и вызывавшая такие опасения правящих классов, не произвела ни чудес, которых ожидали ее сторонники, ни бедствий, которые предрекали ее противники. Как только битва была выиграна, волнение улеглось. Новый электорат проявил себя благоразумным и даже, к большому разочарованию радикалов, консервативным. У власти остались традиционные семейства. Когда несколько позже чартисты предприняли новую кампанию (1835–1841), пытаясь с помощью гигантских митингов, шествий, петиций оживить воодушевление масс

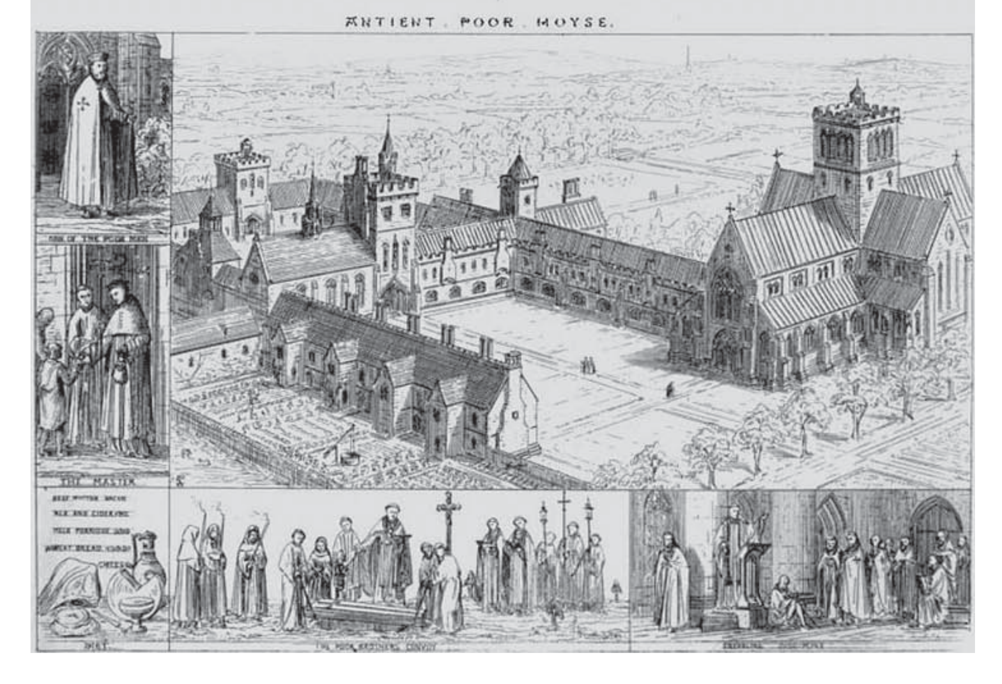
ради более революционной программы (всеобщее избирательное право, тайное голосование, равные избирательные округа, годичный срок парламентских полномочий, жалованье для депутатов), они добились некоторого успеха у рабочих, которые вплоть до 1850 г. оставались непримиримыми и сожалели о своей неудавшейся революции, но средние классы были против чартистов. Когда те прибегли к восстанию, когда вооруженная косами толпа пыталась захватить в Ньюпорте ратушу, но была отброшена солдатами, масса новых избирателей проявила себя верной правительству. По счастью, войсками в северном, самом опасном, регионе командовал превосходный генерал сэр Чарльз Непиер, сумевший примирить твердость с человечностью. Благодаря ему удалось предотвратить почти неизбежную бойню. Когда позже, в 1848 г., чартисты грозились повторить новую французскую февральскую революцию, порядок поддерживали 200 тыс. граждан из средних классов, взявшие на себя обязанности *«констеблей-добровольцев»*. Англичане XIX в. оставались бóльшими легалистами, чем когда-либо, и не хуже своих предков были способны к спонтанной самоорганизации. Говоря лорду Стенхоупу о возмущении в Ньюпорте, герцог, чей здравый смысл, как и у Уолпола, доходил почти до гениальности, заметил: «Есть одна вещь, которую всегда надо помнить в этой стране, хотя на ней и нельзя слишком настаивать: когда наш народ знает, что не прав, и идет *против закона*, это его ужасно пугает и он разбегается. Во Франции другое дело. А иначе как вы можете объяснить, что в Ньюпорте тридцать человек обратили в бегство десять тысяч?»

9. Однако требовалось, чтобы виги и их новые друзья-промышленники дали народу несколько реформ, которые он так ждал от них. Самой важной, но и самой несовершенной, была реформа Закона о бедных. Мы в своем месте показывали, как во времена Елизаветы актами 1597 и 1601 гг. было сделано различие между умышленной безработицей, то есть безработицей неисправимых бродяг, и безработицей несчастных, которые по независящим от их воли причинам (нищета, старость, безумие, болезнь) оказывались неспособными зарабатывать себе на жизнь; потом, как в XVIII в. из-за абсурдной спинхемлендской системы было решено дополнять заработную плату твердо установленной добавкой, что предсказуемо довело до нищеты почти всех сельскохозяйственных рабочих, разорило мелких фермеров и повысило размер налога на бедных *(rates)*. Во времена Билля о реформе *(Reform Bill)* условия жизни бедняков как в городах, так и в деревнях были ужасны. Дизраэли и Диккенс описали в своих романах эти «две нации»: нацию богатых и нацию бедных, которые жили бок о бок, игнорируя друг друга. Коттедж сельскохозяйственного рабочего был подчас

настоящей конурой, вокруг которой бегали дети в лохмотьях. Обитатели таких коттеджей едва выживали на мизерную заработную плату, к которой добавлялось кое-что от благотворительности и браконьерства. Счастливые йомены, которых в 1688 г. было 160 тыс., почти все исчезли. Правительство лорда Грея назначило комиссию по расследованию. И доверило руководство ею Уильяму Нассау-старшему и Эдвину Чедвику, которые оба *априори* имели по этому вопросу собственные представления — столь же твердые, сколь и спорные.

10. Нассау-старший полагал, что лучшее средство от бедности — это никогда не помогать бедным. «В самом деле, — говорил он с бессознательной и безмятежной жестокостью, — если бедняки знают, что им надо либо работать, либо умереть от голода, они работают. Если молодые люди знают, что не получат помощи в старости, они экономят. Если старики знают, что будут нуждаться в своих детях, они постараются внушить любовь к себе. Стало быть, никакой помощи, кроме как тем, у кого на самом деле нет ни семьи, ни средств к существованию. Никаких частичных пособий. Или все, или ничего». Для людей, которые по своему возрасту или состоянию способны работать, предназначался работный дом *(Workhouse)*, а чтобы он не стал вожделенным пристанищем, добавлял Нассау-старший, главное — это «сделать там жизнь еще менее привлекательной, чем у независимых рабочих». Если посмотреть, какими были тогда условия жизни самых несчастных рабочих, то покажется почти невозможным создать еще хуже. Однако жестокая программа была проведена в жизнь, и ненавистный работный дом, которого боялись, стал «Бастилией для бедняков» — достаточно прочитать «Оливера Твиста» или «Деревню» Крабба, чтобы убедиться в этом. В 1838 г. в работных домах содержались 48 тыс. детей моложе шестнадцати лет, зачастую бок о бок со взрослыми наименее желательного типа и даже полубезумными. После принятия Акта об улучшении закона о бедных (*Poor law Amendment Act,* 1834) количество бедных, записанных за приходами, чудесным образом уменьшилось. Потраченные суммы упали с 7 млн фунтов в 1831 г. до 4 млн 500 тыс. фунтов в 1836 г. Комиссары тогда очень гордились своими трудами, но ничто не оправдывало этой гордости. Такие результаты были вызваны одновременно ужасом, который внушали работные дома, и развитием промышленности. А впрочем, был ли результат сам по себе прогрессом? Как бы то ни было, страдания, причиненные ни в чем не повинным людям во имя принципов здоровой экономики, были непростительны. Надо процитировать Диккенса: «Я думаю, что никогда не было в Англии со времени Стюартов закона, применяемого столь гнусным образом, закона, столь открыто попираемого, закона, за исполнением которого так плохо следили».





Огастес Пьюджин. Контраст между работным домом в старину (внизу) и работным домом XIX в. (верхнее изображение). Сатирическая гравюра. 1834

11. Среди остальных реформ вигов стоит запомнить: 1) *Закон о муниципальных корпорациях*, который заменил прежнюю систему более демократичной: теперь муниципалитеты стали избирать всех, кто платил местные налоги. Но это применялось только к городам, а деревни остались под административной властью мировых судей, пока другой закон в 1888 г. не ввел советы графств. Мало-помалу муниципальные корпорации с помощью государства стали управлять транспортными средствами, школами, распределением света и воды; 2) отмену рабства в колониях. История этой реформы начинается в 1772 г., когда лорд Мэнсфилд в своем судебном постановлении объявил, что «английское общее право не признает рабского состояния», и одной этой фразой освободил 15 тыс. чернокожих, которых их хозяева завезли на Британские острова. Хотя более сложным оказалось отменить работорговлю — промысел, обогативший Бристоль и Ливерпуль, без которого, по утверждению самого Нельсона, английский торговый флот не мог бы существовать. Но к чести английского парламента надо сказать, что, несмотря на давление вовлеченных в игру интересов, епископ Уилберфорс и Чарльз Джеймс Фокс, которых поддержало мощное квакерское и методистское движение, впрочем не без помощи Питта, смогли добиться его запрета, и это в 1807 г., в самом разгаре Наполеоновских войн. Оставались рабы британских колоний, но в этом пункте плантаторы Антильских островов *(West Indian Interest)* продолжали борьбу с отчаянным ожесточением, тратя свои огромные состояния на покупку «гнилых местечек». Таким образом, борьба с рабством стала политическим вопросом, связанным с избирательной реформой, а заодно и с религиозным вопросом, поскольку плантаторы преследовали миссионеров, внушавших неграм идеи о равенстве рас перед Христом. Поддержанная одновременно либералами и нонконформистами, реформа была наконец принята в 1833 г. и воспринята диссидентскими церквями как большая победа. Плантаторам была выплачена компенсация в 20 млн фунтов, но производство сахара упало на треть, кофе на половину, и острова были надолго разорены.

12. В 1834 г. лорд Грей ушел в отставку, отчасти потому, что О'Коннел и его банда ирландских депутатов портили ему кровь, но главное, потому, что союз с умеренными вигами и радикальными нонконформистами, составившими победоносную коалицию 1832 г., не мог быть долговременным. После короткого исполнения обязанностей премьера Пилом его заменил лорд Мельбурн. Уильям Лэм, лорд Мельбурн, был вигом старого закала. Муж слишком известной Каролины Лэм (любовницы Байрона), он через нее был связан с Девоншир-хаусом. Человек XVIII в., скептичный и остроумный, он без шума, на манер Уолпола, управлял страной, еще не пришедшей в себя от волнений, вызванных Биллем о реформе. Но энтузиазм

плохой советчик и, к несчастью, хороший сторонник. Хотя Мельбурн, как и большинство скептиков, причинил мало зла, однако ослабил свою партию. При нем английские избиратели перестали считать вигов «передовыми» людьми. Большим событием для кабинета стала смерть короля Вильгельма и восшествие на престол молодой королевы Виктории, которой предстояло править с 1837 до 1901 г. Англичане хорошо ее приняли, поскольку она спасла их от своего дядюшки Камберленда, очень непопулярного брата короля. Ее царствованию предстояло на ближайшие полвека сделать лояльность рыцарским долгом. Восшествие на престол именно королевы имело и другое счастливое следствие. Курфюршество Ганноверское не могло передаваться по женской линии, а поскольку его унаследовал Камберленд, это избавило страну и от ненавистного принца, и от опасного симбиоза, который компрометировал Англию в континентальных делах. Порвав с духовным интернационалом, Англия порвала и с интернационалом династическим. Молодая королева сразу же проявила сильную волю, доходившую до упрямства. Вначале Мельбурн еще мог надеяться склонить ее к легкомыслию, но, едва выйдя замуж за своего кузена Альберта Саксен-Кобургского, она узнала от него и о ремесле государя, и об уважении к семейным добродетелям, которые позже спасли английскую монархию. В королевстве, которое должно было защищать свои институты от республиканских идей и приспосабливаться к вкусам промышленной буржуазии, «абсолютные короли династии Стюартов или распутные короли Ганноверской династии не смогли бы сохранить корону». В Англии, как и в Бельгии, Кобурги сделали монархию уважаемой. Именно с приходом королевы Виктории англичане приобрели привычку рассматривать семейную жизнь монарха как часть семейной и личной жизни подданных. Влияние нравственной непреклонности принца Альберта и строгости двора на английские нравы было столь же глубоким и широким, как некогда влияние Уэсли.

III. Победа свободы торговли

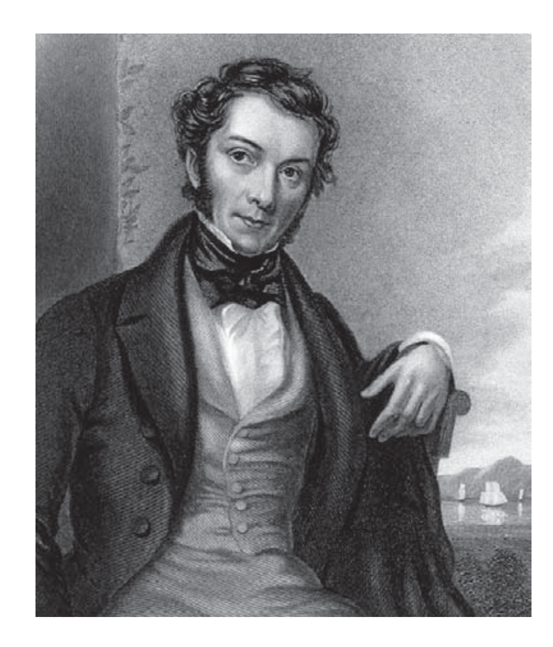
1. Виги сказали народу, что избирательная реформа положит конец всем его невзгодам. Народ вынудил лордов согласиться на реформу, но бедствия стали еще горше, чем когда-либо. Народ зароптал; виги пошатнулись. Чтобы отнять у них расположение нового электората, тори были отнюдь не безоружны, хватало им и вождей. Поскольку отныне герцог предпочитал популярность, а не власть, руководство партией перешло в руки сэра Роберта Пила, который называл себя уже не тори, а консерватором, — это слово больше годилось для того, чтобы обольстить средние классы. И этим классам сэр Роберт,

Портрет Бенджамина Дизраэли в молодые годы. Литография с живописного оригинала Альфреда Шалона. 1839

гораздо более близкий к фабрике и лавке, нежели к поместью или крытому соломой домику, должен был нравиться. Рядом с Пилом, а порой выступая против него, существовал в партии и так называемый популярный консерватизм; он был представлен небольшой группой «Молодая Англия», в которую входил Бенджамин Дизраэли, гениальный оратор, сын писателя-еврея, но с детства обращенный в англиканство, а также лорд Маннерс, сын герцога Ретленда. Оба были выразителями ее идей. Дизраэли и его друзья подхватили тезисы Болингброка о традиционном устройстве Англии. И проклинали новомодную доктрину, которая, вместо того чтобы поддерживать естественную иерархию между классами, включающую в себя права и обязанности, оставляла заботу улаживать отношения между рабочими и их нанимателями механическим законам экономики. Они утверждали, что спасение состоит в возврате к обществу, построенному подобно средневековому, когда каждый, от сеньора до крестьянина, знал свое место и принимал его. По мысли Дизраэли и его друзей, роль консервативной партии состояла в том, чтобы посредством великодушной политики одновременно спасти оставшееся жизнеспособным прошлое и подготовить будущее.

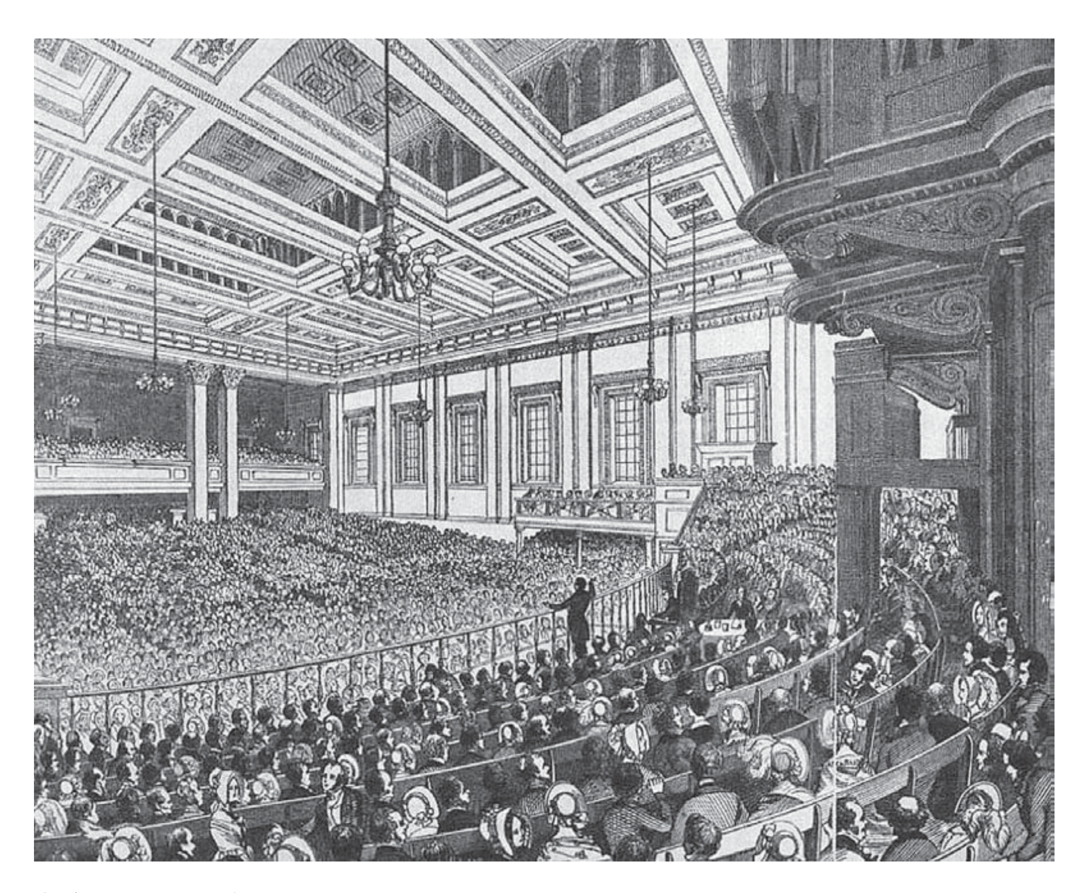
2. «Молодая Англия» позабавила «Джона Буля». Эта клика молодых джентльменов в белых жилетах, желавших увлечь рабочих феодальными идеями, казалась ему смешной. Идеи Бентама, Мальтуса, Рикардо, Кобдена, Джеймса Милля тогда считались чуть ли не догматами веры. Почти все серьезные люди думали, подобно секте утилитаристов, что человеческие общества стремятся к наибольшему благу для наибольшего количества людей и что они могут достичь его, только позволив каждому заботиться о своей личной выгоде. Борьба интересов приводит не к совершенной справедливости, но к наиболее совершенной из возможных. Так что надо избегать всякого вмешательства государства. Малейшее ограничение конкуренции казалось ересью. Цены должны определяться автоматически законом спроса и предложения; конкуренция автоматически выведет прибыли предпри-

нимателей и заработные платы рабочих на надлежащий уровень. «Заработные платы повышаются, — утверждал Кобден, — когда два хозяина бегут за одним рабочим, и понижаются, когда два рабочих бегут за одним хозяином». Пролетарий мог повлиять на заработную плату, только добровольно уменьшая численность населения. То, что было верно для отдельных людей, было верно и в отношении государств. «Правило, состоящее в том, чтобы покупать по наилучшей цене, а продавать как можно дороже, правило, которому каждый коммерсант следует в своей частной жизни, является также наилучшим правилом для коммерции целой нации». Любой таможенный барьер нарушает законы спроса и предложения. Такие добропорядочные люди, как Ричард Кобден, промышленник и государственный деятель, пророк Манчестерской школы, пытались убедить английский народ в том, что его нищета вызвана протекционистскими законами и, в частности, пошлинами на хлеб.



Чарльз Аллен Дюваль. Портрет Ричарда Кобдена, политического деятеля и фабриканта. Литография. 1848

3. Кампания против протекционизма стала одной из первых в Англии, проведенных средствами пропаганды (пресса, многочисленные выступления), которым в XIX в. было суждено изменить политическую жизнь. В публичных собраниях ораторы Ассоциации против законов о зерне показывали три буханки хлеба разного размера, которые стоили по-разному в разных странах: Франции, Англии, России. Буханка Англии была самой маленькой, стало быть, английский народ был обездолен. Эти демонстрации пользовались особым успехом у промышленников, в частности манчестерских, которые импортировали одновременно и хлопок, и зерно. Зато они ужасали сельскохозяйственных производителей. «Если вы, — говорили фермеры и сквайры, — снимите пошлины с зерна, то убьете английское земледелие». — «Это неважно, — отвечала Манчестерская школа. — Если другие страны в состоянии производить зерно по лучшему счету, чем мы, то пусть они пашут за нас, а мы будем за них прясть и ткать. Всякая коммерция должна быть циклом. Мы не можем продавать, если не покупаем. Закрытие наших границ для импорта станет концом нашего экспорта».



Собрание членов Ассоциации против законов о зерне в Лондоне в 1846 г.
Гравюра. Первая половина XIX в.

4. Консервативная партия, состоявшая в основном из сельских джентльменов, была враждебна к свободе торговли и расположена к поддержке пошлин на зерно. Тем не менее их вождь сэр Роберт Пил проявил опасную симпатию к доктринам своих противников. Это был порядочный человек, обладавший большим интеллектуальным мужеством, великолепный финансист и администратор, но он отличался авторитарностью и не имел тесных связей в палате. В 1842 г. он взялся за тарифы и уменьшил количество обложенных пошлиной товаров с 1200 до 750. Чтобы компенсировать потери, которые из-за этого понес бюджет, он создал налог в 7 пенсов с фунта на доходы свыше 150 фунтов. В 1845 г. он сократил таможенный тариф до 450 наименований. Так он двигался широким шагом к свободе торговли. Результаты этих последовательных сокращений были удивительны. Доход государства не только не уменьшился, но благодаря росту объемов торговли и доходов налогоплательщиков даже увеличил-

ся. Эти результаты обнадежили Пила. Однако он все еще не осмеливался коснуться сельского хозяйства, цитадели своей партии. Дизраэли уже пошутил о премьер-министре за его разговоры о свободе торговли. «Досточтенный джентльмен, — сказал он, — застав вигов за купанием, унес их одежду. Он оставил их наслаждаться своей либеральной позицией, но сам был строгим консерватором под их одеяниями». Палата смеялась и аплодировала. В 1845 и 1846 гг., то есть два года подряд, в Ирландии случился недород картофеля. Вскоре Пил начал использовать слово «голод», поскольку половина этого перенаселенного острова жила исключительно картофелем. В Англии не хватало зерна, чтобы прийти на помощь ирландцам. Стало быть, говорил он, нет другого решения, кроме как отменить пошлины на зерно и разрешить наконец свободный ввоз любых продуктов питания в Великобританию.

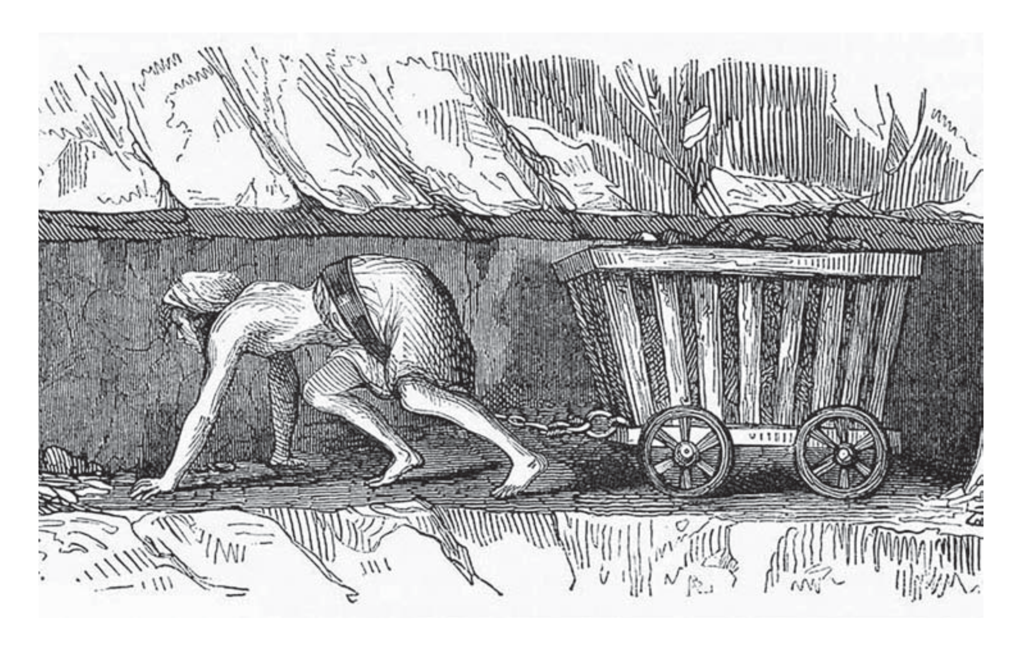
5. Эта горячность, эта паника удивили. Лорд Стэнли, наиболее влиятельный член кабинета, признавался, что он не слишком понимает своего шефа, что ничего определенного об урожае раньше чем через два месяца известно не будет и что ввоз иностранного зерна не накормит ирландцев, у которых нет ни пенни, чтобы купить его. Впрочем, Пил говорил о том, чтобы три года держать умеренные пошлины, хотя через три года голод будет уже далеко. Однако решение Пила было скорее сентиментальным, нежели рациональным. То, что тори называли предательством, в его глазах было благочестивым обращением в новую веру. Королева и принц Альберт, оба сторонники свободы торговли, твердили ему, что он спасает страну. Внутри собственной партии Пила образовалась группа консерваторов-протекционистов, выступивших против него. Натиск возглавили два весьма отличных один от другого человека — Джордж Бентинк и Бенджамин Дизраэли. Никто и вообразить не мог, что этот молодой еврей, известный только как саркастичный и блестящий оратор, сможет стать вожаком сельских джентльменов и свалить всемогущего сэра Роберта. Однако именно это и случилось. Чередой блестящих филиппик, усеянных красочными образами, Дизраэли изобличил «предательство» премьер-министра. Отмена пошлин на хлеб была все-таки принята, потому что оппозиция, состоявшая из вигов и сторонников свободы торговли, объединилась ради этого голосования с друзьями Пила. Но тем же вечером он был опрокинут коалицией неблагодарных сторонников свободы торговли и жаждавших мести протекционистов.

6. Этот раскол на двадцать лет отстранит от власти консервативную партию (кроме кратких возвращений). Никогда друзьям Пила не следовало мириться с теми, кто свалил их вождя. Сам Пил умер из-за злополучного

падения с лошади в 1850 г. Главные из *пилитов*, то есть сторонников Пила, и в частности самый замечательный из них, Уильям Гладстон, объединились с вигами и либералами. Вождями консерваторов стали отныне лорд Стэнли (позже лорд Дерби), умный, образованный вельможа без амбиций, и Дизраэли, который, несмотря на свой гений, потратил много времени на то, чтобы добиться признания в качестве *лидера* своей партии, но в конце концов внушил ей настоящее доверие. Чтобы управлять страной, коалицию вигов и *пилитов* возглавил лорд Джон Рассел, потом лорд Абердин и лорд Палмерстон. Впрочем, свобода торговли и протекционизм с удивительной быстротой перестали быть поводом для политических препирательств. Отмена пошлин на хлеб отнюдь не разорила сельское хозяйство, как предрекал Дизраэли своим друзьям. Англия еще долго импортировала лишь около четверти всего потребляемого хлеба. Несмотря на неизбежные кризисы, период с 1850 по 1875 г. стал для страны временем замечательного процветания, которым она была обязана росту населения, развитию сети железных дорог, совершенствованию империи. Фермеры пользовались этим, как и остальная нация, и перестали жаловаться. «Протекционизм не только умер, но и проклят», — говорил Дизраэли. Ближе к концу века его политическим наследникам предстоит обнаружить, что он оказался лишь в чистилище. А тем временем Гладстон, став главным финансистом вигов, преобразовал фискальную систему страны с помощью серии бюджетов, которые были сочтены замечательными, потому что совпадали с годами изобилия. Упразднив почти все таможенные пошлины, он оставил в 1860 г. всего лишь 48 наименований в тарифе вместо 1200. Он упростил налоги и сохранил только подоходный, поземельный, на наследство, а также пошлины на напитки: чай, кофе, алкоголь. С 1825 по 1870 г. налоги сократились с 2 фунтов 9 шиллингов 3 пенсов до 1 фунта 18 шиллингов 5,5 пенса с человека.

7. *Post hoc, ergo propter hoc*[1]. Введение свободы торговли совпало с обогащением страны; экономическая свобода стала в Англии догматом веры. Однако стремительное развитие промышленности привело к огромной несправедливости. Нельзя было ожидать, что палата общин, которая все еще была лишь клубом *джентльменов-фермеров*, притом весьма занятым борьбой с Наполеоном, принудит города, заводы и фабрики во времена их роста к соблюдению здоровых и строгих правил. Но результат был недо-

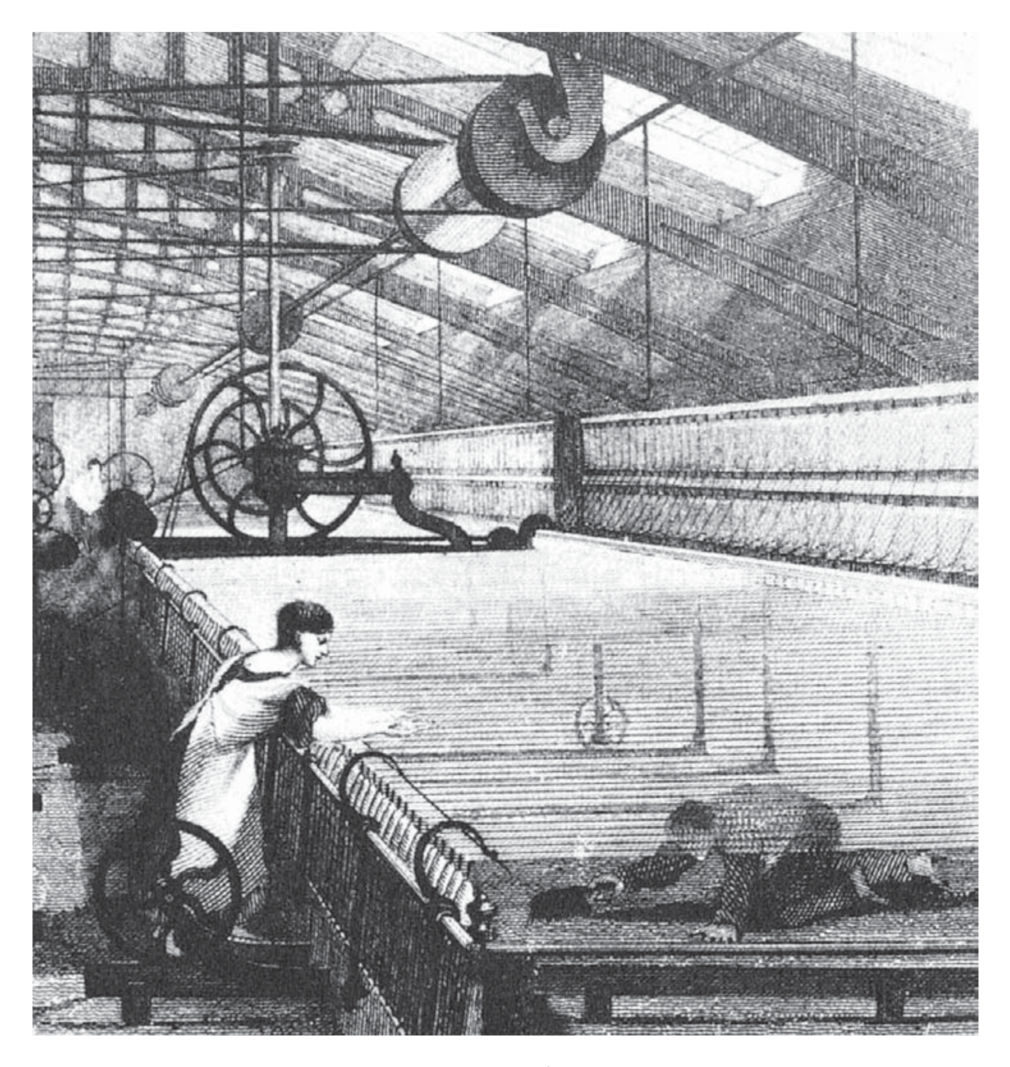
[1] «После этого, следовательно по причине этого» *(лат.)* — логическая ошибка, которая заключается в том, что временнáя последовательность событий принимается за причинную.



Женщина-шахтер в забое британской угольной шахты. Гравюра.
Первая половина XIX в.

стоин богатой и свободной страны. Ирландский голод бросил в единственный порт Ливерпуля более 100 тыс. голодающих, присутствие которых еще больше увеличило нищету в трущобах. Энгельс, посетив Манчестер в 1844 г., обнаружил 350 тыс. рабочих, набившихся в сырые и грязные коттеджи, воздух в которых казался смесью угольной пыли и воды. В шахтах полуголых женщин использовали как настоящих тягловых животных; дети проводили свою жизнь в темноте забоя, открывая и закрывая вентиляционные отверстия. В производстве кружев использовали четырехлетних малышей. На самом деле зло не было повсеместным, и, быть может, писатели того времени несколько сгущали краски, описывая наихудшие примеры, но такие преувеличения были полезны для того, чтобы возмутить общественное мнение.

8. Несмотря на предрассудки «свободы торговли», парламент в конце концов вмешался. Принятый в 1819 г. «фабричный закон» *(Factory Act)* упорядочил труд детей младше девяти лет, которые в начале века работали по 15–16 часов в день на хлопчатобумажных фабриках. Закон 1833 г. ограничил труд рабочих моложе 18 лет и создал четыре первые должности фабричных инспекторов. В 1847 г. труд женщин был ограничен 10 часами, что вскоре повлекло аналогичное ограничение для мужчин. В текстильной



Использование детского труда на ткацкой мануфактуре. Гравюра. 1840-е

промышленности (в 1850) была принята пресловутая «английская неделя»; она изменит жизнь английского рабочего, позволив ему в субботу после обеда интересоваться спортом. Кампанию за ограничение рабочего времени возглавлял лорд Эшли (позже лорд Шефтсбери), который добился также в 1842 г., после публикации доклада, чтение которого внушило публике смесь отвращения и стыда, принятия закона, запрещавшего использовать для работы в шахтах женщин и детей младше десяти лет. Эшли (1801–1885) был очень христианским тори, который посвятил всю свою жизнь улучшению участи бедняков. Он был одним из основателей Асс-

циации молодых христиан *(Young Men's Christian Association)*. Около 1850 г. благодаря более гуманным законам, участию в общем процветании страны, а также привлекательности различных кружков удалось вырвать многих английских рабочих из собственно революционных движений. Именно в этой стране впервые родились кооперативные общества и реформаторские союзы рабочих. Рабочие союзы (тред-юнионы) существовали с XVIII в., хотя и не были легальными. Их узаконили только в 1824 г. Одним из самых замечательных тред-юнионов было Объединенное общество машиностроителей *(Amalgamated Society of Engineers)*, основанное в 1851 г. и уже в 1865 г. насчитывавшее 30 тыс. членов; это был одновременно профсоюз и общество взаимопомощи. Первым его лидером стал Уильям Аллен — типичнейший английский синдикалист-реформатор Викторианской эпохи.

9. Введение на заводах и шахтах новых законов, касавшихся гигиены труда, создание Пилом в 1829 г. полиции сделали необходимым развитие центральной бюрократии, которой до этого в Англии, стране местного самоуправления, попросту не было. В 1815 г. в Министерстве внутренних дел *(Home office)* работало всего 18 служащих. С развитием почты, железных дорог, трудовой инспекции количество функционеров в 1853 г. возросло до 16 тыс. Вопрос подбора чиновников в демократическом обществе — один из самых сложных. Когда руководящие посты отданы в распоряжение политических деятелей, чтобы те вознаградили своих сторонников, никакое правительство не в состоянии сохранить над функционерами долговременную власть. Система «поживы» в Америке, которая после каждых выборов будоражит администрацию страны, злоупотребление политическими рекомендациями во Франции — примеры опасных ошибок. Одной из причин успеха Англии в XIX в. было создание превосходной гражданской государственной службы, *Civil Service*. В течение первой половины века процветал режим рекомендаций. Старые виги считали свою «клиентеллу» одним из атрибутов власти. Когда было решено, что доступ к государственной службе предоставит только беспристрастный экзамен, эта новая идея шокировала их тем более, что дипломы и «мандаринизм» были далеки от того, чтобы играть в английской жизни ту же роль, что и во Франции. Им пришлось довольно скоро признать, что эта система дала отличные результаты. *Государственные гражданские служащие (Civil servants)* проявили себя верными служителями любого английского правительства, какой бы ни была его политическая ориентация, и, тщательно держась в стороне от борьбы партий, обеспечивали преемственность национальных традиций.

IV. Внешняя политика Палмерстона

1. Мы видели, что Англия лишь нехотя проводила политику на манер Меттерниха и что общественное мнение одобряло Каннинга, когда он сочетал защиту угнетенных наций с защитой британских интересов. После Каннинга весьма заметным министром иностранных дел в течение двадцати лет был лорд Палмерстон, который, хотя и не являлся вигом, поддерживал избирательную реформу и поэтому рассорился с тори. Палмерстон привнес в иностранные дела ум, веселость, весьма четкое представление об обязанностях Англии по отношению к миру и упрямство, за которое его ценили соотечественники. С 1815 г. стране уже не угрожала никакая реальная опасность. Ни одна держава не дерзала соперничать с Англией на море, но на суше еще оставалось несколько чувствительных точек, где традиция и осторожность советовали ей проявлять бдительность. Англия хотела независимую Бельгию; ей удалось ее создать, и она была полна решимости защищать эту страну. Англия не хотела французского принца на испанском престоле, и, хотя Палмерстон не смог помешать испанскому браку герцога де Монпансье[1], падение Луи Филиппа быстро избавило его от всех опасений на сей счет. Наконец, поскольку английское общественное мнение желало поддерживать народы, боровшиеся за свою свободу, Палмерстон принял сторону венгров, итальянцев и поддержал сицилийцев против короля Неаполя, равно как и сардинцев против Австрии. В международных спорах обычным доводом лорда Палмерстона было пригрозить британским флотом. Он сильно раздражал двор, который из-за него ссорился с иностранными дворами, и тревожил пацифистские умы, которые опасались, как бы его привычка блефовать не привела однажды к войне, но тешил самолюбие среднего англичанина, который видел, что английский флаг уважают без боя, с наслаждением слышал Палмерстоновы речи в духе: *«Civis romanus sum»*[2] — и искренне считал себя «защитником права», когда лорд Палмерстон отправлял ультиматум Греции, чтобы защитить некоего дона Пасифико, который даже не был англичанином, или Китаю из-за купцов, которые были главным образом опиумными контрабандистами. Когда в 1851 г. Палмерстон позволил себе, не проконсультировавшись ни с королевой, ни с правительством, одобрить государственный переворот Наполеона III, лорд Джон Рассел отобрал у него портфель. Но инцидент лишь добавил Палмерстону популярности, так что немного погодя он и сам стал премьер-министром (1855).

2. Это факт, что авторитарная политика Палмерстона не вовлекла Англию ни в один военный конфликт, а колеблющаяся политика лорда Абердина сделала возможной Крымскую войну. Пресловутый «Восточный вопрос»

[1] Сын Луи Филиппа.
[2] «Мы римские граждане» *(лат.)*.

касался прежде всего Турции. Многие европейские государственные деятели в середине XIX в. полагали, что Оттоманская империя в Европе не сможет долго просуществовать. «У нас на руках больной, — говорил царь английскому послу, — нельзя позволить ему скончаться, не уладив вопроса о наследстве». Представление царя об улаживании было следующим: он хотел забрать себе дунайские области и предложить свое покровительство независимым Балканским государствам; Англии же он предлагал Египет и Крит. «Если мы с Англией сможем договориться по этому делу, — говорил он, — нам будет не важно, что думают все остальные». Но Англия скорее желала выздоровления больного, нежели его наследства и с беспокойством взирала, как растет мощь России, опасной для Индии азиатской да вдобавок самодержавной страны, враждебной либеральным нациям. Франция, со своей стороны, имела с царем несколько беспрестанно возобновлявшихся ссор по поводу святых мест, которые обе страны хотели защищать. Гроза разразилась, когда царь потребовал от султана, чтобы тот доверил ему защиту всех христиан Леванта. Посол Англии в Константинополе Стратфорд-Каннинг присоединился к Франции, чтобы поощрить султана к сопротивлению. Внешняя политика Англии становится любопытной головоломкой. Премьер-министр лорд Абердин хотел мира; Министерство иностранных дел хотело мира; посол в Константинополе хотел войны; общественное мнение, раздраженное высокомерием царя, хотело дипломатического триумфа. Впервые Министерству иностранных дел позиция была *навязана* сентиментальной кампанией. Это было одним из неизбежных последствий расширения избирательного права и свободы прессы. 27 марта 1854 г. Франция и Англия объявили войну России, захватившей турецкие провинции. Французские и английские корабли прошли через Босфор и вынудили русский флот укрыться в Севастополе.

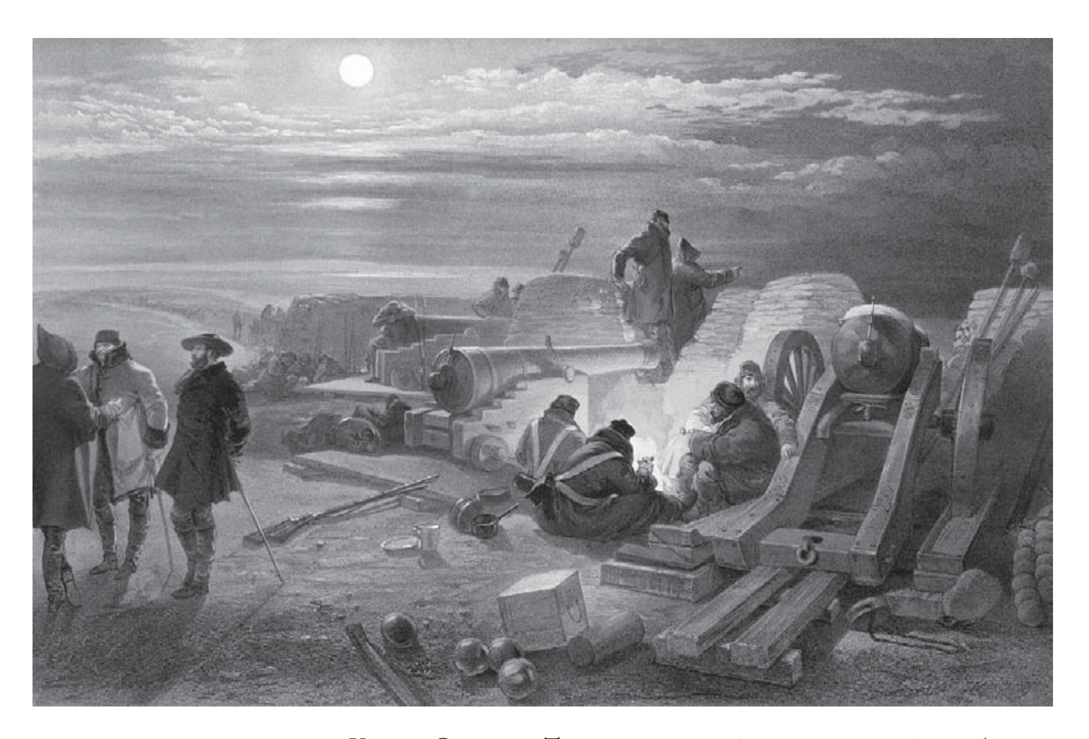
Карл Вильдт. Портрет Генри Джона Темпла, виконта Палмерстона, премьер-министра Англии. Литография. После 1832

3. Общественное мнение добилось войны. Было ли оно право? Несомненно, нельзя было позволить царю кромсать по своему усмотрению Оттоманскую империю, но, быть может, стоило помешать этому более

ловкой дипломатией? Парадоксальный успех: триумф сентиментального либерализма сделал Англию союзником «деспота» Наполеона III, чтобы поддержать другого деспота, султана. Английские кампании почти всегда начинались с замечательных демонстраций непредусмотрительности — Крымская война стала самой блестящей из всех. Медицинская и интендантская службы оказались настолько ниже поставленных перед ними задач, что на войне, которая велась только малыми силами, погибло 25 тыс. англичан, в то время как страна напрасно потратила 70 млн фунтов. Новое могущество прессы с пользой всполошило общественное мнение. Выдающийся журналист Уильям Рассел из «Таймс» следил за операциями как военный корреспондент и сообщал публике о страданиях солдат. Лорд Абердин, которого хулили все партии, был вынужден покинуть свой пост. Его заменил лорд Палмерстон, удачно вышедший на сцену как раз в тот момент, когда обстоятельства наконец стали благоприятствовать союзникам. После долгой осады Севастополь был взят (1855). Уже Наполеон III, помирившись с русскими, желал мира, чтобы продолжить свои большие планы, в частности объединение Италии. Но лорд Палмерстон хотел раздавить Россию и изгнать ее с берегов Черного моря. Если бы возобладала его точка зрения, война могла продлиться «так же долго, как Пелопоннесская или Тридцатилетняя», и это ради далекого и столь же двусмысленного предмета. Но общественное мнение, очень непостоянное, уже заколебалось и начало спрашивать себя, «не ошиблось ли оно, поставив не на ту лошадь»?

4. В 1856 г. был подписан Парижский договор, который недовольные назвали «Парижской капитуляцией». «Мы заключили мир, — говорил Кларендон, — но не Мир». Было решено, что будет сохранена целостность Османской империи и что Россия больше не будет иметь права держать флот на Черном море. Султан пообещал реформы, обещал проявлять больше благожелательности по отношению к своим христианским подданным, и целое поколение англичан считало, что состояние больного улучшили. Но время потери иллюзий было близко: неудача европейских притязаний царя повернула его в сторону Азии, а это было не лишено опасности для Индии; что касается султана, то его конфликты с балканскими провинциями будут тревожить Европу еще более полувека.

5. Самым главным решением Парижского конгресса стало принятие новых международных правил о свободе мореплавания во время войны. Были приняты четыре основных принципа: «1) каперство есть и остается отмененным; 2) нейтральный флаг покрывает (т. е. защищает) товар, за исключением военной контрабанды; 3) нейтральные товары не могут быть за-



Уильям Симпсон. Тихая ночь: английская артиллерийская батарея в Севастополе. Литография. 1855

хвачены под вражеским флагом (т. е. собственность нейтральных государств и лиц не может быть захвачена на вражеском судне); 4) блокада, чтобы быть обязательной (т. е. порождать правовые последствия), должна быть действительной (т. е. реально осуществляемой военными кораблями, а не только объявленной)». В этих гарантиях, данных нейтральной торговле, содержались зародыши серьезных инцидентов и даже будущих войн. Неожиданным последствием Крымской войны в Англии стало предоставление избирательного права женщинам. Когда английская медицинская служба функционировала в России из рук вон плохо, единственным человеком, способным реорганизовать ее, оказалась женщина, Флоренс Найтингейл, «что ввело в моду совершенно новые идеи о воспитании женщин, об их месте в обществе и косвенным образом подготовило движение суфражисток».

6. Во время Крымской войны Наполеон III неоднократно настаивал, чтобы сардинцам было позволено присоединиться к союзникам. Император, человек романтически настроенный, был привязан к идее национального самоопределения. Он желал помочь итальянцам освободиться от Австрии

и сделать опорой новой Италии Савойскую династию, которая царствовала тогда одновременно в Сардинии и Пьемонте. Палмерстон и английское общественное мнение были благосклонны к этой идее; двор же остерегался императора. «Он заговорщик, — твердил принц Альберт, — это слово — ключ ко всему, что он делает». В 1859 г. Наполеон III затеял свою Итальянскую кампанию. Намереваясь освободить Италию, он тем не менее хотел удержать ее разделенной, чтобы дать итальянцам почувствовать свое собственное могущество, и, в частности, желал сохранить мирскую власть папы. Палмерстон и министр иностранных дел Рассел надавили на Наполеона III, поддержали сицилийскую экспедицию Гарибальди и сделали возможной полную реализацию итальянского объединения. Целью этой политики было понравиться общественному мнению — либеральной и протестантской публике, обеспечить себе дружбу и признательность новой Италии и не позволить Франции приобрести слишком большой авторитет на полуострове. Лишь аннексия Францией Ниццы и Савойи после плебисцита встревожила Палмерстона. Но в итоге он имел удовольствие победить Наполеона III оружием, которое тот сам выковал.

7. Когда в 1860 г. Южные штаты объявили о намерении отделиться от Северных, Англия раскололась по поводу этой распри. Некоторые радикалы и диссидентские церкви поддержали кампанию за отмену рабства, которую вел Север, но общество — лондонский свет, маленькая аристократическая клика, руководившая английской политикой, — было всем сердцем с Югом. Ведь там и в самом деле были наилучшие манеры, более изысканный выговор; оттуда же, кстати, поступал и хлопок, в котором Англия имела настоятельную потребность. Так что когда Линкольн объявил, что цель войны вовсе не отмена рабства, но поддержание единства страны, у британского сентиментализма исчез повод для конфликта со столь благосклонными к Югу предрассудками. Поскольку Южные штаты требовали лишь своей свободы, то разве не следует даровать им ее согласно праву наций на самоопределение? Поскольку Ланкашир страдал от настоящего хлопкового голода, в 1861–1862 гг. правительство Палмерстона было готово признать Юг независимым государством. И только решительные победы Севера в 1863 г. помешали этому безумию. Но теперь уже позиция английской прессы глубоко раздражала северян. Это раздражение чуть не спровоцировало войну, когда английское правительство очень неосторожно разрешило строительство в Англии судов, якобы предназначенных для торговли, несмотря на то что это были настоящие военные корабли, хотя и замаскированные под гражданские, такие как «Алабама». Они активно использовались конфедератами и причинили большой ущерб коммерции Севера. После его победы Англии, чтобы вернуть себе дружбу американ-

цев, пришлось заплатить внушительную сумму в качестве репарации за огромный ущерб, причиненный «Алабамой». Этот эпизод надолго испортил отношения между двумя странами, впрочем в течение пятидесяти последующих лет Северная Америка, получив обильную славянскую, латинскую, ирландскую эмиграцию, перестала быть исключительно англосаксонской общностью и превратилась в плавильную печь, которой и останется вплоть до 1914 г.

Флоренс Найтингейл, легендарная сестра милосердия, вместе с добровольными помощницами работавшая в английских полевых госпиталях во время Крымской войны. Фотография. Конец 1850-х

8. «Я подаю пример, которому, возможно, очень скоро будет рада последовать Пруссия», — сказал Кавур при Берлинском дворе, который не возражал. Опасность политики самоопределения наций состояла в том, что она в любой момент позволяла пересмотреть карту Европы, а также в том, что пробуждала сентиментальные симпатии, которые выражались скорее с большой горячностью, нежели вели к каким-то результатам. Поляки, которых притесняла Россия, восстали в 1863 г. Английское общественное мнение пылко их поддержало. Наполеон III, благоволивший к принципу самоопределения наций, поддержал Англию, которая отправила царю категоричную ноту. Царь ответил в тоне надменного сарказма. Все ждали войны. Но когда английское правительство призналось, что из-за мимолетной ошибки его неправильно поняли, а потому на протяжении трех-четырех месяцев превратно толковали его советы, хотя у него никогда не было намерения заходить дальше обмена нотами, Наполеон оказался в дурацком положении. Самыми явными результатами этой суеты стало: 1) русский министр Горчаков, ответственный на жестокие репрессии и вплоть до неуклюжего вмешательства Джона Рассела подвергавшийся нападкам своего государя, уже готовился к смещению, как неожиданно сделался в своей стране самым могущественным и популярным государственным деятелем; 2) площади Варшавы усеяли убитые и раненые. «Таковы оказались, — говорил Дизраэли, — последствия политики, которая была ни рыбой ни мясом».

9. Через несколько месяцев пруссаки и австрийцы захотели вторгнуться в Данию и оторвать от нее, по-прежнему в силу принципа национального самоопределения, герцогства Шлезвиг и Гольштейн. Лорд Палмерстон объявил в парламенте, что если «независимость Дании окажется под угрозой, то агрессоры увидят, что им придется помериться силой не с одной только Данией». Датчане, читая эту речь, изрядно ободрились и заняли самую твердую позицию. Палмерстон попросил поддержки французской армии, но император, брошенный Англией в польском деле, больше ей не доверял. И вот, пока Франция и Англия играли не в лад, прусская армия вошла в Данию. Датчане с надеждой обратили свои взоры к лорду Палмерстону: разве он не говорил, что Пруссии придется мериться силой не с одной только Данией? Но в последнюю минуту общественное мнение вдруг обнаружило, что дело запахло интервенцией. Срочно собравшийся кабинет высказался против войны. Что ответить датчанам? Им объяснили, что лорд Палмерстон говорил, не проконсультировавшись с правительством, и, следовательно, не был уполномочен на это. В 1864 г. Шлезвиг и Гольштейн были аннексированы Пруссией. В Европе росла новая, требовательная и сильная держава, тайно стремившаяся к гегемонии. Ей помогла неуверенность британской политики, которая, будучи наследницей доминантного империализма Питта, агрессивного либерализма Каннинга или Палмерстона и пацифизма Манчестерской школы, в течение полувека опасно колебалась между противоположными позициями.

V. Викторианская Англия

1. Никогда в человеческой истории научные изобретения не меняли так стремительно нравы, идеи и даже пейзажи, как в начале XIX в. Научный метод, метод Фрэнсиса Бэкона, внезапно привел к таким последствиям, которые его современники сочли бы чудесами. Казалось, что человек стал повелителем природы. Пар заменил одновременно силу рук, силу животных и силу ветра. В 1812 г. судно с паровым двигателем поднялось вверх по Клайду; в 1819 г. пароход пересек Атлантику; в 1852 г. был спущен на воду «Агамемнон», первый корабль, снабженный гребным винтом и броней. В 1821 г. Стефенсон построил свой первый локомотив; в 1830 г. герцог Веллингтон торжественно открыл железную дорогу из Манчестера в Ливерпуль; Дизраэли промчался в Мейденхед (Maidenhead) со скоростью 36 миль в час и получил удивительные ощущения; в 1842 г. принц Альберт проехал из Виндзора в Лондон по железной дороге и сказал в конце поездки: «В следующий раз, пожалуйста, не так быстро, господин кондуктор». Величина вокзалов и рождав-

Железнодорожная станция Юстон в Лондоне. 1840-е

шиеся вокруг них кварталы поражали даже самые смелые умы. Были созданы акционерные общества, чтобы эксплуатировать это изобретение; англичане всех профессий — отставные офицеры, торговцы, школьные учителя — становились служащими Компании железных дорог; а в 1842 г. случился *бум:* акции и зарплаты стремительно взлетели вверх. Журнал «Панч» изобразил на своей карикатуре Спекуляцию в виде локомотива, который давит своих обожателей, и она действительно раздавила их, поскольку все акции железных дорог не менее стремительно рухнули вниз на 78 млн фунтов. Спекуляция на ценных бумагах, которая в XVIII в. была лишь временной болезнью, становилась настоящей профессией; многие крупные акционерные общества (изобретенные некогда колониальными компаниями) заменили собой единственного и ответственного хозяина.

2. Примерно в то же время почтовой маркой за 1 пенни стало возможно оплатить письмо куда угодно; это привило новым классам привычку писать. У подешевевших газет, потому что виги снизили гербовый сбор с 5 пенсов до 1 пенни, увеличился тираж («Таймс» существовала с 1785 г., «Морнинг пост» — с 1772 г., «Дейли ньюс» была основана Диккенсом в 1846 г.). Начиная с 1837 г. города и континенты сблизил телеграф. Планета «съежи-

Уолтер Денди Садлер. Чаепитие. Вторая половина XIX в.

лась до размера английской конторки». Паук, «притаившийся на своем острове» в центре мировой торговли, Англия опутала землю огромной сетью кабелей. Поскольку она жила в мире, имела самый большой флот и шахты с самым доступным углем, поскольку ее процветающая и свободная буржуазия была готова извлечь выгоду из новых изобретений, она обогащалась скорее, чем любой другой народ. В 1830 г., в разгар экономического кризиса, видный историк Маколей разразился торжествующим гимном и объявил, что в 1930 г. на тех же островах удвоившееся население будет наслаждаться двойным богатством. Известно, насколько факты превзошли его пророчество, которое даже тогда показалось умеренным.

3. Подобно правлению Луи Филиппа во Франции, Викторианская эпоха в Англии стала временем средних классов. Обогатившиеся научными открытиями и их применением, они завоевали бы власть силой денег, если бы виги не сдали им аристократическую цитадель без всякой борьбы. «Это, — писал Эли Галеви, — стало шедевром английской политики в XIX в. — увековечить традицию аристократического парламентаризма. Но при каком условии можно совершить этот фокус? Только если постоянно приспосабливать эту политику к потребностям индустриализующегося и демократи-

зирующегося общества». Союз вигов и буржуазии окажет на нравы Англии глубокое и длительное воздействие. Многие из крупных буржуа, которые формировали новую промышленную олигархию, происходили из нонконформистских семей. Даже те из них, кто уже не придерживался пуританской веры, сохраняли ее суровость, и это соединение нравственной строгости и коммерческого успеха отнюдь не было случайной встречей. «Вести серьезную жизнь, воздерживаться от игры и пьянства, помнить о субботнем дне, ограничить чувственные удовольствия ласками законной супруги — это добродетели, вознаграждение за которые ждет нас не только на небесах». И нередко прямым поводом и секретом мирского успеха становилась религия: если Томас Кук основал свое знаменитейшее туристическое агентство, то потому, что, будучи миссионером-баптистом, сначала организовывал поездки для воскресных школ и участников митингов, ратовавших за умеренность; если квакеры Кэдбери и Фрай создали самое процветающее и добродетельное шоколадное производство, то потому, что для борьбы против алкоголя наиболее эффективным союзником проповедника было какао. Тогда в угоду своим политическим союзникам виги пожертвовали собственным цинизмом и, по крайней мере с виду, собственными удовольствиями. «Аристократия, — пишет в 1867 г. Бэйджхот, — живет среди террора средних классов, лавочников и торговцев». В 1850 г. переписка, подобная переписке Байрона и леди Каролины Лэм, супруги лорда Мельбурна, была бы почти немыслима. Одновременно с избирательной реформой и свободой торговли виги нехотя добавили к своей программе и добродетель.

4. Сама королева, выйдя замуж за преувеличенно добродетельного Альберта, изменилась. Ее двор стал серьезным и семейственным. «Эта проклятая нравственность в конце концов все испортит», — говаривал лорд Мельбурн. Но лорд Мельбурн принадлежал к уже ушедшей эпохе, и набожный, благоденствующий, серьезный и семейственный Гладстон гораздо лучше представлял это царствование. Романы и комедии писались тогда для молодой королевы и добродетельной матери семейства. Ничто не должно было «вызвать краску на щеках этой молодой особы». «Панч» хвалили за то, что его могут читать «наши дети и жены». Не только порок, но и преступление были изгнаны из литературы, разве что были завуалированы сентиментальностью и юмором. Монархия, аристократия и литература поняли, что в этом новом мире избыток распущенности или искренности подверг бы опасности их привилегии. Чтобы лучше привить массам внушающую доверие респектабельность, правящие классы демонстрировали если не ее действительность, которая могла бы показаться бесчувственной, то по крайней мере видимость приличий. Впрочем, очень скоро для мно-

Королева Виктория в 1852 г.
Литография Томаса Магуайра

гих эти видимости стали привычками. Когда читаешь «Отца и сына» Эдмунда Госса, понимаешь, что состояние духа некоторых викторианцев недалеко ушло от состояния духа *святых* Кромвеля. Смесь серьезности, сдержанности и силы, которая отличает характер, свойственный времени, обнаруживается в черном рединготе и в высоком галстуке мужчин, равно как и в черных шелковых платьях и легендарных чепцах королевы Виктории.

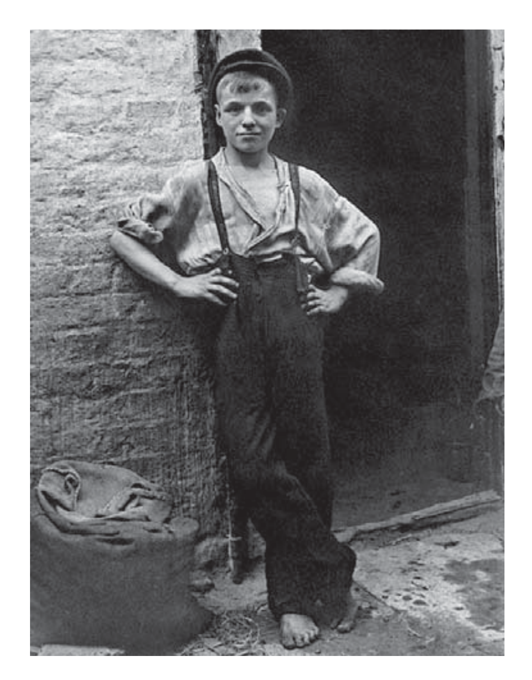
5. Если виги ради этого союза пожертвовали свободой своих нравов, то буржуа оставили радикализм своей мысли. Викторианская буржуазия исповедует снобизм, который по большей части консервативен; она приемлет рамки аристократического общества; она уважает их тем больше, что они открываются и для нее. Каждому человеку из средних классов нравится водить знакомство с титулованными особами, «и если он говорит, что не стремится к этому, не верьте ему». Долгое время низкопоклонство новых избирателей сводило на нет все последствия избирательной реформы. «Феодализм, — пишет Кобден, — с каждым днем занимает чуть больше места как в политической, так и в социальной жизни». Бэйджхот анализирует эту любопытную «почтительность» английской нации: «Каким бы странным это ни показалось, есть нации, где невежественное большинство желает, чтобы им управляло компетентное меньшинство. Оно отрекается от себя в пользу своей элиты. Англия — типичный случай таких почтительных наций». И в самом деле, около 1850 г. кажется, что народ согласен оставить привилегию голосования средним классам, а самим средним классам нравится, чтобы его представляли аристократы-профессионалы. Можно подумать, будто буржуа считают себя зрителями, которым нравится видеть, как превосходные актеры разыгрывают для них на великолепной сцене пьесу из роскошной жизни. Так что знатные английские семейства еще надолго сохранят, не вызывая жгучей ненависти, свои прекрасные парки, свой королевский образ жизни, свои жилища, построенные Иниго Джонсом, Джоном Ванбру, Кристофером Реном. Герцог Де-

Джордж Уильям Джой. Сцена в омнибусе (Бейсуотерский омнибус). 1895

воншир в Четсуорте (Chatsworth), герцог Ретленд в Бельвуаре (Belvoir), герцог Веллингтон в Вобурне (Woburn) держат настоящие маленькие дворы. В июне 1832 г., на следующий день после реформы, Дизраэли написал: «Режим герцогов, казавшийся вечным, только что рухнул». Скоро сам Дизраэли признает, что герцоги, которых он поспешил похоронить, чувствуют себя еще довольно хорошо, и будет домогаться союза с ними.

6. Это терпимое всеми сохранение баснословного богатства тем более удивительно, что условия жизни бедняков казались тогда еще более бедственными. Прекрасную английскую породу XVII в., сильную, бодрую, хорошо питавшуюся в деревне, сменяет бледный городской пролетариат. В простонародных кварталах больших городов смертность остается ужасающей. В лондонском Ист-Энде (бедный квартал) она в два раза больше, чем в Вест-Энде (богатый квартал). В Бате средняя продолжительность жизни джентльмена равна пятидесяти пяти годам, рабочего — двадцати пяти. Есть описания[1] нищеты и грязи, в какой жили тогда тысячи семей: фекаль-

[1] Young G. M. *Early Victorian England*. — *Прим. авт.*

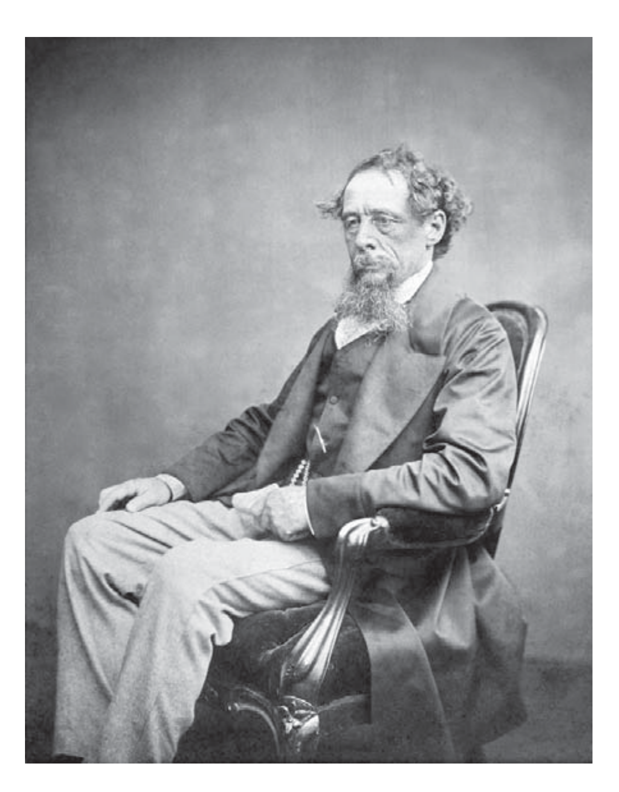


Дети лондонских трущоб. Фотографии конца XIX в.

ные массы в питьевой воде, зловонные дворы, где отказывалась расти трава, подтопленные гнилой водой подвалы, где спали вповалку по десять-двенадцать человек. Но конечно, сельская Англия еще не совсем умерла. В 1861 г. соотношение городского населения к сельскому равно 5 к 4, и придется ждать 1881 г., чтобы население городов стало в два раза больше сельского. Но и само сельское население не обрело своего равновесия. Сельскохозяйственный рабочий отныне счастливее в больших имениях, где «герцоги» строят солидные коттеджи, нежели в маленьких частных хозяйствах, которые с трудом выживают, за исключением некоторых периодов повышения цен. Что же касается городских рабочих, то условия их жизни медленно улучшаются в течение всего царствования. Мистер Клэпем показал, что наихудшим моментом было начало века. До Пила пища народа была дорогой. Но свобода торговли понизила стоимость жизни, и в начале первой декады 1850 г. заработная плата начала подниматься. В 1865 г. она выросла по сравнению с заработной платой 1845 г. на 20–25%; в свой черед поднялись и цены, но на хлеб, например, не больше 12%. Покупательная способность рабочих, таким образом, повышалась. В то же время сберегательные кассы, кооперативные общества помогали им легче переносить время кризисов. Впрочем, начиная с 1850 г. английские рабочие отказались от *прямого действия* и, подобно буржуа, стали надеяться (как раз в то время, когда Ренан писал «Будущее науки»), что машины и открытия приведут к новому золотому веку.

Дж. Мак-Нивен. Интерьер Хрустального дворца, построенного к открытию Всемирной выставки 1851 г. в Лондоне. Литография. 1851

7. Таким образом, все викторианцы, и богатые и бедные, начали верить в прогресс. Наука внушала им религиозное благоговение. Средние века видели во вселенной только следствие свободного волеизъявления Бога; XVIII в. пытался примирить разумную веру с природными законами; в XIX в. многие ученые полагали, что наблюдают совершенно механический мир. «Основы геологии» Лайеля и «Происхождение видов» Дарвина пошатнули библейские теории и дали людям того времени иллюзию, будто они обнаруживают в эволюции живых существ столь же точные законы, как и законы материального мира. Сама философия становится «материалистической». Герберт Спенсер, ум простой и фальшивый, столь же универсальный, как Огюст Конт, но настолько же поверхностный, насколько Конт был гениальным, блистал «необычайным талантом городить общие идеи вокруг незначительных фактов», чем завоевал не только английскую публику, но и среднего читателя по всему свету, одарив его своей философией эволюции, применимой ко всем наукам, включая мораль и политику. Это время универсальности, веры в научный и материальный прогресс, время пацифизма и промышленности нашло превосходный символ



Чарльз Диккенс. Фотография. 1860-е

во Всемирной выставке 1851 г., организованной принцем Альбертом с чисто немецкой серьезностью и стремлением к совершенству. Грандиозность Хрустального дворца, восторги толп, атмосфера национального примирения после волнений реформы и чартизма произвели большое впечатление на англичан, многие из которых впервые сели на поезд и увидели Лондон.

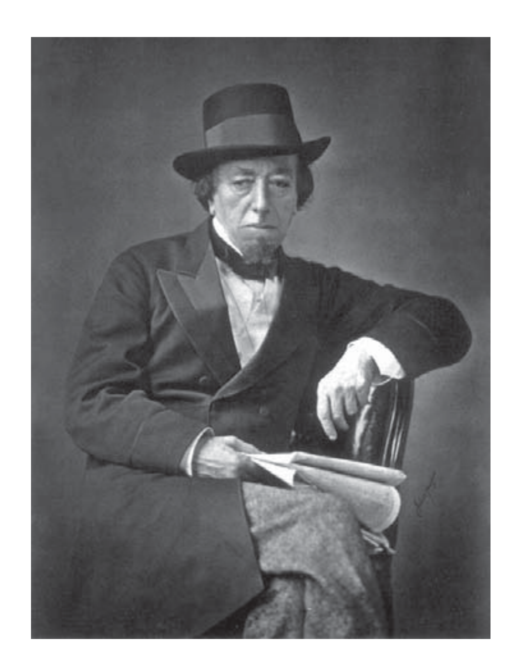
8. Научный и социальный материализм неизбежно вызвали реакцию против себя. Таким образом, царствование породило свои романтические волны — то религиозные, то литературные. В религии продолжал распространяться методизм, но не только: духовенство самоотверженно предприняло евангелизацию новых промышленных городов. Оксфордское движение, возникшее около 1833 г., пыталось придать англиканской религии историко-поэтическое очарование католицизма. Самый известный из его адептов, Ньюмен, в конце концов обратился в католичество и ближе к концу жизни стал кардиналом. Карлейль повел протестантское наступление против утилитаризма и показал, что «не Манчестер становился богаче, как полагали люди того времени, но всего лишь некоторые наименее симпатичные жители Манчестера». Рёскин вел свою борьбу против уродств индустриализации и породил прерафаэлитов, а некоторые из них основали вместе с Уильямом Моррисом эстетический социализм. Наконец, Диккенс, который сам по себе был наиболее грандиозной штормовой волной, желал научить англичан своего времени истинному великодушию, лежащему в основе воображения, и сделал ради этого больше, чем все, вместе взятые, профессиональные филантропы. Но и Диккенсу, чтобы публика приняла его реализм, приходилось смягчать свои повествования юмором, сентиментализмом и приделывать к этим трагическим историям счастливые эпилоги. Ибо таким был викторианский компромисс.

VI. Дизраэли и Гладстон

1. Реформа 1832 г. удовлетворила мелкую буржуазию, но не дала народным массам никаких средств для выражения их чаяний. Неистовые кампании чартистов показали, что ситуация продолжала оставаться опасной. Правда, чартистское клокотание утонуло в волне благополучия, наступившего после 1850 г.; однако благоразумные не забывали, что волнения могли возродиться, и на этот случай было бы желательно иметь какой-нибудь предохранительный клапан. Однако новые господа той части населения, что была наделена политическими правами (которая, впрочем, поддерживала у власти своих прежних господ), не испытывали никакого желания расширять электорат; однако самые прозорливые государственные деятели обеих партий — Гладстон у либералов, Дизраэли у консерваторов — полагали, что спасение именно в этом. Каждый из них желал почестей и политических выгод от новой реформы. «Панч» в 1852 г. опубликовал рисунок, изображавший спящего льва, которого политики пытались разбудить, тыкая в него раскаленными докрасна железными прутьями. На каждом пруте было написано слово *Реформа*. Но какая реформа? То правительство тори предлагало наделить правом голоса всякого избирателя, который платит более 10 фунтов за жилье, а вигская оппозиция кричала, что это срам и что здравый предел прав человека — это 8 фунтов. То вигский парламент предлагал 7 фунтов, а Дерби, устами своего пророка Дизраэли, утверждал, что это значит подвергнуть Англию всем опасностям демагогии. Реальный же вопрос состоял в том, чтобы понять: к какой из двух больших партий будут благоволить новые избиратели? Но Гладстон с возмущением говорил о тех, кто обращается за справкой к статистическим данным о выборах и оценивает народные силы как силы вторгнувшегося врага. «А ведь люди, о которых идет речь в этих заметках, — наши братья, такие же христиане, как и мы, наша собственная плоть и кровь». На что один тори спросил его, почему наша плоть и кровь перестает быть таковой при 7 фунтах за жилье.

Изумительное благодушие героев политического сезона: Гладстон и Дизраэли. Карикатура Джона Тенниела из журнала «Панч». 1869

2. Три десятка вигов, враждебных всякому новому движению по пути к демократии, отказались в 1866 г. принять реформы

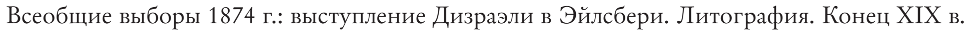

Бенджамин Дизраэли в 1878 г.

Гладстона. Их окрестили «адолламитами» потому, что когда царь Давид «убежал в пещеру Адолламскую... собрались к нему все притесненные и все должники и все огорченные душею, и сделался он начальником над ними...»[1] Дерби и Дизраэли при пассивной поддержке «адолламитов» опрокинули Рассела и Гладстона и, оказавшись у власти в меньшинстве, попытались сделать из Консервативной партии современную партию, уже не враждебную любому изменению, как прежняя партия тори, но при этом приверженную старинным английским институтам (таким как монархия, палата лордов, Англиканская церковь) и способную улучшить их, если того потребуют новые обстоятельства. Усилия Дизраэли по «воспитанию своей партии» удались, и Консервативная партия обязана ему своей второй и долгой молодостью. Напоминая аристократии, что ее традиционная обязанность состоит отнюдь не в том, чтобы сдерживать народ, но в том, чтобы вести его за собой, он позволил семействам, так долго правившим Англией, и дальше играть свою роль в изменившемся обществе. Уступая либералам во второстепенных пунктах, он провел через палату общин новую избирательную реформу — реформу 1867 г. Согласно ей право голоса зависело, как и в 1832 г., от владения домом или от размера платы за жилье, но теперь величина суммы уменьшилась, особенно в небольших городках, и результатом реформы стало добавление к корпусу избирателей более 1 млн голосов, и при этом почти все они принадлежали городским рабочим. Какова была политическая позиция новых избирателей? Она была непредсказуема, да и сам Дерби соглашался с тем, что новый закон будет «прыжком в темноту». Но он был горд тем, что отнял у вигов одну из их излюбленных тем и, как и Дизраэли, доверился здравому смыслу английских рабочих. Позже консерваторам не пришлось жалеть об этом жесте, но первые выборы, последовавшие за реформой (1868), стали победой либералов.

3. Вскоре после голосования за реформу больной Дерби уступил лидерство в Консервативной партии Дизраэли. Примерно в то же время Гладстон стал безусловным вождем Либеральной партии, и оба человека, всегда про-

[1] 1 Цар. 22: 1–2.

тивостоявшие друг другу, вступили в прямой конфликт. Борьба Дизраэли и Гладстона, помимо своего человеческого интереса, имеет и образцово-показательную ценность, потому что иллюстрирует важность для успеха парламентского строя некоего драматического очарования. Если реальные возмущения граждан страны пришлось заменить «революциями» в палате, требовалось еще, чтобы сами эти ораторские поединки были благородным зрелищем. Благодаря очень разным, но одинаково восхитительным талантам Гладстона и Дизраэли их парламентские прения в Вестминстере на целых двадцать лет превратились в битвы титанов. Друг другу тут противостояли две философии, два умонастроения. С одной стороны, степенность, серьезность, сознательное достоинство, с другой — блеск, остроумие и ничуть не менее живая вера, чем у Гладстона, но скрытая под напускным легкомыслием. Гладстон верил в правление *посредством* народа, хотел получать от народа наказы и говорил про себя, что готов ко всем реформам, которые пожелает народ, пусть даже они посягают на самые древние традиции Англии. Дизраэли верил в правление *ради* народа, в необходимость крепить основы страны и принимал реформы только в той мере, в какой

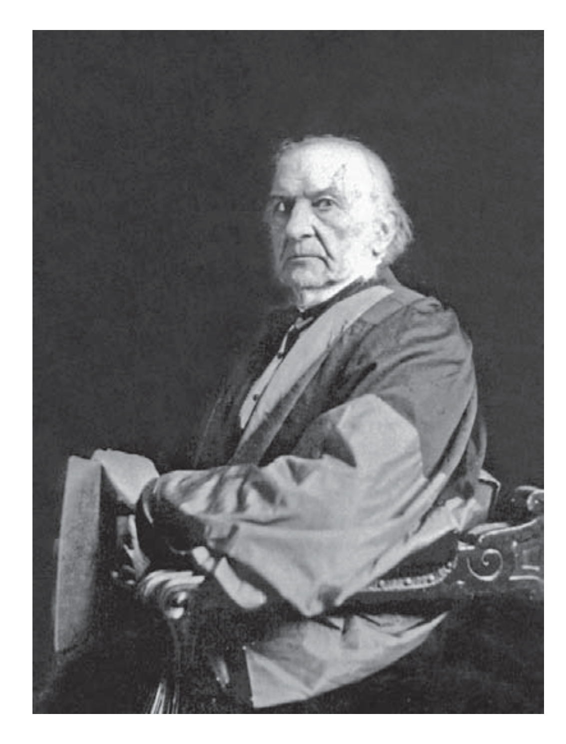


Всеобщие выборы 1874 г.: выступление Дизраэли в Эйлсбери. Литография. Конец XIX в.

они уважали некоторые главные установления, связанные с неизменными чертами человеческой природы. Обе эти позиции прекрасно символизируют два образа: Гладстон, самолично рубивший деревья в Ховардене (Hawarden), и Дизраэли, запрещавший срубить в Хагендене (Hughenden) хоть одно дерево.

4. Гладстон был премьер-министром с 1868 по 1874 г., Дизраэли — с 1874 по 1880 г., потом снова Гладстон — с 1880 по 1885 г. За эти восемнадцать лет на континенте произошли большие изменения. Ни Дизраэли, ни Гладстон не сумели понять, что «баланс сил» в Европе будет нарушен растущим могуществом Пруссии. Палмерстон стерпел аннексию Шлезвиг-Гольштейна; Дизраэли и Гладстон взирали, никак не реагируя, на Австро-прусскую войну, а потом и на Франко-прусскую, которые закрепили гегемонию Пруссии и привели к образованию Германской империи. Россия в свой черед денонсировала завершивший Крымскую войну Парижский договор и восстановила флот на Черном море. И Гладстон опять смолчал. Но опасность уступок состоит в том, что они увеличивают аппетит и дерзость тех, кому их делают. Англия словно заснула, и даже самые слабые державы думали, что могут отныне безнаказанно дразнить британского льва. Со временем общественное мнение встревожилось этой слабостью. В театре изображали, как Гладстон встречает посольство из Китая, которое прибыло потребовать у него Шотландию. Сначала премьер-министр размышлял, потом решал, что на это есть три возможных ответа: сразу же уступить Шотландию, подождать немного и все-таки уступить или назначить третейского судью. Публика находила сатиру довольно справедливой.

5. Внешняя политика Дизраэли была смелее и более картинной, но столь же опасной, как и у Гладстона. В то время как Гладстон жаждал мира любой ценой, проявляя равнодушие даже к империи и желая для своей страны скорее морального, нежели имперского престижа, заслужил от своих сторонников прозвище *Little Englander* (то есть *Малоангличанин*, Сторонник Маленькой Англии), Дизраэли же и его друзья провозгласили себя «империалистами». Идея империи, ослабевшая после смерти Питта-старшего и потери американских колоний, возродилась в романтическом воображении Дизраэли. Задолго до Чемберлена, Родса, Киплинга он предлагал Англии совершенно римский образ ее роли в мире и ее долга по отношению к нему. Наперекор желанию большинства своей партии, которому были ненавистны любые изменения, он смог дать королеве, пылко желавшей этого, титул императрицы Индии. В 1875 г. он тайно купил у египетского хедива Исмаила за 4 млн фунтов 177 тыс. акций Суэцкого канала. И хотя бóльшая их часть досталась Франции, Англия стала совладелицей



Уильям Гладстон.
Фотография Руперта Поттера. 1880-е

столь важного для нее предприятия, потому что канал отныне становился кратчайшим путем в Индию и Китай. В том же году старый и уставший Дизраэли перешел в палату лордов с титулом лорда Бэконсфилда. Европу продолжал беспокоить конфликт между Турцией и ее христианскими провинциями, которые защищала, желая приобрести их, Россия. Однако ничего в мире Дизраэли так не опасался, как присутствия русских в Средиземном море. Первой аксиомой британской политики была для него поддержка свободного сообщения с Индией. Однако по суше это сообщение было возможно только через дружественную Турцию; морской же путь отныне лежал через Суэцкий канал, очень уязвимый, если азиатские провинции Турции окажутся в руках вражеской нации. Так что он принял сторону турок. Но поскольку те творили зверства в Болгарии, Гладстон поднял против них английское общественное мнение, организовав ораторскую кампанию. Дизраэли счел ее нелепой, но ей удалось тронуть религиозные массы своим пылом. Движение было таким сильным, что новоявленный лорд Бэконсфилд был вынужден отказаться от вмешательства.

6. Вскоре Россия смогла навязать туркам Сан-Стефанский договор. Европейская Турция почти полностью исчезала, а Великая Болгария давала России выход к Средиземному морю. Лорд Бэконсфилд счел этот договор неприемлемым для Англии и объявил России ультиматум. И та, обессиленная войной, опасаясь прибытия войск из Индии и посылки английского флота в Константинополь, уступила. Эти переговоры в манере Палмерстона — выставив флот вперед и с дипломатией в кильватере — потешила английскую гордость. Берлинский конгресс (1878) пересмотрел Сан-Стефанский договор. Болгария была разделена надвое, Босния обещана Австрии, Англия получила остров Кипр. Берлинский договор казался полным успехом лорда Бэконсфилда, и он был награжден за это орденом Подвязки. Но на самом деле Кипр так никогда и не пригодился Англии;

Всеобщие выборы 1874 г.: Гладстон произносит речь перед избирателями Гринвича. Литография. Конец XIX в.

Турция продолжала жестоко притеснять своих христианских подданных, которых ей вернули, а боснийские дела послужат причиной войны 1914 г. В 1879 г. враждебность России, чьи послы вернулись из Берлина в сильнейшем раздражении против Англии, спровоцировала конфликты на границе Индии. Когда за этим последовала война с зулусами в Южной Африке, общественное мнение начало склоняться к мысли, что хотя пацифистская политика Гладстона и была лишена славы, но империалистическая политика Дизраэли стала крайне небезопасной. В 1879 г. Гладстон снова провел в Шотландии большую ораторскую кампанию и добился необы-

чайного успеха. Он говорил избирателям, что речь идет уже не о том, чтобы одобрить ту или иную политическую меру, а о том, чтобы сделать выбор из двух моралей. В течение пяти лет им говорили только об интересах Британской империи, о научно обоснованных границах, о новых Гибралтарах — и каким оказался результат? Россия увеличилась в размерах и стала враждебной, в Европе тревожно, в Индии война, в Африке обширное кровавое пятно. Почему? Да потому, что в мире есть и кое-что иное, помимо политических потребностей, говорил Гладстон, есть нравственные требования. «Помните о святости жизни в деревнях Афганистана среди зимних снегов, которая так же священна в глазах Всевышнего, как и жизнь в ваших городах». Это прекрасное лицо хищной птицы, пронзительный и твердый взор, этот голос с его неслабевшей мощью казались чудом, а возвышенные религиозные воззрения оратора наполняли жителей шотландских деревень, людей набожных, почти боязливым восхищением; им казалось, что они слышат Божественный глагол и видят перед собой пророка. На выборах 1880 г. Дизраэли с его партией был разгромлен.

7. Легче проповедовать мир, чем поддерживать его. Гладстон был искренен в своем отвращении к насилию, но он окажется вынужденным прибегать к нему, тем более что из-за его первоначальной слабости повсюду стали разрастаться опасности и беспорядки. Первые неприятности пришли из Южной Африки. Там, с тех пор как в эпоху Наполеоновских войн англичане аннексировали Капскую область, голландскую колонию, то и дело вспыхивали конфликты между голландскими фермерами и английскими колонистами. В 1877 г. англичане аннексировали голландскую республику Трансвааль; в 1881 г. буры восстали и победили маленькую английскую оккупационную армию при Маджуба-Хилле. Гладстон принял свершившийся факт и вернул бурам независимость. В Ирландии тайно росла Республиканская партия — бунтарская и антианглийская. В палате общин жизнь правительству затрудняли 80 депутатов под предводительством таинственного и блестящего Парнелла, поскольку они были приверженцами *гомруля (Home Rule)*, то есть ирландского сепаратизма. В самой Ирландии парламентские конфликты подкреплялись агрессивными действиями, доходившими до убийства. Крестьяне отказывались платить арендную плату. Гладстон тщетно пытался поддержать их с помощью аграрного закона (*Land Act*), который давал особым судам право пересматривать арендные договоры, и напрасно освободил Парнелла и его друзей, арестованных за подстрекательство к мятежу. Через несколько дней снова начались преступления. Возмущенное общественное мнение Англии обязало правительство предложить принудительный закон, который привел бы к какому-нибудь результату.

Гладстон в костюме экономки
толкает «Джона Буля» в объятия русского царя.
Карикатура Джозефа Кепплера. 1885

8. После Трансвааля и Ирландии — Египет. Безобразное правление хедива вынудило Англию и Францию к тому, чтобы вместе обеспечить контроль за финансами и управление египетским долгом. Но когда случилось избиение европейцев в Александрии, французское правительство, проявив больше робости, нежели благоразумия, удалило свой флот. Гладстон тоже охотно отозвал бы английский флот, но пресса и общественное мнение ему этого не позволили. Английская армия вошла в Каир. Это завоевание, «предпринятое в момент помутнения рассудка», сделало поносившего его Гладстона популярным. По закону оккупация Египта была временной, и за ней ревниво следила Франция. На деле же управлять страной при номинальной верховной власти хедива вскоре начал сэр Ивлин Бэринг (позже ставший лордом Кроумером). Оккупационная английская армия «временно» осталась в Египте. Когда в египетском Судане некий мусульманский фанатик (Мухаммед Ахмед, иначе Мухаммед ибн Абдаллах) провозгласил себя Махди и, объединившись с дервишами, прогнал египетских солдат, туда послали английского генерала Хикса, который был изрублен в капусту. Гладстон решил оставить Судан и неосторожно поручил эту операцию генералу Гордону, необычайной личности. Тот заработал себе большую известность во время Китайской войны, но был по-своему так же фанатичен, как и сам Махди. Вместо того чтобы оставить Судан, он затворился в Хартуме и стал напрасно требовать подкреплений. Но когда Гладстон решился послать их ему, было уже слишком поздно — Махди успел истребить 11 тыс. человек гарнизона вместе с генералом. У Гордона имелись все необходимые достоинства, чтобы стать национальным героем: его упрямство нравилось империалистам, его любовь к Библии —

протестантам, а его причуды — всему английскому народу. Смерть генерала привела к падению правительства. И только в 1898 г. за нее отомстил Китченер.

9. Гладстон освободил страну от некоторого религиозного неравенства, отделил от государства Англиканскую церковь Ирландии, которую ирландским католикам не было никакого резона поддерживать, открыл для нонконформистов (которые в 1836 г. получили свободный доступ в новый Лондонский университет) Оксфордский и Кембриджский университеты. Благодаря «закону Форстера» *(Education Act)* Англия получила наконец зародыш системы национальных школ. Принц Альберт был поражен количеством неграмотных англичан, значительно превосходившим количество неграмотных французов и немцев. В Манчестере в 1838 г. из 100 молодоженов 45 ставили крестик в книге регистрации браков, поскольку не умели писать; в 1845 г. неграмотными были 33% мужчин и 49% женщин; в 1861-м — соответственно 25% и 35%. Викторианское самодовольство полагало, что незачем до такой степени подражать континенту. Знать и средние классы отправляли своих детей в *Public Schools*; у народа еще долго оставались лишь приходские школы, содержавшиеся за счет церквей. «Закон Форстера» наконец создал в деревнях, где не существовало свободных учебных заведений, государственную школу, которая оставалась христианской, но не была конфессиональной. В 1891 г. образование в Англии стало обязательным, а в 1912-м — бесплатным для всех. Надо отметить, что Англия, мировая держава, где науки в школах преподавались до крайности мало, все же произвела некоторых выдающихся ученых XIX в.: Дарвина, Гексли, лорда Кельвина, Клерка Максвелла, Листера, Томсона. Может, облегченность учебных программ лучше сохраняет гению свежесть мысли?

10. В 1877 г. Дизраэли дал право голоса рабочим городов; Гладстон в 1884 г. дал его сельскохозяйственным работникам. Закон о тайном голосовании и закон о коррупции на выборах положили конец плутократии. Начиная с 1884 г. из 7 млн совершеннолетних мужского пола 5 млн голосуют. Лишены права голоса лишь те, кто делят дом со своими хозяевами (слуги), со своим отцом (живущие вместе с семьей сыновья), и все женщины. Сама местная администрация отныне укреплена избранным корпусом, а мировые судьи потеряли былое административное могущество, которым обладали со времен Тюдоров. Англия за полвека без глубоких потрясений прошла путь от олигархии к демократии. Но при этом была изрядно ослаблена независимость палаты общин. В прежней аристократической системе крупный вельможа, избранный в своем местечке, или тот, кому он предоставил это местечко, сознавали свою неуязвимость; их голосование в пар-

ламенте было свободным, потому что премьер-министр никак не мог повлиять на них, разве что с помощью коррупции, которой честные или слишком богатые депутаты сопротивлялись. При демократической системе всякое место в парламенте становилось неустойчивым: поскольку ни один депутат не был уверен, что будет переизбран обширным и капризным электоратом, и угроза роспуска стала для премьер-министра эффективным средством вразумить колеблющихся. Либеральная ассоциация, основанная Джозефом Чемберленом в Бирмингеме, подала пример того, что впоследствии будет названо по американскому образцу *caucus*[1]. Партии становятся мощными организациями, которые выбирают кандидатов, собирают средства для избирательных фондов (часто с помощью продажи дворянских титулов) и навязывают монарху своего вождя на пост премьер-министра. И тот все чаще и чаще после благоприятных выборов был почти уверен, что сохранит власть по меньшей мере на срок полномочий парламента (кроме непредвиденных случаев, личных промахов или раскола в партии). Таким образом, непредвиденным следствием избирательных реформ стало усиление исполнительной власти, а английская система оказалась приближена к американской, но избавлена от опасностей, которые случаются в Америке, когда президентские выборы накладываются на выборы в конгресс.

11. Две большие традиционные партии казались тогда настолько «вечными», что человека, предсказавшего около 1892 г., что власть в Англии однажды завоюют лейбористы, партия труда, сочли бы изрядным смельчаком. Английский социализм, от Томаса Мора до Уильяма Морриса, был утопичным и умозрительным. Один немецкий еврей, Карл Маркс, проживавший в Лондоне со времени революции 1848 г., опубликовал в 1864 г. «Капитал», ставший кораном социализма, как «Богатство наций» было библией либерализма. Там он констатировал весьма неожиданные для Адама Смита последствия свободной конкуренции и предрек, что как буржуазия победила феодализм, так и пролетариат однажды победит и экспроприирует буржуазию. Но классовая борьба находила мало приверженцев в благоденствующей Англии. Понадобился долгий и болезненный экономический кризис 1875 г., чтобы родилась социал-демократическая федерация, основанная буржуа Хиндманом, но даже тогда этот последний сыграл в жизни английских рабочих гораздо меньшую роль, чем практичные тред-юнионисты. Социализм всегда принимал в Англии своеобразные формы.

[1] Предвыборное фракционное или партийное собрание; в Англии это слово приобрело несколько иное значение: политика подтасовки выборов, давления на избирателей.

Он был реформаторским и патерналистским с Робертом Оуэном, эстетическим с Рёскином и прерафаэлитами; он был интеллектуальным, парадоксальным и выжидательным с Фабианским обществом; парламентским, евангелическим с Рамсеем Макдональдом. Благодаря этой характерной черте он и объединит с рабочими часть мелких буржуа-нонконформистов. Также Бентам и Милль оплодотворили своим учением викторианских интеллектуалов, чем предвосхитили победы индивидуалистического либерализма; фабианцы, в частности Бернард Шоу и Сидни и Беатриса Уэбб, предоставили коллективизму право гражданства в умах интеллектуалов-эдуардианцев. От континентального социализма фабианский коллективизм отличается двумя чертами: он нападает скорее на земельную ренту и крупную сельскохозяйственную собственность, нежели на промышленный капитал, и остается верным принципам представительного правительства, вместо того чтобы ратовать за его прямые выборы народными выборщиками. Вскоре идеи фабианцев вдохновят земельную и социальную политику таких прогрессивных либералов, как Ллойд Джордж.

VII. Империя в XIX в.

1. После потери американских колоний в Англии было довольно распространено мнение, отрицавшее экономическую ценность колоний. Впрочем, Уэсли пробудил в религиозных душах угрызения совести по отношению к туземным расам, особенно когда те обращались в христианство. Безразличие и совестливость объясняют удивительную щедрость, с которой два раза, в 1802 и 1815 гг., Англия вернула Франции и Голландии колонии, которые морское превосходство позволило ей завоевать. Франции она отдала Французские Антилы, остров Бурбон, право рыболовства у Ньюфаундленда и разные другие владения; Голландии — Яву, Кюрасао и Суринам. Однако некий смутный инстинкт сдержал переговорщиков в отношении некоторых пунктов, и они сохранили, по крайней мере, костяк империи. Двумя главными ее частями оставались Индия и Канада. Мыс Доброй Надежды, отвоеванный у голландцев в 1796 г., был оставлен как необходимая остановка на пути в Индию. Гибралтар, Мальта и Ионические острова занимали стратегическое положение в Средиземном море. В Тихом океане, в Австралии, была основана колония депортированных преступников (1739). Таким образом, был сделан набросок остова будущей Британской империи, но никто тогда и представить себе не мог, что этим разрозненным территориям суждено однажды образовать *Commonwealth* — Содружество, то есть федерацию самостоятельных государств, объединенных свободно принятыми узами.

Вооруженные буры Трансвааля. Фотография. Около 1900

2. Однако, для того чтобы составные части этой новой империи рано или поздно не последовали примеру американских колоний, им обязательно надо было добиться некоей формы автономии, по крайней мере там, где сложились крупные общности белой расы. Мы видели, изучая историю Англии, как рождается и растет привязанность англосаксов к своим свободам. Именно это чувство они непременно несли по всему свету. Английский колонист, который чаще всего покидал метрополию только ради того, чтобы избежать религиозного и социального принуждения, был не таким человеком, чтобы, отправившись в изгнание, согласиться с потерей права участвовать в управлении страной, где он намеревался жить. Как в колониях, так и в метрополии было необходимо, чтобы соблюдались два главных принципа, которые, по словам Фишера[1], являются полюсами англосаксонского племени, «и первый из них состоит в том, что всякое управление должно основываться на согласии управляемых, а второй — что роль государственного деятеля состоит в том, чтобы избегать революций посредством реформ». Но как превратить колонии в свободные государства, поддерживая единство империи? Если бы проблема была решена победой некоего абстрактного рассуждения над другим, это противоречило бы гению англосаксонского племени. Первый доминион был создан благодаря счастливому случаю; успех вдохновил подражания, так и родилось Британское Содружество. Счастливым случаем стала ситуация в одной канадской провинции, когда ее французское население в 1791 г. избрало Законодательную ассамблею, почти сплошь французскую по языку и по духу, тогда как исполнительная власть принадлежала английскому правительству, при котором состоял совет из английских же чиновников. В случае разногласий (а обстоятельства были таковы, что разногласия становились неизбежны) за океаном оживал старый конфликт монарха и парламента, тот, который привел Англию к падению Стюартов.

3. В 1837 г. во Французской Канаде вспыхнуло восстание, охватившее и английские провинции. Оно было легко подавлено, и упрямое или слепое правительство вполне могло бы совершенно не учитывать признаки недовольства. Однако вигам хватило благоразумия отправить в Канаду государственного деятеля, который не боялся опытов. У лорда Дарема было великодушное сердце и гнуснейший характер — довольно удачное сочетание для начальника. Пробыв на месте несколько месяцев, он подал замечательный рапорт о ситуации в Канаде. И сделал вывод о необходимости ввести в обеих провинциях, которые стоило объединить еще теснее, некую форму правительственного представительства. «Я не хочу касаться

[1] Fisher H. A. L. *Histoire de l'Europe*. — *Прим. авт.*

ни одной из прерогатив короны, но и короне надлежит подчиниться неизбежным последствиям представительского правления, и она должна управлять только при посредстве тех, кому доверяет представительский корпус». Эту идею многие современники лорда Дарема сочли революционной. Им казалось, что это порвет все связи между колонией и метрополией. А что произойдет, если между представителем короля и местным правительством возникнет конфликт? Однако риск был оправдан. Новый генерал-губернатор лорд Элджин решительно сформировал правительство из канадцев-реформаторов, которых тогда в стране было большинство, а многие из них даже принимали участие в восстании. Опыт удался. Доверие породило верность. Начиная с этого момента был принят принцип самоуправления *(self-government)*. В праве ничто не изменилось, поскольку надо было соблюдать букву закона. Английское правительство сохранило привилегию назначать министров. Но, по сути, оно выбирало их лишь из людей, которые внушали доверие палатам канадского парламента. Таким образом, великая колониальная революция свершилась без лишних текстов и без шума. Очень британское решение.

4. В 1850 и 1875 гг. Австралия и Новая Зеландия также получили право стать государствами с либеральным устройством. Сложнее была проблема в странах, где бок о бок жили небольшое количество белых колонистов и многочисленные аборигены. Дать там все права контроля белому меньшинству было опасно, поскольку оно могло злоупотребить своей властью, чтобы угнетать туземное население. В Южной Африке создалась еще более сложная проблема из-за присутствия там двух европейских народов. Мы уже упомянули, что Капскую колонию в те времена, когда ее оккупировала Англия, населяли голландские фермеры (иначе *буры*), что они эмигрировали сначала в Наталь, а потом в образованные ими республики — Оранжевую и Трансвааль, где в 1881 г. в результате восстания уничтожили английские силы при Маджубе, и что Гладстон наконец отказался от Трансвааля. Однако английскую колонизацию в Южной Африке продолжила частная «Компания», душой которой был Сесил Родс, новоявленный Клайв этого континента. Когда немного позже в Трансваале были обнаружены золотые и алмазные месторождения, в голландские республики хлынул поток английских эмигрантов, где им было предоставлено право приобретать концессии, но в политических правах было отказано. В 1895 г. некий англичанин, доктор Джеймсон, друг Родса, который и направлял его, предпринял в мирное время вооруженный рейд в Трансвааль. Джеймсон был сразу же побежден и взят в плен, но успел скомпрометировать своей авантюрой британское правительство, которое буры подозревали в том, что оно поощряло этот рейд.

Английские колонии в Африке: встреча представителей колониальных властей с королем Лагоса. Фотография. Около 1897

5. В течение всей второй половины XIX в. Африка, «континент, придуманный Провидением, чтобы досаждать Министерству иностранных дел», была поделена между европейскими державами. С 1853 по 1873 г. Ливингстон исследовал район озера Танганьика, потом Стэнли пересек весь континент. Как только были открыты новые территории, их стали оспаривать друг у друга Германия, Бельгия и Франция, затем Италия. Официально Англия долго оставалась вне африканской игры. Новые английские колонии — Нигерия, Родезия, Кения, Уганда были созданы *большими компаниями*, и не только компанией Сесила Родса *(British South Africa Company)*, но также Королевской нигерской компанией *(Royal Niger Company)*, Восточноафриканской компанией *(East Africa Company)*. Этот любопытный возврат к старой системе «компаний с хартией» можно объяснить преимуществами, которые имперское правительство видело в том, чтобы позволять предприимчивым капиталистам заниматься за свой счет исследованиями и первоначальной колонизацией. Если затея терпела неудачу, ее оставляли; если она удавалась, место компании занимало имперское правительство.

Индийские офицеры британской армии: сикхи 15-го Пенджабского корпуса инфантерии. Фотография. 1860-е

Мало-помалу в Африке образовалась столь обширная империя, что у Родса родился замысел железной дороги, идущей, не покидая британской территории, от Кейптауна до Каира. Прерывал эту линию только принадлежавший Германии африканский восток, который Англии предстояло приобрести после войны 1914 г.

6. В Индии колониальная «компания с хартией» *(Bast India Company)* почти против собственной воли продолжала завоевание страны после распада империи Великих Моголов. Она насадила там корпус чиновников, которые как могли боролись с голодом и анархией. Реформаторы 1832 г. захотели и там применить свои принципы, поэтому закон 1883 г. *(Indian Charter Act)* провозгласил, что любой подданный ее величества может занимать какой-либо пост независимо от его расы, места рождения и цвета кожи. Это было смелое утверждение, но в то время с трудом осуществимое. В 1857 г. среди туземных войск, которым «Компания», как некогда Римская империя, доверила безопасность страны, разразилось ужасное восстание. После того как повстанцы устроили чудовищные массовые убийства женщин и детей, последовали эффективные и жестокие репрессии. Британское правительство взяло управление Индией в собственные руки; численность европейских войск была доведена до 75 тыс. человек. После

Школа для местного населения в колониальной Индии.
Фотография. 1890-е

новых кампаний против махраттов, сикхов, гуркхов и, наконец, бирманцев, завоевание Индостана было завершено (1885).

7. Киплинг воспел индийскую гражданскую службу *(Indian Civil Service)*; другие писатели, наоборот, упрекали ее членов за свойственную белой расе гордыню и за недостаток контактов с туземцами. Но неоспоримый факт, что в Индии, стране, где население составляло 350 млн человек, после восстания (не считая нескольких неизбежных мятежей) мир поддерживали всего 75 тыс. европейских и 150 тыс. туземных солдат; неоспоримый факт, что количество английских администраторов там никогда не превышало 5 тыс., а площадь поднятых из целины, оздоровленных, распаханных и орошенных благодаря им земель огромна; неоспоримый факт, что при английском господстве население Индии увеличилось на 230 млн жителей; неоспоримый факт, наконец, что английский язык стал единственным универсальным средством общения для бесчисленных народностей Индии и тем самым языком, на котором говорят в общеиндийских конгрессах. Многочисленные получившие европейское образование индийцы составили целый класс и смогли занять разнообразные административные посты. Вполне естественно, что и Индия в свой черед возжелала самоуправления, какое было предоставлено *доминионам*, или даже полной независимости.

Со времени Русско-японской войны Восток с недовольством относился к засилью Запада. В Индии родились национальные движения, довольно плохо воспринятые англо-индийской администрацией, но имперское правительство, искавшее здесь, как и в других местах, компромисса, терпело их. Постепенно правительственная власть оказалась передана индийцам. В 1917 г. народное образование и бóльшая часть внутренних служб перешли к региональным индийским правительствам, ответственным перед избранными палатами; в руках британских функционеров остались только армия и полиция.

8. Трагедия любой колониальной администрации состоит в том, что если она слишком преуспевает, то самим своим успехом ослабляет узы с метрополией. В Египте, как и в Индии, оздоровление финансов, развитие образования, рост благосостояния и установление порядка должны были рано или поздно внушить местному населению бóльшую потребность в независимости. И все же не кажется невозможным представить себе, что свободные народы объединятся, чтобы иметь обязательства общей защиты, льготные торговые тарифы, языковые и культурные связи. В XX в. новая природа империи станет одной из послевоенных проблем. Но сначала надо было, чтобы еще в XIX в. эта империя приняла свою окончательную форму и была признана нациями-соперницами. Эта двойная задача давала шанс консерваторам.

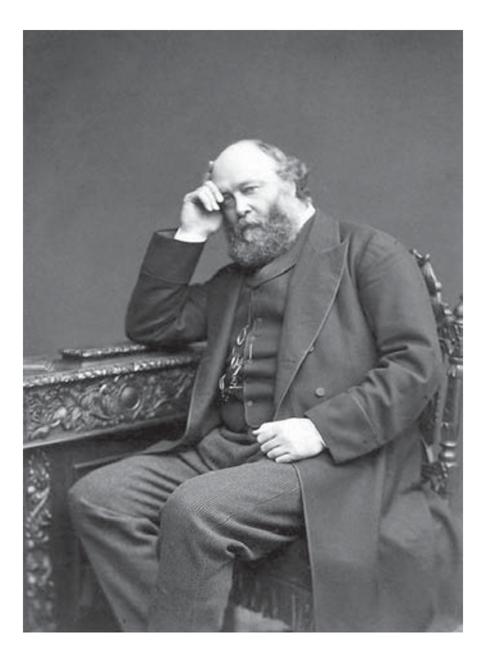
VIII. Закат либерализма

1. Королева Виктория ценила Гладстона, но считала его опасным государственным деятелем. «Он ослабил, — говорила она, — авторитет этой страны в мире». Однако королева обладала любопытной способностью — думать обо всем примерно так же, как думают «ее народы». После убийства Гордона многие избиратели Гладстона перестали, несмотря на его необычайное красноречие, верить ему. На выборах 1886 г. после краткого возвращения тори он снова обрел небольшое большинство, но только при поддержке ирландцев. Благодаря парадоксальному последствию парламентской игры эти иностранцы стали в Англии третейскими судьями. Вскоре распространился слух, что Гладстон купил их поддержку, пообещав им самоуправление. Это было правдой; в апреле 1886 г. премьер-министр подал в парламент проект, предоставляющий Ирландии автономию. Согласно этому проекту в Дублине создавался ирландский парламент, однопалатный, но набранный из членов двух типов: одних предполагалось избирать в городках и графствах, других хотели оставить несменяемыми. Его

рассмотрению подлежали бы все внутренние дела Ирландии; имперское правительство сохранило бы контроль над армией, таможнями и внешней политикой. Ирландия платила бы империи ежегодную контрибуцию в качестве своей доли от общих расходов. Джозеф Чемберлен, лорд Хартингтон и многие руководители Либеральной партии запротестовали; в крайнем случае, они приняли бы федералистское решение, но сепаратистское было для них неприемлемо. «Прошлое Парнелла и его друзей, — говорили они, — не оправдывает доверие Гладстона». Вскоре эти поборники союза с Ирландией, или *юнионисты,* покинули Либеральную партию и, еще не присоединившись к партии консерваторов, обязались поддерживать ее против Гладстона. Тот обратился к избирателям, но ответ страны был враждебным. Были избраны 400 юнионистов, из них 318 консерваторов. Сторонники Гладстона были побеждены, и власть перешла к лорду Солсбери, главе юнионистской коалиции.

Королева Виктория. 1880-е

2. Роберт Сесил, маркиз Солсбери, смотрел на человеческие дела с отстраненной и глубокой мудростью. В те времена, когда он был министром в правительстве Дизраэли, ему случалось порицать романтические фантазии своего шефа столь же сурово, как и идеализм Гладстона. Он питал отвращение к высокопарным и высоконравственным доводам, которыми большинство политических деятелей пользовалось в своих интересах. Он смотрел на человеческие общества как на хрупкие организмы, к которым стоит прикасаться как можно меньше. Оставив власть после двадцати лет правления, он не разрешил ни социальных проблем, ни ирландского вопроса, но зато помешал им создать хаос в течение этого периода. Во внешней, как и во внутренней политике он старался избегать сантиментов и думать «химически». Он не хотел питать к другим странам ни симпатий, ни антипатий.



Роберт Сесил, 3-й маркиз Солсбери. 1886

Одинокий в своей частной жизни, он и для своей страны желал «великолепного одиночества». Эта позиция оставалась возможной и даже разумной, пока лорд Солсбери был у власти, то есть до 1902 г. После него Англии предстояло пережить времена, когда ей, оказавшись под угрозой, требовалось, как и во времена Питта, найти вместо себя солдата на континенте.

3. Долгое правление лорда Солсбери было прервано лишь одной короткой паузой. На выборах 1892 г. большинство палаты снова оказалось сформировано либеральными сторонниками Гладстона и ирландскими *гомрулерами (home rulers)*. Гладстон, все еще неукротимый в свои восемьдесят три года, снова выставил *гомрул* на голосование в палате общин. Но лорды уже отвергли закон, и он был слишком непопулярен, чтобы можно было затеять на этой территории смертельную битву с верхней палатой. Гладстон подал в отставку. Поскольку Либеральная партия осталась без вождя, сэр Уильям Харкорт и лорд Розбери оба могли бы «примерить на себя плащ Илии»[1], но не слишком ладили друг с другом, чтобы сотрудничать. При наличии столь разобщенных противников роль консерваторов облегчалась. На этот раз либералы-юнионисты: Хартингтон (позже герцог Девоншир), Джозеф Чемберлен и их друзья — согласились войти в правительство вместе с Солсбери и его племянником Артуром Бальфуром. Это было время конфликтующих версий империализма, ревности и интриг. Тем временем в Южной Америке пограничная ссора между Венесуэлой и Британской Гвианой привела президента Соединенных Штатов к тому, чтобы вспомнить доктрину Монро; спор мог бы перерасти в войну, если бы Солсбери не согласился на третейский суд. В Африке французские экспедиции, поднимаясь по долинам Нигера и Конго, аннексировали огромные территории, которые отрезали английские колонии от внутренних районов. У Франции тогда не было никаких причин отказываться от Египта. Она надеялась вернуться туда через долину Верхнего Нила, и в сторону Судана направилась миссия под командованием майора Маршана. Англия со своей стороны не отказалась

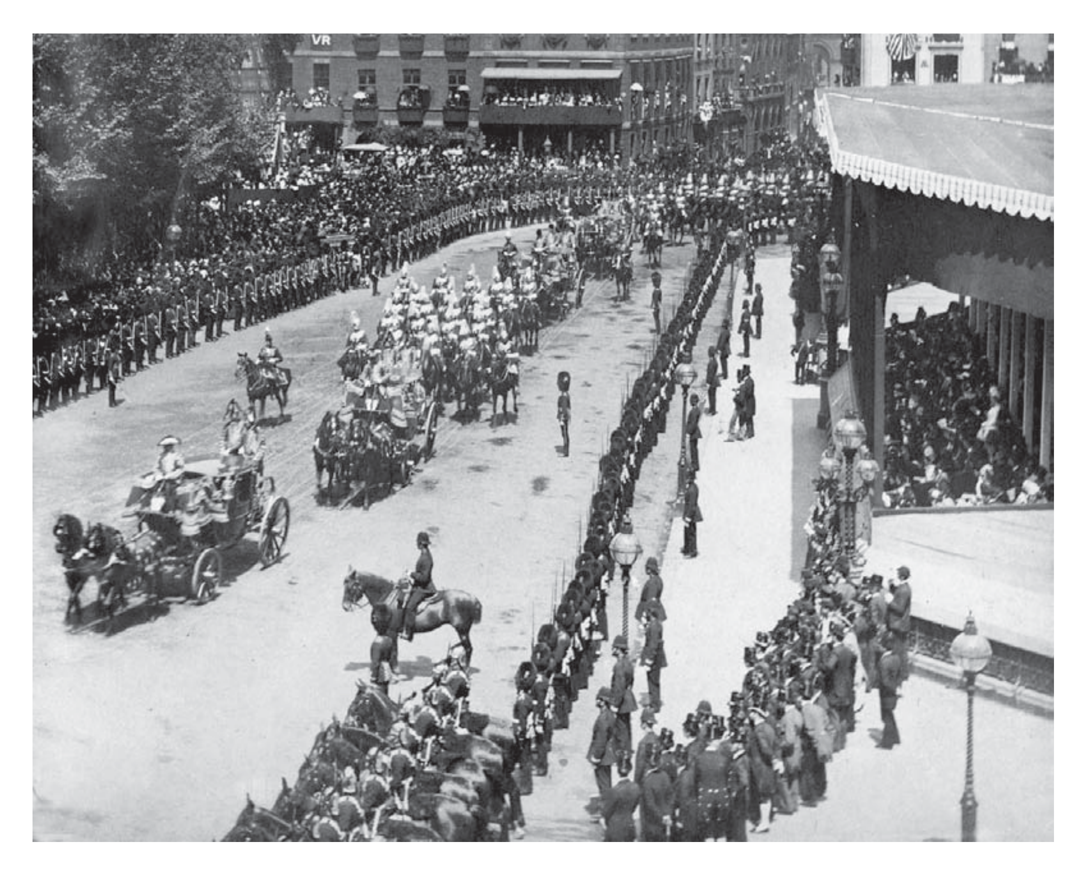
[1] См.: 4 Цар. 2: 11–15.

Лобби палаты общин: Джозеф Чемберлен, Чарльз Парнелл, Уильям Гладстон и другие.
Карикатура Либорио Проспери из журнала *Vanity fair*. 1886

от Марокко, и шотландский авантюрист «Каид»[1] Мак-Лин, подвизавшийся при дворе султана, подстрекал его к сопротивлению французскому влиянию. Другими поводами для разногласий между двумя странами были сиамская граница, Мадагаскар, Ньюфаундленд.

4. Эта скрытая неприязнь переросла в открытый конфликт, когда генерал Китченер, победив Махди, отомстив за Гордона и оккупировав Судан, встретил на Верхнем Ниле, в Фашоде, миссию Маршана. В течение нескольких дней война казалась неизбежной. В Лондоне у консервативных газет случился опасный приступ воинственной горячки; либеральные издания всерьез говорили о нравственном долге, который повелевал англичанам вновь завоевать Судан для египтян. С обеих сторон были мобилизованы флоты. Англия поспешно собирала свои опасно рассредоточенные корабли, поскольку ее средиземноморский флот был частично на Мальте, частично на Гибралтаре и мог быть разрезан надвое французским флотом из Тулона. Германский император надеялся, что разразится война. Но Делькассе счел благоразумным уступить и подготовить, таким образом, длительное при-

[1] Обозначение племенного вождя в Северной Африке.



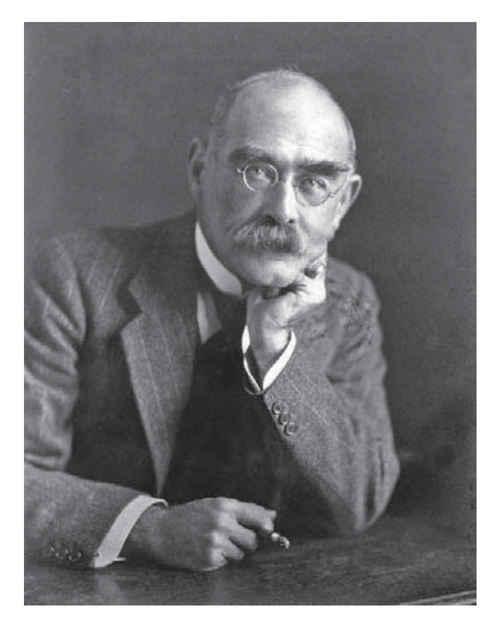
Празднование пятидесятилетия правления королевы Виктории в 1887 г. Королевский эскорт

мирение между двумя странами. После этого эпизода Англия во Франции несколько лет была очень непопулярна.

5. На самом деле она тогда была непопулярна и во всем мире, поскольку переживала один из тех периодов гордыни и эйфории, которые столь же опасны для народов, как и для отдельных людей. Империалистическая доктрина, которую около 1875 г. Дизраэли проповедовал довольно строптивым консерваторам, становилась национальной религией. Как выставка в Хрустальном дворце отметила в 1851 г. апогей промышленного процветания англичан, так и алмазный юбилей 1897 г. отметил апогей их имперской славы. Королева и лорд Солсбери были согласны превратить это празднество во внутреннюю церемонию империи. Никаких иностранных государей, только князья, государственные деятели, воины, прибывшие из всех английских земель. В течение нескольких лет гениальный поэт Редьярд Киплинг придавал незабываемую форму чувствам стольких англичан, ко-

торые, будучи разбросанными по планете, старались проявлять под всеми небесами надежные качества английского характера, такого, каким формировали его со времени Арнольда *Public Schools*. Чтобы этот нравственный народ полюбил свою славу, Редьярд Киплинг давал ему нравственные основания: завоевание становилось в его глазах долгом, империя — «бременем белого человека». Другой гениальный человек, министр колоний Джозеф Чемберлен, радикал, ставший союзником консерваторов, утверждал, что побеждать нищету и безработицу следует посредством развития коммерции с империей. Всеми средствами он пытался дать доминионам, колониям и метрополии то самое чувство единства, которое воспевал Киплинг. Письмо, оплаченное маркой в 1 пенни, могло достичь не только Соединенного Королевства, но и самых отдаленных уголков этой империи. Доминионы поощряли знакомить Лондон со своими товарами. Чемберлен стал первым, кто понял, что Канада и Австралия могли бы принимать участие в обороне империи, — эта идея, которая двадцатью годами раньше показалась бы безумной, через пятнадцать лет станет реальностью.

6. В самом разгаре празднования юбилея королевы (1887) Киплинг опубликовал в «Таймс» стихотворение, угрожающая серьезность которого удивила. Во время празднества он начертал на стене библейскую песнь: «Бог воинств, будь с нами, чтоб мы не забыли» («Последнее песнопение»). Пророческое предупреждение. И трех лет не прошло после славных процессий юбилея, как на южной оконечности Африканского континента две маленькие крестьянские республики — Трансвааль и Оранжевая — оказали сопротивление самой мощной империи мира. К большому удивлению англичан и Европы, этот неравный конфликт продлился больше года. Он обнаружил слабость британской армии, плохую организацию Министерства обороны (War Office), а также неприязнь, которую Англия своей политикой имперского эгоизма вызывала во всем мире. Призвав самых благоразумных из англичан поразмыслить об этой ситуации и найти лекарство, Трансваальская война оказала глубокое влияние на европейскую политику начала следующего века. На какое-то время она отбила у Англии вкус к авторитарной дипломатии, введенной в моду Каннингом и Палмерстоном и которую реальные соотношения наличных сил вовсе не оправдывали. Когда наконец победы Робертса и Китченера позволили подписать с бурами победоносный мир, этот мир был весьма умеренным. Правда, обе республики были аннексированы, но Англия предоставила побежденным фермерам щедрую компенсацию, которая позволила им восстановить свои фермы и привести в надлежащее состояние поля. Когда через несколько месяцев в Лондон прибыли бурские генералы, их приняли с таким воодушевлением, что те были удивлены. В 1906 г. обе республики получили право сформи-



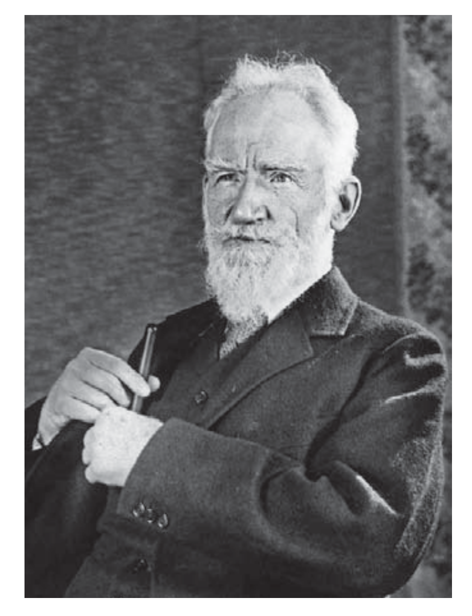
Редьярд Киплинг. Фотография. Начало XX в.

Оскар Уайльд. Фотография Наполеона Сарони. До 1896

ровать парламентское правительство, а в 1910 г. был образован Южно-Африканский Союз, объединивший Капскую область, Оранжевую республику и Трансвааль. Ничто не доставило больше чести английской политике, чем преданность, с которой во времена Первой мировой войны южноафриканские республики участвовали в защите империи. Генералы Бота и Смутс, ветераны борьбы против Англии, с 1914 по 1919 г. были среди самых почитаемых советников и занимали это место по праву.

7. Королева Виктория не увидела конца Бурской войны. Она умерла в 1901 г., после шестидесяти трех лет царствования, быть может самого счастливого в истории Англии, во время которого страна без гражданской войны и без серьезных страданий совершила гораздо более глубокую революцию, чем революция 1688 г., а королевство стало не только по названию, но и в действительности империей. Ее подданными были: Диккенс, Теккерей, Джордж Элиот, сестры Бронте, Маколей, Карлейль, Ньюмен, Теннисон, Рёскин, Уильям Моррис, Россетти, Браунинг, Томас Харди и, ближе к концу ее царствования, Мередит, Суинберн, Оскар Уайльд, Стивенсон, Киплинг, но литературой она почти не интересовалась, да и то лишь пока был жив ее «дорогой Альберт». Ее особенность и величие были в другом. Она восстановила и возвысила королевское достоинство, скомпрометированное последними ганноверцами. Благодаря ей конституционная монархия стала принятой, испытанной и желательной формой правления. За исключением далеких времен отрочества, ей всегда хватало благоразумия уступать, когда она была не согласна со своими министра-

ми, «но она потребовала и сохранила за собой три главных права: право давать советы, право поощрять и право предупреждать». Этого было достаточно, чтобы монарх, особенно после долгого царствования, мог оказывать сдерживающее влияние на почтительных министров. В начале царствования и снова около 1870 г., когда казалось, что королева, став «профессиональной вдовой», начала проявлять безразличие к своему королевству, поднялись волны республиканства, но в момент смерти королевы привязанность англичан к монархии была столь же велика (а быть может, даже больше), как и во времена Елизаветы. Благодаря своему пониманию королевского ремесла сын и внук Виктории еще больше разогреют и укрепят это чувство.

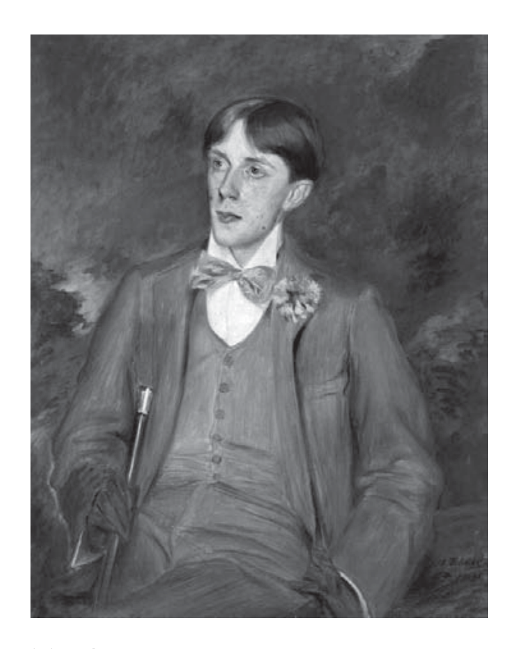


Бернард Шоу.
Фотография 1910-х

8. Викторианство умерло раньше Виктории. Вокруг принца Уэльского сформировалось новое общество, антивикторианское по своей реакции, более свободное в нравах и речах, а также более открытое, чем двор, в отношениях с *денежными людьми*, американцами и евреями. Да и сами средние классы уже не были с такой страстью привязаны к викторианскому компромиссу. Мода порицала выдающихся поэтов и романистов Викторианской эпохи. Во времена, когда Марсель Пруст восхищался Джордж Элиот, Англия читала Оскара Уайльда. Как и во Франции, на смену научному романтизму и религии прогресса пришло сомнение и уныние. Полубоги викторианства Спенсер и даже Дарвин увидели поверженными свои алтари. Сэмюэл Батлер в романе *Erewhon*[1] примкнул одновременно к эволюционизму и христианству. Некоторые искали убежище в декадентском эстетизме «Желтой книги»[2]. Другие, более сильные критиковали ради того, чтобы переделать. Поднималось новое поколение писателей, которое вместе с Бернардом Шоу, Уэллсом, Арнольдом Беннетом, Джоном Голсуорси собиралось преподать английской буржуазии новые духовные ценности. «Дейли мейл», газета за полпенни, была основана в 1898 г. Хармсуортом (позже стал лордом Нортклифом) и сразу же завоевала народные массы.

[1] Название — анаграмма слова *nowhere (англ.)*, то есть «нигде»; иногда переводится как «Едгин».

[2] Английский литературный журнал *Yellow Book*, издававшийся в 1894–1897 гг.


Жак-Эмиль Бланш. Портрет художника и поэта Обри Бердслея. 1895

Росло место спорта в жизни и мыслях англичан. Викторианцы 1850 г. играли в крокет, стреляли из лука; викторианцы 1900 г. играли в теннис, гольф; неизменным интересом пользовались крикет, футбол, скачки, псовая охота. Конец царствования стал великой эпохой велосипеда. Рождался автомобиль, и Уэллс предрек недоверчивой публике, что однажды тот вытеснит лошадей с английских дорог. Через восемь лет после смерти Виктории, в 1909 г., Блерио пересечет Ла-Манш на летательном аппарате. После юбилея 1897 г. конструкторы странного устройства, названного кинематографом, смогли показать королеве ее собственное движущееся изображение. Ни на одно мгновение в течение этого долгого царствования творческая мысль ученых и изобретателей не ослабевала. Приступ лихорадки и гениальности, охвативший человечество после 1760 г., оставался все таким же острым, но казалось маловероятным, чтобы однажды он привел к серьезной катастрофе.

IX. Мир на грани войны

1. Новому королю в момент восшествия на престол было около шестидесяти лет. Пока он оставался принцем Уэльским, мать держала его вдали от дел. Общественное мнение и особенно мнение подданных-нонконформистов строго судило его жизнь, которая прежде, казалось, была посвящена одним удовольствиям. Но Эдуард VII обладал здравым смыслом, добродушием и тактом. Много пропутешествовав, он знал Европу, всех государственных деятелей всех стран и границы власти в Англии. И хотя он завел в Париже много друзей, вплоть до республиканских политических деятелей, его племянник Вильгельм II, император Германии с 1888 г., питал к нему настоящую ненависть. В глазах императора, капризного, обидчивого, романтичного, принц Уэльский был типичным носителем той спокойной английской надежности, которая сбивала его с толку и раздражала. После нескольких публичных и приватных оскорблений дядюшка в конце

концов тоже стал испытывать к своему племяннику явное отвращение. Этой обоюдной антипатии предстояло сыграть второстепенную, но реальную роль в эволюции европейской политики между 1900 и 1910 г. В частности, желание императора удивить англичан и победить их на их же собственной территории ускорило строительство большого немецкого флота, который вскоре обеспокоит Англию.

2. Трансваальская война доказала самым прозорливым англичанам, что «великолепное одиночество», обернувшись скорее «явным одиночеством, нежели великолепием», из былой силы превратилось в опасность. Необъятность империи была такова, что Англия в любой момент могла оказаться вынужденной использовать значительную часть своих сил в каком-нибудь далеком регионе земного шара. Если один из врагов, которых она нажила себе в Европе благодаря высокомерию Палмерстона или Розбери, выберет такой момент, чтобы нанести ей удар в Индии, в Египте или даже у нее дома, кто будет ее защищать? Две державы представлялись возможными союзницами: Германия и Франция. Чемберлен, одним из первых понявший опасность ситуации, колебался в выборе. Между ним и Германией были сделаны и отвергнуты первые шаги к сближению. После замены на Даунинг-стрит лорда Солсбери его племянником Бальфуром и после прихода в Министерство иностранных дел лорда Лэнсдауна более легким делом стало примирение с Францией. Оно стало тем легче, что политические деятели обеих стран, напуганные ростом немецкой мощи, желали сближения. После поездки короля Эдуарда в Париж в 1903 г., поездки, которая изменила сентиментальную атмосферу переговоров, они пошли удачнее. Их основной чертой стал отказ Франции от всяких притязаний на Египет в обмен на признание Англией интересов Франции в соседнем с Алжиром Марокко. Договор, подписанный в 1904 г. и ставший отправной точкой «Сердечного согласия», был замечателен тем, что одинаково удовлетворял обе стороны. Все былые размолвки — по поводу Ньюфаундленда, Африки, Азии — были улажены. Оба правительства во исполнение этого соглашения пообещали друг другу *дипломатическую* поддержку относительно третьих стран. Таким образом, счастливо завершалось долгое соперничество, разделившее две страны со времен нормандского завоевания. Прежде их противопоставляло друг другу все — династические, религиозные, имперские интересы. Теперь же распри были исчерпаны; каждая из держав обладала ныне империей, вполне соответствующей ее природе и силам. Ни одна из них не зарилась на территории другой. И казалось возможным, что вскоре обеим этим пресыщенным нациям придется оказывать друг другу поддержку против менее обеспеченных держав.

Эдуард VII и королева Александра Датская на открытии сессии парламента в 1910 г.
Фотография Уильяма и Дэниела Брауни

3. Немецкое правительство, обеспокоенно взиравшее на сближение Франции и Англии, с раздражением восприняло их договор по поводу Марокко, где у него были свои интересы, однако поджидало благоприятного случая, чтобы начать протестовать. И он представился в 1904 г. вместе с Русско-японской войной. Россия, несмотря на колебания царя, уже десяток лет сближалась с Францией. После своего поражения она по крайней мере на какое-то время перестала быть военной силой. Франция же после «дела Дрейфуса» казалась слишком разделенной междоусобными ссорами, чтобы выдержать борьбу еще и с внешним противником. Окажет ли Англия ей поддержку, если Германия займет решительную позицию? Германское правительство в это не верило. Это был благоприятный момент, чтобы избавиться от Делькассе, которого Германия считала создателем направленной против нее коалиции. Высадка войск германского императора в Танжере, потом едва завуалированный ультиматум заставили опасаться войны. Лорд Лэнсдаун предложил Делькассе не союз, но укрепление уз, объединявших обе страны. Рувье, президент Французского совета, устрашенный германскими угрозами, предпочел капитулировать. Делькассе был принесен в жертву. В течение нескольких недель (май-июнь 1905) британские государственные деятели задавались вопросом: а такой ли уж благоразумной была политика «Сердечного согласия»?

4. Но завод часов в Англии уже кончался. Консервативное правительство вызвало неудовольствие союзников — радикалов-юнионистов своей образовательной политикой: религиозные, но не конфессиональные школы, созданные «законом Форстера» в 1870 г., удовлетворили нонконформистов, но оказали плохую услугу англиканцам и католикам. Юнионистский кабинет, в котором большинство принадлежало англиканцам, решил, что все школы, хоть свободные, хоть нет, будут получать денежную помощь от государства, и тем самым оттолкнул от себя избирателей-нонконформистов, голосовавших за Чемберлена и его друзей. Чувствуя, что поднимается буря, Джозеф Чемберлен постарался отвратить ее, бросив новую идею льготных тарифов, которые теснее объединили бы коммерцию метрополии и колоний. «Вы имперский народ, — говорил он англичанам, — впустите же к себе свободно товары империи; облагайте пошлинами только товары из других стран». Но оказать покровительство канадскому зерну, австралийской шерсти, индийскому хлопку означало снова начать препирательства по поводу свободы торговли. Однако эта «религия», пророками которой были Кобден и Брайт, а сэр Роберт Пил мучеником, оставалась до странности живучей. Англия выросла и стала процветать при режиме свободной торговли; этому режиму она была обязана целым веком благополучия, обильным и разнообразным питанием, рынками для своих товаров.

Так что она сохранила свою веру. И напрасно Чемберлен доказывал, что Кобден ошибся: «Кобден сказал англичанам своего времени, что его цель сделать из Англии мастерскую для всего мира, а из остальной вселенной хлебное поле для Англии. Но остальной мир не таким видел свое предназначение. Английской свободной торговле он ответил активным протекционизмом. Германия и Соединенные Штаты построили заводы, которые успешно борются с английскими. Во многих отраслях промышленности Англия побеждена. Если она не хочет потерять одновременно свои доминионы и отрасли своей промышленности, то должна реагировать». Эти теории шокировали, но не убеждали сторонников свободы торговли в правительстве. Призыв к имперскому чувству мало затронул избирателей и даже не понравился им, потому что воодушевление первых дней Бурской войны, когда та затянулась, сменилось волной пацифизма и антиимпериализма. Все сторонники свободы торговли в кабинете отправили Бальфуру прошение об отставке. Юнионизм оказался разобщен. У часов кончился завод.

5. Либеральная партия с некоторым трудом сформировала правительство. Чтобы избежать всяких ссор, прежние *лидеры* были отстранены, а премьер-министром стал сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман, от которого многого не ждали, но этот человек сотворил чудо. Он умер в 1908 г., и его сменил мистер Асквит, видный парламентарий неоспоримо благородного характера. Министерство иностранных дел отошло потомку старинного и известного вигского семейства сэру Эдварду Грею — «Персивалю, заплутавшему в покерной партии», и этому идиллическому и лояльному вельможе предстояло управлять судьбой Англии во время самого серьезного за всю ее историю кризиса. По ироническому невезению либеральному, пацифистскому кабинету, враждебному империализму и военным расходам, досталась в наследство (как и Гладстону в 1880) ситуация, которая обязывала его к твердости. Едва Грей устроился в *Форин Оффисе*, как ему пришлось заниматься конференцией в Альхесирасе, созванной, чтобы урегулировать судьбу Марокко, а заодно оправдать консультации между французским, английским и бельгийским штабами. Альхесирасская конференция обошлась без катастроф, поскольку фон Бюлов уступил перед твердой позицией Англии и враждебностью всей Европы. Но с 1906 по 1914 г. одна тревога сменяла другую. Германский флот рос с такой скоростью, что можно было предвидеть момент, когда он сравняется, а потом и превзойдет английский. «Баланс сил» в Европе был нарушен. Каким бы пацифистским ни было либеральное правительство, оно несло ответственность за безопасность страны и знало, что Англия, лишенная господства на море, — про-

Сидни Прайор Холл. Портрет Джозефа Чемберлена и Артура Джеймса Бальфура. 1890-е

пащая страна. После напрасных усилий, предпринятых, чтобы прийти к военно-морскому согласию с императором и адмиралом фон Тирпицем, кабинет принял защитные меры. Договор с Россией, дополнявший тот, что был заключен в 1904 г. с Францией, объединил все три державы в Тройственный союз — Антанту. Германия объявила себя окруженной (и наверняка верила в это). В Министерстве обороны лорд Холдейн реорганизовал армию, создал территориальные войска и сформировал штаб. В Адмиралтействе адмирал Фишер при поддержке Уинстона Черчилля старался перегруппировать слишком разбросанные флоты и собрать в Северном море мощную маневренную группировку. Поддержание порядка на Средиземном море в значительной мере возложили на Францию.

6. Эта гонка вооружений поглотила ресурсы, которые Либеральная партия намеревалась пустить на социальные реформы. Чем рассердила и разочаровала своих избирателей. Идти на выборы без агитации в народе, которая могла реабилитировать партию, было бы катастрофой. Ллойд Джордж, молодой валлиец, задиристый и обаятельный радикал, ставший канцлером казначейства, нашел для этой агитации благоприятную тему: пробужде-

Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль. Фотография. 1907

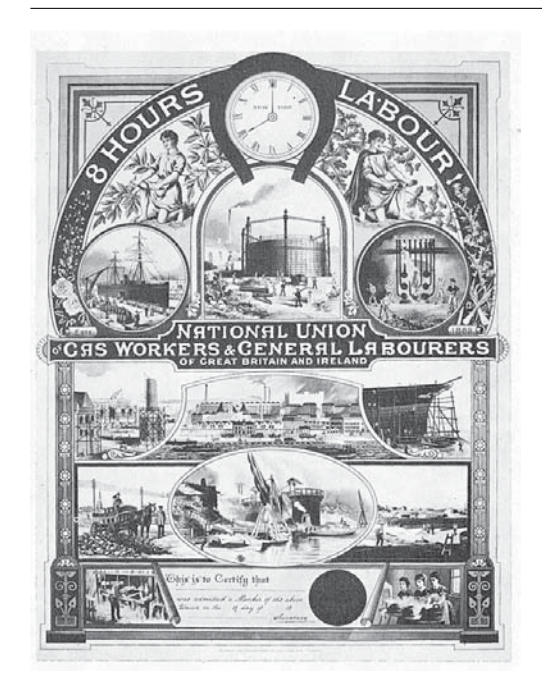
ние враждебности к палате лордов. Престиж лордов серьезно пострадал с тех пор, как каждый англичанин узнал, что права пэрства продаются в пользу избирательных касс. Либеральная партия испытывала по отношению к верхней палате достаточно справедливую злость, потому что наиболее дорогие ей меры — отделение Валлийской церкви, развитие нонконформистских школ, *гомрул* — были отвергнуты лордами. Но чтобы победить пэров в стране, верной своим традициям, надо было бесспорно доказать их вину и, например, вынудить их к тому, чтобы они вопреки всем прецедентам отвергли бюджет. Ллойд Джордж предложил совокупность новых налогов и социальных законов, которые назвал *народным бюджетом*. «Мне нужны деньги, — говорил он, — чтобы оплачивать новые крейсеры, военные расходы, пенсии для стариков. И я потребую их с богачей». В частности, он, овладев идеями фабианцев, протолкнул новые налоги на большие земельные владения и на увеличение «не заработанной трудом» стоимости. В 1909 г. лорды, как того и желал Ллойд Джордж, отвергли бюджет, и парламент был распущен. Избирательная кампания показала, насколько эдуардовская Англия оставалась консервативной. Народу пришлось выбирать между аристократической ассамблеей и демагогическим бюджетом. Результат был удивительным: либералы потеряли большое количество мест. Асквит оказался в палате общин в такой же ситуации, в какой некогда оказался Гладстон. Он уже не мог провести бюджет без поддержки ирландцев и должен был купить эту поддержку обещанием *гомрула*. Но чтобы это обещание имело какую-то ценность, требовалось как-то отменить вето лордов, потому что палата пэров никогда бы не проголосовала за расчленение империи. Благодаря этому проблема бюджета отходила на второй план, а ограничение вето — на первый. Но как привести лордов к тому, чтобы те проголосовали за ущемление собственных прав? Это было возможно только методом 1714 и 1832 гг., то есть угрозой создания новых пэров. Угроза

сама по себе требовала поддержки короля, а он наверняка предоставил бы ее только после новых выборов.

7. Лорды осмотрительно проголосовали за бюджет Ллойда Джорджа. Смерть Эдуарда VII в 1910 г. прервала борьбу партий, но разбуженные эмоции были слишком сильны, чтобы распря на этом остановилась. Новые выборы дали тот же результат, что и предыдущие, то есть либерально-ирландское большинство, и новый король, Георг V, принудил палату лордов под угрозой создания новых пэров самостоятельно проголосовать за ограничение своей власти. С 1911 г. всякая финансовая мера, принятая палатой общин, становится законом через месяц, даже если лорды отказываются ее утверждать. Что касается прочих законов, то лорды сохраняли *отлагательное* вето, но после трех благоприятных голосований в трех последовательных сессиях палаты общин палата пэров должна была признать свое поражение. Впрочем, эти меры не лишили палату лордов всего ее престижа. Она продолжает играть роль модератора, и дебаты тут часто имеют даже большую интеллектуальную или ораторскую ценность, чем в палате общин.

Арест Эммелин Панкхёрст, лидера английских суфражисток, движения за предоставление женщинам избирательного права. 1910-е

8. Этот справедливый закон был принят в атмосфере ненависти. Политическая борьба в Англии с 1911 по 1914 г. стала необычайно неистовой, чего в этой стране не видели уже давно. Ллойд Джордж столкнул друг с другом не только классы, но даже церкви. В шахтах, на железной дороге против самовластных объединений хозяев поднимались мощные рабочие организации. За этот период произошли бесчисленные забастовки. Научный прогресс умножал потребляемые блага. Рабочий класс требовал свою долю. Могло ли новое урегулирование прав нанимателя и нанимаемого произойти без волнений и беспорядков? Чтобы парламентский строй сохранился и дальше, было просто необходимо, чтобы тред-юнионы были представлены в парламенте. Либеральная партия проявила благоразумие



Агитационный плакат профсоюза газовиков с призывом бороться за предоставление восьмичасового рабочего дня. 1889

и подготовила этот переход целой серией законов, самым важным из которых был тот, что предоставлял депутатам жалованье и лишал палату ее характера аристократического клуба. Лейбористская партия, от которой в 1901 г. в парламент прошли всего 2 депутата, в 1906 г. имела их уже 50. Объединившись с Либеральной партией, она приняла полезные законы о страховании в пользу рабочих. Тем не менее женщины, добивавшиеся для своего пола права голоса (суфражистки), выведенные из себя позицией правительства и палаты общин по отношению к себе, отказались от легальных методов борьбы и теперь пытались скорее напугать мужчин своими насмешками и издевательскими выходками, нежели убедить их с помощью доводов. Закон о *гомруле*, принятый в 1912 г., встретил в Ирландии яростное сопротивление ольстерских протестантов. Они заявили, что не согласятся на отделение от Англии и при необходимости будут защищаться силой. Их предводитель сэр Эдвард Карсон и его друзья образовали временное правительство и собрали армию; манифестации офицеров в лагере Карридж (Curragh) заставляли опасаться, что часть регулярной британской армии, возможно, откажется двинуться на Ольстер. Забыв об обычной осторожности своей партии, лидер юнионистов Бонар Лоу поддержал Карсона. Асквит, чтобы избежать гражданской войны, предложил дать Ольстеру шесть лет отсрочки. Карсон ответил: «Мы не хотим смертного приговора с шестилетней отсрочкой». В 1914 г. опасность стала неминуемой. Закон должен был вступить в силу. Не хватало только согласия короны. Тогда были предприняты огромные усилия, чтобы подтолкнуть Георга V к отказу от него и потребовать его отмены. 21 июля 1914 г. король сам открыл конференцию представителей правительства, оппозиции, Ирландии и Ольстера. 24 июля эта конференция, не видя никакой надежды на согласие, разделилась. В тот же день Австрия направила Сербии свой ультиматум.

9. Как в Европе, так и в Англии период относительного спокойствия сменился бурной, тревожной эпохой, насквозь пронизанной философией насилия. Статичному консерватизму Священного союза, неэффективному

идеализму революционеров 1848 г. пришла на смену реалистичная политика Кавура, Бисмарка и классовой борьбы, которую предрекали Карл Маркс и Жорж Сорель. Хотя либерализм в Англии был у власти, его идеалистическая, реформистская, разумная и нравственная доктрина тут была повсюду обречена на неудачу ожесточенными суфражистками, нетерпеливыми забастовщиками, бунтующими ирландцами, мятежными офицерами. Именно в этот момент самая ужасная из войн на четыре года прервала болезненные и неосознанные усилия, посредством которых древняя нация порождала новую Англию.

X. Великая война

1. В середине XIX в. и вплоть до 1890 г. война насмерть между Германией и Англией казалась немыслимой. У этих двух стран, которые так охотно вспоминали об общности своего происхождения и религии, не было противоположных интересов; их династии были связаны теснейшими семейными узами. Соперница России в Азии, Франции в Африке, Англия ни в одном уголке мира не встречала Германию на своем пути. Но в начале XX в. ситуация изменилась. В который раз после Филиппа II, после Людовика XIV, после Наполеона европейский монарх жаждал гегемонии на континенте и хотел построить флот, способный бороться с английским; в который раз политика «баланса сил» требовала, чтобы Англия воспротивилась этим притязаниям. Начиная с 1905 г. соглашение с Францией, а потом и с Россией стало защитной реакцией на угрозы адмирала Тирпица. «Мы должны, — говорил германский император, — завладеть трезубцем Нептуна». Это заставляло задуматься тогдашних обладателей трезубца.

2. Но если консерваторы, Адмиралтейство и несколько гениальных либералов, таких как Уинстон Черчилль, почуяли традиционную опасность, то тогдашнее правительство Англии было в основном пацифистским. Так что до августа 1914 г. ни Франции, ни России не было дано никаких определенных обещаний. Общественное мнение, которому принадлежало верховное владычество во всех британских решениях, не потерпело бы войны, единственным поводом к которой была необходимость сохранить морское господство. Непосредственный повод к войне 1914 г. (австрийский ультиматум Сербии из-за убийства эрцгерцога-наследника) не мог тронуть английских избирателей. Понадобилось вторжение немецких войск в Бельгию, нарушившее договоры о ее нейтралитете, чтобы породить сентиментальную волну, которая, подняв волну реализма, всколыхнула почти единодушную Англию. Впрочем, даже если бы Германия ува́жила бель-

гийский нейтралитет, Англия все равно была бы вынуждена, несмотря ни на что, вступить в войну, только чуть позже. Хотя она и не взяла на себя никакого прямого обязательства по отношению к Франции, многие из ее государственных деятелей полагали, что ни ее честь, ни безопасность не позволяют ей допустить, чтобы та была раздавлена. Еще меньше можно было стерпеть то, чего не позволили бы ни Вильгельм Оранский, ни Питт: присутствие Германии в Антверпене или в Кале. Асквит, премьер-министр, и Грей, министр иностранных дел, были полны решимости уйти в отставку, если Англия останется нейтральной. Нарушение Германией бельгийской границы и определило отправку 4 августа ультиматума в Берлин.

3. Хотя у Великой войны можно найти некоторые характерные черты континентальных войн, которые Англия вела в прошлом (поддержание безопасности на море, континентальная коалиция, начальные субсидии для союзников, отправка небольшого экспедиционного корпуса во Фландрию), остальные ее черты — новые. 1) Впервые в движение были приведены такие огромные людские массы и впервые опасность была столь серьезной, что в самой Англии, вопреки всем ее привычкам, пришлось прибегнуть к воинской повинности. Множество британских граждан, прежде укрывавшихся за спинами профессиональных солдат, тяжело переносили бедствия войны. 2) Впервые также подводные лодки чуть было не сломили английское сопротивление. Флот все еще без труда обеспечивал перевозку экспедиционного корпуса, но мало-помалу район действия немецких подводных лодок расширялся, их количество возрастало. В 1914 г. в мире имелось почти 8 тыс. торговых судов дальнего плавания, из которых 4 тыс. были английскими. С 1914 по 1918 г. Германия потопила 5 тыс. Из 20 млн тонн водоизмещения 8 млн отправились на океанское дно. Поначалу судостроительные верфи легко восполняли потери, но начиная с 1917 г. ритм торпедирования увеличился, и заменять погибшие суда новыми уже не удавалось. Если бы не было найдено средство против этого, к середине августа 1917 г. союзники не выстояли бы за неимением транспорта.

4. Как раз эта известная немцам ситуация и привела их к торпедированию даже нейтральных судов с риском подтолкнуть Соединенные Штаты к вступлению в войну на стороне союзников (что и в самом деле случилось в 1917). Подводную войну удалось обуздать организацией защищенных торпедоносцами конвоев, использованием для уничтожения подводных лодок замаскированных под торговые боевых кораблей и блокадой бельгийских портов, служивших немцам базами. В 1918 г. подводная угроза была

Английские рекруты. Август 1914

так успешно устранена, что из Соединенных Штатов доставили 42 дивизии, потеряв всего 200 человек. Хотя исход единственной большой морской битвы, Ютландской, остался неясным, можно сказать, что Англия за время войны 1914 г. сохранила морское господство, потому что немецкий флот, даже несмотря на некоторые замечательные подвиги отдельных кораблей, не смог покинуть свои порты. Без британского флота снабжение союзников было бы невозможно.

5. Первой целью, которую поставило британское правительство своему экспедиционному корпусу, была защита портов на Ла-Манше и в Северном море. Этого можно было достичь лишь частично, поскольку немцы взяли Антверпен, Остенде и Зеебрюгге, но благодаря сражению при Ипре Кале и Булонь были спасены. Когда весь Западный фронт оказался исполосован сплошными траншеями, идущими от моря к швейцарской границе, многие крепкие умы как в Англии, так и во Франции советовали повернуть эту линию и перенести главное военное усилие в другое место. Одни предлагали Салоники и мощную кампанию на Балканах, которая присоединила бы к союзникам некоторые колеблющиеся народы, например греков, болгар и турок; другие советовали высадку в Дарданеллах, чтобы захватить

Битва на Сомме: британские кавалеристы и отряд индийских велосипедистов. Фотография Джона Уорвика Брука. 1916

проливы и снабжать Россию. Восторжествовали эти последние, но, несмотря на героические усилия и огромные потери в кораблях и живой силе, захватить Галлиполийский полуостров так и не удалось. Союзным державам пришлось вернуться к кровавой тактике фронтальных атак на укрепленные вражеские позиции. Чтобы уменьшить нагрузку на французскую армию, атакованную при Вердене, английская армия дала потребовавшую огромных жертв битву на Сомме. До июня 1918 г. исход боев на Западном фронте оставался неясным. Массовое использование танков позволило прорвать немецкий фронт, но их пустили в дело слишком рано и в слишком малом количестве. Эти бронированные штурмовые устройства были самым оригинальным военным изобретением и эффективным ответом ударных войск на прогресс снарядов; танки стали для современной пехоты тем, чем были доспехи для средневекового воина. Другой новой гранью войны 1914 г. стала вчетверо возросшая роль авиации, которая включала в себя разведку, бомбардировку, истребление самолетов противника и прямые боевые действия против пехоты.

6. Твердость всех народов Британской империи была непоколебима. Добровольчество и воинская повинность дали 8 млн человек. Все доминионы и даже Индия пришли на помощь метрополии. Только Южная Ирландия (в отличие от Северной, Ольстера), которую в начале войны, казалось, взволновала судьба католической Бельгии, была затронута, по крайней мере частично, немецкой пропагандой. Дублинское восстание подавили военной силой с большими потерями с обеих сторон. Партия повстанцев Шинн-Фейн *(Sinn-Fein)* позже стала правительством Ирландии. Военные расходы с 1914 по 1918 г. достигли почти 9 млрд фунтов плюс 2 млрд займа союзникам, тогда как Наполеоновские войны обошлись за двадцать два года всего в 831 млн. Из этих 9 млрд 4 были получены во время войны с помощью налогов. Подоходный налог *(Income-tax)* поднялся до 6 шиллингов с фунта; налоговая надбавка на высокие доходы могла достигать 6 шиллингов. Правительство весьма заботилось, чтобы одинаково распределить нагрузку и на богатых, и на бедных; расходы на эту войну были распределены гораздо справедливее, чем во времена Питта, и общественные свободы насколько возможно соблюдались. Единый народ продолжал бороться вплоть до победы, и не потому, что вожди навязали ему эту войну силой, а потому, что составлявшие его граждане считали ее справедливой.

Английские войска на марше во Франции. Фотография Эрнеста Брукса. Лето 1916

Английские солдаты у танка. Франция. 1916

7. Вначале армия обоснованно жаловалась, что ей не хватает боеприпасов. Эта война была прежде всего войной артиллерии, и ни одна из воинственных стран (кроме, быть может, Германии) к этому не готовилась. Между Френчем, командующим экспедиционным корпусом, и Китченером, военным министром, отношения становились все более сложными. Коалиционное правительство поставило во главе Министерства военного обеспечения Ллойда Джорджа, который во время очередной перестановки стал премьер-министром. Ведение войны было доверено военному кабинету из пяти членов, это была своего рода исполнительная Директория, где председательствовал Ллойд Джордж. Был также созван «имперский» военный кабинет, объединивший премьер-министров доминионов и Индии. Эти военные институты исчезли, как только установился мир.

8. Мощь Германии и мужество ее армий ясно проявились в 1918 г., когда стало понятно, что после четырех лет войны против европейской коалиции она все еще далека от поражения. Быть может, ее и не удалось бы победить без вмешательства Соединенных Штатов. Нанеся удар в место соединения французской и английской армий, немецкое командование чуть не оторвало их одну от другой и отбросило англичан к морю. 26 марта 1918 г. в Дуллене главнокомандующим союзными войсками был назначен

маршал Фош. Немецкие атаки все еще оставались опасными, но скорое прибытие американских дивизий должно было обеспечить союзникам смену из свежих войск и формирование значительных резервов. Провал немецкой атаки 15 июля в Шампани (она была расстроена маневром, который задумал Петен и исполнил Гуро, однако вдохновили ее действия Веллингтона у Торриш-Ведраша) и контратака Манжена у Вилье-Котре (18 июля 1918) отмечают момент, когда «надежда перешла на другую сторону». 8 августа началось британское контрнаступление, в котором помимо англичан участвовали канадцы и австралийцы. Между этой датой и перемирием 11 ноября, положившим конец войне, союзники продолжали свое продвижение, а их победы следовали одна за другой. Поражение в войне, а затем революция в Германии вынудили к бегству германского императора, который укрылся в Голландии. В германском флоте, получившем в конце октября приказ сделать отчаянную попытку прорыва, взбунтовались моряки. Не желая сдавать свои корабли англичанам, немецкие офицеры затопили их у Скапа-Флоу (Scapa Flow). Наконец Англия избавилась от этого кошмара — соперничающего флота в Европе. Это и было для нее главной целью войны. Ею были достигнуты и другие: Бельгия и берега Северного моря оказались избавлены от всякой угрозы; Месопотамия, Палестина, немецкие колонии в Африке были завоеваны ее войсками или войсками ее союзников; отныне эти территории будут в том или ином виде включены в ее империю или в сферу ее влияния.

9. Естественно, столь полная победа, завершившая столь суровую войну, дала сигнал к «оргии шовинизма». После выборов, которые последовали за перемирием, в Англии появилась «палата цвета хаки», выигравшая их с программой мщения. Британское правительство, добавив к возмещению ущерба сумму военных пенсий, взвинтило требовавшиеся от Германии репарации до абсурдных цифр. Оно было также первым, кто пообещал своему парламенту наказать «виновников войны». Чтобы народы смогли вынести столь жестокие страдания и нечеловеческие потери, главам всех правительств пришлось перевозбудить умы до безумия, и успокоить их теперь было уже нелегко. Так что Версальский мир стал плохим миром. Под тем предлогом, что они позволяют народам самим вершить свою судьбу, «пятеро великих» разделили Европу, не учитывая ни ее традиций, ни историй, ни экономической жизни. Франции, которой Ллойд Джордж отказал в границе по Рейну, пообещали взамен договор о союзе, который так и не был ратифицирован. Италию, по отношению к которой были приняты точные обязательства в момент ее вступления в войну, американцы и англичане третировали с недоброжелательностью, доходившей до враждебности. Наконец, Германия посредством договора «слишком мягкого там,

где требовалась твердость, и слишком жесткого там, где требовалась мягкость», была доведена до отчаяния. Увы, этот мир был отнюдь не тем *pax britannica*[1], которым Англия заканчивала другие конфликты.

XI. Между двумя войнами

1. Война 1914–1918 гг. всколыхнула планету гораздо сильнее, чем Наполеоновские войны. Исчезли тысячелетние государства, были созданы новые. Договоры 1815 г. пренебрегли национальными силами; договор 1919 г. пробудил в разных странах национализм, который уже считали угасшим. Расы и языки вышли из могилы веков. Ради того чтобы уважить этнические границы, переговорщики пренебрегли границами экономическими, чем подготовили мировой кризис. В то время как Россия становилась коммунистическим государством, в Италии и Германии рождались диктатуры и тоталитарные режимы, пришедшие на смену парламентским. Все эти изменения оказали на Англию гораздо меньшее воздействие, чем можно было бы ожидать. Нация обладала слишком самобытным характером, чтобы быть чувствительной к внешним влияниям, и поэтому для проблем эпохи нашла решения, приспособленные к ее собственной натуре. Тем не менее она пережила большие политические и экономические перемены.

2. В ее внутренней политике самым замечательным из этих изменений был электоральный закон *Representation of the People Act* (1918), сделавший избирательное право воистину всеобщим. Принятый в самом разгаре войны и ставший символом единства нации, он дал право голоса всем мужчинам и женщинам старше тридцати лет. Этот закон создал 8 млн новых избирателей, из которых 6 млн были женщинами. В 1928 г. его дополнили текстом, согласно которому женщины того же возраста уравнивались в гражданских правах с мужчинами. То, чего суфражистки не смогли добиться своим неистовством, оказалось завоевано во время войны самоотверженностью и трудом английских женщин. Второй важный политический факт — это почти полное исчезновение Либеральной партии, которая под названием партии вигов просуществовала три века. Можно выделить по меньшей мере три причины этого явления: 1) выборы в один-единственный тур не позволяют оппозиционным партиям разделиться. Голосование в два тура, а еще лучше, пропорциональное представительство спасло бы либеральную партию. Но такой электоральный режим, более справедливый в теории,

[1] «Британский мир» *(лат.)*.

Автобусы на лондонском мосту. 1927

привел бы к власти слабые правительства, а Англия этого не хотела; 2) Лейбористская партия, хотя изначально создавалась как социалистическая и рабочая, революционной партией не является. В ней нашли свое место многие либеральные интеллектуалы; 3) поскольку большие политические проблемы Англии были, ко всеобщему удовлетворению, решены или почти решены, то наиболее важными стали проблемы трудовой занятости, безработицы и распределения благ. Лейбористская партия, опиравшаяся на тред-юнионы, представляла мнения рабочих масс по этим вопросам гораздо лучше, чем Либеральная.

3. В течение всех последовавших за войной лет политику Англии определяла экономика. Как и за Наполеоновскими войнами, за войной 1914 г. последовала глубокая промышленная депрессия. Причины этого экономического расстройства были те же, что и в 1816 г.: внезапная мобилизация большого количества людей, которые уже не находили своего места в изменившейся экономике; необычайное развитие механизации производства из-за потребностей войны; раздувшийся из-за непомерных долгов, сделанных во время кампании, бюджет. Кризис 1920–1931 гг., хотя и не сопровождался ни насилием, ни возмущениями, был глубже и опаснее, чем кризис 1816–1821 гг. В течение нескольких лет наблюдатели задавались вопросом, не обречена ли Англия. Приобретенные в XIX в. преимущества

Знаменитый лондонский двухэтажный автобус. 1920–1930-е

перед соперниками оказались утрачены. Ее промышленность была заметно хуже оснащена, чем промышленность Германии и Соединенных Штатов, а кроме того, парализована более высокой, чем на континенте, заработной платой, которой тред-юнионы не позволяли касаться. Ее внешняя торговля пострадала из-за сокращения потребителей в обедневшем мире; ее торговый флот ржавел без употребления. Чтобы сохранить свою роль мирового банкира, она попыталась до 1931 г. поддерживать золотой стандарт фунта стерлингов, однако эта монетарная политика, теоретически пригодная для обороны, но практически пагубная, еще больше увеличила безработицу.

4. Проблема английской безработицы была сложной. Количество работавших в Англии человек на самом деле не уменьшилось, а после войны даже возросло. В 1911 г. работало 12 927 000 мужчин и 5 424 000 женщин. В 1921 г. 13 656 000 мужчин и 5 701 000 женщин. Но общее количество граждан, ищущих работу, стало больше, а главное, произошло перераспределение рабочей силы. Шахты, железные дороги, текстильная промышленность стали использовать меньше работников; торговля, дорожный транспорт, индустрия досуга (спорт, гостиничное дело), наоборот, теперь нуждались в них больше. Этим изменениям самой природы занятости соответствовали любопытные миграции. Во времена промышленной революции центр притяжения в Англии сместился с юга на север; теперь же с помощью бензиновых двигателей и электротранспорта население перемещалось на юг, и особенно в район Лондона. Использование этих новых сил и объясняет большую безработицу среди шахтеров, которая также выросла из-за увеличения производительности труда в других, лучше оснащенных странах, прежде всего в Польше. В 1926 г. меры, направленные на то, чтобы снизить зарплаты шахтеров, спровоцировали всеобщую забастовку. Газеты перестали выходить, правительство публиковало лишь маленький официальный листок *British Gazette* и временно аннексировала *British Broadcasting Corporation* (*BBC* — «компанию с хартией», единственную, которой было разрешено выпускать радиопередачи в Англии). Управляя общественным мнением, опираясь на большинство граждан страны и многочисленных добровольцев, которые сотрудничали с полицией и обеспечивали снабжение больших городов, консервативное правительство выиграло забастовку.

5. Когда количество безработных перевалило за 1,5 млн, а страхование от безработицы перехлестнуло через край, пришлось заменить его разорительным для бюджета пособием *(dole)*. Лейбористскому правительству, пришедшему к власти в 1929 г., во главе с Рамсеем Макдональдом удалось справиться с безработицей и с кризисом не лучше, чем правительству консер-

ваторов. Капиталисты в Соединенных Штатах и Европе теряли всякую веру в будущее Англии. Золото утекало из страны. За последние две недели июля 1931 г. Лондон покинули 35 млн фунтов. При таких темпах и банкротство было не за горами. Рамсей Макдональд думал, что общенациональное правительство внушит больше доверия. Не дожидаясь, когда окажется в меньшинстве из-за парламента, который, впрочем, был на каникулах, он подал королю прошение об отставке. Ему было поручено сформировать коалиционное правительство с участием консерваторов, которое он и возглавлял вплоть до 1935 г., когда его сменил Стэнли Болдуин, лидер консерваторов.

6. Быстрое оздоровление британской экономики в период с 1931 по 1935 г. удивило даже самых больших оптимистов. В значительной степени оно было обязано хладнокровию нации, а еще — энергичному канцлеру казначейства Невиллу Чемберлену. Методы, которые он использовал, были просты: 1) Англия отказалась поддерживать золотой стандарт фунта. Он упал во Франции со 125 франков до 75. Островной характер британских рабочих и чиновников помешал тому, чтобы за этим понижением последовало значительное повышение заработной платы. Английские цены стали ниже цен в странах «золотого блока», что благоприятствовало экспорту. Поскольку Скандинавские страны, Южная Америка и в некоторой степени Северная Америка продолжали следовать за флуктуациями фунта, был учрежден «стерлинговый блок», внутри которого Лондон смог и дальше играть свою роль банковского центра; 2) свободная торговля была отменена. На Оттавской конференции (1932) британские государственные деятели призвали доминионы заключить с метрополией экономические соглашения. Но доминионы проявили мало энтузиазма, и эта неудача побудила английских министров искать решение проблем скорее во внутренней реорганизации. Протекционистские тарифы позволили промышленникам вновь завоевать английский рынок, к большой досаде Франции и Германии. Уолтер Эллиот сделал мощное усилие, чтобы реанимировать таким же образом земледелие и скотоводство; 3) наконец, бюджет был сбалансирован благодаря мужественно принятой экономии и новым налогам. Политика дешевых денег позволила строительной промышленности достичь изрядного процветания. Между 1919 и 1933 г. было построено 2 млн новых домов. Все эти меры привели к благоприятным результатам. Хотя до полной победы над безработицей было еще далеко, она уже начала снижаться.

7. Итак, надо ли отметить кончину индивидуалистичной, имперской, приверженной свободе торговли Англии? Надо ли признать, что родилась новая Англия, «самодостаточная» и протекционистская? Истина гораздо

проще. В XIX в. разница в уровне развития между европейской цивилизацией и остальным миром создала широкое течение обмена, обеспечившее процветание и континента, и его экономической доктрины. Но сила этого течения могла только уменьшаться, а война еще больше ускорила процесс. Столкнувшись однажды с экономическим тайфуном, Англия просто убрала часть своих парусов. За время мирового кризиса она нашла наилучший выход: объединить производство и потребление в один небольшой, поддающийся контролю комплекс. Речь шла всего лишь о компромиссе, а не о преобразовании.

8. Компромисс также позволил англичанам спасти свою империю, о распаде которой неоднократно трубили многие европейцы в 1925 г. Ее доминионы: Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, помогая метрополии во время войны, предоставляли без счету людей и деньги. Но они подразумевали, что делают это как независимые государства. Когда была основана Лига Наций, они потребовали отдельных от Англии представителей. Второй Вестминстерский статут (1931) объявлял, что британский парламент отныне не будет иметь права диктовать законы для доминионов; что право мира и войны, равно как и право заключать договоры в той части, которая их касается, будет принадлежать доминионам и, наконец, что премьер-министров доминионов будет утверждать непосредственно король. Так что отныне монарх остается единственным официальным связующим звеном между Англией и нациями, образующими Британское Содружество. Договором 1921 г. было условлено, что Ирландия тоже будет доминионом. Было основано свободное государство Южная Ирландия, а провинции Ольстера остались, как они того пожелали, в составе Англии. С 1922 по 1931 г. при президентстве Косгрейва Ирландия еще мирилась с этой ситуацией, но в 1931 г. де Валера́, сменивший Косгрейва, совершенно порвал с Англией. С этого момента Ирландия не признавала даже связи с королем, не позволяла представлять себя на британских церемониях и действовала как независимое государство.

9. Переход от сельской жизни к городской в начале XIX в. причинил немало страданий; в начале XX в. развитие транспорта и увеличение у народа свободного времени, наоборот, привели к возрождению сельской жизни. По всей Англии, по ее широким автострадам стали разъезжать автобусы, малолитражки, мотоциклы, в потоке которых терялись редкие дорогие автомобили, что стало признаком стремительного «усреднения» разных классов. На берегах морей, рек, бассейнов пробуждалась новая, *«веселая» Англия*, *Merry England*, для которой граммофон и радио заменили вёрджинел и виоль д’амур. Свобода нравов позволяла юношам и девушкам вместе

предаваться удовольствиям. Ученые, романисты и драматурги избавили от викторианской скованности бо́льшую часть английской молодежи. Лондонские театры между двумя войнами стали столь же бесстрашны, как и во времена Конгрива и Уичерли. У таких писателей, как Лоуренс и Олдос Хаксли, можно было наблюдать одновременно георгианскую искренность, пуританские пережитки и превращение религиозного радикализма в политический, пацифистский и сексуальный. Впрочем, важно не забывать, говоря об этих авторах, что их книги читало меньшинство и что во всей империи мириады мужчин и женщин оставались верными религиозным и нравственным представлениям предыдущего века.

10. Существование и сила этой традиционной Англии сделались ощутимыми для всех благодаря влиянию общественного мнения, которое в декабре 1936 г. внезапно вынудило к отречению короля Эдуарда VIII. Его отец, Георг V, и мать, королева Мария, простотой и достоинством своей жизни еще выше подняли авторитет монархии. Юбилей короля Георга и его погребение несколько месяцев спустя позволили народам империи сполна проявить свои верноподданические чувства. Да и сам Эдуард VIII в начале своего царствования был окружен почти единодушной симпатией. Казалось, Англия была счастлива обрести в нем энергичного современного государя, в день своего восшествия на престол прилетевшего в Лондон на самолете и наравне с замками пэров посещавшего и дома безработных. Но меньше чем через год «Таймс» вынуждена была приложить к Эдуарду VIII фразу из Тацита по поводу Гальбы: *«Omnium consensu capax Imperii nisi imperasset» («Все считали его достойным стать императором, пока он не стал им»)*.

11. Царствование продлилось всего десять месяцев, когда упорные слухи и американские газеты сообщили гражданам Англии и доминионов, что король собирается жениться на какой-то американке, миссис Симпсон, которая вот-вот должна получить второй развод. Со всех сторон к премьер-министру Стэнли Болдуину стали поступать послания с предупреждениями и беспокойством; тогда он испросил у короля аудиенцию и обрисовал ему опасности подобного решения. Никто не оспорил бы право монарха жениться на чужестранке, как это делали его многочисленные предки, но значительная часть его подданных отказывалась признавать его брак с дважды разведенной женщиной. Сам король, сознавая все эти сложности, предлагал заключить морганатический брак. Но ни один английский закон не позволил бы прибегнуть к этому крайнему средству, и ни британское правительство, ни правительства доминионов не согласились бы поставить на

1936 — год трех королей: Георг V, Георг VI, Эдуард VIII. Открытка

голосование новый закон по этому поводу. Все считали, что подобный брак серьезно уронит авторитет короны. Образовались недовольные, непримиримые фракции. Король, вместо того чтобы оставаться единодушно признанным арбитром и связующим звеном между государствами империи, наоборот, стал бы причиной раскола и скандала.

12. В начале декабря 1936 г. спор стал публичным, и в течение двух дней общественное мнение в Лондоне колебалось. Популярные газеты обвиняли правительство, церкви и аристократию в том, что они лицемерно защищают обветшалую мораль; манифестанты на улицах кричали: «Мы хотим нашего короля!» Но даже в Лондоне эти толпы были малочисленны, а более молчаливые жители провинций, Уэльса, Шотландии, доминионов вскоре дали понять своим представителям, что разделяют чувства британского правительства. Большинство граждан королевства и империи требовали, чтобы король сделал выбор между короной и этим браком. Парламент, проявивший во время этого кризиса похвальную и сознательную дисциплину, безоговорочно одобрил твердость премьер-министра. Эдуард VIII сам пожелал отречься от престола. «Я готов уйти», — сказал он Болдуину. Его ничто не связывало с теми, кто хотел бы превратить эту сентиментальную драму в политическую интригу. В день своего отречения (11 декабря 1936) в пользу брата, сменившего его на престоле под

именем Георг VI, он адресовал из Виндзорского замка послание к своим бывшим подданным, в котором объяснял свой поступок и подтверждал в трогательных выражениях свою верность новому монарху. «*God save the King! although I be not he*» (*«Бог короля храни! Я не король»*), — написал Шекспир в «Ричарде II».

13. Эта драма, такая любопытная и еще незнакомая Англии, показала, что роль монархии остается достаточно значительной, чтобы общество требовало от королевского семейства представительских качеств, наибольшего изменения которых парламентские институты по-прежнему не способны обеспечить дисциплинированно, благоразумно и достойно, и, наконец, что метрополия и доминионы могут в наиболее сложных случаях легко, быстро и тайно согласовывать свои действия ради общей цели. Как выздоровевший больной оказывается порой сильнее, чем был до болезни, так и Британская империя вышла из этого кризиса, веря в свои законы и в саму себя. «Оттого что дерево яростно сотрясала буря, лишь яснее проявилась сила его корней».

14. Эти традиции, которые во внутренней политике так хорошо послужили Англии в период между двумя войнами, оказали ей плохую услугу во внешней политике, где она попыталась применить старые методы к новой ситуации. Одержимая идеей поддерживать в Европе «баланс сил», она в 1919 г. побоялась слишком ослабить Германию (как в 1815 г. поддержала Францию против союзников). А доводам Франции, которая требовала, чтобы Лига Наций была в состоянии защищать свои решения при необходимости силой, английские министры противопоставили идею о моральном принуждении. Однако оно не могло быть эффективным в то время, когда крупные европейские страны, Италия, потом Германия, увлеченные доктриной насилия, отдались диктаторам (Адольфу Гитлеру, Бенито Муссолини). Английский народ понял это раньше своего правительства. Мало-помалу пропаганда, проводимая во всех странах Союзом за Лигу Наций и поддержанная церквями, породила «Женевскую мистику» — нравственный императив прочного мира. Когда в 1935 г. Италия завоевала Эфиопию, сентиментальная волна усилила приступ английского империализма, и впервые после 1919 г. Великобритания предложила применить санкции, предусмотренные договором. Однако Англия и Франция опять действовали невпопад. Недостаточные санкции оказались неэффективными. Италия была отброшена в германский лагерь, в результате чего образовалась ось Берлин — Рим, а кабинет Невилла Чемберлена (который сменил в 1937 г. Болдуина) пытался проводить «политику успокоения».

15. Но такая политика не могла быть успешной с авантюристами, признающими только силу. Ободренный военно-морским договором, на который согласилась Великобритания, и безнаказанностью, с которой Франция и Англия позволили ему снова милитаризовать левый берег Рейна, Гитлер предпринял серию завоеваний без войн. Так, в марте 1938 г. была аннексирована Австрия. Потом настал черед Чехословакии. Чемберлен и его друзья полагали, что, если Германия получит удовлетворение по некоторым пунктам, она будет затем готова сотрудничать в поддержании европейского порядка. В сентябре 1938 г. на Мюнхенской конференции Великобритания и Франция бросили Чехословакию. «Я вам доставил достойный мир», — сказал Чемберлен, вернувшись в Лондон. Это была фраза Дизраэли после Берлинского конгресса. Уинстон Черчилль ответил: «У Англии и Франции был выбор между миром и бесчестьем. Они выбрали бесчестье; теперь получат войну». И оказался прав, потому что Гитлера, оценившего в Мюнхене всю слабость демократов, уже не могли сдержать никакие опасения. Хотя фюрер и обязался уважать хотя бы то, что осталось от Чехословакии, в марте 1939 г. он решил пренебречь обязательствами, данными Чемберлену, и захватил всю страну.

16. Гитлер не предусмотрел изменений, которое такое вероломство произведет в голове Чемберлена. В один миг государственный деятель, так домогавшийся дружбы с Германией, стал ее противником. Поскольку уже можно было догадаться, что следующей жертвой будет Польша, он уведомил польское правительство, что в случае германского нападения кабинет Его Величества предоставит польскому правительству всю поддержку, которая будет в его власти. Отныне новая европейская война становилась неизбежной. Англия опять столкнулась с державой, полной решимости господствовать в Европе, а быть может, и в мире; и она опять решила помешать этому; опять у нее были свои солдаты на континенте — Франция и Польша. Быть может, она могла бы ввести в свою игру и Россию, но переговоры провалились, и между Россией и Германией был подписан пакт о ненападении. Вторая мировая война начиналась плохо. Польша была захвачена 3 сентября, и Чемберлен объявил в палате общин о вступлении своей страны в войну. «Надеюсь, что проживу достаточно долго, — сказал он, — чтобы увидеть однажды уничтожение гитлеризма и восстановление свободы в Европе». Гитлеризму предстояло быть уничтоженным, но свобода была восстановлена уже после смерти Чемберлена. Великим премьером войны станет Уинстон Черчилль — человек, наделенный гением и воображением, неукротимый и красноречивый, созданный для того, чтобы управлять в бурю. Это он приведет свою страну к победе.

XII. Вторая мировая война

1. Вторая мировая война стала для Англии вопросом жизни или смерти — больше, чем Наполеоновские войны, гораздо больше, чем война 1914 г. Защищенная со времен нормандского завоевания своим флотом, своими армиями, своими богатствами и союзниками, она чувствовала себя в безопасности даже в самом разгаре боевых действий, выигрывая свои битвы на Европейском континенте или в далеком океане. Но после 1920 г. прогресс авиации в значительной мере уничтожил преимущества ее островного положения. Во время войны 1939–1945 гг. Лондон станет очень уязвимой целью. Мир увидит то, что не считал возможным: реальную угрозу германского вторжения в Англию и перерезанные странами оси средиземноморские пути; и в то же время союз Японии и европейских диктатур поставит под угрозу безопасность Индии, Сингапура и даже Австралии. Но в конце концов, благодаря своим древним достоинствам — упорству, невозмутимости и мужеству, а также благодаря поддержке Соединенных Штатов, России и европейских движений Сопротивления, Великобритания с честью выйдет «из этих кругов ада», гордая своей нравственной силой, своим единством, верностью своих доминионов, хотя и обеспокоенная будущим, поскольку осознает отныне, что ей предстоит глубоко изменить свою традиционную дипломатию.

Британский агитационный плакат периода Второй мировой войны. 1939

2. В начале войны ее союзниками были Польша и Франция, но она не могла предоставить им достаточную поддержку ни на земле, ни в воздухе. Долгий период пацифизма ослабил ее военный потенциал. В апреле 1940 г. она выставила всего лишь 10 дивизий. И понадобился приход к власти Черчилля, чтобы придать промышленности мощный импульс, который был тогда ей необходим. Плохо вооруженная Польша без надлежащей помощи смогла продержаться только месяц. Франция, рассчитывая на свою линию Мажино, приготовилась к оборонительной войне, но эта линия не прикрывала французскую

границу с севера, и в мае 1940 г. ее обошли танковые дивизии Гитлера, нарушив нейтралитет Нидерландов и Бельгии. Из-за прорыва к морю немецких штурмовых танков франко-британские войска оказались отрезанными от своих баз. За несколько дней хаос, созданный *люфтваффе*, немецкой военной авиацией, господствовавшей в воздухе, танками, атаковавшими даже тыловые штабы, миллионами беженцев, забивших дороги, достиг таких масштабов, что любая контратака и даже любой маневр становились невозможными.

Британский агитационный плакат периода Второй мировой войны. 1940-е

3. И тогда Англия отправила флот — около тысячи судов разного предназначения и разного размера, среди которых были крейсеры, пакетботы, яхты, траулеры, — пришедший в Дюнкерк ночью, под бомбами, чтобы забрать оттуда остатки союзнических войск. На борт были взяты около 400 тыс. человек под защитой героических французских дивизий, которые пожертвовали собой, чтобы не дать врагу захватить город, и британской истребительной авиации, прикрывавшей Дюнкерк со своих баз. Так Англия спасла своих людей, но не снаряжение, которое пришлось оставить. Когда Франция, чьи войска были совершенно дезорганизованы, подписала перемирие, Великобритания оказалась одна перед угрозой вторжения, располагая лишь устарелым оружием. Она мужественно принялась за работу, создала новую армию, построила укрепления и оборонительные сооружения на всех пляжах и береговых утесах, даже проложила в прибрежных водах трубопроводы для подачи горючего, с помощью которого намеревалась создать стены пламени[1]. И ни на минуту не отчаивалась. Она никогда не была побеждена и не хотела верить, что сможет быть побежденной. Из Норвегии, Бельгии, Польши, Чехословакии на ее землю прибывали правительства в изгнании, сюда же устремился из Франции генерал де Голль со своими добровольцами. Английские ученые совершали чудеса, помогая изобретениями флоту и авиации

[1] Применения так и не получили.

Город в Южной Англии после ракетного обстрела немецкими Фау-2. 1944

(борьба против магнитных мин, радары). Черчилль, ставший тогда министром, достойным Питта, старался вдохнуть жизнь во все усилия. «Битва Франции закончена, — сказал он, — я думаю, что начинается битва Великобритании. От этой битвы зависит спасение христианской цивилизации... Укрепим же наши сердца, выполняя свой долг, и будем вести себя так, чтобы и через тысячу лет, если Британской империи и Содружеству ее наций суждено столько прожить, люди все еще говорили: „Это был их самый прекрасный час“».

4. Тогда-то Англия и познала свой самый прекрасный и самый опасный час. Враг напал с воздуха. Геринг считал, что имеет, да и в самом деле имел, подавляющее превосходство в воздухе, а потому решил сломить массированными бомбардировками оборону и мужество англичан, чтобы облегчить дальнейшее вторжение. Первая большая воздушная битва в истории продлилась с конца августа до ноября 1940 г. Силы люфтваффе вчетверо превосходили Королевские воздушные силы *(Royal Air Force)*, но благодаря героизму и мастерству британских пилотов немцы понесли такие потери,

Войска 8-й британской армии в Италии. 1945

что Германия отказалась наконец от своего плана. «Никогда в истории столько людей по всему миру не были обязаны столь малому числу», — сказал Черчилль. Эта молниеносная война *(Blitzkrieg)* разрушила целые кварталы Лондона, устроила пожары в доках, сровняла с землей такие города, как Ковентри, но она зажгла «в британских сердцах и во всем мире такой огонь», который должен был «гореть ровным и жарким пламенем вплоть до того дня, когда последние обломки нацистской тирании» будут обращены в пепел по всей Европе.

5. Однако, прежде чем достичь этого, Англия прошла через долгий и болезненный период поражений. Ей удалось побудить к сопротивлению Югославию и Грецию, но, увы, лишь для того, чтобы увидеть их разгром и стремительную оккупацию. В Средиземном море и в океанах она несла из-за немецких подводных лодок ужасные потери, которые строительство новых кораблей не успевало восполнить. Немцы захватили с воздуха Крит — это было первым воздушным вторжением в истории и могло внушить большие опасения насчет Египта. В пустыне между Триполи и Александрией

Африканский корпус маршала Роммеля, усиленный итальянскими дивизиями, окружил британские войска в Тобруке. Но великие авантюристы всегда выдыхаются, потому что не умеют вовремя остановиться. Вместо того чтобы всеми своими силами развивать успех, достигнутый этой африканской победой, Гитлер в июне 1941 г. совершил беспримерную глупость, напав на Россию. С этого дня война для Черчилля была выиграна, поскольку, с другой стороны, он получил безграничную поддержку Рузвельта, который твердо решил вступить в войну, но собирался сделать это лишь в тот день, когда Америка будет готова последовать за ним, а в ожидании этого предоставил Англии самую действенную материальную помощь по ленд-лизу, чтобы англичанам не пришлось расходовать на это свою валюту. Ленд-лиз частично заново оснастил Восьмую армию, которой предстояло стать самой прославленной в Британии (в ее составе были и французские герои Бир-Хашейма). Она получила новые танки и нового командующего, Монтгомери, и наконец в 1942 г. одержала победу при Эль-Аламейне, которая спасла Египет.

6. В конце 1941 г. после нападения японцев на Пёрл-Харбор в войну вступили Соединенные Штаты. Начало Тихоокеанской войны для союзников сложилось неудачно: Америка потеряла Филиппины; Англия — Сингапур и Бирму; Голландия — Яву и Суматру; Австралия увидела японскую армию у своих ворот. Но промышленная мощь Соединенных Штатов была такова, что любой информированный наблюдатель мог предвидеть: после двух-трех лет ни Япония, ни Германия уже будут не в состоянии сопротивляться войскам союзников, которые к тому времени получат полное превосходство в небе и в морях. Что касается Европы, то в 1942 г. лобовая атака на нее казалась невозможной. Необычайно храбрая высадка канадцев в Дьеппе была обнаружена немецкой обороной. План, разработанный сообща англичанами и американцами, состоял в том, чтобы платформой для наступления сделать французскую Северную Африку. Союзные армии высадились там 8 ноября 1942 г. Вскоре к ним присоединилась еще многочисленная французская африканская армия, и сообща они раздавили немецкие войска в Тунисе вместе с корпусом Роммеля, который, убегая от Монтгомери, попал меж двух огней. Полная капитуляция немецких и итальянских сил в Африке стала первой большой победой союзников. Это еще не было, по словам Черчилля, началом конца, но это был конец начала.

7. Пришло время отвоевать Европейский континент, где во всех оккупированных странах союзников ожидали местные движения Сопротивления. Необходимость прикрывать высадку авиацией вынуждала к прыжкам с плацдарма на плацдарм. Из Туниса Эйзенхауэр, назначенный главнокомандую-

Уинстон Черчилль на развалинах бункера Адольфа Гитлера в Берлине (британский премьер-министр сфотографирован сидящим в кресле фюрера). 1945

щим, перебрался на Сицилию, с Сицилии в Италию. Надо ли было продолжать усилия в этом направлении и сделать центром наступления Средиземное море? Таково было мнение Уинстона Черчилля. Но Рузвельт и Сталин переубедили его, и было решено, что главная атака против «европейской твердыни» будет произведена с Британских островов и ее первыми целями на нормандском побережье станут Шербур и полуостров Котантен. Эта операция, подготовленная с великим тщанием (были заранее сконструированы искусственные гавани, к которым намеревались подвести проложенные под Ла-Маншем трубопроводы для снабжения войск горючим), была предпринята 6 июня 1944 г., прошла быстро и полностью удалась. Но немецким ответом стал новый *блицкриг* против Англии вообще и в частности против Лондона. На этот раз заряды доставлялись беспилотными ракетами с европейского побережья. Это новое оружие Фау-1 («V» от Vergeltungswaffe — «оружие возмездия») было разработано немцами давно, и Английские королевские воздушные силы сбросили тонны взрывчатки на пусковые установки ракет. Тем не менее разрушения были так же ужасны, как во время авианалетов 1940 г. Больше 1 млн домов были

разрушены или повреждены этими летающими бомбами. А Фау-2, стратосферная ракета, летевшая быстрее скорости звука, легко преодолевала защиту, подготовленную против Фау-1. Кажется несомненным, что, если бы немцы были в состоянии раньше начать это решающее наступление, они бы серьезно помешали приготовлениям к высадке союзников.

8. Но ее успех быстро лишил их последних пусковых установок. Британские армии двинулись вдоль побережья в сторону Бельгии, американские войска — на восток, а дивизия Леклерка вошла в Париж. 15 августа на юге Франции была осуществлена новая высадка, и десант без труда продвинулся на север. В сентябре все было готово для прорыва линии Зигфрида, но лобовая атака могла быть смертельно опасной. Прежде чем предпринять ее, Эйзенхауэр попытался обогнуть северную оконечность линии через Голландию, неожиданно выбросив там воздушно-десантные дивизии. Маневр провалился, и война продлилась еще всю зиму, но тем временем британско-американская авиация не переставая бомбила предприятия немецкой промышленности, так что исход был ясен. Наконец пришедшие с запада войска встретились с русскими, Гитлер покончил с собой, и 7 мая 1945 г. враг подписал безоговорочную капитуляцию. Черчилль появился на балконе в Лондоне и был встречен овацией. Он напомнил о том времени, когда из-за светомаскировки гасили огни и на страну сыпались бомбы, но никто, ни мужчина, ни женщина, ни ребенок, не говорил о том, чтобы прекратить борьбу. Теперь Англия после долгих лет избежала «пасти Ада и челюстей Смерти». Хотя оставалось еще победить Японию, но к этой победе уже вел прямой путь. Он завершился в августе 1945 г. двумя атомными бомбами.

XIII. Заключение

1. История Англии — это история одного из самых замечательных успехов рода человеческого. Разрозненные саксонские и датские племена, добравшись до острова за пределами Европы и смешавшись с остатками выжившего кельто-римского населения, были организованы нормандскими авантюристами и за несколько веков стали хозяевами трети нашей планеты. Очень интересно искать секрет такого поразительного успеха, сравнимого с былым успехом Рима.

2. Смешение племен было хорошо дозированным, климат здоровым, почва плодородной. Местные собрания породили в деревнях вкус к публичным обсуждениям и компромиссу. Однако без нормандского завоевания

эти обычаи могли бы, конечно, выйти из употребления, как это случилось в других странах. Благодаря авторитету Завоевателя и его нормандских и анжуйских преемников англичане раньше любого другого средневекового народа познали блага хорошего правосудия и научились уважать законы. Защищенные морем от своих континентальных соседей и избавленные им от страхов, которые парализовали во Франции стольких государственных деятелей, они смогли, не подвергая себя большим опасностям, выработать самобытные общественные установления. А череда счастливых случайностей дала им возможность постепенно обнаружить простые условия, которые обеспечивали одновременно их безопасность и свободу.

3. Со времен саксонских государств английские короли сотрудничали с советом и, совершая или обдумывая свои действия, старались заручиться одобрением наиболее могущественных людей страны. Поскольку этот метод подхватили и их преемники, Англия никогда не знала абсолютной монархии. Когда реальная сила переходила к другим группам людей, ловкие государи обращались за советом ко всем «сословиям» королевства, тем самым объединяя их. Их министрами были лучшие представители духовенства, их чиновниками становились сначала бароны, потом *сквайры*, горожане объединялись в «верные коммуны». По мере достижения политической зрелости участвовать во власти и делить с нею ответственность поочередно призывались крупные феодалы, рыцари, мелкие землевладельцы, купцы, ремесленники, фермеры, пока наконец правительство ее величества не сформировала рабочая (Лейбористская) партия. Последовательно превращая таким образом все группы потенциально недовольных в своих реальных сподвижников, английские правительства смогли предоставить народу тем более широкие свободы, что благодаря этому чувствовали снижение угрозы по отношению к самим себе.

4. Два ценнейших достоинства — преемственность и гибкость — обеспечили Англии спокойную эволюцию. «Лучше, — говорил лорд Бальфур, — сделать нелепость, которую делали всегда, чем сделать нечто, что никогда не делалось». Англия и сегодня, как и всегда, управляется прецедентами. После десяти веков земельная аристократия все еще добровольно выполняет судейские функции. Монархия, парламент, университет остаются верными традициям и обычаям Средних веков. Лесные законы, введенные Завоевателем, защищают своей бледнеющей тенью последних псовых охотников. Но сила приспособления английского народа равна его консерватизму. Новые власти по-прежнему признают, принимают и ассимилируют старинные установления и учреждения. Таким образом, в Англии никогда

не было настоящей революции. Короткие возмущения, размечающие вехами ее историю, были всего лишь рябью на поверхности океана, а «славная революция 1688 г.» — всего лишь обменом подписями.

5. Результаты счастливых случайностей использовались государственными деятелями в Англии так, как удачные или меткие выражения запоминаются большими артистами. Мы показали, как сближение рыцарей и буржуа, потом добровольное неучастие духовенства привело к образованию двухпалатного парламента. И вскоре короли, желавшие получить денежные средства, стали зависеть от доброй воли этого парламента, в то время как монархи Франции и Испании взимали силой никем не одобренные налоги. Англичане довольно быстро поняли, что их свободы напрямую связаны с поддержанием двух защитных правил: никаких постоянных налогов и никакой слишком сильной королевской армии. По этим двум пунктам они вступили в конфликт с династией Стюартов и победили. Поскольку парламент победил, оставалось изыскать средство, чтобы извлечь из этой законодательной ассамблеи исполнительную власть. И снова случай, который возвел на трон Ганноверскую династию, сделал возможной систему правительства, ответственного перед палатами. Наконец, осторожность английской аристократии и политическое благоразумие ее вождей позволили без революций превратить клуб сельских землевладельцев в Национальную ассамблею. Таким образом, постепенно вырабатывался метод правления, который отнюдь не был, как часто полагала Европа, абстрактной, повсеместно пригодной системой, но совокупностью приемов, которые в этой стране и по историческим причинам удались.

6. Островное положение, удаленность и, быть может, климат привели к разрыву с Римской церковью, и этот разрыв в свою очередь стал первопричиной образования Британской империи. Долгая религиозная борьба создала в Великобритании тип мужественного и упрямого протестанта-диссидента, который предпочитал скорее эмигрировать, чем подчиниться, и заселила англосаксами далекие земли. Выживание этой империи было обеспечено господством Англии на море, которое она отвоевала последовательно у Испании, Франции, Голландии, наконец, Германии, потому что благодаря своему географическому положению могла посвятить флоту наибольшую часть своих ресурсов. Можно было опасаться, что она исчезнет — если не из-за иностранного вмешательства, то из-за внутреннего взрыва, однако потеря американских колоний научила лондонское правительство умеренности. Подобно тому как Англия изобрела парламент и кабинет министров, так же случайно она наткнулась на идею имперской

федерации свободных государств и здраво ее применила. И в империи, как и внутри нации, британское правительство желает поддерживать свою власть только при согласии управляемых.

7. Будет ли успех английского компромисса долговременным? Ответ на этот вопрос не принадлежит историку, чья задача состоит в том, чтобы описывать прошлое, а не предсказывать будущее. Но можно заметить, что противостояние классов или партий, смертельное в других странах, не так опасно в Англии, — потому, что тут привычка дисциплинированно склоняться перед решениями большинства древнее даже суда нормандских королей, а еще потому, что глубокое единство страны, которое скрывается под поверхностными конфликтами мнений, кажется нерушимым. Классы здесь разделены интересами, которые легко согласовать между собой, а не воспоминаниями и страстями. Ум и красноречие, которые так сильно разделяют прочие народы, имеют на Англию меньше влияния, чем инстинктивное и традиционное благоразумие. У нее развито всеобщее уважение к прошлому, а ее нынешняя история — во множестве обычаев. Сила английского народа не только в его военно-морском и военно-воздушном флотах, но и в его дисциплинированном, доброжелательном, уверенном в себе и упорном характере, который создали десять удачных веков.

Генеалогические таблицы

Таблица I. **Нормандские и анжуйские монархи**

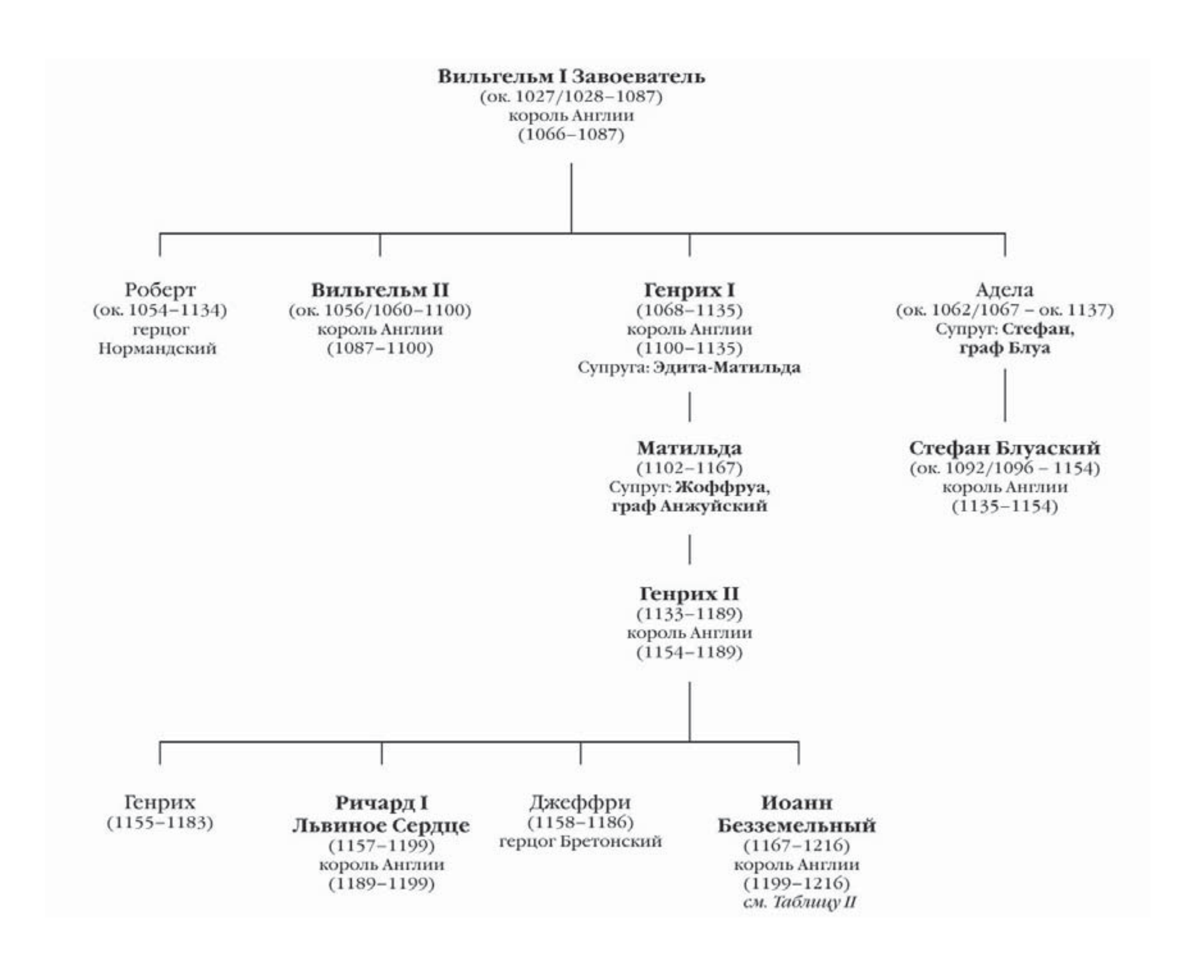


Таблица II. **Последние короли из династии Плантагенетов**

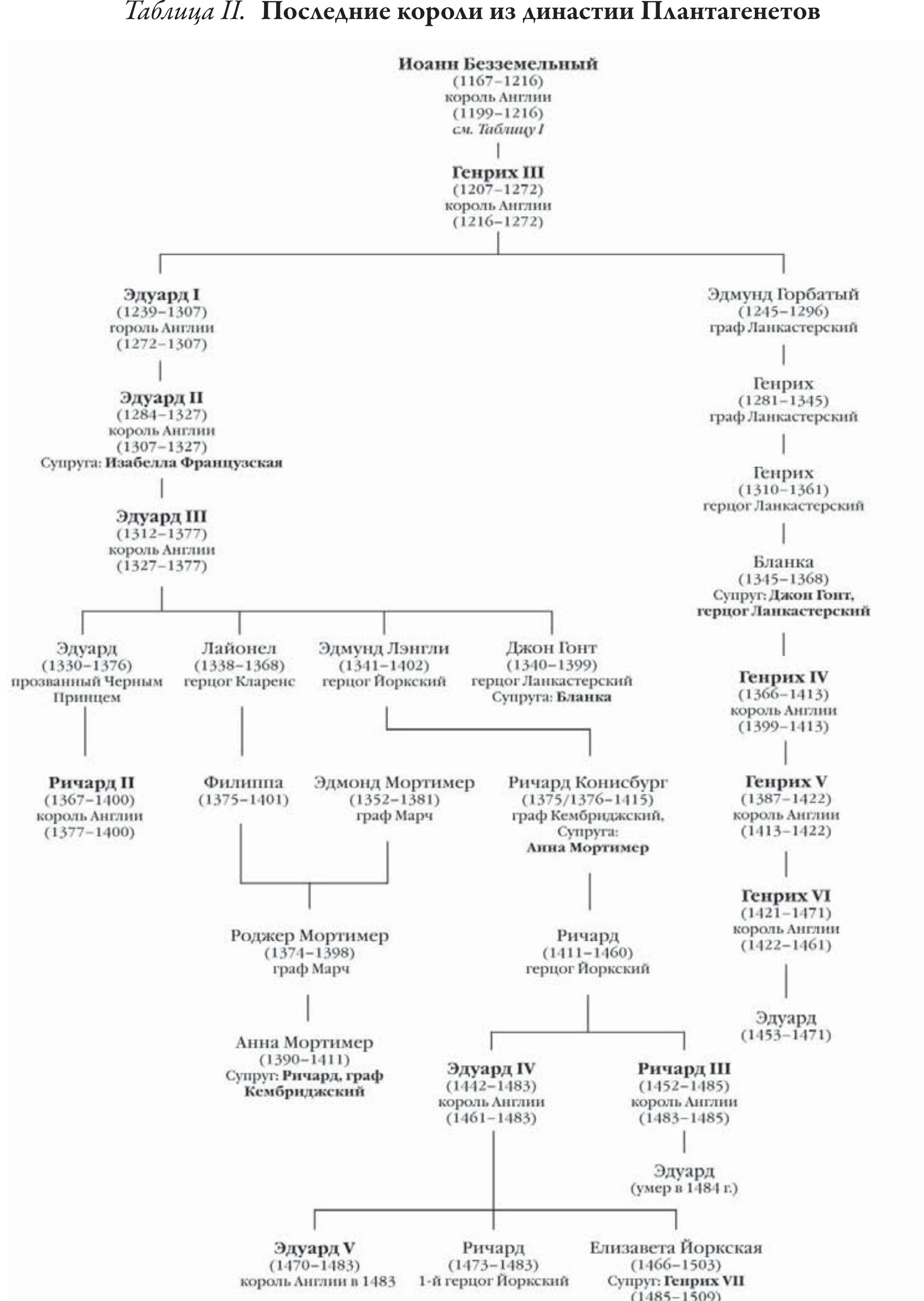


Таблица III. **Дом Тюдоров и шотландская династия Стюартов**

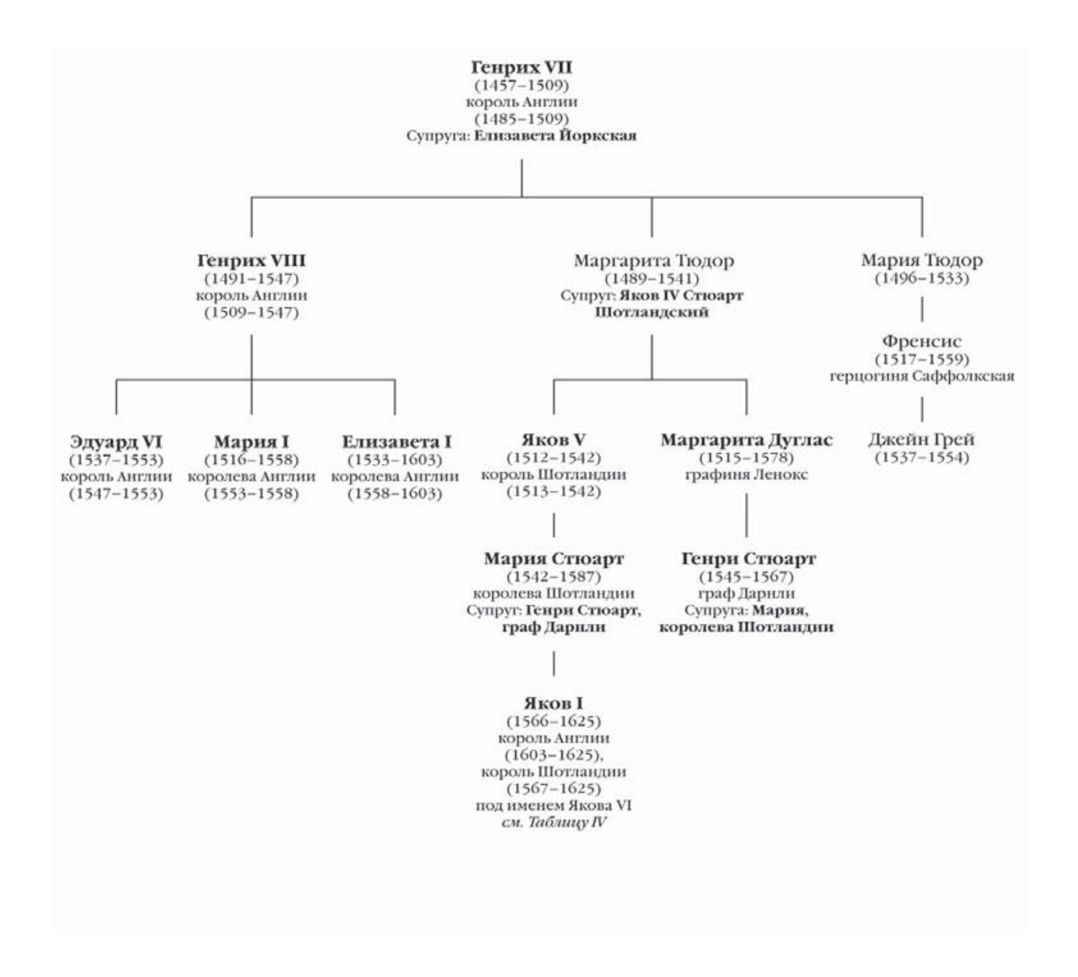


Таблица IV. **Английские короли династии Стюартов**

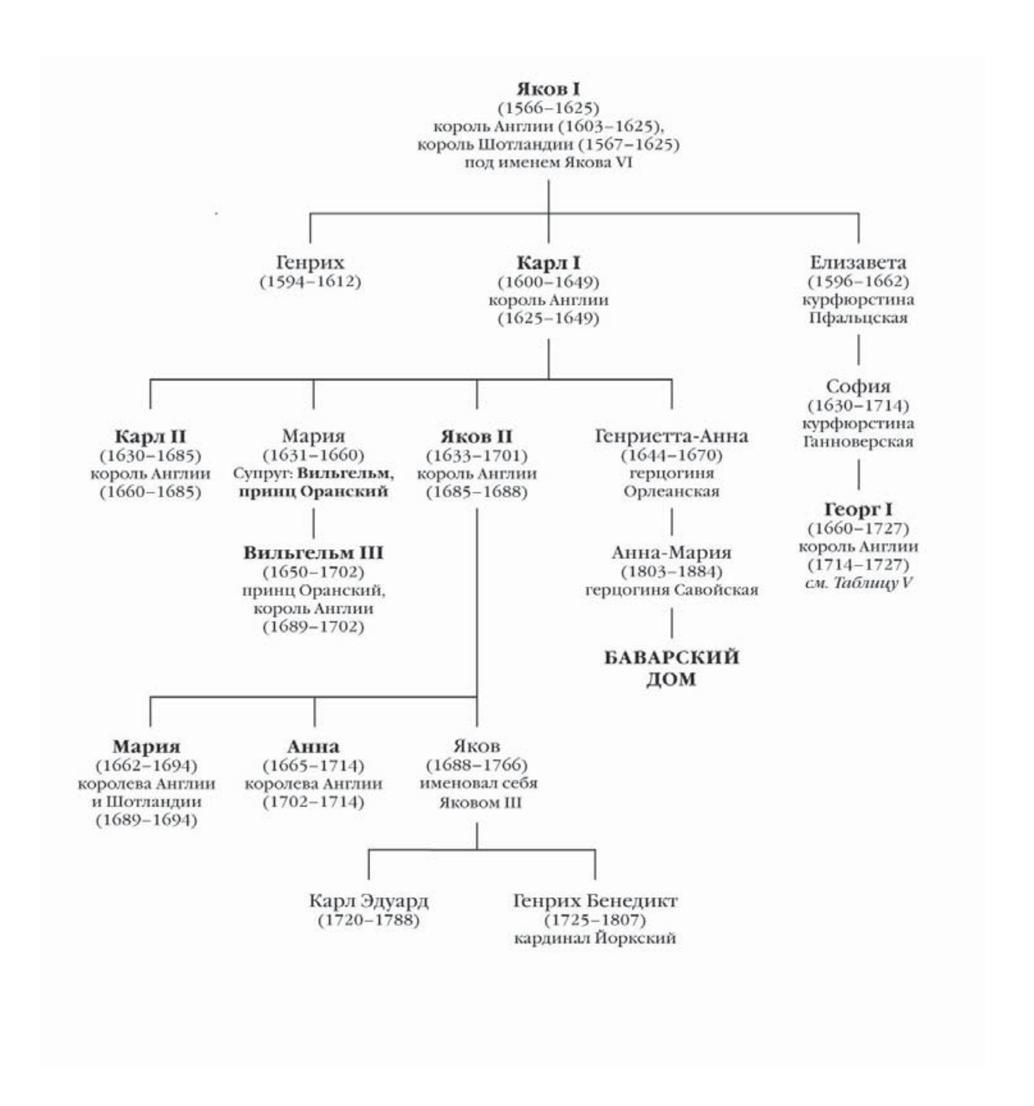
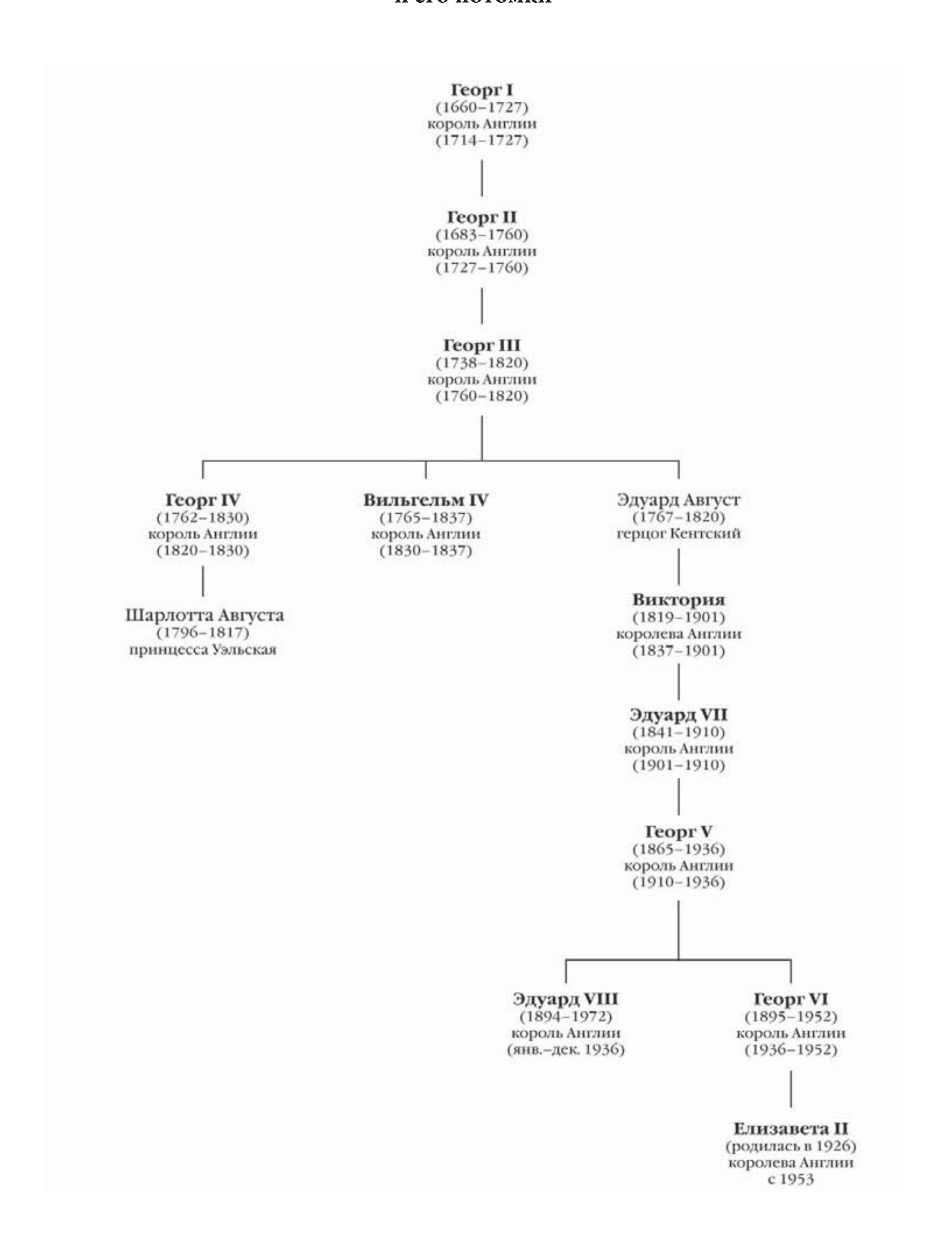


Таблица V. **Георг I (Георг Людвиг, курфюрст Ганноверский) и его потомки**



Словарь

Biblia Vulgata (*лат.* «Общепринятая Библия») — официальный перевод Библии на латинский язык.

Casus conscientiae (*лат.* «недоумение совести») — сложность нравственного порядка, противоречие между долгом и моралью, моралью и законом, дилемма, которую религия разрешает то так, то этак.

Англы (*лат.* Anglii) — древнегерманское племя, в середине V в. (440 н. э.) переселившееся в Британию; в VII—X вв. н. э. англы и саксы слились в единый этнос — англосаксов.

Бифитеры (*англ.* beefeater, букв. «едоки говядины») — неофициальное название воинского подразделения королевской лейб-гвардии, учрежденного при Генрихе VII; церемониальные стражи лондонского Тауэра.

Буасо (*фр.* boisseau) — мера сыпучих тел, равная 12,5 л.

Буры (*нидерл.* boeren — крестьяне) — голландские колонисты на юге Африки.

Вёрджинел (*англ.* virginal, от virgin — дева, барышня) — английская разновидность клавесина XVI в.

Виги (*англ.* whigs) — название английской парламентской либеральной оппозиции, в насмешку придуманное политическими противниками; происходит от *шотл.* whigamore, букв. «погонщики кобыл».

Габель (*фр.* gabelle) — налог на соль.

Галеон (*исп.* galeón, от *фр.* galion) — многопалубное парусное судно XVI–XVIII вв. с артиллерийским вооружением, использовавшееся для военных и торговых целей.

Гомрул (*англ.* home rule — самоуправление) — движение за независимость Ирландии на рубеже XIX–XX вв.

Дамаст — шелковая узорчатая ткань.

Джентри (*англ.* gentry) — английское мелкопоместное дворянство.

Домен (от *лат.* dominium — владение) — в Средние века часть владений короля либо феодала.

Доминион (*англ.* dominion, от *лат.* dominium — владение) — фактически независимое государство в составе Британской империи, признающее главой государства британского монарха.

Драгонады (*фр.* dragonades) — репрессии Людовика XIV в отношении гугенотов; состояли в принудительном постое драгун, реквизициях, поборах и прочих притеснениях.

«Железнобокие» (*англ.* ironsides) — кавалерия армии парламента во времена Гражданской войны; первоначально название конного полка, сформированного в 1642 г. Оливером Кромвелем.

Индепенденты (*англ.* independent — независимый) — приверженцы одного из течений протестантизма, пользовались значительным влиянием во времена Английской революции.

Инсуляризм (от *лат.* insula — остров) — тенденция островного народа ограничиться пределами своего острова и сократить международные отношения.

Йомен (*англ.* yeomen) — в феодальной Англии свободные мелкие землевладельцы, сами обрабатывающие свою землю.

Кавалеры (*англ.* cavalier) — английские роялисты, сторонники англиканской церкви и Карла I во времена Гражданской войны.

Каракка (*ит.* caracca, *исп.* carraca) — парусное судно с прямым вооружением, современное каравелле, но несколько крупнее.

Квакеры (*англ.* quakers, букв. «трясуны») — «Религиозное общество друзей» (Religious Society of Friends), изначально протестантское движение, возникшее в годы Английской революции.

«Круглоголовые» (*англ.* roundheads) — во времена Английской революции сторонники парламента; названы так за короткие стрижки, которые носили в пику противникам *кавалерам*, предпочитавшим длинные волосы.

Куранта (*фр.* courante) — старинный придворный танец.

Левеллеры (*англ.* levellers — уравнители) — радикальное политическое течение во времена Английской революции, отделившееся от индепендентов; противники монархии и аристократии.

Майордом (*лат.* maior domus) — старший по дому, дворецкий; зд. в смысле «подлинный правитель».

Марка (*англ.* march) — приграничная область, порубежье.

Махди — последний пророк после Магомета, которому надлежит появиться перед Судным днем.

«Молодая Англия» (*англ.* «Young England») — политическая группировка в палате общин в 1841–1845 гг., составленная из литераторов и политических деятелей консервативных взглядов во главе с Дизраэли.

Палатинское графство — область, управляемая наследственным дворянином, обладающая особой властью и автономией от остальной части королевства или империи.

«Панч (*англ.* «Punch» — «Удар») — британский еженедельный сатирический журнал, издававшийся с 1841 по 2002 г.

Пикты (либо от *лат.* Picti — раскрашенные, либо от самоназвания) — древнейший из известных народов, населявших территорию Шотландии.

Пороховой заговор (*англ.* Gunpowder Plot) — неудачная попытка английских католиков в 1605 г. взорвать здание парламента, с целью уничтожить симпатизировавшего протестантам Якова I.

Пресвитерианство (от *греч.* πρεσβύτερος — старший) — одно из направлений в протестантизме, опирающееся на учение Жана Кальвина.

Провизор (*лат.* provisor) — ставленник папы римского на выгодную церковную должность в Англии в обход местных кандидатов.

Пэры (*англ.* peers, от *лат.* pares — равные) — представители высшего дворянства, пользующиеся особыми политическими привилегиями.

Работный дом (*англ.* workhouse) — учреждение, задача которого дать кров и работу представителям неимущих слоев общества.

Ректор (от *лат.* rector — правитель, руководитель) — священник, назначенный, как правило, епископом и имевший право на десятину и прочие доходы.

Ректорат — должность, исполняемая священником, которого делегирует епископ.

Рыцарская земля (*англ.* knight's fee — рыцарская плата) — мера площади, равная земельному наделу, достаточному для содержания владеющего им рыцаря, его семьи и слуг, а также обеспечения его всем необходимым для рыцарской службы.

Саксы — древнегерманское племя, разделившееся в III–V вв. н. э. на две ветви, одна из которых, переселившись в Британию, где слилась с англами, участвовала в формировании британского этноса.

Сквайр (*англ.* squire, от *лат.* scutarius — щитоносец) — первоначально титул дворянина, обладающего собственным гербом, но не являющегося пэром или рыцарем.

Скотты (*лат.* Scotti) — группа кельтских племен, в результате слияния с более древним доиндоевропейским населением территории Ирландии образовавшие древнеирландскую народность; часть скоттов переселилась на территорию современной Шотландии.

Статер (*греч.* στᾰτήρ, στᾰτῆρος) — античная монета, ходившая в Древней Греции и Лидии в период примерно с начала V в. до н. э. до середины I в. н. э.

Талья (*фр.* taille) — прямой налог, введенный в средневековой Франции, один из важнейших. Был отменен лишь с приходом Великой французской революции.

Таны (*англосакс.* thanes или thegns) — изначально военные вожди у англосаксов, позже представители мелкой служилой знати. Постепенно меняя свое значение, просуществовало в качестве титула до XVI в.

Тартан — клетчатая шотландская ткань, сочетание цветов которой заменяло кланам гербы.

Тори (*англ.* tory) — английская политическая партия, сложившаяся в конце 1660-х как «партия двора» — группировка сторонников абсолютной власти короля Карла II. С середины XIX в. — Консервативная партия.

Туле (*лат.* Thule, *греч.* Θούλη, Фула) — легендарный остров на севере Европы, описанный греческим путешественником Пифеем (ок. 380 — ок. 310 до н. э.), в Средние века, согласно одной из версий, считался частью Британии.

«Фелония» (*фр.* felonie, *англ.* felony) — термин, изначально обозначавший нарушение вассальной верности, позже стал обозначением тяжкого преступления вообще.

Фирд (*англосакс.* fyrd) — национальное ополчение, созываемое королем для защиты территории страны от внешней агрессии.

Хедив — титул египетского наместника султана во время зависимости Египта от Турции с 1867 по 1914 г.

Хид (*англ.* hide) — мера площади, равная земельному наделу, достаточному для содержания одной семьи.

Хор (от *греч.* χορός — групповой танец) — в западноевропейских храмах восточная (алтарная) часть здания до апсиды.

Хускарлы (*ст.-норв.* huskarl, *англ.* housecarl) — элитное войско, королевская гвардия.

Чартизм (*англ.* chartism) — социальное и политическое движение в Англии в 1836–1848 гг., получившее имя от Народной хартии, петиции, поданной в 1839 г. парламенту представителями движения.

Экюаж — денежный налог, вносимый вместо исполнения воинской повинности.

Элдорман — в средневековой Англии королевский чиновник, назначавшийся с согласия «совета мудрейших» из правителей местной знати для управления территорией графства.

Источники

Основные источники

История Европы. — H. A. L. Fisher: *Histoire de l'Europe*. — Halphen et Sagnac: *Peuples et Civilisation.* — Lavisse et Rambaud: *Histoire Generale.*

История Англии. — J. R. Green; G. M. Trevelyan; A. F. Pollard: *Dictionary of National Biograph; Sir Charles Oman: A History of England*.

История общественных установлений. — W. Stubbs; W. Bagehhot; F. W. Maitland, Boutmy: *Developpement de la Constitution en Angleterre*. — Tocqueville: *l'Ancien Régime et la Révolution*. — A. F. Pollard: *Factors in Modern History.* — Adams: *Constitutional History of England.*

Экономическая история. — Thorold Rogers: *Six Centuries of Work and Wages*. — Prothero: *English Farming, Past and Present.* — Cunningham: *English Industry and Commerce.* — Ashley: *Introduction to English Economic History.* — Dowell: *History of Taxation.* — Miss Ch. Waters: *Economic History of England.*

Общественная жизнь. — Traill: *Social England.* — Wingfield Stratford: *History of British Civilisation.* — Synge: *History of Social Life in England.*

История языка. — Logan Pearsall Smith: *The English Language.*

История литературы. — Legouis et Cazamian: *A History of English Literature.* — Whitehead: *Science and the Modern World.* — *Political Thought in England from Bacon to Halifax.*

Внешняя политика. — *Cambridge History of Foreign Policy.* — Bourgeois: *Manuel Historique de Politique Etrangère.*

Книга первая

Mackinder: *Britain and British Seas;* Oman: *England before the Norman Conquest;* Belloc: *The Old Road;* Hubert: *Les Celtes* (Collection de Synthèse Historique); Haverfield: *Roman Occupation;* Collingwood: *Roman Britain; Anglo-Saxon Chronicle;* Bede's: *Ecclesiastical History; Beowulf;* Beatrice Lees: *Alfred;* Chadwick: *Heroic Age;* Vinogradoff: *Growth of the Manor;* M. Bloch: *Caractères originaux de l'histoire rurale française;* Freeman: *William the Conqueror; History of the Norman Conquest.*

Книга вторая

Davis: *England under the Normans and the Angevins;* Petit-Dutaillis: *Monarchie féodale en France et en Angleterre;* Vinogradoff: *English Society in the Eleventh Century;* Powicke: *Mediaeval England;* Maitland: *Domesday Book and beyond;* Oman: *Art of War in the Middle Ages;* A. F. Pollard: *Evolution of Parliament;* J. H. Round: *Feudal England;* Calmette: *Société Féodale;* Coulton: *Social Life in Britiain; Life in the Middle Ages*; Salzmann: *English Life in the Middle Ages;* Bemont: *Vie de Simon de Monfort.*

Книга третья

Vickers: *England in the later Middle Ages;* Powicke: *Mediaeval England;* Trevelyan: *England in the ages of Wycliffe;* Tout: *Edward I;* Mrs. J. R. Green: *Henry II;* Gairdner: *Richard III; Paston Letters;* Chaucer: *Canterbury Tales;* Abram: *English Life and Manors in the later Middle Ages;* Coulton: *Chaucer and his England.*

Книга четвертая

Innes: *England under the Tudors;* Kath. Garvin: *The Great Tudors;* Pollard: *Henry VIII;* Pollard: *Cranmer;* Neale: *Elizabeth;* Evelyn Waugh: *Campion;* Lytton Strachey: *Elizabeth and Essex;* Callender: *Naval Side* of *British History;* Colbett: *Drake and the Tudors Navy;* Hakluyt, Trotter: *Seventeenth Century Life in Country Parish;* Sir Charles Oman: *The Sixteenth Century;* H. Saint-Clair Byrne: *Elizabethean Life.*

Книга пятая

Trevelyan: *England under the Stuarts;* Gardiner: *History of England (1603–1642);* Clarendon, Dowden: *Puritan and Anglican;* Charles I: *Letters;* Charles II: *Letters;* Vie de Cromwell par Firth, Fr. Harrison et John Buchan; Carlyle: *Cromwell's Letters and Speeches;* Arthur Bryant: *Charles II;* John Hayward: *Charles II;* Traill: *Shaftesbury; Journal* de Pepys; *Letters* of Dorothy Osborn to

Sir William Temple; Carola Oman: *Henrietta-Maria of France;* Vie du *Colonel Hutchinson;* Briant: *The England of Charles II.*

Книга шестая

Queen Ann: *Letters;* Winston Churchill: *Marlborough;* W. Sichel: *Bolingbroke;* Morley: *Walpole;* F. S. Oliver: *The Endless Adenture;* Harrison: *Chatham;* Rosebery: *Pitt;* Basil Williams: *Pitt;* Dobree: *England under the Hannoverians;* Thackeray: *The Four Georges;* Sir Charles Petrie: *The Four Georges, A Revaluation;* Shane Leslie: *Georges IV;* Holland Rose: *Revolutionary and Napoleonic Era;* Sorel: *Europe et Révolution Française;* Van Tyne (sur la révolution américaine); Hammond: *Village Labourer;* Mantoux: *Révolution Industrielle;* Adam Smith: *Welth of the Nations;* Turberville: *English Men and Manners in the Eighteenth Century.*

Книга седьмая

Elie Halévy: *Histoire du Peuple Anglais au XIX siecle;* Marriott: *England since Waterloo;* Trevelyan: *Lord Grey of the Reform Bill;* Chesterton: *Cobbett;* Queen Victoria: *Letters;* Lytton Strachey: *Queen Victoria;* Edith Sitwell: *Victoria of England;* Monypenny and Buckle: *Disraeli;* Morley: *Gladstone;* Disraeli: *Life of Lord George Bentinck;* Sir Sydney Lee: *Edward VII;* Maurois: *Eduard VII et son temps;* Ladie Gwendolen Cecil: *Lord Salisbury;* Grewe: *Lord Rosebery;* Basil Williams: *Cecil Rhodes;* Duff-Cooper: *Haig;* Harold Nicolson: *Lord Carnock, Lord Curson and Peacemaking;* G. M. Young: *Early Victorian England;* Hearnshaw: *Edwardian England;* Marriott: *Modern England* (1875–1932).

Именной указатель

Аарон из Линкольна (XII в.), банкир 90
Абеляр, Пьер (1079–1142), западноевропейский философ и литератор 128
Абердин, Джордж Гамильтон Гордон (1784–1860), 4-й граф, английский политический деятель, один из лидеров партии тори 484, 488–490
Августа Саксен-Готская (1719–1772), принцесса Уэльская, мать Георга III 416
Августин (ум. 604), приор, первый архиепископ Кентерберийский 43–45
Августин (354–430), святой, христианский теолог и философ 180
Агрикола, Гней Юлий (40–93 н. э.), римский полководец и государственный деятель 29–31
Адам, братья Джеймс (1732–1794) и Роберт (1728–1792), архитекторы, создатели стиля «Адам» 401
Аддингтон, Генри (1757–1844), позже 1-й виконт Сидмут, британский государственный деятель 433, 464
Аддисон, Джозеф (1672–1719), английский писатель и политический деятель, основатель журнала «Спектейтор» 382, 402
Адела Нормандская (1062/1067 — ок. 1137), дочь Вильгельма I Завоевателя, мать английского короля Стефана Блуаского 68, 98
Адриан (76–138), римский император 31—33, 157
Адриан (ум. 710), аббат 48
Айртон, Генри (1611–1651), зять Оливера Кромвеля 327–329
Александр I (1777–1825), российский император 435–436
Александр II (1818–1881), российский император 490, 493
Александр III (1241–1286), король Шотландии, дед Маргарет Норвежской Девы 159
Александр III (1105–1181), папа римский 103
Александр VI (1431–1503), папа римский 259
Александр Македонский (356–323 до н. э.), один из величайших полководцев и государственных деятелей Древнего мира 431
Аллен, Уильям (1532–1594), синдикалист-реформатор 487
Альенора Аквитанская (1124–1204), жена Генриха II 100, 104–105, 111
Альберони, Джулио (Хулио; 1664–1752), кардинал 392
Альберт, Саксен-Кобургский (1819–1861), принц-консорт, супруг королевы Виктории 479, 483, 492, 494, 497, 502, 511, 526
Аль-Капоне (1899–1947), гангстер 404
Алькуин (ок. 735–804), ученик Эгберта, один из вдохновителей «каролингского Возрождения» 48–49, 129
Альфред Великий (ок. 849–899), король Уэссекса 46, 51, 57–61, 75, 78, 129

Анна (1665–1714), королева Англии, вторая дочь Якова II и Анны Хайд 362, 380–382, 386, 454
Анна Австрийская (1601–1666), королева Франции, супруга Людовика XIII 301
Анна Богемская (1366–1394), первая жена Ричарда II 189
Анна Болейн (ок. 1501/1507–1536), вторая жена Генриха VIII 230, 232–235, 239–240
Анна Клевская (1515–1557), немецкая принцесса, четвертая жена Генриха VIII 239
Анна Хайд (1637–1671), первая супруга Якова II; мать двух английских королев: Марии (супруги Вильгельма III Оранского) и Анны 352, 354
Ансельм, Бек-Эллуинский (1033–1109), приор, потом архиепископ Кентерберийский 94–95, 102, 150
Аристотель (384–322), древнегреческий философ 128–129, 131, 222, 306
Арк, Жанна д' (1412–1431), национальная героиня Франции 182, 193–195
Аркрайт, Ричард (1732–1792), изобретатель 443
Арлетта (Герлева, Гарлева; ок. 1003 — ок. 1050), дочь кожевенника из Фалеза, мать Вильгельма I Завоевателя 66
Арчибальд Кэмпбелл (1629–1685), 9-й герцог Аргайл, государственный деятель Шотландии 359
Арминий, Якоб (1560–1609), голландский епископ, протестантский богослов 304
Арнольд, Мэтью (1822–1888), английский литературовед, культуролог, поэт, эссеист, педагог 524, 527
Арну, Софи (1740–1802), французская актриса и певица 455
Артевельде, Якоб ван (ок. 1290–1345), фламандский политический деятель, глава купцов Гента 163
Артуа, Робер III д' (1287–1342), феодал, граф, пэр Франции, член Королевского совета 163
Артур (1486–1502), принц Уэльский, старший брат Генриха VIII 228, 231
Артур (Арториус; кон. V — нач. VI в.), король 25, 35, 149
Артур I Бретонский (1187–1203), герцог, сын Джеффри, графа Бретонского, сына Генриха II 111, 117, 121
Асквит, Герберт Генри (1852–1928), позже граф Оксфорд, британский государственный и политический деятель 532, 534, 536, 538
Ательстан (ок. 894–941), король (924–941) 61, 77

Бадби (ум. 1410), портной, сожженный по обвинению в отрицании пресуществления 182
Байрон, Джордж Гордон (1788–1824), английский поэт 453, 455, 462, 466, 478, 497
Байрон, Уильям (1722–1798), дед поэта, 5-й лорд Байрон (по прозвищу Дурной Лорд) 405, 437
Бардет, Фрэнсис (1770–1844), британский политический деятель 462
Барди, флорентийское семейство 175
Барнет, Гилберт (1643–1715), епископ Солсберийский 375
Барроу, Исаак (1630–1677), английский математик, филолог и богослов 367
Батлер, Сэмюел (1613–1680), автор «Гудибраса» 366
Батлер, Сэмюэл (1835–1902), автор романа *Erewhon* 527
Бе́да Достопочтенный (672/673–735), англосаксонский теолог и летописец 34, 42, 44, 48, 60, 129
Бек Антоний (ум. 1311), епископ Даремский 133
Беквелл, Роберт (1725–1795), селекционер 440

Бекет, Томас (1118–1170), секретарь Теобальда, канцлер, архиепископ Кентерберийский, святой-мученик 101–104, 130, 150, 157, 206, 237
Бекингем, Джордж Вильерс (1592–1628), 1-й герцог, английский государственный деятель 293–294, 297–303, 305
Бекингем, Джордж Вильерс (1628–1687), 2-й герцог, член «кабаля», кабинета министров Карла II 351, 353, 364, 367
Бенедикт Нурсийский (480–547), святой, родоначальник западного монашества 43, 133
Беннет, Арнольд (1867–1931), английский романист и драматург 527
Беннет, Генри (1618–1685), 1-й граф Арлингтон, член «кабаля», кабинета министров Карла II 353
Бентам, Джереми (1748–1832), английский правовед, философ, экономист и общественный деятель 480, 513
Бентивольо, Гвидо (1577–1644), кардинал 257
Бентинк, Джордж (1802–1849), лорд, политический деятель 483
Беньян, Джон (1628–1688), английский писатель, автор книги «Путь паломника» 344, 366
Бербонс, Прайсгод (ок. 1598–1679), английский кожевенник, самодеятельный проповедник 338
Бернард (Клервосский; 1091–1153), католический святой 133
Бетховен, Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор 462
Бёрд, Уильям (1543–1623), английский композитор 281
Бёрк, Эдмунд (1729–1797), английский политический деятель 369, 422, 427–428, 453, 455
Бинг, Джон (1704–1757), адмирал 411
Бисмарк, Отто фон (1815–1898), государственный деятель Германии 537
Битон, Дэвид (ок. 1494–1546), кардинал 269
Бланка, герцогиня Ланкастерская (1345–1368), супруга Джона Гонта 172
Блейк, Роберт (1599–1657), английский адмирал 340
Блейк, Уильям (1757–1827), поэт, художник 453
Блерио, Луи (1872–1936), французский изобретатель, авиатор, первым пересек Ла-Манш на аэроплане 528
Блуа, Пьер де (ок. 1130–1203), богослов 105–106
Блэкстоун, сэр Уильям (1723–1780), английский юрист и писатель 214
Бодуэн V Благочестивый (1012/1013–1067), граф Фландрский, отец Матильды, жены Вильгельма I 66
Бойль, Роберт (1627–1691), британский физик, химик, богослов 367
Боккаччо, Джованни (1313–1375), итальянский писатель, автор «Декамерона» 278
Болдуин, Стэнли (1867–1947), британский политик 548, 550–552
Болл, Джон (ок. 1330–1381), английский священник 184, 186
Бомонт, Луи де (1472–1492), епископ Даремский 130
Бомонт, Фрэнсис (ок. 1584–1616), драматург 365
Бонифаций VIII (ок. 1235–1303), папа римский 150
Борн, Бертран де (ок. 1140–1215), трубадур, провансальский поэт, виднейший представитель средневековой литературы 111
Боссюэ, Жак-Бенинь (1627–1704), епископ Мо 366, 368
Босуэлл, Джеймс Хепбёрн (ок. 1535–1578), 4-й граф, третий муж Марии Стюарт 272–273
Бота, Луис (1862–1919), бурский генерал 526

Боудикка, или Боадицея (ум. 61), королева бриттов 28
Бофорт, Эдмонд (ок. 1406–1455), герцог Сомерсет, английский военачальник 197
Боэций (ок. 480–524), римский государственный деятель 60
Брайт, Джон (1811–1889), английский политик 531
Бранденбургский дом, династия Гогенцоллернов, курфюрстов Бранденбургских 414
Браунинг, Роберт (1812–1889), английский поэт и драматург 526
Бретёй, Гийом де (ум. 1189), английский аристократ, казначей 95
Бриан, Юбер де (1690–1777), граф де Конфлан, французский морской офицер, маршал 412
Бронте, сестры Шарлотта (1816–1855), Эмили (1818–1848) и Энн (1820–1849), писательницы 526
Брэндон Чарльз (ок. 1484–1545), 1-й герцог Саффолк, фаворит и зять английского короля Генриха VIII Тюдора 227
Брюс, Джеймс (1811–1863), 8-й граф Элджин, генерал-губернатор, колониальный деятель 516
Брюс, Роберт (ок. 1215–1295), 5-й лорд Аннандейл, претендент на корону Шотландии 268
Брюс Роберт I (1274–1329), граф Каррик, 7-й лорд Аннандейл, король Шотландии, внук Роберта Брюса, 5-го лорда Аннандейл 159–160
Буали, Луи-Леопольд (1761–1845), французский живописец и гравер 453
Буало, Николя (1636–1711), французский поэт, критик, теоретик классицизма 366, 401
Бурбоны, династия 380, 409, 412, 414, 422, 436
Бург, Хьюберт де (ок. 1160–1243), 1-й граф Кент, один из влиятельных баронов во времена правления Иоанна Безземельного и Генриха III 137
Бурдалу, Луи (1632–1704), французский священник и религиозный писатель 368
Бьют, Джон Стюарт (1713–1792), 3-й граф, английский государственный деятель 413, 416–417
Бэйджхот, Уолтер (1826–1877), британский экономист и политический философ 497–498
Бэкон, Роджер (ок. 1214–1294), философ, автор *Opus Majus* 131–132, 136
Бэкон, Фрэнсис (1561–1626), барон Веруламский, виконт Сент-Олбенский, философ 213, 298, 367, 494
Бэринг, Ивлин (1841–1917), позже лорд Кроумер, английский политический деятель 510
Бюлов, Бернхард, фон (1849–1929), князь, немецкий государственный и политический деятель 532

Валера́, Имон де (1882–1975), президент Ирландии (1959–1973) 549
Ванбру, Джон (1664–1726), архитектор 498
Ван Дейк, Антонис (1599–1641), фламандский живописец 299, 401
Ванситтарт, Николас (1766–1851), канцлер 461
Варенн, Джон, граф де (ок. 1231–1304), английский аристократ 150
Вашингтон, Джордж (1732–1799), военачальник, первый президент США 421
Вейн, Генри (1613–1662), известный парламентарий 312, 327, 338
Веллингтон, Артур Уэлсли (1769–1852), 1-й герцог, британский полководец и государственный деятель 430, 435–436, 453, 464, 466, 468–469, 471, 474, 494, 499, 543

Вер, Джон де (1442–1513), 13-й граф Оксфорд, английский аристократ и военачальник 216
Вергилий (70–19 до н. э.), римский поэт 35, 206, 423
Верней, Эдмунд (1590–1642), рыцарь-маршал и знаменосец Карла I 299, 319
Вийон, Франсуа (1431/1432 — после 1463), французский поэт 61
Виктория (1819–1901), королева Англии 57, 479, 498, 520, 526-528
Вилар, Клод Луи Эктор (1653–1734), французский полководец, маршал 383
Вилфрид (634–709), католический епископ 47, 77
Вильгельм, епископ Лондона 89
Вильгельм из Мальмсбери (ок. 1090–1143), хронист 75
Вильгельм Незаконнорожденный (ок. 1027/1028–1087), потом Вильгельм I Завоеватель, король Англии (с 1066) 62, 65–70, 72, 75–76, 78, 80–85, 89, 91, 96, 121, 143,149–150, 326
Вильгельм Клитон (1102–1128), сын Роберта Нормандского, внук Вильгельма I 98
Вильгельм II Руфус (ок. 1056/1060–1100), сын Вильгельма I, король Англии (1087–1100) 91–92, 94, 150
Вильгельм Аделин (1103–1120), первый сын короля Генриха I 97
Вильгельм III (принц Оранский; 1650–1702), король Англии (с 1689) 347, 352, 354, 361–363, 369, 373–380, 382–383, 408, 538
Вильгельм IV (1765–1837), герцог Кларенс, брат Георга IV, король Англии (с 1830) 470, 474, 479
Вильгельм II Гогенцоллерн (1888–1918), император Германии (с 1888) 528
Вильерс, Барбара (1640–1709), леди Каслмейн, герцогиня Кливлендская, любовница Карла II 347–348, 364, 381
Виттингтон, Ричард (ок. 1354/1358–1423), трижды лорд-мэр Лондона 174
Вобан, Себастьен Ле Претр (1633–1707), маркиз, французский военный инженер, маршал Франции 383
Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ (1694–1778), философ, писатель 224, 387, 406
Вордсворт, Уильям (1770–1850), английский поэт 453
Вортигерн (ум. 480), король бриттов 34
Вудсток, Эдмунд (1301–1330), 1-й граф Кент, тесть Черного Принца 172
Вулф, Джеймс (1727–1759), британский военный деятель 412, 415

Габсбурги, династия 283, 409
Гавестон, Пьер (ок. 1284–1312), гасконец, фаворит Эдуарда II 161
Галеви, Эли (1870–1937), французский историк 496
Галилей, Галилео (1564–1642), итальянский физик, математик, инженер и астроном 129
Галифакс, Джордж Сэвил (1630–1695), 1-й маркиз, английский государственный деятель 356–357, 361, 381
Галлей, Эдмунд (1656–1742), астроном 367
Гальба (3–69 н. э.), римский император (68–69) 550
Гамильтон, Антуан (1646–1720), французский писатель шотландского происхождения, автор «Мемуаров графа де Грамона» 364
Гардинер, Стефан (ок. 1483–1555), королевский секретарь 232
Гарнет, Генри (1555–1606), провинциал иезуитов 290
Гарибальди, Джузеппе (1807–1882), итальянский политический деятель 492
Гарольд II Годвинсон (ок. 1022–1066), последний англосаксонский король 55, 66, 68–70, 76

Гаррик, Дэвид (1717–1779), выдающийся английский актер 401
Гастингс, Уоррен (1732–1818), британский государственный деятель 424
Гауэр, Джон (ок. 1330–1408), английский поэт 172
Гей, Джон (1685–1732), английский поэт и драматург, автор «Оперы нищих» (*Beggar's Opera*) 404
Гейнсборо, Томас (1727–1788), английский живописец 401–402
Гексли, Томас Генри (1825–1895), биолог, сподвижник Дарвина 511
Гендель, Георг Фридрих (1685–1759), немецкий композитор 401
Генриетта-Анна Английская (1644–1670), дочь Карла I, сестра Карла II, супруга Филиппа, герцога Орлеанского, брата Людовика XIV 287, 347, 354
Генриетта-Мария (1609–1669), дочь короля Франции Генриха IV, супруга короля Англии Карла I 300
Генрих I (1068–1135), третий сын Вильгельма I, король Англии 75, 95–98, 118, 143, 230
Генрих II Плантагенет (1133–1189), король Англии 90–91, 95, 99–107, 109–113, 117–121, 130, 143,150, 157
Генрих III (1207–1272), сын Иоанна Безземельного, король Англии 125, 137–41,144, 157, 158
Генрих IV (1366–1413), сын Джона Гонта, король Англии 189–191, 196
Генрих V (1387–1422), король Англии 182, 189, 191–193, 196
Генрих VI (1421–1471), король Англии 189, 193–195, 197–199
Генрих VII Тюдор (1457–1509), король Англии 57, 201–202, 208, 211–212, 215–216, 222, 226, 244, 252–253, 268, 279, 287
Генрих VIII (1491–1547), король Англии 159, 174, 224, 226–233, 235, 237–240, 243, 245–246, 250, 257, 264, 284
Генрих (1155–1183), старший сын Генриха II 110, 113
Генрих Ланкастерский (1281–1345), 3-й граф Лестер и Ланкастер, внук Генриха III 189–190
Генрих, герцог Ланкастерский (1310–1361), правнук Генриха III и дед Генриха IV 189
Генрих, принц Уэльский (1594–1612), старший сын Якова I 297
Генрих Бенедикт Стюарт (1725–1807), сын Якова III Стюарта, позже кардинал Йоркский 385
Генрих IV (1050–1106), император Священной Римской империи 94
Генрих V (1081/1086–1125), император Священной Римской империи, муж Матильды, дочери Генриха I 98
Генрих VI (1165–1197), император Священной Римской империи 115
Генрих II (1519–1559), король Франции, отец Франциска II и свекор Марии Стюарт 268
Генрих IV Наваррский (1553–1610), король Франции 227, 245, 300, 347
Георг, принц Датский (1653–1708), супруг королевы Анны 381
Георг I (1660–1727), король Англии 386–392
Георг II (1683–1760), король Англии 392–393, 410, 412, 454
Георг III (1738–1820), король Англии 386, 412, 415–416, 418–420, 422–423, 425, 438, 440, 462, 465, 469
Георг IV (1762–1830), король Англии (сначала принц-регент) 462, 465, 470
Георг V (1865–1936), король Англии 536, 550
Георг VI (1895–1952), король Англии, младший брат отрекшегося от престола Эдуарда VIII 552
Геринг, Герман (1893–1946), политический, государственный и военный деятель нацистской Германии 556

Герлуин (995/997–1078), рыцарь, вассал дяди Вильгельма I, графа Жильбера Брионского; удалившись от мирской жизни, основал в собственных, переданных Церкви владениях Бекское аббатство. Стал его первым настоятелем 65
Германий, святой (ок. 378–448), епископ Оксера 35
Гиббон, Эдуард (1737–1794), английский историк 447
Гизо, Франсуа (1787–1874), французский историк 55
Гийом Коншский (ок. 1080 — ок. 1154), средневековый философ, теолог 77, 128
Гильдас (ок. 516–569/570), хронист 35
Гильдебранд — см. Григорий VII
Гитлер, Адольф (1889–1945), лидер германской фашистской партии, глава германского фашистского государства 552–553, 555, 558, 560
Гладстон, Уильям (1809–1898), английский государственный деятель 484, 497, 503–511, 516, 520, 521–522, 532, 534
Гланвиль (Гленвилл, Гланвилль), Ранульф де (ум. 1190), правовед, юстициарий короля Генриха II Плантагенета 110
Глостер, Хэмфри (1390–1447), герцог, сын Генриха IV, дядя Генриха VI 193, 200
Гоббс, Томас (1588–1679), философ, автор «Левиафана» (1651) 295, 367, 398
Говард, Бернард-Эдуард (1765–1842), 12-й герцог Норфолк, сын Генри Говарда 359
Говард, Генри (1655–1701), 7-й герцог Норфолк, граф-маршал, лорд-лейтенант Суррея, Беркшира и Норфолка 359
Говард, Джон (1421/1428–1485), 1-й герцог Норфолк, английский военачальник 200
Говард, Томас (1536–1572), 4-й герцог Норфолк, английский государственный деятель 273
Говард, Чарльз (1536–1624), 1-й граф Ноттингем, адмирал 264
Годвин (ок. 1001–1053), отец последнего англосаксонского короля Гарольда 65–66, 68
Годольфин, Сидни (1645–1712), английский государственный деятель 382
Годфри, *рив* лондонской гавани 89
Годфри, сэр Эдмунд Берри (1621–1678), английский судья и ярый сторонник протестантизма 355–356
Голдсмит, Оливер (1730–1774), писатель 406, 453
Голль, Шарль де (1890–1970), французский военный и политический деятель 555
Голсуорси, Джон (1867–1933), английский писатель 527
Гольбейн, Ганс (1497–1543), немецкий живописец 401
Гомер (VIII в. до н. э.), древнегреческий поэт 24, 50
Гонт, Джон (1340–1399), сын короля Эдуарда III, герцог Ланкастерский 172, 176, 182, 186–187, 189, 196, 202, 211
Гораций, Квинт Флакк (65 до н. э. — 8 н. э.), римский поэт 222, 401
Гордон, Чарльз Джордж (1833–1885), английский генерал 510, 520, 523
Горчаков, Александр (1798–1883), князь, русский дипломат и государственный деятель 493
Госс, Эдмунд (1849–1928), английский писатель, автор книги «Отец и сын» 498
Готье, Юбер, архиепископ Кентерберийский 115
Грасс, Франсуа Жозеф Поль, граф де (1722–1788), французский адмирал 422

Грациан (359–383), римский император 33
Грей, Генри (1802–1894), 3-й граф Грей, английский государственный деятель 471–472, 474, 476, 478
Грей, Джейн (1537–1554), правнучка Генриха VII, королева-узурпаторша 244-245
Грей, Чарльз (1764–1845), 2-й граф Грей, видный британский политик от партии вигов 427
Грей, Эдвард (1862–1933), позже виконт Грей Фаллодон 532, 538
Гренвиль, Джордж (1712–1770), английский государственный деятель 417–418, 433
Грешем, Томас (1519–1579), финансист королевы Елизаветы 263
Григорий I Великий (ок. 540–604), римский папа, святой 43, 60
Григорий VII (Гильдебранд; 1020/1025–1085), римский папа, святой 67, 69, 82, 93, 133, 177
Гростест, Роберт (ок. 1170–1253), епископ Линкольнский 132, 140
Гуро, Анри (1867–1946), генерал 543
Гутрум (ум. 890), конунг 58

Давид III ап Грифид (1235–1283), брат Лливелина ап Грифида 158–159
Давид, Жак Луи (1748–1825), французский живописец 453
Дадли, Джон (1502–1553), 1-й герцог Нортумберленд, граф Уорик, английский государственный деятель 244–245
Дадли Джон (ок. 1527–1554), 2-й граф Уорик, английский аристократ, сын Джона Дадли, герцога Нортумберленда 244
Данби, Томас Осборн (1632–1712), 1-й граф, позже 1-й герцог Лидс, английский политический деятель 361, 363
Даннинг, Джон (1731–1783), английский юрист и государственный деятель 422
Данте, Алигьери (1265–1321), итальянский поэт 206
Дантон, Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции 454
Дарвин, Чарльз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, автор «Происхождения видов» 501, 511, 527
Деверё, Роберт (1565–1601), 2-й граф Эссекс, фаворит королевы Елизаветы 253, 274-276
Деверё, Роберт (1591–1645), 3-й граф Эссекс, полководец парламентской армии 319, 357
Девоншир, Спенсер Комптон (1833–1908), лорд Хартингтон, потом 8-й герцог, английский государственный деятель 499, 522
Дерби, Эдвард Джеффри Смит-Стэнли (1799–1869), 14-й граф, английский государственный деятель 484, 503–504
Декарт, Рене (1596–1650), французский философ, физик, математик 366
Делькассе, Теофиль (1852–1923), французский дипломат, государственный деятель 523, 531
Дефо, Даниель (ок. 1660–1731), писатель и публицист 382, 401
Джаджиз (1903–1988), историк 5
Джарвис, Джон (1735–1823), английский адмирал 429
Джеймс, Артур (1848–1930), позже граф Бальфур, британский государственный деятель 522, 529, 532, 561
Джеймсон, Линдер Старр (1853–1917), британский политический деятель 516
Дженкинс Роберт (ум. 1745), капитан, английский купец и моряк, получив-

ший известность как протагонист «войны за ухо Дженкинса», колониального конфликта между Англией и Испанией (1739–1742) 394–395
Джеральд Валлийский (ок. 1146 — ок. 1223), священнослужитель, автор «Истории завоевания Ирландии» 105, 110, 113, 130
Джеффри II Плантагенет (Годфри, Жоффруа; 1158–1186), граф Бретонский, сын Генриха II 110–111
Джеффрис, Джордж (1645–1689), верховный судья 359
Джиффард Уолтер (1225–1279), лорд-канцлер Англии, архиепископ Йоркский 112
Джойс, корнет, во время Английской революции захватил замок Холмби, где находился король Карл I 327
Джон (Иоанн) Ланкастерский (1389–1435), 1-й герцог Бедфорд, регент Франции, сын Генриха IV, дядя Генриха VI 193–194, 195
Джонс, Иниго (1573–1652), английский архитектор 498
Джонсон, Бен (1572–1637), поэт, драматург, актер 279
Джонсон, Сэмюэл (1709–1784), доктор, английский писатель, лексикограф, критик 402, 447, 453, 455, 516
Дигби, Джон (1580–1653), лорд, 1-й граф Бристольский 313–314
Дизраэли, Бенджамин (1804–1881), позже 1-й граф Бэконсфилд, английский государственный деятель 346, 369, 386–387, 475, 480, 483–484, 493–494, 499, 503–509, 511, 521, 524, 553
Диккенс, Чарльз (1812–1870), писатель 475–476, 495, 502, 526
Диоклетиан (245–313), римский император 33
Доминик, святой (1170–1221), основатель ордена братьев-проповедников 134
Дон Хуан Австрийский (1547–1578), незаконнорожденный сын императора Карла V 273
Драйден, Джон (1631–1700), сатирик, английский поэт, драматург, критик 354, 366
Дрейк, Фрэнсис (ок. 1540–1596), английский мореплаватель, адмирал 262–264, 295, 297, 468
Дуглас, Маргарита (1515–1578), графиня Ленокс, дочь Маргариты Тюдор, сестры английского короля Генриха VIII, и Арчибальда Дугласа, графа Ангуса 272
Дюбуа, Гийом (1656–1723), кардинал 392
Дюгеклен, Бертран (1320–1380), военачальник времен Столетней войны, коннетабль Франции 182, 192–193
Дюнуа, Жан де (1402–1468), бастард Орлеанский, полководец времен Столетней войны 195
Дюплекс, Жозеф Франсуа (1697–1763), французский колониальный деятель в Индии 397, 414

Евгений, принц Савойский (1663–1736), полководец 383
Екатерина Арагонская (1485–1536), первая жена Генриха VIII, вдова его брата Артура 228, 230–233, 240
Екатерина Браганцская (1638–1705), супруга Карла II 352
Екатерина Валуа (1401–1437), жена Генриха V, короля Англии; дочь Карла VI Безумного, короля Франции 192–193
Екатерина Говард (1520/1525–1542), пятая жена Генриха VIII, обвинена в супружеской измене и казнена 239
Екатерина Парр (ок.1512–1548), последняя, шестая жена Генриха VIII 227, 239
Елизавета (1533–1603), королева Англии, дочь Генриха VIII и Анны Болейн 170, 212, 238–240, 245–246, 251–254,

256–268, 270–281, 283–284, 287–289, 293, 294–296, 378, 441, 468, 475, 527
Елизавета (1596–1662), дочь английского короля Якова I, курфюрстина Пфальцская 297
Елизавета Йоркская (1466–1503), дочь Эдуарда IV, жена Генриха VII 202, 211

Жильбер Брионский (ок. 979/1000 — ок. 1040), дядя Вильгельма Завоевателя 65
Жоффруа V (1113–1151), граф Анжуйский, отец Генриха II Плантагенета 77, 98–100, 110
Жуанвиль, Жан де (1223–1317), французский средневековый историк 113
Жюмьежский, Робер (ум. ок. 1070), архиепископ Кентерберийский 65

Изабелла де Валуа (1387–1409), дочь Карла VI Безумного, вторая жена Ричарда II 189
Изабелла Французская (ок. 1295–1358), жена Эдуарда II, дочь Филиппа IV Красивого 162
Иннокентий III (ок. 1161–1216), папа римский 117, 121, 134
Иннокентий XI (1611–1689), папа римский 360
Инэ (Ина; 688–726), саксонский король, законодатель 39
Иоанн I Баллиоль (1249–1314), король Шотландии 159
Иоанн Безземельный (1167–1216), младший сын короля Генриха II, король Англии 97, 104, 110–111, 115–121, 137, 139, 141, 144
Иоанн Богослов (6–100), апостол и евангелист 46
Иоанн II Добрый (1319–1364), король Франции 168
Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180), англо-французский богослов, эрудит 93, 128
Иоанн Тревизский (1342–1402), писатель и переводчик 147
Иоанна (Жанна) II Наваррская (1312–1349), дочь Людовика X Сварливого, внучка Филиппа IV Красивого 162
Иосиф Фердинанд (1692–1699), курфюрст Баварский, правнук по материнской линии Филиппа IV 379
Исмаил-паша (1830–1895), правитель (хедив) Египта 506

Кабот, Джованни (ок. 1451–1498), итальянский мореплаватель 215
Кавендиши, род 216, 254, 375
Кавур, Камилло Бенсо, ди (1810–1861), граф, итальянский политический деятель 493, 537
Кальвин, Жан (1509–1564), французский богослов, реформатор Церкви 226, 252, 269, 342
Камберленд, Эрнст Август I (1771–1851), герцог, сын Георга III; позже Эрнест I, король Ганновера 479
Кампеджо, Лоренцо (1471–1539), кардинал, папский легат в Англии 231
Канингс, Уильям (1399–1474), торговец сукном из Бристоля 175
Каннинг, Джордж (1770–1827), английский политический деятель, представитель либерального крыла партии тори 466–468, 471, 488, 494, 525
Капетинги, династия 65, 118
Караузий, Марк Аврелий (ум. 293), военачальник Римской империи 33
Карл II (1540–1590), эрцгерцог Австрийский 253
Карл Великий (742/747–814), король франков и император Запада 48, 53, 80, 83
Карл Эммануил II (1634–1675), герцог Савойский 340
Карл I (1600–1649), король Англии 287, 293, 297–306, 308, 310–312, 314, 316–317, 319–321, 324–327, 330–332, 334, 336, 369, 383

Карл II (1630–1685), король Англии и Шотландии, старший сын Карла I и Генриетты Французской, 336–337, 339, 345, 347–349, 351–352, 354–355, 357–358, 364, 366, 368, 370, 373–374, 379, 380, 408, 438, 455

Карл II Околдованный (1661–1700), король Испании 379

Карл Эдуард Стюарт (1720–1788), сын Якова III, так называемый Молодой претендент 385, 396, 416

Карл Эммануил II (1634–1675), герцог Савойский, король Кипра и Иерусалима 340

Карл V Габсбург (1500–1558), король Испании и император Священной Римской империи 224, 229–232, 235, 241, 244, 246–247, 379, 380, 385

Карл VI (1685–1740), император Священной Римской империи, отец Марии Терезии 396

Карл III Простоватый (879–929), король Франции 63

Карл V Мудрый (1338–1380), король Франции 182–183

Карл VI Безумный (1368–1422), король Франции 189, 192–193

Карл VII Победитель (1403–1461), король Франции 193–195, 198, 203–204

Карл X (1757–1836), король Франции 470

Карл II Наваррский (известный также как Карл Злой и Карл д'Эврё; 1332–1387), правнук Филиппа Красивого 162

Карл де Бурбон (1686–1714), герцог Беррийский, младший сын Великого Дофина и внук Людовика XIV 380

Карлейль, Джеймс Хэй (ок. 1590 — 25 апреля 1636), 1-й граф, представитель английской знати 502

Карлейль, Томас (1795–1881), британский писатель, публицист, историк и философ 276, 526

Каролина Анспахская (1683–1737), супруга Георга II 393

Каролина Брауншвейгская (1768–1821), официальная супруга Георга IV 462, 465

Карр Роберт (1587–1645), граф Сомерсет, фаворит Якова I 293

Карсон, Эдвард (1854–1935), предводитель ольстерских протестантов 536

Картерет, Джон (1690–1763), позже граф Гранвиль, британский государственный деятель 396, 402

Картрайт, Джон (1740–1824), английский морской офицер, майор, сторонник парламентской реформы 462

Каслри, Роберт Стюарт (1769–1822), виконт, позже 2-й маркиз Лондондерри, английский политический деятель 436, 466–467

Кассивелаун, британский туземный вождь, сражавшийся против Юлия Цезаря в 54 г. 26

Каупер (Купер), Уильям (1731–1800), английский поэт 453

Кельвин, Уильям Томсон (1824–1907), лорд, английский физик 511

Кемперфельдт, Ричард (1718–1782), автор «книги сигналов» 429

Кене, Франсуа (1694–1774), французский экономист 446

Кенред, король Мерсии (704–709), преемник Этельреда 49

Кёнигсмарк, Филипп Кристоф фон (1665–1694), ганноверский офицер 388

Керзон, Джордж-Натаниел (1859–1925), позже граф Керзон Кэдлстон, британский государственный деятель 342

Керуаль, Луиза де (1649–1734), герцогиня Портсмутская, любовница Карла II 354

Кетт, Роберт (ум. 1549), мелкий землевладелец и кожевенник из графства Норфолк 243

Киплинг, Редьярд (1865–1936), писатель, поэт 506, 519, 524–526
Китс, Джон (1795–1821), английский поэт 453
Китченер, Горацио Герберт (1850–1916), граф Китченер Хартумский, английский военачальник 511, 523, 525, 542
Клавдий (10–54 н. э.), римский император 26
Клайв, Роберт (1725–1774), лорд, британский военачальник 397, 412, 415
Кларендон, Джордж Уильям Фредерик Вильерс (1800–1870), 4-й граф, английский дипломат и государственный деятель 490
Кларендон, Эдуард Хайд (1609–1674), 1-й граф, советник Карла II 293, 348, 350–353
Клемансо, Джордж (1841–1929), французский государственный деятель 411
Клемент IV (1190/1200–1268), папа римский 132, 136
Клер, Ричард де (1130–1176), 2-й граф Пембрук, по прозванию Тугой Лук 157
Клиссон, Оливье де (1336–1407), военачальник времен Столетней войны 182
Клиффорд, Розамунда де (ум. 1176), любовница Генриха II 106
Клиффорд, Томас (1630–1673), член «кабаля», кабинета министров Карла II 353
Клэпем, Джон (1873–1946), английский экономист 500
Кнут II Великий (994/995–1035), брат короля Дании, король Англии 55, 57, 61–63, 65, 84
Коббет, Уильям (1762–1835), английский публицист 441, 462
Кобден, Ричард (1804–1865), английский политический деятель 480–481, 498, 531–532
Кодрингтон, Эдвард (1770–1851), британский адмирал 468
Колет, Генри (ум. 1505), лорд-мэр Лондона, отец Джона Колета 222–225, 227
Колет, Джон (1466–1519), выдающийся латинист 222–224, 227
Коллингвуд, Кэтберт (1750–1810), лорд, британский адмирал 429, 434
Колман Линдисфарнский (ок. 605–675), ирландский епископ 47
Колридж, Сэмюэл Тэйлор (1772–1834), английский поэт 453
Колумба (521–597), ирландский святой, монах, проповедник христианства в Шотландии 42, 46–47
Кольбер, Жан-Батист (1619–1683), финансист Людовика XIV 379
Конгрив, Уильям (1670–1729), английский драматург 365, 550
Конт, Огюст (1798–1857), французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии 510
Коризанда, Диана д'Андуэн (1554–1620), графиня де Грамон, любовница Генриха Наваррского 227
Корнуолис, Чарльз (1738–1805), 1-й маркиз, британский генерал 422
Корнуоллис, сэр Уильям (1744–1819), британский адмирал 434
Кортни, Уильям (ок. 1342–1396), архиепископ Кентерберийский 181
Кортни, Эдуард (ум. 509), граф Девоншир, правнук Эдуарда IV 246
Косгрейв, Уильям Томас (1880–1965), ирландский революционер и политик 549
Крабб, Джордж (1754–1832), английский поэт, врач и священник, автор «Деревни» 476
Кранмер, Томас (1489–1556), архиепископ Кентерберийский 232–233, 237–239, 241, 250, 269
Кромвель, Оливер (1599–1658), лорд-протектор Англии 152, 233, 320, 322–345, 347–348, 353, 367, 369, 498

Кромвель, Ричард (1626–1712), английский политический деятель, сын Оливера Кромвеля 340
Кромвель, Томас (ок. 1485–1540), советник Генриха VIII, граф Эссекс 233, 235, 237, 239
Кромвель, Томас Эстен, Анри д' (1729–1794), граф, адмирал 422
Кромптон, Сэмюел (1753–1827), изобретатель 443
Кук, Томас (1808–1892), основатель туристического агентства 497
Кук, Эдвард (1552–1634), юрист 301–302
Кэд, Джек (ум. 1450), самозванец, выдававший себя за потомка Эдуарда III 196
Кэдбери, Джон (1802–1889), квакер, основатель шоколадного производства 497
Кэкстон, Уильям (ок. 1422–1491), английский первопечатник 208
Кэлэми, Эдмунд (старший; 1600–1666), английский религиозный деятель 337
Кэмпбелл, Арчибальд (1607–1661), 1-й маркиз Аргайл, предводитель восстания в Шотландии 359
Кэмпбелл-Баннерман, Генри (1836–1908), английский политический деятель 532
Кэмпион, Эдмунд (1540–1581), английский священник-иезуит, мученик 258–259

Лайель, Чарльз-Джордж (1797–1875), геолог, автор «Основ геологии» 501
Лайон, Ричард (убит в 1381), лондонский купец 176
Лайонел Антверп (1338–1368), герцог Кларенс, сын короля Эдуарда III, граф Ольстерский 172
Лалли-Толендаль, Томас-Артур, барон де (1702–1766), военный и государственный деятель 412
Ламберт, Джон (1619–1683), английский генерал 341
Ла Мотт-Пике, Туссен-Гийом де (1720–1791), адмирал 422
Ланфранк (ок. 1010–1089), архиепископ Кентерберийский 65, 67–69, 77, 80, 82, 91–92, 94, 102
Латимер, Уильям (1330–1381), лорд, 4-й барон Латимер, друг и наперсник Джона Гонта 176
Латимер, Хью (ок. 1485–1555), епископ Уорчестерский 237–238, 241, 249
Лашез (1624–1709), духовник Людовика XIV 356
Лев X (Джованни Медичи; 1475–1521), папа римский 228
Леклерк, Филипп (1902–1947), генерал 560
Лекуврёр, Адриена (1692–1730), французская актриса 455
Ле Марешаль, Гийом (Уильям Маршал; 1145–1219), предводитель Королевской армии Англии 137
Леопольд I Саксен-Кобургский (1790–1865), первый король Бельгии (зять Георга IV, потом Луи Филиппа) 470
Леопольд V (1157–1194), герцог Австрии и Штирии из династии Бабенбергов 115
Лестер, Роберт Дадли (1532–1588), граф, английский государственный деятель 253, 272, 274
Ливерпул, Роберт Бэнкс Дженкинсон (1770–1828), 2-й граф Ливерпул, английский государственный деятель 462, 468
Ливингстон, Дэвид (1813–1873), исследователь Африки 517
Лилбёрн, Джон (1614–1657), пуританский памфлетист 329–330, 334
Лили, Джон (ок. 1553/1554–1606), английский драматург и романист, автор романа «Эвфуес» *(Euphues)* 278

Лимож, Адемар (ок. 1135–1199), виконт де, вассал короля Ричарда Львиное Сердце 116
Линдисфарнский, Хигбальд (ум. 803), епископ 49
Линкольн, Авраам (1809–1865), американский государственный деятель 492
Лиоте, Луи Юбер (1854–1934), генерал, потом маршал Франции 144
Листер, Джозеф (1827–1912), английский ученый 511
Лливелин ап Грифид (ок. 1223–1282), внук Лливелина ап Йорвета 157–159
Лливелин ап Йорвет (ок. 1173–1240), правитель королевства Гвинед и де-факто почти всего Уэльса 157
Ллойд Джордж, Дэвид (1863–1945), британский политический деятель 513, 533–535, 542–543
Ллойд Эдвард (ок. 1648–1713), владелец кофейни 445
Лод, Уильям (1573–1645), архиепископ Кентерберийский 304–310, 314–315, 324
Локк, Джон (1632–1704), английский философ и педагог 367, 398–399, 407
Лоу, Бернард (1887–1976), 1-й виконт Монтгомери Аламейский, британский фельдмаршал 558
Лоу, Джон (1671–1729), финансист и спекулянт, автор печально известной «системы Лоу» 391
Лоу, Эндрю Бонар (1858–1923), английский политик 536
Лоуренс, Дэвид Герберт (1885–1930), английский писатель 550
Лоуренс, Томас (1769–1830), английский живописец-портретист 462
Луи Филипп (1773–1850), король французов 213, 470, 488, 496
Лэм, леди Каролина Понсонби (1785–1828), любовница Байрона 478, 497
Лэм, Уильям (1779–1848), 2-й виконт Мельбурн, муж Каролины Лэм 478
Лэмбтон, Джон-Джордж (1792–1840), 1-й граф Даремский, английский государственный деятель 515–516
Лэнгленд, Уильям (ок. 1332 — ок. 1377), английский поэт 130, 177–179, 184
Лэнгтон, Стефан (ок. 1165–1228), архиепископ Кентерберийский 117–118, 121, 130
Людовик VII Молодой (1120–1180), король Франции 100
Людовик VIII Лев (1187–1226), сын Филиппа Августа, король Франции 121, 137
Людовик IX Святой (1214–1270), король Франции 139
Людовик X Сварливый (1289–1316), король Франции, сын Филиппа Красивого 162
Людовик XI (1423–1483), король Франции 211
Людовик XIII (1601–1643), король Франции 301
Людовик XIV (1638–1715), король Франции 83, 251, 306, 348, 354, 356–358, 361–362, 366, 373, 376, 379–380, 492, 456, 537
Людовик XV (1710–1774), король Франции 396, 408
Людовик XVI (1754–1793), король Франции 427
Людовик, Великий Дофин (1661–1711), единственный законный сын Людовика XIV 379–380, 382–383, 385
Люси, сэр Томас (1532–1600), английский политический деятель 257
Лютер, Мартин (1483–1546), основатель немецкого протестантизма 222, 226, 229

Магомет (Мехмет) II (1432–1481), османский султан 115, 322
Мазарини, Джулио (1602–1661), кардинал, министр Людовика XIV 333, 340
Мак Карл, барон фон Лейбрих (1752–1828), австрийский полководец 434

Мак-Адам, Джон Лаудон (1756–1836), шотландский инженер 445
Макдональд, Рамсей (1866–1937), английский государственный политический деятель 513, 547–548
Мак-Лин «Каид», Гарри (1848–1920), шотландский солдат, служивший в армии Марокко, авантюрист 523
Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859), лорд, британский государственный деятель 254, 303, 392, 471, 496, 526
Максвелл, Джеймс Клерк (1831–1879), британский физик, математик и механик 511
Максен Вледиг (в средневековой британской традиции) — см. Максим Магн
Максим Магн (ок. 335–388), римский император-узурпатор 33
Малькольм III (1031–1093), король Шотландии 95
Мальтус, Томас-Роберт (1766–1834), английский священник, экономист и демограф 480
Мандевиль, Жоффруа де (ум. 1144), наследственный шериф нескольких графств, один из наиболее влиятельных английских аристократов второй четверти XII в. 99
Манжен, Шарль-Мари-Эмманюэль (1866–1925), французский генерал 543
Маннерс, Джон-Генри (1778–1857), 5-й герцог Ретленд 480
Маннерс, Джон-Джеймс-Роберт (1818–1892), 7-й герцог Ретленд, сын Джона-Генри Маннерса Ретленда 480, 499
Маргарет Норвежская Дева (1283–1290), внучка короля Шотландии Александра III, наследница престола 159
Маргарита Анжуйская (1430–1482), жена Генриха VI 197
Маргарита Бофорт (1441–1509), жена Эдмунда Тюдора, графа Ричмонда, мать Генриха VII 201
Маргарита Тюдор (1489–1541), дочь Генриха VII, жена Якова IV Стюарта Шотландского, мать Якова V Стюарта 268
Мария I Тюдор (Кровавая; 1516–1558), королева Англии, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской 230–231, 239–241, 245–251, 254, 256–257, 259, 261, 269, 359
Мария Стюарт (1542–1587), королева Шотландии, вдова короля Франции Франциска II 253, 268–276, 289
Мария Генриетта Стюарт (1631–1660), дочь Карла I и сестра Карла II, жена Вильгельма Оранского 347
Мария (1662–1694), дочь Якова II Стюарта и Анны Хайд, племянница Карла II, супруга Вильгельма III Оранского 352, 354, 357, 361, 363, 369, 373, 380
Мария Моденская (1658–1718), вторая супруга Якова II Стюарта, короля Англии 361
Мария де Гиз (1515–1560), супруга Якова V Стюарта, короля Шотландии, мать Марии Стюарт 268–269
Мария-Виктория Текская (1867–1953), супруга Георга V, мать Эдуарда VIII и Георга VI, бабушка Елизаветы II 550
Мария-Луиза (1791–1847), эрцгерцогиня Австрийская, вторая супруга Наполеона I 436
Мария Терезия Австрийская (1717–1780), императрица, дочь императора Карла VI 396, 409
Мария Тюдор (1496–1533), дочь Генриха VII, супруга короля Франции Людовика XII, затем герцога Саффолка 230
Маркс, Карл (1818–1883), немецкий экономист, философ и политический мыслитель 512, 537
Марло, Кристофер (1564–1593), драматург 278–279

Марпрелейт, Мартин (1559–1593), памфлетист 278
Марциал (ок. 40 — ок. 104), поэт 26
Маршан, Жан-Батист (1863–1934), майор, потом генерал 522–523
Массийон, Жан-Батист (1663–1743), французский проповедник 368, 377
Матильда (ок. 1031–1083), супруга короля Англии Вильгельма I Завоевателя, дочь Бодуэна, графа Фландрского 66, 91
Матильда (1102–1167), дочь Генриха I, вдова германского императора Генриха V, жена Жоффруа, графа Анжуйского 98–100, 230
Машо д'Арнувиль, Жан-Батист (1701–1794), французский политик, министр при короле Людовике XV 408
Медина-Сидония, Алонсо Перес де Гусман (1550–1619), 7-й герцог, предводитель Непобедимой армады, которая была направлена в 1588 г. его кузеном королем Испании Филиппом II на завоевание Англии 264–265
Мейтленд, Джон (1616–1682), 1-й герцог Лодердейл, член «кабаля», кабинета министров Карла II 353
Мелвилл, Джеймс (1535–1617), посол Марии Стюарт в Лондоне 270–271
Мередит, Джордж (1828–1909), английский писатель 526
Меттерних, Клеменс Венцель (1773–1859), князь, австрийский государственный деятель, дипломат 462, 488
Метуэн (1650–1706), английский дипломат и судья 402
Милз, Хемиш (1894–1937), переводчик с французского 5
Милль, Джеймс (1773–1836), шотландский экономист 480, 513
Мильтон, Джон (1608–1674), английский поэт, политический деятель и мыслитель 341–342, 344, 366
Мишле, Жюль (1798–1874), французский историк и публицист 114, 162, 165
Мольер — см. Поклен, Жан-Батист 365–366, 399
Монк, Джордж (1608–1670), 1-й герцог Альбемарль, английский полководец и адмирал 338, 341
Монкальм, Луи, маркиз де (1712–1759), французский военный деятель 412, 415
Монмут Джеймс Скотт (1649–1685), 1-й герцог, незаконнорожденный сын Карла II 366
Монпансье, Антуан, герцог де (1824–1890), сын Луи Филиппа 488
Монро, Джеймс (1758–1831), президент США 467, 522
Монтень, Мишель де (1533–1592), философ, автор «Опытов» 278
Монтескье, Шарль Луи (1689–1755), философ просветитель, политический мыслитель, историк 349, 406, 456
Монтесума (ок. 1398–1469), ацтекский император 260
Монфор, Симон де (1160/1165–1218), 5-й граф Лестер, глава карательного похода против альбигойцев 132, 134, 137, 141
Монфор, Симон де (1208–1265), 6-й граф Лестер, сын предыдущего и дядя короля Эдуарда I 139–143, 147, 152, 157
Мор, Томас (1478–1535), английский писатель, государственный деятель 222–225, 227, 232–233, 235, 243, 512
Моран, Поль (1888–1976), французский писатель 364
Мориц Саксонский (1696–1750), маршал Франции 396
Морли, миссис — псевдоним королевы Анны в переписке с Сарой Дженнингс 381

Моррис, Уильям (1834–1896), английский поэт, прозаик, художник, издатель 502, 512, 526
Мортен, Робер де (ок. 1031–1095), сводный брат Вильгельма I Завоевателя 76
Мортимер, Роджер (1287–1330), 8-й барон Уигмор, позже 1-й граф Марч, английский дворянин, любовник королевы Изабеллы Французской, сыгравший ключевую роль в свержении короля Эдуарда II 161
Мортимер, Роджер (1328–1360), 2-й граф Марч, английский военачальник во время Столетней войны 196
Моруа, Симона Андре (1894–1968), французская писательница, филолог 6
Мур, Джон (1761–1809), британский генерал-лейтенант 435
Муссолини, Бенито (1883–1945), итальянский политический деятель, вождь фашистской партии Италии 552
Мухаммед Ахмед (Мухаммед ибн Абдаллах; 1844–1885), вождь освободительного движения, объявивший себя Махди в египетском Судане 510
Мэнсфилд, Уильям Мюррей (1705–1793), 1-й граф, английский политический деятель 478

Найтингейл, Флоренс (1820–1910), сестра милосердия и общественный деятель Великобритании 491
Наполеон I (1769–1821), император французов, генерал Бонапарт 149, 429–436, 441, 444, 456, 466, 472, 478, 484, 509, 537, 541, 544–545, 554
Наполеон III (1808–1873), император французов 488, 490–493
Нассау, Уильям (старший; 1790–1864), английский экономист 476
Невил, Ричард (1428–1471), граф Уорик, Делатель Королей 172, 197–199
Нельсон, Горацио (1758–1805), адмирал, позже виконт Нельсон, герцог Бронте 429, 432, 434, 478
Непиер, Чарльз (1782–1853), британский генерал, командующий войсками в Индии 475
Николай I (1796–1855), российский император 488–489
Николай II (1868–1918), российский император 531
Нокс, Джон (ок. 1510–1572), шотландский религиозный реформатор 269–271, 273
Норт, Фредерик (1732–1792), лорд, позже 2-й граф Гилфорд, государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1770–1782) 420, 422, 424
Ньюмен, Джон Генри (1801–1890), адепт Оксфордского движения, кардинал 502, 526
Ньютон, Исаак (1642–1727), английский физик и математик 366, 367
Нэш, Ричард (1674–1762), церемониймейстер Бата, известный как Красавчик Нэш 405

Овидий, Публий Назон (43–17/18 до н. э.), древнеримский поэт 131
Одо, епископ Байё (ок. 1036–1097), сводный брат Вильгельма I Завоевателя 69, 76, 80
Оккам, Уильям (ок. 1285–1347), английский философ 136
О'Коннелл, Дэниел (1775–1847), ирландский политический деятель 469–470, 478
Орлеанский, Луи Шарль Филипп (1814–1896), герцог Немурский, сын Луи Филиппа I 470
Орлетон, Адам (ум. 1345), епископ Херефордский, позже епископ Вустера и Винчестера 161

Орозий (ок. 385–420), историк и христианский теолог V в. 60
Осборн, Дороти, позже леди Темпл (1627–1695), писательница 344
Осви (ок. 605–642), король Нортумбрии 46
Остин, Джейн (1775–1817), английская писательница 462
Оттон IV Брауншвейгский (1175/1176–1218), король Германии 117
Оутс, Титус (1649–1705), английский провокатор, фальсификатор и клеветник 355–357
Оуэн, Роберт (1771–1858), английский философ 513
Оффа (707/709–709), король Эссекса 49, 157

Павел (5/10–64/67), апостол 46, 222–223, 342
Павел IV (1476–1559), папа римский 251
Пармский, Александр Фарнезе (1545–1592), герцог, испанский полководец 433
Парнелл, Чарльз Стюарт (1846–1891), ирландский политический деятель 509, 521
Пасифико (1784–1854), португальский ростовщик 488
Пастон, Джон (1421–1466), представитель английской аристократии, политический деятель 200, 208
Пастон, Маргарет (ок. 1422–1484), жена Джона Пастона 206
Патрик (*лат*. Patricius; IV–V вв.), христианский святой 42
Паулинус (Паулин; ум. 644), христианский миссионер 45
Пейли, Уильям (1743–1805), английский философ 448
Пейн, Томас (1737–1809), англо-американский писатель, философ, публицист 427
Пелхем, Генри (1694–1754), британский государственный деятель 410
Пелхем, Томас (1693–1768), 1-й герцог Ньюкасл, британский государственный деятель 410
Пелхемы, род 375, 396
Перерс, Элис (Алиса; 1348–1400), любовница Эдуарда III 182–183
Перси, Генри (1322–1368), 3-й барон Перси, граф Нортумберленд 172
Петен, Анри Филипп (1856–1951), маршал Франции 543
Петр (ум. ок. 67), апостол 46–47, 69, 105, 137
Петти-Фицморис, Генри-Чарльз Кейт (1845–1927), 5-й маркиз Лэнсдаун, английский государственный деятель 529, 531
Пий V (1504–1572), папа римский 258
Пий IX (1792–1878), папа римский 492
Пил, Роберт (1788–1850), британский государственный деятель 466, 468–469, 471, 478–480, 482–484, 487, 500, 531
Пим, Джон (1584–1643), английский политический деятель 298, 305, 310–313, 315–318, 322–323, 326, 335
Пипс, Сэмюэл (1633–1703), автор дневника, рассказывающего о жизни времен Реставрации 352, 365, 368
Питт, Томас (1653–1726), губернатор Мадраса, отец Уильяма Питта-старшего 409
Питт, Уильям (старший), позже 1-й граф Чатем (1708–1778), британский государственный деятель 394–395, 408–420, 422, 424, 506
Питт, Уильям (младший; 1759–1806), второй сын Уильяма Питта-старшего 390, 423–431, 433–435, 465–466, 478, 494, 522, 538, 541, 556
Пифей (ок. 380 — ок. 310 до н. э.), древнегреческий купец, путешественник, географ 21–22

Платон (428/427–348/347 до н. э.), древнегреческий философ 222, 225
Плотин (204/205–270), античный философ-идеалист 222
Поклен, Жан-Батист (1622–1673), псевдоним — Мольер; французский комедиограф, актер, театральный деятель 365–366, 399
Поллард, Альберт Фредерик (1869–1948), профессор, историк 227, 456
Помпадур, маркиза де — см. Пуассон, Жанна Антуанетта
Понтьё, Ги (ум. 1100), граф де Понтьё, участник нормандского завоевания Англии 68
Посидоний (139/135–51/50 до н. э.), древнегреческий философ-стоик 22
Поул, Маргарет (1473–1541), графиня Солсбери, английская аристократка 239
Поул, Реджинальд (1500–1558), кардинал 346, 248-249, 251
Поуп, Александр (1688–1744), поэт 387, 401
Прайд, Томас (ум. 1658), полковник, потом генерал 330
Принн, Уильям (1600–1669), английский памфлетист, пуританин 309
Принс, Томас, школьный учитель 216
Пруст, Марсель (1871–1922), французский писатель 527
Пуассон, Жанна Антуанетта, маркиза де Помпадур (1721–1764), официальная фаворитка французского короля Людовика XV 410

Рассел, Джон (1792–1878), лорд, позже 1-й граф Рассел, британский государственный деятель 472–473, 484, 488, 492–493, 504
Рассел, Уильям (1639–1683), лорд, политический деятель 357
Рассел, Уильям Говард (1820–1907), британский журналист 490
Расселы, род 216, 254, 375
Рей, Джон (1627–1705), английский натуралист 367
Рейнолдс, Джошуа (1723–1792), английский живописец 401–402
Рен, Кристофер (1632–1723), архитектор 499
Ренан, Жозеф Эрнест (1823–1892), французский философ и писатель 131, 500
Ренар, Симон (1513–1573), испанский посол 246
Ренувье, Шарль (1815–1903), французский философ, писатель 224
Реститутус (ок. 314), романо-бриттский епископ 30
Рёскин, Джон (1819–1900), английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт 502, 513, 526
Ридли, Николас (ок.1500–1555), епископ Рочестерский 249–250
Рикардо, Дэвид (1772–1823), английский экономист 480
Риццо (Риччо), Давид (ок. 1533–1566), итальянский музыкант, любовник Марии Стюарт 272
Рич, Эдмунд (1175–1240), теолог, архиепископ Кентерберийский 131
Ричард (1473–1483), 1-й герцог Йоркский, сын Эдуарда IV 200
Ричард I Львиное Сердце (1157–1199), сын Генриха II, король Англии 100, 104, 111–113, 115–117
Ричард II Бордоский (1367–1400), король Англии 184, 187–192
Ричард III (1452–1485), герцог Глостерский, брат Эдуарда IV, король Англии 200, 203
Ричардсон, Сэмюел (1689–1761), писатель, автор «Памелы» 452–453
Ришелье, Арман Жан дю Плесси (1585–1642), герцог де, кардинал 301, 310
Ришелье, Арман (1696–1788), герцог де, маршал Франции 411

Роберт I Дьявол (ок. 1000–1035), герцог Нормандский, отец Вильгельма I Завоевателя 66
Роберт III (ок. 1054–1134), герцог Нормандский, старший сын Вильгельма I Завоевателя 91–92, 95–96, 98
Робертс, Фредерик Слей (1832–1914), британский военачальник 525
Роджер Солсберийский (ум. 1139), государственный деятель Англии, соратник короля Генриха I, епископ Солсбери 96
Роджерс, Торольд (1823–1890), английский экономист, историк, политик 126, 267
Родни, Джордж Бриджес (1719–1792), британский адмирал 423
Родс, Сесил (1853–1902), английский колониальный деятель и финансист 342, 506, 516–518
Розамунда де Клиффорд (ум. 1176), фаворитка Генриха II 106
Розбери Арчибальд Филипп Примроуз (1847–1929), 5-й граф, британский государственный деятель 522, 529
Рокингем, Чарльз Уотсон-Уэнтворт (1730–1782), 2-й маркиз, английский политический деятель 422
Роллон (Хрольв Пешеход), герцог Нормандский (ок. 860 — ок. 932), основоположник Нормандской династии, к которой принадлежал английский король Вильгельм I Завоеватель 63–64
Роммель, Эрвин (1891–1944), немецкий генерал-фельдмаршал, командующий силами оси Берлин — Рим в Северной Африке 558
Ромни, Джордж (1734–1802), английский живописец 401
Россетти, Данте Габриэл (1828–1882), английский поэт, переводчик, иллюстратор и художник 526
Ротшильд, Натаниэл-Мейер (1840–1915), 1-й лорд, банкир и политик 470
Рувье, Морис (1842–1911), государственный деятель, возглавлял кабинет министров Франции 531
Рузвельт, Франклин Делано (1882–1945), президент США 558–559
Руйе, Антуан Луи, граф де Жуи (1689–1761), французский политик и государственный деятель 408
Руперт, герцог Баварский (1619–1682), сын курфюрста Пфальцского, племянник Карла I, внук Якова I 320
Руссо, Жан-Жак (1712–1778), французский философ 399, 452
Рэли, Уолтер (1552/1554–1618), английский придворный, государственный деятель, поэт и писатель, фаворит королевы Елизаветы I 253, 267, 297

Савойская, Анна-Мария (1803–1884), герцогиня, супруга австрийского императора Фердинанда I 492
Савойская династия 492
Савойский, Евгений (1663–1736), принц, полководец Священной Римской империи, генералиссимус 383
Савойский, Пьер II (1203–1268), граф, дядя Элеоноры Прованской, жены Генриха III 138
Савонарола, Джироламо (1452–1498), итальянский монах и реформатор 222
Саладин (Салах-ад-Дин; 1138–1193), султан Египта и Сирии 112–113
Сандерленд, Роберт Спенсер (1675–1722), 2-й граф 374
Саффолк, Фрэнсис (1517–1559), герцогиня, внучка Генриха VII
Свейн (ок. 960–1014), король Дании 66
Светоний, Гай Транквилл (ок. 70 — ок. 140), писатель, историк 223
Свифт, Джонатан (1667–1745), писатель и публицист 382–383, 386–387, 401

Себастьяни, Орас (1772–1851), полковник, позже маршал Франции 433
Себби (664–694), король Эссекса 49
Сеймур, Джейн (ок. 1508–1537), третья жена Генриха VIII 239–240, 244
Сеймур, Томас (ок. 1508–1549), английский государственный деятель, адмирал и дипломат 253
Сеймур, Чарльз (1662–1748), 6-й герцог Сомерсет, брат Джейн Сеймур 244, 359
Сеймур, Эдуард (ок. 1500–1552), герцог Сомерсет, брат Джейн Сеймур, 3-й жены Генриха VIII 244
Сенека, Луций Анней (4 до н. э. — 65 н. э.), римский философ 131, 206, 222
Сент-Джон, Генри (1678–1751), виконт Болингброк, английский государственный деятель и писатель 13, 332, 385–387, 389, 402, 416, 480
Сервантес, Мигель де (1547–1616), испанский писатель 366
Сесил, Роберт (1563–1612), 1-й граф Солсбери, английский государственный деятель, сын Уильяма Сесила 274, 293, 297, 521
Сесил, Роберт (1830–1903), 3-й маркиз Солсбери, глава юнионистской коалиции 293, 521–522, 524, 529
Сесил, Уильям (1520–1598), затем лорд Бёрли, главный советник Елизаветы 254, 256, 258, 273, 274
Сиддонс, Сара Кэмбл (1755–1831), британская актриса 455
Сидни, Филип (1554–1586), английский поэт и общественный деятель 278, 513
Сидни, Элджернон (1623–1683), политик, член парламента 357
Сийес, Эмманюэль (1748–1836), широко известный как аббат Сийес, французский политический деятель 142
Симпсон, Бесси Уоллис (1896–1986), урожденная мисс Уорфилд, затем миссис Спенсер, супруга герцога Эдуарда Виндзорского 550
Скаррон, Поль (1610–1660), французский романист, драматург 366
Скот, Дунс (1266–1308), шотландский теолог, философ 136, 222
Скотт, Вальтер (Уолтер; 1771–1832), шотландский писатель 453, 462
Смит, Адам (1723–1790), теоретик промышленной революции 446, 512
Смит, Генри (ок. 1560 — ок. 1591), церковный деятель 278
Смит, Логан Пирсол (1865–1946), критик и эссеист 454
Смит, Сидни (1764–1840), английский адмирал 472
Смит, Томас (ок. 1558–1625), английский купец, политик и колониальный администратор 284
Смутс, Ян Христиан (1870–1950), бурский генерал 526
Сомерсет, герцог — см. Сеймур, Эдуард
Сорель, Жорж (1847–1922), французский философ и публицист 537
София (1630–1714), внучка Якова I, курфюрстина Ганноверская, мать короля Англии Георга I 380
София-Доротея Брауншвейг-Люнебург-Целльская (1666–1726), жена Георга I 388
Спелман, Генри (1562–1641), эрудит, историк, антиквар 55
Спенсер, Герберт (1820–1903), философ и социолог 501, 527
Спенсер, Эдмунд (1552–1599), английский поэт 278, 292
Спенсеры, род 401
Стаббс, Уильям (1825–1901), епископ 227
Сталин, Иосиф Виссарионович (1878–1953), советский политический деятель 559
Стаффорд, граф (титул; существовал в 1351–1762) 172

Стенхоуп, Филип-Генри (1805–1875), 5-й граф Стенхоуп, историк и политический деятель 475
Стенхоуп, Филип-Генри (1781–1855), 4-й граф Стенхоуп, политический деятель 390
Стерн, Лоренс (1713–1768), английский писатель 453–454
Стефан Блуаский (ок. 1092/6–1154), внук Вильгельма I Завоевателя от его дочери Аделы 98–101
Стефенсон, Джордж (1781–1848), изобретатель паровоза 494
Стивенсон, Роберт Льюис (1850–1894), шотландский писатель и поэт 526
Стил, Ричард (1672–1729), основатель журнала «Татлер» *(Tatler)* 382, 401
Стиликон (ок. 358–408), правитель Западной Римской империи 33
Стратфорд-Каннинг, Чарльз (1786–1880), лорд Редклиф, дипломат 489
Стэнли, Генри Мортон (1841–1904), британский журналист, путешественник, исследователь Африки 474, 483–484, 517
Стэнли, Томас (1435–1504), лорд, позже 1-й граф Дерби, отчим Генриха VII Тюдора 202, 211
Стюарт, Генри (1545–1567), граф Дарнли, 2-й супруг Марии Стюарт 272–273
Стюарт, Роберт (ок. 1340–1420), родоначальник династии Стюартов 268
Суинберн, Элджернон Чарльз (1837–1909), английский поэт 526
Сульт, Николя (1769–1851), маршал Франции, герцог Далматинский 435
Сюлли, Максимильен де Бетюн, герцог де (1560–1641), глава французского правительства при короле Генрихе IV 283
Сюше, Луи-Габриель (1770–1826), маршал, герцог Альбуферский 435
Сюффрен, Пьер-Андре де (1729–1788), адмирал 422
Тайлер, Уот (1341–1381), вождь антифеодального восстания 188
Тал, Джетро (1674–1741), популяризатор научного земледелия в Англии 439
Талейран-Перигор, Шарль Морис де (1754–1838), князь Беневентский, французский политик и дипломат 433, 436
Таунсенд, Чарльз (1674–1738), 2-й виконт, популяризатор научного земледелия в Англии 390, 439
Тацит, Публий Корнелий (56–120), древнеримский историк 29, 50, 550
Теккерей, Уильям (1811–1863), английский писатель 526
Темпл, Генри Джон (1784–1865), 3-й виконт Палмерстон, английский государственный деятель 484, 488–490, 492, 494, 506–507, 525, 529
Темпл, Уильям (1628–1699), дипломат и писатель 344, 357
Теннисон, Альфред (1809–1892), английский поэт 526
Теобальд (1090–1161), архиепископ Кентерберийский (с 1138) 101
Теодор Тарский (Феодор Тарсийский; ок. 620–690), архиепископ Кентерберийский, святой Католической и Англиканской церквей 48
Тиллотсон, Джон (1630–1694), епископ, автор книги «Мудрость быть верующим» 368, 375
Тиндейл, Уильям (ок. 1494–1536), переводчик Библии на английский язык 238
Тирпиц, Альфред фон (1849–1930), германский адмирал 533, 537
Токвиль, Алексис де (1805–1859), французский политический деятель, историк 155, 399, 428
Томсон, Джозеф Джон (1856–1940), английский ученый 511
Топклиф, Ричард (1531–1604), следователь, известный благодаря активным гонениям католиков в Англии 257

Тостиг (ок. 1026–1066), граф, брат короля Гарольда II 70
Тревелиан, Джордж-Маколей (1876–1962), английский историк 66, 294, 304, 472
Тромп, Корнелиус (1629–1691), голландский адмирал 340
Турвиль, Анн Иларион (1642–1701), граф де, французский адмирал 379
Тюдоры, династия 55, 119,189, 191, 202, 211–212, 216–217, 220–222, 226, 240, 246, 248, 251, 268, 272, 283–284, 287, 292, 295, 305, 308, 377, 438, 462, 511
Тэн, Ипполит (1828–1893), французский философ-позитивист 365

Уайетт, Томас (1503–1542), государственный деятель и поэт 247, 278
Уайльд, Оскар (1854–1900), английский писатель 526-527
Уайт, Уильям (1845–1913), британский кораблестроитель 87
Уиклиф, Джон (1320–1384), богослов 179–181, 184, 189, 225
Уилберфорс, Уильям (1759–1833), парламентарий, борец за отмену рабства 478
Уилкс, Джон (1725–1797), журналист, публицист и политик 417, 455
Уилмот, Джон (1647–1680), 2-й граф Рочестер, английский поэт эпохи Реставрации 364–365
Уильям, солсберийский декан 130
Уильям де ла Поль (1396–1450), 1-й герцог Саффолк, английский государственный и военный деятель 196
Уитфилд, Джордж (1714–1770), друг Уэсли, основателя Методистской церкви 450
Уичерли, Уильям (ок. 1640–1716), комедиограф 365,406, 550
Уоллес, сэр Уильям (1270–1305), национальный герой Шотландии, вдохновитель войны за независимость против Англии 160
Уолпол, Гораций (1717–1797), младший сын сэра Роберта Уолпола, 4-й граф Орфорд, писатель 412
Уолпол, Роберт (1676–1745), позже 1-й граф Орфорд, государственный деятель 387–96, 402, 409–410, 420, 425, 475, 478
Уолси, Томас (1473–1530), кардинал, министр Генриха VIII 228–229, 231–233
Уолсингем, Фрэнсис (1532–1590), государственный секретарь при Елизавете I 256, 258, 273–274
Уолтерс, Люси (1630–1658), любовница Карла II, мать незаконнорожденного герцога Монмута 347
Урбан II (ок. 1042–1099), папа римский (с 1088) 94
Уэбб, Сидни (1859–1947), позже лорд Пассфилд, экономист, лидер фабианства 513
Уэбб, Беатриса (1858–1943), урожденная Беатриса Поттер, супруга Сидни Уэбба, общественный деятель 513
Уэллс, Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель 527–528
Уэсли, Джон (1703–1791), проповедник, основатель Методистской церкви 407, 449–452, 455, 464, 479, 513
Уэнтворт Томас (1593–1641), граф Страффорд, министр Карла I 305–306, 308, 310–314, 324

Фелтон, Джон (1595–1628), лейтенант, убийца Бекингема 303
Феодосий I Великий (346–395), римский император (с 379 император восточной части Римской империи, с 394 — всей Римской империи) 33
Феокрит (ок. 300 — ок. 260 до н. э.), древнегреческий поэт 423
Фердинанд V (1452–1516), король Испании, точнее, Кастилии (с 1475); Фердинанд II как король Арагона

(с 1479), Фердинанд III как король Сицилии (с 1479) и Неаполя (с 1516) 228
Фердинанд IV (1751–1825), король Неаполя (с 1759) и обеих Сицилий (с 1816); Фердинанд III как король Сицилии (с 1759) 379
Филдинг, Генри (1707–1754), английский писатель 452
Филипп II Август, Филипп Кривой (1165–1223), король Франции (с 1180) 111–113, 116–118, 121
Филипп II (1527–1598), король Испании (с 1556), сын Карла V и муж Марии, королевы Англии 246–249, 251, 253, 261, 264–266, 378, 429, 537
Филипп II (382–336 до н. э.), царь Македонии 22
Филипп IV Красивый (1268–1314), король Франции (с 1285) 162
Филипп V Бурбон (1683–1746), король Испании (с 1700), сын Великого Дофина Людовика и внук Людовика XIV 380, 384
Филипп VI де Валуа (1293–1350), король Франции (с 1328) 162, 164
Филиппа Мортимер (1375–1401), в девичестве Плантагенет, внучка Эдуарда III, супруга Эдмонда, 3-го графа Марча 196
Филмер, сэр Роберт (1588–1653), автор сочинения *«Patriarcha»* 358
Фиц Нил, Ричард (ок. 1130–1198), автор «Диалога о казначействе» 105
Фицхерберт, Мария Смит (1756–1837), тайная жена Георга IV 462, 470
Фичино, Марсилио (1433–1499), итальянский гуманист эпохи Возрождения 222
Фишер, Джон Артбетнот (1841–1920), позже лорд Фишер Килверстоун, адмирал Британского королевского военно-морского флота 533
Фишер, Джон (1469–1535), кардинал, епископ Рочестерский 225, 235
Фишер, Герберт Альберт Лоренс (1865–1940), английский историк, педагог и политик 515
Фламбар, Ранульф (ок. 1060–1128), великий юстициарий, наперсник Вильгельма II Руфуса 94–96
Фландрский, Ферран (1188–1233), граф, соратник Оттона Брауншвейгского 117
Флери, Андре-Эркюль (1653–1743), кардинал 392
Флетчер, Джон (1579–1625), английский драматург 365
Фокс, Гай (Fawkes; 1570–1606), участник Порохового заговора 290
Фокс, Генри (Fox; 1773–1840), 1-й лорд Холланд, английский государственный деятель, биограф и переводчик, член Лондонского королевского общества 422
Фокс, Джон (Fox; 1517–1587), протестантский писатель, автор «Книги мучеников» 250, 278, 425
Фокс, Джордж (Fox; 1624–1691), основатель «Общества друзей» (квакеров) 343
Фокс, Чарльз Джеймс (Fox; 1749–1806), английский политический деятель 422, 424–427, 433, 455, 458, 478
Форстер, Уильям Эдвард (1880–1882), автор закона об образовании 511, 531
Фортескью, Джон (1394–1476), политический деятель и юрист 203, 205, 394
Фош, Фердинанд (1851–1929), французский военный деятель, маршал Франции 543
Фрай, Джозеф-Сторрс (1767–1835), квакер, основатель шоколадного производства 497
Франсуа де Валуа (1555–1584), герцог Алансонский и Анжуйский, сын короля Франции Генриха II 253, 273

Франциск Ассизский (1182–1226), святой, основатель ордена меньших братьев (францисканцев) 134, 136, 177, 180

Франциск I (1494–1547), король Франции (с 1515) 224, 227, 229, 235

Франциск II (1544–1560), король Франции (с 1559), первый муж Марии Стюарт 268–269

Фредерик (1707–1751), принц Уэльский, старший сын Георга II 412, 416

Френч, Джон (1852–1925), командующий экспедиционным корпусом, позже граф Ипрский (с 1922) 542

Фридрих II (1712–1786), король Пруссии (с 1740) 396, 409, 412

Фримен, миссис (1660–1744), псевдоним Сары Дженнингс в переписке с королевой Анной 381

Фробишер, Мартин (1535–1594), мореплаватель 261, 264

Фруассар, Жан (1337 — ок. 1405), французский поэт и один из крупнейших хроникеров позднего Средневековья 160, 163, 165, 184, 188, 202, 204

Фульк Черный (970–1040), граф Анжуйский 100

Фэй, Бернард (1893–1978), французский историк 407

Фэрфакс, Томас (1612–1671), позже 3-й лорд Фэрфакс Кэмеронский, главнокомандующий парламентской армией в ходе Английской революции 324, 326, 328–330, 336–337

Хаксли, Олдос (1894–1963), английский писатель 550

Хант, Генри (1784–1859), английский критик, эссеист, журналист, поэт, драматург 462, 464

Харальд III Суровый (1015–1066), конунг Норвегии 70

Харгривс, Джеймс (1720–1778), изобретатель 443

Харди, Томас (1840–1928), писатель 526

Харкорт, Джеффри, Жоффруа д'Аркур (ум. 1356), военачальник времен Столетней войны 164

Харкорт, Уильям (1827–1904), юрист и государственный деятель 522

Харли, Роберт (1661–1724), 1-й граф Оксфорд, английский политический деятель 386

Хармсуорт, Альфред (1865–1922), позже лорд Нортклиф, бизнесмен и общественный деятель, основатель газеты «Daily Mail» 527

Хартингтон, Спесор (1833–1908), маркиз (с 1858 по 1891), позже герцог Девоншир (с 1891) 521

Хаскиссон, Уильям (1770–1830), английский политический деятель, член парламента 466

Хатчинсон, Люси (1620–1681), английский биограф, переводчик 289

Хемпден, Джон (1594–1643), политик, парламентарий, один из лидеров (с 1621) парламентской оппозиции накануне Английской революции XVII в. 305, 309, 311, 316, 318, 322, 326, 335

Хенгест (ум. 488), предводитель саксов, первый король Кента (449/455–488) 34, 41

Херевард, Уэйкс (ок. 1035 — ок. 1072), саксонский повстанец 76

Хикс, Уильям (1830–1883), английский генерал 510

Хилл, Абигайл (ок. 1670–1734), в замужестве миссис Мэшем, потом леди Мэшем 381

Хиндман, Генри Майерс (1842–1921), писатель и политик, основатель социал-демократической федерации 512

Хоби, леди (1571–1633), владелица библиотеки 278

Хогарт, Уильям (1697–1764), английский художник 402

Холдейн, Ричард Бердон (1856–1928), позже виконт, политик 533
Хорса (ум. 455), предводитель саксов, король Кента 34, 41
Хоукинс, Джон (1532–1595), адмирал 261–264
Худ, Сэмюэл (1724–1816), адмирал, виконт 429
Хью из Линкольна (1135–1200), богослов, святой 105
Хьюм, Дэвид (1711–1776), философ 406

Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н. э.), римский император 22–26
Цицерон (106–43 до н. э.), римский оратор и политический деятель 26, 206

Чаворт, Мэри (1786–1832), юношеская любовь поэта Байрона 405
Чедвик, Эдвин (1800–1890), английский общественный деятель 476
Чемберлен, Джозеф (1836–1914), британский фабрикант, политик 506, 512, 521–522, 525, 529, 531–532
Чемберлен, Невилл (1869–1940), государственный деятель Великобритании 548, 552–553
Чемберлен, Роджер (ум. ок. 1465), рыцарь 200
Ченселор, Ричард (ум. 1556), мореплаватель 261
Черчилль, Арабелла (1648–1730), сестра Джона Черчилля, герцога Мальборо, любовница Якова II 381
Черчилль, Джон (1650–1722), 1-й герцог Мальборо, английский военный и государственный деятель 381–383, 385–387
Черчилль, Сара Дженнингс (1660–1744), герцогиня Мальборо, фаворитка королевы Анны (1665–1714) 381
Черчилль, сэр Уинстон (1874–1965), британский государственный и политический деятель 533, 537, 553–554, 556–560
Черчилль, Уинстон (1620–1688), сквайр, отец Джона Черчилля, герцога Мальборо 362, 381
Честертон, Джилберт-Келт (1874–1936), английский христианский мыслитель, журналист и писатель 453, 471
Чосер, Джеффри (ок. 1340/1345–1400), поэт, автор «Кентерберийских рассказов» 137, 178–179, 203

Шалонский граф, титул существовал в 763–1273 149
Шарлотта Августа (1796–1817), принцесса Уэльская, единственная дочь Георга IV 470
Шатобриан, Франсуа Рене (1768–1848), писатель и политический деятель 462
Шекспир, Джон (ок. 1531–1601), отец Уильяма Шекспира 259
Шекспир, Уильям (1564–1616), актер, поэт и драматург 200, 206, 220, 257, 259, 266, 276, 278–282, 292, 339, 552
Шелберн, Уильям Петти (1737–1805), граф, позже 1-й маркиз Лансдаун 422–423
Шелли, Перси Биши (1792–1822), английский поэт-романтик 448, 453–454
Шепард, Джек (1702–1724), английский разбойник, грабитель и вор, живший и действовавший в Лондоне 404
Шеридан, Ричард Бринсли (1751–1816), комедиограф и общественный деятель 406, 427, 462
Шовелен, Франсуа-Бернар (1766–1832), французский политический деятель 428
Шоу, Бернард (1856–1950), английский писатель 513, 527
Шуазель, Этьен-Франсуа де (1719–1785), французский политический и военный деятель 412, 415, 422, 434

Эвелин, Джон (1620–1706), английский писатель 343, 354, 347
Эгберт (769/771–839), король Уэссекса 57–58, 69
Эгберт (ум. 766), ученик Беды Досточтенного, архиепископ 48
Эдвин, Святой (ок. 585–633), король Нортумбрии 45
Эдгар, Ателинг (ок. 1051–1126), единственный отпрыск Эгберта 69
Эдита-Матильда (ок. 1080–1118), жена Генриха I, происходила от Этельреда и Альфреда Великого 75, 95
Эдмунд Горбатый (1245–1296), второй сын Генриха III 138
Эдмунд Железнобокий (989–1016), король Англии из Уэссекской династии, сын Этельреда 61–62
Эдуард (1330–1376), принц Уэльский, прозванный Черным Принцем, старший сын Эдуарда III 196
Эдуард (1453–1471), принц Уэльский, сын Генриха VI 199
Эдуард Исповедник (1003–1066), второй сын Этельреда, король Англии 63, 65–68, 70, 78, 81, 84–85, 89, 95, 137, 147, 198
Эдуард I (1239–1307), сын Генриха III, король Англии 57, 139–141, 143, 147, 149–152, 155–161, 165, 219, 268, 339
Эдуард II (1284–1327), сын Эдуарда I, первый принц Уэльский, потом король Англии 160–162
Эдуард III (1312–1377), сын Эдуарда II и Изабеллы Французской, король Англии 161–164, 166, 168, 173, 175–176, 179, 182–184, 191, 196, 206, 211
Эдуард IV (1442–1483), король Англии 175, 199–200, 202, 208, 211, 246
Эдуард V (1470–1483), король Англии 200
Эдуард VI (1537–1553), король Англии, сын Генриха VIII и Джейн Сеймур 239–241, 244
Эдуард VII (1841–1910), король Англии 528–529, 535
Эдуард VIII (1894–1972), король Англии (после отречения от престола стал герцогом Виндзорским) 550–551
Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид (1890–1969), главнокомандующий англо-американскими войсками 558, 560
Элеонора Прованская (ок. 1223–1291), жена Генриха III 138
Элиот, Джон (1592–1632), английский государственный деятель 302, 304–305, 307
Элиот, Джордж (1819–1880), псевдоним писательницы Мэри Анн Эванс 526–527
Эллиот, Уолтер (1922–2008), адвокат, судья, первый президент Трибунала Земель для Шотландии и позже также председатель шотландского Суда Земли 548
Эмма Нормандская (ок. 982–1052), жена короля Кнута 61
Эммануил-Филиберт (1528–1580), герцог Савойский, сын Карла III и Беатрисы Португальской 272
Энгельс, Фридрих (1820–1895), мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма 485
Эразм Роттердамский (1469–1536), католический писатель, богослов, библеист, ученый-филолог 224–225, 227, 256
Эраст, Томас (1524–1583), немецкий богослов 316
Эрик (1533–1577), кронпринц, впоследствии король Швеции Эрик XIV 253
Эссекс — см. Кромвель, Томас Эстен, Анри д’
Эстре, Габриэль д’ (1573–1599), любовница Генриха Наваррского 227
Этельвульф (795/810–858), король Уэссекса (839–858), отец Альфреда Великого 57

Этельред II (ум. 912), король Мерсии 40
Этельред II (968–1016), король Англии 61, 63, 95
Эшли, Энтони (1621–1683), 1-й граф Шефтсбери, член «кабаля» 353, 356–357, 366
Эшли, Энтони (1801–1885), 7-й граф Шефтсбери 486

Юнг, Артур (1741–1820), английский писатель 440
Юнг, Джордж Мальком (1882–1959), автор *Early Victorian England* 499

Яков I (1566–1625), король Англии (с 1603); король Шотландии (с 1567) под именем Якова VI; сын Марии Стюарт 119, 189, 272–273, 276, 287–289, 291–299, 301, 306–308, 310, 352, 354–355, 358, 380, 387
Яков II (1633–1701), король Англии (1685–1688), брат короля Карла II 356, 358–363, 370, 373–375, 377–378, 380, 382–383, 385, 396
Яков III или Старый Претендент — Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт (1688–1766), сын Якова II и Марии Моденской; претендовал на корону Англии под именем Якова III и на корону Шотландии под именем Якова VIII 274, 386
Яков IV Стюарт (1473–1513), король Шотландии (1488–1513), был женат на Маргарите, дочери Генриха VII Тюдора 268, 273
Яков V Стюарт (1512–1542), король Шотландии (1513–1542), был женат на Марии де Гиз, их дочь — Мария Стюарт 268

Моруа А.

М80 История Англии / Андре Моруа ; пер. с фр. Л. Ефимова. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с. : ил.

ISBN 978-5-389-08731-6

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго, Шелли и Байрона, считается подлинным мастером психологической прозы. Однако значительную часть наследия писателя составляют исторические сочинения. В «Истории Англии», написанной в 1937 году и впервые переведенной на русский язык, Моруа с блеском удалось создать удивительно живой и эмоциональный портрет страны, на протяжении многих столетий, от неолита до наших дней, бережно хранившей и культивировавшей свои традиции и национальную гордость.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)

Литературно-художественное издание

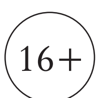
АНДРЕ МОРУА

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Выпускающий редактор Анна Щеникова-Архарова
Ответственный редактор Галина Соловьева
Редакторы Елена Гуреева-Преображенская, Надежда Грачева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Наталья Бобкова

Подписано в печать 05.11.2020.
Формат издания 70 × 100 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 38. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):



ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака КоЛибри®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/